

Игорь Ерохов

Маленькие исторические исследования и
прочие интересности

2022

Оглавление

Оглавление	2
Предисловие.....	9
Посты про картины	10
Владимир Маковский. Приезд учительницы в деревню: что на самом деле изображено на картине	11
Николай Касаткин. Кто?: что на самом деле изображено на картине	17
Репин. Не ждали: что на самом деле изображено на картине.....	23
Богданов–Бельский. Устный счет в народной школе — что на самом деле изображено на картине	28
Репин. Прием волостных старшин императором Александром III: что на самом деле изображено на картине	34
Прянишников. В ожидании шафера: что на самом деле изображено на картине	39
Репин. Крестный ход в Курской губернии: что на самом деле изображено на картине	46
Маковский. Болгарские мученицы: что на самом деле изображено на картине	52
Иванов. Смерть переселенца: что на самом деле изображено на картине.....	58
Маковский. Крах банка: что на самом деле изображено на картине	64
Мясоедов. Земство обедает: что на самом деле изображено на картине.....	70
Коровин. На миру: что на самом деле изображено на картине	77
Василий Максимов. Семейный раздел: что на самом деле изображено на картине	83

Савицкий. Ремонтные работы на железной дороге: что на самом деле изображено на картине.....	89
Савицкий. На войну: что на самом деле изображено на картине	95
Перов. Сельский крестный ход на Пасху: что на самом деле изображено на картине?	101
Живой мост	105
Иван Богданов. За расчетом: что на самом деле изображено на картине. Видимое и невидимое	112
Фирс Журавлев. Купеческие поминки: что на самом деле изображено на картине	121
Гелий Коржев. Поднимающий знамя: о чем эта картина	128
Исторические посты	134
Печальная история о том, как народ научился пить денатурат..	135
История опломбированных детей	139
Смерть Татьяны Золотовой.....	143
Крепостное право для чайников	155
Не совсем крепостное право для чайников.....	162
Освобождение крестьян как черный миф	169
Сколько стоит золотой рубль 1913 года на наши деньги?	178
Как закалялась сталь. Дрова: что на самом деле происходит в старинном романе	186
Православная церковь, революция, деньги и бедствия	192
Святой наизнанку: что творилось в голове у Иоанна Кронштадтского	203
Как была устроена винная монополия в царской России.....	210
Пей воду как гусь, ешь хлеб как свинья, а работай черт, да не я	216
Как выглядела похоронка в Первую мировую войну.....	220

Приключения цесаревича Зальмана	224
Как был устроен дореволюционный университет.....	237
Сто лет русской тюрьмы как нарастание неэффективности	246
1906 год: Епископ Мефодий и милость к падшим.....	249
Серийный убийца, которого в суматохе не заметили	252
Почему царизм угнетал евреев?.....	257
Крушение императорского поезда: почему чуть не погиб Александр III (1888 год).....	263
Странная судьба царевубийцы Ивана Емельянова	270
Как еврей Ямайкер довел дело до того, что в церковь нельзя прийти со своей свечкой.....	277
Чем лечили врачи сто лет назад.....	280
Секс с несовершеннолетними и законы царской России	287
Развод в царской России.....	292
Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 1	298
Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 2	302
Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 3	306
Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 4	310
Кровавое воскресенье: что было нужно рабочим	311
Самая странная отечественная школа: как и чему учили в Киево– Могилянской академии	321
Как компания Форд сотрудничала с нацистами: популярный миф и его разоблачение	328
Печальная история о том, как международный арбитраж присудил Россию к выплате огромной суммы	332
Паспорт и прописка в Российской империи.....	340
Как была устроена всеобщая воинская повинность в царской России	347

Призыв 1910 года в цифрах.....	353
Российская империя и США: как две страны осваивали новые территории.....	355
Российская империя и США: как две страны осваивали новые территории. Вода.....	361
Рекомендации. Михаил Зыгарь. Империя должна умереть.....	368
Занимательное изучение истории по случайным фотографиям.....	372
Занимательное изучение истории по случайным графикам.....	379
Москвичи и казаки: краткая история отношений.....	386
Зарплаты в старой России на примере петербургского трамвая.....	393
Российская империя, русификация и угнетение народов: контекст.....	400
Российская империя, русификация и угнетение народов: Украина.....	406
Кто и какие книги читал сто лет назад. Топ–20 русских книг 1913 года.....	413
Стеклянные глаза генерала Прима.....	420
Предыстория Ипполита Воробьянинова.....	428
Предыстория отца Федора Вострикова.....	433
Предыстория камергера Митрича.....	438
Как патриарх Тихон погубил Николая II: ученый миф.....	444
Голод.....	449
Приключения сушеной ступни.....	455
Измеряя глубину падения: политическая деградация России на временной шкале. Часть 1.....	460
Измеряя глубину падения: политическая деградация России на временной шкале. Часть 2.....	465

Измеряя глубину падения: политическая деградация России на временной шкале. Часть 3	470
Александр III и полковник–огнепоклонник	476
Бесхвостая лошадь вахмистра Аникеева	478
История гамбургского счёта.....	485
Миф о том, как большевики устроили разруху, и его опровержение. Часть 1. Царизм и Временное правительство.....	487
Миф о том, как большевики устроили разруху, и его опровержение. Часть 2. Первые полгода Советской власти	493
Черные кабинеты. Загадка и разгадка.....	499
Россия с интересом и сомнением смотрит на западные конституционные монархии.....	504
От чего гибнет народ и государство, или Ужасы онанизма	510
Почему в Российской империи никто не протестовал против новых церквей	513
Немного о коррупции в эпоху Николая II.....	517
Как в Москве эпохи Александра III сносили незаконно построенные торговые павильоны	519
Разные мелочи. Правительство спасает от пьянства горнорабочих	522
Когда настает время хоронить Неизвестного солдата?	523
Грюндерство в царской России. Как можно было заработать на создании акционерного общества.....	527
Флот эпохи Николая II: санитарный кризис	532
Флот эпохи Николая II: дисциплинарный кризис	535
Чем и как кормили американского и российского солдата в 1913 году.....	538
Обезьяны, бананы и холера: почему петербуржцы не пьют воду из–под крана.....	543

Без духовных скреп — I. Три стилия религиозности в старой России.....	548
Без духовных скреп — II. Религиозность в старой России: религиозные практики.....	553
Без духовных скреп — III. Старая Россия: столкновение разных подходов к религиозности	557
Когда наша страна была разной: царская Россия как экспериментальная площадка	563
Кого и как впускали в Российскую империю	571
Соблюдали ли люди посты в царской России?	576
Что не так с Марком Солониным	580
Красный террор в Крыму, факты и фольклор.....	584
Красный террор в Крыму: старый фольклор и новые исторические данные	590
Если бы караул не устал: что должно было постановить Учредительное собрание	592
Суровая жизнь: какие товары были нужны горнорабочему начала 20 века.....	600
Россия эпохи Николая II: православие в повседневной жизни. I	605
Россия эпохи Николая II: православие в повседневной жизни. II	611
Странная история нефтяной промышленности эпохи Николая II	616
С днем рождения! Очередной набор мифов о России эпохи Николая 2	623
Почему евреи не смогли стать рабочими?	635
Бизнес в царской России: успехи и препоны. Темпы экономического роста	639

Жилье железнодорожников: классовая структура старой России в примерах.....	643
Царская Россия: разумный суд против плохих законов	651
Почему не могла подняться экономика царской России: мало денег.....	661
Александр III, лукавые надписи и игры подсознания	666
Был ли толк в знаменитом плане ГОЭЛРО? Часть I.....	668
Был ли толк в знаменитом плане ГОЭЛРО? Часть II	674
Сколько книг издавали и читали в старину: царская Россия и США	683
Краткая история рабочего времени в СССР	691

Предисловие

Это сборник постов, написанных мной в разные годы на интереснейшем ресурсе d3.ru.

Писалось это всё долго, с 2013 по начало 2022 года. Потом сделалась война, и старый добрый d3 сдох.

На память всем, кто меня читал, я собрал свои старые посты в отдельную электронную книжку. Те, кто меня ранее не читал, должны меня извинить – текст содержит такие моменты и выражения, которые были понятны в ленте коллективного блога, но уже не имеют значения в книге. Иногда я отвечаю кому-то, кого уже не найти, или на что-то, что уже не прочитать, иногда даю ссылки, которые пропали за давностью времен и их бессмысленно восстанавливать. Иногда в тексте будут попадаться имена неведомых некоторым читателям лиц, также писавших на сайте d3, и т.п.

Надеюсь, что и при наличии этих ненужных примет ушедшей старины, потерявших всякую актуальность, мои тексты сохранили определенную интересность.

Книжка состоит из двух частей:

- серия постов с объяснением старинных картин;
- разные посты по истории.

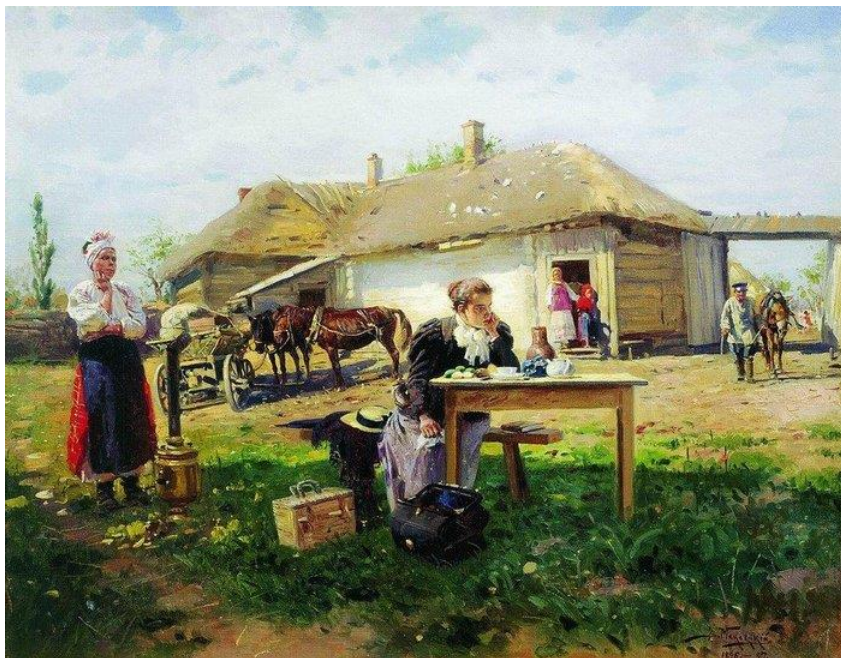
Когда-то мои посты сопровождались великолепными многочисленными комментариями разных умных людей, которые во многом были интереснее самих постов, но, конечно же, собрать и воспроизвести их здесь нет возможности, увы.

Если вас что-то заинтересовало, пишите мне по адресу **ierokhov@yandex.ru**

Игорь Ерохов

| Посты про картины

Владимир Маковский. Приезд учительницы в деревню: что на самом деле изображено на картине

Картина Владимира Маковского «Приезд учительницы в деревню» (1897) — типичная жанровая картина конца 19 века. Картина как-бы проста и понятна, но весь культурный контекст, связывавшийся у первоначального зрителя с изображенным, давно уже утерян. Мы видим, что изображено на картине, но не можем догадаться, что подразумевается помимо изображенного и что нам об этом думать. Попробуем разобраться.

На первый взгляд, картина оптимистична. Мы видим двор крестьянской усадьбы в Южной России (тополь, наряд бабы слева, характерная форма кровли). Во дворе за столом сидит только что приехавшая (телегу с ее вещами еще не успели разгрузить) учительница в типичном для «барышни» городском наряде.

Учительницу, по всей видимости, принимают хорошо — баба в ярком народном костюме уже растопила самовар, принесла фаянсовые чайник и чашку (для крестьян это парадные предметы), глиняную крынку с чем-то (молоко?), малопонятные фрукты или овощи. Какие-то личности, высунувшиеся из дома, с любопытством разглядывают учительницу; хмурый мужик куда-то ведет лошадь. Сияет летнее солнце. Но учительница, симпатичная и хорошо одетая молодая женщина, находится в оторопи, ничему не радуется, да и вообще выглядит так, как будто бы ее отправили на каторгу.

В общем, можно подумать, что капризная городская девица по глупости и вздорности не умеет радоваться травке, солнышку, свежей еде и прочим идиллическим прелестям деревенской жизни.

Что это всё значит на самом деле? Начнем со школы и положения сельских учителей. На 1897 год основным типом сельской школы была одноклассная школа с двух — или трехлетним) курсом. В половине случаев эта школа была земской (побольше зарплата, поменьше молитв), в половине — церковно-приходской (обратная ситуация). Одноклассной школа была в том смысле, что в ней была одна классная комната, и учитель одновременно занимался с детьми всех лет обучения. В школе учили чтению и письму, Закону Божию и чтению на церковно-славянском языке, арифметике; Закон Божий преподавал священник, а все остальные предметы — один учитель. Учителя получали приблизительно 240 рублей в год, как рабочий невысокой квалификации, меньше фельдшера в земской больничке, меньше волостного писаря. Но, кроме жалованья, учителям полагалось еще и бесплатное жилище (по умолчанию комната и кухня) с бесплатным отоплением.

В учителя брали равно мужчин и женщин, причем платили им одинаковое жалованье; это было весьма благородно для той эпохи, когда женщина обычно получала в два и более раза меньше мужчины за одинаковую работу (относится даже к учительницам гимназий). На момент написания картины женщин в профессии было чуть меньше половины. Сельские (их называли народными) учителя не являлись чиновниками, и для них закрыта всяческая

карьера — ближайший начальник, инспектор народных училищ, приходившийся в среднем на сто школ, был уже чиновником с высшим образованием.

Образовательный ценз для народных учителей был невысоким. Кто-то (больше мужчины) заканчивал специализированные учебные заведения — учительские семинарии, это 6-летнее образование с курсом ниже среднего. Кто-то (исключительно женщины) заканчивал гимназию и сдавал на звание учительницы простой дополнительный экзамен; с начала 20 века в гимназиях появлялись добавочные 8-е классы, доучивавшие девочек именно на звание учителя начальной школы. Брали, при условии сдачи особого экзамена, и выпускников разных других учебных заведений с 6-летним и более курсом. Даже выпускники двухклассной (то есть 5-летней) начальной школы могли быть принимаемы в учителя при нехватке более компетентных кандидатов.

Итак, народные учительницы происходили из самых разных слоев общества и имели различный образовательный статус. Что же тогда происходит на нашей картине? Почему именно эта учительница такая смурная?

Для начала, надо понять, что перед нами женщина, одетая по моде городского среднего класса: блузка сложного покроя, кружевное жабо, шляпка — это наряд «барышни». Учительница, выбравшаяся из крестьян, никогда не стала бы одеваться так замысловато. Мы видим, несомненно, бывшую гимназистку (или, как минимум, выпускницу епархиального училища).

Но какая сила могла занести гимназистку в деревню? И тут мы подбираемся к сути картины.

Молодым женщинам среднего и высшего класса в ту эпоху было очень сложно найти себе мужа. Дело в том, что по правилам стратифицированного общества мужчины могут жениться «по горизонтали» (то есть на равных) и «вниз» (то есть на невестах ниже себя по социальному статусу), а вот женщины могут выходить замуж только «по горизонтали» и «вверх». Поскольку общество устроено как пирамида, и каждый высший социальный слой имеет заметно меньше членов, чем примыкающий к нему

низший, то потенциальных невест «снизу» много, а потенциальных женихов «наверху» мало. А женихов «по горизонтали», среди равных, всегда оказывается меньше, чем невест — кто-то уже нашел себе невесту «снизу», а кто-то не особенно хочет жениться.

Напомним, что брак в том мире был для женщины решением всех жизненных проблем — он давал и социальный статус, и доход, и занятие (разумеется, занятие матери и домохозяйки), и доступ к сексу и деторождению. Для мужчины же брак давал всего лишь одну возможность — иметь законных наследников, все остальные опции были доступны в равной мере и женатым, и холостым; более того, доступ к сексу для мужчины после вступления в брак только ухудшался. Соответственно, мужчина нуждался в браке меньше, чем женщина. Как результат, брак во всех случаях, когда это было возможно, сопровождался доплатой со стороны женщины — приданым.

Но в эпоху 5% доходности многолетних накоплений и многодетности скопить на значимое (то есть дающее значительный для новой семьи постоянный доход) приданое для каждой из дочерей могла только очень и очень обеспеченная семья. Всем остальным приходилось как-то устраивать в жизни дочерей-бесприданниц. И тут на помощь приходила гимназия. Восьмилетнее обучение обходилось в 600–800 рублей (если девочка при этом жила дома), и вложиться в учебу было куда умнее, чем покупать на эти деньги белье или сервизы, которые все равно не произведут на жениха большого впечатления. Разумеется, гимназистка, при прочих равных, была много более привлекательной невестой, чем необразованная девица — она имела хорошо поставленную речь, читала книжки, могла написать письмо, умела поддержать беседу, даже знала немного по-французски.

Семьи из среднего, а иногда и из самых верхов низшего класса сдавали дочерей в гимназии вперебой. Министерство народного просвещения относилось к женским гимназиям безразлично — если местная инициатива имелась и был платежеспособный спрос, то почему бы и не открывать их там, где о том попросили. Спрос же имелся и непрерывно возрастал, и с 1890-х годов начался

быстрый рост числа женских гимназий. К 1913 году в число мальчиков и девочек, учащихся в средних учебных заведениях, сравнялось. Мужские гимназии выпускали будущих студентов, чиновников, старших служащих в больших фирмах — а женские тем временем выпускали будущих невест.

Но, увы, по описанным выше причинам женихов все равно не доставало. Чем больше становилось невест-гимназисток, тем меньшее преимущество давала гимназия на брачном рынке. Грубо говоря, на четырех выпускниц гимназии приходились максимум три доступных для брака выпускника гимназии. Кто-то нашел себе необразованную, но имевшую приданое купеческую дочку, кто-то поступил в студенты или в офицеры (первым не разрешалось жениться вовсе, вторым до 29 лет), кто-то предпочел остаться холостяком. Век невесты-бесприданницы был недолог — 23-24 года, и ты вылетаешь с брачного рынка.

И вот тогда семье приходилось решать, что делать с дочкой, вероятность выйти замуж для которой стремительно уменьшается с каждым днем. Разумеется, те, кто мог себе позволить содержать незамужнюю дочь до конца дней в семье, так и поступали. Но многие и так отдавали дочерей в гимназии на последние деньги. Как пристроить в жизни неудачливую девушку? Увы, работы в городе для женщины со средним образованием было мало. Секретарш и машинисток в 1897 году еще не было. Продавщицы были великой редкостью, а платили им копейки. Разумеется, гимназистки могли стать домашними учительницами и гувернантками, но и этих завидных мест резко не хватало. Пойти и заняться простым физическим трудом человек со средним образованием в ту эпоху не мог — это было такое падение, что уж лучше сразу перейти к проституции. Последней опцией для тех, кто не смог найти ничего лучшего, и была должность сельской народной учительницы. То, что мы видим на картине — это итог крушения всех жизненных планов и надежд молодой женщины, чем и объясняется ее унылый внешний вид.

Сельское учительство оказывалось для женщины жизненным тупиком, выбраться из которого было очень и очень сложно. Денег платили ровно столько, что на деревенский вкус можно жить припеваючи, а вот накопить на то, чтобы выбраться из деревни,

никогда не удавалось. Связь с городской культурой с годами терялась, и учительницы постепенно дичали — выписать ежедневную газету, толстый журнал, и купить за год 5–6 книжек стоило 40–50 рублей, то есть было для них уже малодоступным. Круг общения сужался до земского доктора, фельдшера и волостного писаря — учительница не могла общаться с «низшими» крестьянами (а помещики, по той же причине, не могли общаться с учительницей), что сводило шансы на замужество к нулю. И наконец, бытовые и гигиенические условия деревенской жизни для всякого выходца из среднего класса, у которого не было дома барского типа и прислуги, казались ужасными. Огромные сложности с мытьем, необходимость прилюдно справлять нужду на огороде (а вы думали, что у крестьян тогда были туалеты?) — все это ежедневно напоминало бедной учительнице, что ее жизнь по существу является каторгой.

Итак, наша картина совсем не про идиллию деревенской жизни, которую не умеет оценить вчерашняя горожанка. Сюжет ее куда более суровый. Полотно рассказывает нам о мире жестких гендерных отношений, в котором девушка, не сумевшая найти себе к 25 годам мужа, должна была убираться на обочину жизни.

Николай Касаткин. Кто?: что на самом деле изображено на картине

Картина Николая Касаткина «Кто?» (1897 год) — еще одна типичная передвижническая картина, прямой сюжет которой прост и понятен, а весь широкий социальный контекст, в котором этот сюжет изобразил художник, давно унесен рекой времен и для современного зрителя загадочен.

На картине происходит очевидное — солдат возвращается из армии (срок службы с 1888 года был пятилетним) и обнаруживает, что у жены есть ребенок, которому заведомо меньше четырех лет. Учинив в комнате небольшой разгром, бывший солдат пытается выяснить у отмалчивающейся жены, как так вышло.

Более внимательный глаз может заметить, что солдат глуповат — он явился домой в шпорах. Разумеется, шпоры надеваются лишь тогда, когда собираешься ехать верхом. Во всех остальных случаях они нелепы, а на улице еще и опасны для окружающих. Но зато всем видно, что ты кавалерист.

Вторая неочевидная деталь заключается в том, что перед нами скорее горожане, чем крестьяне. Жилище художник изобразил невнимательно, не вдаваясь в подробности; нельзя даже понять, каменный дом или деревянный. Но всё же перегородки не до потолка намекают на то, что на картине изображена так называемая *каморочно-клетушечная* квартира, обычное жилье городской бедноты. Это обычная крупная городская квартира, чаще всего на верхних этажах или в полуподвале, на задних дворах, большие комнаты которой разделены на мелкие клетушки, не все из которых имеют окна. Перегородки не доходят до потолка, так как иначе клетушке не досталось бы ни отопления, ни вентиляции. Жилище бедное, грязное, обставленное случайной мебелью. Всё выдает нужду.

Вид женщины типичен для совсем простой горожанки. Прислуга, немногочисленные продавщицы, и даже проститутки имеют более барский вид — носят платья с корсажем, ходят дома без платка и зачесывают волосы наверх (что генерально называется «высокая прическа»), пускай всё это у них и выглядит попроще, чем у настоящей барыни. Перед нами, видимо, низкооплачиваемая работница в выходном костюме.

Теперь перейдем к более сложным вещам. Почему художник решил написать эту картину именно в 1897 году? Тут есть четкий, однозначный ответ. В марте 1897 года Государственный Совет постановил предложить Министру юстиции войти в обсуждение вопроса о том, какие права надо предоставить незаконнорожденным детям и внести предложения на законодательное рассмотрение. В Минюсте была создана редакционная комиссия, которая постановила рассмотреть этот вопрос отдельно от общего проекта нового Гражданского уложения, составить особые правила о незаконнорожденных детях, и передать их в Госсовет в 1898 году, что и было сделано. Все эти события волновали общество и обсуждались в прессе, тема

стала заметной, и художник решил внести свой вклад в полезное дело улучшения положения незаконнорожденных, написав эту картину. Заметим, что в 1898 году законодатели как-то затупили, и Правила (в форме изменений соответствующих статей Законов гражданских) были приняты лишь в 1902 году. Слава богу, что их вообще приняли, хороший проект Гражданского уложения бюрократы (из общего страха перед переменами) так и убоялись утвердить, так что страна дожила до революции с безобразно устаревшими и бестолковыми Законами гражданскими.

В чем была суть проектируемых мер, интересовавших тогдашнее общество? По Законам гражданским, внебрачные дети по умолчанию не имели отца, даже если тот заявлял о своем родительстве. Они получали отчество и фамилию по имени восприемника при крещении, родительские права имела только мать, дети не наследовали сословия родителей и автоматически записывались в податное сословие (крестьяне либо мещане). Внебрачные дети не имели права на получение наследства ни от кого, даже от матери. Но основная проблема заключалась в том, что гражданские законы не предусматривали взыскание с отцов внебрачных детей средств на их содержание. Такая норма содержалась в Уложении о наказаниях (это уголовный кодекс), но только в отношении лиц, приживших детей от незамужних. Заметим, что стандарты доказывания в уголовном процессе более серьезны, чем в гражданском, и, главное, мать должна была убедить прокуратуру заняться этим делом (абсолютно для прокуратуры неинтересным), в то время как в гражданском суде она могла бы поддерживать иск сама. При этом требовать алименты с тех, от кого родили ребенка замужние женщины, по закону было невозможно — а между тем, обманутые мужья имели законное право отказаться от таких детей.

Усыновление внебрачных детей было чрезвычайно затруднено, даже если их родители затем поженились. В принципе, закон имел целью таким образом сделать невозможной продажу через фиктивное усыновление дворянского звания; да вот только дворян было менее 2% от населения, а отдуваться за них приходилось всему народу.

Всё это, по мнению законодателей той эпохи, подлежало реформе. Закон 1902 года переименовал незаконнорожденных детей во внебрачных и дал право их матерям требовать от отцов средства на их содержание в исковом порядке. Поскольку *природа скрывает от человечества тайну отцовства* (про ДНК еще не знали) необходимым доказательством, требовавшимся от матерей, был секс с ответчиком в период, соответствующий зачатию ребенка. Это доказательство не было достаточным, суд оценивал его контекстуально. Слава богу, гражданский суд не усвоил позицию суда духовного (занимавшегося разводами) и не считал, что секс доказан лишь в том случае, если несколько свидетелей наблюдали один и тот же половой акт, видя при этом его физиологические подробности. Ответчик, со своей стороны, мог доказать, что в тот же период у матери был секс с кем-либо еще, что сразу делало вопрос об отцовстве неразрешимым. Кроме введения алиментов, новый закон облегчил усыновление внебрачных детей, дал им право наследовать матерям и носить их фамилии. Если родители ребенка вступали в брак, отец получал право его узаконить. В общем, закон был не идеален, но являлся движением в сторону социального прогресса.

Но до принятия закона оставалось еще пять лет. А что мог делать наш солдат прямо сейчас, в 1897 году? Немногое. Представим, что солдат решил бы отказаться от ребенка, развестись с женой и завести затем новую семью.

Он легко мог бы добиться отмены родительских прав, возникших при внесении его имени по заявлению матери в метрическое свидетельство. Ему следовало предоставить мировому судье доказательство того, что в период зачатия ребенка он отсутствовал в данном населенном пункте. В принципе, справки из полка о том, что он не получал длительных отпусков, было достаточно. Такое дело обошлось бы ему недорого, в 20–30 рублей (2–3 дня работы адвоката и месячный доход простого горожанина). Далее наш герой мог бы попробовать развестись с неверной женой. Вот тут бы его ждала неудача. В теории, решение гражданского суда обладало преюдицией для суда консистории (церковного), который единственный имел право расторгать браки. На деле же в стране в год происходило несколько сот

разводов, и каждый из них сопровождался взяткой как минимум в 2–3 тысячи рублей — а это уже заработок бедолаги за 5–10 лет. Консistorские мошенники никогда бы в жизни не развели незадачливого воина бесплатно.

В общем, с новой женой у солдата бы ничего не вышло. Отказ же от ребенка при продолжении брака мало что бы значил для мужчины. Относиться к ребенку плохо ему и так никто не мешает, а едят в доме все из одного котла и живут от одного кошелька — который, кстати, в простонародной семье всегда находится у жены. Наш совет для солдата — забыть старые обиды и воспитывать ребенка как собственного.

Заметим, что солдату была доступна эксклюзивная опция — он мог невероятно нагадить жене, отобрав у нее паспорт. Большинство горожан было, по формальному сословному учету, крестьянами. В городах они проживали по паспортам, являвшимися, по существу, разрешениями на проживание вне места сословной приписки (не путать с пропиской). Замужние женщины могли получать отдельный от мужа паспорт лишь по разрешению мужа. В принципе, наш солдат может обратиться в волостное правление с запросом на аннуляцию паспорта жены, правление известит полицию по месту фактического проживания женщины, и полиция вышлет ее в деревню по этапу. Такие угрозы были не пустыми — в начале 20 века около 80 тыс. женщин ежегодно подавали прошение о выдаче отдельного паспорта в Канцелярию по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых (законного способа получить паспорт у них не было, надо было надеяться на пути монаршего милосердия). Если же жена была мещанкой, этот номер у солдата не прошел бы.

Какие возможности были в такой ситуации у женщины? По существу дела, никакие. Развод с мужем, как указывалось выше, был для нее де-факто недоступен; а если бы он и состоялся, она бы не получила права на вступление в новый брак. Единственное, на что ей оставалось надеяться, это на то, что муж как-то смягчится и не станет отказываться от ребенка. Заметим, что злосчастная женщина как-то содержала себя, пока муж был в армии; солдат получал 50 копеек в месяц и сам ждал денег от семьи. Следовательно, она может надеяться на то, что сможет

прокормить себя и дальше, если муж больше не захочет с ней жить. Перспективы на неформальный новый брак у нее небольшие — кому нужна такая жена, дети от которой будут автоматически записаны на постороннего мужчину (формального мужа), который по этому поводу придумает какое-нибудь вымогательство.

В общем, все сильно попали и выхода нет. Так был устроен мир, к восстановлению которого сегодня призывают православные.

И наконец, кто? Да какая разница... На дальнейшее развитие событий это уже не повлияет.

Репин. Не ждали: что на самом деле изображено на картине

Картина Ильи Репина «Не ждали» общеизвестна. В комнату входит обтрепанный человек, не ожидаемый находящимися в ней членами его семьи. Это народоволец, вернувшийся с сибирской каторги. Мать, жена и двое детей страдальца выражают эмоции, составляя живописную группу. Женщины в черном — кто-то помер, пока бедолага сидел в тюрьме (его отец?).

Постойте! А почему «не ждали»? Они что, забыли, когда у бедолаги заканчивается срок заключения? Ну ладно, его выпустили как-то внезапно, но почему он тогда не послал

домашним телеграмму? Как и почему у художника возвращение домой из заключения, событие по умолчанию плановое, оказалось связанным с неожиданностью? Попробуем разобраться.

Для начала надо объяснить, в чем вообще заключались существующие на тот момент уголовно-исправительные наказания. Суды могли приговорить осужденных к различным видам лишения свободы: аресту (от 1 дня до 3 месяцев), заключению в смирительном доме (от 2 месяцев до 2 лет), заключению в крепости (от 1 до 16 месяцев), тюремному заключению (от 2 до 16 месяцев), работам в исправительных арестантских ротах (от 1 года до 4 лет), каторжным работам (от 4 лет до бессрочных), ссылке на поселение (бессрочная) и ссылке на житье (бессрочная, могла сопровождаться заключением от 1 до 4 лет). Кроме того, существовала и административная ссылка (до 5 лет) — наказание, накладываемое во внесудебном порядке.

Очень маловероятно, что персонаж картины был сослан на поселение или на житье в Сибирь или же находился в административной ссылке. Объяснение тут простое: он очень плохо одет. Ссылные и поселенцы жили в собственном или наемном жилище, своими трудами и на свой счет, они свободно располагали деньгами и могли получать денежные переводы. Заключенные в крепости (на самом деле, это была не крепость, а отделение в тюрьме) также сидели в собственной одежде. Трудно предположить, что семья, снимающая на лето загородный дом, имеющая прислугу, играющая на рояле и т.д., не отсылала бы репрессированному деньги, позволяющие ему одеваться поприличнее.

Следовательно, персонаж картины находился в заключении. Заключенные были одеты в стандартную тюремную одежду, а при освобождении им выдавали то, в чем их арестовали (относится только к тюрьме в городе ареста, в другие города одежду не посылали), покупали им одежду на их счет, а если у отпускаемого не было ни денег, ни одежды — Попечительный о тюрьмах комитет покупал им одежду на пожертвованные суммы. Надо думать, что это была бывшая в употреблении одежда простых горожан, купленная у старьевщика — ровно то, во что одет герой картины.

Почему же тогда более или менее обеспеченная семья не посылала заключенному деньги? Ответ прост: в тюрьме не было ларька, где бы продавали еду, количество вещей, которые разрешалось держать заключенному, было ограниченным (чашка, расческа, ложка и т.д.), так что деньги невозможно было потратить. Они просто бесполезно лежали бы на хранении у начальника тюрьмы. Конечно, к освобождению заключенным подсылали деньги, чтобы они добрались на них до дома — но нашего персонажа почему-то выпустили внезапно.

Итак, герой картины то ли сидел в исправительной тюрьме не в своей губернии — исправительных тюрем было меньше, чем губернских, то ли находился на каторге в Сибири. Что правдоподобней — мы разберемся дальше.

Как так вышло, что заключенного выпустили внезапно? Ответ возможен только один: помилование. Условно-досрочного освобождения до 1909 года не существовало, а дела в апелляционной и кассационной инстанции велись с участием адвокатов, и решение оглашали в их присутствии (решение апелляционной инстанции еще обязательно и самому осужденному). И только Высочайшее помилование (а оно иногда давалось и без прошения от осужденного) могло поступить непосредственно администрации места заключения без оповещения о нем адвокатов и заключенного.

Почему же освобожденный не послал телеграмму домашним? Мы видим, что действие картины происходит в загородном доме. Почтовых отделений вне уездных городов в ту эпоху было еще очень мало. Доставка писем и телеграмм на дом (даже в крупных городах) не входила в основной тариф почтовых услуг, письма (вне столиц) на дом не доставляли вообще (если только получатель не заключал особый договор), а за доставку телеграмм нарочным взимали отдельную плату — около 10 копеек за версту (то есть 1 современный доллар за км). Если предположить, что загородный дом находится в 50 км от уездного города, то телеграмма обошлась бы в 5–6 рублей, которых у заключенного, судя по его оборванному виду, просто не было. Вот так и образовалось неожиданное появление.

Но если у него нет денег, как он доехал из Сибири? Казна не возмещала дорожные расходы вышедшим из тюрьмы заключенным. Если у тебя были деньги, а начальник тюрьмы считал тебя достаточно смиренным, ты мог ехать домой за свой счет. Если нет — тебя бесплатно отсылали домой этапом, то есть с той же конвойной командой, которая привозила в тюрьму новых заключенных. Пешком (железной дороги в Сибири еще не было), с ночевкой в этапных избах, а уже от Урала в тюремном вагоне, но не под конвоем, а вместе с конвоем.

Если наш бедолага приехал из Сибири сам, он в любом случае потратил на это 50–70 рублей. Тогда уж ему было бы лучше отправить домашним дорогую телеграмму, дожидаться на месте, пока ему пришлют телеграфом же деньги (это бы заняло бы 3–4 дня), после чего ехать домой с большим комфортом, а не в отрепьях. Таким образом, герой картины либо добирался из Сибири с этапом лишь потому, что никто не одолжил ему 5 рублей на телеграмму (менее вероятно), либо он сидел в исправительном отделении тюрьмы в Европейской России, и после освобождения ему было легче добраться домой побыстрее как есть, чем ожидать высылки денег (более вероятно).

Теперь перейдем к самому интересному. Что он натворил? Для начала надо сказать, что картина не дает на это никаких намеков. Может быть, это менеджер среднего звена, посаженный в тюрьму за растрату. Зрителю следовало догадываться самому. Зритель 1880–х годов догадывался единодушно — это «политик», то есть для той эпохи — народоволец.

Если герой картины попал в заключение за политику, в любом случае он не был серьезным заговорщиком. Люди, действительно участвовавшие в группах, совершавших террористические покушения и собиравшиеся убить царя, не получали в 1883 году (год создания картины) помилований. Все они досидели либо до амнистии 1896 года (коронация Николая II), либо до амнистии 1906 года (открытие Государственной Думы), а кое-кого не выпустили и вовсе. Если государство кого-то и отпускало в 1883–м (а в этот момент царизм еще крепко боялся народовольцев), то только случайно попавших под раздачу, мелкую сошку — пойманных за

относительно безобидными политическими разговорами или с нелегальной литературой.

Что именно надо было сделать, чтобы попасть в исправительные арестантские роты? Самая подходящая статья Уложения о наказаниях, 318-я — *соучастники противозаконных обществ, не бывшие в числе их основателей, начальников и главных руководителей* — предусматривала весьма широкий диапазон наказаний, от 8 месяцев тюрьмы до 8 лет каторги. Именно под эту статью подпадало множество несчастных, случайно и однократно забредших на собрание, которое следователи затем сочли народовольческим кружком. Жесткость решений суда изменялась, следуя за политической ситуацией. На заре народовольческого движения за присутствие на чтении какой-то революционной декларации можно было получить 4 года арестантских рот. После того, как убили царя, это стало казаться уже мелочами, и самым безобидным из таких осужденных могли начать смягчать наказания, прощая неотбытую часть заключения. За «литературу» попасть в исправительное отделение было нельзя — распространители получали от 6 до 8 лет каторги, писатели — от 8 до 16 месяцев крепости, читатели — от 7 дней до 3 месяцев ареста.

Итак, картина допускает широкий диапазон интерпретаций. Но, во всяком случае, на ней изображен не закоренелый революционер и мужественный борец. Скорее перед нами — человек, случайно или в малой степени прикоснувшийся к народовольческому движению, приговоренный за это к среднесрочному (1–4 года) заключению и помилованный царем до истечения срока. Причем помилованный не от того, что царь добрый, а от того, что стало понятно, что он не очень-то и виноват.

Богданов–Бельский. Устный счет в народной школе — что на самом деле изображено на картине

Многие видели картину «Устный счет в народной школе». Конец 19 века, народная школа, доска, интеллигентный учитель, бедно одетые дети, 9–10 лет, с энтузиазмом пытаются решить в уме задачу, написанную на доске. Первый решивший сообщает ответ учителю на ухо, шепотом, чтобы другие не потеряли интерес.

Теперь посмотрим на задачу: $(10 \text{ в квадрате} + 11 \text{ в квадрате} + 12 \text{ в квадрате} + 13 \text{ в квадрате} + 14 \text{ в квадрате}) / 365 = ???$

Черт! Черт! Черт! Наши дети в возрасте 9 лет не решат такую задачу, уж во всяком случае в уме! Почему чумазых и босоногих деревенских детей в деревянной школе из одной комнаты учили так хорошо, а наших детей учат так плохо?!

Не спешите возмущаться. Приглядитесь к картине. Вам не кажется, что учитель выглядит слишком интеллигентно, как-то по-профессорски, и одет с явной претензией? Почему в школьном классе такой высокий потолок и дорогущая печь с белыми кафельными изразцами? Неужели так выглядели деревенские школы и учителя в них?

Разумеется, выглядели они не так. Картина называется «Устный счет в народной школе С.А.Рачинского». Сергей Рачинский — профессор ботаники Московского университета, человек с определенными правительственными связями (например, приятель обер-прокурора Синода Победоносцева), помещик — в середине жизни бросил все дела, уехал в свое имение (Татево в Смоленской губернии) и завел там (разумеется, за свой счет) экспериментальную народную школу.

Школа была одноклассной, что отнюдь не значило, что в ней учат один год. В такой школе учили тогда 3–4 года (а в двухклассных школах — 4–5 лет, в трехклассных — 6 лет). Слово *одноклассный* означало то, что дети трех лет обучения составляют единый класс, и один учитель занимается с ними со всеми в пределах одного урока. Это было достаточно хитрое дело: пока дети одного года обучения делали какое-нибудь письменное упражнение, дети второго года отвечали у доски, дети третьего года читали учебник и т.п., и учитель попеременно уделял внимание каждой группе.

Педагогическая теория Рачинского была весьма оригинальной, и разные ее части как-то плохо сходились друг с другом. Во-первых, основой образования для народа Рачинский считал обучение церковно-славянскому языку и Закон Божий, причем не столько объяснительный, сколько состоящий в заучивании молитв. Рачинский твердо верил, что знающий наизусть определенное количество молитв ребенок непременно вырастет высоконравственным человеком, причем сами звуки

церковно–славянского языка уже окажут улучшающее нравственность воздействие. Для практики в языке Рачинский рекомендовал детям наниматься читать Псалтирь над покойниками (sic!).

Во–вторых, Рачинский считал, что крестьянам полезно и нужно быстро считать в уме. Преподаванием математической теории Рачинский интересовался мало, а вот устный счет в своей школе он поставил очень хорошо. Ученики твердо и быстро отвечали, сколько сдачи с рубля надо дать тому, кто покупает $6\frac{3}{4}$ фунта моркови по $8\frac{1}{2}$ копейки за фунт. Возведение в квадрат, изображенное на картине, было самой сложной математической операцией, изучавшейся в его школе.

И наконец, Рачинский был сторонником очень практичного преподавания русского языка — от учеников не требовалось ни особенных навыков правописания, ни хорошего почерка, теоретической грамматике их вообще не учили. Главное было научиться бегло читать и писать, пусть корявым почерком и не слишком грамотно, но понятно, то, что может пригодиться крестьянину в быту: простые письма, прошения и пр. Еще в школе Рачинского преподавался кой–какой ручной труд, дети пели хором, и на этом всё образование и заканчивалось.

Рачинский был настоящим энтузиастом. Школа стала всей его жизнью. Дети у Рачинского жили в общежитии и были организованы в коммуну: они выполняли все работы по хозяйственному обслуживанию самих себя и школы. Рачинский, не имевший семьи, проводил с детьми всё время с раннего утра до позднего вечера, а так как он был очень добрый, благородный и искренне привязанный к детям человек, его влияние на учеников было огромным. Кстати, первому решившему задачу ребенку Рачинский выдавал пряник (в буквальном смысле слова, кнута же у него не было).

Сами школьные занятия занимали 5–6 месяцев в году, а в остальное время Рачинский индивидуально занимался с детьми постарше, готовя их к поступлению в различные учебные заведения следующей ступени; начальная народная школа не была прямо связана с другими учебными заведениями и после нее нельзя было продолжить обучение без добавочной подготовки.

Рачинский желал видеть наиболее продвинутых из своих учеников учителями начальной школы и священниками, так что готовил он детей преимущественно в духовные и учительские семинарии. Бывали и значительные исключения — прежде всего, это сам автор картины, Николай Богданов-Бельский, которому Рачинский помог попасть в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Но, как ни странно, вести крестьянских детей по магистральному пути образованного человека — гимназия / университет / государственная служба — Рачинский не желал.

Рачинский писал популярные педагогические статьи и продолжал пользоваться определенным влиянием в столичных интеллектуальных кругах. Наиболее важным оказалось знакомство с ультраправительственным Победоносцевым. Под определенным влиянием идей Рачинского духовное ведомство решило, что от земской школы толку не будет — либералы детей хорошему не научат — и в середине 1890-х начало развивать собственную независимую сеть церковно-приходских школ.

Кое в чем церковно-приходские школы были похоже на школу Рачинского — в них было много церковно-славянского языка и молитв, а остальные предметы были соответственно сокращены. Но, увы, им не передались достоинства Татевской школы. Священники школьным делом интересовались мало, управляли школами из-под палки, сами в этих школах не преподавали, а учителей наняли самых третьесортных, и платили им заметно меньше, чем в земских школах. Крестьяне церковно-приходскую школу невзлюбили, так как поняли, что полезному там почти не учат, молитвы же их интересовали мало. Кстати, именно учителя церковной школы, набранные из парий духовного сословия, оказались одной из самых революционизированных профессиональных групп того времени, и именно через них в деревню активно проникала социалистическая пропаганда.

Теперь мы видим, что это обычное дело — любая авторская педагогика, рассчитанная на глубокую вовлеченность и энтузиазм учителя, немедленно дохнет при массовом воспроизведении, попадая в руки незаинтересованных и вялых людей. Но для того времени это был большой облом. Церковно-приходские школы, к 1900 году составлявшие около трети начальных народных школ,

оказались немилы всем. Когда, начиная с 1907 года, государство стало направлять в начальное образование большие деньги, не было и речи о том, чтобы провести через Думу субсидии церковным школам, почти все средства ушли земцам.

Более распространенная земская школа достаточно сильно отличалась от школы Рачинского. Для начала, земцы считали Закон Божий совершенно бесполезным. Отказаться от его преподавания было нельзя, по политическим причинам, поэтому земства как могли задвинули его в угол. Закону Божьему учил приходской священник, которому платили мало и не обращали на него внимания, с соответствующими результатами.

Математике в земской школе учили хуже, чем у Рачинского, и в меньшем объеме. Курс оканчивался на операциях с простыми дробями и неметрической системе мер. До возведения в степень обучение не доходило, так что ученики обыкновенной начальной школы просто не поняли бы задачу, изображенную на картине.

Обучение русскому языку земская школа пыталась превратить в мироведение, через так называемое объяснительное чтение. Методика состояла в том, что диктуя учебный текст по русскому языку, учитель также и дополнительно пояснял школьникам, о чем говорится в самом тексте. Таким паллиативным образом уроки русского языка превращались также в географию, природоведение, историю — то есть во все те развивающие предметы, которым не нашлось места в коротком курсе одноклассной школы.

Итак, наша картина изображает не типичную, а уникальную школу. Это памятник Сергею Рачинскому, уникальной личности и педагогу, последнему представителю той когорты консерваторов и патриотов, к которой еще нельзя было отнести известное выражение «патриотизм — последнее прибежище негодяя». Массовая народная школа была в хозяйственном отношении обустроена значительно беднее, курс математики в ней был короче и проще, а преподавание слабее. И, конечно же, ученики обыкновенной начальной школы не могли не только решить, но и понять задачу, воспроизведенную на картине.

Кстати, а каким методом школьники решают задачу на доске? Только прямым, в лоб: умножить 10 на 10, запомнить результат, умножить 11 на 11, сложить оба результата, и так далее. Рачинский считал, что у крестьянина не бывает под рукой письменных принадлежностей, поэтому он учил только устным приемам счета, опуская вся арифметические и алгебраические преобразования, требующие вычисления на бумаге.

P.S. Почему-то на картине изображены одни мальчики, в то время как по всем материалам видно, что у Рачинского учились дети обоего пола. Что это значит, я не смог разобраться.

Репин. Прием волостных старшин императором Александром III: что на самом деле изображено на картине

Картина Репина «Прием волостных старшин Александром III» не представляет загадки, так как ее содержание точно соответствует названию. На картине изображен Александр III, стоящий во дворе Петровского дворца в Москве и обращающийся с какой-то речью к окружившим его со всех сторон волостным старшинам. За императором видна его семья: Мария Федоровна, два старших сына, Николай и Георгий, и старшая дочь Ксения. Старшины имеют оторопевший вид, стоят нестройно, но смирно. Император, напротив, держится непринужденно. На груди у старшин латунные должностные знаки, среди стоящих спиной есть старшина из туземцев Туркестана (в халате и тубетейке); старшины в мундирах с золотыми воротниками — это гминные войты из Польши (гмина — польский аналог волости, но всесловный), где на эти должности чаще всего выбирали дворян.

В чем смысл происходящего? Кто такие волостные старшины, зачем с ними встречается царь, и что царь имеет им сообщить?

Зачем это событие, не вполне привлекательное с художественной точки зрения, увековечено выдающимся живописцем?

Начнем со старшин. Крестьяне в послереформенную эпоху были объединены в хозяйственные группы, *сельские общества*, приблизительно соответствовавшие селению, и более крупные административные группы, *волости*. В империи было чуть более 18 тыс. волостей, то есть с средней волости было 5–8 тысяч жителей. Сельское общество было земельной общиной, коллективным владельцем наделной земли, имевшим право переделывать ее между своими членами. Волость, напротив не имела никакого отношения к сельскому хозяйству и землевладению, и занималась исключительно административными делами — сбором налогов, ведением паспортного и кадастрового учета, судом по мелким проступкам и сбором статистики. Волость возглавлял выборный волостной старшина. По существу, старшина был не столько предводителем крестьян, сколько клерком, нанятым крестьянами для несения тех административных обязанностей, которые на волость возложило государство (не имевшее на волостном уровне чиновников). У старшины был офис — изба волостного правления — и писарь; получал он на тот период 400–600 рублей в год, в старшины обычно выбирали деловых, толковых и грамотных людей.

По какому поводу Александру III вздумалось встречаться со старшинами? Этим поводом была его коронация, происходившая в Москве в мае 1883 года (императоры обычно короновались через полтора–два года после вступления на престол). Коронация была не одномоментным событием, а занимавшей две недели серией мероприятий — кроме самой коронации, в программе были торжественные процессии, приемы, балы, официальные обеды, народные праздники и т.п. На коронацию, по традиции, восходящей к концу 18 столетия, вызывались и волостные старшины, по одному от каждого уезда — в 1883 году их было 619, то есть на праздник попал каждый 30–й старшина. Проезд и содержание старшин принимались на счет казны, и на Немецкой (Бауманской) улице для них было устроено особая казарма в помещении заброшенной фабрики.

Коронация имела место 15 мая, и в Успенский собор, где царь возлагал на себя корону, были приглашены 12 старших по сроку службы волостных старшин. На следующий день происходил большой прием в Кремлевском дворце. По ходу приема, императору представлялись и все старшины. Из подводили к Александру III группами, по губерниям, и каждая группа подносила подарок — либо хлеб–соль на серебряном блюде, либо икону.

21 мая на Ходынском поле был устроен народный праздник, привлекший не менее 50 тыс. человек. Праздник был устроен оригинально — все балаганы, качели, карусели (то, что мы сегодня бы назвали аттракционами) размещались по огромному полукругу, в центре которого возвышался похожий на башню императорской павильон (виден на заднем плане, над головой царя). Не участвуя в празднике, царь наблюдал его с высоты; заметим, что не смешивалась с народом и состоятельная публика — она наблюдала народное веселье с особых трибун, билеты на которые стоили от 1 до 10 рублей.

Предполагалась, что солидным старшинам не особенно интересны качели–карусели, поэтому, одновременно с народным праздником, для них перед Петровским дворцом был устроен парадный обед в трех огромных шатрах. Меню обеда было приурочено к простонародному вкусу: борщ, кулебяка, фаршированный судак, телятина с овощами, жаркое разное, огурцы, левашники. По окончании обеда старшин построили во дворе Петровского дворца, и к ним вышел царь. Обойдя ряды старшин, царь неожиданно нарушил церемониал и перешел к экспромту. Александр III попросил старшин стать вокруг него поближе, и произнес краткую незапланированную речь. Вот что сказал царь:

Я очень рад еще раз видеть вас. Душевно благодарю вас за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так сердечно отнеслась вся Россия. Когда вы разведетесь по домам, передайте всем мое сердечное спасибо, следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным, нелепым слухам и толкам о переделах земли, о даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность

точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья!

Вся речь Александра III (опуская дежурные благодарности) была кошмарной чушью. Царь говорил как бредил. Предводитель дворянства приходился на 120–150 тысяч крестьян, никогда не бывал в деревне, не хотел и не мог подавать крестьянам какое-либо руководство; впрочем, крестьяне и сами лучше знали, когда им сажать репу. Вздорные и нелепые слухи о том, что государство еще раз, повторно отберет у помещиков следующую порцию земли и раздаст ее крестьянам даром, может быть и ходили — но только среди самых глупых и легковерных крестьян. Старшины, грамотные и деловые мужики, верить в такую чушь не могли, особенно при том, что и при первичном земельном наделе землю раздавали не даром, а по рыночной цене с процентной рассрочкой платежей на 49 лет. Враги когда-то, на начальном этапе революционного движения, пробовали распускать слухи, но бросили это занятие 8–10 лет назад, убедившись в его бесполезности. Реальных проблем, волновавших крестьян (а их было много) царь не коснулся.

Разумеется, старшины на тот момент не могли мыслить критически — бесплатная поездка в Москву на великолепный праздник, блеск царского дворца, богатый обед и неожиданное личное обращение царя привели их в состояние ступора, которое художник сумел передать с большим талантом. Кроме того, они были обрадованы царской милостью — по случаю коронации особым Всемиловистейшим манифестом с крестьян (и с других должников казны) были сняты недоимки и пени по налогам. Многие разумные крестьяне, осознававшие, что недоимки прощают при каждой коронации, перестали платить налоги два года назад, с момента вступления нового императора на престол. Сами старшины не были недоимщиками, но зато на них лежала тягостная обязанность выбивать из недоимщиков налоги и вести кучу связанной с этим документации — так что манифест был для них большой радостью.

Но рано или поздно старшины пришли в чувство, и очень сомнительно, чтобы кто-либо из них, вернувшись домой, стал обращаться к предводителям дворянства за руководством и

растолковывать мужикам, что не надо верить слухам о дармовых прирезках.

Итак, неожиданная речь царя показала скорее не единение власти с народом, а ее совершенную оторванность от народа. Царь был не в силах произнести стандартную речь политика перед населением — то есть сказать, что правительство делает всё возможное для счастья и процветания народа — по самой простой причине: ему было нечего сказать. Правительство облагало крестьян налогами и не предоставляло им никаких социальных сервисов взамен (образованием, здравоохранением и дорогами занималось земство, собиравшее особые налоги). Вместо этого царь не нашел ничего лучше, как выразить в своей речи обуревавшие его страхи крестьянской революции, на тот момент оторванные от действительности.

Более того, оторванность от реальности имела и дальнейшие последствия — правительство как-то не осознало глупость речи царя и начало использовать ее в пропаганде. Речь издавалась в виде лубочных картинок и маленьких книжек, а само событие Дворцовое ведомство решило запечатлеть для потомства в виде огромной, четырехметровой картины, которую и заказали Илье Репину. Так небольшой нелепый поступок Александра III остался в исторической памяти, и сейчас вы читаете о нем.

*С Богом! С теплою любовью к нашему труду! Знает Царь–
Радетель нашу горькую нужду! Знает всё! Коль тяжко станет,
Царская рука даст помогу нашей доле, доле мужика. За Царя молись,
ребята!! И мольбы простой раздались слова простые надо всей
толпой.*

Прянишников. В ожидании шафера: что на самом деле изображено на картине

Картина Иллариона Прянишникова «В ожидании шафера» — отличная жанровая вещь конца 19 века. Картина живая, эмоциональная, динамично скомпонованная — то есть достаточно «французская» — но при этом сохраняющая еще и передвижническую повествовательность. Эта важная нотка с годами пропала, так как понимание повествования — а это как бы «разгадка» сюжета картины — требовало от зрителя нахождения в социальном контексте, который за 130 лет утратился полностью. И сюжет в целом, и многочисленные «пасхалки», спрятанные в картине, перестали быть понятными. Мой пост имеет задачей восстановить утерянный контекст и дать читателю возможность увидеть картину глазами зрителя 1891 года.

Сразу надо сказать, что мы реконструируем не замысел художника (прямого объяснения картины от автора не сохранилось), а впечатление зрителя. Как положено, в жанровой картине много что недоговорено, и мой текст является не более

чем догадкой – а это и есть правильный ответ на послание художника, который провоцировал зрителя на догадки.

Сюжет

Сюжет картины прост. Чрезвычайно красивой юной девушке из обедневшей и деклассированной дворянской семьи, перешедшей от барского к мещанскому стилю жизни, удалось найти очень богатого жениха из иного социального слоя, и это было сделано через участие профессионального посредника – свахи. На картине мы видим утро перед свадьбой. Жених прислал за невестой карету и представительного лакея, и теперь все ждут появления шафера (роль для друга или родственника жениха), который поедет с ней в церковь. Сваха, выполнившая свою задачу с успехом, чувствует себя свободно и развлекается беседой. Отец невесты в восторге от происходящего и испытывает огромную благодарность к свахе, из-за чего держит себя перед ней несколько подобострастно. Мать, напротив, больше думает о неблагоприятных аспектах неравного брака и выглядит встревоженной. Невеста же не знает, что и думать, и находится в прострации. Впрочем, никто и не ожидает от невесты выражения собственного мнения, в этой брачной сделке она является объектом, а не субъектом.

Но это поверхностный слой. Интереснее будет покопаться в деталях.

Детали

1. У вас ощущение, что бедных родителей невесты не пригласили на венчание? Ничего подобного, православные венчаются без присутствия родителей брачующихся, так как Христос сказал: *«оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей»*. А одеваться на свадебный обед им пока рано, в запасе есть несколько часов.

2. На груди у отца невесты Знак отличия ордена Св. Георгия 4-й, т.е. низшей, степени (*«солдатский Георгий»*), награда, которую давали нижним чинам за боевые отличия. Можно ли это считать признаком того, что этот человек окончил службу нижним чином? Нет, нельзя, более половины офицеров, родившихся в 1840–х годах, не обучались в военных/юнкерских училищах, а выслужили

чин в армии (где они составляли особую группу *юнкеров армии*, а затем *вольноопределяющихся*). Некоторая часть этих кандидатов в офицеры попадала на войну и там могла заслужить награды, положенные для нижних чинов. Заметим, что орден св. Георгия любого достоинства (включая и его «солдатские» степени) было положено носить непрерывно, и многие отставники носили на штатском платье только его, игнорируя менее престижные награды. Так что, возможно, у героя картины есть еще кое-какие низовые офицерские ордена, но их уже неприлично носить на чем-либо, кроме полного военного мундира либо фрака.

Таким образом, скорее всего перед нами отставной военный. Его вислые усы, осанка, манера одеваться в узкую одежду, наличие прислуги при явной бедности — всё это указывает на отставного офицера, а тайминг событий (см. далее) — на то, что он вышел в отставку в возрасте около 25 лет, то есть в самых небольших чинах (прапорщик или подпоручик).

3. Где отец невесты получил свой орден? На вид ему 40 с небольшим лет (люди того времени выглядели старше, чем это кажется на наш вкус). Дочери 17–18 лет, то есть отец женился по минимуму 18–19 лет назад. Младшему офицеру жениться обычно не разрешали (да и не особо хотелось, при грошовом жаловании). Следовательно, он вышел в отставку где-то в 1872 году, а поступил на службу в середине-конце 1860-х. Единственная война России того периода — это Туркестанские походы, и, скорее всего, орден получен за взятие Самарканда в 1868 году. В более популярном взятии Ташкента наш герой поучаствовать уже не успел, иначе его дочь была бы моложе.

4. Слева за спиной свахи висит выпускная фотография женской гимназии. В больших овалах начальница и попечитель, верхний ряд — преподаватели, нижние ряды — гимназистки. То, что наша девушка только что окончила гимназию, существенно усилило ее позицию на рынке невест. Кстати сказать, редкое в ту пору у женщин высшее образование практически уничтожало их шансы выйти замуж.

5. Справа на переднем плане мы видим икону, вынутую из киота. Это так называемая «фамильная» или «семейная» икона,

некоторый аналог семейной библии у протестантов. Это единственная из икон в доме, которая имеет сентиментальную ценность – она передается из поколения в поколение и ей принято благословлять новобрачных. Икона очень качественная, дорогая (в окладе с большим количеством жемчуга) и старая, написанная еще в допетровской традиции. Это, возможно, намек на то, что в предшествующих поколениях семья отца (икона передается по мужской линии) знавала лучшие времена.

Стиль жизни

Семья невесты существует где-то на границе между мещанским и барским жизненным укладом. С одной стороны, отец и мать (особенно последняя) одеты безобразно плохо. С другой стороны, они все-таки живут с прислугой, не марают руки черным домашним трудом, а это очень важная граница. С одной стороны, малоопределенная комната, в которой происходит действие, выглядит жалко – ни обоев, ни занавесей, случайная сборная мебель, и тут же хранятся тарелки и самовар. С другой стороны, мы явно в квартире с разделением на барскую и черную части, предположительно, в квартире есть еще кухня/хозкомната (там же спит прислуга), гостиная/столовая, где есть стол и диван, и либо общая спальня (кровать родителей выгорожена ширмой), либо спальня и детская.

Общее впечатление, что семья имеет следующие приоритеты: наличие прислуги и обучение детей в гимназии – квартира с разделением хозяйственной, спальней и гостиной зоны – минимально приличный костюм отца семейства, требуемый по условиям работы. Всё остальное финансируется по остаточному принципу, и как раз на это остальное денег остро не хватает. Мать семейства и дети плохо одеты, дом обставлен дрянью, можно предположить, что семья питается примитивно и не позволяет себе даже простейшие развлечения.

Так живут люди, имеющие детей и зарабатывающие на том нижнем пределе, который имеет «настоящий» барин (но живущий без семьи), одновременно являющемся верхним пределом для «не-барина» без среднего образования, работающего по-наиму – это 800–900–1000 рублей в год.

Это зарплата ответственного, опытного старшего конторщика или бухгалтера, артельщика (это материально ответственное лицо – кладовщик, кассир, экспедитор), управляющего каким-то подразделением бизнеса (доходным домом, мастерской, небольшой гостиницей, магазином), агента на железной дороге (сегодня это называется логист), страхового агента. Кто-то из людей этого уровня пытается, как герои нашей картины, частично воспроизводить барский стиль жизни, хотя денег отчаянно не хватает, а кто-то радуется жизни, живя на те же деньги как богатый простолюдин.

Если начать фантазировать, увольнение отца из армии (конец 1860-х – начало 1870-х) и было временем, когда дворяне, поколениями проедавшие свои имения, были вынуждены массово деклассироваться. Причиной, разумеется, была крестьянская реформа – механизм выкупа земель и помещиков был придуман так, что слабые и задолженные дворянские хозяйства больше всех пострадали от реформы. Крестьяне вышли на выкуп, обедневший помещик (дед невесты) не получили ничего, потому при выкупе принудительно закрывали старые ипотечные долги дворян, остатки имения продали, дворян распустили (ведь теперь прислуге надо платить жалованье) – и тут отец невесты понял, что ему ничего не светит ни в армии (карьеру теперь делают те, кто учился в военном училище, а выслужил офицерский чин в войсках), ни в деревне. Отставка и постепенное превращение в мещанина.

Жених и его стратегия брака

О женихе художник намеренно не сообщает ничего определенного. Представительный лакей, шуба и роскошное свадебное платье намекают на то, что с деньгами у него всё в порядке, а также на то, что это человек светского (а не традиционно купеческого) стиля жизни – грубо говоря, человек, у которого такой лакей, сам носит фрак и цилиндр.

Зачем такому человеку жениться на девушке не из своего круга? Ответа, в принципе, два – либо у него нет своего круга, либо молодая красавица его круга не согласится выйти за него.

Если верен первый ответ, то наш жених заведомо не аристократ – для аристократов типична отличная социализация, у них масса знакомств, балы и званые обеды, им не особо нужны свахи, если они женятся вне своего круга, то на невестах с очень большими деньгами. Жених не высокооплачиваемый интеллигент – у интеллигентов своя социализация и привычка жениться на более интересных женщинах. Вряд ли он из слоя *old money* – серьезные миллионеры из семей с историей также предпочитают женщин своего круга и большое приданое.

Но и за пределом этих групп было полно не вполне социализованных людей, происходивших из всех социальных слоев и разбогатевших в первом поколении. Удачно чем-то поторговал – купил акции – продал акции – купил пароход – продал пароход – построил паровую мельницу – продал паровую мельницу – купил большой пакет акций страховой компании – попал в ее совет директоров. И вот теперь ты солидный господин с полумиллионом-миллионом рублей, а жены-то нет, а все знакомые – случайные разночинные люди, и невесту через них не найти. Вот тогда нужна сваха.

Второй ответ проще – жених не годится для любой невесты с хорошим социальным статусом и приданым. Это либо жалкий старик 50+ лет, либо инвалид.

В любом случае мы должны понимать, что объяснения типа «захотелось молодого тела» к нашему случаю не подходят. Брак для мужчины в ту эпоху – самый неподходящий и дорогостоящий метод получить доступ к сексу. Пожилой обеспеченный любитель секса с молодыми красавицами мог бы просто завести не менее эффектную «экономку», содержание которой обошлось бы дешевле при отсутствии неразрывного обязательства. И она бы еще была француженкой. Так что намерения нашего жениха явно почтенные, матримониальные, ему нужна именно жена, а может быть, еще и дети.

Невеста и ее стратегия брака

Для начала надо понимать, что перед нами стратегия не столько невесты, сколько ее родителей. Девушка закончила гимназию; куда ей теперь деваться? Вариант «сидеть далее на шее

у родителей» отбрасывается, для той эпохи старая дева в семье – это горе, даже если денег хватает. Брачный возраст (для первого брака) короток, прозевал окно, потом жениха не найти. Вариант с самостоятельным движением по жизни после окончания гимназии изображен на картине «Приезд учительницы в деревню», которой уже был посвящен отдельный пост. Если коротко, выражение оторопи на лице у молодой учительницы – которая, быть может, была одноклассницей нашей невесты – неотлично от наблюдаемого на нашей картине. Поступление в высшее учебное заведение – редкий, опасный и эксцентричный путь, курсисток подозревают в том, что они шлюхи, революционерки, лесбиянки и никому не нужные уродины. Остается замужество.

Замужество по любви – роскошь для тех, кто женится на равных, имеет широкий круг семейных знакомств (юноша и девушка не могут познакомиться вне семейного круга, тиндер еще не придуман) и приданое, позволяющее выбирать между претендентами. Все остальные девушки среднего класса выходят за тех, за кого их просватали, и чем выше положение жениха, тем и лучше. Так что, в принципе, нашей невесте повезло, и ее отец радуется не зря. Выдающаяся красота, дворянская фамилия (кое– для кого, прежде всего для недворян, это еще имело значение) и квалифицированная сваха сделали свое дело. Невеста куксится – это просто глупость и неопытность, лучшего варианта не будет.

Репин. Крестный ход в Курской губернии: что на самом деле изображено на картине

Крестный ход в Курской губернии (1880–1883) — одна из самых знаменитых картин Ильи Репина. Традиционно считается, что картина изображает крестный ход, сопровождающий чудотворную Курскую Коренную икону Божией Матери, переносимую ежегодно, в 9-ю пятницу по Пасхе, из Знаменского собора в Курске в Коренную пустынь, где икона пребывала до 12-го (24-го) сентября, после чего возвращалась в Курск. Однодневный крестный ход собирал во второй половине XIX века от 30 до 60 тысяч участников и был в числе наиболее популярных религиозных шествий в России.

Распространенное объяснение картины появилось немедленно как только она была выставлена, и устойчиво сохраняется до нашего времени. Консервативная (но независимая) газета «Новое время» излагала дело так:

Как же можно сказать, что эта картина есть непристрастное изображение русской жизни, когда она в главных своих фигурах есть только лишь одно обличие, притом несправедливое, сильно преувеличенное... Можно ли допустить, чтобы верховой урядник мог забраться в самую тесноту толпы и не в городе, а среди большой дороги и со всего взмаху бить народ плетью по головам, тем более в то время, когда тут же, вблизи него и духовенство, и представители полицейской власти, и почетные лица города... Вот, мол, смотрите, какие они папуасы, говорит автор, какое их благочестие: бедный, несчастный народ бьют нагайкой, икону охраняют палкой, и никто из этих папуасов не чувствует, до какой степени он груб и дик, допуская подобное зверское самоуправство. Вот, по-моему, точка зрения художника. Дальше две женщины несут пустой киот от образа, и несут с такой бережливостью и благоговением, точно киот есть такая же святыня, как и образ. В этом изображении проглядывает та же мысль художника: вот, мол, какое у глупых женщин благоговение к пустому ящику, какое невежественное понятие о святыне в наш просвещенный век... Засим, не говоря уже о выборе типа, лица и фигуры барыни, несущей самый образ, выборе, сделанном тоже с явным намерением дополнить «идею»: такая, мол, надменная безобразная рожа, видимо, почетная личность в городе, пользуется высокой честью нести в своих руках святыню... Нет, эта картина не беспристрастное изображение русской жизни, а только обличие взглядов художника на эту жизнь.

Да, и на наш взгляд художник критично отнесся к изображаемому шествию. «Чистая» публика, охраняемая конной стражей от «серой», представляет собой некоторого рода фрик-шоу, одно лицо нелепей другого. Охрана свирепствует. Чем проще персонажи картины, тем они симпатичнее Репину. Мужики, несущие икону, выглядят уже достойно. Горбун, отгоняемый от иконы, вызывает сочувствие. В общем, перед нами полотно, сочетающее великолепие живописной техники и традиционное передвижнически-народническое отношение к изображаемому: очевидно, что автор в бога не особенно верует (во всяком случае, не считает нужным таскаться огромной толпой за иконами), а социальное расслоение его расстраивает.

Но мы, как всегда, поведем наш рассказ не о том, что видно и очевидно, а о том, что сложнее заметить нетренированным взглядом.

1. Картина — не фотография. Мы знаем церемониал крестных ходов с Коренной иконой, утвержденный еще в 1830–е годы, и это позволяет нам понять, что художник достаточно вольно обошелся с тем, что он видел. Из шествия изъяты все его элементы и участники, которые казались Репину вредными для композиции. Например, в реальном крестном ходе участвовало множество кавалеристов Казанского драгунского полка. Но, видимо, Репин считал нужным подчеркнуть роль полиции, а армия казалась ему несоответствующей направлению картины — и вот драгуны исчезли. Вслед за драгунами исчезли и иные неуместные объекты — например, значки ремесленных цехов Курска. В то же время, несомый на носилках золотой артефакт в центре картины не упомянут в церемониале и я не могу найти ему объяснения. Во всяком случае, его не следует принимать за Коренную икону — во всех крестных ходах (и в наше время тоже) главную святыню традиционно несут впереди, перед ней носятся только кресты, хоругви и церковные фонари.

Кстати, объект на носилках справа на переднем плане — это тоже не Коренная икона. Это большой фонарь с зажженными свечами, особо устроенный для этой церемонии. Его несли сразу же за иконой, которая, следовательно, не попала в картину.

2. Духовенство поразбежалось. Курск и Коренную пустынь разделяет 29 километров. Путь этот, запросто проходимый любым крестьянином за день, казался непосильным для неприученного к физической нагрузке духовенства. Курский архиерей не сопровождал икону даже до городской черты Курска. У городской черты отчаливало и курское духовенство. Для дальнейшего сопровождения иконы путь разбивался на четыре отрезка, на каждом из которых икону сопровождало сельское духовенство: благочинный, шесть священников и четыре диакона. И только у самого монастыря крестный ход встречала братия с архимандритом.

Репин, не придерживаясь фотографической точности, еще более усилил эту ноту: на картине мы видим всего лишь двух

священников, двух иеромонахов и диакона. В сравнении с несметной толпой простого народа духовенство почти что отсутствует. При этом, по-видимому, четыре священника являются официальными участниками процессии и идут в толпе. В общем, из одиннадцати духовных лиц, назначенных сопровождать икону, десять куда-то слиняли, оставив дьякона отдуваться за всех.

Репин попал в самую точку: духовенство, а в особенности ученое, академическое, мало одобряло религиозный стиль простого народа, связанный с почитанием артефактов. Архиереи, начиная с елизаветинской эпохи, относились к мощам, иконам, крестным ходам, лобызанию святынь и пр. с позиций, напоминающих англиканскую Низкую церковь: нам самим это не интересно и кажется ненужным, но если кто-то верит, то мы мешаться не будем. Как наиболее известные эпизоды этого подспудного конфликта можно вспомнить смерть московского митрополита Амвросия, растерзанного в 1771 году в клочья ревнителями православия за то, что во время эпидемии чумы воспретил народу целование Боголюбской иконы, а также явное сопротивление духовенства канонизации Серафима Саровского в 1903 году. Кстати сказать, и сам крестный ход был запрещен курским епископом с 1767 по 1791 год: архиерею было неприятно, что духовенство курского собора и братия Коренной пустыни собачатся между собой по поводу разделения доходов, получаемых от святыни.

Освободив полотно от духовных лиц, Репин говорит зрителю: перед вами вера простого народа и правящего класса (которые при этом не могут объединиться в вере и преодолеть социальные барьеры), но не вера духовенства. Баре, мужики и полиция прилежно тащатся по жаре за святыней, волоча за собой привычные конфликты; духовенство же тем временем куда-то слилось, самоустранившись из народной жизни.

3. Очень мало полиции. Полиция на картине — отличная иллюстрация принципа «правда жизни не есть правда искусства». Картина кажется переполненной полицейскими, которые кого-то бьют, страшат и не пускают. На самом же деле на всю огромную толпу приходится четыре чина полиции: становой пристав, его

помощник и два урядника (это нижние чины). Все прочие конные и пешие люди с бляхами — это выборные должностные лица сельских обществ, сельские старосты либо сотские. И не мудрено: по нормативам той эпохи на 2500 человек сельского населения приходился лишь один штатный чин полиции. Вся прочая сельская полиция — нечто вроде дружинников, которых привлекли к охране правопорядка принудительно — от выбора в сельские старосты и сотские нельзя было отказаться, а сотским часто даже и не платили, а вот распоряжения полиции (например, явиться для сопровождения церковной процессии) они были обязаны выполнять.

В нашу эпоху при появлении на улице старичка с написанным от руки плакатиком «*миру–мир*» в течение трех минут возникает автобус с омоном и десять сотрудников центра «Э» в штатском. Не так была устроена старая Россия: толпа в тридцать тысяч человек спокойно шла через полуезда в сопровождении четырех полицейских. Не зная будущего, современники (и Репин в их числе) наивно считали Россию страной, переполненной полицией, что и отразилось на нашем полотне в полной мере.

Заметим, что икону было от чего охранять. В 1898 году двинутый на всю голову юноша Анатолий Уфимцев устроил в Знаменском соборе взрыв с целью уничтожить икону. Государь император не продемонстрировал рвения в защите чувств верующих от кощунников, ожидаемого от властей сегодня: учитывая, что идиот устроил взрыв ночью, чтобы не пострадали люди, царь повелел прекратить уголовное преследование и просто сослал его на пять лет в Акмолинск.

4. Лес. Процессия проходит мимо пригорка, на котором совсем недавно рос лес, срубленный самым варварским образом. Вместо того, чтобы провести в разновозрастном лесу выборочную рубку зрелых деревьев, весь лес просто свели под корень. Это — проявление огромной экологической проблемы той эпохи, обезлесения Центральной России. Сельское население быстро росло, и крестьяне, остро нуждавшиеся в земле (равно как и помещики, остро нуждавшиеся в деньгах), приступили к бесхозяйственному и вредоносному уничтожению лесов с последующей распашкой земли. Результаты не заставили себя

ожидать: климат попортился, засухи усилились, реки стали более полноводными весной и маловодными зимой. В широком смысле, вязкая жара, хорошо переданная художником (разумеется, все крестьяне и помещики в процессии надеются на то, что икона пошлет им дождь, необходимый для урожая), и есть следствие видимого нами вырубания леса.

5. Бедность. На переднем плане мы видим фонарь, который несут мужики, явно приодевшиеся по праздничному случаю: на них добротные синие кафтаны, подпоясанные пестрыми кушаками. Видны ноги пятерых из них, и все они в лаптях. Невозможно поверить, что эти люди имели сапоги, но не надели их. Охранник, преграждающий путь горбуну, тоже в лаптях. И только более важный староста, сопровождающий толстую барыню с иконой, является счастливым обладателем сапог.

Маковский. Болгарские мученицы: что на самом деле изображено на картине

Картина Константина Маковского «Болгарские мученицы» уникальна для русской живописи. Эта одна из немногих отечественных картин, написанных на внешнеполитическую тему; полотно объединяет в себе блестящую технику салонной живописи и два жанра, *atrocitiy propaganda* и *sexploitation* (на русский язык эти термины непереводимы), весьма редких для России. Картина действительно послужила политическим

призывом: по преданию, переданному Александром Бенуа, чувствительный и добросердечный Александр II прослезился, увидев ее на выставке осенью 1877 года; средства, полученные от продажи картины, были направлены художникам на помощь болгарам – жертвам турок. Попробуем разобраться во множестве интереснейших обстоятельств, приведших к появлению этого незаурядного полотна.

1. Картина изображает жестокости, совершаемые турками при подавлении Апрельского (1876 года) восстания в Болгарии; картина не претендует на изображение какого-либо конкретного эпизода зверств, а дает обобщенные образы. Болгарок мучают *башибузуки* – бойцы временных, нерегулярных и неоплачиваемых (считается, что они прокормятся грабежом) турецких отрядов, собираемых из всякого сброда для подавления восстаний; один из башибузуков смахивает на черкеса (тут своя история, см. далее), другой на албанца, ну а третий, видимо, происходит из Северной Африки. Зверства имели место в апреле–мае 1876 года, а известия о них широко распространились в Европе в июне–июле 1876 года. «Болгарские ужасы» подогрели интерес российской общественности (ранее мало интересовавшейся балканскими делами) к начавшейся в то же время Сербско–Турецкой войне, и общее сочувствие к братьям–славянам привело к отправке в Сербию около 2 тыс. русских добровольцев и сбору различными общественными организациями около 3 млн. рублей помощи. К тому моменту, когда Маковский написал свою картину, то есть к весне 1877 года, Россия уже начала войну против Турции, но картина по–прежнему была политически актуальной – теперь она оправдывала ничем не спровоцированное нападение России на соседнюю страну, столетиями владевшую болгарскими землями на самом прочном, по понятиям того времени, правоосновании, то есть по праву завоевания.

2. Известия о болгарских зверствах попали в Россию кружным путем. Болгария была глухой, достаточно бедной провинцией Османской империи, еле–еле поддерживавшей контакты с окружающим миром и не связанной с Европой железной дорогой; так что непосредственно в момент подавления восстания европейцев в охваченной им зоне не оказалось. Антиосманские

болгарские эмигранты в Лондоне первыми в Европе поняли, что произошло, и попытались заинтересовать известиями британскую прессу. Неожиданно для всех, события в забытой всеми и малоинтересной стране получили огромный резонанс. Дело в том, что правительство консерваторов, возглавляемое Дизраели, державшееся традиционной линии *realpolitik* – какое нам дело, кто кого в Болгарии режет, имеют значение только интересы Англии – столкнулось на этой почве с оппозицией либералов, возглавляемой Гладстоном. Либералы, догадавшиеся, что эпоха изменилась и моральное основание внешней политики (Британия за всех хороших против всех плохих) с каждым годом становится всё важнее и важнее для публики, построили свою атаку на обличении бесчувствия кабинета.

К чести либералов и связанных с ними газет, было принято решение проверить на месте ужасные известия из Болгарии, послав независимых наблюдателей. В зону подавления восстания отправились американский журналист Januarius MacGahan, американский консул Eugene Schuyler и русский консул князь Александр Церетелев. MacGahan написал о поездке подробный отчет, который ужаснул британцев, а за ними и всю остальную Европу и Россию. Необходимо заметить, что все участники экспедиции были настроены антитурецки, абсолютно отрицали любое насилие со стороны болгар (что, интересно, тогда делали восставшие и зачем они были вооружены?), и, описав те кошмары, которые они действительно видели, пошли далее и перешли к количественным оценкам, для чего они не имели основания. Современный историк, занявшийся этим вопросом, считает, что никакая оценка числа жертв восстания не может быть признана обоснованной, так как регистрация населения отсутствовала, а подробного расследования событий не проводилось (R.Millman. *The Bulgarian Massacres reconsidered*).

История с «болгарскими ужасами» была важной вехой в зарождении социальной технологии *atrocitiy propaganda*, потом не раз еще послужившей самым разным правительствам. Младенец на нашей картине – предок *распятого мальчика* в Славянске.

3. Все персонажи нашей картины имеют весьма оперный внешний вид и наряды. Болгарки представляют собой любимый

типаж Маковского – это чуть пухловатые (но идеально стройные по стандартам красоты того времени), ослепительно белокожие красавицы, с большой и чрезвычайно упругой грудью, с подчеркнута европеоидными чертами лица; для правой болгарки и младенца позировали 17-летняя жена художника с сыном. Костюм их имеет мало связи с реальной повседневной одеждой болгарской крестьянки. Честно говоря, и общий типаж, и ухоженный внешний вид мучениц больше намекает то, что эти девушки только что сошли со сцены парижского кабаре, чем на то, что они ухаживали за скотом, работали на огороде, а потом прятались в подвале от злодеев. Про башибузуков не приходится и говорить, очевидно, что их одели костюмеры того же кабаре, выбрав самые живописные из костюмов разбойников.

Именно такая опереточность и показывает, что перед нами произведение жанра *sexploitation*, то есть софт-порно (а для той эпохи наша картина уже и есть софт-порно), слегка замаскированное под праведное возмущение жестокостями. С одной стороны, как бы всё очень благородно, ты за всё хорошее против всего плохого, а с другой стороны предоставляется отличная возможность попялиться на сиськи. Чтобы понять это жанр получше, надо посмотреть на его полное развитие – серию *Balkangruel* (Балканские ужасы), созданную в 1909 году австрийским художником Готфридом Зибеном по мотивам жестокого подавления турками народного восстания в Македонии; это уже полноценное порно. Современные гендерные исследования особо выделяют «болгарские ужасы» как важную веху в истории сексуализации образа военного насилия в европейской культуре (A.Buturovic, I.Schick. *Women in the Ottoman Balkans*).

4. Кроме очевидного сексуального подтекста картины, в ней есть еще и ощутимая расистская нотка. Жертвы акцентированно европеоидные и белые, а насильники – акцентированно восточные и небелые; для пущего эффекта Маковский сделал одного из башибузуков негром (что мало соответствует исторической правде). Напомню, что самый распространенный предлог для традиционного куклуксклановского линчевания это предполагаемое изнасилование чернокожим белой женщины;

несексуальные преступления негров (а также и изнасилования ими черных же женщин) значительно меньше волнуют сердца линчевателей. В общем – то, посыл картины простой: проклятые «черные» насиловать наших, «белых» женщин. Доколе! Поскольку сами сведения о балканских жестокостях дошли до России через британские источники, расизм не удивителен – для британских политических мыслителей той эпохи это просто общее место. В частности, благородный и добрый Гладстон считал причиной жестокостей расовые (но ни в коем случае не религиозные мусульманские) свойства турок, которых он определял как *the one great anti-human specimen of humanity* (Bulgarian Horrors and the Question of the East).

5. Фигура в папaxe, стоящая за спиной у грудастой болгарки с младенцем, воспринималась публикой как черкес. За появление черкесов на болгарской земле мученица может поблагодарить Россию. С начала 1862 годов российская армия сгоняла черкесов, самый крупный из народов Кавказа, с их земель, предоставляя им переселяться либо на менее соответствующие их хозяйственным навыкам низины Кубани, либо эмигрировать в Турцию. Около 200 тыс. человек (цифра условна) выбрали Турцию, и некоторая их часть была размещена турецким правительством на Балканах. Изгнание черкесов сопровождалось страшными жестокостями и множеством смертей, но отношения казаков с черкешенками в мечетях русских живописцев не заинтересовали. То ли дело болгарки.

6. Дружба России с болгарамй длилась недолго. Россия не смогла предугадать, по какой траектории станет развиваться болгарская политика. После года оккупационного правления Россия передала власть болгарам, была принята Тырновская конституция, избран парламент и призван на престол гессенский князь Александр Баттенберг. И тут болгарские дела поскакали дикими скачками в таком темпе, какого русские не ожидали. Болгарские парламентские политики ссорились и мирились с князем, выгоняли его и призывали снова, приостанавливали и вводили в действие конституцию. Русские дипломаты и офицеры (первоначально игравшие огромную роль в болгарской армии) не попали в этот темп и сбились с ноги. В 1886 году Александр III

решил, что более участвовать в зигзагообразной болгарской политике невозможно (ибо всё, что Россия не делает, оказывается неуместно и болгарам не годится) и разорвал дипломатические отношения с Болгарией.

Хотя дипотношения были восстановлены через 10 лет, Болгария успела превратиться в устойчиво пронемецкую страну и воевала против России в двух мировых войнах. Половая неприкосновенность болгарских девушек снова перестала волновать русских художников.

Иванов. Смерть переселенца: что на самом деле изображено на картине

Картина Сергея Иванова «В дороге. Смерть переселенца» (1889 год) очень и очень печальна. В степи стоит телега, рядом с телегой в беспорядке разбросан домашний скарб, лошади нет, а на ее месте перед телегой лежит покойник, укрытый белым полотенцем, с иконой в руках. Рядом с покойником лежит лицом вниз и рыдает вдова. Девочка лет семи–восьми смотрит на происходящее с диковатым и смутным выражением. Обстановка показывает, что переселенец умер скоропостижно — наверное, ему поплохело, семья остановилась, лошадь распрягли, начали разводиться костер, чтобы напоить больного горячим, но тут злосчастный и скончался.

То, что переселенец помер, всякому понятно. Отчего он помер — для той эпохи непонятно и никому неинтересно. Заболело что-то внутри (сердечный приступ? инсульт?) и помер. Что действительно интересно — так это что они делают. Откуда эти люди переселяются и куда? Зачем они решили переселиться? Они всю дорогу проехали на этой телеге? Как они устроят новое хозяйство, если у них с собой так мало имущества? Что теперь будет с вдовой и ребенком?

Начнем с причин переселения в Сибирь. Основная причина переселения в пореформенную эпоху — экономическая. Крестьяне верили, что в Сибири они будут жить лучше, чем на родине, потому что на родине вся пригодная земля уже распахана, население быстро растет (1.7–2% в год) и количество приходящегося на человека земли соответственно уменьшается, в Сибири же запас годной для обработки земли практически бесконечен. Там, где слухи о богатой жизни в Сибири распространялись среди крестьян, возникало стремление к переселению. Чемпионами переселения были черноземные, но при этом плотно населенные и очень бедные Курская, Воронежская и Тамбовская губернии. Интересно, что нечерноземные (и особенно северные) крестьяне были склонны к переселению в значительно меньшей степени, хотя и были обделены благами природы — они предпочитали осваивать разного рода несельскохозяйственные приработки.

Неужели несчастные персонажи картины доехали из Тамбовской губернии до Сибири на этой маленькой телеге? Конечно же нет. Такой хардкор закончился еще в 1850-х годах. Железная дорога в 1885 году дошла уже до Тюмени. Желаящие переселиться в Сибирь отправлялись на ближайшую к месту жительства станцию и заказывали товарный вагон. В таком вагоне, маленьком (6.4x2.7м) и неутепленном, как раз и помещалась — в страшной тесноте и в холоде — крестьянская семья с лошадью, коровой, запасом зерна (на первый год и посев) и сена, инвентарем и домашними вещами. Вагон двигался со скоростью 150–200 км в сутки, то есть путь из Тамбова занимал пару недель.

В Тюмень следовало добраться к самому раннему возможному времени вскрытия Туры–Тобола–Иртыша, то есть к началу марта, и ждать ледохода (который мог произойти то ли немедленно, то ли через полтора месяца). Условия жизни для переселенцев были спартанскими — примитивные дощатые бараки, а для самых невезучих и соломенные шалаши на берегу. Напомним, что в марте в Тюмени еще холодно, в среднем до –10.

Проходил ледоход, и из Тюмени, вниз по Туре, Тоболу, Иртышу и затем вверх по Оби, отправлялись немногочисленные и дорогостоящие пароходы (пароход дорого и сложно построить на реке, не сообщаемой с остальной страной ни по морю, ни по

железной дороге). Места на пароходах отчаянно не хватало, так что они тащили за собой вереницу примитивных беспалубных барж. Баржи, не имевшие даже элементарного укрытия от дождя, были настолько забиты людьми, что негде было лечь. И даже таких барж не хватало для всех желающих, а остаться до второго рейса в Тюмени — пропустить всё лето, в которое и надо было организовать хозяйство. Неудивительно, что посадка на пароходы по неорганизованности и кипящим страстям напоминала эвакуацию деникинской армии из Новороссийска. Основная масса переселенцев (а их набиралось по 30–40 тысяч в год), направляющаяся на Алтай, сходила с парохода в быстро растущем Барнауле, а если вода была высокой, то еще дальше, в Бийске. От Тюмени до Томска по воде 2400 км, до Барнаула — более 3000. Для старинного парохода, еле-еле волочащегося по многочисленным перекатам в верховьях реки, это полтора–два месяца.

В Барнауле (или Бийске) начиналась самая короткая, сухопутная часть путешествия. Доступные для заселения места были в предгорьях Алтая, в 100–200–300 км от пристани. Переселенцы покупали на пристани сделанные местными ремесленниками телеги (а тот, кто не привез с собой лошадь — и лошадей) и отправлялись в путь. Разумеется, весь крестьянский инвентарь и запас семян никак не может влезть на одну телегу (в идеальном случае поднимающую 700–800 кг), а вот крестьянину нужна в хозяйстве как раз одна телега. Поэтому желающие поселиться ближе к пристани отдавали имущество на хранение и делали несколько ходок, а отправляющиеся в более дальний путь нанимали еще как минимум одну подводку.

Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие в телеге переселенца на картине необходимых крестьянину объемистых предметов — сохи, бороны, запаса зерна в мешках. То ли это имущество хранится в лабазе на пристани и ждет второй поездки, то ли крестьянин нанял подводку и отправил с ней сына–подростка и корову, а сам с женой, дочерью и компактным инвентарем побыстрее поехал на предполагаемое место поселения, чтобы выбрать себе участок.

Где именно и на каких правовых основаниях собирался поселиться наш переселенец? Существовавшие тогда практики

были разными. Кое-кто шел легальным путем и приписывался к существующим сельским обществам. Пока у сибирских общин (состоявших из таких же переселенцев предыдущих лет) был большой запас земли, они охотно принимали новичков даром, затем, после разбора лучших земель, за вступительную плату, а затем уже и начинали отказывать вовсе. В каком-то, совершенно недостаточном, количестве казна подготавливала и размечала переселенческие участки. Но большинство переселенцев в описываемую эпоху (1880–е) занималось самозахватом казенной (но совершенно ненужной казне) земли, смело основывая нелегальные хутора и поселки. Казна не понимала, как документально оформить сложившуюся ситуацию, и просто закрывала глаза, не мешая крестьянам и не сгоняя их с земли — вплоть до 1917 земли переселенцев так и не были оформлены в собственность. Впрочем, это не мешало казне облагать крестьян-нелегалов налогами на общем основании. Чтобы понять, где именно лучше поселиться, крестьяне выбирали разведчиков — *ходоков*, которые отправлялись в Сибирь без семей и на год раньше.

Какая судьба ждала бы переселенца, если бы он не помер? Этого не мог предугадать никто. Приблизительно у пятой части переселенцев в ту эпоху не получалось прижиться в Сибири. Не хватало рук, не хватало денег и инвентаря, первый год хозяйствования оказывался неурожайным, болезнь или смерть членов семьи — все это приводило к возвращению на родину. При этом, чаще всего, дом возвратившихся был продан, деньги прожиты — то есть они возвращались приживаться у родни, а это было социальное дно деревни. Заметим, что выбравшие легальный путь, то есть вышедшие из своего сельского общества, оказывались в наихудшей позиции — односельчане могли попросту не принять их обратно. Нелегалы же хотя бы имели право вернуться обратно и получить положенный им надел. Прижившиеся в Сибири имели самые различные успехи — распределение на богатые, средние и бедняцкие дворы существенно не отличалось от центра России. Не впадая в статистические подробности, можно сказать, что реально богатели немногие (причем те, у кого и на родине дела шли неплохо), дела же остальных шли по-разному, но все же лучше, чем в прежней жизни.

Что теперь будет с семьей умершего? Для начала надо заметить, что Россия — не Дикий Запад, и покойника нельзя просто так похоронить у дороги. В России у каждого, кто проживает вне места своей приписки, есть паспорт, а жена и дети вписываются в паспорт главы семейства. Следовательно, вдове надо как-то снестись с властями, похоронить мужа со священником, оформить метрическую выписку о погребении, получить новые паспорта на себя и детей. Учитывая невероятную разреженность и удаленность официальных лиц в Сибири, и медленность официальных почтовых сношений, решение одной этой проблемы может отнять у бедной женщины как минимум полгода. За это время и будут прожиты все деньги.

Далее вдове предстоит оценить ситуацию. Если она молода и у нее один ребенок (или сыновья подростки, уже вошедшие в рабочий возраст), можно рекомендовать ей снова выйти замуж на месте (в Сибири всегда не хватало женщин) — это и будет самый благополучный вариант. Если же вероятность замужества мала, то бедной женщине придется возвращаться на родину (а без денег этот путь придется проделать пешком, прося по дороге подаяние) и там как-нибудь приживаться у родни. Шансов завести новое самостоятельное хозяйство без взрослого мужчины (что на родине, что в Сибири) у одинокой женщины нет, старое же хозяйство продано. Так что вдова рыдает не зря. У нее не только умер муж — навсегда разбились все жизненные планы, связанные с обретением самостоятельности и независимости.

Примечательно, что на картине изображен отнюдь не самый тяжелый этап пути переселенца. После предшествующих испытаний — зимнего путешествия в нетопленном товарном вагоне, жизни в шалаше на берегу замерзшей Туры, двух месяцев на палубе переполненной баржи — поездка на собственной телеге по цветущей степи была для семьи более отдыхом и развлечением. К сожалению, бедняга не вынес предшествующих тягот и умер в пути — как и приблизительно 10% детей и 4% взрослых от переселявшихся в Сибирь в ту эпоху. Его смерть можно связать с тяжелой бытовой обстановкой, дискомфортом и антисанитарией, сопровождавшей переселение. Но, хотя это и не очевидно на первый взгляд, картина не свидетельствует о бедности —

имущество умершего, скорее всего, не ограничивается небольшим количеством вещей в телеге.

Призыв художника не пропал даром. С момента открытия Сибирской железной дороги (середина 1890–х) власти постепенно начали заботиться о переселенцах. Были построены знаменитые «стольпинские» вагоны — утепленные товарные вагоны с железной печкой, перегородками и нарами. На узловых станциях появились переселенческие пункты с медицинской помощью, банями, прачечными и бесплатным кормлением маленьких детей. Государство начало размечать для переселенцев новые участки, выдавать *домообзаводственные* ссуды, давать налоговые льготы. Через 15 лет после написания картины таких ужасных сцен стало заметно меньше — хотя, разумеется, переселение продолжало требовать тяжелого труда и оставалось серьезнейшим испытанием силы и мужества человека.

Маковский. Крах банка: что на самом деле изображено на картине

Картина Владимира Маковского «Крах банка» понятна всякому. На ней изображен офис банка, заполненный растерянными вкладчиками, которые совершенно очевидно не смогли получить свои деньги. Обманутые клиенты банка представляют все слои общества (кроме людей физического труда): мы видим генерала, какого-то солидного пожилого господина в шубе с меховым воротником, купца в старинном немецком платье, женщин различного возраста (очевидно это вдовы). Все в равной мере растеряны, за исключением ушлого господина в галстуке-бабочке: этот сумел как-то договориться и тихонько отходит от стойки, пряча в карман деньги. За порядком следит полиция, но что толку, городской не вернет вкладчикам пропавшие деньги. Ну вот мы и в «Хопре».

Известны и конкретные обстоятельства, изображенные на картине: перед нами крах Московского коммерческого и ссудного акционерного банка, произошедший 10 октября 1875 года. При очевидности сюжета, картина возбуждает любопытство. Отчего

погорел банк? Получили ли вкладчики хоть что-то? И главное, что желал изобразить художник: типическое происшествие или же, напротив, исключительное?

Московский коммерческий и ссудный банк был учрежден в 1870 году и входил в первую волну банковского учредительства. Общая черта это периода — всеобщий бардак и неразбериха, сочетающиеся с быстрым ростом. Никто не знал, как вести дела большого акционерного банка, и в особенности дела с иностранцами. Большинство членов совета банка просто не понимали, что значит банковская отчетность и как по ней судить о состоянии дел в банке. Для заведования иностранными операциями из Варшавы выписали бывшего владельца банкирской конторы Генриха Ляндау и предложили ему огромное жалованье в 12000 рублей в год, не принимая во внимание то, что его собственная контора ранее разорилась — все равно на рынке труда не было лучших предложений.

Дела банка шли приблизительно так же, как у других банков — то есть банк, оперировавший на незаполненном рынке, стремительно развивался. К концу 1873 года запахло неприятностями — в Европе начался жестокий экономический кризис. Банк получил убыток по всем операциям по европейским ценным бумагам, но не заметил этого, так как подразделение Ляндау никто никогда не ревизовал, а ему хватило ума подделать отчетность.

И тут на банк совершил набег германский финансовый махинатор д-р Беттель-Генри Струсберг. Когда-то крупный капиталист, действовавший в Пруссии, преимущественно в железнодорожной сфере, Струсберг уже перешел за грань разорения — и тут случайные знакомства свели его с незадачливыми московскими банкирами. Теперь основным промыслом Струсберга стало выманивание денег у Московского ссудного банка. Механизм был простой — Струсберг брал кредиты по соло-векселям под залог товаров и ценных бумаг. Вначале залогом были построенные на германском заводе Струсберга вагоны, потом им стали еще непостроенные вагоны, а потом в залог пошли мусорные ценные бумаги недееспособных акционерных обществ; некоторые из них Струсберг отдавал в залог

одни и те же дважды и трижды. Так Струсбергу удалось получить от банка 8.2 миллиона рублей (это при акционерном капитале в 3 млн), долг Струсберга составлял более половины (!) активов банка. Понятно, что такой фокус дался Струсбергу не даром — он давал огромные откаты (около 25%) директору банка Полянскому и уже упомянутому Ляндау. Заметим, что Московский ссудный банк был несколько необычным — у него не было не только контролирующих, но даже и крупных акционеров, де-факто банк был просто в руках у непрофессиональных менеджеров, чем и объясняются такие большие недосмотры.

До середины 1875 года у всех российских акционерных банков дела шли хорошо. Вклады в старые банки казенные принудительно обменяли на 4% государственную ренту, и население валом повалило в коммерческие банки, предлагавшие 5–6% по депозитам. Народ, ранее имевший ограниченный доступ к банковским услугам, вдруг поверил в частные банки — с 1870 по 1875 объем вкладов рос на 30–40% в год. И этот положительный финансовый поток позволял раскрадывать Московский ссудный банк — большая часть вкладов перемещалась в карман Струсберга. Однако, поскольку кое-что оставалось и после этого, банк показывал прибыль и платил дивиденды.

К середине 1875 года до России стал доходить общеевропейский финансовый кризис, а запас наличных, ранее хранимых населением в кубышке, стал подходить к концу. В октябре у банков начался кризис ликвидности — клиенты, напуганные неблагоприятными слухами, стали снимать со счетов больше, чем вносили. Но кризис не был особенно сильным — порядочные банки сумели выкрутиться. А вот насквозь раскраденный Московский коммерческий ссудный — лопнул. Падение банка было довольно неожиданным — члены Совета банка обнаружили, что творится что-то неладное, за два-три дня до краха. Даже прямые жулики — Струсберг, Полянский и Ляндау не успели сбежать из России. Увидев, что банк не спасти, члены Совета поступили подловато — не говоря ни слова никому, немедленно продали свои пакеты акций и сняли со своих счетов деньги. Фигура у правого края картины, прячущая стопку банкнот

в карман — это собирательный образ семи заправил банка, привлеченных затем к суду.

После этого Совет банка отправился в Петербург и потребовал у министра финансов немедленно выделить средства для поддержки банка. Поскольку воровавшие члены совета не собирались признаваться, а не воровавшие еле-еле понимали, что происходит, министр отказал в помощи. При этом и сам министр, никогда ранее не сталкивавшийся с банкротствами банков, тоже не понял, что следует делать — операции банка не были остановлены правительством.

10 октября вкладчики, до которых стали доходить смутные слухи, побежали в банк — но наличные уже не выдавали. При этом банк продолжал принимать вклады у особо невнимательных лиц, не замечавших происходящее в операционном зале. К вечеру наиболее расторопный купец Алексеев (будущий московский городской голова) догадался отправиться к прокурору, и немедленно прибывший в банк судебный следователь сумел арестовать Совет банка и изъять всю документацию.

Последовавший судебный процесс показал всю беспомощность действий правоохранительной системы против финансового мошенничества. Судя по обвинительному акту, прокуратура смогла уразуметь, что банк разворовали — но вот разобраться, что именно, как и почему составляло преступление она была уже практически неспособна. Еще сложнее было довести эту позицию до присяжных, большая часть которых не имела элементарной финансовой грамотности, а кто-то и вовсе был неграмотным. Как можно было объяснить этим простым людям, что внесение каких-то заложенных акций в банковский баланс по какой-то оценке и есть воровство? Адвокатура же блистала, напирая на невинность, неведение и чистосердечность ошибок обвиняемых.

Сам Струсберг выбрал на суде наступательную тактику — выходило так, что он финансовый великан, собравшийся преобразовать всю жизнь человечества, а суд — просто скандал, устроенный пигмеями, не могущими понять грандиозности его планов. Деньги же он не в силах вернуть потому, что дали слишком

мало. В ходе процесса Струсберг даже опубликовал в Германии толстенную книгу, восхваляющую его деяния.

Результат вышел обескураживающий — суд приговорил шуку к бросанию в реку: Струсберг был выслан из России. Директора Полянский и Ляндау были сосланы на год с Томскую губернию (откуда Ляндау нагло сбежал с Германию), одному из членов совета объявили выговор, а всех остальных оправдали. Значительно более успешно государство справилось с банкротством банка — большая часть убытков была покрыта казной, и вкладчики банка в конце концов получили 75 копеек за рубль вклада — очень неплохо.

Последствия краха банка были огромны. Трудно сказать, что именно произошло: то ли крах Московского ссудного банка повлек за собой многолетнюю цепочку наиважнейших событий, то ли он стал просто первым из видимых событий в этой лавине. Что же случилось дальше?

Во-первых, государство испугалось и перестало выдавать новые банковские лицензии. Количество акционерных коммерческих банков застряло на цифре 40 на следующие 35 лет. Государство чуть-чуть подтянуло обязательные требования для банков, но, в целом, они соблюдались нежестко. Основным методом регуляции банковской системы минфин избрал не кнут, а пряник. В дальнейшем государство предпочитало выдавать банкам, попавшим в кризис ликвидности, быстрые и дешевые кредиты; если же банки совершенно разорялись, их тайно санировали за казенный счет, ничего не объявляя вкладчикам, а иногда казна (также секретно) выкупала их и продавала новым хозяевам. Банки перестали лопаться — следующий крах крупного банка произойдет через 27 лет. Конкуренция снизилась, регуляция увеличилась, и банки несколько завяли. Объем их активов упал и поднялся до уровня 1875 года только через 15 лет.

Во-вторых, испугалась и публика. Вера в частные банки испарилась как дым (как раз этот процесс испарения и изображен на картине) — вплоть до 1917 года банковские счета и депозиты были только у фирм и деловых людей, использующих банки также и для расчетов и кредита. Рантье же стали держать накопления исключительно в государственных облигациях и гарантированных государством железнодорожных бумагах.

Так не очень большой по объему потерь крах Московского коммерческого и ссудного банка стал переломной точкой в развитии российского капитализма. Закончился «американский», быстрый, нерегулируемый, сопровождаемый большим количеством позитивных и негативных эффектов тип развития, начавшийся в середине 1860-х годов. Следующие 17–18 лет экономика развивалась робко, медленно, под строгим присмотром государства и с постоянной оглядкой на то, как бы чего не вышло. И именно в эти годы наиболее успешные страны (Германия, Франция, США) проделали рывок, позволивший им навсегда опередить Россию без всяких шансов быть догнанными.

Нельзя сказать, что три банковских жулика в 1875 году сумели повернуть вспять экономическое развитие России — это будет слишком громко; разумеется, одновременно действовало великое множество факторов. Но они проделали свое мошенничество в нужный момент и в нужном месте; это как Гаврила Принцип в нужный момент и в нужном месте выстрелил в эрцгерцога Франца-Фердинанда. Растерянные вкладчики на картине печалются не только по потерянным деньгам. На самом деле, хотя они это не понимают, еще вчера они жили в динамично развивающейся стране, имевшей определенный шанс через 20–30 лет догнать европейские державы второго ряда (Италию, Австро-Венгрию). Но теперь этот шанс потерян. Похоже что навсегда.

Мясоедов. Земство обедает: что на самом деле изображено на картине

Картина Мясоедова «Земство обедает», написанная в 1872 году, на первый взгляд кажется типично передвижнической. Маловнимательные советские искусствоведы были склонны считать, что на картине изображены крестьяне, пришедшие с какими-то просьбами в «земство», но заставшие время обеда. Обед «земцев» обставлен солидно (в окне виден то ли буфетчик, то ли официант), а бедные мужики вынуждены удовлетворяться хлебом и луком.

Более внимательные искусствоведы замечали, что настоящие название картины — «Уездное земское собрание в обеденное время». Появилось другое объяснение — участники земского собрания-баре обедают со вкусом, выгнав участников-мужиков на улицу, и те глодают краюху хлеба.

Что же изображено на картине на самом деле, кто такие земцы, чем занимается земство и какие вопросы решаются на земском собрании?

Для начала разберемся, где происходит действие. Григорий Мясоедов был помещиком Новосильского уезда Тульской

губернии, он учился в гимназии в Орле, потом поступил в Академию художеств и по ее окончании уехал в Европу, где и находился до 1870 года. Резонным будет предположить, что художник нарисовал именно знакомый ему Новосиль, единственное место, где он мог ознакомиться с уездной жизнью. Описание здания в отчетах земства — двухэтажное, деревянное, оштукатуренное под камень — также сходится с картиной. Новосиль — маленький город, в то время в нем жило чуть более 4 тысяч человек.

Теперь разберемся, чем было земство. Земства Тульской губернии были открыты в 1865 году, одновременно с 33 другими губерниями Центральной и Южной России. Земства были органами местного общественного самоуправления, существовавшими на двух уровнях — губернском и уездном. Уездное земство состояло из периодически собираемого земского собрания, выборных членов которого называли *гласными*, и постоянно действующей *управы* из председателя и 4 членов.

Деятельность земств на момент написания картины была чрезвычайно малоинтенсивной. Что именно делало Новосильское земство? Это прекрасно видно из сохранившихся печатных отчетов. Во-первых, у земства были твердые обязанности перед государством: оно обеспечивало постоем (то есть проживанием) проходившие через уезд войска (получая за это компенсацию), постоем и лошадьми для разъездов полицию, чиновников и судейских, если у тех оказывались дела в сельской местности уезда (бесплатно). Земство выступало оператором сельских продовольственных капиталов — запаса зерна и денег, который крестьяне держали на случай неурожая. Всеми остальными разрешенными видами деятельности — медициной, начальным образованием, местными дорогами, страхованием от огня, ветеринарией — земство занималось в том объеме, в каком желало. Объем этот был очень и очень невелик. При 115 тысячах населения в уезде земство поддерживало в рабочем состоянии 46 деревянных мостиков через речушки и овраги (сами дороги крестьяне чинили в порядке натуральной повинности в размере 3 рабочих дней в году). Медицины почти что и не было — земство содержало 2 врачей, 8 фельдшеров и больничку на 20 кроватей.

Земского образования не было вовсе — земство платило мизерную дотацию в 6000 рублей суммарно всем содержателям школ и даже само не знало, сколько школ в уезде. На благотворительность уходила ничтожная сумма — 2000 рублей в год. Земской ветеринарии не было вовсе, а страхование находилось в зачаточном состоянии.

Нетрудно догадаться, что обходился этот небольшой набор социальных сервисов тоже недорого — годовой бюджет земства составлял 48 тыс. рублей, причем с крестьян собирали только 22 тысячи, около 20 копеек в год на человека. Чтобы понять масштаб такого бюджета, надо указать, что он сопоставим с обычным для той эпохи годовым жалованьем наемного управляющего железной дорогой или коммерческим банком. Вот почему крестьяне на картине держатся так хладнокровно — что бы не постановило уездное земское собрание, в конце концов с них соберут очень мало налогов, на которые они получают очень мало услуг. Беспокоиться тут не о чем. Крестьяне даже не пытаются обсуждать между собой малоинтересную повестку собрания.

Теперь расскажем о самом земском собрании. Собрание выбиралось по сословиям. Новосильские помещики, имевшие более 200 десятин (215га), собирались на общий съезд и выбирали 17 гласных. Горожане с высоким имущественным цензом (на практике домовладельцы с крупными домами и купцы 1й гильдии) на своем собрании выбирали 2 гласных. Крестьяне выбирали на 35 волостных сходах выборщиков, а те на своем съезде выбирали еще 18 гласных. Кроме того, в собрании по должности участвовали уездный предводитель дворянства (он был председателем) и городской голова. Итого, у крестьян (а их было 96 тысяч, то есть 14–16 тысяч домохозяйств) было 18 голосов из 39, а у дворян (около 80 семей помещиков) — тоже 18 голосов. Не очень-то честно. Впрочем, несостоятельные горожане не были представлены в собрании вообще.

Собрание проводилось один раз в году, и новосильские дворяне повели себя по-джентльменски — стали устраивать его в конце сентября, а не в декабре, как то было в большинстве земств. В чем была вежливость? На зиму многие крестьяне уходили из деревни — подрабатывали извозом, находили временную работу в

городе. В конце сентября все были еще дома, и такое время для собрание давало гласным–крестьянам возможность совместить поездку в город с продажей урожая и, в ожидании окончания обеда, погреться на последнем солнышке у дверей. Правый мужик, не теряя времени даром, прикупил себе в городе подойник (емкость, в которую доили корову).

Кем были баре, на существование которых художник только намекает, и как выглядел их обед? Земство занимало наемный купеческий дом (свой дом оно начнет строить только на следующий год), и, разумеется, 39 членов собрания еле-еле помещались в самую большую из его комнат. Земство было так бедно, что располагало только 2 креслами и 10 стульями — даже стулья к собранию приходилось выклянчивать у соседей (наверное, в трактире). Так что обедающие в здании дворяне сидят на разношерстной сборной мебели и в страшной тесноте. Хочется верить, что кто-то из помещиков побогаче привез своего повара, и им хотя бы досталась вкусная еда. Разумеется, обед проводится не за счет земства, и участники оплачивают его вскладчину. По этой причине гласные–крестьяне не посчитали необходимым тратить на ненужный им обед с дворянами 2–3 рубля в день в течение 5–6 дней, которые занимало собрание, и спокойно ожидают его окончания на улице.

Что мы знаем о самих барах? Почти ничего, из заметных людей в здании только четверо Сухотиных, членов старой дворянской семьи с большими литературными и светскими связями в столицах. Председатель собрания, штабс-ротмистр в отставке Алексей Михайлович — приятель и постоянный корреспондент Тургенева, его брат Сергей, чиновник московского дворцового ведомства — знакомец и сослуживец по Севастополю Льва Толстого, сын Сергея в дальнейшем станет зятем писателя. Уход жены Сергея Сухотина к новосильскому же помещику Лодыженскому — один из источников сюжета «Анны Карениной»; непосредственно этих людей на собрании нет, но большинство местных дворян с ними знакомо; один из Лодыженских — член управы. Имена всех остальных участников обеда покрыты ныне мраком безвестности.

Кстати, а почему на картине 8 крестьян, ведь гласных от крестьян было 17? Как ни странно, все остальные гласные от крестьян были дворянами, один из них был полковником, а еще один князем. Эпоха была патриархальной, население было пока что небольшим, земли хватало, многие крестьяне были еще довольны условиями наделения землей — так что довольно часто крестьяне доверяли представительство своих интересов помещикам. Кроме того, наделение землей бывших крепостных в губернии было еще не окончено, и там, где оно предстояло, крестьяне хотели как-то подмаслить барина бесплатным для себя способом — а выбор в гласные для этого отлично годился. Заметим, что в земской управе из четырех членов двое были крестьянами.

Сколько получали земцы? Зарплата была только у управы, председатель получал 700 рублей в год, члены по 600. Это было умеренное жалованье — земским врачам платили 1000, бухгалтеру управы — 330, писцам по 200. Для сравнения, губернатор получал 10000, профессор — 3000, учитель гимназии — 1300. В земствах, за редчайшими исключениями, не воровали. Так что обедающие дворяне не нажили от земской деятельности капиталов; и обед, и участие в собрании для всех его участников есть чистый расход денег. Надо понимать, что дворяне не лечились у земских врачей бесплатно, не ходили в земские школы — из всех земских сервисов им сами были полезны лишь дороги (едва существовавшие), в то время как налог с земли они платили по единой с крестьянами ставке.

Теперь перейдем к предполагаемой бедности крестьян. Двое из крестьян одеты в синие полосатые штаны и сапоги, на одном голубая рубашка, а на одном — даже алая верхняя одежда (полукафтан?). Напомним, что синтетические красители (и ярко окрашенные ткани) все еще являются дорогой импортной новинкой, производство первого из них — мовеина — начали всего лишь 15 лет назад, а одежда спящего окрашена еще более дорогим и модным фуксином. Да у губернаторши платье от модистки-француженки приблизительно из такой же ткани! Так что как минимум двое владельцев сапог не бедствуют, а спящий в алом — просто предмет зависти целой волости. Третий справа мужик не

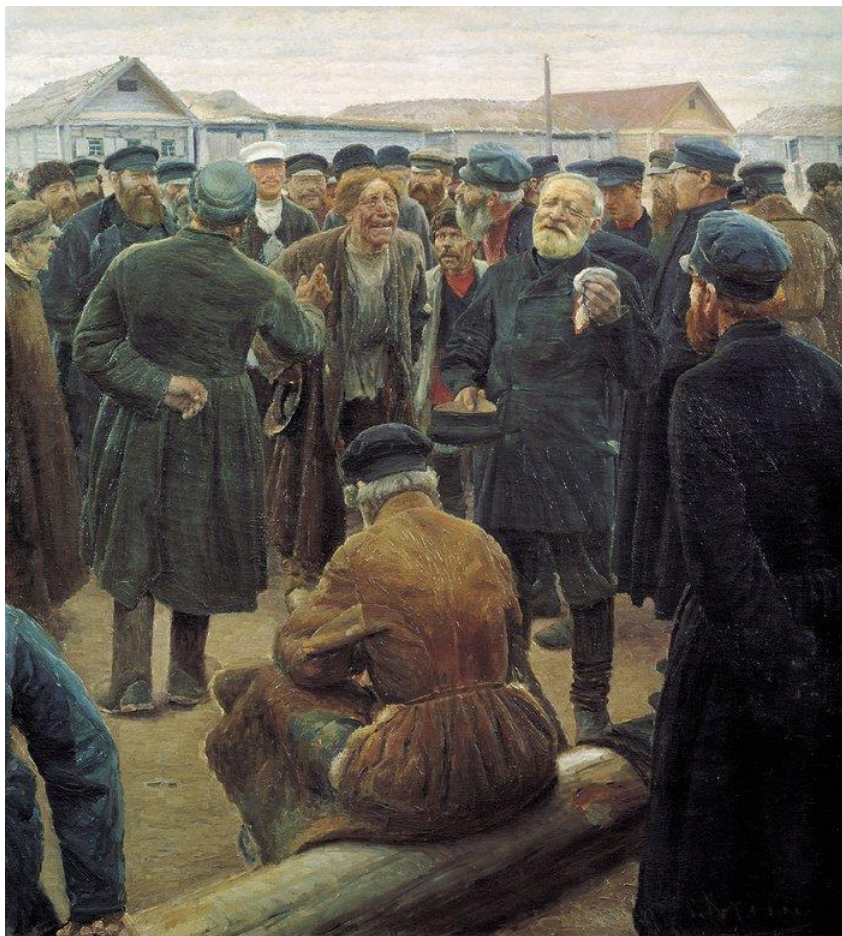
имел ничего цветного, но, чтобы не отставать от Джонсонов, надел очень основательный полушубок, хотя на улице еще и не холодно. Одежда и обувь на всех крестьянах полностью исправна. У стоящего мужика с полосатой сумкой — не крестьянская лохматая борода, а подбритая и подстриженная эспаньолка, для той эпохи — барского фасона, то есть перед нами модник.

Почему обед мужиков так скуден? Всё очень просто, крестьяне работали на полях и не имели времени возвращаться в дом, так что они привыкли днем только слегка перекусывать холодным, а горячую еду есть лишь вечером. И даже не каждый день — летом большую русскую печь не топят ежедневно, в ней варят еду сразу на 3–4 дня. Так что крестьяне (и неработающие аристократы) в то время следовали обычаю плотно есть вечером, а все работающие горожане (в том числе и служащие дворяне) обедали в привычное для нас время. Таким образом, обеды дворян и крестьян на картине контрастируют не по калорийности, а по времени — дворяне к середине дня проголодались, а крестьянам пока и не хочется ничего, кроме куска хлеба; еще раз напомним, что у спящего в алом уж точно хватает денег на сытнейший обед в трактире. Интересно и то, что крестьяне почти ничего не пьют, крынка (с квасом?) есть только у одного из них — воду из городских колодцев и речек ни в коем случае не следовало пить некипяченой, а у бар, видимо, еще не закипел самовар (разумеется, кипятком с крестьянами поделаться).

Теперь, после объяснения, содержимое картины вырисовывается по-иному. Крестьяне не показывают никаких признаков бедствий, и их никто не выгонял с барского обеда — обед им не очень-то и интересен, у них другие привычки и обычаи. Крестьяне никуда не торопятся и ничего не ждут — они уже приехали в город на собрание, которое занимает целую неделю. Они мирно, пользуясь хорошей погодой, сидят у крыльца как ящерицы, в состоянии оцепенения, обычном для земледельца, привыкшего ничего не делать полгода. Если что-то в картине и можно считать объектом критики, то это разлитая в воздухе провинциальная лень и спокойствие. Крестьяне выглядят скорее ослобевшими, чем возбужденными от дискуссий на важные для них темы. Это же их земство, их дела, можно было бы и

поволноваться, ну хотя бы обсудить постановленное в утреннем заседании! Но не факт, что художник вкладывал в картину именно такие мысли. Быть может, земско-провинциальная лень казалась ему столь же очевидной и неизбежной, как и персонажам картины.

Коровин. На миру: что на самом деле изображено на картине

Картина Сергей Коровина «На миру» изображает какой-то конфликт между крестьянами. Среди толпы мужиков между собой спорят малосимпатичный оборванец и солидного вида пожилой седобородый мужик. Дискуссия развернулась не в пользу оборванца, и сейчас он потеряет что-то для себя важное — у него такой вид, что он вот-вот разрыдается. Седобородый мужик почти

что плачет от смеха — видимо, аргументы оборванца настолько плохи, что отвечать на них по существу он не считает нужным. Стоящие вокруг крестьяне преимущественно приняли сторону седобородого и посмеиваются.

Костюм плачущего вопиюще беден, все прочие участники собрания выглядят много состоятельнее. Второй участник спора, седобородый, по деревенским меркам очень солиден. Он единственный одет в короткополую, по городской моде, одежду, что для села является признаком предпринимателя — лавочника, трактирщика, мелкого подрядчика.

Традиционно считается, что картина изображает конфликт между бедным крестьянином и кулаком-мироедом, несправедливым образом разрешаемый в пользу кулака. Тут же возникают вопросы. С чего это крестьяне разрешают свои конфликты, собравшись в кружок? Казалось бы, в царской России был хорошо действующий суд; если у этих двоих между собой какой-то спор, то при чем тут соседи? Что вообще могло быть предметом коллективного обсуждения крестьян? На чьей стороне автор?

На самом деле содержание картины не было для современника столь размытым, как это представляется нам. Все крестьянские сословно-общественные власти и учреждения — сельский сход и сельский староста, волостной сход, волостной суд и волостной старшина — имели четко обозначенные законом компетенции, и отнюдь не могли разрешать такие вопросы, в которые им входить не дозволялось. Следовательно, нам надо только понять, какое крестьянское учреждение мы видим на картине, и мы тут же определим круг обсуждаемых на собрании проблем.

Для начала мы исключим из рассмотрения волостной сход (волость — группа селений с общим населением 5–10 тысяч человек) — эти собрания не обсуждали никаких персональных вопросов, а на картине явно изображен спор двух лиц. Может быть, это волостной суд? Да, волостной суд с выборными из крестьян четырьмя–шестью судьями разрешал все споры между крестьянами волости на сумму менее 500 рублей. Но все же волостной суд более или менее походил на суд. Обычно его

проводили в помещении волостного правления, а публики было немного — но даже если суд решили устроить на улице и он вызвал общественный интерес, то все равно мы бы увидели сидящих рядом судей, волостного писаря, записывающего постановления в книгу и т.п. — и ни на что подобное художник не дал ни малейшего намека. Следовательно, перед нами сельский сход.

В сельском сходе участвовали все крестьяне–домохозяева сельского общества (земельной общины, объединения крестьян, приблизительно соответствующего селению). Сход обсуждал широкий круг вопросов, но персональный характер из них могли носить только четыре: разрешение семейных разделов, прием и увольнение членов общества, высылка порочных членов общества в Сибирь, распределение между крестьянами наделной земли.

На семейный раздел ситуация не похожа — спорящие не выглядят родственниками. Прием и увольнение из крестьянского общества вряд ли бы имели вид спора между двумя лицами. Высылка порочных в Сибирь по приговору сельских обществ на момент написания картины юридически существовала, но практически была невозможна. Следовательно, перед нами спор о распределении наделной земли.

Сельское общество пользовалось наделной землей на весьма необычных правовых основаниях. В современном российском праве таких правоотношений нет, а в американском есть, это называется *tenants-in-common* и на этом праве индейские племена пользуются землями резерваций. Смысл схемы состоял в том, что сельское общество представляло собой единого (но коллективного) арендатора государственной земли, который пользовался этой землей вечно и безвозмездно, но не владел ей — община не могла продать или обменять наделную землю. Община платила государству выкупные платежи, равномерно распределенные на 49 лет, и после окончания платежей земля должна была поступить в ее полную собственность. В глазах государства община была единым арендатором, внутри же себя она распределяла землю между домохозяйствами как хотела. Единственное, что требовало государство, было то, что решение о распределении земли должно получить большинство голосов на сельском сходе, а принцип, по которому распределяется земля,

должен быть объективным и безличным; кроме того, община должна была выделить хоть что-то хозяйствам без трудоспособных лиц.

Крестьяне повели себя по-разному. Некоторые общины распределили землю между домохозяйствами однократно и решили более ее не переделывать — то есть создали для своих членов некоторый суррогат частной земельной собственности. Другие общины стали практиковать переделы, производимые с разной частотой — от ежегодного до раза в поколение (20 лет). Принцип распределения тоже различался — некоторые общества приняли социалистический подход и раздавали землю по душам. В этом случае слабые хозяйства с малым количеством работников и большим количеством иждивенцев могли сдавать свой надел односельчанам, и арендная плата была для них социальным пособием. Другие общества были настроены более жестко и, напротив, распределяли наделы по работникам, что давало преимущества семьям с большим количеством взрослых мужчин. В обоих случаях было много нюансов — например, надо было решить, что делать с теми, кто числился в сельском обществе, но фактически переселился в город. Беспомощные домохозяйства, заведомо не способные к полевым работам (вдовы с детьми, старики) как правило не получали полевой части надела, но пользовались пастбищем и покосами — то есть они не выращивали зерновых, но могли содержать корову.

Но, в любом случае, крестьяне были связаны круговой порукой — государство собирало поземельный налог и выкупные платежи со всей общины в целом. Как только кто-то не справлялся с уплатой податей, он начинал тем самым обкрадывать односельчан во всей их совокупности. Соответственно, сельское общество не имело обязательства выделять налоговым должникам землю по единому с односельчанами принципу — прозевал уплату налога, можешь лишиться надела вовсе. А можешь и не лишиться — это как решит сход.

Переделы могли быть общими, а могли быть (на практике чаще всего и были) частными, при которых стандартизированные по ценности части наделов (так называемые «тягла») отнимались у одного домохозяйства и отдавались другому; крестьяне называли

этот процесс «скидки и накидки». Скорее всего, на картине как раз и изображен спор по поводу частного передела. Передел всегда производится в середине осени, так как это единственное время, когда поле пусто — яровые уже убрали, озимые еще не посеяли. Одежда крестьян на картине соответствует октябрьской погоде.

И наконец, ни сами крестьяне, ни сельское общество в целом не имели права кредитоваться под залог земли. Ну а кроме земли у крестьян не было ничего, что может служить залогом под кредит. Кредит же крестьянам нужен, и очень сильно — сельскохозяйственное производство носит сезонный характер, а год на год не приходится. Результат очевиден — кредит доставался крестьянам на самых грабительских условиях, и не от сторонних кредиторов, а от более богатых односельчан, которые имели некоторые неформальные рычаги давления на должников. Это и было знаменитое кулачество, на ненависти к которому затем так ловко сыграли большевики.

Последний случай — кредит и следующая за ним неуплата податей — по всей видимости и отражен на картине. Слабое домохозяйство, отец помер, остался бестолковый молодой сын, у которого всё валится из рук. Дела идут плохо, настала весна, деньги и зерно кончились, надо что-то сеять и что-то есть до урожая. Заняли денег у сельского лавочника под высокий процент. Собрали урожай, стали отдавать деньги — и с долгом не расплатились, и на подати не осталось. И тут кредитор выступает на сельском сходе с предложением: передать половину надела должника ему, он и долг по податям заплатит, и немного долга самому себе простит. Это ловушка, и бедняк, попавший в нее, пропал навсегда — теперь он то ли превратится в наемного батрака, то ли ему придется уходить в город, а там неграмотного парня в обносках и без специальности не ждет ничего хорошего.

Но односельчане не имеют к этой беде никакого сочувствия — предложение кредитора для них выгодно. Если земля останется в руках недоумка, то он, скорее всего, накопит еще больший налоговый долг, который придется покрывать всей общиной. Если же земля попадет в крепкое хозяйство, всё будет в порядке — с землей, но не с плачущим криворуким идиотом. Оборванец плачет, а окружающие его крестьяне (все они выглядят солидно и

хорошо одеты) посмеиваются. И только маленький дегенеративного вида мужичок — наверное, приятель оборванца — проникся его словами и смотрит с сочувствием.

Перед нами два будущих члена комбеда, окруженные будущими кандидатами в спецпереселенцы.

Василий Максимов. Семейный раздел: что на самом деле изображено на картине

Картина Василия Максимова «Семейный раздел» (1876) — типичная передвижническая картина, посвященная ушедшим реалиям. Основная мысль картины нам понятна — два брата делят общее хозяйство (по всей видимости, после смерти отца); понятна и психологическая сторона — младшая семейная пара на картине состоит из скромной, застенчивой жены и решительного мужа, а старшая, напротив, из жесткой, скандальной жены и робковатого мужа. А вот понять, зачем они решили делиться, хорошо это или плохо, полезно им или бесполезно, из-за чего именно они спорят и кто тут прав, современный зритель уже не может. В этом мы и попробуем разобраться.

Для начала надо понять, что крестьянское домохозяйство — это не просто совокупность частного имущества. Крестьянский двор не принадлежит никому — ни домохозяину как единоличному владельцу, ни всем членам семьи в совокупности.

Скорее, это крестьяне принадлежат к двору. Общее гражданское право на крестьян не распространяется, и они вольны решать свои имущественные споры по обычаям, при необходимости обращаясь к непрофессиональному волостному суду, также действующему без писаного права. Поэтому, в общем смысле, ни один из братьев не является владельцем половины двора.

Перед нами простой случай — достаточно очевидно, что двор делится между двумя братьями поровну (русские не склонны давать преимущество старшему брату). А вот если бы один брат пожелал уйти в город и переписаться в мещане (то есть сам двор не делился бы на два двора), то он не имел бы безусловного права требования своей половины имущества. Еще большей проблемой был бы раздел двора между отцом и сыном (здесь для русских не очевидно, что надо делиться поровну). Да и в нашем простом случае есть о чем поспорить — если мы представим, что у одного брата один ребенок, а у другого пять, справедливо ли делить двор пополам?

В общем, ничего похожего на современный раздел имущества при разводе или распределение наследства, то есть такой процедуры, при которой права всякого лица определены законом, для крестьян не существовало (а вот для всех остальных сословий — существовало). Любой спор разрешался борьбой воле, а если таковая борьба не давала результата — произвольным решением волостного суда, бестолкового, непоследовательного и падкого на подношения. Юристы той эпохи уже начали догадываться, что правительство сделало ошибку, не распространив на крестьян в момент их раскрепощения общее гражданское право. Крестьяне не смогли выработать собственное обычное право, как то ожидало от них государство, и просто запутались и погрязли в конфликтах, один из которых и изображен на нашей картине.

Заметим, что у мужиков хватает ума найти из этого запутанного положения самый цивилизованный выход — прибегнуть к медиации. Три фигуры в красном углу — это сельский староста (узнаваемый по должностному знаку на груди) и двое «стариков», то есть просто наиболее авторитетных односельчан. Никакой законной власти в деле разделения имущества эти лица

не имеют, и они приглашены спорящими добровольно. Парадоксально, но разумный обычай медиации, весьма популярный при разрешении внутрисемейных имущественных конфликтов в современных европейских странах (иногда даже обязательный), в России напрочь исчез — то есть здесь мы даже несколько издичали в сравнении с вшивобородыми и неграмотными предками.

Теперь надо разобраться, что и как делят на картине. Земельный полевой надел не составляет собственности крестьян, он принадлежит общине в целом и может быть в любой момент подвергнут переделу. Следовательно, его судьбу (и следующую за ней раскладку податей) при разделе двора определяет сельский сход, а не братья. А вот усадебная оседлость (придомовой участок), постройки, деньги и движимое имущество составляют собственность двора и подлежат разделению. Разумеется, никто не ставит задачи разделить видимое на картине имущество пополам. Напротив, хороший дом — а на картине изображен очень солидный дом, добротной постройки, с большими окнами и высоким потолком — обычно стоил больше, чем всё остальное имущество семьи. Таким образом, один брат получит, скорее всего, дом, а второй всё остальное (а может быть, еще и доплату). Кому достанется какая половина имущества? Это будет решено то ли по соглашению сторон, то ли по жребию, то ли по усмотрению медиаторов — в этом, как и во всех правоотношениях крестьян, не наблюдалось устойчивой системы. Интересно, что самый толковый общеевропейский обычай дележки пополам — первый делит имущество на две части, а второй выбирает из них себе любую — был мало известен русским и наблюдался редко.

Из-за чего именно происходит спор на картине? Это мы понимаем хорошо. Стороны спорят о том, что является имуществом двора, а что составляет частную собственность женщин. Многочисленные наблюдатели сообщают нам о том, что крестьяне, в случае небольших посадок, передавали все работы с льном и коноплей бабам, но за это произведенные льняная ткань и пенька составляли личную собственность последних, и если эти товары удавалось продать, то бабы могли распоряжаться деньгами по своему усмотрению. То же относилось и к разного рода мелким

поделкам на продажу (типа вышивания), которыми женщины занимались в свободное время. Разумеется, всякому лицу индивидуально также принадлежали и полученные им подарки.

Этот набор совпадает с теми предметами, из-за которых рассорились женщины. Вещи покупные — парадный конский убор, выделанные шкуры, фаянсовую посуду, персонажи картины без спора свалили в общую кучу. А вот когда дело дошло до кудели и отбеленного холста (собственные изделия женщин) и набивной ситцевой ткани (подарки женщинам), началась свара.

Можно предположить разные сценарии конфликта. Для примера, вначале женщины разделили обязанности — старшая больше времени ткала, а младшая за это выполняла ее половину работы по уходу за скотом; при этом подразумевалось, что плоды труда будут разделены поровну. Когда же дошло время до дележки, младшая бросила изготовленное ей малое количество холста в общую массу, а старшая стала неправильно ссылаться на обычай, по которому холст принадлежит именно тому, кто его соткал, то есть претендовать на его большую часть. Мужья, как всегда и бывает, втянулись в конфликт, а вот посторонние мужики явно не хотят ввязываться в мелкие бабьи свары, в которых невозможно найти правого и виноватого.

Если посмотреть повнимательней, то видно, что братья и сами хороши — перед разделом они надели наилучшую одежду и обувь, чтобы то, что оказалось на них, не попало в разделяемую массу. Очевидно, что ни один мужик не станет ходить у себя в избе в крашеной одежде (в 1876 году она еще дорога) и в сапогах — это парадный костюм, на выход в город или на праздник.

Теперь мы перейдем к самому важному — к рассмотрению причин и последствий раздела. Зачем крестьяне делились? Многочисленные старые и современные исследования однозначно утверждают, что экономической целесообразности в разделах не было. Чем крупнее было крестьянское хозяйство, чем больше был надел и больше было в доме работников, тем выше была эффективность хозяйства. У большого двора была выше урожайность, выше не только валовый, но и душевой доход. Население в конце 19 века росло быстро (на момент написания картины на 1.5% в год), и перед крестьянами стояла дилемма —

либо сохранить фиксированный размер семьи при увеличении количества дворов и уменьшении количества земли, приходящегося на двор, либо сохранить фиксированное количество дворов при увеличении размера семей. Крестьяне твердо выбирали первое — количество дворов ежегодно увеличивалось на те же 1.5%. До 1874 разделиться легально было невозможно, так как по рекрутскому уставу разделяющиеся получали некоторую льготу по призыву, а на это уже не могли согласиться односельчане. Крестьяне делились неформально, на бумаге был один двор, а на самом деле два. В 1874 была введена всеобщая воинская обязанность и односельчанам стало все равно — крестьяне со страшной силой начали делиться легально (что и изображено на картине). Правительство очень быстро, всего лишь через 19 лет (это не шутка, так тогда работала бюрократия), приняло закон, накладывающий на раздел множество ограничений — крестьяне снова стали делиться неформально. В общем, с желанием крестьян делить дворы не было сладу.

Что же тогда заставляло крестьян делиться? Исключительно личные причины, то есть тяжелые внутрисемейные нравы в больших многопоколенных семьях и отсутствие навыков коллективного, пусть даже в пределах большой семьи, действия. Уже одного всеобщего *снохачества*, то есть обычая, по которому отец имеет полное право насиловать жен своих сыновей, хватало для того, чтобы жизнь семьи наполнялась взаимной ненавистью. А ведь там было еще и нечестное распределение рабочей нагрузки и плодов труда, и просто бездна самодурства и агрессии. Также все наблюдатели фиксируют непрерывные скандалы между свояченицами, то есть женами братьев. Чтобы проникнуться этим тяжелым духом, лучше всего посмотреть великолепный, правдивейший фильм «Жила-была одна баба». Две семейные пары, изображенные на картине, знают, что им выгодно жить вместе. Но они также знают, что им все равно не ужиться.

Таким образом, за мелким бытовым конфликтом, изображенным на картине, стоит большая проблема, угнетающая Россию и сегодня — печально знаменитая *атомарность* русского общества. Персонажам картины проще жить отдельно, пусть даже их хозяйство придет в упадок, чем выработать правила совместной

жизни и им следовать. Лучше тихо копаться в своем углу, смиренно перенося бедность, чем втравливаться в общее дело — предполагается, что из общего дела, каким бы выгодным оно ни казалось, не выйдет добра, все равно более хитрый возьмет верх и обокрадет, обманет более робкого. Все равно никто никогда не разделит честно доход. Все равно выйдет какая-нибудь дрянь. Даже если это дело не с чужим человеком, а с родным братом.

Два брата с картины давно просрали свое разделенное хозяйство и, может быть, умерли в бедности. А мы, их потомки, всё не можем научиться вскладчину с соседями купить лампочку на лестничную площадку. Да и при получении наследства нам тоже часто не удается разделить его с братьями и сестрами справедливо и мирно. Вот о чем на самом деле эта картина.

Савицкий. Ремонтные работы на железной дороге: что на самом деле изображено на картине

Картина Константина Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге» очень проста. На железной дороге в интенсивном темпе ведутся какие-то земляные работы. Техника примитивна: лопата, тачка (катаемая по специальной доске), кирка, так что рабочим приходится тяжело; на наиболее крутых подъемах им помогают мальчишки-подручные, зацепляющие тачку крюком. На пригорке стоит подрядчик, чей курьезный наряд с кумачовой рубахой на выпуск контрастирует с грязными одеждами рабочих. Вокруг типичный среднерусский пейзаж. Вот и всё, что мы можем увидеть на картине.

Теперь перейдем к более внимательному наблюдению. Для начала разберемся, чем именно заняты рабочие. Собственно железнодорожные пути работами не затронуты, так что рабочие, по всей видимости, исправляют откосы или углубляют водоотводные каналы. Можно предположить, что этот участок дороги то ли подвержен оползням, то ли заливадается водой, так что такие меры должны помочь.

Железная дорога выглядит, на наш взгляд, весьма жалко. И немудрено: рельсы на тот период весили 33 кг на метр (современные — 75 кг) и укладывались на шпалы, представлявшие распиленный напополам обрезок бревна, с двумя засечками — площадками под крепление рельса (шпалы не антисептировали, и их приходилось менять каждые 3–4 года); балластировался такой путь песком (современный — расклинивающимся щебнем). В общем, под современным поездом такой путь просто бы развалился. Но старинный поезд тоже был не особенно впечатляющим: грузоподъемность вагона составляла около 10 тонн (сегодня как минимум 65–70), а вагонов в нем было 20–25.

Сами рабочие — обычные крестьяне в повседневной одежде (не совсем все, уса́тый мужик в центре похож на опустившегося барина). Можно было бы предположить, что их наняли в ближайших деревнях, но это не всегда было так. Земляные работы ведут летом, как раз тогда, когда крестьяне более всего заняты, так что значительная часть рабочих иногда приходила наниматься на «чугунку» издалека, из тех перенаселенных губерний, где и в сентябре есть лишние руки. Получают рабочие где-то 30–50 копеек в день, и вполне этим довольны. Хотя искусствоведы традиционно жалеют персонажей картин, занятых тяжким физическим трудом, самим крестьянам было себя не жалко — они-то осознавали, что не обладают никакими специальными навыками, и отнюдь не ожидали, что их наймут читать лекции по грамматике санскрита.

Все рабочие временные, нанятые на лето, не напрямую железной дорогой, а мелкими субподрядчиками — как раз один такой и изображен на картине. Что с ними будет, когда выпадет снег? Они пойдут, но не восвосяи, а в город, искать другую простую работу — тому, кому нет дела в деревне летом, тем более нет дела и зимой. Эти крестьяне были крестьянами лишь в том смысле, что в деревне жили их семьи, которые они навещали раз в несколько лет — точно как современные таджики–гастарбайтеры.

Теперь мы подходим к самому любопытному в картине — ее контексту. Для нас железная дорога — это такая штукавина, где ходят поезда (не совсем так, в последние годы этот опыт обогатился шубохранилищем). Для любого образованного

россиянина в 1875 году железная дорога — это прежде всего сосредоточение коррупции невиданного ранее масштаба, источник возникающих ниоткуда за пару лет гигантских состояний, повод и причина миллионных взяток, развращающих высшую бюрократию. Железная дорога насквозь проникнута воровством и обманом, в котором замазаны все — от министров, выдающих концессии на постройку дорог, до контролеров, за копеечные взятки пропускающих зайцев.

Теперь картина предстает в другом свете. На полотне посетитель Передвижной художественной выставки видел людей, занятых честным тяжелым трудом за небольшую денежку, а прямо рядом с собой в зале — миллионеров, составивших состояние на эксплуатации этого труда. Хотя владелец картины Павел Третьяков лично не участвовал в железнодорожном бизнесе, он водился со множеством людей и бывал во множестве домов, построенных на прибыль от именно таких работ. Представьте себе ваше впечатление от картины «Таджики копают котлован для олимпийского стадиона» — это будет максимально точный аналог тех мыслей и чувств, которые охватывали современников при виде картины.

Продолжим наше исследование. Мы точно знаем, когда и где именно написана картина — художник наблюдал железнодорожные работы в 1873 году, близ станции Козлова Засека Московско–Курской железной дороги. Эта дорога на тот момент была центром ожесточенной экономической и политической битвы между сторонниками казенного и частного железнодорожного строительства. Битва была долгой, она заняла все 1860–е годы, и окончилась полной победой частных предпринимателей. Не стоит думать, что это была битва между либералами и государственниками: частные железные дороги были концессионными, находились в жестком государственном регулировании и обильно субсидировались казной. Скорее надо думать об этих событиях, как о конфликте традиционных казнокрадов (привыкших воровать на казенном строительстве) с союзом бюрократов–взяточников (ожидающих вознаграждения за выдачу концессий) и частных жуликов (рассчитывающих выманить из казны субсидии). И даже это неверно — с обеих

сторон, при ошеломляющем размахе коррупции, на ключевых постах постоянно оказывались честные люди, действовавшие по убеждению.

Московско–Курская дорога стала лебединой песней лидера партии казённых железных дорог Павла Мельникова (памятник ему стоит на площади трех вокзалов в Москве). В попытке доказать преимущество казенного строительства над частным он решил выстроить дорогу чрезвычайно дешево, дешевле всех предложений, которые делали казне концессионеры. Дорога, построенная к 1869 году, действительно оказалась очень дешевой, почти в два раза дешевле Николаевской — да только построена она была невероятно халтурно. На дороге непрерывно происходили разрушения путей, обрушения сооружений, аварии, поезда сходили с рельс чуть ли не ежедневно. Дорогу называли «костоломкой», а ремонтные бюджеты поглощали всю прибыль. Результат оказался противоположен ожиданиям Мельникова — Московско–Курская дорога оказалась последней дорогой, выстроенной казной (до 1890–х годов, когда начался обратный процесс национализации дорог), сам же Мельников в 1869 году лишился министерского поста.

Победу одержала партия приватизаторов. Министрами путей сообщения и финансов оказались враги казенного железнодорожного хозяйства — граф Владимир Бобринский и Михаил Рейтерн. Последние неприватизированные дороги в срочном порядке продавались частникам. Основным претендентом на Московско–Курскую дорогу оказалась так называемая группа Московских капиталистов. Состав группы был пестрым: возглавлял ее профессор математики Федор Чижов, человек без всяких средств, но с энергией и инициативой, а деньги предоставляли московские текстильные фабриканты — Морозовы, Мамонтовы и Рукавишниковы (то есть большой, честный и консервативный бизнес, ранее не имевший дела с государством) и бывшие винные откупщики Бостанджогло и Бенардаки (жулики и воры с огромным опытом работы с чиновниками).

Теперь начинается самое удивительное. Чижов решил, что государство само радо будет сбыть Московско–Курскую дорогу с рук, так что миллионных взяток при приватизации он платить не

станет. Такая политика требовала смелости. Вначале к концессионерам подкатил мутный миллионер Губонин, выступавший агентом министра двора графа Адлерберга, и объявил, что если графу не дадут бесплатно акций дороги на 3 млн. рублей, он сделает так, что государь не подпишет документы, что бы ни постановили министры. Губонина послали к черту. Потом на концессионеров напали лжеконкуренты–вымогатели и потребовали 1.5 млн, угрожая перебить их предложение более дорогим (строить дорогу они не собирались, достаточно было сорвать торги и затянуть дело). Из тоже отшили. В конце–концов Чижов оказался прав, и дело удалось провести без взяток. Московско–Курская дорога стала единственной дорогой, приватизированной честным образом и на выгодных для казны условиях — и (увы, поздно хватились) последней приватизированной дорогой. При приватизации железной дороги исправление многочисленных недоделок было даже оговорено в уставе дороги, и казна оставила для этих целей за новыми владельцами коло ее 10% стоимости.

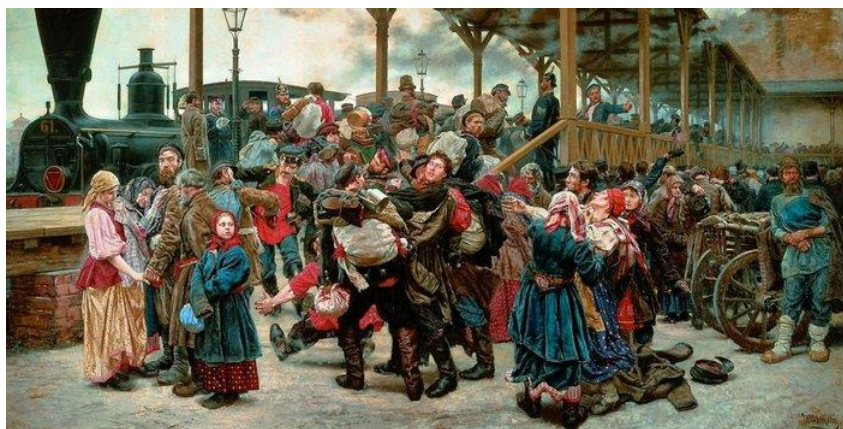
Итак, рабочие на картине не просто чинят железную дорогу — это частные владельцы исправляют фантастический брак, который сотворился в попытке организовать показательную, быструю и дешевую казенную стройку. Говоря обобщенно, мы наблюдаем победу частного предпринимательства над провалившимся госкапитализмом.

Теперь перейдем к вопросу о том, кто кого эксплуатирует и обманывает на картине. Казну, как мы выяснили, в данном случае не обманули, капиталисты заплатили за дорогу правильную цену. Рабочих, надо предположить, тоже никто не обманывает — они продают свой труд по нормальной текущей рыночной цене. Неужели в России, да никого не обманули? Конечно же обманули. В 1891 году казна выкупила дорогу (возможность выкупа через 20 лет была условием концессии). Основным инструментом, позволявшим казне получить финансирование для выкупа, были консолидированные железнодорожные облигации. Приблизительно половина облигаций покупалась государственными сберкассами — ну а потом миллионы вкладов в них, принадлежавших преимущественно простым людям, были

аннулированы Советской властью. Другая половина половина была распродана во Франции — разумеется, и по этим долгам большевики платить не стали. Итак, за железную дорогу, видимую на картине, в конечном счете пришлось расплатиться французскому рантье.

Ну и напоследок отметим связь этой картины с другим полотном, ныне знаменитым очередями к нему — серовским портретом девочки с персиками. При чем тут «Девочка с персиками»? Всё очень просто, эти рабочие зарабатывают ей на персики. Савва Мамонтов, отец Девочки с персиками, и был одним из крупнейших акционеров Московско–Курской дороги.

Савицкий. На войну: что на самом деле изображено на картине

Картина Константина Савицкого «На войну» (1888) посвящена Русско–турецкой войне 1877–78 годов и изображает станцию железной дороги с деревянным навесом над дебаркадером, у которого стоит предназначенный для мобилизованных поезд. Жандармы пропускают на платформу только солдат, а провожающие их домашние остаются внизу, под дебаркадером. Разнообразные сцены расставания отправляемых на войну с семьями и составляют основу картины. У паровоза стоит старший офицер, за порядком на платформе приглядывают станционные жандармы в характерных касках (жандармерия, среди прочего, была полицией на путях сообщения). Вокзал большой, городской, с навесом над дебаркадером (это сделано исключительно для улучшения композиции, в первой версии картины навеса не было), но народная толпа — чисто деревенская, в ярких праздничных одеждах (а не в городском «немецком» платье).

Для понимания изображенного попробуем, как всегда, разобраться в деталях полотна. Первое, за что цепляется внимательный глаз — странный наряд отправляющихся на войну. Мы видим какое–то нелепое сочетание военного мундира с крестьянской одеждой: под китель с погонами надета кумачовая

рубаха и т.д. Как так могло получиться? Ответ однозначен: перед нами не призывники, а мобилизованные запасные. Уходящим в запас нижним чинам выдавался полный комплект обмундирования, в случае мобилизации они были обязаны в нем явиться на службу, что и изображено на картине. Новобранцы (то есть призывники) и ратники ополчения отправлялись в войска, разумеется, в собственной гражданской одежде.

Это обстоятельство позволяет установить, когда именно происходит изображенное. Мобилизация в русско–турецкую войну проводилась в три приема: первый раз до начала войны, в ноябре 1876 года, второй раз одновременно с ее объявлением, в апреле–мае 1877 года, третий раз — в разгар военных действий в августе 1877 года. Поскольку картина называется «На войну», на ней явно не изображена довоенная мобилизация. Погода на картине (это видно по одежде) куда более подходит к апрелю–началу мая, чем к августу, следовательно, перед нами весенняя мобилизация 1877 года.

Кто такие запасные и откуда они появились? С 1874 года в России действовала всеобщая воинская обязанность. Призыву подлежали все, направляемых на *действительную службу* отбирали жеребьевкой, прочих зачисляли в *ратники ополчения*. После 6 лет действительной службы солдаты уходили домой и еще 9 лет находились *в запасе*, то есть могли быть снова призваны на службу в случае войны. К началу Русско–Турецкой войны лиц большинство солдат на действительной службе было призвано по всеобщей воинской повинности, но нижние чины, дослуживающие последние годы, и все нижние чины запаса попали в армию по старой схеме — по рекрутской повинности. Рекрутская повинность, в старые времена почти что пожизненная (25 лет службы), с началом царствования Александра II существенно смягчилась. Солдаты, изображенные на картине, прослужили 7 лет, после чего были уволены в запас, длившийся 8 лет. Это позволяет нам точно узнать возраст изображенных на картине призывников. Самому молодому (пьяный парень, которого тащат два товарища) — 27–28 лет, самому старому (суровый мужик с длинной бородой слева) — 35 лет.

Как ни удивительно, мы находимся не очень далеко от персонажей картины (хотя они и родились при крепостном праве) — самые долголетние из них умерли в 1930-х годах, а это значит, что ныне живущие люди (80+) в раннем детстве еще видели некоторую часть это поколения живым.

Очень важно, что мобилизация запасных на войну — новое, невиданное для России явление. В принципе, на Крымскую войну тоже был призван запас армии, но он был еще так малочислен, что народ его не заметил. Но теперь ситуация изменилась — война теперь не забота одних лишь властей и оторванной от населения профессиональной армии с почти пожизненной службой, война стала общенародным делом. Государство теперь опирается не только на солдат, проходящих действительную службу, но еще и на мобилизованных запасных. Переходя на мобилизационную схему, правительство рисковало — не разбегутся ли запасные. Народ оправдал доверие — от мобилизации уклонилось менее 1% от получивших повестки.

Разумеется, следует понимать, что по массовости мобилизация 1877 года еще далеко не доходила до уровней, достигнутых двумя мировыми войнами. В России на тот момент проживало 92 млн. человек. В семи возрастных когортах действительной службы было 5.0 млн мужчин, с восьми возрастных когортах запаса армии — 5.2 млн мужчин. На войну же (точнее, в армию во время войны) попало 1.8 млн человек, то есть каждый пятый–шестой мужчина в возрасте 20–35 лет. В их числе из запаса было призвано 550 тыс., из ополчения — 170 тыс., то есть в положение, изображенное на картине, попал каждый девятый–десятый крестьянин в возрасте 27–35 лет. Так что у платформы пока что стоит не весь народ; эти тяжелые годы еще впереди.

Как мы уже разобрались, картина изображает мобилизацию в самом начале войны. Убитых еще нет, количество возможных жертв войны неясно. Страшно ли крестьянам, отправляющимся на войну? Да, страшно, но не так, как это представляется нам, имеющим опыт двух мировых войн. На войне того времени кровь проливается нечасто, а вот люди мрут как мухи. Опыт крестьян на картине сформирован воспоминаниями о Крымской войне, на которой русская армия потеряла убитыми и умершими от ран 30

тыс. человек, а умершими от болезней — 90 тыс. человек. Разумеется, крестьяне не знают этих цифр. Но они слышали кое-какие воспоминания отставных солдат и понимают, что война — это бесконечные пешие переходы, плохая кормежка, антисанитария, дизентерия и тиф.

Более того, существенную опасность для жизни и здоровья представляет не только война, но и военная служба мирного времени. Армия николаевской эпохи теряла умершими от болезней и списанными по инвалидности около 10% в год — то есть была столь же опасной для жизни и здоровья, как лагерь сталинской эпохи. Военный министр Милютин, деятельный и уделяющий много внимания быту солдат, сумел существенно улучшить положение — к началу Русско-турецкой войны в армии за год умирало 0.9% солдат, списывалось по инвалидности 1.7%. Но и этот уровень был опасным — за шесть лет службы умирал каждый шестнадцатый, инвалидизировался каждый десятый. Шанс умереть в армии был по-прежнему выше, чем дома — а ведь в армию отбирали только здоровых.

Если крестьяне на картине предполагают, что опасности начинающейся войны приблизительно равны опасностям последней Крымской войны, то они в этом правы. Улучшить санитарное состояние воюющей армии по отношению к прошлой эпохе не удалось. На Русско-турецкой войне было убито и умерло от ран около 30 тыс. человек (теперь-то мы понимаем, что генералы берегли солдат, хотя в то время это никто не осознавал), а от болезней, преимущественно от тифа, умерло 80 тыс. человек. С войны не вернулся каждый шестнадцатый из ушедших на нее.

И наконец, самый важный, хотя и самый малозаметный для нас элемент картины — это семьи, окружающие уходящих на войну запасных. Пока рекрутская служба продолжалась 25, а затем 20 и 15 лет, призыв в армию автоматически означал для женатых солдат разрушение семьи. Жены рекрутов шли по рукам (солдатка — это такая деревенская профессия), либо просто находили себе других, неофициальных мужей. В общем, к рекруту относились как к покойнику — его помнили, но к текущей жизни он уже не имел отношения. При сокращении срока службы до 7 лет дело резко переменялось — 18-20 летние жены новобранцев стали

дождаться их прихода из армии, солдаты сохраняли связи с семьей, писали письма. Ушедшие в армию холостыми возвращались в деревню еще достаточно молодыми для того, чтобы завести семью и хозяйство. Армия обрела связь с народом — и эта связь как раз и является основной темой нашей картины.

Итак, после внимательного рассмотрения всех обстоятельств, для нас становится более заметным оптимизм картины — на мой взгляд, именно этот оптимизм и заставил Александра III заказать у Савицкого вторую, дошедшую до нас, версию полотна. Отправление новобранцев на войну — еще один успех Великих реформ. Правительство отнеслось к подданным, как к разумным и законопослушным людям, поверило в их добрую волю — и в критический момент народ оправдал доверие. Да, людям страшно. Да, на войне их ждет много опасностей. Но все они исправно явились по мобилизационной повестке, никому не надо забривать лоб, волочить в войска под конвоем, как то происходило с рекрутами николаевской эпохи. Да, семьи мобилизованных переживают — но в происходящем есть и праздничная нотка, не случайно все вырядились, как на свадьбу. В конечном счете, люди доверяют правительству, и, не впадая в особенные размышления, считают эту войну оправданной. Они идут на войну сами, как граждане, а не как рабы — на картине это подчеркнуто тем, что мобилизованными никто не командует: жандармы просто не пускают на платформу родных, офицер занят какими-то делами.

Да и Русско-турецкая война в целом тоже оказалась для России весьма удачной. Не представлявшая в чисто военном отношении ничего выдающегося, она тем не менее застряла в народной памяти как череда великих подвигов и побед — лубочные картинки со Скобелевым и Драгомировым еще сорок лет украшали крестьянские избы. Простой народ по-доброму вспоминал эту войну, гордился, уважал ветеранов. Столь же благоприятной была война для России и во внешнеполитическом смысле. Россия разумно и ловко подняла международный авторитет тем, что от начала и до конца сумела провести в отношениях с Турцией свою политику, но не через наплевательство на позицию всех остальных держав, а путем непрерывных переговоров и консультаций с ними. Да, с войны

вернулись не все. Но, по суровым понятиям несентиментального 19 века, эта цена была заплачена не зря — политические и военные результаты стоили понесенных жертв.

Перов. Сельский крестный ход на Пасху: что на самом деле изображено на картине?

Всем известна картина Перова «Сельский крестный ход на Пасху», написанная в 1861 году. На первый взгляд, картина изображает сущее безобразие — священник нарезался в дугу, да еще в прямо в момент богослужения, в наиболее почитаемый православными церковный праздник. Да и остальные участники процессии ведут себя не лучше.

Так, да не так. Священник на картине и вправду пьян. А вот крестный ход — совсем не крестный ход вокруг храма в Пасхальную ночь, который приходит на ум современным верующим. Посмотрите внимательнее. Процессия выходит не из церкви, а из обычной крестьянской избы (церковь виднеется на заднем плане); крестный ход поворачивает по часовой стрелке (крестный ход вокруг православного храма движется только

против часовой стрелки). Дело происходит на закате (а не в полночь). Что же тогда мы видим?

Начнем объяснение с того, как формировался заработок приходского священника в старой России. Хотя в это и трудно поверить, но у священника не было заработной платы. Некоторые причты (на начало 20 века — приблизительно каждый шестой) получали государственную дотацию, но и ее размер в подавляющем большинстве случаев был сильно ниже прожиточного минимума. Прихожане же не платили священнику жалованья никогда и ни при каких обстоятельствах. Церковный причт (священники, диаконы и псаломщики) имел два источника дохода — требы и доход от церковной земли.

Три требы — крещение, венчание, отпевание — составляли основу дохода духовенства, так как крестьянам было не отвертеться от совершения данных обрядов (церковь вела метрические книги, и обряды, связанные с метрической записью, можно было проводить только в приходе, к которому ты был приписан), и им волей-неволей приходилось соглашаться с теми ценами, которые заламывали священники. В среднем приходе было 2–3 тысячи человек (400–500 домохозяйств), и подобные события происходили около 150 раз в году. Самым дорогим обрядом была свадьба — за нее священник мог получить 3–10 рублей, в зависимости от благосостояния брачующихся и собственной наглости (и еще наесться и напиться), крещение и отпевание обходились уже куда дешевле. Все остальные второстепенные требы крестьяне, в отличие от главнейших трех, могли заказать не только в собственном, но и в любом другом приходе. Легко догадаться, что при наличии конкуренции цены на них были сбиты в копейки. Священник, диакон и псаломщик делили полученные деньги в соотношении 4:2:1, но диакон был далеко не во всяком причте.

Крестьяне были твердо уверены, что причту следует удовлетворяться доходами от треб, а общее богослужение и исповедь причт должен совершать без всякого жалованья. Священники же и не мечтали о том, чтобы выпросить у прихода твердую сумму — все надежды на получение жалованья они возлагали на государство (надежды не сбылись).

У сельской церкви был обычно земельный участок — в среднем 50 десятин (55 га), приходившийся, в среднем на три семьи причетников. Таким образом, духовенство было обеспечено землей либо в том же размере, что и крестьяне, либо немного лучше. Бедные псаломщики чаще всего крестьянствовали сами, а священники (в особенности имевшие формальное образование) по обычаю своего времени считали невозможным марать руки физическим трудом и сдавали землю в аренду (хотя крестьянствовать самим было бы выгоднее).

Результат получался такой, что священники всегда были недовольны своими доходами. Да, священник был обычно обеспечен на уровне зажиточного крестьянина (диакон — на уровне среднего крестьянина, а псаломщик был и вовсе горчайшим бедняком). Но это и было причиной жестокой фрустрации — в том мире всякий человек со средним или неполным средним образованием (а священник являлся таковым лицом) зарабатывал как минимум в 3–4 раза больше человека физического труда. Кроме злосчастного сельского батюшки.

Теперь мы подходим к содержанию картины. Стремясь увеличить свои доходы, священники выработали обычай **славления на Пасху**. Церковная процессия обходила все хозяйства прихода (ориентировочно, их было 200–300–400 в 3–6 селениях), заходила в каждый дом и исполняла несколько кратких церковных песнопений — теоретически считалось, что крестьяне должны воспринимать такой обряд как благопожелание на следующий календарный цикл. В ответ крестьянам как-бы полагалось дарить причту подарок, желательно в денежной форме.

К сожалению, социального консенсуса вокруг славления/подарков не создалось. Крестьяне чаще всего считали славление не религиозным обычаем, а обираловкой. Некоторые наглецы просто прятались у соседей или не открывали ворота. Другие, еще более наглые, всовывали духовенству в виде приношения какую-то малоценную дрянь. Третьи вообще не хотели давать денег, но зато наливали — и это не шибко радовало причт, рассчитывавший расходовать собранное в течение всего года (другого повода для подарков не существовало). Церковная процессия тоже вела себя неблаголепно — все дома прихода надо

было обойти за Пасхальную неделю, то есть на день приходилось по 40–60 домов. Духовенство двигалось вприпрыжку, пело наскоро — на дом отводилось по 5–10 минут, половина из которых уходила на торг со сквальжным хозяином (или на унижительное попрошайничество, это как кто воспринимал процесс).

В довершение всех бед, православная Пасха приходится на тот период, в который благосостояние крестьянского двора достигало наинизшей точки. Все деньги, полученные от продажи урожая осенью, уже истрачены. Все запасы проедены. Скотина стоит голодная, и настала пора снимать ей на корм солому с крыши. Последние крохи и копейки изведены на разговление после Пасхи. На огороде еще не созрели первые овощи. И тут — то к крестьянину и являются церковники, нагло требующие денег за абсолютно ненужные пять минут нестройного пения. Неудивительно, что сама собой в голову приходит мысль подсунуть в темных сенях в мешок священнику ворону, выдавая ее за курицу.

Таким образом, на картине изображено совершенно не то, что кажется современному зрителю.

На наш невнимательный взгляд художник нарисовал священника, который хамским образом нарезался, вместо того чтобы чинно шествовать и благолепно петь. На самом же деле картина (что типично для Перова) бичует неуместный, криво сложившийся и плохо работающий социальный институт.

Процессия волочится по грязным дворам с утра до вечера, шестой день, переезжая от деревни к деревне. Всем горько, стыдно, неудобно, все вымотались, поют нестройно. Крестьяне тоже не рады. При вымогательстве подарков происходят низкие сцены. Да, священник пьян — но он обошел уже 50 домов, и в каждом его заставили выпить, а он ведь хотел, чтобы ему дали денег. Зачем это всё происходит? Неужели нельзя организовать дело поудачнее? Неужели нельзя как-то согласовать интересы духовенства и прихожан к взаимному удовлетворению? Зачем религиозную процессию превратили в позорище? Ответа не будет. Это Россия, страна несовершенных институтов.

Живой мост

Картина Франца Рубо «Живой мост» (1898), если посмотреть на нее издали, кажется обычным батальным полотном. Приглядываясь, мы видим, что на картине происходит нечто неладное: тяжелая пушка едет через промоину, заваленную телами живых солдат, и вот-вот задавит их насмерть. Современным искусствоведом происходящее описано так:

Сюжетом этого произведения послужило реальное событие, произошедшее во время русско-персидской войны 1804–1813 гг. Небольшой отряд нашей армии в 350 штыков, ядро которого составлял шефский батальон 17-го егерского полка, отступал под натиском 30-тысячной армии Аббас-Мирзы. Путь преградила глубокая промоина, преодолеть которую две имевшиеся в отряде пушки не могли. Ни времени, ни материалов для строительства моста не было. Тогда рядовой Гаврила Сидоров со словами: «Пушка — солдатская барыня, надобно ей помочь» первым лег на дно ямы. За ним устремились еще человек десять. Пушки перевезли по телам солдат, при этом сам Сидоров погиб от полученной черепной травмы.

Так как во всей этой истории есть нечто, возмущающее нравственное чувство, а сама она находится на грани правдоподобности, я решил разобраться в деле поподробнее.

Исторический контекст

Картина изображает один из эпизодов русско–персидской войны 1805–1813 годов — героическое отступление маленького отряда полковника Карягина от огромного персидского войска под началом 15–летнего наследника престола Аббаса–мирзы, имевшее место в Карабахе в июне 1805 года. Сколько именно было персов — мы не знаем, по русским источникам 20 тысяч, чему верить невозможно. В любом случае, отряд Карягина дрался с превосходящими силами врага смело, не сдавался, смог дожидаться подмоги, и большая часть людей спаслась.

Война на Кавказе и в Закавказье на тот момент шла за азербайджанские ханства, традиционно являвшиеся вассалами каджарских шахов. Русские, имевшие хорошо подготовленную и вооруженную, но маленькую (главная война идет в Европе, до Аустерлица осталось 5 месяцев) армию, вели себя весьма агрессивно. Вначале они подписывали с различными владельцами мирные договоры, а затем, набравшись сил, проглатывали их (как только что вышло с Картли–Кახетинским царством). Персы, армия которых пребывала в позорном состоянии (у каджаров всё пребывало в позорном состоянии) действовали не умением, а числом — в среднем у них было в пять раз больше войска. Это приводило к неустойчивому равновесию, и в течение 7 лет русские и персидские отряды с небольшими перерывами гоняли друг друга туда и сюда по горам и равнинам относительно небольшого театра военных действий, то занимая, то оставляя различные местности. Только в 1813 году русские напряглись и выгнали персов навсегда, а нынешние Армения и Азербайджан были присоединены к империи.

Откуда Рубо взял свой сюжет

Первый раз подвиг Гаврилы Сидорова упоминается в книге давно забытого писателя Дмитрия Бегичева «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (1851 год). Книга представляет собой своеобразную смесь мемуаров и

публицистики патриотического направления. Рассказ о подвиге Гаврилы идет со слов некоего неназванного по имени полковника, свидетеля происшествия; повествование очевидным образом беллетризовано.

Самое неожиданное, что мы видим из этого рассказа — подвиг описывается совсем не так, как он изображен на картине Рубо. Когда пушка оказывается на краю небольшой, но непреодолимой промоины, сообразительный Гаврила придумывает построить из связанных ружей мост. Воткнутые в землю штыками ружья становятся опорами, а положенные на них горизонтальные ружья служат балками. Ружья плохо годятся для сооружения мостов, и солдаты поддерживают конструкцию с краев, чтобы она не развалилась. Первая пушка переезжает через импровизированный мост благополучно, вторая срывается, ударяет Гаврилу колесом, и он погибает от черепно-мозговой травмы. Все остальные солдаты остаются невредимы.

Затем подвиг Гаврилы попал в пятитомную «Кавказскую войну» официального военного историка полковника Василия Потто (1887 год). Это издание уже можно считать научным (Потто очевидно работал с военными архивами), но, увы, оно не снабжено необходимыми ссылками и ограничивается российскими источниками (впрочем, никакие российские историки персидские документы читать не умеют и не собираются и по сию пору). Изложение в книге ведется в приподнятом стиле и имеет оттенок официозной пропаганды. Понятно, что Рубо в поисках годных сюжетов прочитал именно эту книгу.

Потто сообщает, что кроме истории Бегичева ему был доступен отчет туземного проводника, из которого видно, что «четыре солдата легли в канаву и пушка проехала по ним», в донесениях же командира отряда подвиг не отражается (Потто объясняет это большой занятостью Карягина). Потто однозначно присоединяется к версии Бегичева.

Итак, мы видим, что Рубо, мягко говоря, модифицировал доступный ему исторический источник, согласно которому солдат погиб в результате несчастного случая при переправе пушки через остроумно построенный из подручных средств мостик.

Возможен ли живой мост технически?

6-фунтовая полевая пушка начала XIX весила (без передка/зарядного ящика) 680 кг. Допустить, что из связанных ружей, поддерживаемых людьми, удастся построить некоторую конструкцию, выдерживающую точечную нагрузку в 340 кг, можно. Из рассказа понятно, что такая конструкция была неочевидной (до нее догадался только один солдат), а работала она на грани аварии. Длина ружья той эпохи (без штыка) — 140–150 см, а орудийная запряжка без всяких мостиков могла преодолевать препятствия глубиной до 50–60 см (лимитом был размер колеса, запас тяги у четырех лошадей имелся); следовательно, в данном диапазоне глубин препятствия мост из ружей мог оказаться практически пригодным.

Между тем, идея закладывать канаву телами людей представляется технически невыполнимой. На полотне мы видим в канаве восемь солдат, объем которых составляет (даже при неплотной укладке), никак не более одного кубического метра, то есть, при длине тела 1.6 м, 0.6 м² поперечного сечения канавы. Во-первых, через такую канаву пушка со 130-сантиметровыми колесами могла переехать и сама, а во-вторых, даже если канавы и были слишком обрывистой для пушки, то 350 солдат, составлявших отряд, могли закидать ее грунтом или камнями за пять минут. И даже если предположить, что камней рядом нет и в отряде нет лопат, хоть какое-нибудь имущество общим объемом в 1м³, которым можно было бы заполнить канаву, явно имелось — для начала следовало использовать для этого зарядные ящики.

Местность, на которой разворачивается действие картины, совсем не соответствует рассказу. Отряд Карягина двигался из Шахбулага (Şahbulaq qalası) в Мухрат (Kiçik Qarabəy). Оба пункта соединены дорогой, идущей по Ширванской долине; но сам-то Мухрат находится уже в горах Карабахского хребта, на 300м выше долины. Сомнительно, чтобы наверх в горы шла идеальная дорога, а вот на равнине неожиданно попала одна-единственная промоина, через которую невозможно перетащить пушку. Очевидно, что по горной местности пушки либо не возили, либо их сопровождали саперы, у которых были как минимум лопаты, доски, веревки, анкерные колья и мешки для переноски грунта; в

противном случае солдаты, телами которых можно было закладывать препятствия, скоро бы закончились. В мемуарах участников Кавказских войн остановки колонн перед препятствиями и вызов саперов для их преодоления упоминаются непрерывно. Пример прекрасной работы саперов мы можем увидеть на картине того же Рубо «Штурм Ахульго» (см. далее).

Основа моральной коллизии: оторвавшийся вагон и толстяк

Моральная коллизия, содержащаяся в идее переезда пушки через промоину по телам людей, становится ясной, если мы ознакомимся с двумя современными задачами по прикладной этике.

Задача А. Отцепившийся вагон мчится по путям. На главном пути стоят не замечающие вагона пять человек, на боковом — также не замечающий вагон толстяк. Вы стоите рядом со стрелкой. Этично ли будет перевести вагон на боковой путь, тем самым пожертвовав одним человеком для спасения пяти?

Задача Б. Отцепившийся вагон мчится по путям. На главном пути стоят не замечающие вагона пять человек. Вы стоите на мостике над путями. Рядом с вами стоит толстяк. Если вы столкнете толстяка с мостика, вагон затормозится об него, и пятеро спасутся (если прыгнете сами — нет). Этично ли будет столкнуть толстяка под вагон, тем самым пожертвовав одним человеком для спасения пяти?

Если вы считаете, что стрелку перевести можно, но сталкивать толстяка с мостика нельзя, вам следует ответить на еще один вопрос: в чем разница между двумя случаями, ведь последствия и там, и там одинаковые?

Этика — не математика, и единственного правильного ответа тут нет. Ближайшее мне объяснение состоит в том, что в первом случае вагон перенаправляется посредством стрелки, а толстяк погибает как человек, он сам выбрал для себя прогулку по железнодорожным путям, занятие, содержащее в себе некоторую вероятность быть задавленным, и эта вероятность для него реализовалась. Во втором же случае толстяк погибает не как человек, а как предмет, как живой тормоз, а использовать человека

как предмет, груз, вещество, контейнер с биоматериалами и т.п. есть заведомо аморальное дело. В том числе, даже если он сам согласен на такое использование.

Тем, кто еще не усвоил такой этический подход, поможет **Задача В.** У врача–трансплантолога на отделении умирают пять пациентов, которым уже не дождаться донорского органа. Одному нужна печень, другому почки, третьему сердце и т.п. Опечаленный врач выходит в коридор, и видит там случайно забредшего на отделение толстяка. У толстяка совершенно здоровые печень, почки, легкие....

Почему была написана эта картина

Мы видим, что авторы середины и второй половины 19 века, пересказавшие (или придумавшие) историю подвига Гаврилы Сидорова, отнюдь не представляли его злосчастливым толстяком из приведенных выше примеров. Напротив, в поведении Гаврилы подчеркивались инициативность и сметливость, соединенные со смелой готовностью нести разумные риски. Гаврила выступал в их рассказах как деятель, принявший ответственность на себя в обход затупивших офицеров.

Рубо переделал историю в совсем ином ключе. Солдаты послушно (и даже с некоторой радостью) идут на бойню. Они отказываются от человеческого достоинства и активности, превращая себя в строительный материал, который сейчас будет раздавлен колесами орудия. Гаврила Сидоров как индивидуум исчезает, и солдаты сливаются в неразличимую массу. Но даже Рубо считал важным подчеркнуть, что солдаты ложатся под колеса добровольно — офицеры, приказывающие подчиненным подобным образом жертвовать собой (то есть сталкивающие толстяка на рельсы) еще казались ему отвратительными.

Почему это произошло? Мне кажется, что, как это всегда бывает, художник интуитивно уловил дух наступающей эпохи. Россия, после долгого правления царя–миротворца, снова начала точить когти. Агрессивность военного командования и правительства в целом постепенно повышалась. С кем и зачем воевать, пока что было непонятно, но желание возрастало. А вот армия уже не была старой рекрутской армией, в которой

служившие 25 лет солдаты считали роту своим домом, а бесконечную Кавказскую войну — естественным образом жизни. Армия стала призывной. Как поведут себя призывники, если им придется биться за Квантунский полуостров, до которого русскому крестьянину 1905 года точно так же не было дела, как не было ему дела до Гянджинского ханства в 1805 году?

И вот тут на сцене появляется Рубо со своей сладкой ложью; Рубо говорит царю и генералам то, что им хочется услышать — русский солдат имманентно предан царю, бездумен и героичен, ему не нужно ничего для себя, он готов отказаться от человеческого достоинства, превратиться в пыль, броситься под колесницу Джаггернаута ради победы, смысла и пользы которой он сам не видит.

Картина попала в самую точку и имела большой успех. Каждому приятно восседать на колеснице Джаггернаута, под которую кидаются бесчисленные Гаврилы. Николай II, посетивший выставку в Историческом музее, купил картину для своих апартаментов в Зимнем дворце. В 1904 году началась русско-японская война. Колесо катилось и катилось по Гаврилам, увеличиваясь в размере с каждым годом. Теперь оно стало называться Красным колесом. За последующие 50 лет Колесо переехало в России более 30 миллионов Гаврил, их жен и детей. В 1918 году, в подвале Ипатьевского дома, Колесо переехало и владельца картины.

Рубо же не попал под Колесо. Художник, как оказалось, умел пересматривать свои взгляды. Перед войной Рубо, по рождению чистокровный француз, поменял национальную идентичность — он уехал в Мюнхен и принял германское гражданство. Изменилось и отношение художника к войне. В 1915 году он написал неловкую и страшную антивоенную картину «Данте и Вергилий в окопах», в которой война изображается как чистое зло, а окоп становится кругом Ада.

Иван Богданов. За расчетом: что на самом деле изображено на картине. Видимое и невидимое

Картина Ивана Богданова «За расчетом» (1890 год) — еще один типичный пример передвижнической жанровой живописи, как будто бы простой, прямолинейной и очевидной.

На первый взгляд, изображенное на полотне понять несложно. Характерный простоватый деревенский мужик явился к городскому жителю за получением денег, следующих ему за некую выполненную работу (или за какой-то товар). Хотя мужик в данном случае является кредитором, его просительная поза и робкое выражение лица указывают на то, что он находится в слабой позиции, боится, что горожанин его обсчитает или вообще откажется платить. Горожанин выглядит сурово, важно; чем закончится расчет, пока что непонятно.

Но, если бы всё было так просто, это пост незачем было бы писать. Для начала, откомментируем видимые бытовые реалии.

Видимое

Перед нами, несомненно, городской мещанский дом, который, при всей его скромности, уже не носит названия избы. Дом либо кирпичный, либо деревянный, но оштукатуренный изнутри по дранке (а снаружи, следовательно, обшитый доской и украшенный резными деталями). И то, и другое — признак городской культуры; в деревне такой дом может себе построить только разбогатевший торговец, выбившийся в купцы и присоединившийся к городскому стилю жизни. Ни гладкие стены с орнаментом (то ли обои, то ли альфрейная малярная работа), ни высокий потолок, ни общий светлый тон интерьера крестьянину, даже самому богатому, просто не нужны.

Но при этом дом совсем маленький и простой. В комнате, видимой на картине, хозяин и ест, и спит, и работает (за его спиной мы видим конторку — распространенный тогда тип офисной мебели). По-видимому, такой дом состоит из сеней и двух комнат («половин»), чистой (видимой нам) и черной, в которой топится печь, готовится пища, моется посуда. Если хозяева держат скот — даже в самых маленьких городах его держали далеко не все мещане — к черной половине примыкает еще и крытый хозяйственный двор. В любом случае, на участке — его стандартный размер при застройке городов одноэтажными индивидуальными домами был 500–600 м² — есть еще какие-нибудь холодные дощатые сараи и отхожее место. Стоит такое домовладение 1–1.5 тысячи рублей, в 2–3 раза дороже хорошей деревенской избы. Заметим, что наш дом еще и содержится плохо — штукатурка потрескалась, краска облезла.

Всё это свидетельствует об очень скромной жизни и невысоком социальном статусе владельцев дома. Перед нами люди, находящие в самом низу коренного и самостоятельного слоя городского населения, мещанства. Не следует думать, что это самые бедные горожане — город переполнен временными, или постоянными, но живущими без семьи, чернорабочими-крестьянами, один из которых и изображен справа на картине; у

этих людей, ясное дело, нет в городе и собственного жилища. Но для коренного самозанятого горожанина, живущего отдельным домохозяйством, видимый на картине быт является начальным уровнем; так жило где-то две трети «настоящих» горожан, процентов 10–15 горожан были полной голытьбой, а у остальных 15–20 процентов дела шли получше.

Мы видим, без сомнения, типично мещанский быт, в изначальном, лишенном отрицательных коннотаций, смысле данного слова. Некоторые элементы этого быта на крестьянский вкус привлекательны — это, для примера, покрытая пестрым покрывалом кровать за занавеской. Некоторые элементы крестьянин считал бы излишним форсом — это, например, стулья (можно же сидеть на лавке). Кое-что крестьянину показалось бы ненужным — полосатый домотканый половичок перед дверью, скатерть на столе. А уж назначение клетки с канарейкой в той культуре было доступно лишь пониманию горожанина. Стены наивно оклеены вырезками из иллюстрированных журналов и цветными литографиями, продаваемыми на ярмарках особыми разносчиками. Слева мы видим некое изображение в массивной рамке и под стеклом — это единственная в доме фотография, дорогая и ценная вещь.

В общем, крестьянину подобный интерьер кажется отчасти завидным, а отчасти наполненным такими вещами, которые незачем покупать, даже если есть деньги. Для купца такой интерьер понятен, но уж больно беден. А на барский взгляд он просто убог и жалок.

Костюмы мещан также показывают их промежуточное положение между крестьянством и купечеством. На мужчине крестьянская свободная розовая рубашка, между тем как его брюки и жилет являются элементами так называемого немецкого платья, старинной одежды низового купечества и зажиточного мещанства; на ногах сапоги, единственно возможная обувь простого горожанина. Женщина же одета вполне по-деревенски, но только в новую, пеструю и яркую одежду, которая крестьянка наденет только на праздник, а вот простецкая мещанка носит повседневно; обуви не видно, но на ней должны быть кожаные ботинки или низкие сапожки.

Костюм крестьянина до такой степени типичен для деревни, что о нем нечего и сказать. Единственное, что можно заметить — некоторая оборванность в нашем случае не признак бедности, а норма для повседневной одежды.

Прически (вернее, их отсутствие) и бороды у обоих мужчин одинаковые, только крестьянин растрепан, а мещанин причесывается, но бороду все равно не стрижет, в отличие от барина.

Можно ли угадать, чем именно занимается мещанин с нашей картины, и за что он должен заплатить крестьянину? Единственный видимый намек — то, что крестьянин явился за расчетом в дом, а не в торговое или производственное помещение, а также то, что в доме есть конторка. Возможно, перед нами какой-то маленький подрядчик (транспорт, лесозаготовки, строительство), который ведет дела непосредственно из дома, не нуждаясь в особом помещении. Соответственно, крестьянин на картине либо что-то возил, либо рубил лес, либо что-то строил, к чему подходит и его костюм, годный для длительной работы на свежем воздухе. Крестьянин, ясное дело, любит наниматься на городскую работу на зиму, когда ему в деревне делать нечего (это называется отходничество). Наверное, уже настала весна, и ему пора домой; его контракт, в чем бы он не заключался, закончился, и он явился за расчетом. Подрядчик рассчитывает платеж на счетах. Крестьянин, видимо, не умеет пользоваться счетами, иначе бы он подошел к столу и проконтролировал процесс расчета.

Теперь мы подходим к самому интересному. Смысл картины не в том, что мещанин выглядит так-то, а крестьянин так-то; для старинного зрителя эти вещи были очевидны. Смысл в той коллизии, что крестьянин сильно робеет перед мещанином, несмотря на то что последний — не шибко важная птица. А с чего это крестьянин заробел? Он ведь, кажется, в своем праве, он выполнил работу, мещанин должен ему денег, и теперь он, крестьянин, стал кредитором в их сделке. Если мещанин откажется платить, то в стране есть закон (разумеется, защищающий сделки), суд и судебные приставы, способные силой взыскать присужденные суммы. На самом деле всё не так-то просто.

Невидимое

Итак, мы пытаемся разобраться, чем вызвана явная нервозность крестьянина на нашей картине, почему он побаивается, что его сейчас обсчитают.

Я уверен, что многие из читателей, которым приходилось просить от других лиц и фирм заслуженную плату за выполненную работу, сами не раз себя ощущали таким вот крестьянином, чувствовали, что обидеть вас легко, а добиться правды и получить свое тяжело. Отчего так происходит?

Общего ответа тут нет, в разных случаях по-разному, но описанный на картине случай является иллюстрацией к **теории двухсекторной экономики Уильяма Артура Льюиса**, за которую он в 1979 году получил Нобелевскую премию.

Двухсекторная экономика типична для малоразвитых стран, не прошедших индустриализацию и урбанизацию, но при этом демонстрирующих быстрый рост населения — а поздней имперская Россия как раз и была такой страной. Экономика в таких странах состоит из двух разобщенных секторов. Первый сектор — аграрный, для которого типично переполнение совершенно избыточной рабочей силой при низкой производительности труда. Ненужных рабочих рук так много, что удаление значительной их части из сектора, временное (в России это называлось отход) или постоянное, куда угодно — в город, в другую страну, на войну, вообще не оказывает влияния на объем аграрного производства. В России, в крайнем его выражении, этот эффект наблюдался в 1915 году, когда огромная по объему мобилизация не уменьшила производство сельхозпродукции. Второй сектор — это все городские занятия: промышленность, торговля, услуги, транспорт на длинном плече. Этот сектор экономики работает по классическим экономическим законам, то есть для любой отдельной отрасли спрос и предложение сырья, товаров и труда, объем производства, цены и объем поступающих инвестиций взаимосвязаны определенным образом, и каждый из этих показателей реагирует на изменение любого другого.

Главная особенность двухсекторной экономики состоит в том, что уровень оплаты низкоквалифицированного труда,

стремящегося перетечь из первого сектора во второй, вообще не зависит от предложения и спроса. Сколько бы крестьян не явилось в город, какова бы не была текущая конъюнктура в том городском секторе, куда бы они решили наняться, им всегда будет предложена одна и та же плата за труд, составляющая приблизительно 70% от прожиточного минимума для временных рабочих и полный прожиточный минимум для постоянных. Попросту говоря, пока ты не стал частью городской экономики, получив специфичные городские навыки, пока на твое место можно за пять минут нанять любого из огромной очереди безработных желающих, ты будешь работать не более чем за самую простую еду в количестве, достаточном для того, чтобы ты не помер.

Теперь нам становится понятной вторая сторона проблемы. Там, где в такой двухсекторной экономике стороны в сделках представляют два разных сектора, их договорные силы не равны. Хорошие контракты в здоровых экономиках современного типа очень часто являются самогарантированными, то есть они выполняются не потому, что стороны боятся судебного принуждения в случае нарушения контракта, а потому что обеим сторонам самим выгодно добросовестное исполнение. Иногда исполнителям платят, так как с ними еще и дальше придется работать. Иногда — потому что если их обидеть, они как-то тебя ославят и все другие исполнители ухудшат персонально для тебя договорные условия. В каких-то случаях у исполнителей достаточно сил для самозащиты своего права (то есть они могут запросто побить обидчика). Кое-где деловые обычаи таковы, что платежи разбиты на много частей, и на последний остается ничтожная сумма, из-за которой не следует собачиться.

Но ни один из этих случаев не относится к ситуации на картине. Похоже, крестьянин волнуется не зря: получение им денег зависит лишь от порядочности мещанина, но не от того, что это в его, мещанина, собственных интересах. Если мещанин обсчитает крестьянина, придерется к чему-нибудь и недоплатит, или же откажется давать деньги просто так, эффект будет один — у мещанина останется больше денег, а у крестьянина меньше.

Представим, что наш крестьянин нанимался возить бревна из леса, и вот теперь мещанин ему недоплатил. Что делать? Рассказать другим крестьянам, подряжающимся возить лес, можно, но бесполезно. Во-первых, их слишком много, и до всех рассказ не дойдет. Во-вторых, все они бедствуют, и у них все равно нет лучшей альтернативы, так как работы не хватает. Другой мужик будет знать, что данный мещанин обманщик, и все равно найдется к нему на тех же условиях, на которых нанимался ты, потому что для него нет лучшего варианта. На организованный бойкот данного заказчика крестьяне-возчики леса неспособны, у них нет ни гильдии, ни профсоюза — государство строго следит за тем, чтобы трудящиеся не смели объединяться; сама попытка такого бойкота уже будет рассматриваться как уголовное преступление. Взять и побить мещанина тоже нельзя — тебя непременно найдут, оштрафуют и посадят под арест.

Можно справедливо заметить, что у крестьянина должна быть еще и надежда на суд. Как в ту эпоху обстояли дела с судебной защитой договоров?

К чести старого строя надо заметить, что в 1860-х годах ему удалось сделать важные шаги в сторону простого и доступного населению суда. На большей части России были постепенно введены мировые суды, приходящиеся на 30–50 тысяч населения (то есть по 3–4 участка мировых судей на уезд), с непрофессиональными, но оплачиваемыми судьями, избираемыми земскими собраниями. Мировой суд имел крайне простую процедуру, приспособленную для удовлетворения жалоб неграмотных истцов, не пользующихся услугами адвокатов; в частности, он мог начать производство по делу по устной жалобе, заявленной судье. Мировые суды были ближе к населению, чем суды общей юрисдикции (окружные суды), которых было 1–2 на губернию; предельный порог суммы иска — 300 рублей — соответствовал годовому доходу простой семьи. И самое главное, мировые судьи традиционно гордились своим умением относиться с вниманием к бестолковым речам неграмотных судящихся, и не срываться на тех, кто по простоте не умел хорошо объяснить свою позицию и не знал закона. В принципе, слабые,

бедные и беспомощные имели в мировом суде некоторое преимущество перед оборотистыми, ловкими и богатыми.

Но, увы, и этого было недостаточно. Во-первых, и мировой суд еще был физически далек от населения. Мировой судья был в любом уездном городе, но не в каждом безуездном, и уже почти не встречался в крупных поселках (которые иногда были больше уездных городов). Между тем, мы видим, что у крестьянина больше нет работы в городе и ему пора в деревню. Может ли он себе позволить задержаться в городе на месяц, необходимый на судебную процедуру, если у него нет ни жилья, ни заработка? А судиться из деревни очень хлопотно и тяжело, на поездки в город уйдет больше денег, чем ты отсудишь. Во-вторых, все судебные бумаги, в том числе и их копии, отсылаемые другой стороне, облагались гербовым сбором — на документ надо было наклеить специальную марку. Пусть сбор был небольшой, но на средний иск марок набегало на 3–4–5 рублей — а это приблизительно та сумма, которую мещанин собирает недоплатить крестьянину.

В 1890-х ситуация ухудшилась: мировых судей заменили на земских начальников. Земские начальники были одновременно судьями низового уровня и чиновниками-администраторами над сельскими обществами. Много времени они проводили в разъездах по деревням, судействовали они редко, застать их было сложно. Но, что хуже всего, земские начальники часто были усталыми, задерганными людьми, раздражительно относившимися к простонародью.

Итак, наш крестьянин боится, что его обманут как раз на эту сумму, при которой издержки судопроизводства, во всех их видах (расходы на поездки к судье, пошлины и сборы) будут слишком велики для того, чтобы начинать судиться. А сумма эта, пусть и небольшая для барина, для бедняка являлась двухнедельным или месячным заработком, остаться без которого горько и обидно.

Заметим, что крестьяне придумали хороший метод борьбы с этим злом — они предпочитали наниматься на работы не индивидуально, а артелью по единому договору с заказчиком, а уж потом, внутри артели, распределять заработанное пропорционально вкладу каждого. Представим, что на нашей

картине был бы изображен не мужик, которому должны 10 рублей, а старший артели из 50 мужиков, которой должны 500 рублей. Тут мещанин бы догадался, что поблажки ему не будет — при таком размере долга артели можно и вынести расходы на поездки в суд, и нанять профессионального адвоката; кроме того, старшими артелей часто оказывались опытные, оборотистые мужики с навыками урегулирования деловых конфликтов и правовыми познаниями. Но, ясное дело, не всякий заказ столь велик, чтобы за него бралась артель из 50 мужиков; наш мещанин и сам беден, работы у него только на одного мужичка, а его — то как раз несложно обмануть.

Прошло 130 лет, но проблема, составляющая суть картины, никуда не делась. Многие из читателей сами были в положении крестьянина, которого обманывает мещанин, или же мещанина, обманывающего крестьянина. Иногда, так как эпоха двухсекторной экономики закончена, с нами случается и обратное — мы можем оказаться и крестьянином, которому почему-то легко нажать на мещанина и получить лишнего поверх договоренного, или в положении мещанина, которого прижал крестьян.

Но во всех случаях суть конфликта одна. Некоторые экономические диспропорции привели к тому, что договор заключен между сторонами, располагающими разной договорной силой, и одна сторона может теперь нарушить обязательства, не боясь неблагоприятных последствий. Обязательное условие такого нарушения всегда в том, что издержки доступа к правосудию настолько велики (или его качество настолько низко), что обманутая сторона не станет прибегать к судебной защите, или же такая защита окажется заведомо бессильной. Чем более развиты разнообразные полезные институты, тем реже происходят подобные случаи.

Фирс Журавлев. Купеческие поминки: что на самом деле изображено на картине

Картина Фирса Журавлева «Купеческие поминки» (1876), как и многие другие произведения передвижнической жанровой живописи, проста только на первый взгляд.

Видимое содержание картины разгадывается без проблем. Перед нами купеческий дом, парадная комната которого («зало») наскоро переобставлена для проведения поминок по главе семейства. За парадным концом стола сидит сын-наследник, по двум сторонам от него вдова и еще одна женщина (наверное, его сестра), по другую — священник и дьякон. Остальная часть помещения занята пестрой, разношерстной публикой. Многие, судя по всему, уже изрядно напивлись. Два официанта подают кутью — сладкую рисовую кашу с изюмом, которую едят только на поминках (отчего духовенство, которое бывает в частных домах чаще всего на поминках, и называется в народе «кутейниками»).

Но почему художник выбрал именно такой сюжет, что он хотел нам этим сообщить? Эстетические мотивы мы можем

отбросить сразу, ничего красивого в происходящем нет. Быть может, автор бичует пороки, из которых, собственно говоря, на картине наблюдается одно лишь пьянство? Действительно, критика пьянства характерна для эпохи. Но если мы посмотрим на эту критику повнимательней, то мы увидим, что критикуются исключительно такие крайние выражения пьянства как пропивание вещей с себя, драки, засыпание в канаве и т.п. Право же каждого мужчины изрядно выпить за столом в доме, по достойному поводу и с надлежащей закуской (как то и показано на картине) никем не подвергалось сомнению. Совершенно то же самое мы видим на любых сегодняшних поминках — ко всякому, кто изрядно перебрал, но сохранил способность сидеть на стуле, ходить, связно говорить и не оскорблять окружающих, у нас не может быть особых претензий.

Что же тогда задело художника в этой теме? На мой взгляд, картина выражает презрение художника к купечеству как к социальной группе, которая в финансовом отношении продвинулась достаточно, чтобы усвоить традиционный стиль поведения и бытовую культуру среднего/высшего класса, но по крайней простоте (или по злонамеренности) не стала этого делать. Купцы на картине уже достаточно богаты для того, чтобы в быту не отличаться от приличной дворянской семьи, но вместо этого они упорно живут в собственной манере. Хотя кое-что в их быту, в costume и в домашнем устройстве повторяет культуру традиционных имущих классов, равных им по доходу, количество того, что художнику кажется дикими ляпами, проявлениями невежества и бескультурья, просто зашкаливает. Но купцы то ли просто не замечают этого, то ли намеренно не желают следовать требованиям, которые традиционному барину (и представляющему его точку зрения художнику) кажутся очевидными.

Перейдем к детальному списку предполагаемых социальных промахов, изображенных на картине.

Как ужасно они одеты! Во второй половине 19 века мужские костюмы формальны и отличаются абсолютным однообразием, разница между сюртуками заключается в покрое выреза и форме воротника, фраки же и вовсе одинаковы; единственный элемент

одежды, в котором возможны широкие вариации, это галстук. Купцы же пока что (к концу 19 века ситуация изменится) смело игнорировали этот унылый дресс-код, предпочитая casual в самых эксцентричных проявлениях. Главный герой картины, на взгляд ее тогдашнего зрителя, одет столь же причудливо и отвязно, как современный чернокожий рэпер на взгляд банковского клерка. Чего стоит одна идея надеть сапоги при сюртуке (формальный мужской костюм носится только с ботинками)! Как ужасно сочетаются между собой цветастый жилет, темный сюртук и светло-коричневые брюки! Что за странные цепочки, свисающие с шеи?

Женщинам же в ту эпоху как раз следовало носить крайне вычурные наряды (к концу 19 века женская мода станет спокойнее), даже если эти платья и были траурными. Между тем, женщины на картине носят примитивные, мешковатые платья. Таким образом, традиционный контраст между простым, скромным мужским костюмом и сложным, парадным женским костюмом у купцов оказался перевернут.

Они вообще понимают, на улице они или дома (что у них на голове!)? По обычаю эпохи, мужчины любого класса должны находиться на улице только с покрытой головой, женщины же высшего класса выходят из дома с покрытой головой чаще всего, но и в хождении с открытой головой для них нет ничего неприличного (в отличие от простонародья). В доме же люди высшего класса обоего пола никогда не покрывают голову (опять же, в отличие от простонародья, у которого замужние женщины ходят с покрытой головой и дома). Женщины высшего класса носят так называемую «высокую прическу» — то есть не стригут волосы, а заплетают и зачесывают их наверх сложным образом — с которой из головных уборов совмещаются только шляпки, прикалываемые к прическе булавками. Поскольку снять и надеть такую шляпку сложно, женщинам в прихожей помогает горничная.

На картине же всё перепуталось. Мужчины в целом догадались снять головные уборы, но две фигуры на заднем плане всё же остались в цилиндрах; то, что они входят или выходят из дома, их не извиняет — головной убор надевают и снимают в прихожей. Из трех женщин на переднем плане только у одной

непокрытая голова и сложная высокая прическа, на двух же какие-то невообразимые примитивные накидки. Чтобы довершить впечатление хаоса, вдова покойного не стала снимать и явно уличную пелерину (короткую накидку) на платье.

Какие дикие позы и жесты! Образованные люди той эпохи должны были очень рано приучаться к прямой выправке, зажатым, скованным движениям, стесненным позам и ограниченной жестикуляции. Если попытаться найти современный аналог, то и мужчины, и женщины тогда должны были следить за всяким своим движением и жестом так, как сегодня следит за положением своих ног женщина в очень короткой юбке, не желающая показать лишнего. За столом, в частности, надо было сидеть прямо, со сдвинутыми ногами и локтями на весу.

Между тем, главный герой картины сидит боком к столу (ужас!), широко раздвинув ноги (ужас!!), положив на стол локоть (ужас!!!). Так развязно приличные мужчины могли вести себя лишь на какой-нибудь молодежной пирушке, но ни в коем случае не на поминках и не в присутствии дам. Поведение других участников поминок не лучше. Два мужчины на заднем плане обнялись (мужчины не должны ходить в обнимку!). Еще один мужчина рядом оперся ладонью о стену (кошмар, стен вообще нельзя касаться!). Одна женщина положила другой ладонь прямо на грудь (тоже нельзя, женщины могут трогать друг друга только за плечи и руки, а уж прикоснуться к прислуге и вовсе не следует!). Нелепо одетый человек на переднем плане (мундирная куртка со срезанными петлицами, дворянская фуражка и полосатые гражданские брюки), передвинул стул поближе к разговаривающим и держит тарелку на коленях — это примерно то же, что сегодня начать стоять в гостях на голове.

Как плохо организована прислуга! В дворянской культуре в парадной обстановке на стол подают только мужчины, при этом костюмы барина и официанта не различаются. У купцов же, как всегда, всё перепуталось. Мы видим, что стол обслуживают два «правильных» официанта (наверное, их наняли специально на поминки), какой-то случайный мужик в косоворотке и две горничных. Горячие блюда на формальном обеде подают курсами, торопиться некуда, и пока последний не доест поданное и не

уберут использованную посуду, новое не несут. На картине же дьякон доедает свою порцию, в время как одна прислуга убирает тарелки, а другая несет следующее блюдо.

Ну и бардак! Прислуги мало, она явно не справляется, в гости не знают, как следует вести себя. По идее, любые элементы костюма, не носимые внутри, должны быть отданы в прихожей прислуге. Но на нашем празднике гости разложили на неиспользуемых стульях всё подряд — цилиндры, церковные рясы, кадила. Множество предметов просто валяется на полу, но это как будто никто не замечает. Пустые бутылки не уносятся. С точки зрения дворянской культуры пустая бутылка на полу выглядит ужаснее, чем для нас раздавленная ногами яичница на полу. Острые критики здесь направлено на то, что за организацию деятельности слуг отвечают хозяева. Найми прислуги побольше, пригласи гостей поменьше, но путь только будет порядок.

Они позвали в дом попов! Дворяне, как правило, брезговали духовенством, без крайней нужды не приглашали священнослужителей в дом и не садились с ними за один стол. Купцам же было всё нипочем. Они сидят за одним столом с попами, которые, как и следует ожидать от их одичалого сословия, ведут себя малопрстойно — один жестикулирует вилкой с наколотой на ней едой, другой давится куриной ножкой, навалившись на стол.

Какой дурацкий дом! Купеческий дом достаточно просторен, и в целом обставлен по дворянскому стандарту. Но он, увы, сильно недодекорирован. Стены, по понятиям того времени, совершенно пустые. Два портрета на стенах — это очень и очень мало; нет фотографий, для 1870-х модного и дорогого интерьерного аксессуара. На окнах какие-то странные шторы, от которых имеется лишь верхняя часть, а основного полотна нет. Лепнины мало. И главное, интерьер как будто нежилой — в нем отсутствует типичная для эпохи переполненность разного рода мелким бесполезным декоративным хламом. Видно, что хозяева устроили свое жилище по принципу «слышу звон, да не знаю, где он», то есть в целом следователи дворянским образцам, но не проявили достаточно внимательности, терпения и дурного вкуса, которых эпоха требовала от владельцев богатого жилища.

Итак, перед нами сатира. Смысл картины в том, что купцы жлобоваты, дурновкусны, бескультурны, не умеют себя прилично вести, а их жизнь выглядит смехотворно. Зритель, не будь таким и посмейся над купцами, ты же более развит и культурен, а твой быт приличнее, даже если ты и беднее, чем люди, изображенные на картине.

Читатель может справедливо заметить, что художник Фирс Журавлев, сын портного из Саратова, и сам не был особенным баринном, почему же он решил вписаться за бар и смеяться над купцами? Да, это так, но жизнь художников передвижнического круга нам прекрасно известна. Все эти люди не имели артистических бытовых привычек, и как только позволяли деньги, они немедленно начинали жить по среднеклассовому стандарту. Эпоха богемы в 1870–х для России еще не наступила, свои Верлены и Рембо, а также Ван Гоги с отрезанным ухом в стране пока что не появились. Художник — это всё еще человек в стандартном темном сюртуке, живущий в обычной буржуазной квартире; то же относится и к большинству посетителей художественных выставок, а также и ко всем потенциальным покупателям картин. Все художественные и социальные aspirations живописца пока что остаются в сфере искусства, не перекидываясь на быт. Пусть передвижники сочувствуют бедствиям простого народа, бичуют социальные язвы, но как только дело доходит до вопроса о том, как следует организовать повседневную жизнь человеку с деньгами, они не отходят от традиционных взглядов старого имущего класса. Над купцами, следовательно, надлежит смеяться.

Теперь всякому читателю следует посмотреть на себя в зеркало и вспомнить, как выглядят любого рода частные праздники, на которых ему приходилось бывать. Кому наследует наша текущая бытовая культура — купцам, изображенным на картине, или художнику (и стоящему за ним старинному высшему классу), смотрящему на них с брезгливостью?

Быть может, среди читателей этого поста и есть люди, не позволяющие себе класть локти на стол, но сам я, как и все мои знакомые, несомненно продолжаю купеческую линию. Меня не шокирует, когда на дне рождения одни люди сидят за столом и едят, а другие тем временем ходят по комнате; мне не кажется

ужасным, если кто-то повернет стул боком к толу и расставит ноги; у меня вовсе нет галстука и я не боюсь надеть брюки не одного цвета с пиджаком. В целом, свободное самовыражение, в том числе и через поведение в быту, кажется мне более важным, чем следование узким социальным кодам. Мы все, в бытовом плане, потихоньку стали как раз купцами с этой картины.

Провинциальные купцы с картины, пусть даже они были простецкими и нагловатыми, оставили, как оказывается, достаточно значимое социальное наследство — они первыми из имущего класса стали жить, в бытовом смысле, свободно, естественно двигаться и жестикулировать, одеваться в стиле casual, не циклиться на бытовых мелочах. И то, что тогда казалось в них смешным и нелепым, в наши дни представляется правильным и ценным.

Гелий Коржев. Поднимающий знамя: о чем эта картина

Картина Гелия Коржева «Поднимающий знамя» — знаковая работа, отмечающая точку перехода однообразного и формального сталинского соцреализма к более искренней и разнообразной стилистике. Сейчас эта живопись не в моде, и нам трудно поверить, что полотно, являющееся частью триптиха «Коммунисты» — то есть, по умолчанию, элемент социалистического официоза — может представлять художественную ценность. Но, однако же, перед нами большая живопись — картина выразительна, она излучает энергию, агрессию, силу. Динамичная композиция с обрезанными фигурами, резкое сочетание простого открытого цвета знамени и мерцающего сумрачного колорита остальной части полотна — всё это делает картину запоминающейся.

Самое необычное в картине — ракурс. Поднимающий знамя изображен в 45-градусной аксонометрии. Как будто бы мы смотрим на него в телескоп через пространство и время с вершины какой-то пирамиды (наверное, это пирамида коммунизма), в основание которой, рядом с товарищами, вот-вот ляжет его тело. А он в ответ смотрит вверх, на еще не родившихся нас.

Сюжет картины очень обобщенный — очевидно, что автор намеренно изобразил рабочего архетипичным, убрав все конкретные признаки времени и места. Вернее, не совсем все — трамвайные рельсы и крышка канализационного люка показывают нам, что дело происходит в большом городе. Рабочий изображен как человек, полностью слившийся с городской и заводской культурой — он брит, носит рубашку и брюки городского покроя, ботинки со шнурками; рабочие, сохранявшие культурную связь с деревней, выглядели более консервативно. Но вот когда происходят описанные события, мы догадаться не можем. То ли революция 1905–1907 годов, то ли какой-то позднейший эпизод борьбы, то ли Февральская революция или же большевистские выступления при Временном правительстве. Более того, самые известные из городских уличных кровопролитий — Кровавое воскресенье и Декабрьское восстание в Москве — происходили зимой, так что картина явно не про них.

До какой степени изображенное на картине исторично? Для разных периодов по-разному. До Кровавого воскресенья (9 января 1905 года) стрельба по толпе казалась простому человеку невозможным делом — этим и был определен тот невообразимый шок, который испытало общество от расстрела. Дальше дело покатило под откос, уровень насилия начал нарастать. Особенно плохо дела пошли после объявления Октябрьского манифеста. Пиком насилия стало Декабрьское вооруженное восстание в Москве, после подавления которого правительство в целом начало брать верх, и беспорядки стали медленно затухать. Кое-какая стрельба постоянно раздавалась на улицах крупных городов до конца весны 1906 года. Потом страна успокоилась, и стрельба по собраниям протестующим снова постепенно превратилась в экстраординарное происшествие. Расстрел рабочих на Ленских приисках в апреле 1912 года опять стал шоком — к этому моменту страна уже совсем отвыкла от стрельбы.

Итак, изображенное на картине можно считать вполне достоверным для осени 1905 года, и сильным преувеличением для любых эпизодов рабочей борьбы периода 1907–1914 годов.

Что ждет поднявшего знамя? По картине очевидно, что его пристрелят прямо сейчас. В большинстве реальных жизненных

ситуаций той эпохи обстановка была несколько безопасней. На глаз, вероятности получить пулю в лоб / попасть на каторгу / отправиться в ссылку / отсидеть две недели под арестом / вернуться домой целым или с синяками относились друг к другу как 1 : 20 : 30 : 100 : 1000. Но, скажем честно, и для того, чтобы не испугаться неприятностей такой вероятности, надо иметь много смелости — приблизительно столько же, сколько требовалось от участников киевского Майдана в его последние дни. Сегодня мы не видим в России людей, демонстрирующих тот же уровень отваги, что и поднимающий знамя.

Что означает красное знамя? Для дореволюционного периода это не знамя коммунизма и не знамя РСДРП как отдельной партии. Напротив, это знамя социалистического и профсоюзного движения в самом широком его понимании. Красное знамя на рабочей демонстрации значит одно — рабочие имеют не только трудовые требования, но еще и выражают политические взгляды, включающие в себя требования широкой реформы взаимоотношений рабочих и предпринимателей.

Красное знамя много значило для властей. Пока рабочие выступали с лозунгами чисто профсоюзного толка, их действия не составляли уголовного правонарушения. Появление красного флага, даже при отсутствии антиправительственных лозунгов, автоматически обозначало, что данное собрание людей преследует политические цели и превращало всех участников идущей под этим флагом процессии в преступников. В реальной практике власти никогда не преследовали всех участников таких шествий поголовно, они выделяли нескольких либо истинных, либо мнимых организаторов, и им уже доставалось на полную катушку. Но именно то, что иногда под раздачу попадали случайные люди, и делало участие в демонстрации под красным флагом опасным для каждого.

Теперь мы перейдем к самому сложному моменту — а почему, собственно говоря, рабочий оказался под красным, то есть политическим, знаменем, а не под чисто профсоюзным лозунгом? В этом и заключалась трагедия страны — царизм совершил большую глупость, подавив чисто трудовое протестное движение, в результате чего получил не успокоение, а поголовную

революционизацию рабочих. Тактика РСДРП заключалась в мягкой политизации рабочего протеста. Типовые требования бастующих, составленные при участии партийных активистов, выглядели так: вначале шли невинные требования улучшения условий труда (типа обеспечения питьевой водой в цехах), потом стандартное требование повышения зарплаты или увеличения расценок (нормальное и здоровое для забастовки), потом требование восьмичасового рабочего дня (затруднительное для отдельного предпринимателя) — с этим требованием уже обычно появлялся красный флаг, а под конец уже шло «долой самодержавие», вслед за которым появлялись казаки, нагайки, солдаты и начинали свистеть пули.

Поскольку чисто профсоюзных активистов (а они всегда склонны действовать легально) гнобили, активисты революционных партий (умевшие действовать подпольно) взяли верх. В сознании рабочих разумные требования, выдвигаемые в ходе трудовых конфликтов, и призывы к уничтожению царского строя постепенно слились воедино. Когда в 1912 году правительство дало задний ход и разрешило рабочим создать самоуправляемые больничные и страховые кассы, было уже поздно — офисы этих касс автоматически превратились в штаб-квартиры РСДРП на предприятиях. То, что социал-демократы влились в рабочую борьбу, сделало ее менее результативной для рабочих (чем более завышены требования, тем менее вероятна их реализация) и более деструктивной по отношению к общеполитической ситуации.

Какой мир хочет создать поднимающий знамя? Трудно поверить, но это отнюдь не знакомый нам социализм в советской версии, и уж тем более не военный коммунизм. Программа РСДРП, принятая на II съезде в 1903 году — это вполне умеренная и уважаемая программа, обычная для всякой европейской социал-демократической партии. Демократия со всеобщим избирательным правом, стандартный набор политических прав, всеобщее равенство, социальное страхование с пособиями по болезни, безработице и старости, всеобщее бесплатное образование, прогрессивный подоходный налог, восьмичасовой рабочий день, справедливые процедуры разрешения конфликтов

рабочих с предпринимателями — вот и всё, чего требует рабочий на картине.

Никаких ужасов, впоследствии совершенных большевиками — партийной диктатуры и подавления всех гражданских свобод, конфискации частных бизнесов и перехода на плановую экономику, репрессий «буржуазии» — в этой программе нет. Изображенный на картине рабочий не предвидит будущего и борется за тот комплекс идей, который в настоящий момент и является основой строя развитых европейских стран. Это благородные и разумные идеи, не потерявшие актуальности и сегодня. Тот мир, который он мечтает создать, более похож на Францию 1937 года, чем на Советский Союз 1937 года.

Что дала нам эта борьба? Как легко заметить, далеко не всё из программы РСДРП реализовано в России на сегодняшний момент. Но, однако же, одна замечательная вещь досталась нам непосредственно как результат героизма и упорства рабочих — восьмичасовой рабочий день. Этот лозунг, в связи с его явной невыполнимостью и привлекательностью для рабочих, считался наиглавнейшим боевым требованием социал-демократии. Как результат, уже после Февральской революции восьмичасовой рабочий день был немедленно самими же рабочими введен во всей промышленности. А большевики, наплевавшие на большую часть своих предреволюционных обещаний, уже не нашли решимости отказаться от 8 часов, хотя им, наверное, очень того хотелось. Об этом завоевании говорили так долго и так много, за него столько бились, что оно стало неотъемлемым.

Сейчас мир вокруг нас быстро изменяется, и с каждым днем наши прадеды, имевшие смелость встать, поднять знамя и идти под пули за то, чтобы мир вокруг них стал справедливой и лучше — а этой смелости так не хватает нам сегодня — вызывают всё большее уважение. Малосимпатичные, простоватые, грубые, злые — как рабочий на этой картине — они сумели выдвинуть из своей среды героев. Их история и их борьба были присвоены послереволюционной коммунистической партией, влились в официальный миф сгинувшего социалистического строя и вместе с ним были преданы забвению. Теперь настает время снова вспомнить их смелость и их благородные намерения. Этот пост

написан мною для того, чтобы всякий, кто собирается и уходит с работы по окончании восьмичасового рабочего дня — а ведь начальник, наверное, хотел бы, чтобы вы поработали еще пару часов, — осознал бы, что это право досталось народу дорогой ценой. Площади наших городов политы кровью предков для того, чтобы мы жили так, а не хуже.

I Исторические посты

Печальная история о том, как народ научился пить денатурат

Русский народ исторически не был знаком с техническим спиртом. Химическое производство в царской России было развито слабо, и потребности в денатурированном техническом спирте практически не существовало. Перед простым человеком стоял простой выбор: либо дорогая водка (вначале подакцизная, а с 1894–1902 годов - казённая монопольная), либо самогон. С самогоном чаще всего ничего не получалось: плотная совместная деревенская жизнь + всеобщая зависть не давали самогонщикам развернуться. Крестьянин был готов сам остаться без дешевого самогона, но только чтобы сосед не смел разбогатеть на торговле самогоном. За первыми опытами самогоноварения неизбежно следовал донос от односельчан. Вроде бы и несложно гнать самогон и пить его всей деревней, скрываясь от властей, а на практике не получалось, приходилось идти в казённую винную лавку.

Итак, после 1900 года народ послушно пил казённую водку и мало задумывался об альтернативах. Водка стоила 68 копеек за литр. Это как раз был нижний предел дневного заработка чернорабочего, и нормальный заработок сельского рабочего в страду. Надо помнить, что семьи были большие — 5–6 человек — и на самого себя рабочий семейный мужик тратил от самой силы 20 копеек в день. А бутылка водки (615 мл) стоила 42 копейки, и это было дорого. По вкусу казённая водка (так называемая *красная головка*, по цвету сургуча) была среднехреновой, типа позднесоветской стандартной водки — казённое водочное производство было чисто химическим, без всяких вкусовых добавок. Кстати, улучшенный сорт водки — «казённое столовое вино» (так называемая *белая головка*), стоивший в полтора раза дороже, у казны получался еще более невкусным, и его вообще никто не покупал.

К 1902–1903 году ситуация изменилась. В Европе были разработаны спиртокалильные лампы, сильно превосходившие по потребительским качествам широко распространенные

керосиновые. Как известно, спирт сгорает практически идеально — разлагаясь на углекислый газ и водяной пар — и спиртовая лампа не загрязняет помещение (и сегодня активно рекламируются так называемые биокамины без дымоходов со спиртовыми горелками). Но, к сожалению, спиртовое пламя неяркое. Идея калильной сетки была известна давно, но только к 1900 году удалось разработать удачный катализатор — смесь редкоземельных металлов тория и церия. Теперь спиртовые лампы не воняли, не пачкали и горели ярче керосиновых. К середине 1900-х годов кандела-час горения спиртовых, керосиновых и электрических ламп стоил приблизительно одинаково, что делало спиртовые лампы явным лидером (электросети были еще в очень немногих местах). Но только на одном условии — спирт, на котором работает лампа, должен был иметь нормальную коммерческую стоимость, а не многократно увеличенную через наложение акциза. И тут начались проблемы.

О том, чтобы снять акциз со спирта, не могло быть и речи — это разрушало всю систему борьбы с народным пьянством, которую тщательно выстроили европейские государства (страдавшие от пьянства тяжелее, чем Россия). Тогда появилась прекрасная альтернативная идея — денатурация спирта. Идея тоже было не новой, но вот требования к денатурации изменились — теперь денатурат следовало приспособить для нужд освещения. Если сформулировать задачу коротко, денатурат для ламп должен был:

- иметь омерзительный запах и вкус при питье, но не издавать запаха при горении;
- вызывать неприятное тяжелое похмелье, но не повреждать здоровье пьющего при случайном употреблении;
- быть подкрашенным;
- не образовывать нагара на калильных сетках ламп;
- не превращаться обратно в питьевой спирт через какую-либо доступную для массового потребителя реакцию.

Задача была сложной. Многие европейские правительства объявляли научные конкурсы и назначали призы, пытаясь найти наилучший рецепт денатурации. В 1903 году Министерство финансов России тоже назначило за рецепт награду в 50.000

рублей (зарплата профессора за 16 лет, аналог современных 500.000 долларов), что было экстраординарным событием. Результаты оказались неоднозначными. Европейские страны посчитали найденные рецепты удовлетворительными, и немедленно начали производить осветительный денатурат, спрос на который быстро рос. Российское правительство было недовольно предложениями (а их было 80, огромная премия привлекла химиков) — одни рецепты были, на отечественный вкус, слишком мало омерзительными, а другие весьма омерзительными, но приводили к загаживанию ламп. Российскую премию так никому никогда и не вручили.

Рецепта не нашлось, а жизнь подгоняла Министерство финансов (отвечавшее за спиртовую промышленность) — всем, и самим чиновникам в том числе, хотелось пользоваться гигиеничными, яркими и дешевыми лампами. Наконец, министерство сломалось и не стало дожидаться открытия идеального метода денатурации. С 1903 года в продажу пошел спирт, денатурированный по среднеевропейскому рецепту; в него добавляли 2.5% древесного (то есть метилового) спирта, 1% пиридинового основания (продукт коксования угля, обладающий резким неприятным запахом) и 0.25% кристаллической фиолетовой краски. Денатурат стоил в 12–14 раз дешевле питьевого спирта.

И тут случилось непоправимое — народ начал массово пить денатурат. Жидкость, казавшаяся совершенно негодной для питья воспитанному на пиве немцу (и воспитанному на вине французу) оказалась пригодной для невзыскательных русских. Да, денатурат мерзко вонял, да, от содержащегося в нем метилового спирта весь организм ломало — но зато как это было дешево! Продажи росли с каждым днем.

Политика винной монополии была подорвана — народ пил напиток, куда более вредный, чем водка, казна недополучала акцизный и монопольный доход. Объем продаж денатурата не был пока что критически большим, но темпы его роста заставляли волноваться. В 1906 году Минфин запретил продажу денатурата. Тут настало время возмущаться тем, кто накопил в дом дорогостоящих спирто-калильных ламп. И заводчикам, которые

построили разные технологические процессы на использовании денатурата. В отличие от современного правительства, царское правительство просто не умело игнорировать столь резонные жалобы. Через год денатурат стали продавать опять, но денатурирование усилили. Теперь в спирт добавляли еще 1% кетонового масла и 0.3% керосина.

Результат второго явления денатурата народу оказался совсем печальным. Спиртокалильные лампы новый денатурат ощутимо загаживал, и этот вид техники постепенно загнулся под напором дешевающих электроламп (как раз в это время лампы с угольной нитью сменились на вакуумированные лампы с металлической нитью). А народ уже не мог оставить старую привычку и продолжал пить денатурат, хотя теперь он стал более мерзким и более опасным для здоровья. Когда же началась Первая мировая война и был введен сухой закон, дела совсем пошли под откос. Водка исчезла — денатурат остался в продаже. Теперь денатурат начали пить и те, у кого ранее хватало денег на водку. Это был урок, который сложно забыть. Что бы не происходило далее, какие бы исторические пертурбации не проходила страна — народ твердо знал и помнил, что денатурат пить можно и нужно.

Народ пил денатурат еще много-много лет. А кое-где кое-кто пьет его и до сих пор.

И всё это сделали несколько инженеров, химиков и чиновников, членов Технического комитета Главного управления неокладных сборов и продажи питей, приняв одно-единственное неудачное решение.

История опломбированных детей

В 1764 году в Москве был торжественно заложен Воспитательный дом — огромное учреждение, пред-назначенное для призрения незаконнорожденных детей и подкидышей; в 1770-м аналогичное заведение появилось и в Санкт-Петербурге. Воспитательные дома были ярким проявлением гуманизма екатерининской эпохи. Одной из важнейших целей этих учреждений было предупреждение убийств новорожденных младенцев матерями, которые по социальным или экономическим причинам не имели возможности их вырастить; детей принимали в Воспитательный дом от любых лиц, без документов и не требуя объяснений. При учреждении Воспитательных домов правительство и многочисленные жертвователи благородно верили, что дети в этих учреждениях будут воспитаны наилучшим образом, обучены разного рода профессиям и ремеслам и, в результате, устроятся в жизни много удачнее, чем их сверстники, оставшиеся в семьях.

Жизнь немедленно разбила благонамеренные планы. Во-первых, детей подбрасывали в грудном возрасте, и надо было откуда-то брать кормилиц. Как только кормилиц не доставало, дети начинали мереть. Да и вообще, скученная жизнь множества детей под одной крышей в эпоху примитивной медицины не приводила ни к чему хорошему. Как результат, итоговая выживаемость воспитанников заведения, на фронте которого было написано «и тем живы будете», к 16 годам в иные периоды не достигала даже и 10%.

Во-вторых, детей несли всё в большем и большем количестве — к 1880-м уже по 15–20 тыс. в год в каждый из домов. Понятно, что если бы приносимые за год 15 тыс. детей не помирили, а воспитывались бы в доме до 16 лет, то такой дом стал бы уже не домом, а городом — и очень большим городом (по меркам того времени).

Вначале Воспитательные дома пытались сохранить парадный фасад — малую часть детей, насколько позволяли финансы, продолжали содержать наилучшим образом и обучать ремеслам и наукам, большинство же отсылали в деревню, доплачивая крестьянам за их содержание. В 1830-е жестокосердый Николай I распорядился прикрыть этот последний островок екатерининского сентиментализма. Теперь всех детей держали в Воспитательном доме ровно столько, сколько позволяло наличие кормилиц (как правило, один–два месяца), после чего их отвозили в деревню и раздавали по крестьянским семьям. Задача облегчалась тем, что за несколько недель нахождения в Воспитательном доме 40–50% детей умирали.

Этот порядок сохранялся до самой революции. Единственное важное изменение состояло в том, что в 1891 году дом перестал официально принимать детей без документов — теперь в него следовало приносить только незаконнорожденных детей с метрикой. Но зато теперь матери получали право забрать обратно ребенка, если он еще не достиг 7 лет, заплатив компенсацию за его содержание. Подкидывание же детей теперь стало нелегальным деянием, и подкидышей доставляла в Дома полиция.

Детей передавали в крестьянские семьи с выплатой ежемесячного содержания (в конце 19 века — 2.3–4 рубля в месяц,

смотря по возрасту, выплачивалось до 15–17 лет). Детей выдавали в определенные местности (близкие к столицам и удободоступные), за их жизнью надзирали инспекторы Воспитательного дома. Как-либо следить за качеством содержания и воспитания десятков тысяч детей не было ни рук, ни сил; единственное, чем занимались инспекторы — проверяли, чтобы крестьяне не продолжали получать пособие за умершего ребенка.

Разумеется, дети массово мерли и после передачи в крестьянские семьи — в начале 20 века приблизительно половина детей не доживала до 5 лет, а выживаемость сирот по понятным причинам была ниже. Но как же тогда было убедиться, что ребенок не помер, и крестьяне просто получают пособие, выдавая за государственного сироту своего собственного ребенка, которого они родили более или менее одновременно? Детей было так много, что инспекторы не могли помнить их в лицо, фотографии и дактилоскопии еще не было.

Тут казной и было найдено элегантное решение — **опломбирование детей**. На шею каждому воспитаннику вешался на шнурке маленький (с двухкопеечную монету) костяной медальон с символом Воспитательного дома, и на шнурок накладывалась пломба — ровно так же сегодня пломбируются контейнеры. Шнурок затягивался так, что снять его через голову было невозможно. Желающие получить пособие далее должны были предъявить инспектору ребенка с нетронутой пломбой, если такового не оказывалось, выплаты останавливались.

В 15 (девочки) и 17 (мальчики) лет пособие прекращалось, пломба снималась, и те 15–20% от переданных на попечение казны сирот, которым посчастливилось дожить до столь почтенного возраста, сливались с общей массой крестьян. Многие из нас — потомки этих людей. Определить это просто — приметой государственного сироты является искусственная, литературная фамилия, которую любили давать в казенных учреждениях в сентиментальный век. Если вы *Добронравов, Веселовзоров, Добролюбов, Благонравов, Добродеев*

или что-либо еще в этом роде — есть определенный шанс, что ваш предок по мужской линии носил на шее описанную выше пломбу.

Смерть Татьяны Золотовой

1.

В мае 1902 год читатели газет были поражены ужасной новостью; о такой жути в цензурную эпоху в газетах печатали нечасто. Страшные события приключились на хуторе Тихорецком в Кубанской области.

В поезде, следовавшем через хутор Тихорецкий, ехала 19-летняя барышня Татьяна Золотова, дочь мелкого чиновника. Она приглянулась соседу по вагону, судебному следователю, и тот начал грубо к ней приставать. Испуганная девушка отбивалась как могла, и тут следователь перешел к совсем коварным действиям. Когда поезд остановился на хуторе, где следователь и служил, он подложил барышне какие-то свои вещи, подозвал жандарма и заявил, что девушка его обокрала. Несчастную арестовали и препроводили в офис того же судебного следователя, где он ее изнасиловал.

После этого следователь отправил девушку под арест в полицию (полиция на землях казачьих войск состояла из казаков), и там, в арестном помещении, дежурные казаки продолжали насиловать, избивать и мучать девушку. Они дошли даже до того, что продавали возможность ее изнасиловать местным жителям за 50 копеек. Девушка всё более изнемогала от этого насилия и, наконец, через 5 дней умерла.

Казаки, чтобы не раскрылось их злодеяние, влили ей мертвой в рот карболовую кислоту (это фенол, сильный яд), и заявили, что она отравилась сама. Между тем, слухи о преступлении распространялись по хутору, который, заметим, был на самом деле не хутором, а крупным пристанционным поселком, где жило 8 тысяч человек. На похороны собралась двухтысячная толпа, требовавшая правосудия и, для начала, вскрытия трупа. Вскрытие произвели местные врачи, объявившие, что перед ними самоубийство. Толпа озверела и ринулась громить казаков. Казаки и следователь разбежались и спрятались, так что толпа просто разнесла в щепки полицейский дом. Прибыли войска, но к этому времени люди уже разошлись.

Вот такой кошмар.

Об этом случае писали в разных изданиях летом 1902 года, Министерство Юстиции публиковало опровержение, ему никто не верил, появлялись новые статьи, и наконец, в январе 1903 года про убийство Золотовой стали интенсивно писать «Петербургские ведомости», совсем уж официальная газета, предназначенная для читателей–чиновников и редактируемая близко знакомым с императором князем Эспером Ухтомским.

Тут про Татьяну Золотову и прочитал министр внутренних дел Плеве, который в разговоре с коллегами, министром юстиции Муравьевым и военным министром Куропаткиным, спросил их, как это они спокойно смотрят на подобные злодеяния, совершаемые чинами их ведомств, и как это они не боятся того, что сведения вот–вот дойдут до государя. Министры взволновались.

И тут министр юстиции поступил весьма правильно: он приказал судебному следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда (это была самая престижная из следовательских должностей в стране) д.с.с. Бурцову начать отдельное следствие, не ограничивая себя результатами дознаний/следствий, производимых ранее.

Бурцов отнесся к делу чрезвычайно добросовестно. Наверное, он произвел самое подробное следствие, которое когда–либо велось в России. Он опросил около 200 человек, раскрутив все цепочки свидетелей. Как только кто–то из свидетелей говорил «и при этом рядом со мной был еще такой–то», «такой–то знает лучше меня», следователь разыскивал и этого человека, и так пока весь круг людей, знавших что–то по делу, не исчерпался. Те, кто уехал далеко, были опрошены дистанционно, местным следователям был прислан список вопросов. В газетах публиковались объявления ко всем, знающим что–либо по делу, приглашающие их либо явиться к следователю, либо написать анонимно. Для медицинской экспертизы пригласили авторитетных профессоров. И так далее. Как результат, убийство безвестной Татьяны Золотовой стало одним из самых исследованных и документированных событий в истории России, буквально на уровне отречения Николая II от престола.

Результаты следствия были опубликованы отдельной книгой. Скачайте и прочитаете, не пожалеете, это отличное чтение. Перед нами живые голоса нескольких сот очень разных людей, от уклончивого и вежливого начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Маламы до безродных бродячих калмыков, посаженных за пьянство под арест вместе с Золотовой. Все говорят своим языком – следователи тех времен не превращали речь свидетелей в омерзительную канцелярщину, а, скорее, делали отличную литературную редактуру показаний. Перед нами открывается широкая картина быта и нравов эпохи, причем в тех частях, которые хуже всего затронуты мемуарной и художественной литературой. В общем, перед нами великолепный документ эпохи.

Что установил следователь Бурцов? Пока не будем раскрывать тайну, напишем об этом позже, вы лучше попробуйте не поленившись и прочитать самостоятельно. Для затравки скажем, что в действительности всё оказалось не так, как на самом деле.

2.

Ну, наверное, все желающие прочитали книгу, так что настало время рассказать настоящую историю Татьяны Золотовой и ее смерти для тех, кто поленился читать.

Чем глубже раскапывал дело следователь Бурцов, тем более становилось видно, что «народная» версия событий не соответствует действительности. Хотя на хуторе Тихорецкий все, на первый взгляд, верили, что девушку убили казаки, оказывалось, что все верящие знают дело только по слухам, а все видевшие что-либо своими глазами свидетельствуют о совсем другом обороте событий. После того, как опросили около двухсот настоящих свидетелей (а не тех, до кого дошли слухи), картина совсем прояснилась. Вот что выяснил следователь:

Татьяна Золотова, девушка 19 лет, была не дочерью мелкого чиновника, а дочерью румынского цыгана, сапожника из Екатеринодара. С 15 лет она профессионально занималась проституцией. На станции Тихорецкая она оказалась потому, что знакомый сутенер пригласил ее с двумя подругами поработать на ярмарке в одной из станиц, куда она и ехала. А работать по

ярмаркам, как узнал следователь, даже у проституток считается зазорным. Когда поезд, на котором ехала Золотова, остановился на станции Тихорецкая – а поезда той эпохи ездили медленно и стояли на узловых станциях по несколько часов – Золотова залезла в вагон второго класса другого поезда и украла там сверток, в котором были шпага и зонтик, принадлежавшие городскому судье Добровольскому, ушедшему в буфет. Когда Добровольский вернулся, другие пассажиры указали ему на Золотову. Судья попросил Золотову вернуть вещи, но та отвечала ему грубо. Добровольского уже не раз обкрадывали в поездах, так что он разозлился и подозвал жандарма. Золотову задержали, составили протокол, и Добровольский уехал.

Зачем Татьяна украла ненужную шпагу, да еще у всех на глазах? Судя по всему, она была просто сильно пьяна и плохо понимала, что делает. Вообще–то она практически всегда была пьяна, и, в нормальном виде будучи доброй и симпатичной девушкой, под воздействием алкоголя менялась в худшую сторону.

В комнате жандармов на станции Татьяна решила покончить с собой, задушившись шейным платком, но это просто так не сделать, и у нее ничего получилось. Татьяну отвели к судебному следователю Пуссепу, и тот принял решение арестовать ее и отправить под конвоем в тюрьму в Екатеринодар, при этом Татьяна могла быть отпущена до суда под поруки и с залогом в 100 рублей (это был приблизительно ее двухмесячный заработок). Татьяна попросила следователя оставить ее на хуторе Тихорецком, так как в этом случае знакомым будет проще внести за не залог, и следователь согласился. Конечно, это было не так, просто Золотова, как выяснилось позже, считала страшным позором, что ее поведут через Екатеринодар в тюрьму под конвоем. Отец девушки считал, что она служит прислугой и не подозревал о ее настоящих занятиях (Татьяна, ее мать и сестры тщательно скрывали от него правду), но скандал с судом и тюрьмой – Золотову приговорили бы к 3 месяцам ареста – открыл бы ему глаза на происходящее. Зная о попытке самоубийства, следователь специально попросил урядника казаков отнестись к арестованной помягче и по возможности разрешать ей выходить из камеры. Больше следователь Пуссеп Татьяну не видел, через три дня он

уехал из Кубанской области навсегда, получив должность в Харькове.

Золотову отвели в полицейскую избу, состоявшую из двух помещений – в одном были нары для арестованных, а в другом – такие же нары для казаков и стол. В этой чрезвычайно упрощенной обстановке десяток казаков нес полицейскую службу. Казаки не были профессиональными полицейскими, это были обычные рядовые станичники на льготе (это такое состояние повышенной мобилизационной готовности после отбытия военной службы), выбранные случайным образом, и посылаемые в хутор двухнедельными сменами. Все они были не местными – на хуторе Тихорецкий казаки не жили вообще – и все они, по отбытии своей смены, попали бы снова на хутор очень нескоро (или никогда). В общем, эти люди не чувствовали особой ответственности за то, что им положено делать. Командовал казаками нижний чин, урядник. Никакие офицеры деталями полицейской службы на хуторе Тихорецкий не интересовались, и зря, там же проживало почти 8 тысяч человек.

Как результат, полицейская служба казаков неслась чрезвычайно халявно, и всякая дисциплина была утрачена. Казаки пили у себя в избе, гуляли, спали, иногда ловили пьяного, по глупости проходившего мимо их базы, и отнимали у него деньги. Очевидно, что появление в полицейской избе веселой и доступной молодой девушки – вместо ее обычных посетителей, грязных пьяниц и драчунов – произвело сенсацию. Началось веселье. Заметим, что Золотова приняла меры к тому, чтобы у казаков не было соблазна ее изнасиловать – она тут же индивидуально задружила со старшим из них, помощником станичного атамана. Про секс следователю никто не рассказал, но очевидно, что он был, на одежде Золотовой при вскрытии обнаружили соответствующие следы, но с кем именно и в каком количестве, установить не удалось. Пьянство, прогулки с казаками по поселку, пристаивание к прохожим с просьбой дать денег заметили многие свидетели. Например, соседка побоялась выпускать во двор дочь после того, как заметила, что Золотова, стоя в воротах, показывает прохожим голую грудь. В какие-то моменты Золотова была более пьяна, в какие-то менее. В камеру ее не запирали, так как камера

была одна, и в ней уже сидели мужчины, так что она спала на нарах с казаками. С кем-то из казаков (за ней всё-таки следили и одну не отпускали) она сходила на почту и отправила нескольким знакомым фантастически бестолковые телеграммы, умоляя ее спасти, но забыв указать про взятие на поруки и сторублевый залог. Заходила она и в аптеку, где купила пузырек карболовой кислоты – это яд, в большом разведении использовавшийся как дезинфицирующее средство и поэтому продававшийся без рецепта.

Через пять дней казаки сменились, и урядник уходящей смены, не одобрявший происходящего, сказал уряднику новой смены, чтобы они сегодня же включили Золотову в этап, посылаемый в Екатеринодар (в камере тем временем набралось сколько-то мелких правонарушителей). Золотова отпросилась в отхожее место, выпила яд и вернулась обратно. Некоторое время она сидела тихо, кто-то из казаков заметил неладное и спросил, что с ней, Золотова отвечала «вот теперь попробуйте меня отправить», потеряла сознание и через два часа умерла, несмотря на попытки врача и фельдшера оказать помощь.

Это и оказалась настоящая история, ничем не отличающаяся от первичной версии казаков, выводов первого (беглого) следствия, выводов внутреннего расследования казачьего войска, официального заявления Министерства юстиции – то есть всех тех материалов, которым ни жители хутора, ни столичная пресса, ни читатели этой прессы не поверили, благодаря чему и было назначено второе, дотошнейшее, следствие.

Почему все хуторяне так твердо и сразу поверили в изнасилование и убийство? Об этом написал офицер для поручений Кубанского войска, производивший разбирательство: иногородние бесправны, не имеют даже простейшего самоуправления, никто не слушает их жалоб, казаки же ведут себя безобразно, и вся полицейская служба на хуторе несется исключительно с целью пограбить местных жителей. Единственное, чем могут действовать жители – их многочисленность, но нужны предлоги, чтобы собраться толпой, что-нибудь разгромить и показать казаком, что и у иногородних

тоже есть своя сила. Соответственно, население готово мгновенно поверить в любые слухи о преступлениях казаков.

Следователю удалось установить и непосредственных первичных распространителей слухов. Один из них был помощником машиниста, владевшим соседним с полицейской избой участком. Он как-то давно и сильно ненавидел казаков, а увидев в их обществе веселую девушку, совсем озверел. Пока Золотова была жива, он несколько раз подходил к казакам и упрекал их в нарушении дисциплины, явно нарываясь на драку. После же смерти Золотовой он, похоже, пошел разносить по поселку клевету об убийстве.

Второй источник слухов был полубродячий придурок из города Кромы, перебравшийся на хутор, чтобы варить квас (но так ничего и не сваривший). Даже его жена объясняла следователю, что ему кричат на улице вслед «дурачок идет». Этот человек настолько находился в мире иллюзий, что искренне верил, что он посещал Золотову в полицейской избе, и та рассказывала ему со слезами, как ее насилуют и избивают. На самом же деле, как установило следствие, его в тот момент вообще не было на хуторе, он куда-то уезжал и видеть Золотову не мог, и всю ужасную историю он первый раз услышал через неделю после похорон Золотовой. Следователь долго его разыскивал, но найдя, даже не стал подробно допрашивать, как только понял, что тот чистосердечно не различает реальность и фантазии.

Сумасшедший квасовар до того распалил себя искусственными воспоминаниями, что специально ездил в Петербург и ходил в редакцию «Петербургских ведомостей», где для него организовали встречу с журналистами. Кое-кто понял, что рассказчик не в себе, а в рассказе не все вяжется, кое-кто поверил. Редакция решила послать сотрудника на хутор Тихорецкий и проверить рассказ на месте. На беду, этим сотрудником оказался князь Михаил Андроников, в дальнейшем ухитрившийся войти в отечественную историю как авантюрист, мошенник, вымогатель и провокатор (преимущественно в связи с распутинским скандалом). Разумеется, такой человек заинтересовался только наиболее «жареной» версией событий.

3.

После того как мы рассказали народную и официальную версии Татьяны Золотовой настало время поделиться наблюдениями над интересными деталями, которыми полна эта история.

1. Несчастье Татьяны Золотовой заключалось в том, что она украла зонтик и шпагу из вагона, а не откуда-либо еще. Обычная кража относилась к преступлениям, подсудным мировым судьям, и за нее полагалось от трех до шести месяцев тюрьмы. Татьяне, как несовершеннолетней и ранее не судимой, дали бы три. Мировой судья был прямо на хуторе Тихорецком, а отбывать наказание ее отправили бы в арестный дом в станицу Кавказскую (это был аналог уездного города для хутора Тихорецкого), и она не попала бы под конвоем в Екатеринодар, чего она так страшилась. Мировой суд не требовал предварительного следствия и был быстрым, Татьяну осудили бы в течение недели-двух, а может быть и просто на следующий день.

Кража из вагона была совсем другой историей. Это преступление (как и любая кража из публичного транспортного средства) судилось в окружном суде, с присяжными и прокурором, требовало предварительного следствия – всё это занимало в среднем полгода, а срок предварительного заключения в те годы не зачитывался как отбытие наказания. Взрослому мужчине за такое преступление давали от двух с половиной до трех лет заключения в исправительном арестантском отделении (это та же тюрьма, но с более жестким режимом) или ссылали на жительство в Тобольскую и Томскую губернии на срок от двух до трех лет. Татьяна была женщиной и несовершеннолетней (совершеннолетие наступало в 21 год, а ей было 19), так что закон был к ней более мягок – ее ожидало от 8 месяцев до двух с половиной лет тюрьмы. С учетом срока ареста под следствием она провела бы за решеткой не менее года.

Это позволяет оценить всю меру любезности обкраденного судьи Добровольского, который объяснил Татьяне, что наказание будет суровее, чем она ожидает (надо думать, какие-то ее подруги/коллеги имели опыт трехмесячной отсидки), и пусть она вернет вещи, и он ее простит. Бедная дура не слушала.

2. Тихорецкие железнодорожные рабочие были суровыми и буйными людьми, только и ожидавшими случая учинить бесчинство. В 1900 году, при торжественном освящении нового здания ремонтных мастерских, они разгромили здание управления мастерскими – не спрашивайте меня почему. В 1902 году погрому, по поводу смерти Татьяны, они разгромили полицейское помещение и почтово–телеграфное отделение – чем им, интересно узнать, насолили почтовые служащие? Через четыре месяца, в ноябре, они присоединились к общей забастовке Владикавказской железной дороги, но проявили рвение выше всякой меры – именно на станции Тихорецкой случилось дикое побоище между рабочими и казаками, в ходе которого было убито 5 человек. В 1905 году, ясное дело, на Тихорецкой всё тоже было не слава богу.

Это обстоятельство четко понималось казачьими властями, которые в своих внутренних документах прямо писали, что причина народного возмущения не в гибели Золотовой, а в антагонизме между железнодорожными рабочими и солдатами, который только ищет повода для проявления в виде очередной вспышки насилия. Хутор Тихорецкий был злым местом.

3. В противоположность миру железнодорожного поселка тот мир, в котором жила Татьяна – а это был мир молодых неженатых екатеринодарских служащих и составлявших им компанию проституток – был довольно добрым. Подробные рассказы товаров и любовников Татьяны о своей жизни не показывают жестокости нравов и насилия. Нравы свободные, чем–то подходящие к современным студенческим, много выпивки, свободный секс, генеральная безалаберность.

Татьяна оказалась в поезде потому, что ехала работать на ярмарку по приглашению профессионального сутенера Балычева. Этот сутенер (тогда это занятие называлось «супник») снимал гостиницы в станицах на период ярмарок и превращал их во временные бордели, нанимая знакомых веселых девиц. Татьяна, получившая аванс, повела себя безобразно. Она не поехала в назначенный день, на следующий собралась ехать, но проспала, на третий поехала, но по пути попала под арест. Казалось бы, жестокому сутенеру самое время как минимум избить ее. Но нет,

Балычев отнесся к событиям с полнейшим добродушием. Он поехал выручать Татьяну, два раза ходил хлопотать к следователю (но не мог застать его в офисе), покупал Татьяне водку, колбасу и баранки, самым любезным образом с ней беседовал и утешал ее, уехал только потому, что у него были срочные дела, а при себе все равно не было 100 рублей залога (глупая Татьяна не объяснила дело в телеграмме), обещал вернуться через день и выкупить Татьяну из-под ареста. В общем, даже сутенер показал в этой истории пример достойного и добро-желательного поведения.

4. Татьяну, в конечном счете, погубила ее крайняя невнимательность и бестолковость. Будучи все время пьяной, она ни в чем не могла разобраться основательно, не умела расспросить людей, плохо понимало то, что ей говорили доброжелатели, и тут же всё забывала.

Первый раз она прозевала момент, когда обкраденный судья объяснил ей серьезность предстоящего наказания. Второй раз она забыла указать в телеграмме сутенеру требуемую сумму залога. Третья ошибка оказалась роковой – Татьяна в момент самоубийства была уверена, что этап заключается в том, что ее погонят в Екатеринодар, за 120 км, через станицы пешком под конвоем. Это опять было недоразумением – пешком надо было идти только в соседнюю станицу Тихорецкую (6км), для оформления документов, а в Екатеринодар надо было ехать на поезде (3–4 часа ходу). Но злосчастная выпила яд прежде, чем ей это объяснили. Внимательность – великое дело.

5. Семь с половиной тысяч жителей хутора Тихорецкий жили без всякой власти. Хутор не был отдельным поселением, а считался частью казачьей станицы Тихорецкая (6 тыс. жителей), расположенной в шести километрах от него. Жители хутора не бывали в станице (что им там делать), не голосовали на станичном сходе (они не казаки, у них нет права голоса), не платили никаких налогов (у них нет земли, а налоги со строений платятся только там, где есть городское или поселковое самоуправление). Теоретически, государственной властью на хуторе был неоплачиваемый помощник станичного атамана – случайный станичник, принудительно посылаемый по ротации на две недели. Но, ясное дело, случайный молодой казак, без подготовки, без

оплаты его труда, без права управлять какими-либо средствами, имел нулевое влияние на жизнь семи тысяч хмурых работяг. Следственное дело рисует этого помощника как бездельника, целыми днями гуляющего с Татьяной по окрестностям в надежде затащить ее в кусты.

Более того, желающий записаться в жители хутора Тихорецкий не имел возможности это сделать – записываться было некуда, на хуторе не было ни мещанского, ни крестьянского общества. Все свидетели-хуторяне, фигурирующие в деле, по сословной приписке считаются крестьянами или мещанами каких-то иных населенных пунктов.

С полицией дело обстояло тоже слабо. Станица Тихорецкая держала на хуторе одного постоянного полицейского урядника (ему платили) и присылала по ротации на неделю по десять казаков. Казаки были случайным образом отобраны из станичников на льготе (это возраст от 25 до 32 лет), не оплачивались, не имели какой-либо подготовки. Всякому понятно, как относятся к службе неквалифицированные, принудительно согнанные и неоплаченные дружинники. Толку от казаков было мало. Хорошо бы еще они просто сидели и квасили в своей служебной избе, но нет, они похоже еще находили время цапаться с железнодорожными рабочими по поводу и без повода, увеличивая социальную напряженность.

Таким образом, в отношении жителей хутора Тихорецкого предполагаемая тоталитарность царской России не проявлялась ни в малейшей мере. Они жили так, как будто бы государства не существует вовсе. И это еще цветочки. В ста километрах располагался быстро растущий 25-тысячный Армавир, который также не имел никакого юридического статуса, он назывался просто «селение» — то есть в этом городе не было ни самоуправления, ни налогов и бюджета, а лишь одно крестьянское общество. Город Балуты-Нове, в котором жили 100 тысяч человек, являлся просто частной усадьбой. Юзовка (будущий Донецк), имевшая около 30 тыс. жителей, была территорией акционерного предприятия, подчинявшейся его внутреннему распорядку.

5. Жандармерия на железной дороге работает безупречно. Даже тихорецкие рабочие, у которых были виноваты все на свете, не имели к жандармам претензий – хотя, казалось бы, именно они и арестовали Татьяну. Жандармы трезвы, вежливы, толковы (видно по протоколам в деле), некоррупционированы, твердо исполняют службу как положено. После ареста Татьяны подруги предлагают жандарму отпустить ее за десять рублей – это же, блин, его недельный заработок – и жандарм твердо отказывается.

Как вышло так, что остро необходимую реформу полиции в МВД обсуждали десятилетиями (и без результата), при том что в том же министерстве действовала отличная и эффективная железнодорожная жандармерия? Почему было просто не распространить опыт на полицию, или, что еще проще, не увеличивать потихоньку жандармерию, передавая ей новые зоны ответственности?

6. Сексуальные нравы несемейных людей в мещанской среде были другими. Если у тебя есть регулярный секс с незамужней девушкой, то ты должен либо полностью обеспечивать ее – то есть сделать содержанкой, – либо не ожидать, что у нее секс только с тобой. Быть любовником незамужней женщины нельзя, можно быть только любовником проститутки/полупроституки.

7. Татьяна зарабатывала очень хорошо, 50–60 рублей в месяц. На первый взгляд, 600–700 рублей в год это просто зарплата конторщика, но Татьяна же жила одна, а зарплата того времени рассчитана на неработающую жену и 2–3 детей. Татьяна тратила 50–60 рублей только на себя – а такие расходы на себя одну могла позволить себе жена человека, зарабатывающего около 150–200 рублей в месяц. Таким образом, Татьяна жила лучше, чем жена доктора и учителя гимназии, на уровне жены молодого инженера.

8. В мемориальных целях сообщим, что Татьяна погибла вот здесь: ссылка на карту. Все дома изменились, но сетка улиц осталась, и благодаря карте, нарисованной дотошным следователем Бурцовым, мы точно знаем, где происходили события. Кстати, в России то, что однажды стало казенным местом, остается им навсегда: на месте полицейской избы теперь военкомат.

Крепостное право для чайников

В ходе обсуждения моего предшественного поста, посвященного крестьянской реформе, я заметил, что многие плохо понимают, а что такое русское крепостное право в поздний период. Пожалуй, надо дать пояснения, в которых многие увидят новое для себя. Вообще – то, именно это надо рассказывать детям в школе, но не складывается.

Обратите внимание на то, что я пишу только о помещичьих крестьянах – на момент освобождения таковыми являлись 48% крестьян Европейской России. У государственных и удельных крестьян все обстоятельства были совершенно другие.

1. Классическое полное рабство, как в раннем Риме, в России не сложилось. Не существовало помещичьих хозяйств, в которых бы крепостные крестьяне обрабатывали поля помещика без платы, под бичом надсмотрщика, не имели бы ничего своего, жили бы в

общем бараке, и получали бы еду и одежду от помещика по физиологическому минимуму, не располагая собственными деньгами. Все попытки ввести такой строй (так называемая «месячина») кончались плохо для всех.

2. Крепостное право в России – это как римское рабство в момент перехода в колонат, у всякого раба есть пекулий, то есть такое имущество, которое в чистой теории принадлежит хозяину, но на деле раб пользуется им как собственным; хозяйственные отношения раба и хозяина представляют собой отчасти принуждение, а отчасти добровольные сделки; у рабов есть на руках собственные деньги. Это не буква закона, но фактическое сложение обстоятельств, сильнейшим образом вошедшее в обычай, только дворяне бешеные, безрассудные могут решиться идти против данного обычая, принимая на себя большие риски.

3. Закон формулировал власть помещика так, что он вправе заставить крепостных безвозмездно работать на себя не более трех дней в неделю, то есть помещик располагал половиной трудового потенциала крестьян, и, в теории, половиной создаваемого ими продукта. На самом деле, так дело не шло – надо было еще разобраться на что при этом будут существовать крестьяне. Сложилось два хозяйственных уклада, барщинный и оброчный, из которых в первом к концу крепостной эпохи находилось две трети крестьян.

Оба уклада подразумевали, что помещичье имение поделено на две примерно равные части, крестьянскую запашку и барскую запашку.

4. Барщинная система выглядит следующим образом:

– помещик ведет хозяйство на своей части земли самостоятельно, крестьяне обязаны работать на барской запашке бесплатно; в теории, такой труд занимает половину их рабочего времени;

– поскольку крестьянам не платят, ни натурой, ни деньгами, они существуют своим трудом на предоставленной им помещиком земле (крестьянская запашка), крестьяне пользуются своей половиной земли бесплатно;

— внутри этой системы единственным ресурсом помещика выступает насилие (будешь работать лениво – мы тебя высечем), экономического рычага у него нет, так как он не вступает с крестьянами во взаимовыгодные сделки; крестьяне, как только надсмотрщик отворачивается, начинают работать плохо, но у них за это ничего нельзя отнять — зарплаты – то у них нет; при попытке отобрать у крестьян что-либо из состава их пекулия (а больше наказать их нечем) начинается массовый саботаж;

— конец барщинной системы настает тогда, когда у крестьян хватает ума вызнать у управляющего цифру дохода помещика, устроить раздражающую саботажную компанию в его хозяйстве и одновременно предложить ему оброк (см. далее) в размере чуть выше по отношению к текущему доходу; помещик склонен принять это предложение, так как денег станет больше, а крестьяне надеются, что они потом как-то еще поддавят помещика, их же много, а барин один;

— с жестким и бестолковым помещиком барщинное хозяйство легко сваливается в штопор; крестьяне требуют облегчить их условия, притворяясь бедными и укрывая доходы;

– помещик не верит и больше нажимает на крестьян – крестьяне начинают с ленцой вести своё хозяйство, так как разбогатеть им все равно не дадут – ближайший неурожайный год действительно разоряет крестьян, не считавших нужным накапливать запасы – озлобившиеся крестьяне работают на помещика безобразно плохо, но их уже не прижать, так как они разорены.

5. Оброчная система выглядела так:

— крестьяне хозяйствуют на выделенной им части земли как желают, обычно приусадебными участками и домами они владеют как полной частной собственностью, а полевой землей пользуются общинным порядком, регулярно переделяя ее между дворами по каком-либо рациональному принципу; статус этой земли очень неопределенный, помещик является ее полным хозяином, но де-факто не решается отнять ее у крестьян, даже если ему это нужно; крестьяне могут переделять землю между собой, но не могут продать посторонним; помещик может продать всё имение вместе

с крестьянами, но и новому владельцу будет непросто сократить крестьянскую часть земли, он столкнется с саботажем; в чистой теории, помещик имеет право отобрать у крестьян даже их избы, но никто не удивится, если после такого его прирежут;

— за пользование своей частью земли крестьяне платят оброк; никаких правил для установления оброка нет, но он в целом всегда приближается к половине годовой платы наемному работнику; если помещик нанимает крестьянина обрабатывать его землю (это отнимает у крестьянина половину времени, так как земля поделена между помещиком и крестьянами пополам), то заработная плата обычно покрывает весь оброк, и еще немножечко остается крестьянину наличными – чтобы у него был стимул;

— иногда оброк налагается на все крестьянское общество как единое лицо, а крестьяне распределяют его между собой как хотят; но помещик имеет право также и налагать индивидуальные оброки на домохозяйства – обычно это происходит тогда, когда в составе крестьян есть лица, имеющие большие вземзледельческие доходы, то есть торговцы или ремесленники;

— крестьяне не могут оспорить слишком высокий оброк, так как правил тут нет, основным методом их борьбы за улучшение своего положения является саботаж – помещик ведь либо сдает свою часть земли крестьянам, либо нанимает их, и в обоих случаях крестьяне, обиженные слишком высоким оброком, начинают вести себя агрессивно, непредсказуемо, работают плохо, платят плохо; помещик, в теории, может вообще отдать всю землю крестьянам и соответственно удвоить оброк, но так никто не делает – крестьяне на этих условиях просто взбесятся, вообще перестанут платить, помещику тоже нужен рычаг экономического давления, типа «ты плохо платишь оброк, я тебя не найму и ничего тебе не сдам»;

— своей половиной земли помещик распоряжается в режиме свободных добровольных сделок – иногда сдает в аренду целиком всей крестьянской общине как единому лицу, иногда сдает в аренду по частям отдельным крестьянам, иногда обрабатывает самостоятельно, нанимая работников за деньги, или же как-то сочетает все эти способы.

6. Как легко заметить, и барщинная, и оброчная система в чистой теории подразумевали, что суммарный доход крестьян приблизительно равен доходу помещика. Это был не более чем экономический мираж. На самом деле, производительность труда крестьянина была настолько низка, что при изъятии половины дохода он немедленно умирал от голода, а за ним и помещик. Реалистическая оценка максимально возможного объема изъятий – 15%, и то только в крепких, устойчивых хозяйствах, хорошо обеспеченных землей и инвентарем. Таким образом, помещик и крестьяне находились в вечной борьбе, диапазон исходов которой располагался между теоретическим правом отнять у крестьян половину дохода (или труда) и практической возможностью отнять никак не более одной шестой. На стороне помещика было право на насилие, на стороне крестьян – обоюдная невыгодность их разорения при наложении на них слишком тяжелых обязательств.

7. Кроме крестьян, занятых полевым хозяйством, имеются две специальные группы:

– дворня, то есть домашняя прислуга помещика; если человек взят в дворню, у него нет полевого надела, он работает на барина целый день, не получает заработной платы, но барин обязан кормить и обеспечивать его жильем, одеждой и т.п. вещами, в том числе и тогда, когда он заболел или состарился; на практике многие дворовые получали также и небольшие приплаты, более похожие на премии, так как без стимулов они работали плохо;

– крестьяне, занятые торговлей, промыслами и ремеслами; эти люди платили индивидуальный оброк, связанный с доходностью их промыслов; разумный помещик устанавливал оброк на том максимуме, при котором для крестьян сохранялся стимул развивать свое дело; такие крестьяне могли жить где-то далеко, в городах, присылая оброки с оказией; иногда такие крестьяне настолько богатели, что сами себя выкупали у помещиков за огромные деньги.

8. Важно понимать, что индивидуальные экономические отношения с каждым крестьянским двором были очень

трудозатратны для помещика, особенно если речь идет о крупном поместье. В теории, помещику было бы выгодно индивидуально поощрять лучших крестьян, а худших продать на колбасу (сдать в рекруты), купив вместо них новых. На практике же крестьянское сочетание эмоциональной манеры поведения, общей невнятности мыслей и речи, тотальной ненадежности в исполнении обещанного и низкого уровня гигиены отвращало бар от идеи договориться с каждым домохозяином индивидуально. Помещики предпочитали общаться с крестьянами как с общиной, представленной более или менее чистым, связно изъясняющимся старостой. Это обстоятельство затем дало огромные последствия, так как правительство восприняло общину как необходимейший институт, и не только сохранило при освобождении крестьян, но и принудительно организовало и зарегулировало.

9. Личный гнет в русском крепостном праве парадоксальным образом более тяжел, чем экономический; крестьян можно принудительно женить, можно продать их детей, оторвав их от родителей, можно наказать телесно без формального разбирательства. Не всё это разрешалось законом, но всё было возможным на практике. Наконец, у крестьян не было хороших средств для противодействия и явной уголовке со стороны помещика: изнасилования, безмотивные избиения или истязания должны дойти до очень высокого градуса, прежде чем в дело вмешаются власти. Регулярно проявления личного садизма со стороны помещиков заканчиваются их убийством, после чего крестьяне массой идут на каторгу.

10. Общая экономическая динамика помещичьего хозяйства была такова, что там, где крестьяне богаты и сыты, там высок доход и у помещика, и обратное. Если подробнее, то помещикам для максимизации своего дохода в многолетней перспективе (а они как раз и владели землей поколениями) было выгодно устанавливать такой уровень изъятий у рабов, при котором хозяйство худших крестьян было бы устойчивым, а хозяйство лучших развивалось. Заметим, что мы говорим о максимуме прибыльности для помещиков, а не максимуме общей экономической эффективности хозяйства.

К сожалению, эти общеизвестные соображения не могли помочь многим помещикам – они, ровно как и крестьяне, были предпринимателями поневоле, привязанными к своему роду деятельности по рождению. Разумеется, значительная их часть не имела агрономических познаний, деловой хватки, выдержки, спокойствия, расчетливости, такта, необходимых для успешного ведения дел с непредсказуемой толпой неандертальцев. Многие не умели удержаться от соблазна насилия, особенно сексуального, порождаемого самой природой отношений раба и хозяина.

В результате, отношения между помещиками и крестьянами регулярно омрачались по причинам не экономического, а личного свойства. Старые распри и счеты, борьба дурного нрава и коллективного упрямства, смешение личных мотивов с хозяйственными постоянно уводили экономику помещичьего имения от того весьма скромного оптимума, которого она могла достигнуть в идеале.

Именно многолетнее накопление этого раздражения я и считаю основной причиной крестьянской реформы. Стремление перейти от напряженных, эмоционально заряженных отношений с крестьянами к более безличным и хозяйственным; стремление распустить дворню и окружить себя более мотивированной и лояльной наемной прислугой; желание отказаться от бесплатного, но раздражающего домашних секса с крестьянками к платному, но засекреченному сексу с проститутками; желание сдать всё в аренду и, наконец, переехать в город – вот настоящий набор сильных стимулов, побуждавших дворян отказаться от экономического преимущества, даваемого им рабством.

Не совсем крепостное право для чайников

Это продолжение поста «Крепостное право для чайников». Мы привыкли представлять дело так, что крестьяне в старину были помещичьими. Это, мягко говоря, не совсем так. Государственных и удельных крестьян (это одно и то же) в Европейской России было чуть больше половины (52%), в Сибири же все крестьяне были государственными.

О крепостных крестьянах мы знаем много, так как те, кто в первой половине 19 века писал художественную прозу, дневники и письма, публицистику, был занят журналистикой и т.д., в большом проценте были лично связаны с помещичьей культурой, и та деревня, которую они знали, была крепостной деревней.

А вот в деревнях государственных крестьян люди, владеющие пером, не жилали и не бывали. Тот весьма значимый факт, что положение этих крестьян было существенно лучше, чем у крепостных, не обратил на себя внимание широкой публики.

1. Государственные крестьяне были лично свободными людьми; закон и называл их *«свободными сельскими обывателями»*. Свобода крестьян выражалась в том, что они могли (при условии уплаты податей и исправления прочих повинностей) находиться где угодно и делать что угодно, и ни один чиновник не мог и не пытался им помешать. Даже если повинности были личными – например, требовалось отработать три дня в году на починке дорог – любой был вправе нанять себе замену, сам же мог в это время заниматься чем ему угодно. Никакой чиновник не мог отдать государственному крестьянину приказ идти туда–то и делать то–то; тем более эти крестьяне были свободны в своей личной жизни – не существовало ограничений для их браков, обучения профессии и т.п.

2. В то же время, государственные крестьяне были хозяйственно закрепленными людьми. Дело в том, что повинности мещан (а также и государственных крестьян, водворенных на собственной земле, см. далее) были повсеместно одинаковыми, и состояли из одной подушной подати. Соответственно, государству не было дела, а где живет тот иной мещанин, в Калязине или Костроме, хочет переехать (*перечислиться*) из одного города в другой – да бога ради, подать все равно одинаковая. А вот государственные крестьяне платили не только *подушную подать*, но и *оброчную подать* – это была плата за предоставление им в пользование земли, и эта подать была разной, дифференцируясь по 19 ценовым зонам.

Соответственно, государству не очень нравилось, когда крестьяне бегали туда и сюда, путая учет; этот уедет, а кто за него оброчную подать платить будет, а вдруг с него на новом месте подать будет ниже? Заметим, что мы говорим о затруднениях с формальным перечислением крестьян из одного общества в другое, из крестьян в мещане, из крестьян в купцы; физически же крестьянин имел право находиться где угодно и делать что угодно, были бы только заплачены подати по месту его сословной приписки.

Таким образом, государственный крестьянин был прикреплен к своему обществу в плоскости сословно–паспортного учета, а также в смысле начисления и уплаты налогов. Даже еще

сложнее: он получал паспорт по разрешению общины, но это не значило, что его могут удержать просто так – если тебе не поверили на слово, что ты уедешь в другое место и оттуда пришлешь подати, то уплати подати прямо сейчас на год вперед и получай паспорт на год.

Разумеется, оброчная подать (в отличие от душевой) платилась по той причине, что казна предоставляла крестьянину (точнее, общине для разделения между ее членами) земельный участок. Немногочисленные группы государственных крестьян, именовавшиеся *«водворенными на собственных землях»*, оброчной подати не платили, то есть по существу своих отношений с государством вообще не отличались от мещан.

3. Государственные крестьяне превратились в лично свободных людей не в один момент. Не было дня, который можно было бы объявить «освобождением государственных крестьян». Но, однако, государственные крестьяне эпохи Петра I очевидно рассматриваются государством как его крепостные, а в конце царствования Николая I они имеют все приметы лично свободных людей.

Главным признаком отсутствия принципиальной разницы между государственными и помещичьими крестьянами было то, что государство раздавало земли с крестьянами частным лицам. Получалось, что государственные крестьяне это такие «спящие» крепостные, их крепостной статус можно активировать в любой момент без их спроса. Эта практика была полностью прекращена в 1801 году.

После этого казна продолжала, в виде награды, давать казенные имения в аренду (обычно на 10 лет), причем крестьяне платили оброк временному помещику, но не теряли личной свободы. К 1850–м годам аренды превратились в денежные премии для отличившихся чиновников, никаких имений физически награждаемым уже не передавали.

Еще один признак отсутствия личной свободы у государственных крестьян – принудительное переселение на другие земли (в Новороссию, в Башкирию, очень редко в Сибирь), иногда даже с принудительным обращением в казаки. С тех же

1840–х такие вещи делались только по согласию самих крестьян: казна предлагала лучшие и лучшие условия для переселяемых, пока они не соглашались.

И наконец, самый вопиющий случай угнетения государственных крестьян – организация военных поселений в эпоху Александра I: крестьяне внезапно оказались полусолдатами, подчиненными военной дисциплине, что в их глазах совершенно не компенсировалось некоторыми пособиями от казны. Дело с военными поселениями пошло неудачно – экономически всё расходилось плохо, крестьяне ненавидели солдатчину. С конца 1820–х государство перестало организовывать военные поселения, в 1830–е превратило военных поселенцев в пахотных солдат, что было значительно более мягким режимом, и в таком урезанном виде поселения просуществовали до 1857 года. Никто и никогда не обещал, что государственных крестьян больше не будут обращать в военных поселенцев, но уже к середине 1830–х это стало очевидным.

Так, шаг за шагом, без особого законодательного оформления, государственные крестьяне постепенно превратились в лично свободных людей. Основным их средством борьбы за свободу был, как то положено у русских, саботаж: государство, при всей его свирепости, постепенно замечало, что когда пытаешься сделать с мужиками то, с чем они категорически не согласны, то всё сделанное потихонечку разваливается.

4. Помещичьи крестьяне объединялись в общины по случайности – где–то так захотел помещик, где–то захотели сами крестьяне, а помещик согласился, где–то это пришло из дальней старины. И общины были немного разные: где–то был выборный староста, где–то назначенный барином бурмистр, где–то выборный небольшой комитет; в общем, как захотелось, так и сделали.

Абсолютно другой была сельская община у государственных крестьян. Эта община была принудительной, она была организована в 1830–х годах по распоряжению Министерства государственных имуществ, и ее устройство было унифицированным и определялось писаными правилами. С одной

стороны, община давала крестьянам свободу определенных решений, с другой стороны, устройство самой общины не входило в эту свободу и было предписанным.

Организация крестьян была двухуровневой. Нижний уровень составляла сельская община, управляемая сельским сходом и сельским старостой, хозяйственное объединение, пользовавшаяся казенным земельным участком и распределявшая право пользования между домохозяйствами. Верхним уровнем (более или менее соответствующий церковному приходу) была волость, управляемая волостным сходом и волостным старшиной, чисто административная единица, занятая низовой полицейской деятельностью, учетом, налогообложением, перепиской с вышележащими властями и т.п., но не имевшая отношения к землевладению. При волости был волостной суд, состоявший из выборных крестьян и имевший аж две инстанции, а важнейшие решения принимались правлением. В общем, это была маленькая крестьянская республика.

Весь этот двухуровневый строй после освобождения помещичьих крестьян был принудительно перенесен и на них, с некоторыми несущественными упрощениями. Таким образом, то унифицированное, урегулированное законом сельское общество (оно же земельная община), которое наблюдалось у послереформенных крестьян, только в малой степени было продолжателем старинной народной традиции – на самом деле это было создание министра госимуществ графа Киселева, относящееся к концу 1830-х.

5. Управление государственными крестьянами было замечательно малолюдным – первый чиновник появлялся только на уездном уровне (так называемый округ государственных имуществ). Даже эти ничтожные окружные управления в начале 1850-х были разогнаны как чрезмерно раздутые и заменены единоличными властями, крестьянскими чиновниками, которые в чистой теории должны были приходиться на 40 тыс. крестьян, а на деле управляли и 50–60 тыс. жителей.

Естественно, эти одинокие чиновники еле-еле справлялись с обязательной перепиской и не имели досуга для обозрения селений государственных крестьян, и уж тем более для преподавания

им руководящих указаний. Крестьяне были предоставлены сами себе; раз в год волостной старшина отвозит в уездный город оброк и какой-нибудь кратчайший отчет, на чем и кончаются все контакты крестьян с министерством.

В 1840-х министерство начало проводить *люстрации* (то есть осведомления) – специально командированные чиновники объезжали поселения и пытались разобраться, сколько на самом деле у государства крестьян, полей, кто чем занят и кто сколько зарабатывает. По мере люстраций крестьян переводили с фиксированной оброчной подати, единой для всей губернии или уезда, на подоходную оброчную подать с вмененного дохода, рассчитанную исходя из фактических экономических возможностей данного сельского общества. Процесс занял два десятилетия, но так и не был окончен, так как чиновников было мало.

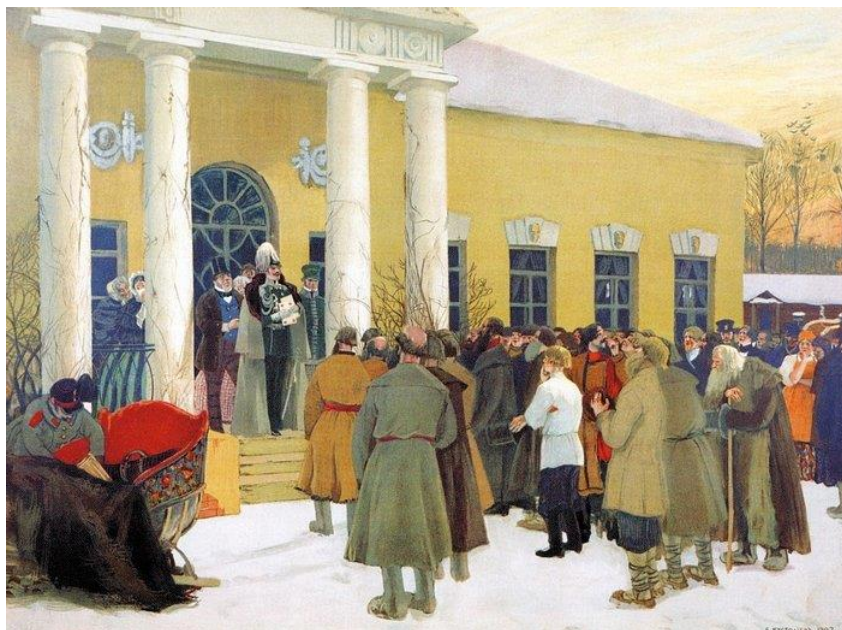
6. Еще в 1830-х годах государственные крестьяне разделялись на множество сословий с архаическими названиями. Тут были и *однодворцы*, которые в теории были почти дворянами и сами имели право владеть крепостными (но владели ими в ничтожном числе), и *лашманы*, которые якобы выращивали корабельные леса, но на самом деле того не делали, и *ямщики*, которые якобы возили казенную почту, но на самом деле не возили, и *малороссийские казаки*, которые не были казаками, и даже *панцирные бояре*, которые не были боярами и не имели панцирей. Все эти преданья старины глубокой были ликвидированы к концу 1840-х, и государственные крестьяне обратились в унифицированное сословие, имевшее три подразделения: *водворенные на казенных землях* (подавляющее большинство), *водворенные на собственных землях*, *водворенные на владельческих землях*.

7. Всё вышесказанное приводит к простой мысли: а в чем, собственно говоря, заключалось освобождение государственных крестьян? Да ни в чём. Крестьянам объявили, что теперь они не вечные арендаторы казенной земли, а крестьяне-собственники. Земля теперь их, но продавать ее посторонним по-прежнему нельзя. На землю сельского общества выдали *владенную запись*, зафиксировав границы. Оброчная подать осталась как была. Лично свободными они были и ранее.

Только в 1883 году бывшим государственным крестьянам объявили, что их оброчная подать теперь обращается в выкупные платежи (при некотором ее увеличении), выкуп уплачивается в течение 49 лет, после чего прекращается навсегда. При этом надо понимать, что бывшие крепостные платили выкуп за землю (заплатил – стал собственником), а бывшие государственные крестьяне выкупали свою обязанность платить оброк, в то время как земля им уже принадлежала.

Освобождение крестьян как черный миф

Этот пост посвящен разбору самого, наверное, известного черного мифа о позднеимперской России – мифа о страданиях крестьянства после отмены крепостного права. Это удивительно жизнеспособный миф – будучи базой народнической идеологии еще в начале 1870–х годов, он затем разошелся по широким кругам недолголюбивавшей правительство интеллигенции, достался суперпопулярной партии социалистов–революционеров, нехотя был подхвачен социал–демократами (которых на самом деле мало интересовали крестьяне), переполз в казенную советскую историю–идеологию, отлично пережил ее крушение и теперь широко используется для подтверждения того, что правительство в России всегда против народа.

Непосредственно к написанию этого поста меня подтолкнула передача на Эхе Москвы их отличной серии «Цена революции», вот эта. Обычно все интервью историков в данной программе

весьма хороши, но как только дело дошло до крестьянской реформы, нарисовался очень, очень странный историк, который на голубом глазу стал излагать набор старинных пропагандистских штампов, допуская грубые фактические ошибки.

Содержание черного мифа

Если попробовать сформулировать миф коротко, то он состоит из двух базовых тезисов:

А. Российские крестьяне страдали от малоземелья, которое создалось по той причине, что их освободили от крепостной зависимости лично, но сильно недодали им земли, с годами крестьяне размножились, и им пришлось ютиться на совсем крошечных клочках земли, которые не могли их прокормить.

Б. Крестьян заставили платить за полученную землю выкуп, условия которого были грабительскими и не соответствовали реальной стоимости земли, выкупные платежи разоряли крестьян, а помещики и государство обогащались.

Если посмотреть на дело повнимательнее, тот тут есть еще один подразумеваемый тезис:

В. Российские крестьяне были крепостными, принадлежали помещикам и были наделены помещичьей землей за выкуп.

Так вот, все эти три тезиса являются отчасти прямым враньем, а отчасти очень сильной, наглой аггравацией.

Сразу заметим, что никто не собирается опровергать тот факт, что крестьянам жилось фигово. Еще бы им не жилось фигово: годовой доход крестьянской семьи – а это в среднем 6.2 человека – составлял где-то 400 рублей в денежной оценке (на самом деле почти весь доход получался в натуре, продуктами), то есть, переводя на современный счет, что-то типа 5.000 рублей в месяц на человека. Сомнительным является тот тезис, что это произошло именно потому, что крестьянская реформа была проведена неверно, крестьянам недодали земли и заставили платить огромный выкуп.

Начать обсуждение следует, разумеется, с тезиса В, на котором и держатся тезисы А и Б, которым будут посвящены отдельные посты.

Сколько в России было крепостных помещичьих крестьян

По переписи 1897 года в России было 108.1 млн лиц, принадлежащих к сословиям, теоретически занятым сельским хозяйством (то есть к крестьянам, казакам и инородцам).

Кстати, 7.3 млн крестьян из их числа жило в городах и полях, соответственно, не пахало. Этих крестьян–горожан мы из нашей истории исключаем, так они от выкупных платежей не страдали: кто–то из них отказался от надела и не платил выкуп, а кто–то сохранил за собой надел и сдавал в аренду за сумму, которая, разумеется, превышала не только выкуп, но и все подати суммарно. Еще в городах жили 0.17 млн казаков и 0.62 млн инородцев, имевших отношение к земельным проблемам страны в столь же малой степени.

6.23 млн крестьян жили в Царстве Польском. Эти крестьяне не платили выкуп – всю землю, которую они обрабатывали при крепостном праве за разнообразные платежи, уплачиваемые помещикам (оброк в Польше распадался чуть ли не на десяток разных сборов, исчисляемых по сложным правилам), им просто передали в собственность без всяких условий, одновременно установив единый государственный налог, приблизительно равный двум третям от суммы отмененных платежей. Понятно, что этим крестьянам жаловаться не приходилось. Кстати, почему это российские власти оказались столь добры к польским крестьянам? Скажем честно, до польских крестьян им было мало дела, правительство до крайности обозлилось на польских помещиков в результате восстания 1863 года, считало всех их (включая и уклонившихся от участия в восстании) классом–предателем, желало наказать – не доходя, однако, до конфискации всех владений – и в результате не нашло ничего лучшего, чем относительно обильно наделить польских крестьян (в теории более лояльных к империи) за счет их бывших панов.

3.9 млн крестьян жили в Сибири. В Сибири никогда не было ни крепостного права, ни помещиков как таковых. Крестьяне считались вечными арендаторами казенной земли на весьма сложных условиях – правительство сохраняло право подселать в

их общины новичков–переселенцев, пока размер надела не упадет до определенного лимита (крайне высокого по меркам крестьянина Европейской России). В теории, сибирские крестьяне, не платя выкупа, облагались более высоким государственным налогом, но на деле налог был ничтожен, так как власти были заинтересованы в привлечении в Сибирь переселенцев и поддерживали такой налоговый режим, который был очевидно льготным.

В сельской местности проживало 2.75 млн казаков. Казаки были наделены землей превосходно – по минимуму в 30 десятин на мужскую душу, они владели землей всегда, помещичьего строя не знали, выкупа не платили, налогов не платили, но зато были обязаны нести воинскую повинность специфическим образом и в усиленном размере, обеспечивая себя кое–чем (конь, мундир, амуниция) ха свой счет. В целом, положение казаков было, по крестьянским меркам, превосходным.

В Средней Азии проживало 6.29 млн сельских жителей (формально они все считались инородцами). Казахи, киргизы, туркмены сочетали кочевое скотоводство с зачаточным земледелием, а узбеки и таджики (под коллективным наименованием сартов) были земледельцами, владевшими искусством орошения оазисных земель. Ко всем к ним белый царь отнесся вполне милостиво. Для оседлых бывших подданных ханов был сохранен их старинный мусульманский земельный строй, заключавшийся в полной индивидуальной частной собственности на землю, отсутствию поместий и помещиков, небольшом количестве аренд. Налоги против ханской эпохи были снижены по минимуму в полтора раза. Кочевники же мало думали о земельном праве – они кочевали по огромной степной стране, где земли хватало на всех; в теории, земля была государственной, а за ними сохранялось вечное право пользования (при праве государства подселять переселенцев, пока размер земель кочевников не упадет до весьма щедрого минимума).

6.51 млн крестьян и 0.14 млн инородцев проживало на Кавказе (это был большой регион, включавший очень расширенное Предкавказье с Кубанью и Ставрополем, собственно Кавказ и Закавказье с нынешним куском Турции, Карсской областью). Эти

люди принадлежали к множеству групп с разной исторической судьбой. Частично это были бывшие подданные иранских шахов, попавшие в состав России в момент перехода от традиционного мусульманского строя с индивидуальными независимыми крестьянами–собственниками к чему–то, напоминающему российский помещичий строй. Частично это были бывшие подданные грузинских царей, то есть выходцы из дворянской и крепостнической страны с более жестким гнетом, чем в России. Горцы были смесью демократических бесклассовых обществ и обществ с выделенным дворянством, так или иначе имевшим привилегированное положение. Кубань, часть Терской области и Ставрополье имели отчасти обычное русское крестьянское население, переселившееся сюда относительно недавно (без крепостнической предыстории). И наконец, на периметре обитали совсем уж дикие полубродячие курды. Проблемы всех этих групп царское правительство решало по–разному (их и невозможно было решать одинаково), и, к сожалению, обычно не в пользу – по общероссийским меркам – грузинских, армянских и татарских (то есть азербайджанских) крестьян. Но, в любом случае, многообразные проблемы данного региона просто не имели отношения к земельному строю и крестьянским реформам Европейской России.

И наконец, в Европейской России и Сибири жили 1.25 млн инородцев. Это были, в главнейших частях, народы Севера, калмыки, казахи Внутренней орды, буряты (при этом татары, башкиры и финно–угорские народы учитывались как крестьяне). К ним, как и вообще всем кочевым и полуседлым народам, имперская власть относилась весьма мягко – конечно же, причиной этой мягкости были не моральные соображения, а очевидная нецелесообразность (и даже невозможность) попыток обложить эти народы налогами на уровне русского крестьянина.

Если мы сложим эти цифры, мы увидим, что 41.39 млн лиц сельских сословий попросту не имели отношения к проблемам, характерным для крестьянства Европейской России, из них 8.09 по той причине, что они переселились в города, а 33.3 млн потому, что они проживали там, где отчасти, в большинстве случаев, не было ни помещичьего строя, ни крепостного строя, ни выкупа земли

крестьянами, а отчасти эти явления были, но были другими и правительство разбиралось с ними другими способами.

А в сельской местности Европейской России тем временем проживало 73.46 млн крестьян, к которым, на самом деле, и относился весь плач Ярославны. Правда, тоже не ко всем.

В Остзейских губерниях (сегодня это Литва и Латвия) проживало 1.68 млн бывших владельческих крестьян, отпущенных на свободу в эпоху Александра I без земли. Небольшая их часть стала зажиточными фермерами, большинство работало по найму. В любом случае, это не наша история.

В Бессарабии проживало еще 1.15 млн крестьян, правовое положение которых было сложным, их тоже освобождали, тоже наделяли землей, но по совсем другим правилам и с другими результатами.

Таким образом, скорбь о народе относилась всего лишь к 70.63 млн крестьян, живших в сельской местности Европейской России. Но далеко не ко всем к ним.

Дело в том, что бывшие государственные и удельные крестьяне в процессе крестьянской реформы получили всю землю, которую обрабатывали в крепостную эпоху (кстати, они – то крепостными и вовсе не были). Некоторые из них жили в совсем недворянских губерниях и уездах (например, на Архангельском и Олонецком Севере), и просто в жизни не видали ни помещика, ни помещицкой земли, а некоторые жили вперемешку с бывшими владельческими крестьянами, но при этом четко осознавали, что соседняя помещицья земля к ним отношения не имеет – они ее никогда не пахали ее на себя, не арендовали, ни работали на ней за барщину. Государственные крестьяне тоже платили выкуп за переданную им в собственность государственную землю, но их ситуация была заметно лучше – они были в среднем наделены в 1.3–1.4 раза большим количеством земли на душу, а выкупной платеж, приходящийся на десятину, для них оказался в среднем в те же 1.3–1.4 раза раз ниже. И даже если какая-то часть бывших государственных крестьян была устроена плохо, все равно соседний помещик оставался для них не более чем соседом, с которым у них нет никаких дел.

Так вот, государственных крестьян было очень, очень много. В Европейской России (без Остзейского края и Бессарабии) было 5.49 млн дворов бывших владельческих крестьян и 5.87 млн дворов бывших государственных крестьян. Таким образом, бывших помещичьих крестьян, которых следовало так жалеть, даже в Европейской России было 48.3%, то есть 34.1 млн человек.

Теперь посмотрим, а не было ли в числе несчастных бывших помещичьих крестьян некоторого числа фальшивых страдальцев, у которых на самом деле всё было в порядке. Для этого надо определить, что такое «в порядке». Самое простое – предположить, что что «в порядке» это когда настал эсеровский рай, вся земля конфискована у частных владельцев и роздана крестьянам по трудовому принципу. В 50 губерниях Европейской России было 240 млн десятин надельной и частной земли (было еще и огромное количество казенной, но это были горы, болота, огромные северные леса, а годной для полеводства земли там был мизер). Если мы разделим эту землю на 14.7 млн крестьянских хозяйств (столько их было в 1905 году), то получим 16.3 десятины на хозяйство. Это вся земля, поделенная на всех трудящихся земледельцев, больше земли не существует.

Так вот, 245 тыс. дворов бывших владельческих крестьян уже были наделены землей в размере выше 15 десятин на двор, то есть идеальный передел не представлял для них выгоды.

Кроме того, у многих крестьян была частная земля, купленная дополнительно к надельной за собственные деньги. Так как идея великого передела предусматривала отнятие земли и у них (это и произошло в 1917 году), они тоже не поддерживали передел. Кое-кто владел огрызками, так что мы посмотрим только на тех, у кого было более 10 частных десятин – суммарно у них по-всякому было больше «абсолютно справедливых» 16.7 десятин. Таких крестьян было еще 177 тыс. дворов, предположим, бывших владельческих крестьян из них было также 45%, то есть 80 тыс. Итак, мы имеем 325 тыс. дворов бывших владельческих крестьян (то есть 2.02 млн человек), уже обеспеченных землей лучше, чем запланировали для них социалисты.

Теперь мы можем понять, сколько именно перед нами крестьян, о которых народолюбцами пролито столько слез, которые десятилетиями выступали в традиционном дискурсе в качестве «народа» — 32.08 млн человек. Вот и всё. А между тем, напомним, в России было 108.1 млн «лиц сельского состояния», из которых в сельской местности проживало 100.8 млн человек. Таким образом, весь пресловутый «народ», о котором пролито столько слез, составлял **29.7% от «сельских сословий по паспорту»** и **31.8% от реального числа селян**, то есть чуть меньше трети от настоящего деревенского народа в его полном составе, то есть был не «народом», а крупным меньшинством. У оставшихся двух третей тоже преимущественно было всё не слава богу, но проблемы этих людей были совсем не теми проблемами, о которых так скорбели народолюбцы.

К чему приводит искажение оптики

Как говорил Геббельс, многократно повторенная ложь становится правдой. Крайняя сосредоточенность народнической, неонароднической, эсеровской, а за ней и либеральной критики на проблемах бывших помещичьих крестьян привела к тому, что наименование этого крупного меньшинства «народом» постепенно перестала восприниматься как риторический прием. Идеологи и сами поверили, что помещичьи крестьяне и есть народ в полном составе.

Из этого, соответственно, исходило представление о «черном переделе» как о своеобразной волшебной пуле, которая разом покончит с бедами страны. На самом же деле «черный передел» касался сектора, в котором создавалось 12–14% ВВП, и даже если бы он и имел обещанные волшебные свойства, его эффект оказался бы локальным.

Между тем, идея «черного передела» не только сосредотачивала внимание на секторальных проблемах, но еще и отвлекала его от проблем общих.

Во-первых, такой подход – на ваши проблемы, поляки, сибиряки, латыши, грузины и узбеки, нам наплевать, настоящий, значимый народ, народ, о котором надо волноваться, живет только в Европейской России – усиливал разобщенность страны.

Во-вторых, в результате общей замороченности судьбой злосчастного русского помещичьего крестьянина не было речи о настоящих общенациональных институциональных реформах, дающих новые возможности каждому. Даже земельная реформа 1906 года (так называемая «столыпинская») не касалась Польши и Сибири (как будто тамошним жителям не нужно право собственности на землю), не привела крестьян к возможности кредитоваться под залог земли, не дала крестьянам возможности продавать землю некрестьянам.

Ну а потом настал миг свободы. Многолетняя агитация крестьян за «черный передел» сделала свое дело, и произошло нечто похожее на геноцид в Руанде, при котором хуту убивали не только тутси: в тех местностях, где никаких тутси рядом не оказывалось, хуту начинали убивать хуту, объясняя это тем, что конкретный сосед хоть и хуту, но хуже всякого тутси.

Вот и в России 1917 года крестьяне, много лет ждавшие, когда можно будет раздербанить помещичью землю, в некоторых случаях замечали, что никакой помещичьей земли рядом с ними и нет (да и не было!), а дальнюю уже раздербанили другие. Реакция состояла в том, что крестьяне начинали дербанить других крестьян: вначале тех, кто прикупил помещичью землю на собственные деньги, потом тех, кто выделился по новому закону на хутор, а потом уже и просто тех, кто укрепил свою долю (такую же, как у остальных) в собственность. Результат оказался приблизительно такой, как у чавистов в Венесуэле. Никто, даже самые осатанелые историки, не берется описывать 1918 год как год начала счастья и процветания крестьянства.

С чем это можно сопоставить? Ну, например, со всеобщим народным раздражением против «привилегий номенклатуры», охватившим СССР в конце 1980-х годов, на фоне самого высокого уровня равенства доходов всех групп населения, и самого низкого уровня доходов элиты, когда-либо достигнутых в истории страны. Безусловно, советский строй прогнил и дышал на ладан, но ложные понятия, усвоенные его недоброжелателями, и следующая из них замена больших целей на вздорные придирки, отнюдь не помогли выстроить на руинах более справедливое и эффективное общество.

Сколько стоит золотой рубль 1913 года на наши деньги?

Этот интересный вопрос задает себе всякий, кто читает любую книгу из дореволюционной жизни, в которой упоминаются цены и заработки. Как их перевести на современные деньги?

Первая мысль — перевести по весу золота. В золотом рубле было 0.774 грамма золота, что по биржевому курсу на 22 июля 2016 года составляет **2129** рублей. С экономической точки зрения такое исчисление несостоятельно. Сегодня золото не является основой монетной системы, и это просто один из биржевых товаров. Цены на золото в наш век колеблются, и довольно сильно, и мы твёрдо понимаем, что это именно изменения цены золота, а не изменения всех цен на свете вокруг неподвижного золота.

Более толковая мысль — воспользоваться валютой, которая никогда не проходила через замены, девальвации, гиперинфляцию, и для которой непрерывно и корректно измерялась инфляция. Заметим, что корректный метод изменения инфляции называется *chain index* (цепной индекс). Суть метода состоит в том, что мы берем какую-либо потребительскую корзину (обычно она состоит из комбинации продовольствия,

промтоваров, аренды жилья, бытовых услуг и пр.) и считаем ее удорожание год к году. В многолетних периодах какие-либо товары теряют важность, выходят из обращения, и мы заменяем эти товары на другие, на ту же сумму по ценам в год замены. Грубо говоря, вначале у нас в индексе 4 пары лаптей в год, в какой-то год мы видим, что люди перестали носить лапти, и все носят сапоги, стоящие в 8 раз дороже, и мы изымаем лапти, вставляем в индекс 0.5 пары сапог в год.

Предположим, мы примем за основу доллар. Для США цепной индекс современного типа считается государством по унифицированной методике с 1919 года, при этом в 1919 году его ретроспективно сосчитали до 1906 года. Между 1913 и 2016 доллар подешевел в 23.45 раза. В 1913 году курс рубля к доллару составлял 1,94 рубля за доллар, на 22 июля 2016 — 64.63 рубля за доллар. Следовательно, рубль 1913 года стоит 777 современных рублей.

Но тут мы сталкиваемся с еще одним препятствием — цены на потребительские корзины в США и России не пропорциональны валютному курсу. Та корзина товаров, которая в США сегодня стоит 1000 долларов, совершенно не обязательно будет стоить в России 64630 рублей. Эта диспропорциональность называется диспаратетом покупательной способности, и исправляется через особый коэффициент к обменному курсу. Если коэффициенты паритетов сегодня и в 1913 году были равны (что вовсе не обязательно), то наш расчет верен, если нет, его надо скорректировать в пропорцию коэффициентов.

Как узнать значения ППС? Подсчет ППС — хлопотное дело, МВФ производит его раз в несколько лет (так называемый раунд международных сопоставлений). Со времен последнего раунда утекло много воды, и курс доллара драматически подпрыгнул. Даже ГКС РФ пока что опубликовал ППС только на 2014 год. Всемирный банк дал экспертную оценку на 2015 год — 2.57, но с той поры ППС упал — курс доллара вырос по отношению к средневзвешенному за 2015 год на 4.1%, а инфляция в России обогнала инфляцию в США как минимум на 8%. Внеся соответствующую коррекцию, мы можем предположить, что на рубль в России сейчас можно купить где-то в 2.47 раза больше

товаров, чем на доллары США, обменные по текущему курсу, в США.

Как нам узнать ППС рубля к доллару в 1913 году? Как ни удивительно, историки смогли проделать эту работу. Оценка ВВП России в долларах (1990 года) содержится в базе данных Агнуса Мэдиссона — крупнейшем международном историческом мировом сопоставлении ВВП. Рублевая оценка тех же расчетов (первично, где это было можно, выполненных в товарном выражении) — в известном исследовании П. Грегори «Экономический рост Российской империи». Из всего этого материала мы можем вывести, что ППС рубля к доллару составлял 1.85 к его золотому курсу.

Таким образом, рубль 1913 года, оцененный через цепной индекс инфляции доллара, с коррекцией на изменение ППС между начальной и конечной датой, стоил **582** сегодняшних рубля.

Кстати сказать, это значит, что чистый национальный продукт России (ВВП на 1913 год не подсчитан, ориентировочно он был на 5–7% менее ЧНП) в 1913 году составлял 11.8 трлн. рублей 2016 года, 185 млрд долларов 2016 года по обменному курсу, 450 млрд долларов 2016 года по паритету покупательной способности.

Душевой ЧНП составлял 69.0 тысяч рублей 2016 года, 1065 долларов 2016 года по обменному курсу, 2630 долларов 2016 года по паритету покупательной способности. Современная оценка душевого ВВП по ППС — 25400 долларов (CIA Factbook), в 9.7 раза выше.

Но, разумеется, макроэкономическая оценка имеет какие-то погрешности. Можно ли нам попробовать сравнить покупательные способности через какие-то более прямые сопоставления? Да, разумеется, можно попробовать оценить рубль 1913 года через потребительскую корзину, но тут мы встретимся с весьма серьезными препятствиями, прежде всего в части промтоваров и услуг. Предположим, мы составили корзину 1913 года и узнали цены на все товары. И, ясное дело, в этой корзине будут лапти. Как нам узнать цену лаптей в 2016 году? Если бы индекс был цепным, как в США, мы бы постепенно, в разные годы, меняли лапти на сапоги, сапоги на ботинки, ботинки на кроссовки,

но у нас — то этой возможности уже нет. Заменить лапти на кроссовки — но аналог ли это, кроссовки солидней и долговечней лаптей. Ага, давайте вставим в корзину 1913 года сапоги и заменим их на кроссовки! Тоже сомнительный подход, почему именно одну пару сапог на одну пару кроссовок? В общем, концов нам не найти. Что является аналогом стиральной машины в 1913 году — прачка? Что есть аналог керосина — электричество? В какой именно пропорции их заменять — по количеству света, по количеству точек освещения, по среднему годовому расходу в домохозяйствах?

В общем, ответов мы тут не найдем, так что единственное, что можно сравнивать более или менее серьезно, это продовольственные корзины. Да, состав потребления изменился, но все ходовые продукты 1913 года продаются и сегодня, и обратное. Надо сразу понимать, что таким методом мы получим не более чем стоимость рубля 1913 года по продовольствию, и нет никаких оснований интерполировать этот результат на что-либо иное. Грубо говоря, если хлеб за сто лет стал дороже в 500 раз, из этого никак не следует, что велосипед тоже стал дороже в 500 раз. Также надо понимать, что метод продовольственной корзины всегда учитывает только продукты низкой степени готовности; сегодняшняя официальная корзина — это еда бедняка, который наедается вдоволь, но готовит всё сам, на уровне дешевой столовой, из простейших продуктов, без особых разносолов и вкусов. А уж в 1913 году (тогда экономисты тоже считали продовольственные корзины) таковыми бедняками, привыкшими к сытной, но крайне упрощенной еде, являлось 90% населения страны.

Второе методическое ограничение — явное изменение пропорций отдельных продуктов в корзине. Люди 1913 года ели очень много хлеба, мало молочных продуктов и мяса, много времени отдавали физическому труду, мерзли в плохо отапливаемых домах. Как результат, их диета была фантастически калорийной, но перекошенной в сторону углеводов, с небольшим количеством растительных белков. Для нашей эпохи характерно превращение курятины и яиц в самую дешевую белковую пищу, и их заметное преобладание в рационе бедняка. Если мы перенесем

корзину 1913 года в современность, можно заметить, что так сегодня не питается никто. Если мы перенесем корзину 2016 года в прошлое, то можно заметить, что это корзина какого-то нетипичного для общества в целом барина.

По всей видимости, единственный способ решить проблему — независимо сосчитать перспективный (корзина 1913 года в 2016 году) и ретроспективный (корзина 2016 года в 1913 году) индексы, и принять во внимание оба. Не факт, что индексы будут одинаковы или даже близки, цены на разные группы продуктов исторически росли неравномерно.

Что творится с источниками цен? Они изобилуют. Что касается 1913 года, то я без больших проблем отыскал 22 источника различной природы. Частично это данные мониторингов основных продуктов питания современного типа, которые велись в интересах снабжения бизнеса информацией. Эти источники описывают только важнейшие товары, но зато они надежны и обширны. Цены на вспомогательные продукты питания хорошо вынимаются из земских бюджетов — земства тщательно бюджетировали закупки для больниц, богаделен, учебных заведений. Есть данные таможи по ввозным и вывозным оптовым ценам. Есть всякие кулинарные справочники с ценами на продукты гурманского уровня. Сведя все это вместе, методом экспертной оценки мы можем вытащить средние значения. Цены на скоропортящиеся и сезонные товары (рыба, фрукты), с доставкой и хранением которых тогда были большие проблемы, в источниках очень неустойчивы и их нельзя считать надежными. Но на большинство товаров цены достаточно стабильны и прочитываются хорошо. Итоги исследования цен 1913 года даны в первом комментарии.

Современные цены на продукты питания наблюдаются ГКС, который ведет себя несколько иезуитским образом — публикует среднероссийские цены только по очень небольшому количеству позиций, куда меньше, чем входит в официальную потребительскую корзину. Только некоторые региональные статистические органы публикуют полный мониторинг цен, так что сделать общероссийское сопоставление технически невозможно, и я воспользовался данными по Республике Карелия

за июнь 2016 года. Так что, увы, мой индекс не российский, а карельский — впрочем, ничего необычного в карельских ценах нет, их отклонения от средних случайны.

Откуда взять корзины? С 2016 годом всё понятно, у нас есть потребительская корзина с продовольственной частью внутри нее, используемая для расчета прожиточного минимума. На 1913 год у нас есть большой выбор. Исследование Р.Кабо 1918 года «Потребление городского населения России» предоставляет три корзины, сформированные по данным предвоенных полевых обследований нескольких тысяч домохозяйств в различных городах — низшей, средней и высшей экономической групп, из которых мы выбрали среднюю и низшую (высшая группа была маленькой).

В качестве дополнительного материала мы привлекли данные о фельдшерском обеде Самарской земской больницы. Обед стоил почти в три раза дороже, чем суточное питание больного, и отличался убойной калорийностью (4900 ккал), но при этом был довольно прост. По существу, это была мечта простого человека об обедаловке.

Опуская скучные расчетные таблицы, сразу же перейдем к результатам.

Официальная продовольственная корзина 2016 года в ценах 1913 года стоит в **520** раз менее, чем в сегодняшних ценах в Карелии (11.14 и 5793 рублей в месяц соответственно). Эти корзины мы сосчитали на взрослого человека трудоспособного возраста.

Продовольственная корзина горожанина низшей экономической группы (то есть основной массы оседлых горожан) 1910-х годов в ценах 1913 года стоит в 2016 году в **733** раза более, средней — в **710** раз более. Более дешевая корзина стоила, соответственно 5.12 и 3753 рубля в месяц, более дорогая — 8.61 и 6110 рублей в месяц. Старые продовольственные корзины относились к среднему горожанину, а тогда доля детей в населении была значительно выше. Сегодня статистики переводят средний рацион в рацион взрослого через коэффициент 1.09, а тогда он был

(для горожан) 1.43, то есть бедный мужчина питался на 7.3 рубля в месяц, а средний — на 12.3 рубля.

И наконец, сытный фельдшерский обед стоит в **802** раза более, 55 копеек и 451 рубль в день соответственно.

Итак, возможные оценки покупательной способности рубля 1913 и 2016 года колеблются в диапазоне между **1:530** и **1:730**, причем первое значение соответствует сложному методу расчета через американский цепной индекс или ретроспективному индексу по современной продовольственной корзине, а второе значение — перспективному индексу по старинной продовольственной корзине. Для прикидки можно использовать нечто среднее, то есть 1:630.

Приложение

Продукты питания, цена в 1913 году, коп. за кг / цена в Карелии летом 2016, руб. за кг / отношение

Говядина бескостная 35 / 444 / 1:1268

Свинина бескостная 45 / 343 / 1:762

Куриное мясо, с костями 60 / 122 / 1:203

Сосиски 50 / 355 / 1:710

Колбаса вареная 52 / 337 / 1:648

Рыба свежая 34 / 262 / 1:770

Сельдь соленая 26 / 256 / 1:984

Масло сливочное 103 / 466 / 1:452

Масло подсолнечное 32 / 119 / 1:372

Молоко 9 / 71 / 1:789

Сметана 45 / 150 / 1:333

Творог 25 / 332 / 1:1328

Сыр 72 / 434 / 1:603

Яйца куриные, дес. 26 / 53 / 1:204

Чай 350 / 854 / 1:244

Сахар-песок 32 / 53 / 1:166

Кофе 145 / 1048 / 1:723

Мука пшеничная 14 / 47 / 1:336

Хлеб ржаной 7 / 60 / 1:857

Хлеб пшеничный 14 / 73 / 1:521
Рис 25 / 79 / 1:316
Крупа манная 16 / 53 / 1:331
Пшено 10 / 45 / 1:450
Горох 11 / 82 / 1:745
Крупа гречневая 11 / 115 / 1:1045
Макароны 24 / 92 / 1:383
Картофель 2.4 / 29 / 1:1208
Капуста 6 / 31 / 1:517
Лук 7 / 35 / 1:500
Свекла 5 / 33 / 1:660
Огурцы 8 / 114 / 1:1425
Яблоки 22 / 112 / 1:509
Водка 68 / 574 / 1:844

Как закалялась сталь. Дрова: что на самом деле происходит в старинном романе

Роман Островского «Как закалялась сталь» давным-давно убран из школьной программы, и даже люди средних лет уже не имеют понятия о Павке Корчагине и его подвигах. А жаль. Если воспринимать роман не как агитку, а как экспериментальное литературное произведение, он, на современный взгляд, оказывается весьма и весьма занимательным. Роман построен на интересном и остром приеме, популярном в наше время — рассказ о безумце ведется как-бы с позиции объективного наблюдателя, от третьего лица, и только через некоторое время (и при определенной внимательности) читатель начинает понимать, что рассказчик то ли сам безумен, то ли является alter ego безумного протагониста.

Но, отвлекаясь от психологической стороны дела, роман познавателен и как пособие по функционированию экономики военного коммунизма. Эту сторону дела мы и рассмотрим подробнее. Сейчас мы разберем ключевой эпизод романа — строительство узкоколейки от станции Боярка. Необходимость строительства объяснена в романе подробно:

Вот видите... — надавил пальцем развернутую карту Жухрай. — Вот станция Боярка, в шести верстах — лесоразработка. Здесь сложено в штабеля двести десять тысяч кубометров дров. Восемь месяцев работала трудармия, затрачена уйма труда, а в результате — предательство, дорога и город (речь идет о Киеве) без дров. Их надо подвозить за шесть верст к станции. Для этого нужно не менее пяти тысяч подвод в течение целого месяца, и то при условии, если будут делать по два конца в день. Ближайшая деревня — в пятнадцати верстах. К тому же в этих местах шатается Орлик со своей бандой... Понимаете, что это значит?.. Смотрите, на плане лесоразработка должна была начаться вот где и идти к вокзалу, а эти негодяи повели ее в глубь леса. Расчет верный: не сможем подвезти заготовленных дров к путям. И действительно, нам и сотни подвод не добыть. Вот откуда они нас ударили!..

Всё в этом тексте замечательно. Изложим наши соображения по пунктам.

1. Какие-то вредители из ненависти к Советской власти организовали лесозаготовки таким образом, что вырубка оказалась не от станции, а далеко от нее, без дорог. С вредителями всё понятно, большевики еще много-много лет сваливали ответственность за все свои провальные решения на какого-нибудь беспартийного специалиста, в действительности не имевшего отношения к их принятию (Шахтинское дело, процесс Промпартии и т.д.). В книге «Восстановление лесного хозяйства Украины», изданной в 1923 году, мы видим жалобы на то, что леса повсеместно завалены деревьями, срубленными еще в 1920–21 годах (и уже гниющими), которые ни кто не потрудился вывезти. Очевидно, что если бы подряд на рубку и поставку леса взял дореволюционный купец, то такого бы не получилось, хотя и у купца, быть может, тоже были враги. Надо думать, перед нами не эпизод саботажа, а система — победившая партия забыла, что познания, необходимые для организации лесного дела, имелись не у матроса Жухрая и ему подобных, а как раз у «буржуазии» и «контры» (то есть лесовладельцев и лесопромышленников), которых они только что так ловко разогнали.

Если посмотреть на дело шире, марксизму вообще было свойственно игнорировать вопрос о компетенциях, необходимых для принятия экономически верных решений, и персональном происхождении и мотивах лиц, этими компетенциями обладающих — то есть как раз ту сторону дела, которая в рыночном хозяйстве разрешалась сама собой, без написания научных трудов.

2. Даже если бы лесозаготовки были произведены прямо от станции, и в таком виде подобное ведение хозяйства было бы уничтожением ценного леса и хищничеством. Боярский лес был маленьким (карта 1914 года), и 210 тыс. кубометров дров означают вырубку приблизительно четверти всего лесного массива (дровяной лес дает около 250 кубометров с гектара).

Нормальное лесное хозяйство ведется не так : для леса устанавливается цикл рубок (для дров 40–50 летний, для строевого леса 80–100-летний), и лес делился на соответствующее

количество приблизительно равных участков; таким образом, всякий эксплуатируемый лес имеет равномерное распределение участков всех возрастов, которое не изменяется после каждой годовой рубки; в таком виде он дает древесину бесконечно долго. Как выглядит лесное хозяйство здорового человека, понять легко: достаточно взглянуть на Googlemaps на Боярский лес в его нынешнем состоянии.

3. Если подумать далее, то мы поймем, что Боярский лес 1921 года как раз и состоял из разновозрастных участков, по всей видимости, 80 годовых возрастов (это был не дровяной лес, см. объяснения далее). Следовательно, трудармия ничтоже сумняшея порубила на дрова не только мелколесье, но и строевые деревья, благо что Советской власти на тот момент бревна были не особо нужны — деревообрабатывающая промышленность, как и любая другая, стояла. Матросу Жухраю такое занятие, как рубка делового леса на дрова, саботажем не казалось, а вот ученый автор книги 1923 года считал, что за 1917–1922 годы треть лесов Киевской губернии была просто уничтожена, и их восстановление займет десятилетия.

4. И наконец, хвойный лес (Боярский лес хвойный, что видно на Google Street View) после вырубki не вырастает из поросли, он растет лишь посевом от нетронутых деревьев. Поэтому его либо рубят, оставляя отдельные деревья вразброс нетронутыми, либо, что еще лучше, рубят узкими полосками (что и делается в Боярском лесу сегодня). Трудармия снесла весь лес подряд, лишив его шансов на воспроизведение. Учитывая, что лес в наше время существует, можно предположить, что кому-либо в более спокойные годы пришлось с большими расходами высадить его заново, проклиная Павку Корчагина и его соратников.

5. До революции никому и никогда не приходило в голову прокладывать по лесам узкоколейки, хотя с ними царская Россия была знакома хорошо — к 1913 году в публичной эксплуатации находилось около 2000 верст дорог колеи 750мм (например, узкоколейкой была дорога от Ярославля до Архангельска) и еще огромное количество неучтенных внутрипроизводственных узкоколеек различных стандартов. Отчеты об эксплуатации публиковались, анализировались, и результаты анализа были

таковы, что использование узкоколейки исключительно как лесовозной дороги находилось вне обсуждения.

Лес, разумеется, сплавлялся по рекам везде, где только это можно, ибо, как нетрудно догадаться, этот способ транспортировки есть самый дешевый. Для Киева вовсе не существовало иных вариантов, так как на северо-запад от города как раз и начинался лесной край, тянувшийся по Днепру до Смоленска и по Припяти до Брест-Литовска. Валкой леса занимались крестьяне, завершавшие последние полеводческие работы в конце октября. Они собирались в артели, которые нанимались к купцам-лесопромышленникам. С конца осени крестьяне рубили лес, затем по снегу (что удобнее всего) перетаскивали его на берега рек, и весной, по высокой воде, плоты сплавлялись в Киев. Там его складировали на лесных биржах, а через полгода начинали рубить и продавать горожанам на дрова. Это и был самый экономичный вариант.

Кстати, ничего царского и буржуазно-капиталистического в данной схеме не было; трудно понять, что именно помешало трудармии нарубить лес по Припяти и ее притокам, а затем сплавить его в Киев плотами. Видимо, всё та же имманентная бесхозяйственность и бестолковость.

6. И даже если мы забудем (незнаю почему) о возможности сплавлять лес и непременно возжелаем возить его на поезде, Боярский лес все равно остается наименее подходящим для этого местом. Между Киевом и Гостомелем находился огромный лес, который пересекала надвое железная дорога. Очевидно, что лес надо было вырубать 200–300 метровой полосой вдоль этой дороги на всем ее протяжении, благо движение поездов почти остановилось, и погрузка дров никому бы не помешала. Да и линия на Фастов, на которой находилась станция Боярка, на 30 км далее от Киева проходила через очень протяженный лес, также куда более годный для рубки вдоль ее полотна, чем Боярский.

7. Дрова, как известно коммунистам, нужны *дороге* и городу. Позвольте, но как так случилось, что в двух шагах от Донбасса поезда топятся дровами? Что было при царе? При царе поезда тоже

топились дровами, но только там, где леса много, а угля нет или мало, то есть на Урале и в Сибири. Вид поезда, топимого дровами и проезжающего мимо угольной шахты, показался бы предпринимателю старой эпохи дикой фантазмагорией. Шахты, ясное дело, в 1921 году стояли. Но не умнее ли было загнать тех же энтузиастов не в лес, а в забой, где они при тех же трудовых затратах смогли бы добыть топливо, дающее железной дороге большее количество энергии?

8. По каким-то причинам коммунисты, отвечавшие за снабжение Москвы топливом, оказались много толковее киевских. Они не действовали с бухты-барахты, а составили к 1921 году более или менее дельный план, проанализировав трудовые затраты и выход продукции. Их рекомендация была такой: не делать короткие (до 30 км) ветки узкоколейными, лучше просто отводить от железной дороги ширококолейную ветку; полотно обойдется дороже, зато на дороге не будет отдельного подвижного состава и всех хлопот с его эксплуатацией. Как мы видим, и тут киевских энтузиастов не подвело их антиэкономическое чутье, и они твердо выбрали наилучший вариант.

9. Дореволюционное пособие по сооружению узкоколейных дорог считало, что только устройство полотна, без укладки верхнего строения пути, обойдется в 2000 рублей на версту, то есть потребует около 2500 рабочих дней на версту. Видимо, с затратами на укладку шпал, рельс и балластирование затраты бы составили как минимум 3200–3500 дней. У Павки Корчагина и его товарищей есть только 1800 рабочих дней на версту, но зато нет ни лошадей, ни механизации (вагонеток для перевозки земли), то есть они имеют заведомо низшую производительность труда. Соответственно, они страшно халтурят — укладывают шпалы в ямки, выдолбленные в земле, и не балластируют, в то время как надо укладывать их на утрамбованную насыпь, а затем укрывать балластом. Когда заканчиваются шпалы, они начинают укладывать вместо них дрова (которые сильно короче полутораметровых шпал). Это уже наидичайшее нарушение технологии. Очевидно, что построенная с такими ляпами дорога прослужит недолго. Впрочем, ей по-любому не придется служить долго — при таких темпах рубки весь лес исчезнет через 3–4 года.

Как должна выглядеть добротной построенная лесовозная узкоколейка, можно узнать из пособия 1935 года «Узкоколейные лесовозные железные дороги», по сравнению с трудами Павки это просто небо и земля.

10. Совершенно невозможно понять, как именно узкоколейка могла спасти Киев и дорогу, и ради чего была устроена вся истерика. Москвотоп в своем плане в 1921 году («План работы Москвотопа на 1921-1922 г.г.») считал, что по одной ветке можно вывезти никак не более 400 тыс. м³ за год, то есть по-любому заготовленные дрова пришлось возить бы в Киев полгода, до середины лета. Между тем, общая потребность Киева составляла около 1.5 млн м³ на зиму, то есть из Боярского леса в течение зимы горожанам могло поступить не более 10–15% требовавшихся дров.

Так маленький (но важный) эпизод из романа при внимательном рассмотрении оказывается жесточайшей критикой военного коммунизма. Если в столь простом деле, как заготовка дров, молодая Советская власть ухитрилась совершить все ошибки, которые только можно совершить, и еще несколько про запас, то как же выглядело управление более сложной промышленностью? А вот как — пока герои нашего романа, матросы Жухраи, Павлы Корчагины и Риты Устимович, не были убраны на свалку истории (или хотя бы отодвинуты с экономического на политический фронт), что и произошло в следующие два года (1922–1923), заводы просто стояли, или, многократно уменьшив свою производительность (металлургия давала 6% от довоенного производства) продолжали поглощать ресурсы. Для примера, в 1921 году на прокат металла расходовали в 6.8 раз более топлива, чем до войны, на изготовление спирта уходило в 3.6 раза более сырья, выработка руды шахтером упала на 40% и так далее. Никакое дело не клеилось, пока оно находилось в руках революционных идиотов.

И только переход к Новой экономической политике, представлявшей собой не только разрешение частной торговли и небольшого производства, но и, прежде всего, весьма рациональную перестройку управления госпромышленностью, позволил стране робко и медленно начать вставать на ноги.

Православная церковь, революция, деньги и бедствия

Прямо сейчас у нас на глазах происходит беспрецедентное (и на 100% заслуженное) падение авторитета русской православной церкви. Антиклерикально настроенные наблюдатели любят, по отечественному обычаю, проводить исторические аналогии. Стандартная конструкция выглядит так:

— православная церковь предреволюционной эпохи превратилось в паразита, сидевшего на госфинансировании и раздражавшего народ;

— как только царский строй пал, народ отправился громить церкви и сбрасывать попов с колоколен;

— РПЦ в ее текущем состоянии превратилась в паразита, сидит на госфинансировании и раздражает народ; рано или поздно

она столкнется с проявлениями народного гнева и падет по тому же сценарию.

Последнее утверждение в первой части верно, во второй части является прогнозом, так что мы обсуждать его не будем. А вот первые два утверждения можно проверить.

Следим за деньгами

Мой подход заключается в том, что не стоит раздавать историческим событиям любого рода некантитивные оценки, а уж тем более моральные оценки, пока не приняты в рассмотрение четкие, проверяемые численные данные, в числе которых почетное место занимают финансовые данные.

Разумеется, есть группы, социальный эффект деятельности которых невыразим через финансовый оборот. Народовольцы убили Александра II с весьма небольшим расходом средств, а Толстой написал бы «Войну и мир» даже в том случае, если бы это дело было заведомо бездоходным, и так далее.

Но русская православная церковь в этот ряд безвозмездных/малобюджетных деятелей не вписывается. Церковь всегда умела и сейчас умеет влиять на сердца людей только через весьма дорогостоящие мероприятия и только в пропорцию расходов (это если дело завоевания душ идет удачно, а если неудачно, как сейчас, – так и ниже пропорции). Успех русской православной церкви – новые здания, золоченые купола, богатые оклады на иконах, хорошо зарабатывающее духовенство. Нет денег – церковь задыхается, как рыба, выброшенная на берег. Соответственно, судить о том, как идут дела у церкви, по финансовым оборотам и нужно, и правильно.

Откуда мы знаем про финансы дореволюционной церкви

В принципе, ведомство православного исповедания дореволюционной эпохи не было склонно к ведению сводной финансовой отчетности, прежде всего из-за автономности монастырей. Логика была такая: мы, Синод, не просим денег у монастырей и не даем денег монастырям, что они заработали, то им и принадлежит, какое нам тогда дело, сколько именно они

заработали. Контроль как отдельное подразделение у Синода был, но он, конечно же, занимался проверкой правильности расходования церковью бюджетных средств, обращая мало внимания на многочисленные пожертвования и собственные средства приходов и монастырей. Таким образом, где-то до 1910 года понимания, сколько вообще зарабатывает (или во сколько обходится, кому какая формулировка больше нравится) православная церковь, не было.

Затем ситуация переменялась. Синод решил попросить у Думы существенную (типа 40 млн рублей) прибавку к своему обычному бюджету, планируя перевести всё духовенство на субсидируемое казной жалованье, но за это сделав требы бесплатными; предполагалось, что такая мера улучшит отношения между духовенством и крестьянами.

Как только дело дошло до финансовой комиссии Думы, возглавляемой дельным, конструктивно настроенным профессором Алексеенко, церковникам объяснили думские правила: ни копейки тем, кто не умеет подробно изложить не только то, зачем именно нужны новые деньги, но также и то, сколько у них денег сейчас и как они расходуются. Это были реально умные правила. Синодальные чиновники вздохнули и пошли собирать сведения, кое у кого (самое главное, у монастырей) их запросили чуть ли не в первый за век раз. К 1910 году Синод сумел составить хотя и бестолковый, но все же читаемый отчет.

Кстати, денег в том объеме, который запрашивался, церковным не дали. Но немножко прибавили. Тоже умная политика. Вообще, бюджетная часть деятельности Думы, исключительно благодаря Алексеенко, выглядела как луч света в темном царстве политического мудизма и бесполезных распрей.

Откуда у них были деньги

Схема финансирования церкви была пригнана к большой бедности старой России – то есть она была основана на множестве источников, так как ни у одного из доноров в отдельности не хватало денег для содержания столь огромного (65 тыс. белого духовенства, 46 тыс. псаломщиков, 81 тыс. монашествующих, и,

видимо еще 40–50 тыс. сторожей, истопников и т.п. персонала) социального механизма.

В 1910 году церковь получила 112.4 млн рублей. Государство давало 23.9 млн рублей, прихожане отдавали 28.9 млн рублей (из них только 4.5 млн за требы, то есть полупринудительно, а остальное как пожертвование в церковную кружку и расходы на свечи), более или менее крупные спонсоры дали 16.3 млн (целевые пожертвования учитывались отдельно), собственные активы церкви (земля, коммерческая недвижимость и капиталы) приносили 32.6 млн, 2.8 млн было получено за обучение в духовно–учебных заведениях, а 7.9 млн церковные финансисты отнесли к «прочим» доходам, и теперь невозможно разобраться, что это было. Поскольку контроль был только кассовым, поступление подарков в материальной форме (а таковыми подарками могли быть и готовые церковные здания) в сводных отчетах не учитывалось, так что, возможно, церковь получила от крупных спонсоров еще 3–5 млн (на глаз).

Заметим, что из итоговой суммы нами намеренно исключена крупная бюджетная субсидия на содержание церковно–приходских школ. По существу дела, эти школы весьма условно были церковными – приходы их не любили, содержать не собирались, и развитие данной школьной сети пошло лишь тогда, когда казна, в конце царствования Александра III, дала деньги и приказала устраивать школы с наемными светскими учителями, то есть просто велела приходам бесплатно выступать оператором неинтересного им проекта.

Разумеется, не надо даже комментировать то, что церковь совсем не была паразитом на государственном бюджете. 21% казенной субсидии от общего церковного бюджета – много, но это не основной доход.

Много или мало?

Напрямую финансовые результаты церкви сравнить не с чем, так альтернативной религиозной организации схожего размера в стране не было. По общеэкономическим показателям выходит следующее: церковь (смотрим на нее как на большую корпорацию сектора услуг) создавала 0.66% чистого национального продукта,

ее доход составлял 0.84% от дохода домохозяйств. Церковь была экономически соразмерна с медициной (стоимость услуг 108 млн рублей в год), перевозкой пассажиров железной дорогой (186 млн рублей), услугами связи (52 млн рублей); военно–морской флот (без судостроения) расходовал 76 млн. рублей. Водки в 1910 году было выпито на 713 млн рублей, из них православными, по ориентировочной оценке, на 560 млн. Грубо говоря, поп с его ритуальными услугами обходился православному в 5 раз дешевле выпивки – но это с учетом пожертвований, а по суммам, которые православный уплачивал в обязательном порядке (крещение, венчание, погребение) – в 150–200 раз дешевле.

Из–за отсутствия балансового учета (считали только деньги и ценные бумаги, но не добавляли к ним денежную оценку материальных ценностей) мы не понимаем, сколько стоило имущество православной церкви. Та его часть, которая приносила денежный доход (здания и земли в аренде) стоила, на глаз, 600–650 млн рублей. Это много, на 1910 год все городские постройки России стоили 6.4 млрд рублей; грубо говоря доходные церковные имущества в совокупности стоили почти как Петербург. Сколько стоило недоходное имущество (в частности, разнообразная драгоценная утварь), оставалось полной загадкой, одним из трагических последствий которой оказалось изъятие церковных ценностей в 1922 году: Советская власть ошиблась в десятки раз, преувеличив предполагаемые церковные богатства.

Базис церковных богатств и революция

Как можно увидеть из вышеприведенного анализа, церковь финансировалась правильно. Государство обеспечивало важную, но не критически важную часть дохода, да и вообще, яйца были разложены по множеству корзин. Источники дохода были разнородны, и церковь могла достаточно легко пережить какое–нибудь одно неприятное событие – скажем, обнуление государственной субсидии либо конфискацию церковных земель. Крупные пожертвования не проедались немедленно, а обращались в капиталы, то есть единоразовый крупный доход конвертировался в меньший, но постоянный. Церковь в целом копила, а не проедала.

Самое же главное не было видно современникам – финансовым базисом церкви была рыночная экономика как таковая. Половина доходов церкви стояла на том, что существуют частная собственность на средства производства и предпринимательский класс, а люди могут получать доходы любого размера, покупать любое имущество, свободно его дарить и завещать, денежная система устойчива, многолетнее накопление капиталов безопасно. Именно благодаря этим обстоятельствам, которые не замечались до 1917 года, церковь могла владеть доходными имуществами, накапливать капиталы и пользоваться добровольной финансовой поддержкой имущего класса.

Но пока этот истинный базис находился слишком близко к наблюдателям для того, чтобы попасть в их поле зрения – люди вообще плохо сознают именно очевиднейшие вещи перед их носом – основными казались такие политизированные источники доходов, как казенная субсидия и мнимые «поборы» с крестьян.

Произошла Февральская революция – для церкви не произошло ничего. Да, может быть, в какой-то дальней перспективе, такого рода правительство могло отнять казенную субсидию, или обложить церковные имущества налогом, или национализировать в пользу крестьян какую-то часть церковных земель, но всё это были бы неприятные, но легко переживаемые события.

Произошла Октябрьская революция – старая жизнь для церкви кончилась навсегда. Кончился экономический строй, стоящий на частной собственности, и одновременно кончились три крупнейших источника дохода: казенная субсидия, пожертвования от имущего класса, доходы от собственных имуществ и капиталов. Остались только плата за требы и пожертвования широкого круга верующих, которые все обеднели до последней крайности, и чем богаче они были раньше, тем больше обеднели теперь. Статистики у нас нет, но, по всей видимости, к новому 1918 году православная церковь располагала еле-еле одной десятой частью от дореволюционного уровня доходов. Церковь обнищала и ослабла.

Разумеется, всё это было непредсказуемым, и невозможно осуждать дореволюционное церковное руководство за то, что оно не предвидело события и не перевело заблаговременно церковь на протестантскую схему финансирования, то есть равномерные сборы со всех членов прихода.

Бесполезные гонения

Что могла сделать церковь после того как лишилась 90% доходов? Разумеется, пришлось немедленно избавиться от всего, без чего можно было обойтись в десятилетней перспективе. Были закрыты духовно-учебные заведения (немедленно) и очевидно лишние приходы (постепенно), остановилось все закупки нового инвентаря, все ремонтные работы по зданиям. Тем сотрудникам, которые решили сбежать, желали удачи (а не ругали, как раньше). Монастыри превратились в скудные, малолюдные трудовые коммуны – все, кого привлекало монашество как гарантированный и бездельный образ жизни, поразбежались. Дьяконы и псаломщики, без которых легко обходится богослужение, практически исчезли, из их числа остались лишь энтузиасты, легко выносящие голод. Многодетные священники также бросили служение, на обедневших приходах остались только скромные, выносливые люди без иждивенцев. И, разумеется, никому все равно не пришло в голову пересчитать прихожан, занести их в список, обложить всех добровольным, но регулярным сбором, дающим приходу устойчивую возможность скромного, но надежного существования. такое не в наших обычаях, мы не протестанты.

После этого, казалось бы, советскому правительству оставалось только добиться от церкви политической лояльности, а затем позволить ей существовать в жалком виде, всегда имея под рукой регулятор в виде произвольно устанавливаемого налога на приходы.

В принципе, в какие-то периоды так дело и шло. После знаменитой Декларации митрополита Сергия, являвшейся безоговорочной политической капитуляцией перед властью, церковь несколько лет прожила в убогом виде, при котором основным фактором, определяющим численность приходов и духовенства были не запреты, а финансовые возможности

прихожан, корректируемые властью через налог.

Самое же главное, именно этим всё (для советского периода) и кончилось. Церковь 1970–х – начал 1980–х полностью перешла на саморегуляцию. Архиереи догадались, что критическим ресурсом являются деньги прихожан, а не разрешения на открытие новых приходов и рукоположения от властей. Пока церковью мало – духовенство сыто. КГБшные характеристики архиереев обычно выглядят так: «Стремится к открытию новых приходов. Ненавидим подчиненным духовенством.», «Вялый, бездеятельный. Авторитетен у духовенства.». Теперь надо было только вести тщательную персональную селекцию духовенства, представляя к повышению самых мразотных (см. патриарх Кирилл) – и задача подчинения церкви и приведения ее в ничтожество была выполнена.

Где в этой схеме репрессии? Их тут нет и они не нужны. Вся серия разнообразных, достаточно бессистемных, шедших волнами, репрессий против духовенства в 1918–36 годах (с преобладанием высылки и ссылки, коротких арестов, небольших сроков), и дикие жестокости, обрушившиеся на него в 1937–1938 годах, были просто проявлением палаческой природы Советской власти. Церковь не сопротивлялась власти и находилась в жалчайшем состоянии, и все зверские гонения не могли ее сломить – ломать было нечего.

Со стороны карателей это было чистое проявление садистического безумия, а со стороны высшей власти – одним из выражений политики тотального террора, весь смысл которого в том, что беды валятся на голову лояльных и невинных, и как раз это запугивает всех. Как только власть, после смерти Сталина, оставила террор и перешла к рациональному насилию в минимальных объемах, требуемых для ее безопасности, серьёзные гонения на церковь прекратились раз и навсегда.

Похвала обер–прокурорам Синода

Как мы теперь видим, обер–прокуратура, которую все прогрессивные умы эпохи считали проявлением государственного гнета и душителем религии, на самом деле – если говорить о

финансово-хозяйственной стороне ее обязанностей — вела себя молодецки.

Финансовая политика церкви была взвешенной, многосторонней, давала церкви уместную автономию, так как позволяла накапливать независимые от государства фонды. Церковь не тупо висела на бюджете, а по максимуму привлекала пожертвования частных лиц, что достигалось через гарантию их использования только на те цели, которые определил жертвователь. Тех, кто вовсе не желал платить (это крестьяне), старались освободить от всяких платежей, чтобы не было возмущений.

Самым же главным было то, что люди старой эпохи не могли заметить – церковные богатства не разворовывались. Подаренный церкви на содержание причта земельный участок или доходный дом не превращался в коттедж текущего настоятеля, а продолжал кормить поколения настоятелей.

Разумеется, строгая финансовая дисциплина, да еще при минимуме контроля, достигалась через правильные установления. Все церковные средства разделялись на независимые фонды. Деньги, брошенные в церковную кружку (если на ней не было специальной надписи, типа «на убогих») и от продажи свеч шли на текущее содержание церкви. Деньги, заплаченные духовенству за требы, шли в карман духовенству. Деньги, для которых жертвователь определил цель, расходовались только на эту цель, для чего создавались приходские попечительства. Имущества были четко разделены на принадлежащие собственно церкви и принадлежащие причту, и доход от них направлялся соответственно. Каждый отдельный монастырь расходовал то, что было получено им, причем *особножительные* монастыри (таковых было большинство) рассматривались как кооперативы, и средства, оставшиеся к концу года, распределялись между монахами. Государство содержало высшее церковное управление (полностью), платило жалованье всем епископам, частично финансировало духовные школы, и платило содержание наиболее бедным причтам, не покрывая всех их расходов (но они зарабатывали еще на требах).

Трансфертов в этой сложной системе изолированных фондов было только два: епископы были настоятелями самого доходного монастыря в своей епархии, и в таком качестве получали треть его дохода (точнее, чистой прибыли); от приходских сумм (только от безличных пожертвований и свечей) отчислялось 25% на содержание духовно–учебных заведений.

Если сравнить это положение дел с современным, то дореволюционная церковь финансировалась сложным, даже запутанным, но полностью определенным образом. В ней было невозможно всё то, что так сильно развращает современное духовенство – легальные, но произвольные поборы с приходов в пользу епархий, а с епархий в пользу верховного управления, смешение церковной казны с личным кошельком духовных лиц, вымогательство нерегистрируемых сумм («конверты») в пользу начальства с подчиненных. Каждая копейка шла установленным для нее путем. Духовенство всех иерархических уровней зарабатывало неравномерно, люди мечтали о более выгодных местах, интриговали – но их доходы до последней копейки были белыми; никто не смел прикоснуться к суммам, имевшим иное назначение. Это, разумеется, поощряло жертвователей и завещателей, правильно веривших в то, что их деньги будут направлены только на те цели, которые определили они сами.

Новая картина событий

Таким образом, простейшие, кратчайшие финансовые данные меняют картину событий. Мы видим следующее:

– Дореволюционная церковь не особенно сильно паразитировала на государственном бюджете и сохраняла полную жизнеспособность при прекращении казенных субсидий; базисом церковного благосостояния были собственные доходные имущества и капиталы церкви, а также пожертвования богатых прихожан;

– Соответственно, церковь не особо боялась революции и не особо к ней готовилась; на самом деле, церковь устраивал любой строй, в котором частная собственность допускается и защищена законом; никто, даже лидеры большевиков, не знали, что революция приведет к конфискации всех доходных активов и

накоплений, а также к полному уничтожению широкого имущего класса;

— Как только эти неожиданные события произошли, церковь была обречена на впадение в ничтожность, и судьба церкви в ранний советский период говорит исключительно о ее жизнестойкости: от нее осталось хоть что-то, в то время прочих институций старой России (скажем, банков, акционерных обществ, земств, адвокатуры) не осталось ничего вовсе;

— уголовные репрессии против духовенства и принудительное закрытие церквей и монастырей не являлись рациональными действиями по угнетению религии; они могут быть объяснены только как часть генеральной политики террора – а весь смысл террора в том и заключается, что от него страдают заведомо невинные, и от их страданий терроризирующему нет прямой пользы;

— Дореволюционная церковь, совершенно чистая в финансовом смысле, не имела ничего общего с церковью современной, истинным царством неурядицы, личной алчности, произвола начальствующих лиц и коррупции; соответственно, случись с современной церковью беда (чего многие обоснованно ей желают), ее падение будет болезненным – но оно не будет иметь ничего общего с падением дореволюционной церкви, которая претерпела муки не по грехам.

Святой наизнанку: что творилось в голове у Иоанна Кронштадтского

На КДПВ — карикатура начала XX века. Обезумевшие монахини-иоаннитки причащаются телом и кровью о. Иоанна Кронштадтского.

Иоанн Кронштадтский — самый, наверное, интересный из русских святых. Он очень отличается от бесчисленных малоразличимых преподобных, неповторяющаяся часть биографии которых укладывается в один абзац. Он белый священник. Он жил совсем недавно. О нем сохранилось великое множество воспоминаний. Он был единственным в своем роде, а не одним из многих, что признавалось всеми современниками. Его реально, а не номинально почитают и сегодня.

Но главное, мы можем залезть к нему в голову. От него сохранились дневники, в полной сохранности и в оригиналах, за первые 9 лет священнического служения и за последний год жизни. Эти дневники велись не напоказ, а для самого себя, они откровенны. Существует качественное издание дневников о. Иоанна издательства «Отчий дом». В отличие от церковных

публикаций, это издание осуществлено на научных принципах, то есть в нем сохранены все записи и пометки, в том числе и чисто бытовые, и рисующие о. Иоанна не в лучшем виде. Кроме того, об Иоанне Кронштадтском написано много толкового. Если отбросить откровенно агиографическую дрянь, останутся хорошие книги Басинского («Святой против льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды») и Киценко («Святой нашего времени: Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ»). Много интересного накопил откровенно недолюбливающий о.Иоанна монах–расстрига о.Валентин Соломаха (kalakazo в livejournal). В результате мы хорошо знаем окружавшие о.Иоанна обстоятельства и в таких аспектах, которые не получили отражения в дневниках.

Не имея задачи пересказать весь этот интереснейший материал, я просто поделюсь несколькими своими частными мнениями, не совпадающими / не пересекающимися с ранее опубликованными.

1. Иоанн Кронштадтский от молодости и до последних дней практиковал ежедневный мелочный самоконтроль. Самоконтроль проводился по двум параметрам: раздражительность/гнев и многоедение. Всегда, когда о. Иоанн впадал в эти пороки (что происходило регулярно), он незамедлительно каялся, много и чистосердечно молился и давал себе обещание исправиться. К его чести, он регулярно извинялся перед обиженными. Заметим, что раздражался он по–настоящему, а вот объедался только в своем воображении; он ел мало, а мечтал есть чрезвычайно мало. В принципе, такое поведение похвально. Но удивительно то, что о. Иоанн ограничивался в наблюдении и борьбе именно этими двумя пороками. С классической православной точки зрения пороков, за проявлениями которых надо следить, сильно больше. Для примера, о. Иоанн, в момент написания первых дневников совсем молодой человек, вовсе не замечает в себе проявлений полового влечения (а мы, читатели, замечаем). Завистливости. Жадности. И так далее. Казалось бы, всякий, кто любит копаться в своей душе, обвинять себя и каяться, хоть чего–нибудь, да найдет по этим позициям.

2. Из сторонних источников мы знаем, что о. Иоанн ел мало, только постное, но при этом исключительно самое дорогое. Пил он чуть-чуть, но пил вино по 8 рублей за бутылку — то есть глоток его вина обходился дороже, чем нажирание в умат простого мужика (пол-литра водки — 42 копейки без тары). Все эти обстоятельства не смущали святого и не нашли отражения в его дневниках.

3. Из описи имущества, произведенной после смерти о. Иоанна, мы узнаем о его болезненной привязанности к дорогой одежде. Многие предметы туалета он накапливал в количествах, в разы превышающем всякую потребность — например, от святого осталось 124 пары кальсон. Возможно, кто-то (фабрикант нижнего белья?) просто подарил ему кальсоны, но что стоило отдать их в какое-нибудь из патронируемых благотворительных учреждений? С простой жадностью это поведение не имеет ничего общего: о. Иоанн без жалости расставался с миллионами жертвуемых (по традиции, без всяких условий) лично ему рублей; есть множество достоверных рассказов о том, как он получал толстый конверт с деньгами и отдавал его, не открывая, ближайшему подошедшему просителю. Очевидно, что о. Иоанну было труднее расстаться с муаровой рясой, чем с денежной суммой, на которую можно купить десять таких ряс. Всего этого о. Иоанн за собой не замечал и в дневниках не фиксировал.

4. Духовная эволюция святого озадачивает: с годами он становился всё злобнее и злобнее. В ранних дневниках мы видим робкого человека, который пытается задавить в себе любые проявления гнева и раздражения, даже в отношении последнего нищего. В предсмертном дневнике перед нами предстает человек, который пытается быть кротким только с окружающими, но не стесняется просить (даже требовать) у бога смерти для своих высокопоставленных оппонентов — Льва Толстого, митрополита Антония, протопресвитера Янышева. Заметим, что прошение у бога смерти кому-либо, а в особенности своему же епархиальному архиерею — нечто противоположное христианскому смирению. Но о. Иоанн этого не замечает, идеологические расхождения с врагами всё покрывают. Он прав, а они неправы.

5. Дневники, в целом, представляют собой смесь абстрактных, школярских теологических рассуждений и записей,

связанных с реальным опытом и чувствами автора. Абстрактные рассуждения довольно, на православный взгляд, странны. С одной стороны, они банальны, с другой — всегда основаны на Новом Завете, без всякого упоминания святых отцов и цитат из них. Такое впечатление, что автору досталось содержимое кладовки с образцовыми академическими сочинениями, причем кто-то стер из текстов все святоотеческие цитаты. Пришлось списывать из того, что осталось. Мысли святого правильны (с теологической позиции), но совсем просты — всякий семинарист, если заменить четверть слов в высказываниях о. Иоанна многоточиями, без труда подставит нужное. Большой связи между отвлеченными рассуждениями и реальными событиями в дневнике не видно (опять же, за исключением гнева и объедения).

Пример: *Для чего Господь дает человеку продолжение дней на земле? Для того, чтобы человек имел время покаяться и очиститься от грехов и страстей и чтобы истина и любовь совершенно проникли в сердце посредством обучения чувств его относительно добра и зла.*

Иногда сочетание богословия и бытовых записей кажется цитатой из Козьмы Пруtkова: *Да проплачь ты о грехах своих искренно: и будет легко на сердце. Законоучитель! держи себя в гимназии, для славы Божией, с твердостью и важностью, как представитель Бога и Церкви. Тыквенная каша полезна и легка.*

6. Многочисленные проявления прозорливости о. Иоанна и чудесные исцеления (фактичность тут не обсуждается) заставляли современников думать, что за ними скрыты всяческие откровения и экстазы. Ничего подобного из дневников не видно. Бог не отвечает на молитвы автора, ангелы не говорят с ним, и святые не являются ему в сонных видениях. Вместо этого ему снятся две свиньи живых, облепленных тестом, и он пытается угадать, что бы это значило. Но без психоаналитика, как мы сегодня знаем, в таких делах не разберешься.

7. Не получили отражения в дневниках и многочисленные исцеления. Видимо, свободное время о. Иоанн посвящал размышлению о том, что казалось ему более важным. Для примера, он всегда невероятно волновался о впечатлении, произведенном им на гимназистов на сегодняшнем уроке Закона Божия. А вот в храме он, видимо, чувствовал себя уверенней, и

мнения прихожан мало его волновали. Очень сложны были отношения святого с чаем — в одни периоды жизни он считал, что чай пить можно и нужно, а в другие склонялся к обратному. Немало страниц в дневнике посвящены раздумьям по этому сложному вопросу, в отличие от столь прозаической темы, как дар исцеления.

8. Под конец жизни о. Иоанн превратился в общественно-политического деятеля — разумеется, самого мрачного, черносотенного извода. Он вступил в Союз Русского Народа и произносил пламенные проповеди, в которых призывал правительство без жалости казнить инакомыслящих по примеру пророка Моисея, избившего 24 тысячи революционеров-моавитян. При этом, как выясняется из дневника, святой не имел ни малейшего интереса к кипевшей вокруг него общественной жизни, и просто вряд ли бы в курсе текущих событий. Его представления об общественном устройстве находились на уровне цепной собаки: на всякого, кто проходит мимо забора следует лаять. Вот как выглядит составленная им политическая молитва:

Господи, умиротвори Россию ради Церкви Твоея, ради нищих людей Твоих, предотврати мятеж и революцию, возьми с земли хульника Твоего, злейшего и нераскаянного Льва Толстого и всех его горячих, закоснелых последователей. Молодых покори старшим, подчиненных — начальникам, подданных — царю. Всех повсюду служащих покори начальству и сотвори их довольными оброками своими.

Легко заметить, что Толстой отнюдь не был революционным лидером, а толстовцы революционерами; из многочисленных причин революции 1905 года недовольство оброками было самой малозначительной. В общем, святой в очередной раз продемонстрировал изрядный отрыв от реальности.

Судя по всему, даже особо ненавидимого им Льва Толстого он ненавидел несколько обобщенно; дневник полон злобными выпадами, но нет конкретики. Лично я сомневаюсь, что о. Иоанн читал сочинения Толстого; похоже, он обозлился на писателя с чужого пересказа; как в анекдоте — Рабинович напел. Непрерывно, с молодости, о. Иоанн нападает в дневнике на

театр — но опять же нет доказательств того, что он знает хотя бы сюжет хоть одной пьесы и имя хоть одного артиста (тем более уж очевидно, что в театре он никогда не был).

9. Пока отец о. Иоанн был окружен людьми, с которыми его свела судьба — старшими сослуживцами по собору, куда его назначили, семьей тестя, в которой он жил — он непрерывно цапался с ближними. Так и не научившись налаживать отношения, святой пошел другим путем — настолько вырос социально, что смог подбирать себе окружение сам. И подобрал таковое из отборных жополизов. И это было только начало. С годами жополизы сменились мрачной, корыстной швалью — за доступ к о. Иоанну в последние годы окружавшие его лица требовали взятки. На смертном одре святого разыгрались низкие сцены — когда он впал в кому, а приближенные к нему монахини подделали завещание, подкупив нотариуса, раскрыли его наследство, оставив ни с чем вдову, и даже добились того, что его похоронили на Карповке, а не на родине в Суре, как он всегда мечтал.

Выводы

Весь дневниковый материал показывает, что о. Иоанн был значительно более мелкой личностью, чем он казался окружающим людям. Он был очень ограничен интеллектуально и социально дезориентирован, сам не верил в себя как чудотворца, не имел какого-либо мистического опыта. Привычка к самоконтролю у него распространялась на несколько мелких, частных проявлений личности, а в целом он осознавал себя плохо. Богословские размышления, которым о. Иоанн уделял много времени, всегда оставались в рамках шаблона.

И между тем этот человек смог, несомненно, произвести огромное впечатление на современников, заметный след этой популярности наблюдается и через 110 лет после его смерти. Люди стекались к святому толпами, его неоднократно мяли и давили, и под конец жизни ему часто приходилось передвигаться через специально организованное оцепление. Знаменитые литургии о. Иоанна были настолько ярким проявлением коллективного психоза, что превзойти их удалось только через 90 лет Кашпировскому.

Как мог человек, настолько экстраординарный и значительный в своих внешних проявлениях, настолько запомнившийся, быть настолько мелким, ограниченным и посредственным в глубинах своей личности? Это озадачивает. В английском есть понятие *rock star quality*. Это качество не корреспондирует ни с какими другими свойствами личности, и имеет одно–единственное проявление: оно делает его обладателя рок–звездой. Либо оно у тебя есть, либо его нет. Судя по всему, и у православных деятелей популярность определяется наличием своеобразного **pop star quality**.

Как была устроена винная монополия в царской России

Пост написан по следам предшествующего поста о том, как народ научили пить денатурат. В этой истории уже не будет такой драмы, но зато будет много любопытного — рассказ пойдет о том, как российское государство собралось сделать нечто большое и важное, и сделало это ловко, удачно, умело и с большими тонкостями.

Зачем была нужна винная монополия

С 1860–х годов и до 1894 года в России действовала акцизная система обложения торговли спиртным, вполне похожая на современную. Алкоголь производился частным бизнесом, производители платили акциз (разный для разного вида напитков), бутылки обклеивали акцизными марками, и после этого спиртное могли продавать во всяком торговом и общепитовском заведении, купившем лицензию, с очень

умеренными ограничениями (не торговать в воскресенье до окончания церковной службы и т.п.).

Деньги поступали в казну исправно, но правительство беспокоили четыре обстоятельства:

— исторически сложился не самый высокий уровень обложения, прибыль производителей и торговцев была высоковата; обложить же их посильнее было сложно, так как у казны обычно не хватало воли для борьбы с промышленно-торговым лобби; грубо говоря, было проще разогнать всю эту шарашку, чем заставить их платить больше;

— производители были прямо заинтересованы в повышении потребления спиртного (впрочем, на самом деле душевое потребление даже немного уменьшалось);

— в торговле спиртным победил самый несимпатичный метод дистрибуции — *питейный дом*, то есть дешёвая и грязная распивочная, где нечего больше делать, кроме как напиться свинским образом; в питейном доме, в видах борьбы с пьянством, разрешалось подавать только холодные закуски, но это лишь усугубляло общую мерзость данного типа заведения;

— водка и 40-градусные спиртовые настойки задавили на рынке вино и пиво.

Как вытащить из сложившейся системы больше денег для казны, не развивая при этом народное пьянство, было неизвестно. Поглядев на всё дело, министр финансов Сергей Витте, умный и деятельный человек, решил не пытаться улучшать старую систему, а сломать ее и с нуля построить новую — так называемую казённую винную монополию. Винная монополия очень сильно отличалась от всех знакомых нашему поколению систем торговли спиртным, поэтому о ней надо рассказать подробно.

Основная идея винной монополии

Самым необычным в казённой винной монополии было то, что она *не была казённой и не была монополией*. Распределение задач между частным производителем и государством было достаточно сложным и, на современный взгляд, неожиданным.

— **Кто производил спирт.** Спирт производился исключительно частными фирмами. Система налогообложения этих производителей была сделана так, что в наилучшем положении оказывались мелкие сельские производители, да еще такие, какие работали только в зимние 6 месяцев. В целом, государство старалось поддержать помещиков и стимулировать устройство в их усадьбах небольших сезонных спиртовых (винокуренных) заводиков с 10–20 рабочими.

— **Требования к спирту.** От производителей не требовалось выпускать очищенный 96-градусный спирт. Те, кто не умел догнать спирт до этого уровня, сдавали его на казённые спиртоочистительные заводы. На казённом заводе спирт догоняли до 96 градусов, прогоняли через ректификатор–дефлегматор (отгоняя верхние фракции), после чего холодный спирт прогоняли через угольный фильтр. Те частные производители, которые имели дорогие современные аппараты, и умели делать горячую ректификацию в одном процессе с перегонкой, могли сдавать казне спирт напрямую, по большей цене. Политика закупок казённых спиртоочистительных заводов была направлена на поддержание местных производителей, даже в тех регионах, где сырье (на 95% это был картофель) обходилось дорого. Очищенный спирт составлял собственность частных производителей.

— **Казённые закупки спирта.** Казна закупала очищенный спирт у частных производителей по сложной формуле: часть по исторической квоте (половина — две трети от размера контракта прошлого года), часть на торгах, часть по прямым договорам. Это было и хитро, и мудро. С одной стороны, историческая квота позволяла вкладываться в новое оборудование тем, кто получил годичный контракт — в любом случае в последующие годы у тебя будет как минимум половина–четверть–восьмая и т.д. от этого контракта. С другой стороны, торги позволяли казне понять реальный рыночный уровень цен на спирт. Цена на торгах падала — контракты со старыми поставщиками, имевшими историческую квоту, заключались по новой цене. Часть закупок, проводимых по прямым контрактам, использовалась для поощрения появления новых заводов в тех местностях, где их раньше не было. Вся эта система была много тоньше, много

эффективнее, чем современное российское законодательство о госзакупках.

— **Изготовление казённой водки.** Значительная часть спирта закупалось государством, после чего на казённых (и только на казённых) заводах и складах из него изготавливалось и бутилировалось *обыкновенное казённое вино* (стандартный сорт водки) и *столовое казённое вино* (улучшенный сорт водки). Изготовление водки было простым процессом — спирт разбавляли очищенной и умягченной/ужесточенной водой. Водка получалась невкусной — приблизительно как дешевые советские сорта. Расфасовка была разнообразной — от 60мл до 3.1 л.

— **Казённые винные лавки.** Государство продавало *казённое вино* в казённых винных лавках. Это были стандартизированные заведения, торговавшие по твердой цене и стандартным ассортиментом, только на вынос. Предполагалось, что торговля на вынос заставит любителя выпить принести водку домой, а там жена и дети разъяснят ему, что пьянствовать вредно. На самом деле простые люди, не желая слышать попреки домашних, выпивали водку на улице, прямо у дверей винной лавки — а это, в свою очередь, вызывало возмущение у прохожих. В казённых лавках торговали также и 95% спиртом, точно по той же цене (по содержанию спирта), что и водкой.

— **Частное производство спиртных напитков** (в том числе и водки) было разрешено. Частные напитки сдавались на казённый винный склад, где на них наклеивалась особая бандероль с обозначением назначенной государством минимальной цены. После этого напитки можно было продавать и в частных магазинах, и в частных заведениях общественного питания, имевших необходимую лицензию. Иногда частные напитки даже принимали на комиссию в казённые лавки. Минимальная цена на частные напитки всегда назначалась государством таким образом, чтобы они не составляли конкуренцию казённой водке. Грубо говоря, частная водка была как минимум в полтора раза дороже. Соответственно, частный производитель всегда делал ее сильно выше качеством — а кто бы иначе стал ее покупать.

— **Пиво и виноградное вино** были льготными напитками, правительство старалось приучать народ к их потреблению. На пиво был установлен такой акциз, при котором грамм спирта в пиве стоил примерно в два раза дешевле, чем в водке. А российские виноградные вина были вообще освобождены от акциза. Виноделом это не помогло — российское вино получалось все равно дорогим и не смогло заинтересовать простой народ. Продажи же пива росли, но оно все равно было менее популярно, чем водка.

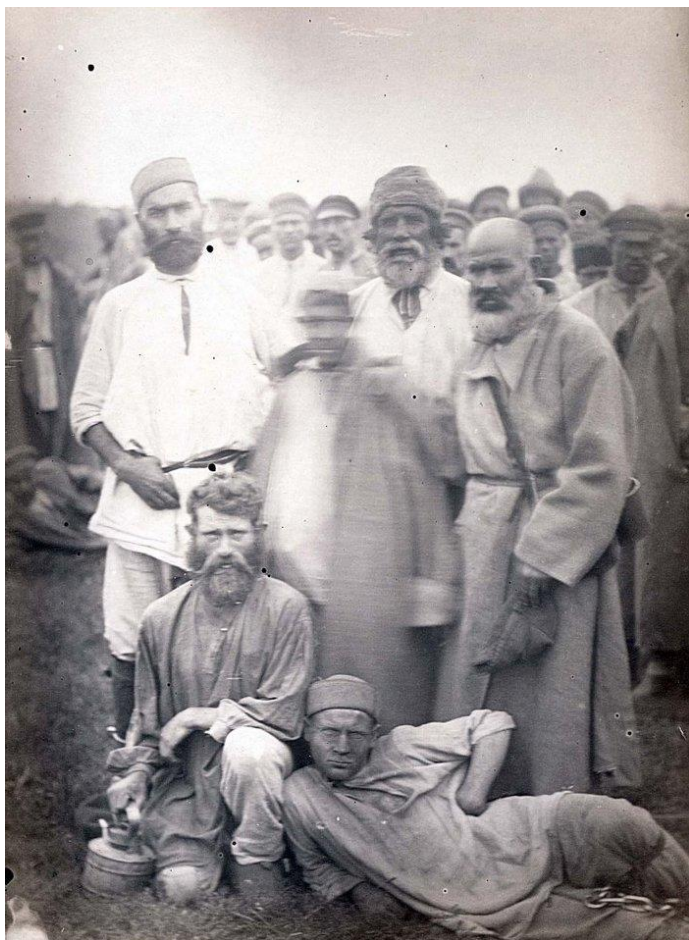
— **Продажа в частных магазинах.** Спиртные напитки можно было продавать, на условии покупки лицензии, в особых частных магазинах — *ренсковых погребах*. Если вино продавали в универсальном продовольственном магазине, то винный отдел должен был иметь отдельный зал, отдельный вход и получить отдельную лицензию как ренсковый погреб. Для пива условия были мягче — существовала отдельная, более дешевая лицензия для пивных лавок (которые также должны были быть обособленными торговыми заведениями). Режим работы заведений, торговавших спиртным, регулировался государством.

— **Продажа в едальных заведениях.** Спиртные напитки (и частные, и казённые) можно продавать в розлив в трактирах (так формально назывались все предприятия общественного питания, подававшие горячую еду), и это не требовало специальной лицензии. Трактиры 2го разряда обязаны были продавать желающим целую и запечатанную казённую бутылку по казённой же цене; трактиры 1го разряда (реально это были рестораны) могли продавать все напитки с произвольной наценкой.

— **Доходы казны.** Казна получала доход тремя способами: через акциз, коммерческую прибыль и продажу лицензий. Производители спирта и пива платили акциз, по содержанию чистого спирта в выпускаемом продукте. На каждом перегонном кубе в империи стоял сложный автоматический аналоговый вычислитель, измерявший расход спирта, его плотность и температуру. Акциз составлял две трети доходов от казенной винной монополии. Еще около трети было коммерческой прибылью от казённой хозяйственной операции — то есть от очистки спирта, изготовлении водки и продажи ее в казенных

лавках. И наконец, продажа свидетельств на право торговли для ренсковых погребов, пивных лавок и трактиров давало незначительный доход, так как они были дешевыми. Винная монополия была очень удачным в финансовом смысле предприятием, поступления от нее к началу войны примерное соответствовали расходам казны на все невоенные государственные нужды (госуправление, правоохрнительная деятельность, образование и здравоохранение, поощрение сельского хозяйства и предпринимательства, социальные программы).

Пей воду как гусь, ешь хлеб как свинья, а
работай черт, да не я

Этот пост — изложение моих впечатлений от занимательной книги В.Ф. Трахтенберга «**Блатная музыка (жаргон в тюрьме)**», изданной в 1908 году. Скачать книгу в pdf можно [здесь](#). *Музыка* — самоназвание тюремного жаргона. Автор специально указывает, что книга почти полностью содержит слова, неизвестные на тот

момент публике, или, во всяком случае, неупотребительные среди образованных людей.

Первое, что бросается в глаза — старинный тюремный жаргон почти весь умер. Казалось бы, всё должно было получиться наоборот — в ходе революции и Гражданской войны обитатели тюрем поразбежались, и, надо думать, их специфическая речь широко разошлась в народе.

Но нет. Оставшийся след очень, в общем-то, небольшой. В современный литературный язык из описываемого жаргона не вошло ничего, а в язык грубоватый, разговорный без изменения начального смысла попали только слова:

- *бабки*,
- *барахло*,
- *заначка*,
- *затырить* (при этом *стырить* и *притырить* — это слова новые),
- *каюк* (настал каюк),
- *ксива*,
- *очко* (для обозначения ануса),
- *порешить* (то есть убить),
- *стрелять* (в смысле выпрашивать),
- *фарт*,
- *шмонать*.

Много слов как-то перепуталось. *Волынка* — развлечение, игра; *завести волынку* — начать развлекаться. *Навести марафет* — сбить человека с толку неожиданным вопросом. *Мура* — любой неденежный выигрыш в карты. *Париться* — находиться под предварительным следствием, содержаться не в тюрьме, а в камере полицейского участка. *Разоряться* — смешить, развлекать, подзадоривать.

Множество странных слов исчезло, не оставив следа. Тюремная педерастия называлась *бульда*. Чистый спирт — *гамура*. Выдать чужую тайну — *опешить*. Бить по голове — *темнить*. Женский половой орган — *копилка*, женские груди — *маркоташки*. Мужской половой орган — *свайка*, заниматься онанизмом — *держаться за свайку*. Верхняя одежда — *лопоть*.

А вот еще интересное.

Халтура — это кража, совершенная в квартире, где находится покойник. Двери такого помещения обыкновенно открыты, и появление незнакомого лица, которое могло знать покойного, не вызывает подозрения.

Шпана — это стадо барашков одного возраста и цвета. В переносном смысле это название постоянного тюремного населения; смысл выражения в том, что от сидения в тюрьме люди притираются друг к другу, усваивают одни и те же привычки, взгляды и обычаи, и становятся похожими, как эти барашки.

Костогрыз — арестант, принадлежащий к тюремной аристократии, пользующийся привилегией высасывать мозг из варившихся в арестантском котле костей.

Саватейка — род лепешки из ржаной муки, выставлялась в Сибири почти в каждом крестьянском доме на особую приступочку за окно для полумертвого с голоду, скрывающегося от людей беглого каторжника. Беглые, в ответ, обычно не обкрадывали и не обижали крестьян, выставляющих саватейку.

Имеются любопытные сведения о странных обычаях. Например, при отправке партий арестантов из Москвы в Сибирь они давали большие взятки конвою, для того, чтобы те устроили *прохладу* — разрешали идти очень медленно и под барабанный бой. Подаяния прохожих, которых трогала такая церемония, многократно перекрывали взятку.

В книге есть ужасы. Например, описываются два способа, которым крестьяне расправлялись с конокрадами. Из рассказов видно, до какой степени смягчились нынче нравы: пойманному угонщику автомобиля ничего подобное не грозит.

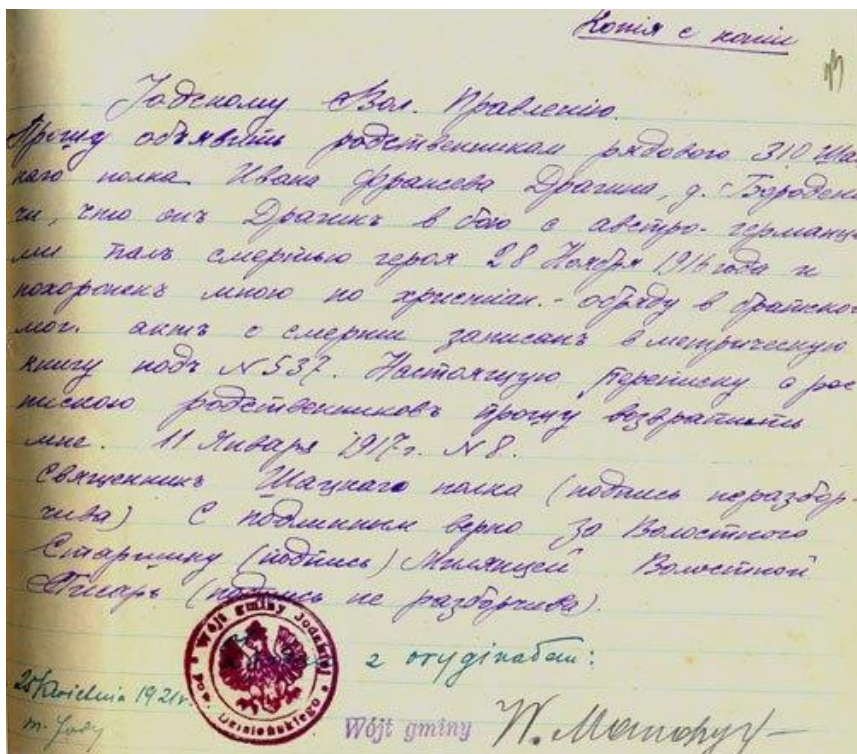
Первый способ называется **блок**. Конокраду связывают вместе ступни ног и кисти рук, затем продевают веревку через блок, прибитый к воротам, и тянут его по блоку кверху: когда его таким образом подымут до блока, веревку сразу отпускают, и он падает на землю. Так повторяют еще несколько раз, и каждый раз слышится хряск ломаемых позвонков, кровь бьет фонтаном из его горла, а его все еще тянут по блоку одурманенные яростью крестьяне.

Второй способ называется *примочка*. Конокрада где-нибудь за деревней раздевают донага, связывают веревками руки и ноги, оборачивают туловище его мокрыми мешками, кладут на живот ему доску, и затем начинают бить по ней молотами, поленьями, камнями и чем попало, отбивая несчастному все внутренности. Затем примочку снимают, его снова одевают и, вывезя в соседние поля или на дорогу, бросают. На теле умирающего конокрада не остается обыкновенно никаких внешних следов истязания.

А теперь попробуйте без подсказки догадаться, что значит поговорка:

Бей в овсе, колоти во все, и того не забудь, чего в кашу кладут.

Как выглядела похоронка в Первую мировую войну

Все представляют себе извещение о смерти солдата, так называемую похоронку, присылавшееся родственникам во время Великой Отечественной войны. У многих они сохранились; у меня тоже есть одна, с советско-финской войны.

Извещение присылалось райвоенкоматом либо непосредственно войсковой частью и представляло собой половинку листа, с текстом, иногда типографским, а иногда напечатанным через копирку. Имя, дата гибели, а иногда место погребения (если оно было известно) обычно вписывались от руки. Высоких слов в похоронке было совсем мало — «в боях за

Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество..» — а утешительных слов не было и вовсе.

А как выглядела российская похоронка в Первую мировую войну? Кто-нибудь ее видел?

Как ни странно, в ту далекую эпоху похоронка не выглядела никак. Дело в том, что в России еще не существовало почтальона, который принес бы эту похоронку родным убитого. Доставка почты на дом в обязательном порядке существовала только в нескольких крупнейших городах, в городах поменьше желающие получать письма на дом должны были записаться на почте в особый список и платить за каждую доставку, в сельской же местности почтальон довозил почту только до волостного правления, то есть до крупного села, административного центра волости, в которой обычно проживало 5–10 тыс. человек. Дальше писарь волостного правления передавал, при наличии доброй воли, почту в деревни с оказией, подсовывая их тем соседям, которые зачем-либо зашли к нему в правление. Никаких гарантий или установленного срока у такой доставки не было.

Народ же умел читать далеко не весь. В поколении младших братьев призывников умело читать 40–70% мальчиков старше 9–10 лет, глядя по губернии (а в продвинутых городах — даже 90%). В поколении же родителей солдат грамотой владели 25–35% мужчин (у женщин грамотность была еще ниже).

В результате власти сочли рассылку похоронок бесполезной затеей. Вместо этого командир части писал кратчайшее извещение, «такой-то убит тогда-то» уездному воинскому начальнику, а тот повторял его в письме волостному старшине (картинка в заголовке) — «прошу объявить родственникам такого-то, что он, такой-то, убит там-то тогда-то». Объявлял, надо думать, сельский староста. Часто, особенно для пропавших без вести, между моментом гибели (исчезновения) и объявлением родственникам проходило до года. В некоторых случаях извещение присылали в ответ на запрос семьи, переставшей получать письма от солдата. Никто не предполагал, что родным когда-либо придет в голову навестить могилу солдата, поэтому о месте погребения им обычно не сообщали.

Вот выборка из архива волостного правления, извлеченная краеведами:

Командир 165 Луцкого полка

В Тимоновское волостное правление, 10 января 1915г.

Прошу уведомить родственников находившегося во вверенном мне полку рядового Константина Малинина, проживавшего в деревне Даниловская, Кузнецова тож Тимоновской волости Дмитровского уезда Московской губернии, что поименованный К. Малинин убит в сражении при деревне Любча 12 декабря 1914г.

(подпись — Подполковник Яковенко)

Приписка: января 26-го 1915г. объявлено жене, коя неграмотна и по её просьбе расписался крестьянин Дмитрий Гаврилов.

В Тимоновское волостное правление

Мною 1915г. мая 31 получено отношение командира 14-го стрелкового генерал – фельдмаршала Гурко полка от 14 мая сего года за № 984, в котором сообщает, что рядовой Алексей Герасимович Егоров убит в бою 27 марта сего года.

По справке: Егоров происходит из деревни Олявидовой Тимоновской волости

Приписка волостного старшины: Мною сего числа объявлено жене убитого Алексея Герасимовича Егорова Глафире Николаевне Егоровой. За неё расписался крестьянин села Константиновского Иван Ильич Красотин.

Дмитровский уездный воинский начальник

В Тимоновское волостное правление, 7 мая 1915г.

Предписываю объявить родственникам запасного солдата Михаила Григорьевича Мочалова, что он, как видно из отношения Богородского уездного воинского начальника от 18 апреля 1915 года за № 14385, пропал без вести 30 августа 1914 года.

По справке: Мочалов происходит из крестьян деревни Ковригиной Тимоновской волости.

И так еще миллион с чем-то раз; сколько точно, никто так и не сосчитал, за превратностями революции и гражданской войны.

Казенная сухость и краткость этих извещений характеризует истинное отношение царского режима к людям. И объясняет последующее отношение людей к царскому режиму. Напомним, что у англичан, французов и германцев уже начался складываться другой обычай: обо всех убитых родственникам писал командир роты, немедленно после боя, и непременно с какими-то теплыми, личными словами.

Приключения цесаревича Зальмана

Вниз. Рекрутчина

Герой нашего рассказа родился в 1840 году в Черниговской губернии, он был незаконнорожденным сыном еврейки, проживавшей в маленьком городке Сосница, и при рождении его звали Зальман Мордухаев Рашин. Несложно догадаться, что положение незаконнорожденного в бедной, фанатичной и косной среде провинциальных евреев самое незавидное. В 1852 году маленького Зальмана сдают в рекруты, то есть отправляют служить в армию на 20 лет. Рекрутская повинность ведется по очередности

семей, по сложным правилам (как и у русских), но евреи, кагальная жизнь которых плохо контролируется властями, на все эти правила плюют и сдают в рекруты (нагло подделывая бумаги) детей бедняков и разного рода негодных членов общины – а незаконнорожденные по умолчанию входят в их число. Более того, богатые люди, для детей которых подошел черед идти в рекруты, просто нанимают *ловчиков*, которые выкрадывают детей из бедных семей и сдают их в армию вместо детей богачей. Так что, с большой долей вероятности, маленький Зальман попадает в армию не в свой черед. Кстати, а почему в армию идут дети? Потому что евреев берут в рекруты с двенадцати лет, в то время как всех остальных – с восемнадцати. Потому что они евреи.

Зальман попадает на самое дно николаевской России – в кантонистский батальон, своеобразный гибрид строевой части, школы и тюрьмы для несовершеннолетних. Дисциплина там жесткая, построенная на грубости, формальных физических наказаниях и неформальном рукоприкладстве. Часть кантонистов – солдатские дети, а часть евреи–рекруты. Евреям приходится особенно плохо, их прессуют, чтобы они приняли крещение. Никаких преимуществ крещение не дает, но зато выкресты теряют поддержку товарищей по вере и уже не смогут вернуться после армии в семью. В какой–то момент Зальман крестится и становится Дмитрием Александровичем Рашиным.

Все послабления эпохи Александра II (возвращение малолетних рекрутов семьям до достижения ими 18 лет, преобразование кантонистских батальонов в военные училища с более мягким режимом) проходят мимо Зальмана – они происходят тогда, когда он уже вырос. Юноша Дмитрий Рашин в 18 лет зачисляется на действительную военную службу и попадает на интендантский склад в Тамбове, где становится вахтером.

Вверх. Церковные успехи. План А

К 29 годам Дмитрий Рашин проделывает удивительный номер – он договаривается с полтавским архиереем и военным начальством о том, что его уволят из армии для поступления в монастырь. Что именно он для этого сделал, мы не знаем, но это было фантастическое достижение – в норме солдата, не

дослужившего 8 лет (20 лет службы считается от достижения 18 лет), просто так в монастырь не отпустят (да и не возьмут, очень он там нужен), иначе так вся армия разбежится.

Похоже, что Дмитрий сумел загипнотизировать архиерея, причем по переписке.

И вот новопостриженный монах, которого теперь зовут Зосима, составляет свой удивительный план.

План состоит из трех частей:

1) Производить самое благоприятное впечатление на церковное начальство, выступая перед ним как духовное лицо скромное, молитвенное, но в то же время деятельное и явно достойное служебного продвижения;

2) Использовать служебное продвижения для получения самостоятельной должности, открывающий доступ к проповеди перед народом; привлечь к себе народ, демонстрируя святость жизни и наделенность духовными дарами;

3) Пользуясь независимым служебным положением и авторитетом в народе, разводить на секс простоватых и послушных деревенских девочек – тинейджеров.

Не спрашивайте меня, как и почему в голове вчерашнего солдата из евреев зародился столь несоответствующий всей его предшествующей жизни план. Мы почти ничего не знаем о жизни Зосимы в этот период, кроме скурых сведений послужного списка. Но всё, что происходит с ним дальше, подтверждает существование плана.

Зосиму немедленно рукополагают в иеродиаконь, а в 1872 году его переводят в Иркутск, рукополагают в иеромонахи, и назначают экономом архиерейского дома. Заметим, что положение архиерейской челяди традиционно считается в церкви весьма льготным. Как это всё происходит? Как маленький бедный еврей, получивший ничтожное образование в батальоне (Зосиму даже не взяли в писари), начавший говорить по-русски только после 12 лет – и на фельдфебельском, грязном, бранном, а не на монашеском русском языке – вдруг выучил всё, что полагается знать и уметь иеромонаху, причем речь идет не только о языковых и богослужебных навыках, но и об общем стиле поведения?

Очевидно, что наш герой проявил суперспособности. Надо понимать, что церковная карьера на современный манер, по гомосексуальной линии, в ту простую эпоху была невозможна. Разумеется, архиереи, продвигавшие молодого Зосиму, действительно были почтенными, молитвенными пожилыми людьми.

Через год иркутский епископ Парфений умирает, и Зосима находит себе нового патрона, Енисейского епископа Антония, он уезжает в Красноярск, где снова становится экономом архиерейского дома, и еще, напридачу, благочинным монастырей епархии. В 7 верстах от Красноярска Зосима начинает строить Успенский мужской монастырь, успешно находя для нового дела спонсоров. Из письма енисейского губернатора Лохвицкого мы видим, что *«в короткое время уже многие из завербованных и поступивших в обитель, по распродаже всего своего имущества и по отдаче денег в монастырь, теперь по разным причинам вышедшие из него, остались совершенно без средств к существованию»* — то есть дела у Зосимы идут просто отлично. Но где же в этой истории девочки-подростки? А вот где: кроме мужской, он устраивает еще и женскую общежительную обитель.

Опять же, эта часть истории известна нам смутно, но в 1875 году Зосима ссорится с местным жандармским полковником, начинаются взаимные доносы, и наш герой сбегает в Пензу, где повторяется всё то же самое, но еще лучше. Зосима теперь настоятель небольшого мужского Краснослободского монастыря и духовник Серафимовского женского монастыря.

В 1883 году Зосиму возводят в сан игумена, а в 1886 году его делают архимандритом. Сан архимандрита для той эпохи был невероятной почестью, его носили только настоятели как минимум средних монастырей и ректоры семинарий, архимандритов на всю церковь было 200+ человек, и большинство из них были либо люди пожилые, либо со специальным церковным образованием, а уж евреем, наверное, был один Зосима. В общем, Зосима выступает молодцом.

Тем временем, наш герой не забывал про девочек–подростков. Никаких подробностей мы не знаем, но знаем, что в 1888 году его выгоняют с насиженного места пинками.

Вниз. Церковные гонения

Зосиму загоняют за можай – посылают в Соловецкий монастырь под строгий надзор настоятеля. Это почти что максимум наказания, который может достаться священнослужителю – в церкви эпохи знаменитого обер–прокурора Победоносцева не принято выносить сор из избы, проштрафившихся духовных крайне редко запрещают в служении, почти что никогда не лишают сана. Самое суровое наказание – быть посланным далеко–далеко, и теперь эта судьба досталась Зосиме.

Зосима сопротивляется, пишет доносы на настоятеля Соловецкого монастыря, и его переводят в совсем уже дикую глушь, в Николо–Прилуцкий монастырь в 40 км от Великого Устюга. Казалось бы, впору вешаться. Но не таков Зосима. Из письма епископа мы видим, что *«арх. Зосима ведет своеобразную жизнь, не правит своей чреды служения, а вместо того только самовольно исповедует богомольцев, и преимущественно женского пола, самовольно отличает в соседние села, в которых живут состоятельные лица, искусственно притворяется необычайно благочестивым, и через всё это производит соблазн и расстройство в церковной жизни»*.

В общем, на великоустюжского епископа чары Зосимы не произвели впечатления, и в 1892 году его переводят на церковную гауптвахту, в Спасо–Евфимиевский монастырь в Суздале. Это единственное место в православной церкви, где есть настоящая тюрьма, куда тебя без всякого приговора могут запереть на любой срок. Пользуются тюрьмой крайне редко, там обычно сидят буквально 2–3 человека, и Зосима теперь в миллиметре от того, чтобы попасть в число этих несчастливцев.

Зосима вяло собачится с начальством монастыря, пишет очередные доносы, и ему придумывают наказание еще хуже. Его посылают в Пермскую епархию, а там отправляют за 200 км в Красноуфимск (дикая глушь), а оттуда посылают просто в самую

жопу мира – еще за 150 км, в маленькое черемисское село Сарсы. Теперь Зосима назначен миссионером среди язычников, у него нет прихода, нет средств, и ему предстоит обращаться в христианство марийцев, и даже марийцев – то в Пермской епархии почти что нет, их там всего 15 тысяч. Марийцы дики, бедны, христианством не интересуются, и предшественники Зосимы считали удачей, когда им удавалось окрестить по десять человек в год и при этом не умереть с голода. Это дно.

И на этом дне упорный Зосима начинает строить свой счастливый мир неограниченного секса с девочками – подростками.

Вверх. Полный успех плана А

Оказавшись в глуши, Зосима снова начинает делать то, что он хорошо умеет: организовывать женский монастырь. Находятся спонсоры, кто-то дарит землю, кто-то дает деньги, строятся новые здания, и через год монастырь уже действует. Деньги, кстати, огромные, особенно для такой бедной глуши – за шесть лет Зосима тратит на постройки 175.000 рублей, то есть около 1.8 млн долларов на современные деньги.

Зосима не повторяет старых ошибок, доведших его до беды. Раньше он проделывал свои фокусы в монастырях, а за ними всегда есть кое-какой надзор, за беспорядками следуют жалобы и проверки. Новый монастырь Зосимы – это такой кот Шредингера, он одновременно и монастырь, и не монастырь. Со стороны, глазами спонсоров и кандидаток в монахини, всё выглядит как монастырь – ограда, разные корпуса, во главе дела монах в рясе. Но по документам никакого монастыря нет, это просто частная усадьба Зосимы, принадлежащие ему лично здания, и местные крестьянки, решившие пожить в гостях в усадьбе Зосимы. Разумеется, собственностью Зосимы являются и все пожертвованные на монастырь деньги.

Народ, пораженный духовными способностями старца и его даром исцеления, валит в монастырь валом. Духовные способности, для примера, были такие: *«Он постоянно говорил, что он находится под влиянием Св. Духа; иногда за обедом иди чаем засыпал в кресле и говорил с Божией Матерью, или ловил руками*

Христа, то есть протягивал руки вперед и двигал ими таким образом, как будто хотел поймать что-то. Обыкновенно, после таких случаев о. Зосима спрашивал, было ли над ним сияние, было ли «тепленько» и к этому добавлял: «Христос ко мне явился, Христа я видел».

Любил о. Зосима и лечить, своим особым образом, деревенских баб; вот пример лечения женщины, жаловавшейся на боли «в нутре»: «он осмотрел сначала у нее груди, а потом брюхо, и высказал, что пьяный муж или другой мужик свернул у нее матку, и что он – Зосима – поправит это; что далее происходило, женщина не сказала, а только объяснила, что убежала из комнаты». Бабы, в целом, любили зосимину игру в доктора, ищущие излечения шли в монастырь тысячами.

Монастырь быстро развивается, и через три-четыре года в нем уже живет около сотни женщин, отчасти сестер, отчасти воспитанниц приюта. И почти все из тех, кто находится в возрасте от 13 до 19 лет (Зосима любил тинейджеров в буквальном смысле слова) составляют личный гарем архимандрита.

Свита из юных девушек сопровождает его повсюду, одна из них всегда остается в его покоях на ночь (и этого никто не скрывает). Когда монастырский священник спрашивает Зосиму, не неприлично ли это, тот отвечает, что вот если бы ему прислуживали мальчики, вот тогда люди бы подумали неладное (упс!), а общение старого монаха с юными девицами вне всяких подозрений.

Господствует абсолютный культ личности старца, насельницы зовут его исключительно «папочкой», все непрерывно суется вокруг него, стараясь ему услужить, плачут, если архимандрит в плохом настроении, падают в ноги, если архимандрит чем-то недоволен. Собственных мнений у сестер нет, из монастыря их не выпускают, встречаться с родными им разрешают только в присутствии о. Зосимы.

Одна из сестер пытается занять место старшей любовницы архимандрита, ревнует, устраивает сцены другим девушкам, и ее быстро выгоняют из монастыря.

Некоторые сестры простужаются, у них прекращаются менструации и они толстеют. Но Зосима лечит их, давая им выпить какой-то белой жидкости, после которой всё приходит в норму.

И так далее. Отличное резюме устройства монастыря сделал епископ Петр, сказавший монастырскому священнику, просившему убрать его из обители: *«ваш архимандрит живет с монашками как турецкий паша»*. Почему епископ был так равнодушен к ситуации? Напоминаем, что монашки на самом деле никакие не монашки, это просто частные гости в частном доме Зосимы, церковным властям нет до них дела.

Но, как читатель уже заметил, периоды движения вверх в жизни Зосимы всегда заканчивались периодами движения вниз. В конце 1901 года несколько насельниц Боголюбской обители подают новому архиерею жалобы, в которых обвиняют Зосиму в изнасилованиях и растлении.

Вниз. План А перестает работать. Новый план Б

В конце 1902 года епископ Петр, которого Зосима сумел как следует очаровать, умирает, его сменяет епископ Иоанн, который знает о Зосиме лишь то, что его обвиняют в изнасилованиях. Жалобы приводят к тому, что Зосиму, как то всегда делается при скандалах, немедленно переводят, на этот раз в Почаевскую лавру на Волыни. Это особенное издевательство. Почаевская лавра – центр церковного черносотенства и жидоборчества. Под руководством фанатичного архимандрита Виталия лаврская типография закидывает всю страну брошюрами о злодеяниях жидов. В общем, маленькому (Зосима был ростом 154 см) старенькому еврею-педофилу в Почаевской лавре 1903 года совсем не место.

Но пострадавших это не удовлетворяет, и через год, в конце 1902 года, они подают жалобу прокурору. Это немедленно меняет всё. Проводится короткое предварительное следствие, пострадавшие повторяют обвинения, возбуждается следственное производство. Зосиму не арестовывают, и даже не запрещают в служении, но дело уже принимает необратимый оборот.

Следствие идет медленно и занимает 2.5 года (сменилось три следователя), но постепенно картина выясняется. Следствие не

хочет, чтобы высокопоставленное духовное лицо пало жертвой оговора со стороны двух–трех женщин, так что опрошено очень много свидетелей, устанавливается не только то, на что жаловались пострадавшие, но и вся обстановка жизни в монастыре. Опрошенные делятся на две партии: одни продолжают считать Зосиму духовным старцем, другие откровенно рассказывают о его сексуальных похождениях, отчасти по собственному опыту, отчасти по пересказу. Набирается так много материала, что следователю пора выбирать эпизоды, из которых будет составлено обвинение. Разумеется, отбрасываются все случаи секса с совершеннолетними по согласию, не находится доказательств для подпольных аборт, и наконец, следователь решает не использовать даже неудавшиеся покушения на изнасилование. Остаются два эпизода: изнасилования двух девочек, воспитанниц монастырского приюта, 12 и 14 лет. Обстоятельства преступления простые: девочки остались на ночь дежурить в покоях архимандрита, тот внезапно напал на них и изнасиловал, не входя в какие–либо объяснения и не тратя время на ухаживание.

Зосиму допрашивает в Почаеве местный следователь, и архимандрит ведет себя неадекватно, вначале он долго и подробно рассказывает о своих великих заслугах (что не имеет отношения к делу), но по делу не сообщает ничего, кроме того, что он невиновен и на него клеветают; на прямые вопросы по эпизодам обвинения он отказывается отвечать. Что–то совсем странное Зосима отвечает на вопрос о его происхождении – это столь великая тайна, что ее он готов открыть лишь государю императору лично.

По ходу следствия Зосиму потихоньку прижимают: ему запрещаются переписываться с последователями в Сарсах, изымают документы, под самый конец запрещают в служении. В сентябре 1905 года дело назначается к слушанию. Зосима, продолжая вести себя неадекватно, отказывается читать следственное дело и обвинительный акт.

Суд приходится на самое тревожное для страны время – конец сентября 1905 года – и проходит за закрытыми дверями (что нормально для сексуальных преступлений против несовершеннолетних), поэтому в обществе на него не обращают

внимания. Зосима отказывается от услуг адвоката, не признает себя виновным, отказывается защищать себя, не опрашивает свидетелей обвинения, не требует вызвать свидетелей со своей стороны. Так как Зосима не защищается, суд укладывается в один день. Никаких шансов у Зосимы нет – в дореволюционном суде присяжных очень сильно состязательное начало, для признания виновным обвинению достаточно быть убедительнее защиты. Присяжные признают его виновным, и суд приговаривает его к 11 годам каторжных работ; так как Зосима уже стар и слаб для каторги, по закону наказание ему заменяют на 16.5 лет тюремного заключения. Очень серьезно для 65–летнего человека. Приговор представляется на усмотрение царя (что обязательно для приговоров духовным лицам) и, как назло, попадает ему на стол 9 декабря – революция в самом разгаре, идет волна погромов, в Москве начинается восстание. Царь утверждает приговор, хотя в более мирное время скорее всего смягчил бы его.

Заметим, что суд был формально прав, но вообще–то, маловменяемое поведение Зосимы (тайна рождения, открываемая лишь царю, заявление о невиновности при отказе защищать себя) являлось достаточным основанием для назначения психиатрической экспертизы.

План А провалился навсегда. Неунывающий Зосима составляет План Б, состоящий также из трех частей:

1) Производить на всех, кто может повлиять на его судьбу, впечатление святого старца, несправедливо подвергнутого осуждению;

2) Добиться помилования;

3) После смерти стать православным святым.

Как мы видим, план Б еще труднее для исполнения, чем был план А. Но нет препятствий, которые Зосима не преодолел бы.

Вверх. Святой в темнице

Бывший архимандрит Зосима производит замечательное впечатление на всех начальствующих лиц, с которыми он соприкасается в тюрьме. Это воистину святой старец, добрый, кроткий, приветливый, скромный, всегда погруженный в молитву.

Невозможно представить, что он осужден за дело. Судебная ошибка очевидна. Правда, другие заключенные его ненавидят, но начальства выделяет ему отдельную камеру, которую он превращает в монашескую келью: кругом иконы, Зосима носит мантию и клобук. Зосима, как положена подвижнику, истязает плоть, нося 8-килограммовый железный *параман* (в норме это тканевый платок, носимый монахами на спине, как рюкзак). Зосима рассказывает всем о своей невинности, но прощает клеветников. Он осужден лишь потому, что как духовный отец, он не посчитал возможным выдать тайну исповеди.

Зосима посылает в самые разные инстанции прошения о помиловании (иногда поддерживаемые губернаторами), но ему отказывают.

В 1911 году Зосима, находящийся на тот момент в виленской тюрьме, знакомится с отставным военным судьей генерал-майором Жиркевичем, посещающим тюрьмы в качестве правозащитника. Жиркевич – очень интересный, талантливый, добрый и благородный человек, поэт и писатель, приятель многих выдающихся деятелей культуры, активист, хлопочущий об улучшении положения заключенных на гауптвахтах и в военных тюрьмах. Недавно изданы дневники Жиркевича, и видно, что по-человечески он крайне симпатичен.

Мы не знаем, что именно сделал Зосима с Жиркевичем, видимо, он подверг его какому-то особенному боевому гипнозу. Во всяком случае, ему удалось убедить Жиркевича в том, что он:

- является внебрачным сыном императора Александра II (и при этом старшим сыном, то есть тайным цесаревичем!);

- был устроен любимшим его дедушкой (Николаем I) в инженерное училище в Петербурге, после чего служил в армии офицером;

- всю жизнь состоял в переписке с различными особами императорской фамилии, признающими свое родство с ним;

- не мог никого насиловать по определению, так как, в виде аскетического подвига, оскотил себя перед принятием священного сана;

— осужден потому, что двое из трех судей были прибалтийские бароны, Лозен и Медем, ненавидящие всё православное (таких судей вообще не было в составе пермского окружного суда).

Жиркевич присоединяется к группе хлопочущих за Зосиму чиновников и общественных деятелей, и наконец, в декабре 1911 года, государь, по представлению министра юстиции, освобождает Зосиму от отбытия оставшейся части наказания, заменяя его на пятилетнее пребывание под надзором в монастыре.

Жиркевич отвозит Зосиму в выбранный Синодом для его пребывания Судергский монастырь в Ковенской губернии, где он через месяц умирает, окруженный всеобщей любовью и уважением. Зосиму хоронят на братском кладбище монастыря, хотя он завещал похоронить себя в Сарсах.

Вверх. На небеса

Зосима умирает, но Жиркевич продолжает трудиться для увековечивания его памяти. Он издает две книжки, одна является биографией Зосимы, другая, «Архимандрит Зосима был невинен», посвящена истории его процесса и разбору жалоб. Книжки печатаются большим тиражом, их бесплатно раздают в церквях. Монастырь в Сарсах в 1902 году (сразу после перевода Зосимы в Почаев) получает формальный статус, там появляется настоятельница, обитель продолжает процветать. О Зосиме сохраняется достаточно хорошая память – всех, кто считал его насильником, из монастыря выживают. После революции монастырь разгоняют, а его здания постепенно разрушаются.

В 2008 году в Сарсах возрождается женский монастырь. В 2012 году монахини отправляются в Литву, и выкапывают на кладбище Судргского монастыря труп Зосимы.

Труп увозят в Сарсы, одевают в ризы архимандрита, но не хоронят, а обращаются с ним так, как положено поступать со святыми – укладывают в раку, расположенную по левую сторону от алтаря монастырской церкви. По праздникам раку открывают, и богомольцы могут полюбоваться тем, что осталось от Зосимы, и, если повезет, поцеловаться с его трупом. Зосима не

канонизирован, но в монастыре его воспринимают как местночтимого святого.

В общем–то, план Б сработал, пускай и не идеально.

А вот текст присяги, принесенной юным Зальманом:

Именем Адонаи живого, всемогущего и вечного Бога израильтян клянусь, что желаю и буду служить Российскому императору и Российскому государству, когда и как назначено мне будет во все время службы, с полным повиновением военному начальству так же верно, как бы был обязан служить для защиты законов земли Израильской. Произнося сии слова, не изменяю оных в своем сердце, но принимаю в том смысле, в каком произношу их перед приводящими меня к присяге; не говорил и не буду говорить о настоящей присяге, что даю или давал оную с намерением не исполнять оной; одним словом, не буду искать ни принимать ни от кого никакого средства к нарушению оной. Но если по слабости своей или по чьему внушению нарушу даваемую мною на верность военной службе присягу, то да падет проклятие вечное на мою душу и да постигнет оно вместе со мною все мое семейство. Аминь

Как был устроен дореволюционный университет

Продолжение серии рассказов о том, как и что было устроено в поздней имперской России.

В первой части поста мы расскажем самое удивительное — как был организован учебный процесс. Во второй, более скучной — как был устроен сам университет, из чего он состоял, как работали преподаватели.

Как была устроена учеба в университете

Тому, кто привык к советской/российской вузовской учебной системе, тяжело поверить, что в царском университете **не было ни учебных групп, ни разделения на курсы**. Точнее, полугодия и курсы были, но только в таблице учебного плана. Но никто не требовал от студентов на первом году обучения слушать дисциплины исключительно первого курса, на втором — второго и т.п. На лекции можно было перед началом полугодия записываться

в любом составе и порядке, только бы студент записался не менее чем на 8 лекционных часов в неделю (при том что полный курс по учебному плану предусматривал 20–25 часов в неделю). Кстати, академические часы были 50–минутными, и только немногие важные курсы шли привычными сегодня парами.

Учебные курсы делились на обязательные и рекомендуемые, посещение последних было полностью добровольным и не влияло на получение диплома. Разрешалось и записываться на курсы других факультетов. В теории, несколько преподавателей могли читать один и тот же курс параллельно, а студенты могли выбирать; в действительности такое случалось редко.

Учебных групп же не существовало вовсе, все студенты, записавшиеся на один курс, составляли единый пул. На обязательные курсы юридического факультета в Петербурге в начале 20 века записывалось по 800–900 человек, которые, явись они в один день, просто не вместились в аудиторию. Понятно, что семинары в таких условиях были редкостью, и происходили они больше на малолюдном историко–филологическом факультете, или на физико–математическом факультете, где студенты разделялись на 7 научных направлений. Более же всего на современные семинары были похожи необязательные спецкурсы, собиравшие немногих любителей. В целом же дикое многолюдье исключало прямой контакт студентов с профессорами. Основной учебный курс большинством студентов изучался почти что в заочном режиме; большой популярностью пользовались литографированные конспекты. Администрация университетов не только не пыталась контролировать посещаемость, но, скорее, надеялась на то, что значительная часть студентов не доберется до лекций.

Как же тогда осуществлялся контроль над усвоением материала? Вначале единственным методом контроля был **зачет полугодий**. Зачет полугодия производился тогда, когда студент посещал все лекционные курсы и семинары, включенные в учебный план на данное полугодие, и выполнял все работы, входившие в состав этих курсов. Заметим, что это отнюдь не надо было делать в течение одного полугодия. Отдельные зачетные курсы можно было собирать в течении нескольких лет, пока они

соберутся в комплект, обеспечивающий зачет полугодия. Преподаватели имели право устраивать поверочные испытания, которые мы сегодня называем зачетами (то есть оцениваемые по схеме «зачет–незачет»). Там, где на курсах было мало студентов, зачеты были похожи на современные, но на многолюдных курсах зачеты то ли делались несерьезными, то ли их ставили подряд всем, кого профессор запомнил на лекциях, а то и просто всем подряд — это было полностью оставлено на усмотрение преподавателя.

Учеба в университете длилась **4 года** (у врачей 5 лет), но студенты имели полное право растягивать ее до 7.5 лет, при этом можно было как учиться непрерывно, но в медленном темпе (за каждый семестр студент платил отдельно), так и вовсе пропускать (не внося платы) до трех семестров сразу и до 5 семестров за всё время обучения. Для того, чтобы пропустить три семестра, не требовалось даже писать заявление, в этот срок не плативших и не учившихся университет не имел права исключать. Университетское начальство всегда было добрее, чем требовал устав, и так называемых «вечных» студентов на самом деле не исключали и по прошествии положенных 7.5 лет; в начале 20 века около четверти студентов училось восьмой год и более.

Те, у кого набиралось восемь зачетных полугодий, имели право получить **выпускное свидетельство** (не дававшее прав высшего образования) и записаться на ближайшие **экзамены**, принимавшиеся государственной комиссией (некоторый аналог нынешних госэкзаменов). У юристов, например, таких экзаменов было восемь, они охватывали дисциплины, читаемые на разных годах обучения, и при этом каждый из экзаменов перекрывал несколько прослушанных курсов.

На экзаменах были три оценки: неудовлетворительно, удовлетворительно, весьма удовлетворительно. Получившим как минимум половину «весьма» и сдавшим необязательную письменную работу (аналог нынешней дипломной работы) выдавали диплом I степени, а всем остальным диплом II степени; большого толку в дальнейшей жизни от получения именно диплома I степени не было.

Не будем говорить о том, что никто не заставлял выпускников сдавать такую массу экзаменов за одну сессию. Напротив, экзамены можно было сдавать когда угодно, в любом другом университете, по одному и хоть несколько лет подряд.

В середине 1890-х годов было решено, что студенты как-то слишком разболтались, и министерство придумало *полукурсовые* испытания. Избави бог подумать, что полкурса это полгода, имелась в виду половина учебного курса, то есть два года. Теперь, чтобы зачесть четвертое и восьмое полугодие, надо было сдать еще и небольшой (3–5) набор экзаменов. Разумеется, не было речи о том, чтобы заставить несчастных студентов сдавать такую массу экзаменов сразу же по прослушании дисциплины, или же по окончании полкурса. Профессора чаще всего растягивали прием экзаменов на весь год, принимая их раз в месяц, или раз в две недели. Кстати, если мы вспомним, что на курсах было по 800 студентов, сдача экзамена становилась сложной задачей, преподаватели по-любому были просто вынуждены делить ее на 8–10 дней, а студенты проводили специальные жеребьевки, чтобы распределить себя по дням.

Полукурсовые экзамены нужно было сдавать не реже, чем раз в восемь полугодий. То есть, если ты не прошел программу двух курсов за четыре года, тебя выгоняли. У не сдавшего экзамен было право на две переэкзаменовки. Напомним, что с переэкзаменовкой надо было уложиться не к концу отдельной сессии, а в четырехлетний период. Но и у тех, кто не справился с этой сложной задачей, был свой шанс — можно было уговорить начальство разрешить остаться на повторительный курс, то есть тебе давали пятый год для освоения двухлетней половины учебного курса. Удивительно, но и при такой мягкости университеты не оканчивало чуть более трети поступивших.

Учились шесть дней в неделю, с 20 августа по 20 декабря и с 15 января по 30 мая. На самом деле, с учетом экзаменационного времени и разнообразных праздников, лекции реально читались от 20 до 22 полных недель в году.

Как был устроен университет

Стандартный университет состоял из четырех факультетов — юридического, историко-филологического, физико-математического и медицинского. Так были устроены Московский, Киевский, Новороссийский (в Одессе), Харьковский, Казанский, Варшавский университеты. В Петербургском университете не было медицинского факультета (считалось, что для города достаточно Военно-медицинской академии), но зато был очень маленький восточный. В Юрьевском (Дерптском) университете был еще и лютеранский богословский факультет. Томский университет состоял из медицинского и юридического факультетов, а Саратовский и вовсе из одного медицинского факультета.

Факультеты были разноразмерными. Для примера, в Московском университете в 1910 году на юридическом факультете было 3890 человек, на медицинском 2200, на физико-математическом 2800, на историко-филологическом 970. Университеты также были разноразмерными, в Московском, самом большом, перед войной было 9.1 тыс. студентов, в Казанском, самом маленьком из полнокомплектных — 1.9 тыс.

На 1913 год во всех университетах училось 34 тыс. человек, при том что во всех других казенных гражданских высших учебных заведениях было 29 тыс. студентов.

На кого учили в университете

Главных направления в университетах всегда было два — медицинское и юридическое. С врачами всё понятно. Юридический же факультет готовил не столько юристов (вакансий чисто правового/судебного характера было раз в пять меньше, чем выпускников), сколько чиновников, для которых юридический диплом считался нормой.

Историко-филологический факультет вернее было бы называть общегуманитарным, а физико-математический — естественнонаучным, так как преподавался на этих факультетах куда более широкий круг предметов, чем следовало из названий, например, на физико-математическом преподавались физиология, зоология, ботаника. Оба этих факультета по существу готовили учителей для средних учебных заведений (количество

ученых в России того времени было ничтожным), но и из этих факультетов также легко принимали в чиновники. Несмотря на одинаковые карьерные перспективы выпускников двух научных факультетов, гуманитарные науки были значительно менее популярны.

Восточный факультет готовил чиновников для дипломатической службы в Азии.

Надо понимать, что практически все студенты университета были нацелены на государственную службу или педагогическую деятельность, которая тогда также была разновидностью государственной службы (даже учителя частных средних учебных заведений имели права чиновников). Разумеется, университетское образование не было препятствием к любого рода частной службе, но, ясное дело, дипломы технических и коммерческих вузов у бизнеса котировались выше. На этом фоне продолжавшееся десятилетиями непрерывные волнения и стачки в университетах, да и в целом типичный для студентов антиправительственный настрой, выглядят еще более удивительными.

Как можно было поступить в университет

В университете не было вступительных экзаменов. Выпускники гимназий поступали в университет по заявлению, причем в теории аттестат зрелости (то есть свидетельство об окончании гимназии) уже гарантировал поступление.

Выпускники всех прочих средних учебных заведений (реальных училищ, коммерческих училищ, кадетских корпусов), где не преподавали латынь, должны были предварительно сдать экзамен за весь гимназический курс латыни. Это было очень сложной задачей, и число абитуриентов–негимназистов обычно не превышало 10–15% от общего числа студентов. До начала 1900–х всех их отсылали с малолюдный, неудобный для русских Варшавский университет.

Выпускников духовных семинарий (а они почти поголовно мечтали сбежать из духовного ведомства), знавших латынь, принимали после сдачи экзаменов по гимназическому курсу математики и физики; до середины 1900–х их брали только в Томский университет.

В теории, Министерство народного просвещения, к которому и принадлежали почти все средние учебные заведения, должно было как-то позаботиться о том, чтобы число лиц с аттестатом зрелости, желающих поступать в университеты, и число мест в университетах совпадали. На самом деле непрерывно происходили нестыковки — гимназии росли быстрее, чем университеты, штаты (то есть количество профессоров) которых не изменялись с 1863 по 1917 год.

Вначале министерство попыталось прикрепить выпускников каждого учебного округа к находящемуся в нем университету, но план работал плохо: все, кто мечтал о карьере, стремились в столицу (там был больше шанс завести во время учебы полезные связи), все, кто мечтал об интересной студенческой жизни и о постижении наук, стремились в Москву. Родственные связи, знакомства и рекомендации, как всегда бывает, прорывали бюрократические барьеры.

В какие-то годы абитуриентов, подавших прошение позже всех, могли, за отсутствием вакансий, просить либо поступить в другой, менее популярный университет, либо явиться на следующий год. Понятно, что это только ухудшало положение на будущее. Но, в любом случае, устройство конкурса или вступительных экзаменов было юридически невозможным.

К началу 20 века МНП плюнуло на разноразмерность университетов и перестало с ней бороться. Теперь столичные суперуниверситеты просто принимали всех желающих, компенсируя ничтожное количество профессоров наймом неполноправных приват-доцентов (см. далее), расходы на содержание которых покрывались из платы за учебу. Но развивать здания университетов с той же скоростью, с какой развивалась сеть гимназий, не получалось. Аудитории всё более и более переполнялись, что и привело в конце концов к поощрению учебным начальством практически заочного стиля обучения.

Плата за учебу. Гонорарная система

Студенты платили 25 рублей за полугодие плюс гонорар, который напрямую поступал преподавателю. Гонорар составлял 1 рубль за недельный час в полугодие (в полном расписании лекций

было 20–22 часа в неделю для одного года обучения. Перед началом семестра студенты заполняли запись (обязательно было выбрать хотя бы 8 часов в неделю), оплачивали выбранные часы, и названия оплаченных курсов переписывали им в *матрикул* (сегодня он называется зачеткой). За государственные испытания (финальные экзамены) платили еще 20 рублей.

Большие университеты приблизительно на 50% финансировались казной по штату, эти деньги шли на фиксированные оклады профессоров, на вспомогательный персонал и на содержание зданий, 30% составляла плата за учебу, это были собственные средства университета, распределяемые его правлением по своему усмотрению (реально из них оплачивали приват–доцентов), и 20% гонорара шло преподавателям напрямую.

15% наиболее нуждавшихся студентов университет имел право освобождать от платы за обучение. Еще 10–15% студентов получали разнообразные казенные и частные стипендии, превышавшие по размеру плату за обучение.

Общая сумма расходов на обучение студента в больших университетах была около 130 рублей, совсем немного, заметно меньше, чем в приличной гимназии.

Преподаватели

Преподаватели делились на две касты — штатных и младших. Штатные преподаватели это *ординарные профессора* (3000 рублей в год) и *экстраординарные профессора* (2000 рублей в год). Ничем, кроме названия и размера жалованья эти профессора не различались. Через 30 лет учебной службы профессор получал звание заслуженного, пенсию в размере оклада, и мог оставаться преподавать на условии уменьшения жалованья до 1200 рублей. Учебная нагрузка на профессоров была маленькая, нормой считалось 6 лекционных часов в неделю.

Младшие преподаватели это *приват–доценты*, парии академического мира. Приват–доценты рассматривались как стажеры–добровольцы, не считались на государственной службе, не выслуживали чина, не имели фиксированного жалованья, но получали гонорар на общих условиях. Чаще всего, университеты

доплачивали им из собственных средств 600–800–1000 рублей. Деньги эти были маленькие, и приват–доценты всегда прирабатывали еще в 2–3 учебных заведениях. В больших университетах приват–доцентов было в 5–8 раз больше, чем профессоров, то есть шанс дослужиться до профессора был далеко не у каждого.

Гонорар распределялся формально справедливо, но исключительно неравномерно. Профессор юридического факультета, читавший 10 лекций в неделю 800 студентам юридического факультета, получал 16 тысяч рублей в год. Приват–доцент на историко–филологическом, читавший 2 часа в неделю необязательный спецкурс перед 20 заинтересовавшимися — 80 рублей в год. Можно догадаться, как эти два персонажа относились друг к другу.

Основная проблема университета состояла в объективной нехватке денег, приведившей к небольшому объему реально совершаемого преподавательского труда. В принципе, на одного преподавателя приходилось около 30 студентов, это еще кое как терпимо. Но эти преподаватели читали в среднем 3–4 часа в неделю, а у студентов в расписании было 20–24 — а это уже значило, что на одну читаемую лекцию / проводимый семинар в среднем приходилось 160–200 записавшихся студентов. Разумеется, о любого рода индивидуальной работе преподавателя со студентом при таком соотношении приходилось забывать, учебная система сама собой скатывалась в полузаочную, а для самых ленивых — и просто в заочную.

Сто лет русской тюрьмы как нарастание неэффективности

Это маленькое исследование посвящено тому, что произошло с производительностью труда в госсекторе за сто лет. Тюрьма составляет отличный предмет для сравнения. Основной технологический процесс не изменился вовсе: заключенные сидят в камерах, выполняют все возможные работы по хозяйству тюрьмы, тюремщики приглядывают за порядком и охраняют наружный периметр тюрьмы. Есть и весь набор данных для сравнения.

В настоящий момент в местах лишения свободы разного рода и следственных изоляторах находятся 517 тысяч человек (один человек под стражей на 287 свободных). Их караулят 220 тысяч тюремщиков – эти засекреченные данные удалось разузнать их тендера на покупку услуг страхования тюремщиков. Итого, на одного тюремщика приходится 2.35 заключенного.

А как обстояло дело с зеками и тюремщиками при добром батюшке–царе Николае Кровавом? Разумеется, тут в нашем распоряжении имеется статистика примерно в двадцать раз подробнее современной (типично для всех отраслей государственной жизни).

В 1913 году в местах лишения свободы содержалось под стражей 178 тысяч человек (один человек под стражей на 919 свободных). Их караулили 18 тыс. тюремщиков, 16 тыс. чинов конвойных команд, и, так как тюремщиков не хватало, к окарауливанию тюрем привлекали средним числом 4 тыс. солдат. Итого, функции современных сотрудников УФСИН выполняло около 38 тыс. человек. На одного тюремщика приходилось 4.7 заключенных, ровно в два раза больше нынешнего.

Теперь посмотрим поподробнее:

— Современный тюремщик работает 40 часов в неделю, а царский работал 72, как работали городовые, служащие на железных дорогах и тому подобные маленькие люди (шесть дней в неделю по 12 часов), и еще у них отпуска не было, то есть, вроде бы, 38 тыс. тюремщиков старого времени по отработанным часам

соответствуют 75 тыс. современных. Это значит, что если дореволюционные рабочие места были устроены по современным условиям труда, то на тюремщика пришлось бы 4,63 заключенных, ровно как сейчас и выходит. То есть, по существу, ничего не изменилось, кроме как улучшились условия труда.

— Но теперь мы должны принять в рассмотрение изменившиеся технологии. Самые сильные изменения произошли в перевозке заключенных. На железной дороге вагон для заключенных остался приблизительно тем же, но, конечно, он движется немного быстрее – при царе все поезда, кроме курьерских пассажирских, проходили не более 300 км в сутки. А вот колесный транспорт изменился. Сейчас от тюрьмы до ближайшей станции заключенных перевозили в автозаке, причем практически всегда удается уложиться туда и обратно в полдня, так что в машине едет одна смена. В старину заключенные шли по этапу пешком, и только больных и старых везли в телеге. Перевозка небольшой партии заключенных от тюрьмы до станции на 100 км сегодня дело для трех–четырёх тюремщиков на 3–4 часа. Раньше это требовало как минимум 10 человек (одни спят, другие караулят) и занимало 4 дня.

— Не меньшие изменения произошли в тюрьме. Появились колючая проволока, видеонаблюдение, дистанционное управление дверями и сигнализация. Следить за заключенными, охранять периметр, контролировать двери, разделяющие тюрьму на разные зоны теперь можно со значительно меньшими трудозатратами. В старой тюрьме заключенные (наиболее безобидные) регулярно выводились в город для хозработ: привезти дрова или провизию, вывезти говно и т.п., и их надо было при этом караулить. Теперь таких проблем нет.

— В центральном аппарате сейчас УФСИН работает 745 человек (сведения 2015 года, без учета обслуживающего персонала), один штатной на 295 тюремщиков. В Главном тюремном управлении в 1903 году работало 88 человек, один штатной на 432 тюремщика. Но у этих 88 служащих не было компьютеров, интернета, калькуляторов, не было даже ксероксов. Они печатали на машинке, причем получалось не более трех копий, считали на счетах, отправляли документы не электронной

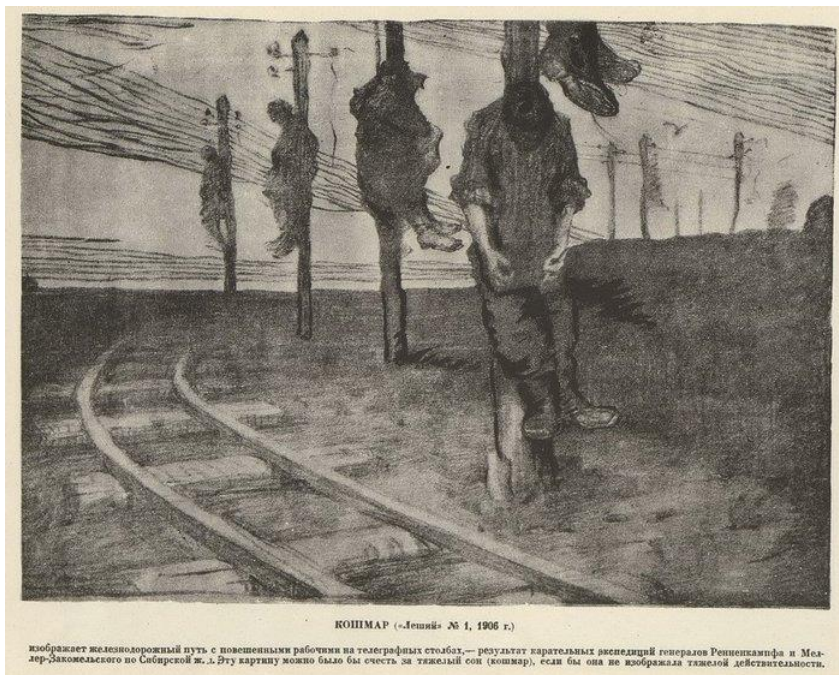
почтой, а в конвертах, которые надо надписать и заклеить, и т.п. Но ничего, справились.

В общем, картина понятная: технологии облегчают труд людей и увеличивают его производительность (например, один тюремщик, сидящий за мониторами, одновременно следит за десятью местами в тюрьме), но в госсекторе меньше народу не становится. Как только новые технологии освобождают одного человека от настоящей работы, для него тут же придумывают фальшивую.

К чести царского правительства, ситуация, в которой один тюремщик приходится на 4250 подданных и один заключенный на 920 подданных, казалось ему непреодолимым пределом. Как только число заключенных и тюремщиков стало подходить к этому пику (это 1909–10 годы, последствия революции 1905–07 годов), и ситуация в тюрьмах осложнилась, что в части условий содержания, что в части побегов и нападений, правительство решило не нанимать новых тюремщиков, а сокращать число заключенных. Были приняты законы об условном осуждении и условно-досрочном освобождении, а в 1913 году (по случаю 300-летия династии) объявили широкую амнистию. Вот бы нам такой подход сегодня.

1906 год: Епископ Мефодий и милость к падшим

Маленький пост про нравы позднеимперской России, материал для которого извлечен вот из этой интересной книжки.

Контекст событий следующий: зимой 1905–06 года Сибирская железная дорога забита войсками, возвращающимися в Европейскую Россию с фронта Русско–японской войны. Страна находится на максимуме революционизации, а дисциплина в частях, находящих в эшелонах – на максимуме упадка. Железнодорожники бастуют, поезда застревают, солдаты выходят из повиновения и начинают хулиганить, местные жители разграбляют застрявшие на станциях грузы. В конце концов в Забайкальской области железная дорога вообще перестает

подчиняться центральной власти и останавливается, а страна оказывается разрезанной на две несообщающиеся части.

Правительство посылает на Сибирскую железную дорогу две карательные экспедиции под руководством генералов Ренненкампа и барона Меллера–Закомельского, первая двигалась в восток на запад, а вторая ей навстречу. Деятельность экспедиций заключается в том, что поезд с верными правительству войсками без объявления прибывает на охваченную революцией станцию, всех, кто попался на глаза, арестовывают, кое–кого (на кого указали опрошенные как на заядлого революционера) тут же расстреливают без суда, прочих либо предадут военному суду (который судит очень быстро и весьма многих приговаривает к смертной казни), либо отпускают. Население, ожидавшее, что революция будет выглядеть как веселый праздник всеобщего непослушания, охреневает и ужасается. Поезд с карательной экспедицией уезжает захватывать следующую станцию. Множество людей остается под судом в подвешенном состоянии, родные и близкие боятся, что их тоже ждет страшная участь.

Публикуемая интереснейшая переписка имела место между генералом Ренненкампом, командовавшим экспедицией в Забайкалье, и Читинским епископом Мефодием (Герасимовым). Прошу особо обратить внимание на ловкость, с которой генерал облек в вежливые выражения официального письма совет «*grow a pair*».

Письмо епископа Мефодия

Ваше превосходительство милостивый государь Павел Карлович!

Граждане г. Читы неотступно просят меня ходатайствовать чрез высокопреосвященнейшего митрополита Антония и других лиц пред Его Величеством о замене смертной казни осужденным другим наказанием. Прежде чем решиться исполнить эту просьбу, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство сообщить мне, не станет ли таковое мое действие в противоречие в каком–либо отношении с Вашими взглядами на положение вещей?

*Вашего Превосходительства долг имею быть всепокорнейшим
службой Мефодий, епископ Забайкальский*

Ответ генерала Ренненкампа

Ваше преосвященство!

Как воин и посланный для водворения порядка между ж.д. и телеграфными служащими, увлекшимися мятежом и действиями своими причинившими неисчислимы убытки государству, я естественно должен наказывать виновных по всей строгости законов, но некоторым всё же смягчаю заслуженную ими кару.

Ходатайство граждан я нахожу вполне естественным, однако в настоящее время здесь нет ни одного лица, лишение жизни которого зависело бы от меня.

Ходатайство Ваше, если Вы возбудите, нисколько не будет противоречить моим взглядам, тем более, что и история русская дает много примеров, когда высшие духовные лица выступали ходатаями за самых страшных государственных преступников, видя в них лишь заблудших сынов церкви. Ходатайствуя за осужденных, вы исполните только свой долг и выкажете Вашей пастве свои о ней заботы.

Я лично нисколько не сомневаюсь, что все, за кого Вы будете просить –люди, отказавшиеся от веры и церкви. Почти все казненные до сих пор не только приготавливаясь к смерти, но и перед самой казнью отказывались от исповеди и принятия Св. тайн.

Ренненкампа

Серийный убийца, которого в суматохе не заметили

примѣненіемъ смертной казни къ женщинамъ, и что жена и мать Ливчика не были казнены. Но даже, если мы и окажемся правыми, одинъ фактъ прису-

говорить за себя. Кромѣ того, среди казней за убійства имѣется случай, особо поражающій, но уже не по обстоятельствамъ преступленія, а по времени совершенія самой казни. Это—казнь Осадчаго, въ Харьковѣ, за совершеніе неизвѣстно - большого числа убійствъ, до 100, въ ночь на 20-ое февраля, за день до опубликованія Высочайшаго манифеста. Такимъ образомъ, запозданіе на одинъ день могло сохранить жизнь осужденному Осадчему. Но казнить успѣли. Было ли это случайностью или нѣтъ—трудно сказать. И отъ этого, все равно, ужасъ казни за день до Высочайшаго дарованія жизни не можетъ умалиться.

Осадчий оставилъ еще въ Харьковѣ случаи казни за другія преступленія. За разбой изъ 6 приговоренныхъ—2 казненныхъ; за участіе въ шайкѣ Зелимъ-Хана (нападеніе на инженеровъ) 11 января, во Владикавказѣ, за грабежъ изъ числа 9 приговоренныхъ—1 казненъ: въ сентябрѣ за грабежи

мы также по смертной казни говора.

Относительно 47 человекъ вторжанъ и изъ числа по всего 19 ч группы: крес ихъ казнен 2 чел. (изъ группы (ихъ иногда единичны характерны, и врасноярскѣ, янинъ Бара въ соучастіи во Владикавказѣ, былъ генерала, Ба ямщика пригс чикъ съ жен

Для всякого россиянина иконическим маньяком—серийным убийцей является Андрей Чикатило, казненный в 1994 году. На счету Чикатило 53 жизни, хотя, судя по всему, он убил 60–70 человек, но не все эпизоды удалось доказать.

Между тем из КДПВ читатель может узнать, что в 1913 году в Харькове был повешен некто Осадчий, совершивший около 100 убийств, что, видимо, и составляет печальный рекорд для нашей страны.

Но никто не слышал об Осадчем. Прошло 100+ лет? Дело не в этом, про процесс Бейлиса слышали все, кто хоть по минимуму

интересовался эпохой, есть огромная статья в Википедии, специальные книги о процессе, издана стенограмма, всё находится в интернете. Разумеется, и упоминания дела Бейлиса в мемуарах, письмах, дневниках той эпохи неисчислимы. Но Осадчий не только не остался в истории, но и, похоже, мало впечатлил современников. Только я, с моей маниакальной привычкой читать дореволюционные книги и газеты, сумел всего лишь один раз встретить упоминание Осадчего, и то в статье, которая была посвящена совсем не ему. Нет, конечно же, об Осадчем как-то писали провинциальные газеты (автор цитируемого текста ведь о нем узнал), но вскользь, немного, без энтузиазма. А затем его полностью забыли. Как так вышло?

На КДПВ мы видим обзор применения смертной казни за 1913 год в 1м номере юридической газеты «Право» за 1914 год. Вот тут можно скачать полный текст. Право – газета кадетская, то есть либеральная, для тех времен умеренно оппозиционная. Либералы считают, что смертная казнь должна быть полностью отменена, и ропшут во всех случаях, когда наказание применяется, независимо от наличия и тяжести преступления.

Обзор 1914 года написан в том же духе. Авторы признают, что применение смертной казни резко сократилось, в 1913 году казнено 33 человека (в то время как в 1905–1906 казнили по 2000+ за год). Причины тут три. Во-первых, Первая русская революция давно закончилась, и где-то в 1910 году суды, наконец, сумели справиться с огромной очередью из подсудимых по преступлениям 1905–1907 годов. Во-вторых, по мере охлаждения страстей губернаторы всё реже передают дела на рассмотрение военных судов, а приговоры к смертной казни выносят только они – воинское Уложение о наказаниях суровее общегражданского. В теории, суды общей юрисдикции тоже могут приговаривать к казни за квалифицированное убийство (несколько жертв, особая жестокость и т.п.), но на практике они этого не делают. В-третьих, по поводу 300-летия дома Романовых издан всемилостивейший манифест, содержащий в себе широкую амнистию, в том числе и замену смертной казни каторгой для больших групп осужденных.

Но автор обзора все равно печалуетса обо всех казненных. Интересно его мнение об Осадчем: примечательно тут не то, что

он 100 человек убил, а то, что его казнили за день до Манифеста, еще чуть-чуть, и получил бы бессрочную каторгу, через 10–12 лет содержался бы уже бесконвойно.

Что? Ему неинтересны обстоятельства, при которых маньяк убил сто человек? Да, именно так. Во всём мире похождения страшного серийного убийцы годами были бы на первых страницах газетах, а вот россиян всё это дело как-то не проняло. Заметим, что автора нисколько не заинтересовала и история казни красноярского еврея-шарманщика Ливчика, его жены и матери за убийство; автор заботился лишь тем, правда ли, что казнили женщин (женщины подвергались казни на равных основаниях с мужчинами, но на деле их казнили очень редко). Тоже неинтересно? Неинтересно, что такое сотворили шарманщик, его жена и мать? Да, неинтересно; единственное, что интересует газету «Право» и ее читателей – ныть и потихонечку ругать правительство; живая жизнь в ее экстремальнейших проявлениях (ярким выражением которой являются серийные убийцы) их занимала меньше.

Это, разумеется, проявление чрезмерной увлеченности людей того времени борьбой бобра с ослом. Всё, что не вписывалось в событийный поток данной борьбы, отбрасывалось как не представляющее особого интереса.

Процесс Бейлиса прекрасно вписался в текущий общественный конфликт. Для черносотенцев питье крови христианских младенцев доказывало, что евреев следует гнобить, для либералов сам факт кровавого навета доказывал, что власть состоит из омерзительнейших негодяев без всяких нравственных сдержек. Отсюда и гигантская, без труда преодолевшая столетие, известность дела Бейлиса.

А процесс Осадчего не вписался. Осадчий не был евреем, не был революционером – иначе бы правительство постаралось, чтобы о нем услышали. Хвастаться его поимкой правительству не приходилось, поймали его, мягко говоря, поздно. Так что власти помалкивали. Оппозиция предпочитала не интересоваться делом, так как ужасный маньяк намекал на то, что иногда смертная казнь уместна. В общем, Осадчий был интересен только бульварным газетам, а то, что в них пишут, быстро забывается.

Если посмотреть на дело еще шире, то немотивированные массовые убийства вызывают особый страх именно тем, что они не связаны с социальной ситуацией и, следовательно, их нельзя предотвратить и в будущем. Серийные маньяки, школьные расстрелы будят в людях экзистенциальный ужас, они свидетельствуют о существовании в мире фундаментального зла, которое нельзя предотвратить улучшением работы полиции или изменением формы правления. Но в годы гражданских неурядиц и социальной борьбы голос экзистенциального ужаса примолкает – его заглушает шум текущей борьбы. Таким образом, жители благоустроенных государств до крайности возбуждаются при появлении серийных убийств и тому подобных немотивированных ужасов, а жители государств, пораженных духом розни, слишком увлечены своими текущими раздорами, чтобы волноваться из-за вещей, к этим раздорам не относящимся.

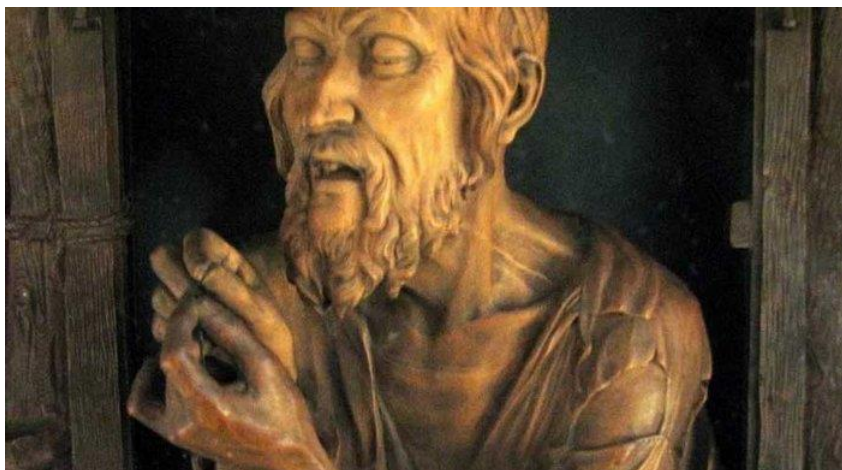
Для примера можно вспомнить освещение на нашем маленьком уютном бложке злодеяния историка доцента Соколова. Как хотелось большинству юзеров вписать ужасающее происшествие в борьбу бобра с ослом! Как важно было доказать, что отпиливание рук явилось следствием привилегированного положения и ватного образа мыслей злодея!

Теперь посмотрим, кто написал эту статью. Автором указанного теста является юрист–меньшевик Яков Леонтьевич Берман, вся последующая жизнь которого была последовательной борьбой за высокие идеалы правосудия и судебный гуманизм. Его вершиной на этом пути была должность заместителя председателя Верховного Суда СССР, которую он занимал в 1933–36 годах. Почему–то на этой должности Берман совсем не возражал, что в стране выносятся около 2 тысяч политических смертных приговоров в год (это мы еще не считаем уголовные). В 1937 году самого гуманиста тоже казнили. Впрочем, можно допустить, что статью написал юрист–большевик Яков Александрович Берман (что менее вероятно, большевики и кадеты в редакции были мало совместимы). Упс! И этот герой в 1918 году был председателем Московского революционно трибунала, истинного образца правосудия. В общем, кое–какие авторы оппозиционной газеты «Право» отличались т.н. «готтентотской моралью» (когда ты

украл у соседа корову, это отлично, когда сосед украл у тебя корову, это гнусное преступление), хотя они как бы выступали против смертной казни, на самом деле их возмущало то, что это не они выносят смертные приговоры.

Почему царизм угнетал евреев?

Литература по дискриминации евреев в царской России огромна, и вся она, как ни странно, не отвечает на один важный вопрос: а почему, собственно говоря, царское правительство упорно и последовательно гнобило евреев? Нет, отнюдь нельзя сказать, что объяснений не было, правительственная политика разъяснялась и идеологами (типа Победоносцева и Каткова), и бюрократами (в форме записок различных комиссий) постоянно и подробно. Да только все объяснения были такими, что притянутость за уши была очевидной даже ребенку.

Если попробовать коротко и по существу пересказать толстые тома неудобочитаемой правоконсервативной ахинеи, то против эмансипации евреев выдвигались доводы трех родов:

А. Культурная и религиозная чужеродность евреев, делающих для них невозможным слияние с жизнью и идеалами православного государства. Если коротко, то **евреи — чужаки**.

Контраргумент тут был очевиден всякому: а тунгус не чужак? а финн не чужак? а узбек не чужак? Между тем, все эти персонажи совершенно равноправны православному русскому, живут где хотят, учатся где хотят, принимаемы на службу куда угодно, и

ничего страшного не происходит. Когда началась Великая война, сделалась борьба с немецким засильем, и тут же оказалось, что немцы тоже чужаки, не способны слиться с интересами русского народа и государства, и их надо гнать со службы, выселять, воспрещать владеть землей и т.п. Собственно говоря, немцы попали на положение евреев. Но ведь немцы и раньше были чужаками, мнимыми или подлинными, но, в любом случае, не особо отличавшимися по этому критерию от евреев. Почему же раньше под прицел попадали одни евреи?

Б. Склонность евреев к экономической эксплуатации окружающего их населения, захвату в свои руки отраслей экономики или рынков с последующим обогащением евреев и разорением всех остальных. Если коротко, **евреи — кровососы.**

Контраргументы против этого утверждения были еще проще: вся экономика исстари была заполнена другими, нееврейскими, группами, использующими монопольное положение или преобладание на рынках для обогащения, не подпускающими к своему бизнесу чужаков, лоббирующими свои интересы, и государство отнюдь не собиралось с этими группами бороться; более того, членство в таких группах часто было почетным.

Начнем с дворян–землевладельцев, столетиями державших в своих руках монополию на ведение сельского хозяйства наиболее выгодным образом, то есть с использованием рабов. После освобождения рабов эти люди преимущественно оставили сельское хозяйство, продолжая получать две ренты: одну от государства (за переданную крестьянам землю), а другую в виде арендной платы от крестьян. И эти люди выставляли претензии евреям, которые, действуя на полностью конкурентном рынке и не имея ни одного нерыночного преимущества, не создав ни одного барьера для нееврейских конкурентов, захватили в свои руки, для примера, большую часть торговли в черте оседлости.

К 1900–м годам в экономике совершенно открыто, часто поощряемо действовали многочисленные сбытовые синдикаты (типа «Продугля» и «Продамета»), поддерживавшие минимальные цены и раздававшие своим членам производственные квоты (чтобы предложение не увеличилось и цена не упала); сахарозаводчики уже и просто были принудительно объединены

государством в картель, защищавший их от взаимной конкуренции и поддерживавший высокую прибыль. Государство не выдавало новые банковские лицензии, чтобы не обострять конкуренцию на рынке банковских услуг. А виноваты во всех бедах были, ясное дело, жида, которые высосали кровь из русского народа, захватив в свои руки всю торговлю перчатками в Могилеве.

В. Евреи по своей природе являются нелояльным народом, они не способны покорно и с любовью принять власть самодержавного царя и непрерывно мечтают о разрушении русской государственности. Коротко говоря, **евреи — революционеры.**

Контраргументы тут также изначально были понятны всякому — не сходится хронология. До середины 1880-х годов евреи были политически лояльным народом. Участие их в раннем, землевольческом/народовольческом фазисе революционного движения, было весьма скромным. На знаменитом процессе 193-х среди обвиняемых было 8 евреев (все на самых ничтожных ролях), из 28 членов Исполнительного комитета «Народной воли» только двое были евреями (и те были самыми малозаметными). И только после того, как дискриминации евреев развернулась в полную силу (к середине 1880-х) они реально начали революционизироваться.

Важным здесь является не столько то, что антисемитские аргументы были глупыми, сколько то, что они были очевидно глупыми, очевидно фальсифицированными и опровергаемыми без малейшего труда. Невозможно поверить, что уравновешенные, рассудочные и хорошо образованные люди, стоявшие у руля тогдашней бюрократии, реально верили в подобную нелепицу. Понятно, что у чиновников случались крупные коллективные заблуждения: например, при составлении первого избирательного закона вся бюрократия ошибочно считала, что крестьяне-депутаты Думы поголовно окажутся монархистами, а действительность показала обратное. Но это были прогнозы, в которых всякий может ошибиться. Здесь же мы видим другое. Чиновники, которые сегодня на одном совещании выступали за то, что сеть железных дорог должна прокладываться так, чтобы была полностью исключена конкуренция между

дорогами (то есть, чтобы транспортное обеспечение определенных районов находилось строго в одних руках), завтра на другом совещании выступали за то, что евреев надо не выпускать из черты оседлости, чтобы такие–то и такие–то отрасли не попали в одни еврейские руки. Понятно, что и сами они замечали тут нестыковку.

Итак, моя рабочая гипотеза заключается в том, что за еврейской дискриминацией, проводимой царским правительством, скрывались некоторые необнародованные соображения и причины, известные же нам объяснения просто служили маскировкой. Но в чем именно заключались эти соображения? Были ли они хорошо, рассудочно сформулированными, или же просто смутно, но твердо осознаваемыми (как то часто случается с групповыми интересами), или же вовсе бессознательными? Этого я не знаю. Но, зато, могу сделать несколько контринтуитивных замечаний, еще более запутывающих вопрос.

1. Несомненно, в пределах черты оседлости имел место широкий народный антисемитизм, очень старый, традиционный, восходящий к временам Речи Посполитой. Но нет никаких оснований полагать, что именно этому народному мнению царская бюрократия внезапно уделила внимание. Если царскому министру было на что–то наплевать, так это именно на то, что по интересующему его поводу думают полтавский мужик и моголевский мещанин. Более того, ненависть поляков к евреям должна была, казалось бы, направлять мысли царских бюрократов по пути «враг моего врага мой друг», то есть к использованию евреев как антипольской силы.

2. Еще менее вероятным представляется то, что царские бюрократы вдруг учли мнение единственного социального слоя, реально страдавшего от конкуренции евреев — русских торговцев. Правительственная политика традиционно была покровительственной к промышленности и безразличной, если не враждебной, к торговле. В целом, таможенный протекционизм приводил к повышению цен на все товары (равно отечественные и импортные), а это, в свою очередь, сокращало обороты торговли и уменьшала ее прибыль. Тарифная политика железных дорог,

конфигурация промыслового налога и гербового сбора также были направлены в пользу крупного бизнеса (особенно промышленности) и в ущерб бизнесу мелкому (особенно торговому). В общем, трудно поверить, что государство, не оказывавшее торговцам ни единого пособия столетиями, вдруг захотело спасти их от наплыва конкурентов—евреев, который произошел бы при разрушении черты оседлости. Тем более что на полную победу еврейской торговли в черте оседлости правительство смотрело безразлично, без малейшего намерения как-то помочь русскому купцу.

3. Если мы попытаемся представить себе царских бюрократов как лиц, действующих в интересах старшей элитной группы, то есть дворян — крупных землевладельцев, то мы видим, что все их коренные интересы были направлены к эмансипации евреев. Дело в том, что еврей — органический друг помещика, что и было видно по обычаям старой Польши. Помещик — производитель, торговать он умеет плохо, и ему выгодно сотрудничество с такими торговыми сетями, которые, работая с минимальной маржой, предлагают ему наибольшую цену. А это как раз и есть еврейская торговля. Кроме того, помещик не может всё время сидеть в поместье, а еврей традиционно является хорошим, надежным агентом. Собственно говоря, запрет евреям на проживание в сельской местности (в том числе и в черте оседлости) правительство объясняло как раз тем, что они были слишком эффективными и слишком жесткими агентами ненавистного польского помещика.

4. Если мы попытаемся представить себе царских бюрократов как лиц, действующих в интересах расширенного имущего класса — то есть, грубо говоря, всего класса лиц, носящих крахмальную рубашку и фрак/сюртук — то и тут мы видим стимулы к эмансипации евреев. Имущий класс живет в городе, получает много казенного жалованья и ренты (то есть его источники существования не могут быть задеты евреями), много покупает и потребляет много услуг. Следовательно, и ему выгодны торговля и сервис, обеспечивающая низкие цены и хорошее качество, то есть еврейские. Любые наблюдатели, даже антисемитские, считали очевидным, что в черте оседлости

покупателю всё обходится дешевле, а ассортимент товара больше и интереснее.

Выводы. В общем, получается так, что перед нами очередная историческая загадка. Бюрократия десятилетиями, упорно, последовательно проводила политику ограничения прав евреев не только против широко понимаемых национальных интересов (это как раз не удивительно), но и против интересов всех тех разной широты элитных социальных групп, в которые входили сами бюрократы — а вот это уже довольно необычное явление. Хотя антиеврейская политика имела бенефициаров, все они составляли как раз те социальные группы, к удовлетворению интересов которых царское правительство не выказывало склонности. Что это всё значит — я не вполне понимаю.

Я не склонен идеализировать людей, и в особенности правящие группы, и в особенности правящие группы старой России. Верхушка бюрократии состояла из образованных, формально очень умных, но крайне оторванных от реальной жизни и зашоренных людей. Да, они часто ошибались. Возможно, и тут перед нами просто чистая ошибка, нелепость, промах. Но, возможно, есть и какие-то ускользнувшие от меня разумные объяснения, которые ожидаются от читателей этого чрезмерно длинного поста.

Крушение императорского поезда: почему чуть не погиб Александр III (1888 год)

17 октября 1888 года у станции Борки (под Харьковом) потерпел крушение императорский поезд, везший в Петербург Александра III и его семью. Из 15 вагонов поезда 10 сошли с рельс и были повреждены, некоторые были разбиты в щепки; погиб 21 человек, более 40 было ранено. Императорская семья уцелела чудом.

События известны хорошо, есть средней толковости статья в Википедии, были и посты на d3. Самый же лучший источник — подробные и интересные воспоминания А.Ф.Кони, прокурора, ведшего следствие.

Наш пост не будет излагать обстоятельства катастрофы, о которых написано много и подробно. Мы разберем техническую сторону дела, которая описывается в 5 томах следственного дела

(ссылка в заголовке). Как дело дошло до того, что железнодорожники чуть было не уколошили царя?

Сразу же после катастрофы началось обстоятельное расследование. Следствие повело себя расторопно. Разрушенные паровоз и вагоны осмотрели и сфотографировали, прежде чем поднять и оттащить в сторону. Было выявлено то место, где начался сход поезда с пути. Погнутые рельсы, обломки разбитых колесами шпал, вылетевшие костыли были собраны, помечены на схеме и увезены в Петербург, где удалось собрать разбитую часть верхнего строения пути из обломков (примерное так голландские следователи недавно поступили с остатками Боинга МН17). Было проведено исследование качества дерева шпал, металла рельсов и соединений. Ширину и уклоны пути сзади и спереди от места аварии тщательно промерили, для определения состояния полотна выкопали шурф, измерили сохранившиеся вагонные тележки, оси и колеса паровозов. На десятки километров до места катастрофы солдаты осматривали путь, чтобы выяснить, не отвалилось ли что-нибудь от поезда по дороге. К работе привлекли более двадцати независимых друг от друга экспертов.

Сразу же обнаружилось, что следов террористического акта нет. Никто не взрывал путь, не подпиливал рельсы, не портил паровоз. Все слухи о бомбе в поезде (весьма популярные в тогдашней обстановке страха перед террористами) на самом деле были просто чушью. Отбросив версию теракта, следствие стало заниматься версией преступной небрежности и нарушения правил эксплуатации.

Дальнейшее развитие событий было более или менее предсказуемым. В деле имелось три стороны — двор (у Императорского поезда был свой инспектор, по факту являвшийся подчиненным министра двора, отвечавший за вагоны, а реально и за расписание и скорость движения), железная дорога (отвечала за путь и паровоз с паровозной бригадой), министерство путей сообщения (определяло технические стандарты и правила, инспектировало железную дорогу). Частная железная дорога и министерство путей сообщения выступали заедино — если виновата дорога, то тогда виновато и не досмотревшее за ней министерство.

И, разумеется, участники процесса разделились на две партии и принялись валить вину друг на друга, и кроме того, разного рода обиженные принялись обвинять обидчиков. Например, купец, не договорившийся о поставке шпал на дорогу, рассказывал о том, что его более удачливые конкуренты (разумеется, евреи — дорога была поляковская, еврейская, и стремилась покупать всё у евреев) поставляют какую-то гниль, которая принимается за взятки. Простые работяги, которым платили копейки и страшно зажимали, чистосердечно пересказывали все неблагоприятные слухи о воровстве, некомпетентности и разгильдяйстве начальства, всегда популярные в рабочей среде.

Обнаружилось, что все железнодорожное дело, не исключая и императорского поезда с его отдельной (и очень большой) поездной прислужгой, велось небрежно. На путь укладывали шпалы из абы какого дерева, а замену их производили нерегулярно. Геометрия пути также оставляла желать лучшего, из-за многолетних осадок полотна склон, на котором произошло крушение, был много круче, чем позволялось техническими условиями дороги, но никто этого не замечал и не желал исправлять. Паровозы на дороге были в ужасном техническом состоянии (результат жесткой экономии), и машинисты подкинули жандармам анонимную жалобу, в которой указывали, что сотрудники других депо смеются над ними из-за позорного содержания их техники.

Со стороны императорского поезда дело обстояло не лучше. Поезд не соблюдал расписания, отставал, а затем регулярно превышал все разрешенные скорости (как для самого поезда, так и для дороги в целом). К поезду были прицеплены разнотипные паровозы (поезд был тяжелым, и его тащило два паровоза), что ухудшило его управляемость. У вагона министра путей сообщения лопнула рессора, и он ехал перекошенным, причем рама вагона ударялась о буксы на тележке. Сам поезд был сформирован по соображениям комфортности, но при этом технически неправильно: в центре оказались самые тяжелые вагоны, не имевшие тормозов.

И наконец, было открыто совсем вопиющее нарушение: на последний перегон поезд вышел с неработающей системой

автоматического торможения (тормоз Вестингауза). На системе засорился кран, давление упало, начальство торопило, и поезд отправили со станции без автоматического тормоза, забыв сказать тормозным кондукторам в вагонах, что теперь им следует тормозить ручным тормозом по свистку от паровоза. И хотя крушение произошло настолько быстро, что никто не успел привести тормоз в действие, уже то, что тяжелый императорский поезд быстро несся без тормозов, представляло само по себе величайший недосмотр.

Курско–Азовская железная дорога готовилась к выкупу в казну (возможность такого выкупа была изначальным условием концессии), который должен был произойти в 1889 году. Выкуп определялся по среднему чистому доходу за пять лучших лет из последних семи лет эксплуатации. Соответственно, дорога выжимала каждую копейку за счет урезания эксплуатационных расходов. Объемы ремонтных работ с каждым годом сокращались, штаты урезались, зарплаты падали.

И, разумеется, все эти события развивались по традиционной схеме «у семи нянек дитя без глаза» — на частной дороге была специальная правительственная инспекция, а императорский поезд и просто обслуживала бригада из нескольких десятков людей, над которой надзирал отдельный инспектор.

Основные предположения, выдвигаемые экспертами и следственными, были следующие:

— Тяжелый поезд ехал слишком быстро, паровоз из-за скорости производил ненормально сильное боковое биение, нормально содержимый путь расшился (виновато министерство двора);

— Паровоз ехал на высокой, но допустимой скорости, боковое биение паровоза было в рамках нормального, путь расшился, так как шпалы были слабыми или гнилыми (виноваты дорога и мпс);

— У паровоза на ходу развалилось дышло, после чего он начал вихлять, и нормально содержимый путь расшился (виновата дорога);

— Развалился и сошел с пути неисправный министерский вагон, а затем уже и весь остальной поезд (виновато министерство двора).

Первые два варианта вполне сочетались (паровоз чрезмерно быстро ехал по гнилому пути), и тогда виноватыми оказывались все.

Насколько удалось обобщить все эти предположения? Была проведена ряд частных технических экспертиз (например, по качеству дерева шпал) и комплексная техническая экспертиза, к которой было привлечено 15 экспертов. Как всегда бывает, мнения экспертов совпали не полностью. Единодушно была отброшена лишь версия о кривобоком министерском вагоне как причине аварии. Большинство экспертов сочло, что слишком тяжелый и длинный поезд ехал недопустимо быстро по пути, находившемуся в плохом техническом состоянии (из-за слабой древесины шпал). Путь расшился под передним паровозом, что и послужило причиной крушения. Некоторые эксперты, кроме того, считали, что перед катастрофой у переднего паровоза поломалось дышло, что сразу же увеличило боковые усилия, оказываемые им на путь.

После этого следствие было прекращено по приказанию императора, и дело так никогда и не получило юридического решения. Можно ли предположить, что бы решил суд, если бы он состоялся? На мой взгляд нет, собранного материала не хватало для определения причин катастрофы.

Юридически правильное разрешение вопроса о виновности в аварии могло произойти только через установление причинно-следственных связей между теми или иными нарушениями и крушением. В частности, суду предстояло выяснить, был ли путь до такого состояния неисправен, что он мог разрушиться от движения поезда разрешенного веса, движущегося с разрешенной скоростью. Ответно, суду следовало попробовать разобраться и в том, произошло бы крушение, если бы поезд шел по этому месту с неразрешенной высокой скоростью, но по пути с минимальным качеством, какое может быть признано допустимым. Положительный ответ на первый вопрос свидетельствовал бы о виновности отвечавших за путь, на второй — о виновности

отвечавших за скорость. Отрицательный ответ на оба вопроса свидетельствовал бы о виновности обеих групп обвиняемых, но давал бы основания для смягчения наказания обеим, так как первые не могли знать, что поезд может пойти так быстро, а вторые о том, что путь так плох. Но для разрешения этих вопросов не имелось ни научной базы, ни технического нормирования — железнодорожная техника была еще довольно незрелой, и многие вещи, сегодня подробно описываемые в инструкциях по безопасности, делались тогда на глазок.

И наконец, можно вообще усомниться в возможности суда разрешить дело на основании накопившихся материалов следствия. Дело в том, что повышенная скорость паровоза сама по себе не приводила к расшивке пути. Надо было, чтобы на скорости развилось «боковое биение», смысл которого в том, что несимметричная паровая машина паровоза (когда левый поршень идет вперед, правый идет назад) не была полностью уравновешена и создавала переменную горизонтальную поперечную силу, воздействующую на путь. Никаких норм, регулирующих биение, не существовало. Никто не знал также, каково должно быть это биение для того, чтобы путь расшился, и какое биение на какой скорости создают разные типы паровозов. Подсудимые могли бы просить суд о назначении добавочной экспертизы для прояснения этого вопроса. И далеко не факт, что результаты новых исследований не привели бы к разрушению выводов следствия.

В целом, выводы экспертизы о том, что катастрофа могла произойти по нескольким причинам одновременно, подрывали шансы прокуратуры доказать дело в суде, так как, с юридической точки зрения, непрерывная одинарная цепочка причин и следствий доказывается проще, чем совокупность одновременно действующих причин.

Какое мое мнение? Я присоединяюсь к мнению, которое высказал привлеченный в качестве свидетеля будущий министр С.Ю.Витте — если настолько быстро и на столь большом и тяжелом поезде ездить по столь хлипким дорогам, рано или поздно случится несчастье. Говоря формальнее, генеральной причиной катастрофы послужил общий низкий уровень железнодорожной техники и эксплуатации, характерный для эпохи. В то же время,

разумеется, катастрофа развивалась по какому-то определенному пути и имела конкретные причины — но, увы, из-за неоконченности следствия нам не дано их узнать.

Странная судьба цареубийцы Ивана Емельянова

Сын бедняка–псаломщика

Иван Пантелеймонович Емельянов, родившийся в 1860 году, был сыном бедного деревенского псаломщика. До десяти лет он был просто деревенским мальчишкой и его ждало, в самом лучшем случае, скромное будущее сельского священника. Но всё вышло не так.

Племянник дипломата

Дядя маленького Ивана служил вице–консулом в Турции и был обеспеченным человеком. Пожалев племянника, в 1870 году он забрал его в Константинополь, где тот и прожил в обществе дипломатов до двенадцати лет. Но учиться в Константинополе русскому мальчику было негде, и дядя договорился со своим петербургским приятелем Анненским, чтобы тот взял Ивана к себе на воспитание.

Реалист

С 1872 года Иван Емельянов живет в интеллигентной и литературной семье Анненских. Николай Федорович Анненский — журналист, переводчик и публицист, тесно связанный с народническим движением; его младший брат Иннокентий затем станет известным поэтом. Иван поступает в Первое реальное училище, но болезненному мальчику удается продержаться там только первые три года. Учиться в среднеучебных заведениях в ту эпоху было тяжело, академические требования и дисциплина были жесткими, до окончания доходило не более половины поступивших в первый класс.

Мастер–резчик

Анненские находят Ивану новое место учебы, уже более скромное — только что открывшееся Ремесленное училище имени цесаревича Николая. Теперь Иван живет в ремесленном училище на полном пансионе, много читает и учится на резчика по дереву. Это ремесло приходится ему по нраву, и он показывает великолепные успехи. В 1879 году Иван заканчивает училище (что

дало ему скромное звание подмастерья), причем его таланты настолько впечатляют известного мецената барона Горация Гинцбурга, что тот отправляет его в учебное путешествие по Европе. Разумеется, это было верхом того, что мог достигнуть в России молодой квалифицированный рабочий. Анненского же тем временем арестовывают за связи с революционными деятелями и ссылают в Тобольскую губернию. Возвратившийся в ноябре 1880 года в Россию Иван оказывается предоставленным самому себе.

Народоволец

Путешествие по Европе произвело большое впечатление на Ивана, уже воспитанного в народническом духе. Контраст увиденного им процветания с тяжелым зрелищем русской народной нищеты навел его на мысль о том, что во всех несчастиях родины виноват царский режим, и, разумеется лично Царь–Освободитель. Эти взгляды не остались незамеченным. Террористическая организация «Народная воля», ослабленная арестами, произошедшими после предательства Окладского, подыскивала новых членов. В январе 1881 года Анна Корба, приятельница Анненских и член Исполнительного комитета «Народной воли», рекомендует его Желябову. Желябову понравился живой, бодрый Иван Емельянов, и он выбрал его в число четверых «метальщиков» — людей, которым надлежало бросить бомбу в экипаж Александра II.

Цареубийца

27 февраля Желябова арестовывают, и руководство планируемым покушением переходит к Перовской. Утром 1–го марта 1881 метальщики получили заряды и, по знаку Перовской, встали по назначенным местам на набережной Екатерининского канала, в 15–20 метрах друг от друга. Первым стоял Рысаков, вторым Гриневицкий, третьим (ближе всех к Конюшенной площади) Емельянов. Бомба Рысакова, как известно, только повредила экипаж царя, убив и ранив нескольких случайных прохожих. Когда Александр II вышел из кареты и подошел к пострадавшим, Гриневицкий бросил свою бомбу ему под ноги. Бомба Емельянова была уже не нужна. Продолжая держать сверток с бомбой под мышкой, Емельянов подбежал к Гриневицкому и,

увидев, что товарищу уже не помочь, помог уложить раненого царя в сани, на которых его увезли в Зимний дворец. Емельянов вернулся на квартиру Геси Гельфанд и отдал ей бомбу. Теперь ему надо было бежать и прятаться, но для этого ничего не было подготовлено. У Емельянова, как петербургского цехового ремесленника, не было даже паспорта, необходимого для выезда из города. Две недели товарищи по «Народной воле» хлопотали о паспорте, а тем временем арестованный Рысаков начал выдавать соратников. 14 апреля, за день до того, как паспорт должен был быть сделан, Емельянов был арестован.

Емельянов, будучи арестован позже основных участников покушения, не попал в судебный процесс Шести, на котором все подсудимые (Желябов, Перовская, Кибальчич, Рысаков, Михайлов и Гельфман) были приговорены к смерти и тут же, 3 апреля 1881 года, за исключением беременной Гельфман, вскоре умершей при родах, повешены.

Емельянова включили в следующую группу обвиняемых, которую судили годом позже (так называемый процесс Двадцати). Участники этого процесса обвинялись во множественных эпизодах террористической деятельности и даже не все были знакомы между собой. В суде Емельянов неожиданно отказался от показаний, данных на следствии, и стал утверждать, что он не более чем случайный знакомый участников покушения; с точки зрения революционной этики это было допустимо, так как он выкручивался сам, но не валил других. Суд не обратил на это ни малейшего внимания. В феврале 1881 года десятерых подсудимых, в том числе и Емельянова, приговорили к смертной казни, девятерых — к различным срокам каторги, одного (предателя) освободили от наказания. Никто не подал прошения о помиловании. Через месяц Александр III смягчил приговор, заменив всем, кроме лейтенанта флота Суханова, смертную казнь на бессрочную каторгу. На самом деле для большинства из них такое милосердие означало медленную и более мучительную смерть.

Узник Трубецкого бастиона

Приговоренные к бессрочной каторге были помещены в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин (эта тюрьма

снесена в конце 19 века), Емельянова же, как несовершеннолетнего (ему было 20 лет, а совершеннолетие наступало в 21 год), определили в более комфортабельный Трубецкой бастион (эта тюрьма сохранилась и музеефицирована). Как оказалось, это решение предопределило его судьбу. В последующие два–три–четыре года из тринадцати товарищей Емельянова по приговору к бессрочной каторги, сплошь здоровых молодых людей, девять человек умерло от туберкулеза, цинги и других болезней, вызванных ужасающими условиями содержания в Алексеевском равелине. Сам Емельянов, попавший в более сухую и просторную камеру, был назначен к переводу на Нерчинскую каторгу после 15 месяцев, проведенных в Трубецком бастионе. К этому моменту он уже не мог ходить от цинги, и год содержался в более приличной следственной тюрьме, пока не выздоровел настолько, чтобы выдержать транспортировку в Сибирь.

Бессрочно–каторжный

Все народовольцы отправлялись на Карийскую каторгу, под Нерчинском, почти что на границе с Монголией (Кара — приток Шилки, притока Амура). В Карийской тюрьме содержалось около 2000 человек, для политических, которых бывало до 80–100 человек, был выделен обособленный лагпункт (говоря гулаговским языком). Это было г–образное деревянное здание, стоящее в глухой тайге; в первые годы у тюрьмы не было даже ограды и охраны по внешнему периметру, так как бежать, по сути, было некуда. Заключение жили в двух больших камерах, нары с двух сторон и стол между ними.

На каторге было в чем–то тяжело, а в чем–то и неожиданно легко. С самого начала политические смогли, ценой жесткого противостояния и нескольких демонстративных самоубийств, добиться смягчения уставного режима. Им не брили головы, не заставляли круглосуточно ходить в кандалах, тюремщик обращались к ним на «вы» и они не вставали при появлении начальства, их не заставляли петь обязательную молитву, разрешали держать в камере личные вещи. Обязательные работы на серебряных рудниках были необременительны и носили формальный характер. Официально было разрешено выписывать

книги, раз в месяц заключенные могли писать домой. Тем, к кому приехали домашние (у некоторых семьи жили рядом с тюрьмой), разрешали встречаться с ними два раза в неделю. Тюрьма была бедной, еда — плохой, заключенные жили в страшной тесноте и в холоде, ходили в обносках, медпомощь была рудиментарной. Среди тюремщиков попадались самые разные люди, от вполне приличных и доброжелательных до садистов и негодяев.

Но всё это было не навсегда. Режим ужесточали после попыток побегов. Каждый новый начальник стремился навести свой порядок, и политическим приходилось снова и снова отстаивать завоеванные ранее неформальные права.

В 1889 году разыгралась знаменитая Карийская трагедия. Одна заключенная не встала при появлении ревизовавшего тюрьму генерал-губернатора, ее в наказание перевели в другую тюрьму, принудительно переодев в дорогу в присутствии мужчин (это было страшное унижение), узницы женской тюрьмы начали коллективную голодовку, и одна из них дала пощечину жандармскому полковнику, призывавшему их к порядку. Ее выпороли (эту законную меру никогда ранее не применяли к политическим), и в знак протеста в женской тюрьме насмерть отравились украденным морфием четверо заключенных, а в мужской — еще двое. Скандал дошел до зарубежной прессы. Начальство стало подумывать о закрытии Карийской политической тюрьмы.

В это время Емельянов ведет себя тихо, и уже начинает подумывать, как бы ему выбраться из такого ада.

После Карийской трагедии он подает прошение о помиловании, и это сразу делает его изгоем (так называемые *подаванцы* подвергались бойкоту). Ему отказывают, что делает его жизнь еще более невыносимой. И тут судьба поворачивается к Емельянову: в 1890 году Карийскую каторгу ликвидируют, каторжан переводят в Акатуйскую тюрьму (с сильно худшим режимом), а нескольких нестойких, подававших прошение, переводят в вольную команду (этот разряд заключенных жил вне тюрьмы и только ходил туда отмечаться) и оставляют на Каре, почти без всякого надзора. В 1891 году бессрочную каторгу заменяют на Емельянова на 20-летнюю, а в 1895 году переводят

его в ссыльно–поселенцы (род досрочного освобождения, смешанного со ссылкой), что дает ему право, по разрешению начальства, проживать в определенных сибирских городах.

Репетитор

Емельянов отправляется в Хабаровск, где, будучи начитанным, грамотным и вежливым человеком, становится репетитором, подготавливающим детей к поступлению в средние учебные заведения (это приблизительно уровень 5–го класса современной школы). Среди прочих, он нанимается обучать детей Иннокентия Пьянкова, незнакомого ему ранее народовольца, сосланного (но не отправленного на каторгу) в Сибирь в 1881 году за издание нелегальной газеты «Черный передел».

Виноторговец

Брат Иннокентия Пьянкова Михаил был одним из крупнейших предпринимателей Хабаровска. Основным профилем его деятельности были винные откупа. В 1895 году Михаил, Иннокентий и Владимир Пьянковы учреждают Товарищество «М.Пьянков с братьями», крупную многопрофильную торгово–промышленную фирму. Емельянов становится наемным директором предприятия. У товарищества было два больших винокуренных (то есть спиртовых) завода, с имениями и животноводческими хозяйствами при них, ренсковые погреба (то есть винные магазины), магазины бакалейные и сельскохозяйственных машин, книжный магазин. Пьянковы торговали по всему Приморскому краю и Приамурью, много строили в Хабаровске, где жили сами. В общем, Емельянов неожиданно превращается в важного и хорошо устроенного делового человека. В 1896 году он женится на молодой купчихе.

Банкир

Как то было обычно для наемных топ–менеджеров той эпохи, параллельно с работой на Пьянковых Емельянов имел и кое–какой собственный бизнес. В 1910 году он решает уйти из фирмы Пьянковых и стать самостоятельным предпринимателем. В Хабаровске открывается городской общественный банк, и Емельянова избирают его директором; был у Емельянова и

собственный винный магазин. В том же году Емельянов переходит и к крупному рейдерству, возглавив администрацию кредиторов над имуществом крупнейшего дальневосточного купца китайца Николая Тифонтая. Как и следовало ожидать, санация закончилась полнейшим разорением должника и ликвидацией его бизнесов. Емельянову, среди прочего, достался довольно простецкий двухэтажный дом в Хабаровске, в котором он затем и жил; дом сохранился и в нем сейчас литературный музей.

В 1916 году Емельянов умирает от случайной инфекции, не дожив двух лет до убийства внука Александра II.

Мы немного знаем о личности Емельянова; до нас дошли только его показания на следствии и суде, обрывочные упоминания в мемуарах товарищей по партии (он присоединился к движению поздно, и его мало кто знал), чуть более подробная заметка Анны Корбы. Мы знаем, что он был очень высоким (Желябов прозвал его за это «сугубым»), худощавым, болезненным. Наверное, он был приблизительно таким же, как и все народовольцы — храбрым, страстным и увлекающимся, мало думавшим о себе, жестоким, односторонним и ограниченным, до крайности нетерпеливым. Очень страшно было стоять промозглым мартовским утром с бомбой под мышкой на набережной Екатерининского канала, напряженно приглядываясь к приближающейся карете царя. И очень хотелось самому хоть немножко повернуть Землю. Землю повернуть удалось, но, как оказалось, не в ту сторону, в какую было надо.

Как еврей Ямайкер довел дело до того, что в церковь нельзя прийти со своей свечкой

Общеизвестно, что при входе практически в каждый российский православный храм висит раздражающее объявление, воспрещающее ставить в храме свечи, купленные в другом месте. Откуда и как православным пришла в голову такая несообразная идея?

Как ни удивительно, историческая наука нашла ответ на этот вопрос. Во всем виноват некий еврей Ямайкер, цеховой ремесленник города Митавы, в 1880–х годах содержавший в Орле свечной завод.

К началу 1880–х годов церковные свечи делал и продавал кто угодно. Некоторые, но не все, епархии имели свои церковные заводы, иные приходы закупали свечи у них, а иные у частных производителей, большинство верующих покупали свечи в храме, но кто-то мог купить их и в лавке — никто не обращал на это внимание. В принципе, ситуация была похожа на современную

торговлю иконами и крестиками — большая часть такого товара продается в церквях, но никто не запрещает частному бизнесу изготавливать эти предметы и продавать их в любом магазине.

Случайное происшествие изменило ситуацию. В 1886 году орловская полиция прицепилась к нашему Ямайкеру, обвиняя его в продаже поддельных церковных свечей. Полиция полагала, что Ямайкер, как еврей, не имел право производить и продавать церковные свечи (лицам нехристианских вероучений воспрещается писание икон, изготовление крестов и других подобных сему предметов чествования христиан, равно как всякая вообще торговля всеми означенными предметами), тем более поддельные, то есть не чисто восковые. Ямайкер ловко оправдывался: он производил свечи для еврейских молелен и никогда не называл их церковными, следить же за тем, что будут делать со свечами покупатели, он не способен. Свечи не были чисто восковыми, как того требует обычай для церковных свечей, именно потому, что Ямайкер и не собирался продавать их как церковные. Заметим, что не будь Ямайкер евреем и делай он свои свечи из чистого воска, полиция не имела бы к нему претензий.

Объяснения были резонными, но как-то подгадить еврею (в рамках общей антисемитской политики 1880–х годов) очень хотелось. Дело ушло на министерский уровень. Министерские чиновники раскопали закон 1808 года, по которому розничная торговля свечами была монополией церкви, а производство и оптовая торговля могли быть частными. Закон никогда не исполнялся и был забыт ровно по той причине, на которую указывал Ямайкер — никто не мог понять, чем именно церковная свеча отличается от обыкновенной свечи.

Бюрократические колеса начали медленно крутиться. От Ямайкера персонально отстали и начали решать проблему на законодательном уровне. Через четыре года, в 1890 году, был принят новый закон «О приготовлении и продаже церковных свеч». Церковные свечи могли быть изготовлены только из чистого воска, изготовление схожих по виду свечей не из чистого воска воспрещалось. Розничная торговля церковными свечами могла производиться только в церквях и церковных лавках. Изготавливать свечи и продавать их оптом (от 20 фунтов) могло

любое лицо христианского исповедания. За нарушение полагались сторублевый штраф в пользу церкви и конфискация свечей.

Закон мог работать только при наличии официального описания церковной свечи. Эта большая бюрократическая работа, требующая многих междудементственных согласований, заняла еще два года. В этот период МВД рассылало по губерниям особые циркуляры, предписывающие полиции временно не применять закон. Наконец, в 1892 году правительство определилось в том, что есть церковная свеча: это свеча из чистого воска, длиной более шести диаметров, с фитилем белого цвета, в который вплетена красная нитка. Закон начал работать.

Хотя закон и позволял частным производителям изготавливать церковные свечи, в последующее десятилетие все епархии завели собственные свечные заводы и запретили приходам закупать свечи в иных местах. Так было уничтожено частное производство церковных свечей. Впрочем, до развешивания позорных объявлений дореволюционная церковь не дошла. Тот, кто желал купить в лавке свечу нецерковных пропорций с фитилем, не содержащим красной нити, а затем поставить ее в церкви, мог делать это невозбранно.

Чем лечили врачи сто лет назад

В начале XX века русское правительство внимательно следило за паломниками из России, отправляющимися в хадж. Дело в том, что существовала большая опасность заноса из Аравии холеры или чумы. Поэтому власти не жалели средств на санитарно-гигиенические мероприятия. В частности, на пароходах, доставлявших паломников из Одессы в Джидду, были казенные врачи (по одному на тысячу паломников), и большие лазареты, хорошо снабженные медикаментами. Врачам великолепно платили — 15 рублей в день — что позволяло отбирать самых квалифицированных. Список медикаментов в старинной инструкции позволил мне сделать этот пост.

Набор лекарств старинной корабельной аптеки очень показателен для выявления возможностей медицины того времени. Во-первых, на пароходную аптеку не жалели денег. В

целом, такой аптеке позавидовала бы участковая земская клиника — самый популярный тип медучреждения того времени. Во-вторых, медпомощь была бесплатной, и в аптеку не включили паллиативные средства, которые врачи той эпохи предлагали больным, платившим за себя, при отсутствии реального лечения. Все лекарства из нашего списка реально работали; во всяком случае, так думали старые врачи. Впрочем, надо помнить, что в корабельной аптеке не было и немногочисленных реальных средств, требовавших длительного курсового лечения — например знаменитого сальварсана, первого препарата, полученного в результате целевого фармакологического синтеза.

Тогдашнее назначение лекарств проверено по Большой медицинской энциклопедии (начало 1930–х). От выводов я пока воздержусь, ибо я не врач. Нет, ладно, сделаю. В этой большой аптечке есть весьма много местных и симптоматических средств от расстройств пищеварения, разного рода респираторных заболеваний и кожных болезней — обычных мелких хворей эпохи. Из лекарств посильнее есть только очень ядовитые растительные алкалоиды столь комплексного действия, что современный врач побоялся бы взять их в руки. Всем, кто заболел чем-то серьезным, я бы посоветовал немедленно броситься за борт, а не обращаться к корабельному врачу. Тяжко было болеть в ту эпоху. Итак, перейдем к списку лекарств:

Борная кислота (порошок) — антисептическое средство, для лечения кожных заболеваний;

Соляная кислота — для приема внутрь при некоторых нарушениях пищеварения; применяется и сегодня;

Пикриновая кислота — для наружного применения при ожогах; устарело;

Танин (дубильная кислота) — наружное применение, для мокнущих повреждений кожи и остановки кровотечения; применяется и сегодня;

Квасцы в порошке — вяжущее и противовоспалительное средство, наружное применение и для вдвухания в нос и гортань; применяется и сегодня;

Апоморфин — рвотное, применяется и сегодня;

Горькоминдальная вода — седативное действие при заболеваниях дыхательных путей; устарело;

Азотнокислое серебро — наружное средство, для прижиганий; применяется и сегодня;

Атропин — разнообразное применение, связанное со спазмолитическим действием, в основном для возбуждения сердечной и дыхательной деятельности; применяется и сегодня;

Салициловокислый висмут — терапия сифилиса; сегодня это де-нол;

Азотнокислый висмут — наружно при ожогах, внутрь при гастрите; устарело;

Хинин — специфическое лечение малярии; алкалоидный препарат разнообразного применения (угнетение ЦНС); устарело;

Кокаин — средство для местной анестезии; превратилось в нелегальный наркотик;

Фосфат кодеина — противокашлевое средство;

Диуретин — синтетическое мочегонное средство; устарело;

Грудной элекси́р — нашатырный спирт, анис и солодка, отхаркивающее; устарело;

Экстракт белладонны (красавки) — растительный алкалоид, успокаивающее при болях, невралгиях, спазмах; сегодня применяется редко;

Экстракт крушины слабительной (жостера) — слабительное; сегодня превратилось в биодобавку;

Экстракт гидрастиса (канадский желтокорень) — растительный алкалоид, при внутренних кровотечениях, применяется преимущественно в гинекологии; устарело;

Экстракт клюквы — преимущественно противодиазотное средство; сегодня в нем нет нужды;

Экстракт спорыньи — растительный алкалоид, преимущественно для остановки маточных кровотечений; сегодня применяется в составе других препаратов;

Листья наперстянки — кардиотонический препарат, преимущественно при сердечной недостаточности;

Углекислый гваякол — растительное средство антисептического действия, применяется при поносах; сегодня стало редким;

Капли Боткина — средство на основе хинина, применялось при гастритах; устарело;

Капли Иноземцева — противохолерное средство, не дававшее реального эффекта; исчезло;

Каломель (однохлористая ртуть) — популярное слабительное, если доза подобрана неправильно и прослабления не произошло, то начинается ртутное отравление; исчезло;

Желтая окись ртути — глазная мазь, при конъюнктивитах;

Ихтиол — антисептическая мазь; гинекология и наружное применение; лекарство актуально, хотя не особенно популярно;

Корень ипекакуаны — отхаркивающее и рвотное средство; сегодня стало редкостью;

Йодоформ — антисептическое средство для обработки ран и язв; используется и сегодня;

Хлористый калий — мочегонное; в таком качестве сегодня не применяется;

Йодистый калий — для приема внутрь при сифилисе и ревматических болях; применяется и сегодня;

Раствор ацетата алюминия (жидкость Бурова) — противовоспалительное средство для кожи и слизистых; устарело;

Нашатырно-анисовые капли — отхаркивающее средство; устарело;

Нашатырный спирт — возбуждающее средство при обмороках; лекарство используется и сегодня;

Раствор полуторахлористого железа — кровеостанавливающее средство местного применения; устарело;

Свинцовый сахар (раствор ацетата свинца) — применяется для свинцовых примочек, средство для рассасывания синяков; устарело;

Жженая магнезия — антацидный препарат, применявшийся при широком спектре заболеваний желудка; устарело;

Серномагниевая соль — слабительное и седативное средство; устарело;

Морфия гидрохлорид — обезболивающее; сегодня лекарство применяется не столь широко;

Питьевая сода — применяется при повышенной кислотности и язвенной болезни желудка; сегодня используется преимущественно в составе других лекарств;

Бромистый калий — средство против бессоницы и эпилепсии; сегодня применяется редко;

Йодистый натрий — компонент для противовоспалительных и антисептических мазей;

Салицилат натрия — ненаркотический анальгетик, жаропонижающее; устарело;

Мятное масло — возбуждающее средство для местного применения;

Касторовое масло — слабительное; применяется и сегодня;

Скипидар — раздражающее средство при невралгиях, артритах; устарело;

Опиум — наркотический анальгетик; сегодня стало редким нелегальным наркотиком;

Орексин — средство против анемии и при анорексии; устарело;

Фенацетин — ненаркотический анальгетик, жаропонижающее; лекарство было очень опасным; устарело;

Физостигмин — растительный алкалоид, применяется при глаукоме; применяется и сегодня;

Пилокарпин — растительный алкалоид, потогонное средство, применяется при отравлениях и при лечении заболеваний почек; применяется и сегодня;

Деготь — антисептическое средство наружного применения, применяется при экземе и чесотке; устарело;

Протаргол — коллоидный препарат серебра; для лечения вензаболеваний; устарело;

Доверов порошок — смесь опия и ипекакуаны, средство против кашля; устарело;

Пирамидон — жаропонижающее и антинеуралгическое средство; сегодня называется амидопирин;

Ревень — растительное слабительное; устарело;

Резорцин — противовоспалительное средство для наружного применения;

Салипирин — жаропонижающее средство; устарело;

Салол (фенилсалицилат) — противомикробное средство для внутреннего применения; при колитах, инфекциях мочевыводящих путей; устарело;

Сантонин — препарат полыни, противоглистное средство; устарело;

Скополамин — растительный алкалоид; снотворное и средство против морской болезни; применяется в форме гидробромида и гидрохлорида;

Танальбин — растительное вяжущее средство, при поносах; устарело;

Горькая настойка — полынь, золототысячник, трилистник, средство для поднятия аппетита; устарело;

Хинная настойка — тоническое средство при малокровии и общей слабости; устарело;

Настойка майского ландыша — кардиотоническое средство; устарело;

Стрихнин — очень сильный растительный алкалоид, при сердечной слабости, язве желудка, расстройствах пищеварения; устарело;

Бензойно-опийная настойка — успокаивающее при кашле; устарело;

Настойка строфанта — сердечный гликозид, при сердечной недостаточности; сегодня превратилось в строфантин;

Настойка валерианы — применяется при состояниях возбуждения, бессоннице, сердечных болях; лекарство актуально, хотя и старомодно;

Ртутная серная мазь — средство при сифилисе и против чесотки; лекарство актуально;

Окись цинка — мазь, подсушивающее и дезинфицирующее средство при кожных заболеваниях; лекарство актуально;

Мазь Вилькинсона (серно-дегтярная) — противочесоточное средство; устарело;

Валидол — успокаивающее средство при головокружении, истерии, мигрени; устарело, но продолжает применяться по недоразумению;

Ксероформ — вяжущее и антисептическое средство наружного применения; сегодня применяется в составе других препаратов.

Особо ожидаются комментарии от врачей и фармацевтов.

Секс с несовершеннолетними и законы царской России

Старая Россия часто представляется нам консервативной и старозаветной страной. Березки, золотые купола, мужики со вшивыми бородами и православные семейные ценности. Наверное, и закон в старую эпоху стоял на защите нравственности? Наверное, закон был суров? Разберемся, как всё было на самом деле. Сразу скажем, что данный пост описывает ситуацию лишь для поздней имперской России — эпохи Александра III и Николая II.

Для начала. Как сегодня относится закон к сексу с детьми по согласию?

Уголовный кодекс РФ предусматривает, при условии совершения их лицом старше 18 лет, следующие преступления:

Половое сношение с лицом в возрасте до 12 лет — квалифицируется только как изнасилование, независимо от мнения и поведения ребенка, лишение свободы от 12 до 20 лет; заметим, что за это преступление ответственность наступает не с 18, а с 14 лет;

Половое сношение с лицом в возрасте от 12 до 14 лет — лишение свободы от 3 до 10 лет;

Половое сношение с лицом в возрасте от 14 до 16 лет — обязательные работы до 480 часов, принудительные работы, либо ограничение свободы, либо лишение свободы до 4 лет.

В 16 лет, то есть до совершеннолетия, в России наступает *возраст сексуального согласия*.

В общем, мнение законодателя выражено ясно: до 14 лет — непременно в тюрьму, от 14 до 16 — надо разбираться по обстоятельствам, свыше 16 — делай что хочешь.

А как смотрел на это царский закон?

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года выделяло следующее преступление:

Раствление девицы, не достигшей 14-летнего возраста, по употреблению во зло ея невинности и неведения — лишение всех прав состояния и от 4 до 10 лет каторги.

И это было всё! Таким образом, возраст сексуального согласия для девочек составлял в России 14 лет.

Дальше хуже. Тонкость состояла в определении *невинности и неведения* (заметим, что закон употребляет «и», а не «или», то есть невинность и неведение должны иметь место одновременно). Что имел в виду законодатель? Невинность — это девственность, или нет? На помощь, как всегда, пришла кассационная практика Уголовного кассационного департамента Сената. Сенат принял такую позицию, что ребенок до 10 лет обладает «неведением» по умолчанию. Значило ли это, что сам факт полового сношения должен приводить к осуждению? Отнюдь нет, это значило лишь то, что судья обязан поставить вопрос о «неведении» перед присяжными. В возрасте же жертвы от 10 до 14 лет обвиняемый мог, напротив, и сам доказывать отсутствие невинности и неведения. В реальной судебной практике суд отказывался от обвинения, если жертва сама заявляла, что до полового акта четко осознавала, в чем состоят сексуальные отношения. Если же жертва настаивала на обвинении, но обвиняемый мог доказать, что она ранее имела половые сношения с другим лицом, шансы на получение обвинительного вердикта присяжных были близки к нулю.

Да, да, вы всё правильно поняли!!! **В царской России можно было совершенно легально совокупляться с 10-летними девочками в борделе**, не страшась уголовного преследования.

И при этом, чтобы добавить в Уголовный кодекс абсурдности, обольщение взрослой женщины через обещание жениться и последующий отказ от такого обещания наказывались реальным сроком, от 16 месяцев до 2 лет тюрьмы. Правда, признаемся, в реальной практике это наказание практически не применяли.

А что с мальчиками?

А что тем временем происходило с лицами, совокупающимися с несовершеннолетними мальчиками? Тут всё было посерьезней. Для начала, закон рассматривал

гомосексуализм не как преступление против личности, а как преступление против общественной нравственности. Следовательно, начатое дело нельзя было прекратить за примирением сторон. Из тех же самых соображений наличие или отсутствие согласия не влияло на наказание. В любом случае, сексуальный акт с малолетним (то есть мальчиком до 18 лет) наказывался одинаково — лишением всех прав состояния и каторгой от 12 до 15 лет. Что же происходило, если жертва заявляла о своем согласии? Если ей было более 14 лет, суд ставил перед присяжными вопрос о действиях жертвы *с разумием*, и при положительном вердикте ее ожидало заключение в исправительном отделении на срок от 4 до 5 лет, как и всякого лица, добровольно участвующего в гомосексуальном половом акте. Разумеется, никто таких заявлений и не делал — адвокаты в старой России были хорошие.

И, наконец, судебная практика подводила под статью о мужеложстве и всякий случай орального и анального секса по согласию между совершеннолетними мужчиной и женщиной! Даже между супругами!!! Вот это круто, о таком ревнители православного благочестия сейчас и не мечтают.

Справедливости ради скажем, что статья о мужеложстве была противна и судьям, и прокурорам. На самом деле статья не работала, в год по ней обычно был менее 10 приговоров. Из этого можно сделать вывод, что желающие совокупляться с мальчиками на свою удачу подпали под общее мягкое мягкое отношение судебной системы к гомосексуалистам и в действительности избегали ответственности.

А что происходило с женщинами, совокупляющимися с несовершеннолетними мальчиками?

Ничего. Они не подлежали уголовной ответственности. Какой контраст с новейшими тяжкими приговорами злосчастным американским учительницам!

1903 год. Закон меняется.

Все хорошо понимали, что уголовный закон 1885 получился каким-то чудным и кривобоким, и во многих зонах, в особенности по части половых преступлений, его нормы явно несправедливы.

В 1903 году было принято Уголовное уложение, отражавшее изменившееся к тому моменту правосознание.

За половое сношение с девочкой до 14 лет теперь полагалось заключение в исправительном доме на срок от 1 до 3 лет;

За половое сношение с девочкой от 14 до 16 лет со всё тем же «употреблением во зло невинности и неведения» теперь полагалось от 2 недель до 1 года тюрьмы или от 1 года до 3 лет исправительного дома;

За половое сношение с мальчиком до 14 лет полагалось от 5 до 8 лет каторги;

За половое сношение с мальчиком от 14 до 16 лет со всё тем же «употреблением во зло невинности и неведения» теперь полагалось от 2 недель до 1 года тюрьмы или от 1 года до 3 лет исправительного дома.

Для справки, общее наказание за гомосексуальный половой акт смягчили, теперь это было тюремное заключение от 3 месяцев до 1 года.

Разумеется, новое уголовное уложение представляло собой определенный прогресс. Теперь бордели могли легально нанимать 14–летних девочек, а не 10–летних, как то было ранее.

Закон был очень запутанным, так как попытался различить «половое сношение», «любодеяние» и «любоострастное действие». Заметим, что сложная задача определения трех юридических степеней сексуальных контактов требовала создания большой прецедентной практики, учитывая наивность присяжных и ловкость адвокатов, характерную для той эпохи.

Но, увы, чуда не произошло — бюрократия убоилась вводить в действие новое Уголовное уложение, хотя оно было уже утверждено царем и опубликовано. Точнее, ввели в действие только часть, относящуюся к государственным, политическим и должностным преступлениям. А в части половых преступлений до самой революции продолжал действовать старый закон.

Так, до самой революции, сексуальные услуги детей продолжали предлагаться совершенно легально и открыто. В газетах можно было встретить объявления о том, что «10–летняя

девочка, невинная, красивая и ухоженная, ищет работу по стирке и глажке белья; обращаться к тете». И всякий читатель отлично понимал, что это за девочка и что за тётя.

Развод в царской России

Продолжаем нашу серию «Царская Россия с неожиданной стороны». Как обстояло дело с разводами? Напоминаю, что речь идет только об эпохе Александра III и Николая II.

Кто и как разрешал споры, связанные с браком и разводом

Для православных духовные власти обладали независимой судебной компетенцией в делах, связанных с разводом и браком. Эта компетенция не пересекалась с общей судебной, то есть суды не имели права входить в споры, отнесенные к ведению церкви. Церковно-судебная компетенция церкви была чисто «духовной» — гражданско-правовые вопросы, связанные с разделом имущества, алиментами, наследством, законностью рождения детей, разрешались судами общей юрисдикции. На епархиальном уровне духовными властями были консистории и епархиальные архиереи, на общецерковном — Святейший синод. Консистории были смешанными церковно-государственными учреждениями — совет из назначенных архиереем священников + обслуживающие этот совет чиновники. Синод был также смешанным учреждением: совет из архиереев, обер-прокурор, представляющий государство, подчиненный обер-прокурору аппарат из чиновников.

Причины для развода

Церковное право той эпохи предусматривало четыре причины для развода:

- прелюбодейание;
- физическая неспособность одного из супругов к супружескому сожитию;
- долговременное безвестное отсутствие супруга;
- осуждение одного из супругов к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния (грубо говоря, на срок более 5 лет).

1. Каторжники

Из всех этих причин в почти автоматическом режиме работал только один случай: осуждение на каторгу. Действительно, государство быстро и без лишних формальностей расторгало браки каторжников; желающие оставаться в браке должны были специально о том ходатайствовать. Это входило в общую концепцию наказания *лишением всех прав состояния*: осужденный лишался имущества (в пользу семьи или родственников), брачного статуса, родительских прав, сословного статуса, всех званий, чинов и наград, и даже прав, присвоенных по образованию.

2. Безвестное отсутствие

Церковь сделала всё, что было можно, чтобы такие разводы стали недоступными. Задумка была простой: супруг пропавшего должен был представить доказательства его отсутствия в виде справок из всех губернских и областных правлений России. Учитывая, что губерний и областей было 101, и кто-нибудь непременно забывал ответить, а справка действовала всего год — пока ты выбивал последние справки, кончался срок действия у первых. Чувствуете знакомую нотку? Да, все бюрократические пакости придуманы давно. В результате таких разводов бывало буквально 2–3 за год — безвестно отсутствующих были тысячи и тысячи, да только никто не мог собрать бумаги.

3. Физическая неспособность

Тут церковь тоже зажала все возможности развода. Под физической неспособностью понималась исключительно импотенция или анатомические дефекты гениталий. Такие вещи, как паралич или заболевание проказой в качестве препятствий для сексуальной жизни не рассматривались. Самое же главное состояло в том, что неспособность должна была иметься на момент вступления в брак, а обращаться за разводом можно было не менее, чем через три года после заключения брака. И так-то врачу сложно объективно понять, кто является импотентом (при условии, что сведения, сообщаемые пациентом, не принимаются во внимание). Узнать же при осмотре, был ли человек импотентом три года назад, и вовсе невозможно. Как легко догадаться, свидетельства лечащих врачей, долговременно наблюдавших

истцов, не принимались во внимание. Факт импотенции три года назад должен был установить государственный врач, ранее не выдавший истца в глаза. Разумеется, и это развод доставался весьма и весьма немногим.

4. Прелюбодеяние

Казалось бы, тут уж отказать в разводе супругам, желающим развестись, вовсе невозможно. Один притворится, что оскорблен прелюбодеянием и желает развестись, другой притворится и скажет, что совершил прелюбодеяние. Нет, не тут-то было! Собственные показания прелюбодеев не имели для церковного суда никакого значения. Нужны были два свидетеля. Не свидетели каких-то близких отношений. А свидетели полового акта. И не свидетели типа «я видел, как они лежали под одеялом и быстро двигались», а свидетели типа «я своими глазами видел, как он засунул свой член в ее влагалище». И два свидетеля должны были видеть *один* половой акт, а не разные. Сложно получить показания такого рода. Некоторые разводящиеся, не знакомые с процедурой развода, даже предлагали (безуспешно) членам консисторий самим сходить с ними в бордель и лично засвидетельствовать процесс прелюбодеяния.

Но на деле разводы по прелюбодеянию оказались тем видом разводов, где бабло смогло победить зло. Удивительным образом свидетели находились, а члены консисторий и Синода оказывались убежденными в правдивости их показаний. В 1910х годах количество разводов по прелюбодеянию достигло 3–3.5 тысяч в год и быстро увеличивалось.

Процедура развода

Поскольку реально развод давался только по прелюбодеянию, его мы и описываем. Желающие развестись подавали заявление в консисторию, которая присылала им священника для *увещевания*. Когда увещевание предсказуемо не срабатывало, начинались слушания. Являлись обе стороны и так называемые «лжесвидетели при духовной консистории». Псевдопотерпевшая сторона (по этике того времени, условным прелюбодеем должен был выступать муж, а потерпевшей жена) рассказывала о том, как она жестко страдает и не может жить с негодяем больше.

Псевдопрелюбодей соглашался с обвинениями, но замечал, что он не намерен исправляться и будет прелюбодействовать и далее. Потом выступали лжесвидетели. Это были люди, с которыми раз за разом происходило одно и то же неприятное происшествие: они шли к гости к знакомому, который жил в гостинице, но по ошибке путали номер и заходили в другую комнату. И там они видели такое! Почтенные протоиереи задавали уточняющие вопросы: «видели ли вы, где находился член господина N?» и тому подобное. Свидетели уверенно отвечали в нужном для дела ключе. Консistorия убеждалась в правдивости показаний свидетелей, тем более что эти злосчастные путаники видели подобное уже не в первый раз. Никаких реальных сведений (супруги много лет живут раздельно и на самом деле имеют другие семьи и т.п.) сообщать не требовалось.

Постановление консистории поступало на утверждение архиерею, который всегда очень легко с ним соглашался, не замечая ничего странного в обстоятельствах происшествия.

Потом дело в ревизионном порядке рассматривалось Святейшим Синодом. Синод заседал около 30–40 раз в году, и две трети каждого заседания уходило на то, что секретарь быстро и неразборчиво зачитывал собранию архиереев приговоры консисторий, то есть дичайшую порнуху, в которой подробно описывалось, что, кто, кому и куда засовывал. Оставшаяся треть заседания посвящалась вопросам церковного управления.

Сколько это стоило

Несложно догадаться, что такие чудеса происходили не бесплатно. Развод обходился в 3–5 тысяч рублей — то есть в три годовых жалованья рядового врача или гимназического учителя. На 3,5 тысячи разводов в год разводящими расходовалось 10–15 миллионов рублей, а вся годовая государственная субсидия церкви составляла 40 миллионов.

Кому шли эти деньги? Вопрос сложный. Понятно, что свою долю получали адвокаты, лжесвидетели и чиновники консисторий (это были открыто коррумпированные люди, неизменно ненавидимые рядовым духовенством и публикой). Получали ли деньги члены консисторий, епархиальные архиереи и члены

Синода? Понять сложно. Современные архиереи, судя по всему, есть люди алчные, подлые, лживые и развратные (к такому выводу нас подводит многолетняя деятельность о. Андрея Кураева и патриарха Кирилла). Но о дореволюционных архиереях такого не скажешь. Это были чаще всего люди скучные и заурядные, но вполне порядочные, особенно в финансовом смысле. А уж в епархиальных консисториях заседали просто старшие по службе протоиереи, на ту эпоху люди весьма почтенные. Я думаю, что денег они не брали, во всяком случае подавляющее большинство не брало. Они просто были в подчинении у прогнившего насквозь церковно-чиновничьего аппарата и не решались возражать. Обер-прокуратура сказало надо, значит надо. Похоже, кстати, что и обер-прокурорам ничего не доставалось.

Скандалы, связанные с разводами

В начале века непрерывно происходили громкие скандалы, связанные с разводами и женитьбой на разведенных в высшем обществе. Премьер-министр Витте дважды женился на разведенных, выкупая их у мужей за большие деньги, для чего ему приходилось влезать в долги. Великий князь Михаил, брат царя, практически насильно отобрал жену у офицера своего полка (при этом для нее это был уже второй брак после развода). Царь рассердился на брата, тот попал в некоторую опалу, но потом все помирились, и жене Михаила Александровича даже дали титул графини Брасовой.

Самый же громкий скандал произошел с военным министром Сухомлиновым. Он вознамерился жениться на некоей г-же Бутович, муж который не желал развода. Жена, тем не менее, подала на развод, что было глубоко не по правилам игры. Но политическое влияние превозмогло всё — Синод стал рассматривать дело в отсутствие истца и при отрицании им факта прелюбодеяния, чего ранее не случалось. Бутовича обвиняли в прелюбодеянии с француженкой-служанкой, свидетели давали показания в обычном режиме. И тут Бутович сделал сильный ход — от француженки, к тому моменту уехавшей во Францию, пришло официальное медицинское свидетельство, что она девственница. Синод, находившийся под политическим давлением, ответил не менее сильным ходом — просто потерял эту бумагу и окончил

разводное дело при протестах Бутовича, имевшего на руках расписку о получении Синодом справки. Бутовича оклеветали? Историки нашли письмо от синодского чиновника к Бутовичу, где сказано: «теперь с бумагами всё в порядке, смело употребляйте вашу подругу хоть в п...у, хоть в ж...у». Думаю, что это письмо исчерпывающе характеризует достигнутый к тому моменту уровень государственно–церковного управления.

Из всего вышесказанного понятно, что дорогой и относительно редкий развод стал к началу 20 века чем–то очень модным и рассматривался как знак состоятельности, продвинутости и принадлежности к высшему обществу. Витте говорил, что если женщина хочет найти себе хорошего мужа, ей нужно прежде всего выйти замуж. Смысл высказывания в том, что жениться на разведенной престижно, а ухаживать за замужней дамой интереснее, чем за незамужней девушкой, так как незамужние девушки в ту эпоху еще не начали практиковать добрачный секс, а вот супружеские нравы были, напротив, весьма свободными.

P.S. Во Франции того времени тоже существовал развод по прелюбодеянию. Для женщины прелюбодеянием признавался однократный секс с другим мужчиной. Для мужчины — нет, его признавали прелюбодееем, только если он приводил в дом другую женщину, и открыто (при наличии в доме жены) сожительствовал с ней в течение длительного времени. Французские нравы того времени были свободными. Законодатель считал, что если разводить однократно изменивших жене, то проще будет просто одномоментно аннулировать все браки.

P.P.S. Когда министр финансов Витте первый раз решил жениться, он волновался — жена была разведенной, и при том еврейкой, для министра в этом заключался некоторый скандал. Рапорт с просьбой разрешить брак надо было писать начальнику, то есть, для министра, непосредственно царю. Александр III, человек флегматичный, но любивший язвительные резолюции, написал на рапорте: *«Да хоть на козе»*.

Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 1

Это продолжение серии постов про то, как и что было устроено в позднеимперской России, ранее публиковались посты про университеты, паспорта, винную монополию, браки и разводы.

Теперь мы добрались до железной дороги. Это реально любопытная тема. Рассказ будет идти по отдельным пунктам и займет несколько постов. Темой является устройство железной дороги с точки зрения пассажира и получаемых им услуг. Если интересует что-то конкретное, заказывайте в комментариях, и ответ появится в следующем выпуске.

1. В старой России не было ни единого, ни поясного времени. В каждом конкретном населенном пункте действовало правильное астрономическое время, то есть астрономический полдень всегда происходил ровно в 12 часов дня, так что при передвижении в широтном направлении местное время непрерывно изменялось. Не будем даже комментировать, до какой степени это усложняло железнодорожные расписания. Не случайно, часы имелись не только на самом здании вокзала, но также и в каждом его помещении и на каждом перроне – иначе местные пассажиры

могли бы забыть, что время на железной дороге другое (петербургское), и опоздать на поезд.

2. Железные дороги были отчасти казенными, а отчасти частными, к концу империи существовало 15 частных дорог. Несмотря на это, все они перевозили пассажиров и грузы таким образом, что существование дорог как разных организаций не было заметно пассажиру/грузоотправителю. С любой станции России можно было отправить груз на любую другую. Почти с любой станции России (за исключением разных мельчайших тупиковых веток) можно было купить единый пассажирский билет (разумеется, подразумевавший пересадки) на любую другую. Тариф был единым и зависел только от класса груза / класса пассажирского вагона и расстояния. Никаких наценок/скидок по сезону, оптовых скидок постоянным клиентам и т.п. вещей не было и не могло быть. Если маршрут пролегал через несколько железных дорог, то они делили выручку по своим правилам, не беспокоя пассажира, заплатившего единую цену за единый билет.

3. При этом существовало удивительное явление – именные железнодорожные жетоны (пример на КДПВ), маленькие ювелирные изделия (обычно их цепляли на часовую цепочку), дававшие право бесплатного проезда по конкретной частной железной дороге. Жетоны обычно выдавали директорам дорог (по-нашему это члены правления), а также и просто крупным акционерам, или же очень важным и состоятельным лицам, имеющим большие деловые и личные связи с основной группой акционеров. Жетоны были как бы орденами миллионера, это была верная примета випа и богача. Как всегда бывает, право бесплатного проезда доставалось как раз тем, для кого стоимость проезда ничего не значила.

4. Пассажирские вагоны (точнее, места в вагонах, было много вагонов микст, двух классов пополам) делились на три класса. Стоимость билетов в III / II / I классе всегда соотносилась как 2 – 3 – 5. Ни в коем случае нельзя думать, что это было каким-то аналогом нашего плацкарта, купе и СВ. Все три класса, в смысле компоновки вагона, наличия купе, расположения и устройства мест могли выглядеть как угодно, в зависимости от возраста вагона, конкретной железной дороги и конкретного маршрута.

Например, в скорых поездах Петербург–Москва 1й класс отчасти был двухместным узким купе, отчасти привычным нам четырехместным купе, отчасти странным большим четырехместным купе, в котором на ночь проводник устанавливал перегородку, разделяющую его пополам (зачем?) – и это всё в одном вагоне и за одни деньги. Между тем, на всяких коротких тупиковых линиях в провинции пассажирам 1го класса могли подать маленький вагончик, обставленный как гостиная в жилом доме – с набором разных диванчиков и отдельных кресел, стоящих в едином пространстве и смотрящих друг на друга. Существовали и компоновки, очень похожие на современный сидячий поезд, с рядами кресел без купе и проходом посередине, были и решения, которые сейчас можно увидеть в Европе – купе с дверью, а внутри кресла напротив друг друга.

Наша типология железнодорожных вагонов наследует опыт Международного общества спальных вагонов. Это была частная компания, эксплуатировавшая свои вагоны и поезда из них (при тяге железной дороги), только I и II классов, на нескольких длинных маршрутах, наиболее популярных у обеспеченной публики. Эти вагоны/поезда очень любили, так как они были комфортнее всех прочих при единой с ними цене. Вот у них 1й класс был как современное двухместное купе СВ, а 2й класс был как современное четырехместное купе. Только самих купе в вагоне было меньше, так как он был короче. Откуда тогда взялся наш плацкарт? Такие вагоны тоже существовали в старой России (среди многих других вариантов), с жесткой дерматиновой обивкой это был бы 3й класс, а с мягкой, плюшевой – 2й. Вагоны 1 и 2 классов часто отличались чисто символически, в 1 классе обивка была из мягкой ткани и с оборочками. 3й класс всегда был заметно беднее.

5. Настоящая природа классов вагонов была социально-гигиеническая. 1 и 2 классы предназначались для чистой публики, в буквальном смысле слова чистой – нет вшей, вся одежда стиральная, белье белое, обувь вычищена. Внутри этого можно было выглядеть как угодно. Старомодное «немецкое» платье пожилого провинциального купца было, в принципе, простонародным, но могло стоить дороже, чем пиждачная пара небогатого интеллигента. Главное, в первых двух классах была гарантия, что

на тебя не перепрыгнет с соседа вошь. Это совершенно не значит, что в 3 классе все были вшивые. Напротив, небогатые интеллигентные люди в пиджаках и сюртуках там тоже встречались, даже некоторые скромные и простые богатые люди из принципа ездили в 3 классе. Это значит, что вшивого человека в обношенной одежде, раз он собрался куда-то ехать, из 3 класса не выгоняли, а всем соседям полагалось его терпеть.

Разница между 1 и 2 классами была не такая важная, как между ними обоими и 3м классом. Она ограничивалась лишь тем, что пассажиры 1го класса побогаче. Поэтому на станциях поменьше были общие залы ожидания первых двух классов — а вот 3й всегда отдельно, были вагоны микс 1 и 2 классов. В принципе, так сейчас выглядит разница между экономом — и бизнес — классами в какой-нибудь Люфтганзе при внутриевропейских перелетах на коротком плече — всё то же самое, только между классами занавеска, а тот же жалкий сэндвич принесут на фаянсовой тарелке.

6. Совсем богатые люди разъезжали в личных вагонах. У крупных миллионеров они были свои, а богачи попроще заказывали у дороги салон-вагон на каждую отдельную поездку. Кстати, цена была не особо большой — надо было оплатить столько билетов, сколько было мест в вагоне 1го класса того де поезда (от 16 до 22), так что большие компании людей (например, гости, едущие на свадьбу), привыкших ездить в 1м классе часто, заказывали салон-вагоны, не неся больших дополнительных расходов. Обычно салон-вагон цепляли к поезду последним, и его оконечность была остеклена, так что из гостиной вагона открывался перспективный вид. Дороги не держали салон-вагоны в ожидании богатых клиентов, они в норме предназначались для служебного развозов всякого начальства по линии, отлично сохранившийся салон-вагон дирекции Владикавказской дороги, использовавшийся затем Сталиным, можно посетить в Гори.

Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 2

7. Как в старину решалась проблема с овербукингом? Как мы понимаем, если разные кассы не объединены в единую компьютерную сеть, мгновенно передающую данные о продажах, два кассира на разных станциях могут продать билеты на одно и то же место в поезде.

Решение было чрезвычайно простым. Во-первых, все билеты по умолчанию (об исключениях мы расскажем далее) продавались без мест, что снимало проблему контроля за каждым конкретным местом. Во-вторых, гарантия от овербукинга предоставлялась только тем, кто покупал билеты на первой станции данного маршрута – кассир просто считал, сколько билетов на данный поезд и класс он уже продал. Всем, кто пересаживался с другого поезда (при поездке по билету с пересадками) или садился в поезд на промежуточной станции, гарантия от овербукинга не предоставлялась. Когда в вагоне заполнялись все места, проводник просто не пускал туда пассажиров с билетами, они были обязаны

ждать следующего поезда (часто он приходил только через сутки) или же могли вернуть все деньги за билет. Просто и жестоко. Если места при проходе промежуточной станции были, но новых пассажиров с билетами оказывалось больше, пускали тех, кто купил билет первым.

Для богатых и капризных было кое-какое решение – можно было забронировать место на уже отправившийся поезд по телеграфу. Пассажир уплачивал небольшой сервисный сбор, и на ближайшую станцию, к которой подходил поезд, посылали телеграмму, которую отдавали старшему кондуктору поезда. Если места были, кондуктор их бронировал, если нет – телеграфом же посылали отказ. В случае отказа возвращали сбор, но не стоимость телеграмм.

Но на самом деле проблема овербукинга мало беспокоила людей – поезда были заполнены очень слабо, в среднем на 50–60%, 100% заполнения случалось редко-редко.

8. Вся эта политика имела большие последствия – поскольку места были ничьими, пассажиры садились на них в произвольном порядке и сами хлопотали о том, чтобы их за собой удержать (по правилам, ушедший с места должен был либо оставить на нем вещь, либо не заявлять претензии, если его занял другой). А это значило, что даже если место и имеет вид нормального дивана, постельное белье не выдается.

В первом классе в вагоне, если он был оборудован длинными диванами, а не одиночными креслами, обычно было столько мест, сколько есть места для спанья, во втором – по-разному, а в третьем обычно было больше мест, чем мест для спанья (как у нас в общем вагоне). Но даже в первом классе (об исключениях дальше) белья не было, и многие люди ездили со своими подушками, даже в правилах было написано, что подушки провозятся бесплатно.

Заметим, что на самом деле место для спанья находилось для всех даже в третьем классе – по той же причине, что и не было реального овербукинга – потому что вагоны редко бывали загружены более, чем на две трети.

9. Еще одна причина странного обычая продавать билеты без мест – преобладание коротких поездок. Пассажир 3го класса в

среднем проезжал 100–110 км, 1го класса – 250 км. Дело было не в том, что длинные поездки обходились дорого, или ездить далеко было незачем. Просто железная дорога была основным средством транспорта на тех небольших расстояниях, на которых ее сегодня вытеснили маршрутки. Мало кто в наше время поедет на 100 км в соседний город поездом дальнего следования – прямо на вокзальной площади провинциального города пассажира обычно ждут задрюканые газели, которые ходят в 10 раз чаще, чем этот поезд, и еще тратят на дорогу меньше времени. В начале 20 века вместо газели была телега или коляска, которые вообще не успевали проехать 100 км за день, если дорога не была идеальной, и еще их трясло на колдобинах. Поезд же казался чудом комфорта и стремительно пролетал 100 км за три (ну, иногда за четыре) часа.

10. И наконец, людям той эпохи было морально тяжело находиться в раздетом виде при особах другого пола, даже если они лежали под одеялом. Конечно же, простой мужик в зипуне, ехавший в третьем классе мало чего стеснялся – но не факт, что он считал нужным снимать зипун даже когда он мылся в бане. Снял тулуп и лапти – готов ко сну. А люди в пиджаках и сюртуках стеснялись снимать пиджак/сюртук при посторонних дамах, в одном жилете и рубашке им было как-то не по себе. Что уж говорить о дамах. Если бы дама задумала снять верхнюю часть своего платья – это нечто вроде курточки в обтяжку из плотной ткани – то она осталась бы практически голой, на ней была бы всего лишь белая крахмальная блузка, под ней жесткий корсет, под корсетом нижняя рубашка. В таком дезабиле в публичном месте находиться невозможно.

В результате, даже первый класс (в вагоне без нумерованных спальных мест) ночью выглядел странно – на мягких, обтянутых добротной тканью диванах, спали парадно одетые господа и дамы в полном костюме, без простыней и одеял, на взятых из дома подушках.

Впрочем, железная дорога старалась смягчить неудобства – в вагонах выделялись дамские купе, а в больших поездах даже и дамские вагоны (разумеется, только для первых двух классов); все прочие вагоны/купе от этого не делались мужскими и предназначались для обоих полов.

Но, как мы упоминали, параллельно с основным типом вагона без мест и без белья существовали и спальные вагоны привычного нам типа, об этом пойдет речь в следующем посте....

Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 3

Продолжение рассказа про железную дорогу в старые добрые времена.

11. Параллельно с обычными поездами в которых билеты продавали без мест, а то, что место окажется спальным, не гарантировалось вовсе, существовало и некоторое количество вагонов с нумерованными спальными местами. В них всегда было спальное место для каждого обладателя билета, а купившим несколько билетов могли достаться места рядом/в одном купе – в общем, всё так, как мы привыкли.

Но за это надо было сделать доплату – в дополнение к общему билету купить *плацкарту*, особый добавочный билет. Плацкарта, купленная на станции отправления, гарантировала место с заранее известным номером. Плацкарта, купленная на промежуточной станции, не гарантировала (как и обычный билет) ничего, кроме того, что твое место (если для тебя найдется место в вагоне) точно будет спальным.

Но даже плацкарта не включала в себя стоимость белья и не гарантировала самое его существование в данном вагоне. Белье было не везде, а там где было, за него надо было сделать еще одну доплату. Кстати, это было не так и глупо – как мы помним, многие пассажиры ехали на небольшие расстояния и в белье не нуждались.

Почему привычный нам тип плацкартного вагона так называется, ведь старинная плацкарта с ним не была связана, более того, ее и покупали обычно в такой вагон, который мы сегодня называем купейным? Дело в том, что основная масса народа ездил в 3 классе, а вот там, действительно, если бывали спальные вагоны с нумерованными местами, то они чаще всего имели компоновку, схожую с современным плацкартным вагоном. Простой народ, не подозревая, что बारे в купе тоже купили плацкарту, стал называть именно эту компоновку плацкартной.

12. Кроме доплат за плацкарту и за белье, несчастным пассажирам иногда приходилось делать и третью доплату – за скорость, ее взымали в скоростных и курьерских поездах. Впрочем, эти поезда действительно ездили побыстрее.

13. Владелец единого билета, дающего право на проезд по составному маршруту с пересадками, мог купить на станции отправления только сам единый билет, а также сделать доплаты за плацкарту и скорость на первый участок маршрута (если он выбрал поезд соответствующего типа). С остальными участками маршрута ему предстояло разбираться на пересадочных станциях – единый билет значил лишь то, что ты уже заплатил (без учета необязательных доплат) за весь путь в определенном классе, а конкретные поезда (в каких-то случаях, при наличии альтернатив, даже сам маршрут) пассажир выбирал сам. В принципе, единый билет имел открытую дату (обычно он действовал на 1–5 суток дольше, чем можно было доехать кратчайшим образом, в зависимости от расстояния), и пассажир мог отправиться в путь в любой день и провести какое-то время на пересадочных станциях, садясь не на первый поезд, идущий в нужную ему сторону. Более того, даже пассажир, уже севший в поезд, мог выйти на любой промежуточной станции и оформить бесплатную остановку срок до месяца.

Откуда взялся такой странный порядок? Это было следом начального этапа развития дорог, когда на многих направлениях поезда ходили редко, не каждый день, и много для кого пересадки обозначали ночевку в гостинице. Даже в начале 20 века, когда практически на любой станции поезд до ближайших крупных узловых станций проходил хотя бы пару раз в сутки, пересадки

продолжали оставаться очень неудобными, длинными – у железнодорожников не хватало гибкости и вычислительных мощностей для того, чтобы сверстать расписание с короткими пересадками в самых популярных направлениях. Пассажиры понежней и побездельнее не желали торчать в станционном зале ожидания по полсутки, а вместо того ехали в гостиницу и сиделись на поезд, пропустив день и выспавшись.

Заметим, к чести железных дорог, что они широко применяли очень сложное средство для борьбы с неудобными пересадками – прицепные вагоны к поездам дальнего следования, на последних участках пути уезжавшие в сторону от основного маршрута. Это тоже было не мгновенно, но хотя бы не надо было выгружаться из вагона.

14. И наконец, пришла пора рассказать об удивительном установлении – правилах проезда по железным дорогам командированных офицеров. Офицеры имели право проезжать в вагоне на класс выше, чем купленный ими билет. Но это было еще не всё. Военное ведомство оплачивало им поездки из такого расчета, как будто бы они ехали на почтовых лошадях по обычной дороге. Существовал почтовый дорожник, по которому высчитывали расстояния, нормы выдачи лошадей (две обер-офицеру, три штаб-офицеру, шесть генералу), тариф оплаты лошадей (чаще всего 3 копейки за лошадь-версту). При этом на множестве маршрутов уже не было возможности сквозного передвижения (зачем, если есть железная дорога), уже давным-давно не существовало единой государственной почтой службы с регулярно расположенными станциями, перевозившей пассажиров по дорогам, кое-где была земская почта, возившая пассажиров без устройства почтовых станций как таковых. Соответственно, у офицеров не спрашивали и документов, подтверждающих расходы на выданные *прогонные*.

Финансовые результаты были такие. Для полковника поездка из Петербурга в Москву и обратно по билету 3 класса (его при этом по льготе везли во 2 классе) на поезде обычной скорости обходилась в 12.8 рубля. Казна, между тем, выдавала ему 122 рубля прогонных. А вот путешествие в Иркутск (5100 верст) уже

приносило нашему полковнику около 900 рублей чистой прибыли – это при том, что командир полка получал в год 3780 рублей.

В результате, как легко догадаться, военные обожали командировки, а начальство использовало командировку в качестве премии для отличившихся подчиненных. Ленивый и вечно нуждающийся в деньгах военный министр Сухомлинов обвинялся в том, что непрерывно ездит для осмотра военных округов, причем весь осмотр заключается в том, что командующий округом является с рапортом в его салон–вагон, после чего министр уезжает обратно.

Как была устроена железная дорога в старой России. Часть 4

Въ случаѣ сдачи однимъ и тѣмъ же лицомъ мертвыхъ тѣлъ двухъ дѣтей для перевозки одновременно на одну и ту же станцію назначенія, плата взимается какъ за одинъ гробъ съ покойникомъ.

Не буду даже комментировать, всё ясно и без моих объяснений. Почувствуйте ужас жизни в старинные времена.

Кровавое воскресенье: что было нужно рабочим

История Кровавого воскресенья (9 января 1905 года) известна весьма хорошо, но один момент всегда ускользал от внимания историков – а что, собственно говоря, просили у царя рабочие, возглавляемые о. Гапоном, в своей петиции?

Я решил внимательно, по пунктам, прокомментировать текст знаменитого документа, чтобы дать читателям контекст эпохи и позволить понять, как именно царь мог бы отнестись к петиции в том гипотетическом случае, если бы он решил пойти навстречу требованиям рабочих. Генеральные выводы до такой степени печальны и очевидны, что я даже не буду их излагать.

Оригинальный текст петиции (итоговая редакция, которую и несли рабочие к дворцу) выделен курсивом, комментарии даны красным.

Государь!

Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы–родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

На самом деле, заработная плата в промышленности непрерывно росла, но только очень медленно – приблизительно на 1%–1.5% в год (с учетом инфляции). Немного сокращался рабочий день (где-то на 10 минут в день за год), по капле, не на всех предприятиях одновременно, улучшались условия труда. Было очевидно всем, что царь не имел оснований верить в такие сообщения немедленно, и ни при какой проверке указанные мнения бы не подтвердились.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали. Нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон.

Полностью резонное замечание. Отсутствие легальных переговорных площадок и лишение рабочих права на ассоциацию приводили к ужесточению трудовых конфликтов, бастовать приходилось там, где можно было бы и договориться, если бы переговоры были законными.

Незаконными также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день; устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить

чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Легкое преувеличение: перечисленные просьбы не являлись политическими, и заявление их без забастовки не составляло правонарушения; но сама забастовка как таковая им являлась, что, по понятиям развитых стран той эпохи, было дикостью.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них.

Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Опять крайне меткая и основательная критика, направленная на отсутствие у подданных Российской империи базовых гражданских прав.

Нас поработили и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление.

Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающих эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие

и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выразить свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовать в союзы для защиты своих интересов.

Набор натяжек. Правительство находилось на историческом минимуме коррумпированности, а уж к министерству финансов и подчиненной ему фабричной инспекции никаких замечаний в этой плоскости вообще не было. Правительство защищало отечественную промышленность высокими ввозными пошлинами, налоги на промышленное производство были минимальными, налогов же на зарплату рабочих не было вообще. Душевой ВВП непрерывно рос, даже несмотря на негативное влияние войны. Всякий мог отправиться в библиотеку и прочитать там государственный бюджет и отчет Госконтроля по его исполнению.

Между тем, замечания про выражение желаний и требований, участия в установлении и расходовании налогов, свободы союзов – то есть требование парламентарного строя – были неприятны царю, но выражались к тому моменту всеми слоями образованного общества и представлялись как бы европейским стандартом.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты–эксплуататоры рабочего класса и чиновники–казнокрады и грабители русского народа.

Упомянуть *капиталистов–эксплуататоров* в петиции не стоило. Шансы на то, что царь уже усвоил марксистские взгляды, или присоединится к ним, прочитав петицию, были нулевыми. Вне марксистской политэкономии капиталисты *эксплуаторами* не являлись. Еще глупее было упоминание чиновников–казнокрадов, царь был в курсе известных индицентов такого рода и умел

достаточно верно оценить степень коррумпированности бюрократии, которая была весьма незначительной.

Вот что стоит перед нами, государь, и это—то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо [народное] представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, и для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов.

Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все; это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

Требование всеобщих и равных выборов в учредительное собрание автоматически означало, что это собрание будет крестьянским: 75–80% населения страны на тот момент

занимались земледелием. Между тем, органическая крестьянская программа не могла понравиться рабочим. Дело в том, что обнулив ввозные таможенные пошлины, крестьяне (да и вообще все, кроме рабочих) получили бы 25% снижение цен на все промышленные товары, отечественная промышленность, не умеющая конкурировать с иностранной, немедленно умерла бы, а рабочие в полном составе пошли бы просить подавание. По совести, рабочие были меньшинством и бенефициарами протекционизма в той же мере, что и фабриканты, так что им надо было просить царя не о равном избирательном праве, а об избирательных предпочтениях для своего сословия.

Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России.

Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

Справедливое и четко сформулированное требование, находящееся в понятной связи с рабочей борьбой.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

Пункты 1 и 2 представляют собой переход от собственно рабочей петиции к политическому манифесту общего содержания. При этом смысл преамбулы петиции теряется: как именно рабочие обнищали из-за отсутствия свободы совести и наказаний участников крестьянских беспорядков? В последующих пунктах 4,5,6 это проявляется еще сильнее.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

Просьба резонная, но нивелируемая тем, что именно в Петербурге с начальным народным образованием всё было неплохо и непрерывно становилось еще лучше, и платы в народных школах не было.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

Опять справедливое требование в расплывчатой формулировке. Понятно, в чем может заключаться ответственность министров перед парламентом, теоретически представляющим народ, но как можно реализовать их прямую ответственность перед народом?

5) Равенство пред законом всех без исключения.

Принципиально справедливое требование в расплывчатой формулировке. Например, все подданные и так были равны перед уголовным законом, но с большими исключениями для мелких преступлений крестьян, причем в обе стороны: за что-то крестьяне наказывались жестче, но за другое – существенно мягче. Почему рабочие вдруг заступаются за крестьян и что именно они хотят?

б) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

При финансовом балансе той эпохи замена огромных косвенных налогов (под этим в петиции разумеются акцизы на водку, табак, сахар и керосин) привела бы к тому, что никаких доходов имущего класса не хватило бы для замещения выпавших сумм, и значительная часть подоходного налога легла бы уже и на наиболее обеспеченных рабочих. Исчезновение акциза, заложенного в цену водки, привело бы как минимум к четырехкратному ее подешевению со вполне очевидными последствиями. Вообще, данный пункт представляет собой лозунг «даешь дешевую водку» в удачной редакции.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

Выкупные платежи действительно были отменены с 1907 года. Передача земли народу – неопределенный лозунг, тут можно иметь в виду и конфискацию земли у частных собственников в пользу крестьян, и ее выкуп по рыночным ценам государством с безвозмездной передачей крестьянам, и ее принудительный выкуп государством с последующим возмещением этих расходов крестьянами (как уже один раз было сделано).

3) Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

Соответствующие распоряжения уже были отданы в 1902 году, но отечественная промышленность не умела удовлетворить все запросы военного ведомства, так что кое-какие неотложные вещи, шансов на изготовление которых в России в обозримый срок не имелось, по-прежнему заказывались за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

Загадочный пункт, неизвестно как сочетаемый с требованием созыва парламента. Что имеется в виду: либо будущий парламент получит право прекращать войны, то ли в какой-то момент войны надо будет организовывать плебисцит об ее продолжении? В целом требование фантастично, даже в развитых демократиях государственное управление военного времени неизбежно носит оперативный характер и полномочия парламентов при решении срочных и секретных военно-политических вопросов резко уменьшаются.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

Вот это явный перебор. Фабричная инспекция вела себя нейтрально в спорах о величине заработной платы, зато вполне эффективно защищала рабочих от обсчета, невыдачи зарплаты, навязывания дорогих товаров из фабричных лавок вместо зарплаты, несправедливых штрафов, а также смогла убрать из промышленности детей.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение

рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

Сама идея удачна, лучше договариваться, чем бастовать. Но по тогдашнему понятию, такие комиссии должны быть трехсторонними, предприниматель–чиновник–рабочие, чтобы голос нейтрального чиновника был решающим. Если сделать комиссию двусторонней, с равным числом голосов для сторон, она не сможет принимать решения; если дать перевес голосам рабочих, то это автоматически приведет к пожизненной занятости – а это уже через край по любым понятиям.

3) Свобода потребительно–производительных и профессиональных рабочих союзов — немедленно.

Опять полностью резонное требование.

4) 8–часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

8–часовой день был главным лозунгом мирового социалистического движения. Для России на 1905 год был типичен рабочий день продолжительностью 10–10.5 часов. Таким образом, царю предлагается уменьшить рабочий день на 20%, причем, судя по общему тону петиции, уменьшения заработной платы не предполагается. Очевидно, что такое мероприятие вызвало бы повышение себестоимости продукции где–то на 15%. Что бы это значило? Учитывая, что российская промышленность уже была ограждена ввозной пошлиной со средней высотой 30%, и при этом еде–еле конкурировала с иностранной, пошлину надо было бы дополнительно увеличить на те же 15%, после чего на эту же величину подорожали бы равно отечественные и импортные товары. По существу, рабочие предлагают возложить субсидирование их заработной платы (от существующего положения, представляющего собой рыночный баланс) на всех потребителей в совокупности.

5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

Принцип понятен, но необходимо уточнение допустимых форм такой борьбы. Победивший в развитых странах подход состоял в том, что рабочие имеют право бастовать, но не имеют право занимать фабрику во время забастовки, предприниматель имеет право объявить локаут и нанять штрейкбрехеров, доступу

которых на фабрику бастующие не должны мешать. На таких условиях шансы сторон в борьбе уравниваются, а насилие исключается. Без этого уточнения под борьбой может пониматься и захват рабочими производств, а это, ясное дело, царю (и вообще любому вменяемому правительству) не подойдет.

б) Нормальная заработная плата — немедленно.

Нормальная заработная плата — это то, что сегодня называется в России МРОТ. Тут имеет значение конкретный размер, без которого требование не имеет смысла. Можно сделать МРОТ на уровне заработной платы самого бестолкового чернорабочего, и тогда его введение никак не коснется основной массы рабочих.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих — немедленно.

Это требование было удовлетворено правительством. Выборные от рабочих в начале 1905 года были приглашены в комиссию сенатора Шидловского, выработывавшую законопроект. Выборы членов комиссии от рабочих были сорваны партийными активистами, потому что не о чем рабочим разговаривать с чиновниками, надо делать революцию.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организовать для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьею правительством.

Повели и поклянись исполнить их и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатаешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и не зачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее!

Самая странная отечественная школа: как и чему учили в Киево–Могилянской академии

Украинцы любят упоминать, что в Киеве с 17 века существовало единственный для славянско–православного мира университет – **Киево–Могилянская Академия**, удивительный источник знаний и учености, затем, уже в начале 19 века, загубленный клятыми москалями.

Разумеется, всё не совсем так.

Киевская Академия была основана митрополитом Петром Могилой в 1633 году; это была перенесенная на православную почву иезуитская *коллегия*, организованная достаточно точно (хотя и с упрощениями) по Учебному уставу ордена иезуитов (*Ratio Atque Insitutio Studiorun Societatis Iesu*) издания 1599 года. Настоящие творцы этого типа учебного заведения – славнейшие люди, **св. Игнатий Лойола**, **о. Диего де Ландесма** и **о. Иероним Надаль**, все они испанцы, жившие в 16 веке. Петр Могила не только не придумал ничего нового в устройстве своего учебного заведения, но и взял из стандартной иезуитской коллегии весь комплект учебной литературы, не обращая внимания на некоторую разницу католического и православного исповеданий.

Коллегия, конечно же, совсем не была университетом. Это, скорее, школа повышенного типа, куда принимают детей (не умеющих читать и писать) в возрасте 8–10 лет, и в которой эти дети обучаются 10–12 лет, затем, если им угодно, превращаясь в абитуриентов настоящего университета.

Хотя Киево–Могилянская академия не была университетом и св. Петр Могила ничего не придумал сам, он был большим молодцом и сделал великое дело. Именно такое учебное заведение и было нужно православным подданным польского короля, чья элита заметно отставала от поляков в образованности и культурности. Академия учила православного шляхтича ровно тому, чему был научен польский шляхтич, закончивший одну из многочисленных иезуитских коллегий. Вполне разумно то, что Могила не стал придумывать свою педагогику и создавать оригинальную учебную литературу – у православных,

находившихся к 17 веку в полнейшей интеллектуальной деградации, все равно не было на это ни навыка, ни сил. Конечно же, весьма закономерно, что столь успешный тип православного учебного заведения появился в Речи Посполитой, в условиях доступа ко всем богатствам католической учености. И наконец, на удачу московским царям, это учебное заведение попало в 1654 году в их державу вместе с Киевом – понятно, что ничего подобного в условиях московской интеллектуальной изоляции создать было невозможно.

Самое интересное в Киево–Могилянской Академии – это то, как она была устроена и чему там учили. *Игнацианская педагогика*, полностью противоположная знакомой нам школе, на взгляд современного россиянина как будто бы придумана марсианами – но при этом мы знаем, что она отличнейшим образом воспитывала людей и добивалась всех поставленных целей.

1. Иезуитская коллегия – это церковная по подчиненности, светская по целям школа, в которой монахи учат детей богословию без всяких планов по превращению этих детей в священнослужителей. По существу, это одна из первых манифестаций идеи «мягкой силы» – иезуитам нужно лишь то, чтобы ученики выросли хорошими, солидными и интеллектуально развитыми людьми. Всё остальное – уважение бывших учеников к ордену, католической церкви в целом, следующий из этого рост влияния католицизма – образуется само собой.

Сегодня по этому принципу работает огромная (более тысячи по всему миру) сеть Гюленовских лицеев, совершенно не насилующая учеников идеями Хизмета, но усиливающая это движение исподволь.

2. Коллегия – восьмиклассная школа, в которой один класс может быть равен одному году обучения, а может быть и двумя, и тремя годами, если ученик усваивает материал медленно. В Киево–Могилянской академии даже поощрялось двухлетнее обучение в старших классах, то есть быть второгодником – совсем не позор. Внутри иезуитской педагогики наличие в классах второгодников полезно: учитель даст одному задание посложнее, другому попроще, один, поопытней, проверит у другого выученное, и т.п.

3. Тип коллегии был создан ранее, чем Ян Амос Коменский изобрел привычный нам классно–предметно–урочный метод обучения. Там учили так, как мы продолжаем учить в начальной школе: ученики одного года обучения составляют класс, и весь учебный день с ними занимается один учитель, который и учит их всему, чему нужно учить, как бы в рамках одного большого урока, разделяемого перерывами. Дети переходят в следующий класс – но учитель с ними остается тот же. Только в 18 веке в Академии появились дополнительные к основному курсу предметы (обычно факультативные) и ведущие их учителя–предметники.

Примечательно, что учитель учится вместе с учениками (конечно же, на более высоком уровне знаний по тем же предметам). Первоклассников учит молодой монах, который пока мало что еще знает, с каждым годом он повышает свою квалификацию, класс подошел к выпуску – пора выпускать и преподавателя, он уже созрел для более сложной работы, например, его можно сделать настоятелем монастыря или даже епископом. На самом деле, конечно же, такая схема работала не идеально, и некоторые учителя оставались в коллегии надолго.

4. Классы были невероятно разновозрастными, с разницей лет так в 5–7. Детей объединял уровень знаний, а не возраст. Для иезуитской педагогики и это хорошо: школа нацелена на социализацию более, чем на освоение знаний, а разновозрастная среда в классе социализирует лучше, так как схожа с обстоятельствами взрослой жизни.

5. Иезуитское обучение имеет целью формирование личности, а не информирование. Чем более абстрактный характер имеет проходимый материал, чем умозрительнее все рассуждения, с которыми сталкивается ученик, тем и лучше. Исходя из этого, школьный курс коллегии не содержал вообще никаких фактических данных и точных наук. Например, дети, умевшие свободно говорить на латыни, изучали речи Цицерона в римском Сенате только как образец риторики, а кто такой Цицерон, что такое Сенат и в чем состояла политическая ситуация, вызвавшая эти речи, они не знали – история Древнего Рима преподавалась им на уровне нескольких общих абзацев, не позволяющих понять цели и мнения Цицерона. Математика из

учебного курса обычно опускалась, но и когда она преподавалась, то не уходила далее четырех простейших действий. Физика была схоластической и преподавалась по Аристотелю, то есть не имела ничего общего со знакомой нам наукой; для примера, дети обсуждали, могут ли быть реки в раю. Химия, биология, обществоведение в учебном курсе отсутствовали. География и история были краткими, примитивными. О каких-либо предметах, дававших конкретные трудовые навыки, не было и речи.

6. Обучение идет только на латыни (за исключением первых двух лет, когда детям, начинающим учить латынь, еще требуются кое-какие объяснения учителя на родном языке); исключение – короткое обучение славянскому письму, небольшие упражнения в составе курса пиитики и преподавание катехизиса (это как бы богословие для самых маленьких). Все учебники только латинские. Более того, как только дети получают способность к элементарному изъяснению (второй–третий год обучения), им запрещают говорить не на латыни и вне занятий, в интернате. В каждом классе есть позорная табличка, которую вешают на шею тому, кто говорит на латыни с грубыми ошибками, если носитель таблички заметил ошибку у другого, он имеет право перевесить табличку на него. Греческий в Академии преподавался бегло и слабо.

7. Почти весь курс имел чисто гуманитарный характер. Перечислим восемь классов академии. Первый класс – *фара* – давал первичные навыки чтения и письма на славянском, греческом и латинском языках. Следующие три класса – *инфима*, *грамматика*, *синтаксима* – также были преимущественно филологическими, латынь (в меньшей степени греческий) изучались глубже и глубже, уже с некоторой грамматической теорией, дети приучались переводить тексты, их также учили нотной грамоте. Арифметика заканчивалась в классе грамматики, дойдя до простых дробей и понятия квадрата и куба числа. В старших двух классах проходил катехизис (богословие в упрощенной подаче), и кратчайшие азы географии и истории. Далее шли два класса – *пиитика* и *риторика* – в которых занимались преимущественно разбором текстом античных

авторов, выявлению в них литературных и ораторских приемов, самостоятельным опытам учеников на основе разобранного. Все эти классы считались низшими, и их учащиеся именовались *спудеями*.

Далее шли два высших класса – *философия* и *богословие* – нормально рассчитанные на двухлетнее обучение каждый, ученики которых именовались студентами; в составе богословия преподавали и гомилетику, то есть риторику, но на следующем уровне. В этих классах к ученикам относились как к взрослым: уже не было проверяемых работ, меньше следили за дисциплиной, но зато появлялись диспуты между учениками, иногда даже торжественные и публичные.

8. Иезуитское обучение соревновательно. Детям не ставят оценки, а вместо этого ранжируют их от лучшего к худшему. Ученики рассаживаются по партам сообразно учебным успехам: на первой парте лучшие (именуемые *сенаторами*), на задней худшие. При этом абсолютный уровень знаний значит мало: если весь класс выучил на 5+, а ты на 5 – тебя сажают на заднюю парту и стыдят. Если все выучили на 3–, а ты на 3 – теперь ты молодец и сидишь впереди.

Класс разделяется на две половины, условно называемое *греческой* и *римской*. Все оценки, полученные учениками каждой из половин, еженедельно суммируются, и выигравшая группа получает почетное место. Самый лучший ученик в классе имеет титул *диктатора*, не принадлежит ни к одной из половин и имеет право продать свои баллы любой из половин.

9. Академия была огромной и не знала идеи параллельных классов – в классах бывало по 200 и 300 человек – и это при одном учителе. Разумеется, эффективное обучение в таких условиях организовывалось так, что ученики обучали учеников; ученики – педагоги имели разные обязанности и титулы: *аудиторы* выслушивали устные ответы и выставляли оценки; *декурионы* следили за явкой в класс и своевременной сдачей письменных работ; *цензоры* следили за чистотой и дисциплиной в классе. Регулярно устраивались *концертации* – сеансы взаимного обучения, при которых ученики задавали друг другу различные

вопросы по курсу и делали замечания, если ответы были неверны. Устраивались и межклассные мероприятия: например, когда ученики класса пиитики читали свои стихи, послушать их приглашали младших учеников. Это, ясное дело, точно соответствовало общему курсу иезуитской педагогики на социализацию учеников и формирование личности при значительно меньшем интересе к получению знаний как таковому.

Даже когда в дело вступает учитель, взаимное обучение не останавливается. Например, если учитель просит ответить одного ученика, то вслед за этим он вызывает второго и спрашивает, верным ли был ответ – если оба отвечающих не согласны друг с другом, они могут дискутировать.

10. Для развития в учениках деятельного духа им разрешалась делать дополнительные, факультативные письменные работы, указывая, какую награду они ожидают от учителя. Сохранились работы, озаглавленные «для повышения места» (то есть ранга ученика), «за сапоги», «за хлеб», «за одежду» и т.п.

11. Логика, философия, богословие, да и вообще весь стиль мышления иезуитской коллегии являются *схоластическими*. Сегодня так не мыслит никто. Схоластическая манера мышления до такой степени чужда современному человеку, что трудно даже объяснить, в чем она заключается. В первом комментарии прилагается текст школьного диспута: читателю почти невозможно понять, о чем спорят обе стороны и в чем их аргументы.

Схоластическую мысль можно представить как своего рода карточную настольную игру, где игрокам раздается набор карточек с абсолютно формальными аргументами. Одна карточка бьет другую, карточки можно показывать друг за другом по определенным, очень сложным и также формальным правилам. Никакая истина участников такого спора не интересует, а уж о здравом смысле нельзя и заикаться, это для низменных простых людей.

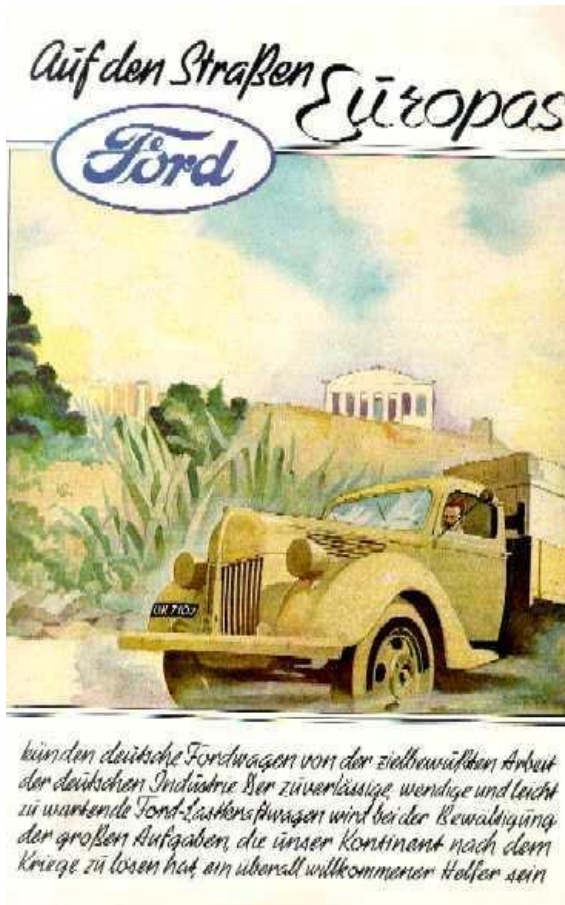
Разумеется, школьный диспут идет не для выяснения того, кто держится правильных взглядов, а для установления того, кто

выучил наизусть больше карточек (то есть формальных аргументов) и помнит, без заглядывания в правила, в каком порядке их разрешено выкладывать. Кстати, по ходу диспута учитель может попросить студентов обменяться занимаемыми позициями.

Вся эта очень странная, очень старинная школа смогла просуществовать аж до 1810-х годов, и только тогда была заменена Духовной академией понятного нам типа, то есть вообще не отличающейся от современной духовной академии и очень похожей на любой современные российский вуз. Но и тогда история иезуитской педагогики в России еще не закончилась – маленькая искорка великого игнацианского пламени продолжала гореть в стране северных варваров даже через 300+ лет, выродившись черт знает во что: педагогика иезуитской коллегии сохранялась в духовных училищах (это низший тип духовной школы) аж до 1870-х годов. Такую школу, деградировавшую до последнего градуса, описал Помяловский в великолепной, крайне печальной книге «Очерки бурсы», которую я рекомендую прочитать каждому.

И наконец, последним следом иезуитской коллегии в российской педагогике стал сам тип учебного заведения «серьезнее, чем школа, проще, чем университет, и с интернатом». Это знаменитый Царскосельский лицей, и его младшие братья — Училище Правоведения, Демидоский лицей в Ярославле и Катковский лицей в Москве, просуществовавшие до 1917 года.

Как компания Форд сотрудничала с нацистами: популярный миф и его разоблачение

В последние годы, в рамках набирающего популярность обратного карго-культа, в интернете постоянно повторяются и появляются утверждения о том, что множество известных международных компаний активно сотрудничало с Третьим рейхом.

Не претендуя на широкий анализ проблемы, попробуем разобрать ситуацию с немецкими активами компании «Форд». Ford–Werke, германский филиал Ford Motors Company, действительно успел натворить лихих дел: это предприятие поставляло грузовики для нацистской армии, использовало принудительный труд военнопленных и перемещенных лиц, и даже (не вполне удачно) пыталось заставить трудиться на своих заводах заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд. До какой степени, юридически и морально, эти деяния могут быть поставлены в счет сегодняшней компании Ford Motors?

Германская компания Ford–Werke была учреждена в 1925 году, а ее завод в Кельне начал работу в 1931 году, то есть основные инвестиции Форда в Германию были произведены до прихода нацистов к власти. Первоначально компания на 100% принадлежала Ford Motors, но к началу войны доля американцев во владении акциями уменьшилась до 55%. Форд отнюдь не был ни самым крупным американским инвестором в Германию (перед началом войны компания была 16–й по объему инвестиций), а Ford–Werke не был самым крупным немецким производителем (в лучшие годы — четвертым по количеству выпущенных автомобилей). Мало кто сегодня осознает, что лидер германского автомобилестроения, Opel, на тот момент также был американской фирмой и принадлежал General Motors.

Пришедшие к власти нацисты отнюдь не оказались марионетками крупного бизнеса, как на то ранее рассчитывали многие промышленники — доноры НСДАП. Напротив, гитлеровский режим начал активнейшим образом вмешиваться в управление промышленностью. Разнообразные трения с властью случились и у Ford–Werke. Основным источником разногласий послужила принудительная стандартизация деталей и компонентов (как по отраслям, так и по экономике в целом), которая, разумеется, была подготовительной мерой для перехода промышленности к военной мобилизации. Вмешивались власти и в кадровую политику: директор Ford–Werke был, по мнению нацистов, слишком вялым, а его преемник оказался евреем. Ford Motors желал придерживаться своих стандартов и сам выбирать себе менеджеров, правительство напирало — а результаты для

компании, как по выпуску автомобилей, так и финансовые, оказались нехороши. До 1938 года предприятие имело близкую к нулю прибыль (менее 1% от выручки) и не платило дивидендов. В 1937–38 годах владельцы пошли на попятную, как-то примирились с нацистами и были включены в перечень компаний, квалифицированных для поставок государству. Но было уже поздно — дивиденд 1938 года был, по общегерманскому законодательству, заблокирован. Германия обманула зарубежных инвесторов, лишив их права выводить прибыли за границу.

США вступили в войну с Германией 7 декабря 1941 года, но это отнюдь не означает, что в предшествующий период отношения между этими странами были безоблачными. С началом Второй мировой войны (сентябрь 1939 года) США воспринимались Германией как чрезвычайно враждебно настроенная держава. Это в полной мере испытала на себе Ford–Werke. Если изложить дело упрощенно, то компании объяснили, что чем больше она будет слушаться правительственных кураторов и чем меньше обращать внимания на американских хозяев, тем меньше с ней случится неприятностей. В 1939–1941 годах связь Ford–Werke с владельцами постепенно теряется, а количество поступающих распоряжений правительства (разумеется, как и для всей остальной германской частной промышленности) — увеличивается. Впрочем, американских членов в Совете директоров компании к тому моменту уже не было. Последний раз американские и британские менеджеры Ford Motors участвовали в совещании с германскими управляющими в апреле 1938 года. На иностранные предприятия взамен избранных акционерами директоров назначались правительственные уполномоченные, что и произошло с Ford–Werke — с апреля 1941 года фирмой управлял Wehrwirtschaftsführer (оборонно-экономический руководитель) Роберт Шмидт.

Наконец, в июне 1941 года германское правительство наложило секвестр на все американские активы в Германии. Это означало, что право владения американских частных лиц и фирм «замораживается». Хотя собственность не была конфискована, американские владельцы потеряли право управлять ею, назначать менеджеров, отдавать распоряжения и требовать предоставления

отчета. Дивиденды, если они начислялись, блокировались на особых счетах в государственных банках.

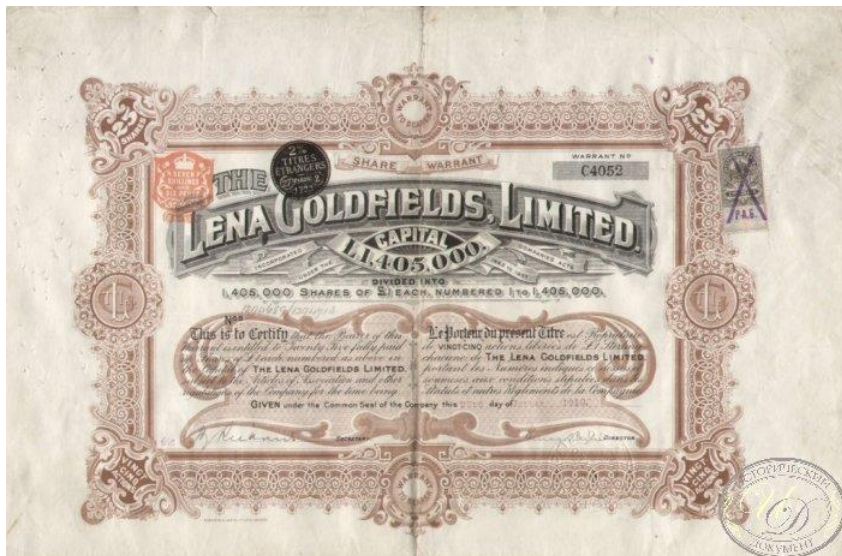
Дальнейшие малосимпатичные деяния Ford–Werke мы описывать не будем, так как они, по указанным выше обстоятельствам, уже не имели ни малейшего отношения к поступкам и намерениям американских акционеров фирмы. Необходимо заметить, что основатель Ford Motors Генри Форд был человеком с весьма странными для американца взглядами — он верил в мировой жидомасонский заговор и демонстрировал искренние симпатии к нацистам. Но в данном конкретном случае пронацистские настроения ничем не помогли предпринимателю — он потерял контроль над компанией и прибыли ровно так же, как если бы он ненавидел Гитлера.

После завершения войны Ford Motors вернула контроль над компанией Ford–Werke (тяжело пострадавшей от бомбардировок), и даже получила замороженные ранее дивиденды, съеденные военной инфляцией до смехотворного размера в 60 тыс. \$.

Тот факт, что Ford–Werke всегда оставался в формальном владении Ford Motors, очевидно наводил лиц, привлеченных во время войны к принудительному труду на предприятии, к идее истребовать компенсацию от Ford Motors. На первый взгляд, в этом можно увидеть рациональное зерно. Хотя Ford Motors не несет моральной ответственности за эти деяния, материальная ответственность — совсем другое дело. Представьте, что вы купили предприятие, на котором ранее произошел несчастный случай с работником. Хотя вы лично в этом не виноваты, вполне справедливо, что выплачивать компенсацию придется вам как новому владельцу той же фирмы.

Но в американских судах доказать данную позицию не удалось. Иск Эльзы Ивановой к Ford Motors в 1999 году был отклонен Окружным судом Нью–Джерси в полном объеме. Судебное решение огромно по объему, и изобилует сложнейшими аргументами, так что пересказать его в пределах поста нет возможности.

Печальная история о том, как международный арбитраж присудил Россию к выплате огромной суммы

Начнем с того, что наша история — не про ЮКОС, Гаагский арбитраж и Российскую Федерацию. Описываемые события произошли 80 годами ранее.

Российская империя была одной из четырех стран (другие страны: США, Австралия, Трансвааль), в которых существовала экономически значимая золотодобыча. В 1913 году в России было добыто 60 тонн золота при общей мировой добыче в 700 тонн.

Золотодобыча в России, вопреки распространенному представлению, отнюдь не была золотым дном. Практически все золотые месторождения России были весьма удалены от путей сообщения, что мешало использованию на приисках тяжелых машин (прежде всего драг). Для самой выгодной технологии — размыва золотосодержащей породы водой — не существовало геологических условий. Химические методы добычи золота из скальных пород к началу Первой мировой войны еще не освоили.

В общем, золото добывалось в нашей стране весьма примитивными методами — пески (золотосодержащая порода) разрабатывались либо полностью вручную, либо с небольшой механизацией при откатке и подъеме, после чего промывались в шлюзах и в особых машинах. Производительность труда, в сравнении с иностранными конкурентами, была низкой. Единственное, на чем держался бизнес, была низкая заработная плата, но и при этом доходность золотодобывающих предприятий была умеренной — около 7% на вложенный капитал (в успешных 1910-х годах). Но и при том бизнес был нестабильным — компании в этой отрасли часто разорялись. В общем, происходившее на российских золотых месторождениях было мало похоже на золотую лихорадку в Калифорнии.

Но золото было нужно экономике России. Дело вовсе не в том, что Россия за что-то расплачивалась золотом — платежный баланс страны в эпоху золотого стандарта был таков, что золото передвигалось в Россию, а не из нее (преимущественно за счет госзаймов). По существу дела, собственная золотодобыча помогла стране увеличивать золотой запас (то есть увеличивать денежную массу без потери устойчивости денежного обращения), не влезая в долги перед иностранцами. То, что для золотодобычи требовались самые низкоквалифицированные из рабочих, делало отрасль еще более полезной в макроэкономическом смысле — к производству импортозамещающего продукта привлекались скрытые безработные, то есть избыточные крестьяне, труд которых реально не был нужен для поддержания и развития аграрного производства. Как результат, царское правительство старалось держать золотодобычу в достаточно льготном режиме — практиковалось умеренное налогообложение, на казенных землях была горная свобода (то есть свободный допуск всех желающих к разведке и разработке ископаемых).

Один из самых крупных золотодобытчиков в предреволюционной России — Ленская золотопромышленная компания, получившая широкую недобрую известность из-за произошедшего в апреле 1912 года на ее приисках расстрела правительственными войсками забастовавших рабочих. Одним из крупнейших акционеров компании была британская фирма Lena

Goldfields (которая, заметим, в свою очередь имела крупных русских акционеров — структура владения была очень запутанной). Вначале Lena Goldfields мало входила в текущее управление приисками (им более занимались первичные владельцы, еврейские бароны Гинцбургги). Но в ходе трагических событий 1912 года получился большой убыток (и финансовый, и репутационный), дискредитированные старые менеджеры ушли, и британские совладельцы стали активнее вникать в дела Ленских приисков. Тут случились две революции и у всех всё отобрали.

Пришедшие к власти большевики еще более нуждались в развитии отечественной золотодобычи. Золотой запас России за время Перовой мировой войны, Гражданской войны, репарационных выплат Германии и очень мутных действий первых послереволюционных лет (см. паровозная афера) критически сократился. А между тем, золото было нужно более, чем когда-либо. С одной стороны, стране, отказавшейся от выплат всех долгов царского периода, уже никто не верил в долг, все требовали предоплаты по международным сделкам (про кредит говорить уже и не приходилось). С другой стороны, в стране с 1924 года циркулировал золотой червонец. Эта валюта не обменивалась на золото свободно, но государство имело негласное обязательство поддерживать его биржевой курс более или менее близким номинальному золотому содержанию — а вот для этого уже требовалось настоящее золото.

Золотодобыча, увы, к тому моменту совсем развалилась и заглохла. Вместо предвоенных 50–60 тонн Россия в период начала НЭПа добывала всего лишь 7–9 тонн золота в год. Что ни пробовала сделать Советская власть, толку не получалось. Старые крупные предприятия были преобразованы в государственные тресты — но тресты работали плохо. Попробовали разрешить, как то было при старом строе, добычу золота старательскими артелями при обязательной продаже золота государству — также не вышло никакого толку. Тут Советское правительство и решило обратиться к зарубежным концессионерам, что было на 1924–25 годы общим трендом.

Несложно догадаться, что первыми желающими заняться добычей золота в глухих урочищах Сибири оказались именно те

люди и фирмы, которые уже имели предварительное знакомство с предметом. Крупнейшим концессионером в золотодобыче оказалась знакомая нам Lena Goldfields. С 1917 года фирма, у которой отняли всё, фактически не функционировала, но теперь ее использовали как подходящее юридическое лицо. За сделкой стоял Григорий Бененсон, бывший хозяин Русско–английского банка, инвестиционный банкир, специализировавшийся на привлечении в экономику старой России британских и американских капиталов. Бененсон благоразумно нанял директорами нового бизнеса двух русских инженеров, Малоземова и Гуляева, которые до революции были старшими служащими на Ленских приисках. Интересно, что Малоземов и Гуляев были старыми большевиками, даже отсидевшими срок на царской каторге, но затем настолько удачно устроившимися на Ленские прииски (Малоземов получал 60 тыс. рублей в год, в два раза более премьер–министра), что к моменту революции они забыли старые идеалы и сбежали от победившего пролетариата в США.

В общем, к омерзению красных наркомов, им пришлось идти на поклон ровно к тем людям, которых семью годами ранее революция поганой метлой выгнала из России (не забыв оставить себе их имущество).

Условия концессии Lena Goldfields как будто бы обещали широкое развитие дела. Кроме старых Ленско–Витимских приисков концессионерам передали еще две зоны на Урале и на Алтае; во вторую после золота очередь предполагалось развернуть добычу серебра, камня, железной руды. Обязательный минимум добычи был установлен в 6.6 тонны золота в год — немного менее, чем компания добывала до революции. Государство получало 7% золота натурой (приблизительно столько же получало в налоги от золотодобытчиков царское правительство), из оставшегося компания четверть могла беспрошленно вывезти из страны, а три четверти должна была продать правительству по международным биржевым ценам. Компании безвозмездно передавались всё имевшееся на месторождениях оборудование и постройки (напомним, что часть их у той же компании ранее и отняли). В теории, в полном развитии концессия должна была обеспечить 30% от общей добычи золота в СССР, 80% серебра и 50% меди.

Компания инвестировала в прииски 3.2 млн фунтов (160 млн. в современных деньгах), и с первого же года вышла на производительность чуть выше обещанной — 7–7.5 тонн. Дальше начались проблемы, и до серебра и меди дело не дошло. Вести дела в стране, где свободный оборот товаров существовал лишь в той ограниченной зоне, где действовал мелкий частный бизнес, было очень и очень сложно. В частности, снабжение рабочих продуктами питания шло через советскую систему распределения. А все советские и партийные органы на местах относились в вернувшимся капиталистам весьма и весьма плохо, так что выбить у них желаемое было затруднительно. Но главная претензия концессионеров была куда более значимой — государство отказалось выполнять одно из главных условий договора, выкуп добытого золота по международной биржевой цене. Точнее, выкупали они по биржевой цене (выраженной в фунтах), но вот платили в рублях, а курс фунта к рублю определяли самостоятельно. Он был в 4 раза менее реального рыночного курса. Но советское правительство пользовалось тем, что реальный курс был теневой, а биржевого на тот момент уже не было вовсе, и продолжало нагло обманывать компанию. В довершение всех бед рабочие непрерывно бастовали (попробовали бы они забастовать на казенном предприятии) и разворовывали, при полном попустительстве милиции, около трети добываемого золота (эта проблема была острой еще до революции).

В первые годы работы концессии все эти неприятности можно было отнести на общую неустроенность экономики СССР, разруху, плохо работающую советскую бюрократию и т.п. Но к 1928–29 годам ситуация резко переменялась. Начинался Великий перелом — правительство взяло курс на форсированную индустриализацию, коллективизацию и милитаризацию. Многочисленным концессионным предприятиям, которых еще четыре года назад активно зазывали в СССР, не было места в новом экономическом устройстве. Еще хуже было то, что большевики не имели ни малейшего намерения выкупить концессии. Их план состоял в том, чтобы выжить концессионеров, устраивая им подлость за подлостью, пока они сами не бросят предприятия. К концу 1928 года в СССР было 59 предприятий с иностранным

участием (концессий было значительно больше, но многие из них не смогли открыться или быстро разорились), к началу Второй мировой войны не осталось ни одного.

Первым звонком было чрезвычайное усиление забастовок на предприятиях концессии в 1929 году и массовое увольнение рабочих и служащих. Но концессионеры еще плохо понимали, в чем дело. В октябре 1929 года начался тяжелейший мировой экономический кризис, Lena Goldfields потеряла доступ к кредитам на американском рынке (золотой бизнес сезонный и требует крупного кредитования в годичном цикле) и запросила помощи у советского правительства. Большевики, казалось бы, заинтересованные в развитии дела, заняли конфронтационную позицию. Но и это не остановило наивных американцев, продолживших свои операции.

Тогда Советская власть нанесла решающий удар — в декабре 1929 года на всех предприятиях компании был проведен внезапный обыск, 130 служащих было арестовано, против 12 затем было начато следствие. Обвинения были стандартно вздорными, приблизительно как на процессе Промпартии (полугодом позже) и в Шахтинском деле (годом ранее) — саботаж, контрреволюционная деятельность. Директора Малоземов и Гуляев, тайно предупрежденные своим старым партийным товарищем, председателем ОГПУ Менжинским (да, мир устроен сложно) заблаговременно уехали из СССР и более не вернулись. Деятельность компании была полностью дезорганизована. Увидев, что дело с большевиками уже не сладится, концессионеры вынуждены были принять тяжелое решение (явно ожидаемое от них советским правительством) — они просто бросили бизнес, все служащие–иностранцы уехали на родину. Приисковские управления начали де-факто подчиняться соответствующим советским трестам, а юридический статус дела оставался неопределенным.

В феврале 1930 года Lena Goldfields потребовала от СССР проведения арбитражного суда по иску о возмещении убытков, связанных с созданием для компании условий, делающих невозможной ее дальнейшую деятельность. Арбитраж был устроен точно так же, как, для примера, недавний арбитраж по делу Орловского концессионного туннеля в Санкт–Петербурге —

каждая из сторон назначает одного арбитра, а эти два арбитра избирают третьего. Вначале Советский Союз решил участвовать в процессе и назначил своего члена арбитража. Первое заседание арбитража было назначено на май 1930 года, но за четыре дня до заседания СССР заявил, что не признает процедуру арбитража и задолженность перед компанией, так как концессионеры самовольно прекратили свою деятельность. За день до заседания арбитража четверо русских служащих концессии были приговорены к заключению на сроки от 1 до 10 лет.

Арбитраж, однако же, решил продолжать свою работу без арбитра от СССР, и в сентябре 1930 года присудил акционерам 12.965 млн фунтов (650 млн в современных деньгах). Сумма получилась столь огромной от того, что судьи включили в нее не только прямые убытки, но и неполученную прибыль. Кстати, само решение по разным чисто юридическим тонкостям стало прецедентным для международного концессионного права, и до сих пор упоминается в ученых сочинениях на данную тему.

Советский Союз тут же отказался признать решение. В дело вступило британское правительство — у Британии и СССР еще сохранялась некоторая взаимная заинтересованность и ограниченное стремление к сотрудничеству. Долгие переговоры закончились тем, что в 1934 году СССР согласился выплатить концессионерам 3.2 млн фунтов (то есть сумму начальных инвестиций), с беспроцентной рассрочкой на 20 лет. Долг был оформлен как набор из 40 векселей по полугодиям.

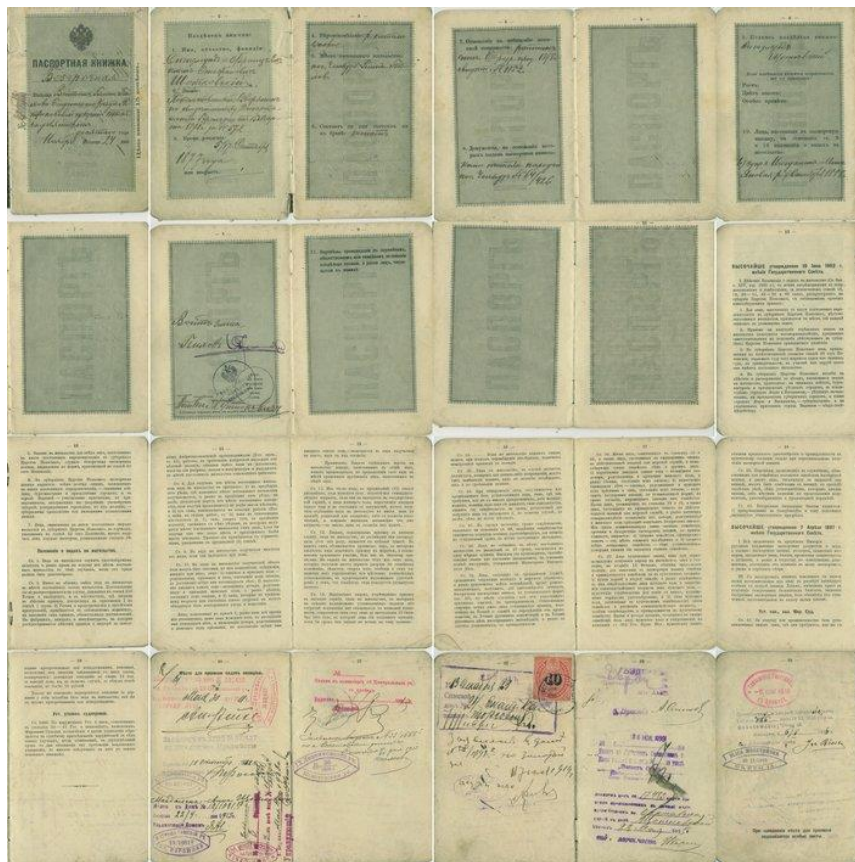
Концессионеры радовались своей удаче недолго. В 1940 году дела приняли новый оборот: Советский Союз аннексировал Эстонию, Латвию и Литву. Золотой запас прибалтийских государств (суммарно 2.3 млн фунтов, эти маленькие страны были небогаты) был депонирован в Британии, которая отказалась признать добровольное вхождение трех стран в состав СССР и вернуть золото. В ответ СССР объявил дефолт по нотам, выданным акционерам Lena Goldfields, недоплатив на тот момент до их полного погашения 2.25 млн фунтов.

Британское правительство чувствовало себя виноватым перед акционерами — ведь дефолт (по объяснению СССР) произошел из-за его действий. Тема компенсации концессионерам

неоднократно поднималась британскими дипломатами при переговорах с большевиками — но, разумеется, по мелкости суммы и огромным внешнеполитическим событиям отнюдь не была первоочередной. До реального разрешения проблемы дело дошло не скоро, в 1968 году, когда британское правительство договорилось об СССР о взаимной аннуляции требований по золотому запасу Балтийских стран с одной стороны, и концессионных долгов (а также и еще некоторых требований иных групп кредиторов). При этом Британия благородно приняла выплату задолженностей СССР на себя. В 1969 году держатели дефолтных советских нот по долгу Lena Goldfields получили причитающееся, с начислением 4% годовых. Им пришлось ждать обещанного всего лишь 39 лет, и за это время фунт упал в 3.8 раза.

Но ни одно доброе дело не остается безнаказанным. В 1991 году Латвия, Литва и Эстония вновь появились на политической карте мира — и, разумеется, потребовали от Великобритании вернуть им золотой запас. Тот самый, который ранее отдали акционерам LG в зачет их требований к Советскому Союзу. В 1992–93 годах золото, которое к тому моменту уже стоило 90 млн. фунтов, было возвращено возродившимся государствам.

Паспорт и прописка в Российской империи

Продолжаем нашу серию рассказов о том, что и как было устроено в поздней Российской империи.

Все (да хотя бы из художественной литературы) знают, что в старой России тоже были паспорта и прописка. Многие ошибочно полагают, что это нечто близкое к современным реалиям, сохранившим старые названия. Как бы не так.

Приписка и сословной строй

Большая часть жителей Российской империи — крестьяне, мещане, купцы, цеховые ремесленники, потомственные

дворяне — относились к сословиям, имевшим самоуправление. Члены духовного сословия и казаки походили более на военных: вместо самоуправления у них было ведомственное начальство. Все эти люди были *приписаны* к определенным сословным обществам, крестьяне и казаки к сельским, а все остальные — к городским.

Приписка означало лишь то, что эти лица были занесены в списки, которые велись в волостных правлениях, мещанских, купеческих и ремесленных управах. Уже с эпохи Александра II никто не заставлял людей жить там, где они были приписаны (два важных исключения — евреи и казаки на льготе). Если мы, для примера, читаем в старой газете, что в Москве ограбили бухгалтера такой-то фирмы, крестьянина Воронежской губернии Иванова, это вовсе не значит, что Иванов только что (или когда-либо) пахал землю под Воронежем. Возможно, он не бывал там десятилетиями, а может быть, он даже и родился в Москве.

Надо также понимать, что фабрично-заводские рабочие вообще не составляли сословия. Подавляющее большинство их в приписном смысле являлись крестьянами.

Как получилось так, что миллионы людей были приписаны там, где они не жили и не собирались жить? Всё очень просто — быть членом сельского общества было чуть-чуть выгодно, даже если у тебя не оставалось в деревне ни надельной земли, ни хозяйства, ни дома. В крайнем случае, сельское общество, в отличие от мещанского, было обязано прокармливать своих обнищавших одиноких стариков. С тех, у кого не было дома и земли, сельские общества вообще не собирали деньги, а мещанские общества собирали (хотя и немного). Итак, перечисление из крестьян в мещане было бесполезной процедурой, которая не дала бы ничего полезного, и только зря отняла бы время.

Приписка

Часть жителей империи подлежала *приписке*, то есть регистрации места фактического проживания в полиции (представление паспорта в полицию именовалось *явкой*). Приписка была чисто уведомительной и бесплатной процедурой, и

никто не мог воспретить человеку, имевшему *вид на жительство* (см. далее) прописаться там, где он пожелал.

Прописка существовала далеко не везде. Для начала, в сельской местности прописки не существовала вообще. Для городов же ситуация была разной.

В меньшей части городов действовала система, более всего походившая на современную прописку: наличие вида на жительство и его прописка требовались от всех поголовно, в том числе и от коренных горожан. Список таких населенных пунктов (их насчитывалось 41), похоже, был составлен кем-то в бреду: в него входили и крупные города, и совершенно ничтожные поселки. Важно, что в списке были и Петербург, и Москва.

В других городах была введена *обязательная явка паспортов*. Явка не требовалась от тех, от кого не требовалось и наличие паспорта: от приписанных к этому же городу, от крестьян этого же уезда, от крестьян любого уезда, проживавших ближе 60 верст к городу. Таким образом получалось, что беспаспортных местных учитывали городские сословные общества, а паспортизированных приезжих — полиция.

Обязательная явка паспортов была постоянно введена приблизительно в 220 городах (из 1220 городов империи): почти во всех губернских, в крупнейших уездных, и в больших заводских поселениях. Важно, что когда в любом населенном пункте вводилось *положение чрезвычайной или усиленной охраны*, явка паспортов также становилась обязательной. В период революции (1905–1907) в таком положении находилось около 80% городов страны, а в более тихий послереволюционный период — около 20–25% (по численности населения).

Собственно прописка была обязанностью домовладельца. Въезжая в дом, жилец отдавал на день–два паспорт дворнику, и получал его обратно со штампом. За нарушение правил прописки самих нарушителей штрафовали слабо (15 копеек в день, но не более 10 рублей), а домовладельцев и хозяев гостиниц сильно (50 рублей).

Во всех остальных городах, прописка от лиц, которые не были приписаны к городским сословным обществам, не были

крестьянами того уезда, в котором находится город, а также не были крестьянами любого уезда, проживавшими ближе 60 верст от города, не требовалась, требовалось только иметь паспорт. Полиция имела право спросить у всякого паспорт и наложить штраф, если такового не оказалось (не при себе, а в принципе), но собственно регистрация проживающих не велась.

Не было обязательной прописки и в сельской местности. Жители других уездов, проживавшие на селе, также должны были иметь при себе паспорт.

Важное исключение составляли *фабрично-заводские рабочие*. Всякий фабрикант, даже если его предприятие находилось вне города, был обязан нанимать только людей, имевших паспорта.

Виды на жительство / паспорта

Тот, кто желал жить вне места приписки, либо не в своем уезде (или в городе чужого уезда, до которого более 60 верст), либо в городе, в котором введена обязательная явка паспортов, должен был получить *вид на жительство*. Вид на жительство — это собирательное название, видами на жительство являлись **паспорта** (документы с ограниченным сроком действия), **паспортные книжки** (бессрочные документы) и разные временные справки, которые выдавали потерявшим паспорт, студентам, отпущенным на каникулы и в тому подобных особых случаях.

До 1906 года крестьяне и мещане получали только пятилетние паспорта, и при этом только по месту своей приписки (впрочем, это разрешалось делать заочно, выписывая паспорт по почте). Должники, не уплатившие сословные сборы, получали паспорта лишь по особому разрешению своего общества. Всем остальным сословиям выдавались бессрочные паспортные книжки.

После революции, в 1906 году, порядок резко либерализовали. Во-первых, бессрочные паспортные книжки стали выдавать всем поголовно. Во-вторых, их стали выдавать в полиции по месту фактического жительства, работы или владения недвижимостью, то есть там, где это было наиболее удобно. В-третьих, паспорта стали выдавать всем желающим независимо от налоговой задолженности. В результате такой реформы получение паспорта

перестало быть предметом хлопот и беспокойства для большей части жителей империи.

Паспорта можно было получить на селе в волостных правлениях, а в городе в мещанских, купеческих и ремесленных управах, а также и в полиции. За паспортом можно было обращаться и к иным должностным лицам — уволенные чиновники получали их у служебного начальства, неслужащие потомственные дворяне — у предводителей дворянства.

В паспортах не было фотографий. Вначале в них вносили рост и приметы, но это было до такой степени бесполезно, что к началу 20 века эту информацию из бланка паспорта убрали. Никакой процедуры выписки, при которой прописка прослеживалась бы непрерывно, не существовало. Таким образом, условный крестьянин Иванов, уехав, скажем из Петербурга жить в свой уездный город (где он мог жить без паспорта), мог запросто отдать паспорт своему приятелю Петрову. Даже если бы полиция, задержав Петрова, решила проверить подлинность его документов и запросила волость, к которой был приписан Иванов, оттуда бы ответили: «да, паспорт настоящий, Иванов у нас имеется, но сейчас он куда-то уехал».

Революционеры и профессиональные уголовники широко пользовались этим. Разумеется, описанные выше «неуязвимые» настоящие паспорта на других лиц, не заявивших об их пропаже, ценились более всего. Но даже и с чисто поддельным паспортом вероятность попасться была невелика — единственным методом проверки был запрос у того, кто выдал паспорт ранее, а это была долгая процедура, и полиция обычно не хотела месяцами держать под арестом людей, чья единственная вина состояла в смазанной печати или помарках в паспорте. Профессиональные революционеры обычно нагло крали пустые паспортные бланки в полицейской части, и заполняли их сами, переводя печать с настоящего паспорта при помощи яйца — вот как плохо были поставлены защита от подделки и хранение бланков.

Для чего это было нужно?

До начала Великих реформ паспортная система сохраняла первоначальный смысл, каковым был тотальный контроль над проживанием и перемещениями населения. С момента

освобождения крестьян и отмены рекрутского набора задачи сузились — правительство продолжало реально контролировать лишь налоговых должников и призывников. С 1906 года система была еще более смягчена. Теперь она имела реальное значение лишь для отдельных контролируемых групп, каковыми были:

- евреи, имевшие (за некоторыми особыми исключениями) право жить лишь в черте оседлости, и при том только в городах;

- казаки на льготе (то есть, грубо говоря, подлежавшие мобилизации первой очереди);

- состоящие под гласным надзором полиции, административно ссыльные и высланные (у них были особые справки вместо паспортов);

- проститутки (у них были заменительные билеты вместо паспортов);

- государственные служащие, учащиеся и студенты (паспорта у них были, а вот прописать их могли только при наличии специального увольнительного, отпускного или командировочного удостоверения);

- фабрично-заводские рабочие (только на то время, которое они оставались рабочими).

Для понимания работы системы надо осознавать, что единственной целью явки паспортов было то, что человеку, не имевшему право на проживание в данном населенном пункте (еврею, ссыльному и т.п.) было некуда деваться. Где бы он не поселился (даже в квартире знакомых), его тут же заложил бы домовладелец, боящийся штрафа. А вот информацию о прописавшихся полиция никуда не передавала, она так и оставалась в пределах канцелярии участка, не выполняя никакой полезной для государства функции.

Для всех остальных подданных паспортная система весьма мало что значила. Но с одним важным исключением: паспортная система усилила архаическую власть домохозяина над членами семьи. Женщины и дети (мальчики до 17 лет, девочки до замужества или до 21 года) были вписаны в паспорт мужчины. Замужним женщинам, для получения отдельного паспорта (то есть

раздельного проживания с мужем) требовалось его согласие, и это было причиной бесчисленных семейных трагедий.

Как была устроена всеобщая воинская повинность в царской России

Продолжаем серию рассказов о том, как и что было устроено в царской России.

Всеобщая воинская повинность и призыв по жеребьевке

С 1874 года в России была введена всеобщая воинская повинность. Повинность состояла не в том, что всякий был обязан отслужить в армии. Армия нуждалась приблизительно в трети молодых людей, достигавших призывного возраста (20 лет). Все подданные были повинны лишь явиться на призывной участок. Все призывники, имевшие безусловное право на отсрочку по учебе, семейным обстоятельствам и т.д., должны были заявить об этом заблаговременно и к призыву не являлись. Оставшаяся масса призывников подвергалась жеребьевке.

Общий план призыва на основании статистико-демографических данных распределялся на губернии, а внутри губерний — на призывные участки, почти всегда совпадавшие с уездами. Таким образом, каждый призывной участок получал свою фиксированную квоту призыва, которая не изменялась в зависимости от того, сколько на данном участке окажется больных и льготников.

Призывники могли иметь отсрочки от призыва и льготы. Отсрочки в какой-то момент заканчивались, и молодой человек попадал в общий пул призывников. Льгота предоставлялась однократно — те, кто не был призван по льготе в призыв своего года рождения, перечислялся в запас и навсегда освобождался от призыва. Даже если обстоятельства, дающие льготу, прекращались (например, у единственного трудоспособного сына умерли родители), призывник, однажды зачисленный в запас, уже более не подлежал призыву.

Лица, имевшие право на отсрочку (кроме учащихся), и льготники первого разряда (см. далее) должны были оформить свои документы до начала общего призыва. Все остальные — призывники без всяких льгот, льготники второго и третьего разряда (см. далее), учащиеся с правом на отсрочку — обязаны

были явиться на призывной участок одновременно и подвергнуться общей жеребьевке.

В ящик клали **жребии** — пронумерованные и сложенные полоски картона, каждый призывник вытаскивал свой номер. После окончания жеребьевки призывников подвергали медицинскому освидетельствованию. Вначале в порядке вытасченных номеров свидетельствовали призывников, не имевших никаких льгот, и имевших отсрочку по учебе. Здоровых призывников отправляли в войска, больных либо освобождали от службы навсегда, либо давали отсрочку для выздоровления, либо направляли на дальнейшее освидетельствование. Учащихся не направляли войска немедленно, а обязывали явиться для прохождения службы после завершения учебы. Если квота заполнялась, оставшиеся обладатели жребия уже не подвергались освидетельствованию, а просто зачислялись в запас, что навсегда освобождало их от дальнейшего призыва. Если квота не была заполнена, то на освидетельствование в порядке номеров жребиев вызывали льготников третьего разряда, если и они не могли заполнить квоту — льготников второго разряда.

Система была не слишком справедливой — процент больных и льготников по разным участкам колебался, так что одновременно на одних участках от призыва освобождали часть безльготных призывников, а на других призывали льготников. В 1912 году систему переработали — твердую квоту для призывных участков отменили, в войска и в запас сразу после жеребьевки зачисляли только часть призывников, а из всех остальных создавали запас жеребьевых. После окончания призыва подводились общие итоги, и, в зависимости от недобора, определялось, из какой процент и из какой категории (безльготной или льготной) жеребьевые запасные будут приняты на службу. По участкам рассылалось одинаковое для всей страны указание, например «второй разряд льготных не призывать, из третьего разряда призвать 20%», и соответствующий процент призывников определенной категории призывался в порядке номеров жребиев.

Кого не призывали в армию. Освобождение от призыва по местности проживания и национальности

Призыву в армию не подлежали:

— Все жители Камчатской и Сахалинской губерний, а также жители наиболее отдаленных частей Якутской, Енисейской, Томской и Тобольской губерний;

— Все инородцы Сибири, исключая корейцев Приморских и Амурской областей;

— Самоеды Печорского и Мезенского уездов Архангельской губернии (в эту группу попадала значительная часть финно-угорских народов Севера);

— Инородцы Астраханской губернии (это были киргизы и калмыки);

— Все жители Туркестанского края (в том числе и русское) и инородцы Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей — то есть все народы Средней Азии;

— Мусульманское население Терской, Кубанской, Ставропольской областей и Закавказья (кроме осетин-мусульман) и абхазы-христиане Сухумской области — в эту категорию попадали будущие азербайджанцы (на тот момент официально именовавшиеся татарами) и многочисленные горские мусульманские народы Кавказа;

— Инородцы Закаспийской области;

— Все население Финляндии.

С финляндцев и мусульман Кавказского края взимался небольшой денежный сбор, компенсировавший освобождение от призыва; с финляндцев как общенациональный налог, с жителей Кавказа — как индивидуальный сбор. Всем остальным освобождение от воинской повинности досталось бесплатно.

Нетрудно догадаться, что русских (да и вообще христиан любой деноминации) не призывали из тех мест, куда было чрезвычайно тяжело добраться (Сахалин и т.п.), а также оттуда, где они составляли необходимое для поддержания государственной власти немногочисленное городское население (Туркестан). Там же, где русские образовывали островки сплошь русского населения среди кочевых или недавно кочевых народов (Степной край), они подлежали призыву.

Народы, мало знакомые с русской культурой и практически не говорящие по-русски, были освобождены от призыва в абсолютном большинстве — армии казалось слишком хлопотным обучать их языку. Те же народы, среди которых знание русского языка было распространено, а культура более или менее слилась с русской (например, татары и финно-угорские народы Поволжья), подлежали призыву независимо от религии и национальности.

Кого не призывали в армию. Освобождение от призыва и льготы по семейным обстоятельствам

Вообще не подлежали призыву (если только затем не изменятся семейные обстоятельства) и не являлись к общей жеребьевке на призывные участки льготные первого разряда, к которым относились единственные сыновья и единственные кормильцы в семье, а именно:

- единственные сыновья в семье;
- единственные трудоспособные братья-сироты при других нетрудоспособных братьях, единственные трудоспособные братья при нетрудоспособном отце, а также при вдовой матери;
- единственные трудоспособные внуки при дедах и бабках, у которых нет других трудоспособных потомков;
- единственные трудоспособные внебрачные сыновья у незамужних матерей.

Следующие два разряда призывников имели условную льготу и подлежали общей жеребьевке с безльготными. Их могли призвать в армию, но в последнюю очередь по отношению к безльготным (см. выше).

Второй разряд льготных состоял из единственных трудоспособных сыновей при трудоспособном отце.

Третий разряд льготных состоял из тех, у кого ближайший старший брат находится на военной службе либо умер на службе.

К началу 1910-х годов старое разделение на разряды начало терять смысл — армия готовилась к войне, призывы увеличились до 450 тыс. человек в год (около трети возрастной когорты), и третий разряд льготных стал попадать в войска поголовно. С 1913 года, по новому закону о призыве, категории были

переопределены. Льготных по семейному положению вместо трех разрядов разделили на четыре, разнесли в разные разряды единственных трудоспособных сыновей с пожилыми (старше 55 лет) и молодыми отцами, ввели в младший разряд всех тех, у кого брат в будущем году достигнет 17-летия либо вернется с военной службы.

Кого не призывали в армию. Освобождения и отсрочки по служебному положению и образованию

Отсрочки по социальным причинам были достаточно разнообразны:

— Двухлетнюю отсрочку для устройства дел получали лица, управляющие любого рода собственными бизнесами;

— Трехлетнюю отсрочку получали крестьяне-переселенцы;

— Все учащиеся в средних и высших учебных заведениях призывались в общем порядке, проходили жеребьевку, но в случае выпадения призывного жребия их не отправляли в войска, а предоставляли отсрочку до окончания учебного курса (но не более чем до 24 и 28 лет соответственно);

Вообще не подлежали призыву:

— Священнослужители всех христианских исповеданий;

— Православные псаломщики;

— Мусульманские духовные лица высших званий;

— Преподаватели высших учебных заведений.

Особые ситуации: вольноопределяющиеся и казаки

Для двух групп лиц было сделано существенные исключения.

Лица, имевшие определенный уровень образования (от 6 классов гимназии) могли до начала общего призыва заявить о желании поступить в вольноопределяющиеся. Вольноопределяющиеся отказывались от шанса вытащить непризывный жребий, но за это получали некоторые льготы: срок службы для них был короче, они могли сами выбрать воинскую часть, в которой желали служить, их освобождали от хозяйственных работ, они имели право жить не в казарме, а на съемной квартире. Вольноопределяющиеся были нижними

чинами, но имели отличительный знак — трехцветный шнур вокруг погон. Хотя это не требовалось по уставу, офицеры обычно обращались к ним на «вы». Вольноопределяющиеся получали право сдать во время службы офицерский экзамен (соответствующий курсам специальных военных дисциплин военного училища), и если им удавалось это сделать, по окончании срока службы они перечислялись в запас с чином прапорщика.

Казаки компактно проживали на территориях казачьих войск и составляли отдельное сословие. Хотя их тоже призывали на действительную службу отнюдь не поголовно, но пропорция призванных / зачисляемых в запас для казаков всегда устанавливалась значительно более высокой. Жеребьевки у казаков не было, назначение на службу либо оставление на льготе производилось по указанию военного начальства. Состояние в запасе армии для казаков имело иное значение. Если в обычной армии части ополчения (дружины) были кадрированными (состояли только из небольшого количества офицеров) и в редчайших случаях использовались для организации учебных сборов для запасников, то льготные полки у казаков были скорее действующими войсковыми частями пониженной мобилизационной готовности. Соответственно, казаки, состоящие на льготе (как после действительной службы, так и взамен ее), имели униформу, коня и оружие, достаточно часто участвовали в учениях, а их передвижения (и тем более возможность переселиться в другую местность) были ограничены.

Призыв 1910 года в цифрах

Эти сведения являются примером того, как работала всеобщая воинская повинность в царской России, про устройство воинской повинности см. здесь.

В списках призыва 1910 год числилось 1316 тысяч молодых людей. Из них 1193 тысячи попали в общие призывные списки и подлежали общей процедуре призыва, а 123 тысячи составляли либо те, кого призывали без жеребьевки (казаки и вольноопределяющиеся), либо те, кто пользовался продолжающейся с прошлых лет отсрочкой (преимущественно учащиеся). Это была далеко не вся возрастная когорта, так как заметная часть жителей России (преимущественно мусульманские народы) не подлежала призыву — 20-летнего возраста по всей Империи в этом году достигло около 1500 тыс. мужчин.

План призыва составлял 457 тысяч, 35% от числа лиц в призывных списках.

93 тысячи призывников (7.1%) решили вовсе не являться к призыву без уважительных причин — время было беспокойное, правительство и армия не пользовалось большой популярностью. Еще у 12 тысяч (0.9%) нашлись уважительные причины.

Разного рода отсрочки по социальным причинам получило 12 тысяч человек (0.9%), большую часть из них составляли студенты, подследственные и подсудимые.

Из оставшихся 1199 тысяч у 260 тысяч (21.7%) была семейная льгота первого разряда — это были единственные сыновья и единственные трудоспособные сыновья при нетрудоспособном отце. Этим льготникам даже не надо было являться на призывные участки.

Оставшиеся 939 тысяч подверглись жеребьевке. Из этого числа 235 тысяч имело право на льготу второго разряда, 73 тысячи — на льготу третьего разряда.

Медицинскому обследованию, которое проводилось лишь до заполнения призывной квоты, подверглось 724 тысячи призывников — все безльготные призывники и льготники

третьего разряда (независимо от вытащенного ими номера жребья) и около 90 тысяч (приблизительно первые 40% по вытащенным номерам жребьев) льготников второго разряда. До льготников третьего разряда очередь не дошла. Таким образом, льготники второго разряда — единственные трудоспособные сыновья при трудоспособном отце — имели шанс попасть в армию несколько менее 50%, а льготники третьего разряда — те, у кого брат уже находился или умер на военной службе — попали в армию полностью.

Из освидетельствованных 129 тысяч (17.8%) оказались либо вовсе негодными для службы, либо были зачислены в запас 2го разряда; 95 тысяч (13.1%) получили годичную отсрочку по состоянию здоровья; 49 тысяч (6.7%) было послано в больницы для более детального освидетельствования. Здоровыми оказалось 451 тысяча призывников.

Из признанных здоровыми в армию отправили 423 тысячи (416 на строевую и 7 на нестроевую службу), 3 тысячи человек все равно зачислили в запас, а всех остальных, по причине разногласия в комиссиях, отправили для дальнейшего переосвидетельствования.

Уже после общего призыва в армию также призвали 22 тыс. человек, которых наконец удалось переосвидетельствовать у врачей, и 23 тыс. человек, в отношении которых закончились следствие и суд. 2 тыс. человек поступили на службу вольноопределяющимися. После того как 22 тыс. человек, оказавшихся по обследованию здоровыми, были призваны, из армии **отпустили домой** те 22 тысячи только что призванных, которых призвали после жеребьевки взамен посланных на переосвидетельствование. Итого, в армию попало 446 тыс. человек.

Российская империя и США: как две страны осваивали новые территории

Заселение Запада США и Азиатской России (под этим понимали Сибирь, Степной край и Среднюю Азию) — одновременные, схожие по сути дела и легко сопоставимые процессы. Результаты в двух странах получились разные. Если описать их коротко, то освоение Запада превратило США в другую страну, с другой географией и экономикой, привлекательную для миллионов иммигрантов, а вот для Российской Империи Сибирь так и осталась малозначительным побочным проектом. В 1900-х годах Западные штаты (в узком определении) США прирастали в среднем на 280 тыс. человек в год (при 90 млн. населения в 1910 году), а все слабозаселенные штаты (менее 8 человек на км²) — на 540 тыс. человек в год, Азиатская Россия — на 270 тыс. (при 153 млн. населения в 1910 году). В США заселение слаборазвитых

территорий поглощало 34% прироста населения, в России — 13%. Между тем, именно у России, страдавшей от аграрного перенаселения, потребность в освоении новых территорий была, казалось бы, значительно выше.

Почему так получилось? На мой взгляд, самое лучшее объяснение тут может быть дано в рамках институциональной экономической теории. Заселение новых земель — типичный пример соревнования двух систем: *естественного государства* (России) и *государства порядков открытого доступа* (США). Что значат эти термины? Это как раз и будет видно из последующих примеров. Для начала мы разберем, как в двух странах раздавали землю переселенцам.

Как раздавали землю переселенцам в США

Запад США (с 1860-х), а затем и Канада, заселялись по гомстедной (*homestead*) системе. Казенные землемеры до начала заселения размечали территорию на одинаковые квадраты. Каждый желающий поселиться в данной местности выбирал любой незанятый участок, подавал заявку, оплачивал символический взнос (5 долларов), и, без всякого дополнительного разрешения властей, селился на участке. Если поселенец в течение 5 лет удовлетворял квалифицирующим условиям, зависящим от штата (как правило, надо было жить на участке и вести какое-либо хозяйство на части площади), то он мог требовать от властей бесплатно выдать ему свидетельство о собственности. Кое в каких штатах существовали ограничения по дальнейшему отчуждению гомстедов, но в большинстве случаев эти участки становились полной частной собственностью.

Гомстед был, по российским меркам, очень большим, в 60 десятин (65 га), с 1909 года желающим стали выдавать двойные участки, добавочный участок полагался также и тому, кто был согласен вырастить на нем лес. В 1900-х, когда гомстедное движение было на историческом пике, поселенцем выдавалось по 80 тыс. участков в год. При крупнейшей из земельных раздач в США — Cherokee Strip Land Run 1893 года — поселенцам было одновременно предоставлено 40 тыс. стандартных участков, выкупленных у индейцев в штате Оклахома.

Интересным было то, что система принципиально работала неуравнительно — участки нарезались просто квадратной сеткой, все были одинаковыми по площади, а это означало, что на какой-то участок попадали лучшие земли, а на какой-то худшие. Но, с точки зрения властей, плюсы от быстрых и дешевых землеустроительных работ перевешивали минусы. В конце концов, раздавали-то участки по-честному — кто пришел первый, тот и может выбрать себе лучший участок. Когда в каждой отдельной местности свободными оставались только малопривлекательные участки, раздачу гомстедов закрывали, и эти участки раздавали даром (или продавали за копейки) соседям.

Еще один источником прав на землю были земельные гранты железным дорогам, бесплатно получавшим от государства половину 20-мильной полосы вдоль пути. Участки железных дорог в этой полосе перемежались с гомстедами как черные и белые клетки на шахматной доске — а это значило, что дорога должна была либо ждать, пока разберут все гомстеды, и уж потом продавать свою землю по нормальной цене (а деньги-то были нужны ей немедленно), либо продавать землю на условиях лучше гомстеда — то есть за копейки.

Как раздавали землю переселенцам в Российской империи

Совершенно не так выглядело заселение Сибири и Средней Азии. Россия не была такой страной, где каждый мог свободно отправляться и селиться, где ему угодно — но одновременно не была и страной, где государство следит за каждым и предписывает, как ему жить и что ему делать. Как результат, переселенцы разделялись на законных и самовольных, так как государство не имело духу разрешить переселение всем желающим и не имело силы запретить переселение тем, кто не получил разрешения. Права и обстоятельства этих двух групп были разными.

Легальные переселенцы предварительно высылали в Сибирь представителей (*ходовов*), которые зачисляли на счет желающих переселиться односельчан подготовленные властями земельные участки. К следующему году переселенцы получали от местных властей разрешение на переселение, продавали землю на родине (крестьянскую землю можно было продать только односельчанам,

что роняло ее цену) и отправлялись в путь. В Сибири власти устраивали из них в обязательном порядке точно такую же общину—коллективного владельца земли, которую они представляли собой на родине. Но если в Европейской России сельское общество было хотя бы владело надельной землей, то в Сибири казенная земля передавалась ему в бесплатное пользование. Эта юридическая конструкция позволяла нарезать крупный участок, посадить на него небольшое количество начальных поселенцев, а затем принудительно утрамбовывать общину, подселая к ней новых переселенцев, пока размер надела не уменьшится до минимальной нормы — и эту норму государство позволяло себе с годами уменьшать. Понятно, что общине при этом приходилось рано или поздно как-то заново переделывать землю между своими членами, сгоняя крестьян с ранее обрабатываемых участков в пользу новичков.

Сложнее было положение нелегалов (а нелегалами были около половины переселенцев), основная масса которых появилась во время запрета на переселение, введенного на время строительства Сибирской железной дороги (чтобы переселенцы не болтались под ногами). Они отправлялись в путь без разрешения, а селились где придется, иногда их пускали к себе крестьяне старожилы, а иногда они просто занимали пустые казенные земли. Казна никогда не сгоняла крестьян—нелегалов, сумевших завести хозяйство; худшее, что их ждало — обложение земельным налогом на общих основаниях и принудительная организация из них нового сельского общества. Но при этом вопрос землеустройства обычно просто зависал в воздухе, какой именно землей, в каких границах и в каком статусе владеют эти люди, никто просто не знал.

Ко всему этому надо добавить, что и легальные общины не очень-то смотрели на формальную сторону дела, часто фактически занимали землю, им не отведенную, при этом забрасывали отведенную и т.п. Как результат, все земельные отношения в Сибири были бесконечно запутаны. Всякий переселенец верил, что его не выгонят с занятой земли вовсе, но никто не был уверен, что его участок не попадет в общинный передел, что его можно будет продать, что можно будет докупить

соседний участок и т.п. Количество земель, на которые существовало полное право собственности, и которые можно было продавать легально и с государственной регистрацией, в Сибири было крайне небольшим (это были, преимущественно, офицерские участки казачьих войск), а цена на них — весьма высокой.

Столыпинская земельная реформа в Сибири не проводилась, так как правительство не чувствовало себя способным распутать старый клубок неурегулированных земельных прав. Только после 1910 года переселенческие власти начали давать небольшую часть новых участков не крестьянам–общинникам, а крестьянам–собственникам, в компактной нарезке.

Когда–то, в 1870–х, переселенцы получали 60 десятин на семью, ровно столько же, сколько и американские гомстедеры. Но потом норма стала сокращаться, и в 1900–х стандартом было уже 30 десятин. Кстати, сокращение стало возможным потому, что слабомеханизированное хозяйство русского крестьянина не управлялось с 60 десятинами силами одних только членов нормальной семьи, и даже 30 десятин использовались обычно довольно слабо.

Две системы

Как легко заметить, американская гомстедная система является ярким выражением *порядка открытого доступа* — государство полагает, что всякий гражданин по умолчанию является самостоятельным, ответственным и способным к полезному труду, приводящему его к процветанию. Пусть для кого–то это окажется не так, но, во всяком случае, каждый имеет право попробовать на равных с другими основаниях.

Российская система, в противоположность американской, типична для *естественного государства*. Она мозаична и неоднозначна. С одной стороны, нет речи о том, чтобы в полной мере развернуть порядки экстрактивной экономики — то есть поработить всех и заставить работать по приказу и плану, под бичом надсмотрщика (именно так была устроена экономика старого Юга США). В старой России всякий кормит себя сам, не надеется на пенсии и пособия, не ждет от начальства указаний,

репу ему сажать на огороде или огурцы, и в какой день. Но и отпустить людей жить так, как им угодно, тоже страшновато. Как бы чего не вышло. Мы разрешим всякому ехать в Сибирь — а вдруг уедут должники, как их потом найти. Мы дадим землю в собственность — а вдруг ее скупят у глупых крестьян страшные спекулянты. Дадим каждому столько земли, сколько он просит — нет, нельзя, они же как дети, заберут слишком много, а потом не справятся.

Весьма характерно то, что российский власти называли нелегальных переселенцев *самовольными*. Если в рамках этой бюрократической логики мы посмотрим на США, то там всё население поголовно было *самовольным*.

Текст иллюстрирует картина Сергея Иванова «Возвращение переселенца». Нетрудно догадаться, что неудачливый переселенец дошел до столь жалкого состояния благодаря государственной защите — ради того, чтобы он, глупый, не продал свой участок ужасному спекулянту, он был лишен права собственности на обрабатываемую им землю. Американский гомстедер, если его хозяйство не пошло, мог помыкаться пять лет, получить право собственности, продать землю, и отправляться искать новый образ жизни с деньгами.

Российская империя и США: как две страны осваивали новые территории. Вода

Продолжаем сравнение США и Российской империи на примере двух подходов к освоению новых территорий. Первая часть, про землеустройство переселенцев, здесь. А теперь мы разберемся с водой.

Сегодня, когда воду так легко перекачать, перевезти, налить, мы перестали осознавать, до какой степени вид сельской местности старой эпохи, организация сельского хозяйства и социальная структура крестьянства были связаны с доступом к воде. И до какой степени доступ к воде определял возможность людей селиться в той или иной местности.

Для начала, надо пояснить, что доступ к воде — это не одна, а несколько разных проблем.

По самому минимуму, вода нужна людям для домашнего потребления, и в таком случае ее требуется совсем немного — в доводопроводную эпоху люди мылись крайне редко и не использовали промывные туалеты. Тут колодец обычно решает проблему. Далее, вода нужна в засушливой местности для поливки огорода — и тут можно более или менее обойтись колодцем. Большая проблема начинается тогда, когда надо поить животных на пастбище. Тут колодцем обойтись уже тяжело. Лошадь и корова выпивают в день 50–80 литров, и доставать им эту воду из колодца, наливать в бочку, везти бочку на телеге на пастбище есть чрезвычайно муторное дело. Куда проще, если скот пасется там, где имеется какая-нибудь проточная вода. И наконец, самое сложное дело — сплошное орошение полей, которое может требоваться уже с совершенно пустынной местности. Надо понимать, что разного рода сельскохозяйственных напорных водопроводов и мобильных систем полива сто лет назад не было, и единственным доступным методом было устройство системы из параллельных маленьких канавок, объединяющихся в каналы побольше, и в конце концов (может быть, через многие километры) подключенных к реке.

И в этом деле, как то часто бывало, русские и американцы подошли к проблеме по-разному, что привело к значимым последствиям.

Как вода доходила до американского фермера

Американцы твердо выбрали путь полностью индивидуального фермерского хозяйства. К началу 20 века приблизительно три четверти фермеров проживали на неинкорпорированных территориях. Это значит, что данная земля не относится ни к какому тауншипу (низовое муниципальное образование с выборным управлением, одинаковое по своей сути и для города, и для сельской местности), и наименьшая административная единица на ней это графство. Графство же есть образование довольно крупное, и заниматься тем, кто, куда и по чьей земле гоняет скот на водопой, оно не будет. Как результат, фермеры не имели никаких общих земель, а уж тем более общих пастбищ, и сидели каждый на своем компактном 60–гектарном участке.

Очевидно, что на свете нет ландшафтов, настолько насыщенных ручьями, чтобы проточная вода попадала на каждый из квадратов 770x770 м, на который разделена местность. Как же фермерам было добраться до воды?

Решением стали мелиоративные товарищества, федеральный закон о которых был принят одновременно с законами о гомстеде, в 1860-х годах. Товарищество принудительно образовывалось властями штата в момент раздачи гомстедной земли, и членство в нем было условием получения гомстеда. Почему членство было принудительным? Дело в том, что потребность в мелиорации / ирригации у разных фермеров разная. Представим себе оросительную канавку, отведенную от реки. Первый по ходу воды фермер вообще не нуждается в канавке, ведь он и так сидит на берегу реки. Близким к реке фермерам канавка нужна, но ее техническое состояние их мало волнует — даже если канавка оплывет, заилится и т.п., на них-то воды хватит. А вот для того, кто сидит на самом конце канавки, ее техническое состояние критически значимо; чуть подпортится канавка, и вода уже не дойдет до него. Понятно, что добровольное товарищество из лиц со столь разными интересами не будет работать хорошо. В принудительном же товариществе деньги разверстываются поровну на всех, через чьи земли проходит канавка (или система канавок), что бы они об этом не думали. А уж если деньги собраны, фермеры, подключенные к концу канавки, позаботятся об организации ее ремонта.

Необходимо заметить, что для устройства такого товарищества не имеет значение, для чего устроена канавка, для обводнения или для осушения, то есть один и тот же социально-экономический механизм прекрасно работал и для подачи воды в сухую местность, и для осушения местности болотистой.

Что делать, если нужны не простые канавки, а более сложные гидротехнические сооружения, с которыми фермерам, даже в виде товарищества, не справиться по причине отсутствия специальных познаний и опыта? На этот случай американское правительство придумало более сложную конструкцию. Штат, до начала заселения гомстедерами, нанимал специализированную фирму и заказывал ей постройку необходимых сооружений. Гомстедеры

были обязаны в течение 10 лет рассчитываться с фирмой равными платежами, в этот период фирма сама эксплуатировала сооружения — то есть поддерживала гарантию. Через десять лет сооружения считались выкупленными и передавались в собственность мелиоративному товариществу из фермеров. Эта схема, более сложная и эффективная, использовалась преимущественно в полупустыне, там, где требовался сплошной полив полей.

И наконец в совершенно сухой местности, там, где любого рода мелиорация была невозможна или чрезмерно дорога, появлялась вышка с ветряком, знакомая нам по любым американским фильмам про сельскую глубинку. В фильмах ветряк обычно жалобно и зловеще скрипит, символизируя упадок, а в действительности это была часть небольшого технического комплекса: буровой колодец со стальной обсадной трубой, погружной насос с механическим приводом от кинематографического ветряка, трубопровод и бак для воды на чердаке какого-нибудь сарая, поилка для скота.

Во всех случаях, и с мелиорацией, и с ветряком, последствия были одинаковыми: американский фермер прекрасно управлялся с хозяйством на своем 60-гектарном участке, не нуждаясь в выгоне за его пределами. Как результат, фермер не нуждался и местной общине как в хозяйственном объединении для эксплуатации общих земель поселения. Эту общину (сельский тауншип) он мог совместно с соседями создать в любой момент (а мог и не создавать), но в любом случае, ее цели оказывались общественными, а не хозяйственными. Ну, и разумеется, схема хозяйствования не принуждала фермера жить в чем-либо, напоминающем русскую деревню (что отнюдь не мешало людям селиться в компактные поселения, если возникала иная экономическая заинтересованность).

Как вода доходила до русского крестьянина

Сибирские сельские общества, принудительно образованные властями из поселившихся поблизости групп крестьян, имели самые разные схемы землепользования, зависящие от количества земли, приходящейся на одно хозяйство. По мере уплотнения они за 10–20 лет проходили эволюцию, которая в Европейской России

занимала столетия. Вначале хозяйство было *заимочным* без фиксации собственности: каждый выбирал себе участок по вкусу, хозяйствовал несколько лет, пока земля не выработывалась, потом переходил на новый. Потом заимки стали фиксироваться за определенными хозяйствами. Потом, когда на некоторые участки стало появляться несколько претендентов, заимочные участки стали сочетаться с общими землями, разделяемыми по жребью. А потом, при достижении плотности в 30 десятин на двор, многие селения стали переходить к обычному русскому чересполосному землепользованию.

Как только появлялись общие передельные земли, крестьянская община, первично навязанная сверху, начинала работать. И это всегда приводило к тому, что кроме передельной земли появлялся еще и выгон общего пользования, через который как раз и проходил ручей, речка и т.п. А как только возникал общественный выгон, задача снабжения каждого хозяйства проточной водой (актуальная для первичного, заимочного периода), исчезала. Теперь община переставала следить, чтобы проточная вода доходила до какого-либо еще участка, кроме общего выгона. Для снабжения придомовых участков водой русские, где могли, селились вдоль берегов рек и ручьев, а где не могли — копали колодцы, где частные, а где и общественные.

Как результат, зона распространения переселения со сплошным заселением заканчивалась примерно там, где расстояние между ближайшими ручьями достигало 5–15 км (то есть размерности территории общины) — то есть, очень грубо, там где лесостепь переходит в степь. Дальше русские могли селиться уже не сплошняком, а только вдоль речек.

Что же происходило там, где и ручьев уже не было, там, где у американцев появлялся приснопамятный ветряк (точнее, ветряк с буровым колодцем; ветряк мог также качать в бак и воду из ручейка)? Увы, весь этот технический комплекс, в принципе знакомый населению, был для него практически недоступен. Во-первых, бурение скважин с обсадной трубой было в России еще новой, малораспространенной и дорогой технологией. Во-вторых, любая машинерия, благодаря протекционизму и высоким

ввозным пошлинам, в России стоила в два раза дороже, чем в США. В результате, устройство, обходившееся американскому фермеру в 120–150 долларов (240–300 рублей) в полной сборке, стоило русскому крестьянину 500–800 рублей. А таких денег у него просто не было — вся сумма, с которой он начинал хозяйство в голом поле, обычно составляла те же 500–800 рублей. А устройство колодца — это первая работа при обзаведении хозяйством в сухой местности. Поэтому заселение русскими останавливалось там, где степь, пересекаемая ручьями, переходит в сухую степь. На практике, русские смогли плотно заселить предгорья Алтая, но не смогли продвинуться на юг, в огромные степи Северного Казахстана (тогда это были Акмолинская и Семипалатинская области).

Интересно, что власти Российской империи были прекрасно знакомы с идеей мелиоративного товарищества — они встретились с такими товариществами, завоевав Среднюю Азию. Империя приняла эту юридическую схему и включила мелиоративные товарищества туземцев в свою структуру власти, сделав водяных старост (*мирабов*) должностными лицами. Но мысль, что ту же хорошо действующую схему можно (и нужно) распространить и на русских, просто не пришла в голову зашоренным бюрократам.

Две системы

Вода дает нам весьма интересный повод для сравнения. Мы видим, что США отнюдь не являлись страной дикого, беспредельного экономического либерализма. Точнее, этот дикий индивидуализм закончился, как только закончился этап, при котором переселенцы ехали на Запад в фургонах и занимали федеральные земли, не входящие в состав отдельного штата (а иной раз и вовсе земли других государств), и начался этап, при котором переселенцы двигались по железной дороге и занимали земли, на которые распространялась власть штата и на которых было произведено знаменитое простейшее землеустройство с квадратной сеткой. На этом этапе американские власти начали действовать строго по институциональной экономической теории (к тому моменту еще не разработанной) — каждое дело должно делать индивидуумы и частные фирмы, а если они не могут

справиться, то минимальное по размеру сообщество людей их тех, которые способны с ним справиться.

В России же мы видим традиционный хаос естественного государства. С одной стороны, крестьян все равно собирают в принудительные сообщества. С другой стороны, это совсем не те сообщества, которые нужны для построения гидросистемы (одна гидросистема — одно сообщество). На крестьян и их власти накладывают массу неоплачиваемых общегосударственных обязанностей — вроде ведения паспортного учета, расквартирования полиции и обеспечения данными казенной статистики. А вот дать крестьянским властям полномочия по принудительному привлечению людей к сооружению гидросистем государство не сообразило.

Результаты такой ошибки, на первый взгляд мелкой, оказались чрезвычайно важными. Русские не смогли освоить сухую степь. Русские были склонны сбиваться в традиционные деревни, и даже там, где они поддерживали хуторское заселение, каждый двор сохранял членство в общине и пользовался общим пастбищем. При достижении сплошного заселения новых местностей русские стояли на грани перехода к бестолковому, малоэффективному чересполосному землепользованию, и много где уже и перешли за эту грань. И всё потому что в кузнице не было гвоздя.

Рекомендации. Михаил Зыгарь. Империя должна умереть

Меня много раз спрашивали том, есть ли обзорная книга о царствовании Николая II, и я всегда отвечал, что такой книги пока нет. И вот, наконец, эта книга появилась.

Она называется «**Империя должна умереть**», и написал ее вовсе не историк, а известный журналист/публицист **Михаил Зыгарь**.

Книга получилась очень интересная и очень необычная, даже странная. Впечатление от нее противоречивое, поэтому я изложу его по отдельным пунктам.

1. Книга весьма хорошо написана. Язык чистый, ясный, а действие динамично — кто бы мог подумать, что в исторической книге вообще может быть динамичное действие! Автор не использует корявый и громоздкий псевдонаучно-канцелярский стиль, отвращающий читателя от традиционных российских исторических книг. Материал излагается живо и занимательно; книга читается легко, с удовольствием. Эти позитивные свойства книги надо всецело отнести к журналистскому бэкграунду автора.

2. Во всех суждениях и выводах Зыгаря видно важное для историка качество — он хорошо знает и понимает жизнь в целом, а не только тему и эпоху своего сочинения. Зыгарь, честно скажем, не слишком много прочитал про царствование Николая II, и использованные им источники, среди которых нет не только архивного материала, но даже и редких книг, хорошо узнаются по тексту. Но не самое большое количество входящей информации автор сумел ловко превратить в обширные и верные выводы. Зыгарь обладает прекрасной способностью угадывать характеры, разбираться в подоплеке событий, интуитивно различать правду, преувеличения и прямую ложь, реконструировать сложные явления по обрывочным сведениям.

Всё это выгодно отличает Зыгаря от среднего современного российского историка, обычно не знающего и не понимающего никакой жизни, ни современной, ни исследуемого им периода. Разумеется, и тут мы видим, что опыт журналистики и организационной работы в медиа оказался крайне полезным для автора.

3. Зыгарь пишет историю точно так же, как это делал Тацит две тысячи лет назад: вся его история состоит из описания выдающихся личностей, их речей и деяний. Все общественные силы, все процессы, все линии в книге намеренно персонифицированы; культуру, для примера, представляют Дягилев, Мережковский и Зинаида Гиппиус. Безличные массы, не выдвинувшие ярких деятелей — для начала, крестьянство — не представлены никем и по такому случаю в книге практически не упоминаются.

На первый взгляд, можно подумать, что автор не попросту не имеет ни малейшего представления о том, как выглядит современный инструментарий и метод работы историка. Но при более внимательном подходе можно заметить, что такой подход с намерением доведен до последней крайности. Зыгарь, в частности, не просто убрал из книги всю статистику — он освободил ее не только от сложных таблиц, но и от любых чисел вообще. Прочитав 900 страниц, читатель, для примера, так и не узнает, сколько именно миллионов жителей было в Российской империи той эпохи. Невозможно допустить, чтобы и сам автор того не знал — следовательно, перед нами хитрый стилистический прием. Может быть, это сделано для того, чтобы привлечь к чтению исторической литературы людей, боящихся скучных цифр. Но, так или иначе, результат оказался проблематичным — вместе с цифрами из книги выпал и огромный пласт ключевых сведений, которые как раз цифрами и описываются.

4. Если посмотреть на дело шире, то Зыгарь убрал из книги экспозицию как таковую. Все описываемые события происходят с людьми и структурами, о состоянии которых к началу событий мы не знаем ничего. Мы не знаем, сколько у крестьян было земли, что им удавалось на этой земле вырастить, за сколько продать и что на эти деньги можно было купить — но зато мы узнаем о том, что земли становилось меньше и недовольство крестьян нарастало. Мы не знаем, в чем заключалась российская промышленность и каковы были ее дела, но сразу же знакомимся с Рябушинским, который эту промышленность олицетворяет и куда-то ведет. На сцену без всяких предварительных пояснений выходят разные должностные лица, типа предводителей дворянства, набор прав и должностных обязанностей которых неведом современному читателю. И так далее. В общем, книга мастерски изображает Россию в динамике, но Россия у автора движется так быстро, что как раз ее саму читатель не успевает разглядеть.

5. Автор в полной мере подвержен главному бедствию непрофессиональной историографии — телеологическому мышлению. Через столетие, когда у всего происходившего в прошлом видны последствия и продолжения, трудно отделаться от навязчивой мысли, что люди того времени жили для того, чтобы

сформировалось то настоящее, в котором живем мы. Поколения предков закладывают фундамент нашего мира, строят нижние этажи, а мы живем в пентхаусе и с высоты обозреваем окрестности. Разумеется, это просто искажение мышления. Древние греки не знали, что они древние. И Миллюков выступал за всеобщее избирательное право отнюдь не для того, чтобы подать нашему поколению пример и сигнал, что хватит бог знает какой раз подряд избирать одного и того же человека президентом. Непрерывные параллели между Россией Николая II и Россией Путина, которыми Зыгарь уснащает книгу, не имеют никакого исторического содержания. И уж совсем нелепы намеки на то, что падение Российской империи можно использовать как предсказание/предостережение для сегодняшнего режима.

Перейдем к самому главному. Нужно ли тому, кому интересна описываемая эпоха, прочитать книгу Зыгаря? Несомненно **нужно**. Книга яркая, полная верными выводами и характеристиками, и содержащая столь много сведений, что даже человек, хорошо знакомый с темой, найдет в ней много нового. Но читать ее нужно с умом. Во-первых, не следует покупать на ложные параллели с современностью. Во-вторых, как только сталкиваешься с чем-то необъясненным (а таковым у Зыгаря, увы, оказываются почти все институты и реалии старой России), наводи справки по другим источниками, начиная с Википедии. При таком подходе чтение превратится в очень длинную историю — в книге и так 900 страниц, а тут еще и наведение справок — но зато его результатом станет глубокое знакомство с интересным временем.

Занимательное изучение истории по случайным фотографиям

HOLLAND - WOMEN DRAWING CRAB BOAT

3401-3

Всем нам знаком формат исторических постов с фотографиями—«пруфами». На первый взгляд, использование фотографий в качестве доказательств выглядит логично — достоверность фотографии теоретически выше, чем у текста или рисунка.

Сейчас мы разберем типичный случай характерного «фотографически–доказательного» подхода к анализу исторической информации на примере обсуждения вот этого поста на сайте historyporn.

Сам пост очень прост. Автор приводит фотографию Николая II, осматривающего в 1913 году бомбардировщик «Илья Муромец» — для того момента вполне продвинутый самолет — и на этом основании делает вот такой вывод: »Привет, отсталая лапотная Россия». Из этого мы можем усмотреть, что топикстартер считает данную фотографию доказательством, опровергающим тезис об отсталости поздней имперской России.

Топикстартеру резонно возражают, что наличие сложных самолетов, следующее из данной фотографии, не является доказательством того, что значительная часть населения не носит лапти.

Тогда топикстартер переходит к более изощренным аргументам, по–прежнему основанным на фотографиях. Он приводит два изображения, которые я повторил на КДПВ.

Первая фотография сделана в 1900–х годах на реке Суре, правом притоке Волги. На ней изображена артель из 20–25 женщин в крестьянской одежде, тянущих какое–то плохо определяемое плавсредство. Топикстартер подписал фотографию так: »отсталая лапотная Россия, 1900 год».

Вторая фотография сделана между 1910 и 1920 годом Джорджем Бэйном (известный путешественник–фотограф, своего рода Варламов той эпохи) в Голландии и изображает пожилую женщину, тянущую небольшую баржу по каналу. Эту фотографию топикстартер подписал так: »передовая европейская Голландия, 1931 год» (указана ошибочная дата).

Направление мысли топикстартера понятно. Мы имеем фотографию бурлаков в России и бурлаков в Голландии, следовательно, бурлаки были везде и их наличие не свидетельствует об отсталости. Зато такой большой самолет в России был, а в Голландии его не было, что свидетельствует о продвинутости России. Разберемся с этой манерой использования фотографических «доказательств» более детально.

Когда фотография является доказательством

Разумеется, фотографии (для данного случая) являются доказательством. Доказательством того, что изображенное событие имело место в тот момент, когда был сделан данный кадр. Первая фотография доказывает, что именно на реке Суре как минимум один день в году работала как минимум одна артель женщин–бурлаков. Вторая, соответственно — что в Голландии как минимум в один день одна старушка тянула баржу.

Как только мы начинаем применять фотографии в качестве доказательства более комплексных явлений, то мы должны признать за доказанное еще и тот факт, что голландские старушки очень сильны: одна голландская старушка выполняет ту работу, для которой нужны 25 молодых русских баб. Во всяком случае, такой вывод более тесно связан с подтвержденными фотографиями фактами, чем вывод о том, что на водных путях России и Голландии повсеместно использовалась человеческая тяга.

Ловушка случайных свидетельств

Крайне странно использовать случайные данные худшего качества при наличии комплексных данных лучшего качества. Предположим, что у нас есть единственное сведение о том, как двигались суда по рекам Древнего Вавилона: барельеф, на котором рабы тянут баржу. Ни письменных свидетельств, ни археологических находок, освещающих эту тему, не имеется. Да, в таком случае будет разумно сделать широкое предположение, что речные суда в той цивилизации тянули именно бурлаки, а не упряжки волов и не тракторы с дизельным двигателем.

Но к России и Голландии 1900–х годов подобный метод неприменим. Разумеется, нет единиц, в которых бы измерялись непосредственно «отсталость» и «лапотность»; но зато есть старый добрый ВВП на душу населения. Эта величина косвенно (нужна поправка на процент занятого производительным трудом населения) характеризует производительность труда и прямо характеризует богатство общества. Для данного периода и для значимых стран душевой ВВП измерен точно, и в сопоставимых

ценах. Проверить это можно по известной базе данных Агнуса Мэдиссона.

Так вот, в 1913 году душевой ВВП Голландии в сопоставимых ценах был в 2.9 раза выше, чем душевой ВВП России.

Поскольку жизнь разнообразна, и состоит из множества явлений, мы легко можем подобрать пары фотографий, на которых русский богач едет на блестящем автомобиле, а голландские нищие просят подавание, русский машинист ведет огромный русский паровоз, а ободранный голландец едет на хромой козе, на русской электростанции крутятся турбогенераторы, а голландцы ютятся в темноте при скудном свете свечи и т.п. Но все они не будут ничего доказывать — сама идея основывать на них широкие выводы есть типичное искажение мышления (bias), называемое ловушкой случайных свидетельств.

Ловушка анахронических выводов

Легко заметить, что выборочные фотографии не доказывают ничего, то есть они не только подтверждают, но еще и не опровергают сделанный на их основании вывод. Интересно, а что творилось в позднеимперской России с бурлацкой тягой? Насколько она была распространена и насколько свидетельствовала о так называемой «отсталости»? И тут нас поджидает еще одна ловушка — ловушка анахронических выводов. Мы не должны забывать, что одни и те же факты в один период времени свидетельствуют об одном, в другой о другом, а в третий, быть может, не свидетельствуют ни о чем вообще.

Для начала надо задуматься том, откуда взялись бурлаки. В принципе, работа, совершенная мускульной силой лошади, обходится дешевле работы, совершенной мускульной силой человека. Если бы это было не так, то весь старый мир был бы устроен по образцу средневековой Японии, где лошадь обходилась дорого и превратилась в престижное средство передвижения и боевую машину, а в производственных процессах и транспорте не задействовалась. Но, как мы знаем, в старой России пахали на лошадях, впрягали их в телеги и в приводы различных механизмов. Никто не стал бы это делать, если было бы дешевле

поручить такую работу человеку. Зачем же тогда были нужны бурлаки?

Дело в том, что у лошади есть два недостатка. Во-первых, лошадь умеет работать в коллективе с другими лошадьми (в упряжке) и легко передвигается по пересеченной местности, но не умеет делать то и другое одновременно. Упряжка лошадей по склонам, кочкам и камням не тянет. Во-вторых, лошадь умеет тянуть, но не умеет работать грузчиком.

Как результат, барки нельзя тянуть лошадьми там, где берег труднопроходим, и там, где река очень мелка и фарватер образует перекаты — совсем мелкие участки на переходе фарватера с одного берега к другому. При чем тут перекаты? Дело в том, что севшее на мель судно полностью или частично разгружают, используя лодки, а уж потом начинают стаскивать с мели. Лошади, в отличие от бурлаков, разгружать судно не станут.

Русские реки, до появления на них ГЭС, текли в режимах, сильно отличающихся от современных. Высота воды в них сильно изменялась по сезону, и в межень они были мелки. Для примера, Волгу в Твери можно было перейти вброд. Никаких сил и средств урегулировать течение крупных рек, прежде всего Волги, до 20 века не было. Следовательно, лошади на этих реках не могли конкурировать с бурлаками, хотя последние и обходились дороже. А раз уж лошадьми все равно не пользовались, не было большого смысла и в обустройстве бечевника (специальной дорожки вдоль берега), люди, в отличие от лошадей, довольно ловко обходятся и без нее.

Заметим, что на искусственных водных системах России — Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской — обеспечивалась (за счет подачи воды из водохранилищ) глубина на фарватере, согласованная с типом применяемых судов, а вдоль всего пути содержался обустроенный бечевник. Разумеется, на этих водных путях суда всегда (Вышневолоцкую систему построили еще при Петре I) шли только на конской тяге.

Ситуация поменялась при появлении удачных типов паровых речных судов, а также паровых землечерпалок. Эволюция парохода шла медленно, и трудно назвать определенный момент,

когда появились пароходы, являвшиеся не просто опытными образцами, а действительно годные для коммерческих перевозок. Ориентировочно, это произошло в 1840–х годах. С этого момента пароходы начали вытеснять из речных перевозок и лошадей, и бурлаков.

Итак, мы видим, что связь между бурлаками и отсталостью изменялась со временем:

а) Для периода до 1840–х годов использование бурлаков на мелких реках с труднопроходимыми берегами вообще не свидетельствует ни о какой технологической отсталости. Это было дорого, но никак по-другому было нельзя. Кое-где, там где возможно строительство каналов, преуспевающие нации (прежде всего англичане и французы) еще в 17 веке начали строить частично дублирующие реки системы каналов. В бедной России не было денег на такую роскошь — но, надо помнить, далеко не везде каналы возможны, даже если есть деньги; трудно представить себе канал — дублер Волги.

б) В 1840–х — 1890–х годах технологически развитые и богатые страны перешли на паровую тягу на внутренних водных путях, а бедные и неразвитые, в том числе Россия, поотстали. Вот в этот короткий период бурлаки действительно выглядели позорно. В России бурлачество стало быстро исчезать в 1870–х годах, и к 1890–м от него не было следа. В автобиографической книге Репина «Далекое близкое» подробно обсуждается вопрос о том, надо ли изображать на картине то, что вот-вот уйдет в прошлое; да и на самой картине мы видим идущий вниз по течению паровой буксир, намекающий на то, что бурлакам сталось мучаться недолго.

в) После 1900 года никаких бурлаков нигде не существовало (в всяком случае, в странах европейской цивилизации), а фотографии людей, тянущих суда, не свидетельствуют ни о чем.

Откуда же взялись фотографии?

Постойте, а откуда тогда взялись фотографии с бурлаками в 20 веке? Всё очень просто. Грузовыми баржами и средствами тяги обычно владеют разные люди. Для того, чтобы перетянуть куда-то баржу, надо вызвать буксир (либо упряжку лошадей) и

сторговаться с его владельцем. Если путь невелик (а работа занимает меньше полной смены) эти услуги обойдутся дорого и будут оказаны нескоро. Кому интересно сдавать буксир в аренду на час? Между тем, грузчики часто уже под рукой. И если небольшое судно надо зачем-либо перетянуть на километр-два (например, от места разгрузки подать к месту следующей погрузки), то проще и дешевле оказывается заплатить за эту работу наличным грузчикам, временно превратив их в бурлаков.

Точно так же мы сегодня видим рабочих, копающих лопатой небольшие ямы, хотя есть экскаваторы, или делающих небольшую работу на высоте, стоя на хлипкой лестнице, хотя есть удобные леса и люльки.

Про реку Суру, изображенную на верхней фотографии, мы знаем еще больше, благодаря наличию подробнейшей статьи в энциклопедии Брокгауза. Грузопоток вверх по течению Суры был ничтожен, 8000 тонн в год. Не удивительно, что в определенные моменты и в определенных местах по реке буксир был совершенно недоступен, и для каких-то небольших маневров проще было подрядить деревенских баб. Картина баб-бурлаков, для того времени уже крайне редкостная, так удивила фотографа, что он не поленился сделать снимок.

А к чему нижняя фотография? О, да, она доказывает, что в США начала века дорог не было, люди передвигались между городами только по воде, а холодной американской зимой — по льду. Богатые ездили на механических санях, ну а беднякам оставались коньки. Фотограф тот же, что сделал среднюю фотографию с голландской старушкой.

Занимательное изучение истории по случайным графикам

Кількість українських книжок

За даними „Бібліографічного покажчика нової української літератури. (1798—1883 р.)” Михайла Комарова, Київ, 1883 р.

Здебільшого дані по підросійській Україні, бо до галицьких видань автор мав обмежений доступ

1847 — розгром Кирило-Мефодіївського товариства й посилення жорстокого переслідування української мови та культури, заборона найкращих творів Шевченка, Куліша, Костомарова та інших

1862 — закриття безплатних недержавних українських шкіл для дорослих в підросійській Україні

1863 — Валуєвський циркуляр про заборону давати цеховий дозвіл на друкування українськомовної духовної і популярної освітньої літератури

1864 — прийняття Статуту про початкову школу, за яким навчання має проводитись лише російською мовою

1876 — Емський указ Олександра II про заборону друкування та ввозу з-за кордону будь-якої українськомовної літератури, а також про заборону українських словничних вистав і друкування українських текстів під юзами, тобто народних пісень

На подсаїте Ukraine недавно был опубликован маленький пост о том, как Российская империя давила национальную украинскую литературу. Это график издания книг на украинском языке с 1800 по 1882 год (по количеству титулов), составленный по библиографическому справочнику М.Комарова, на который нанесены синие вертикальные линии, отмечающие различные репрессивные меры российского правительства против украинской культуры. После линий количество изданий падает. Две линии, оказывающие сильное влияние на график, это Валуевский циркуляр 1862 года и Эмский указ 1876 года. Не будем входить в детали, эти документы действительно были направлены на запрет книгоиздания на украинском (со всякими мелкими тонкостями), и о них подробно рассказывается в Википедии. В общем, выходит, что Россия душила, душила украинскую литературу культуру, и к 1882 году и вправду ее задушила. Такой

вот ужас. Но мне захотелось посмотреть на вопрос пошире. Далее идут мои дополнительные соображения на данную тему.

1. Прежде чем ужасаться страшным разрушениям украинской литературной традиции, произведенным репрессивными мерами российского правительства (синие линии), посмотрим на ординату графика. В момент своего оборванного жестокой рукой Валуева расцвета (1861 год) украинская литература смогла произвести аж 37 титулов книжных изданий за год. Много это или мало? Статистика российского книгоиздания на тот момент была поставлена плохо, мы знаем из нее лишь обрывки, но понятие о масштабах они дают. В 1865 было выпущено 1863 титула, в 1867 – уже 3388. 30–40 титулов в год на русском языке издавалось в первой половине 18 века, а в 1800–х в среднем выходило уже 240 титулов в год.

2. Еще интереснее международные сравнения, тут все хорошо, и подсчет исследователями сделан толково, в титулах на миллион населения, то есть учитывает размер нации. На украинском языке в начале 1860–х мы имеем около 2.5 титулов в год на миллион населения. Чему это соответствует в истории Европы? Ничему. Как только книгопечатание распространилось повсеместно, то есть в 1500 году, все развитые европейские страны уже печатали 10–40 титулов на миллион населения, для конца 16 столетия в Германии, Франции, Англии, Голландии, Испании характерной цифрой являются 80 титулов. Как ни странно, о 19 веке мы знаем меньше (чем меньше книг печатается, тем их легче сосчитать). Во Германии 1843 года напечатали 437 титулов, в Италии в 1800 – 83 титула, во Франции 1828 года – 180 титулов. Прямо на 1862 год у нас есть данные преимущественно по малым странам – Дания 840 тит., Швеция 244 тит., Голландия 648 тит., Норвегия 212 тит., Англия – 89 тит., США – 66 титулов. Польша в 17 веке печатала 8–10 титулов на млн в год, к концу 18 века – 25 титулов. Всё так очевидно, и так печально для украинской национальной культуры, что я воздержусь от выводов.

3. Благодаря наличию библиографического указателя Комарова, мы имеем полный перечень всех изданий на украинском языке до 1882 года. В 1862 году, в последний

«свободный» год до валуевского циркуляра, было издано следующее:

«Народные повести» М.Вовчека (206 стр.), 5-й том сочинений Е.Гребенки (315 стр.), две маленьких «сказочки» П.Казюки по 15 стр., неизвестно чья повесть «Калина», «Песня про 19 февраля 1861 года» П.Карпенко на 20 стр., драматические сочинения Гр. Квитки на 315 стр., сборник пьес Ив.Котляревского (400 стр.) и отдельно его же «Энеида», «Песни, думки и шумки русского народа» Коципинского, «Думы и поэмы» П.Кулиша (250 стр.), учебник арифметики Мороза на 60 стр., повесть «Калина» Полищука (30 стр.), «Правдивое слово селянам и хуторянам» неизвестного автора (около 50 стр.), 8 коротких рассказов Ал.Стороженко отдельными брошюрками, комедия Тарновского «Оксусь и Леся» (76 стр.), «Слух о том, кто первый стал гнать горилку» неизвестного автора, стихотворение «Перебендя» Т.Шевченко, «Опыт южнорусского словаря» Шейковского.

Во-первых, даже заявленных в статистике 32 титулов не набирается, так как библиограф учитывал как отдельные титулы журнальные публикации (в наш перечень они не включены). В нашем списке 7 «толстых» книг (более 150 стр.), 16 брошюр, среди которых есть совсем тонкие, и две книги неизвестного объема. Вот и весь уничтоженный расцвет украинского книгопечатания. Скромненько. Всё, напечатанное на украинском языке за год, заняло бы на книжной полке не более 40 см. Что же касается объема литературного труда, то около половины художественных текстов – переиздания, а не новые сочинения. Кстати сказать, на украинском в указанный период существовало только одно периодическое издание – журнал «Основа». Журнал выходил только два года (1861–62), не набрал подписчиков, не сумел свести концы с концами и погорел. На украинском в журнале были только художественные тексты и стихи. Социально-политическая и научная часть журнала была на русском.

Во-вторых, Валуевский циркуляр выражал обеспокоенность тем, что на украинском печатаются учебники для начальной школы и религиозные книги, в то время как в нашем списке есть всего лишь один учебник арифметики, не представляющий большой опасности для монархии (за предшествующие годы есть,

но в ничтожном количестве). Еще раз: правительство испугалось того, что в действительности не происходило, и запретило то, что никто и не собирался делать.

4. Теперь посмотрим на левую синюю линию. Летом 1862 года правительство распорядилось закрыть все воскресные школы, на тот момент их было 274, то есть одна школа приходилась на 220 тыс. жителей Европейской России; на украинские губернии приходилось 55 школ. Причиной этому был очередной приступ паранойи, охватившей правительство: в III отделение поступил ряд доносов, уличавших преподавателей воскресных школ в революционной агитации. Прошло некоторое время, III отделение поохладилось, и стало понятным, что причины революционной агитации не в организационной форме воскресной школе как таковой, а в распространенности революционных настроений в интеллигентном классе, дающим учителям любым школам, а также в нехватке правительственного надзора над школами. Через два года было издано Положение о начальных народных училищах, которым вновь было разрешено учреждение воскресных школ, уже под надзором уездных училищных советов. Весьма удивительно, что эта печальная история, показывающая подверженность российской власти случайным влияниям и ее паническую реакцию на ничтожнейшие доносы, выставлена как нечто, имеющее специфическое отношение к украинской культуре; напомним, что в воскресных школах в Украине преподавали на русском. Мораль тут в том, что предвзятые авторы склонны пририсовывать к графикам, построенным на фактически верных данных, всякую лабуду, чтобы графики выглядели посолиднее.

5. Как всегда, мы должны задуматься не только о том, что есть в приведенном выше перечне украинских книг, но и о том, чего там нет. Там нет переводных изданий. Переводы – верный признак того, что язык живет в повседневной речи образованной части народа, и люди готовы читать на родном языке не только то, что связано с их национальным сентиментами, но также и просто интересные книжки любого авторства и содержания. Чем меньше народ, тем больше процент переводных книг на национальном языке в книжном магазине (всякий может это проверить, посетив Финляндию или Эстонию). То, что мы не видим в списке

украинских изданий 1862 года переводов, говорит о том, что украинский читатель той эпохи был готов читать на украинском только написанное украинцами Украину, но ничего более. Потому что он знал русский язык лучше, чем украинский.

Специфика исторического развития Украины в том, что украинский народ к 19 веку в значительной мере утерять имущий и образованный класс, привязанный к национальному языку. В Западном крае дворяне были поляками, и демонстративно не владели украинским. В Новороссии изрядная часть дворянства была русской. Вслед за этим и коренное дворянство старых украинских губерний достаточно сильно усвоило русскую культуру и отдалилось от украинской; в части Слободской Украины, угодившей в Курскую и Воронежскую губернии, народ продолжал говорить на украинском, но помещики полностью перешли на русский. И наконец, имущий недворянский класс городского населения Украины в большой доле состоял из евреев, которые украинский знали, но украинских книжек читать не желали.

Традиционный путь возрождения национальной культуры в Восточной Европе в 19 столетии хорошо известен и почти везде, от Румынии до Финляндии, одинаков. Мы видим закваску – сплоченную группу людей с литературным и академическим бэкграундом, способную писать книги и издавать прессу на национальном языке, и воспринимающую культуру среду из лиц, которые вышли из простонародья (то есть всё детство проговорили на национальном языке), затем получили образование и превратились в читателей, но им по-прежнему комфортнее читать на языке детства и семьи, чем на языке полученного образования. В России такая среда шаблонно называется «разночинной интеллигенцией». Так вот, эта стандартная социальная ситуация на Украине 1860–х–1870–х (и для украинского языка), в отличие от Чехии или Финляндии, еще не сложилась. Писатели были, читателей не было.

6. Что было бы с украинской литературой в России, если бы правительство подпало под иные влияния, и решило бы не бороться с литературой на украинском языке? По моему соображению, ничего выдающегося все равно бы не вышло. Дело в том, что украинский народ жил не только в России, но еще и в

Австро–Венгрии. В Галиции всё тоже было не фонтан, но заметно полегче, и русины в целом образованней российских украинцев, и власть либеральней. Украинским литераторам в Галиции меньше пакостили, у них было больше читателей, то есть жизнь их была приятнее, доходы выше, и, главное, было чувство, что ты делаешь полезное дело и реально просвещаешь свой народ. Многие деятели украинской культуры 19–начала 20 века начали в России, а закончили в Галиции, что закономерно.

Поскольку большая, в сравнении с Россией, демократичность Австро–Венгрии (и в особенности непрерывное расширение прав национальностей, идущее с 1848 года) это политическая аксиома, то никакие отдельные меры российских властей не могли изменить данную ситуацию. Как бы себя не вело русское правительство, украинцам все равно было бы лучше под правительством австрийским. И, следовательно, Украине российской все равно доставались бы огрызки украинской национальной культуры, центром которой оставался бы Львов.

Выводы:

Книгоиздание на украинском языке к тому моменту, как за его искоренение принялось российское правительство, находилось на более низком уровне развития, чем книгоиздание ведущих европейских стран в первой половине 16 столетия. Хотя в современной украинской историографии эти жестокие и несправедливые действия выставляются как убийство украинской литературной культуры во цвете ее юности, на самом деле это был скорее аборт. На первой неделе беременности. Как российское правительство ухитрилось опознать эту беременность так рано? Оно ее не опознало, украинская литература просто стала жертвой недоразумения. Правительство запретило книгоиздание на украинском на основании неверных сведений, параноидальных страхов, порожденных восстанием в Польше, и внутренних интриг. Было запрещено печатание учебников и религиозных книг – в то время как их никто особо и не печатал. Украинская национально ориентированная интеллигенция была воспринята как смутьяны и революционеры – и это было сплошной ошибкой, украинофилы первого поколения были монархисты, консерваторы и полностью законопослушные люди. Основная политическая

подкладка запрета — боязнь того, что украинское национальное движение превратится в союзника польского национального движения (действительно крайне враждебного к российской власти). И эта боязнь также была заблуждением, истинное положение дел на 1860–е–70–е годы не давало оснований так думать (а всякая чушь, которую присылали правительству с мест губернаторы, списывая на польскую агитацию все свои ляпы — давала); дальнейшее развитие отношений украинского и польского народа в 20 веке общеизвестно.

В общем, если бы рядом с Валуевым в 1863 году и с Александром II в 1876 году оказался человек, который дал бы им обстоятельный, верный и непредвзятый отчет о реальном положении дел, то Валуевский циркуляр и Эмский указ не были бы изданы, так как эти документы не отвечали коренным эгоистическим интересам российской власти, а украинская литературная традиция продолжила бы свое развитие. Каким был бы его темп, мы уже не можем понять. Весьма возможно, что скорость развития по-прежнему оставалась бы черепашьей, как то произошло с белорусской литературной культурой (которую, кстати, царизм не заметил и от этого не потрудился угнетать).

Москвичи и казаки: краткая история отношений

Как только казаки избили нагайками навалнистов на митинге «Он нам не царь», сразу же излился поток исторических параллелей с революцией 1905 года: известная картина Серова «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?» (на КДПВ), прекрасные карикатуры из дореволюционных сатирических журналов времен Первой революции, яркие воспоминания очевидцев.

Без сомнения, современные казаки располагаются в диапазоне от идиотических косплейшиков до омерзительных титушек. Но стоит ли переносить все эти наши впечатления на дореволюционных казаков? Попробуем разобраться в вопросе.

Казаки были далеко не единственной силой, используемой для подавления волнений

Казаки неизменно фигурировали в оппозиционной прессе 1905–1917 годов как основная репрессивная военная сила, которой располагало правительство, и в таком качестве остались в исторической памяти. Более внимательное изучение материалов эпохи показывает, что дело обстояло не совсем так. В подавлении революции участвовали различные роды войск – и пехота (составлявшая основную силу), и кавалерия, и даже артиллерия. Самые ужасные смертоубийства – Кровавое воскресенье, подавление Декабрьского восстания в Москве – в основном на совести пехоты. Солдаты, без единого исключения, сохраняли дисциплину и послушно стреляли в народ, когда им приказывали.

Многочисленные волнения в армии во время революции 1905 года происходили как раз в тех частях, которые не привлекались к водворению порядка. Кроме армии, существовала и еще одна сила, используемая в качестве современного ОМОНа – горцы. В 1906 году правительство усилило сельскую конную стражу (мобильное подразделение полиции), наняв множество обитателей Кавказа, которые в просторечии чаще всего назывались осетинами либо ингушами (но не факт, что ими являлись). Горцев народ страшно боялся и ненавидел. В газетных сообщениях той эпохи они кавказцы–стражники неизменно выступают как дикие, за пределами жестокие, необузданные головорезы. Правительству тоже не нравились столь недисциплинированные стражи порядка, и по окончании волнений, в 1907 году, их всех поувольняли. С совсем мелкими беспорядками кое-как справлялась малочисленная полиция.

Почему же ярче всех запомнились казаки? На мой взгляд, солдат–призывников сложно возненавидеть, так как они представляют весь народ. Ситуация, когда солдаты стреляют в неотличимых от них простых людей, трагична и свидетельствует об отсутствии в обществе солидарности и сознательности. Оппозиции (да и никому вообще), естественно, не хочется фокусировать внимание на столь печальных обстоятельствах; морально легче и объяснимее, когда против народа выступает кто-то другой, хоть немного отличающийся от основной народной массы. Соответственно, казаков и горцев (обособленных территориально) или полицию (состоящую из тех, кто сам выбрал для себя такое занятие) ненавидеть проще и приятнее, чем армию.

Казаки – единственный вид кавалерии, которую можно было быстро мобилизовать

До самого конца 1905 года, а отчасти и до весны 1906, значительная часть армии еще находилась на Дальнем Востоке или в пути с театра военных действий к местам постоянного расквартирования; возвращение армии было весьма медленным процессом (слабая железная дорога), сопровождалось беспорядками и даже потребовало высылки отдельной карательной экспедиции (против военных!). Из тех войск, которые оставались в России, многих не хотелось трогать по военным

соображениям (а вдруг сейчас нападут западные соседи). Не стоило уводить из столиц их большие гарнизоны (а вдруг столицы восстанут – это предположение оправдалось в Москве). Основная масса беспорядков происходила в сельской местности, особо остро была нужна кавалерия. Кавалерия – именно тот род войск, который хуже всего мобилизуется: запасников призвать несложно, но откуда для них в одночасье возьмутся лошади? Запасных лошадей армия не содержала, мобилизация лошадей по военно–конской повинности была неприятным, трудоемким процессом. В результате, единственной кавалерийской силой, которая была не особенно нужна на войне, легко мобилизовалась и всегда, в широком смысле, находилась под рукой, оказались казаки.

Казаки несли воинскую повинность на отличных от остального населения условиях. 66 тысяч из них находились на действительной службе по штатам мирного времени, а еще 140 тысяч находились на льготе, будучи приписаны к так называемым частям 2–й и 3–й очереди. Эти части были территориальными (то есть находились там, где жили приписанные к ним казаки) и кадрированными (то есть состояли всего лишь из нескольких офицеров). Казаки на льготе не имели право покидать без разрешения место жительства, иногда проходили сборы, имели при себе оружие, униформу и амуницию. Самое главное, казаки полков 2–й очереди имели и строевых лошадей – эти лошади содержались в особых станичных табунах. По своему статусу казаки на льготе были, в принципе, похожи на солдат в краткосрочном увольнении. Мобилизация этой военной силы не представляла затруднений, была практически бесплатной и происходила мгновенно. Служивому собраться – только перепоясаться.

В начале войны были мобилизованы все полки казачьи полки второй очереди и часть третьей очереди, что сразу же удвоило число казаков на действительной службе. 20 полков (все из сибирских казачьих войск) уехали на русско–японскую войну, а 47 второочередных полков (из казачьих войск Европейской России и Кавказа) были специально направлены для подавления народных волнений. В среднем, казаки составили от трети до четверти войск, занятых поддержанием внутреннего порядка, в то время как от

армии мирного времени они составляли одну пятнадцатую часть. Можно с уверенностью сказать, что причиной этого являлась не воображаемая монархичность казаков (или их особенная жестокость), а вполне прозаичные особенности воинской повинности казачьих войск.

Только казаки умели разгонять народ, не стреляя в него

Царизм не располагал удовлетворительной технологией борьбы с массовыми беспорядками, митингами и шествиями. Если полиция не справлялась, гражданская власть имела право вызвать для водворения порядка войска. Как только войска прибывали, гражданская власть передавала свои полномочия военной, то есть командир отряда сам был обязан выбрать наилучший способ водворения порядка. Способ, впрочем, допускался только один – стрельба по людям.

Солдаты не обладали навыками riot police и действовали примитивно. Они строились в шеренгу и заряжали винтовки, командующий офицер выкрикивал толпе требование разойтись, и если толпа тут же не расходилась, три раза подавался сигнал рожком (очевидно, что для простого человека гудение рожка вообще ничего не значило). После третьего сигнала солдаты открывали прицельный огонь. Стрелять холостыми или в воздух категорически воспрещалось, считалось, что это спровоцирует толпу на нападение. Вступать в физическое взаимодействие с толпой – теснить наступающей шеренгой, бить прикладами – также воспрещалось, так как при этом возникала опасность, что у солдат отнимут оружие. Стреляли, в принципе, не только при каких-то агрессивных действиях со стороны толпы, но и тогда, когда толпа подходила к солдатам слишком близко – считалось, что в таком случае солдаты уже не успеют расстрелять протестующих, если они внезапно набросятся на строй. В общем, при таких подходах, удивительно не то, что в народ стреляли, а то, что в народ стреляли далеко не каждый раз, когда войска вызывались для наведения порядка. Любой случай, не кончившийся большой кровью, был проявлением умеренности и гуманности офицеров, граничащих с нарушением служебного долга. В 1905 году войска вызывались для подавления волнений 3.893 раза, а стреляли в народ «всего лишь» 311 раз.

Как раз казаки, несмотря на их пресловутую жестокость, и были тем единственным видом войск, который умел разогнать толпу без стрельбы. Казаки врвались в толпу на лошадях, били людей нагайками, шашками плашмя (а иногда и не плашмя) – всё это было очень страшно, но всё же приводило к меньшим жертвам, чем прицельная стрельба пехотной шеренги. Иногда казаки разгоняли толпу без винтовок, иногда с винтовками на ремне за спиной – в любом случае, они не стреляли и не особо боялись, что толпа отнимет у них винтовки.

В общем, царский режим можно ругать за то, что он не додумался вооружить полицию всякими шлемами–щитами–дубинками (оставим в стороне вопрос о том, что можно строить государство, в котором армия не подавляет народных волнений), после чего потребовалось участие войск, но уж если воспринимать такие вещи как данность, то разгон казаками был самым мягким вариантом действий армии. Разумеется, тем, кого казаки давили лошадьми и лупили нагайками, так не казалось. В столицах были казаки (первоочередные полки, не ушедшие на войну), но основная масса казачьих жестокостей пришлась на провинцию, и больше всего на такие места, где было мало постоянно расквартированных войск, то есть на восток Европейской России. Ну, и еще особо активно казаки занимались умирением Кавказа, так как это дело считалось их исторической специализацией, и правительство считало необходимым поддерживать старинную рознь между казаками и горцами.

Казаки не являлись органическими монархистами

Казаки начала 20 века отнюдь не были самым лояльным разрядом населения. Они мечтали о том, чтобы начальство от них поотстало. Казакам надоела воинская дисциплина, которую надо было соблюдать в гражданской жизни, воинская повинность (в особенности необходимость содержать строевую лошадь) казалась слишком тяжелой и дорогой. Земское хозяйство на территории казачьих войск находилось в руках военного начальства, и все считали, что генералы хозяйствуют плохо, и надо создавать земства общероссийского типа. В общем, в некотором смысле казаки мечтали о том, чтобы их рассказали, сравнив в части несения воинской повинности со всеми прочими подданными.

Между тем, казаки не могли разделять самый главный лозунг широкого оппозиционного движения – национализацию земли и разделение ее поровну по трудовому признаку. Дело в том, что казаки, в награду за повышенную мобилизационную нагрузку, были очень хорошо наделены землей. Не умея (или лентяя) обработать свои обширные владения, казаки поселили на своей земле целые общины арендаторов – так называемых иногородних крестьян, существовавших на птичьих правах. Таким образом, казачество само превратилось в коллективного помещика и, следовательно, не собиралось поддерживать популярный лозунг великого земельного передела.

Как только началась гражданская война, казаки сами осознали двойственность своей позиции. Пойдешь с белыми – будут, по царской традиции, нещадно мобилизовать. Пойдешь с красными – заставят поделиться землей с проклятыми иногородними. Казаки начали маневрировать, пытались выдумать собственный автономный строй, позволяющий им примыкать то к тем, то к этим, каждый раз выговаривая себе особые условия. Ничем хорошим это не кончилось.

А что же непосредственно с монархизмом казаков? Как оказалось в феврале 1917 года, защитников у монархии среди простого народа (да и непростого народа тоже) не было. Да, казаки были несколько более удовлетворены своим положением, чем крестьяне Нечерноземья или Нижнего Поволжья. Но тот факт, что представляющие весь народ солдаты и несколько обособленные от народа казаки послушно разгоняли и убивали этот же народ в 1905–1907 годах, вовсе не означал, что они проявляли через это преданность престолу. Как только ситуация переменялась, никто из них не пошевелил пальцем, чтобы защитить погибающую монархию.

Выводы

Дореволюционные казаки были настоящими – они были казаками не потому, что они так для себя решили, а потому, что они казачьим образом проходили военную службу, казачьим образом владели землей, казачьим образом управлялись, платили налоги и т.п. Как только кто-то из них переходил в другое сословие

(например, заканчивал университет), он и сам переставал называть себя казаком. Казаки прошлого были вполне обыкновенными русскими простыми людьми, поставленными государством в специфические условия. У них было чуть больше военной выправки, чуть больше ленцы, немного другой быт, но всё это мелочи. Главное, в голове у них не было никакого специального казачьего православно–патриотического мусора.

Современные казаки никоим образом не являются ни наследниками, ни продолжателями дореволюционного казачества. Воздержусь от их критики, так как она очевидна всякому. Важно понимать, что эта группа людей намеренно выбрала себе дореволюционное наименование, чтобы запутать нас фальшивой исторической аналогией. Новые казаки имеют не больше сходства со старыми казаками, чем депутаты современной Государственной Думы с депутатами дореволюционной. Мой краткий рассказ о событиях 1905 года показывает, что причины и мотивы современных действий лиц, именующих себя казаками, не имеют ничего общего с событиями 110–летней давности. Не следует поддаваться поверхностным ассоциациям; разного рода сопоставления недавних событий с действиями казаков в 1905 году антиисторичны, не несут смысловой нагрузки и не помогают разобраться в проблеме.

Зарплаты в старой России на примере петербургского трамвая

Недавний пост про покупательную способность рубля 1913 года вызвал закономерные вопросы: а каковы были зарплаты? Проанализировать зарплаты и доходы в старой России в целом невозможно, так как в те годы не было налогов на доходы и заработную плату, взимание которых и приводит к сбору подобных данных.

Взамен этого я расскажу о том, каковы были заработные платы в Петербургской муниципальной трамвайной сети в 1914 году — вот это мы знаем в больших подробностях. Петербургская трамвайная сеть была весьма большой муниципальной службой — в неё работало 7740 человек, каждый 90-й трудоспособный мужчина в городе.

Трамвай на тот момент был технологически разнообразен — при преобладании электрических вагонов в ходу оставались и конка, и паровик; у трамвайной сети была собственная медицинская служба, собственная электростанция, собственное ремонтное депо, большой набор разнообразных зданий, обширный офис, автопарк, строительное подразделение, цех пошива униформы — таким образом перед нами большой набор различных специальностей, своего рода город в городе.

Сотрудники трамвайной сети делились на две касты — рабочих и служащих. Служащих, в число которых традиционно включались не только офисные работники, но также и лица, надзиравшие за какой-то группой рабочих (мастера, десятники, обер-кондукторы) было 828 человек, рабочих — 6912 человек. Рабочие и служащие традиционно держались изолированно друг от друга, хотя низшие служащие и высококвалифицированные рабочие не сильно отличались друг от друга ни образованием, ни уровнем доходов. Им никогда не предоставлялось служебное жилье в одной квартире, они раздельно ели, по возможности пользовались разными отхожими местами, да и просто по жизни мало общались между собой. Служебная униформа, выдаваемая

служащим, стоила в 2–2.5 раза больше, чем аналогичная одежда для рабочих.

Служащих мы условно разделим на три имущественных класса, «бар», «полубар» и «низших служащих». Надо осознавать, что это необходимое упрощение, и в реальной жизни классы не имели описанных ниже резких границ и перетекали друг в друга более или менее плавно (а вот границы между людьми с высшим, средним и нижесредним образованием как раз читались очень четко). Также очевидно, что одинокие люди жили заметно богаче, чем многосемейные с таким же жалованьем.

Высший класс — это условные «баре», то есть мытые, бритые и причесанные люди в чистой новой одежде, в крахмальном белье, в лаковой обуви. Баре едят еду барского типа (то есть их обед состоит из первого блюда, закуски, двух горячих блюд и десерта), всю домашнюю работу у них выполняет прислуга. Их жилище разделено на чистую и грязную половину (кухня и комната прислуги), и чистая половина состоит как минимум из гостиной–столовой, хозяйской спальни и детской. Дети бар обучаются в средних учебных заведениях. Нижний уровень зарплаты для барина — 2000 рублей в год, довольно приличная сумма для холостяка, кое–как в нее можно уложиться и с женой, но без детей. Человеку с 2–3 детьми надо было получать уже не менее 3000 рублей, чтобы не выпасть с этого уровня.

Таковых «бар» в трамвайно сети служило 44 человека, один из 176 сотрудников. Подавляющее их большинство их были люди с высшим образованием, но, возможно, некоторые начальники–неспециалисты сумели дойти до этого уровня и со средним (или, скорее, средним военным или духовным) образованием.

Управляющий дорогами получал 9.900, его помощник 9.000. Начальники отдельных служб (служба пути и зданий, служба сборов и т.п.) — от 4.200 до 6.600 рублей. Заведывающий счетной частью (то есть главбух) — 4.800, его заместитель — 2.400, самые квалифицированные бухгалтеры — 2.100. Инженеры получали 3.600 рублей, младшие инженеры (иногда они назывались старшими техниками) — 2.700, 2.400 и 2.100. Старший врач получал 3.000, а вот рядовые врачи в число бар не входили. Самые квалифицированные делопроизводители и старший кассир

получали 2.100. Архитектор получал 2.400 (но при этом очевидно имел еще и собственную практику). Медианная зарплата в группе бар — 3.600 рублей.

К следующему разряду, «полубарам», мы отнесли служащих с доходом от 1000 до 1999 рублей. Нижний предел этого дохода — та сумма, ниже которой Минфин не планировал собирать подоходный налог, считая, что это будет уже отнятие у бедняка краюхи хлеба. Полубарин внешне выглядит как барин, но его одежда потрепаннее, рубашка не так белоснежна, он не идеально чист. Дома он ест простую еду (как мелкий купец), пользуется услугами приходящей прислуги, так что кое-что его жена делает по дому сама. Дом его обставлен по мещанскому, а не по барскому типу, так что он не может пригласить барина себе в гости. Дети полубарина могут учиться в гимназии, но если их много, денег на гимназию уже не хватает, и их приходится отдавать в учебные заведения с 6-летним курсом.

Таковых полубар в трамвайной сети служило 276 человек. Как правило, полубаре это либо люди с неполным средним образованием (городские училища, специальные технические училища), семинаристы, либо изгои, выгнанные из гимназии (курс в гимназии не оканчивало около половины поступивших). Кто-то из них имел специальные звания — фельдшеры, техники (образование «техник» не соответствовало должностям «техников», которые часто были высокими и занималась инженерами). Человек с высшим образованием мог получать жалованье полубарина только как стажер, первые два-три года после получения диплома; врачи составляли печальное исключение.

Делопроизводители получали 1.800, их помощники 1.080, писмоводители 1.500. Счетоводы получали 1.800–1.500–1.200–1.080, счетчики — 1.200 и 1.080. Артельщики (то есть инкассаторы и экспедиторы) — 1.200. Врачи (парии интеллигентного класса) получали 1.200, но у них, возможна, была еще и своя небольшая практика. Техники получали 1.800–1.500, самые квалифицированные из чертежников — 1.080. Самые многочисленные из служащих этой группы — дежурные по движению (1.860, 51 человек) и контролеры по сбору (1.200, 115

человек). Мастера по ремонту вагонов получали 1.160. Медианная зарплата в группе полубар — 1200 рублей, такой оклад был у 153 человек.

И наконец, низших служащих, получавших менее 1000 рублей, было 508 человек. Низшие служащие в основной своей массе мало отличались от старших рабочих, разве что чуть более высоким образовательным уровнем — среди них преобладали выпускники городских училищ с 6-летним курсом и двухклассных училищ с 5-летним курсом. Низшие служащие обычно уже не носили белого белья и сюртуков (а носили простонародные пиджаки с цветными рубашками или блузами), их домашний быт совпадал с бытом квалифицированного рабочего, а их детям не светило получение среднего образования.

Канторщики и счетчики в этой группе получали 960–920–840–760–720, а самые бестолковые (их было немного) — 660 и 600. Младшие артельщики получали 864 рубля. Фельдшеры получали 720 и 600. Чертежники получали 900 и 720. Медианная зарплата в группе низших служащих — 720 рублей, такой оклад был у 226 человек.

Рабочих мы также разделили на четыре условные разряда — «рабочую аристократию», «квалифицированных», «малоквалифицированных» и «чернорабочих».

«Рабочая аристократия» это рабочие, получавшие свыше 1000 рублей. В общей массе индустриальных рабочих таковых было 1–2%, то есть в абсолютном числе их в России было ровно столько, сколько ценовых помещиков — 30–40 тысяч (на заметку любителям хруста французской булки, любящим рассказывать о получающих фантастические суммы работягах). Эти рабочие справедливо могли считать себя счастливыми — совпадая по общему стилю жизни с основной массой квалифицированных рабочих, они уже позволяли снимать себе отдельные квартиры (разумеется, маленькие, на задворках, на верхних этажах) и достаточно прилично питаться, кое у кого в качестве редко надеваемой парадной одежды были уже и сюртуки с крахмальными рубашками.

Рабочая аристократия в трамвайной сети была маленькая — 28 человек, с медианой заработной платы в 1.080 рублей (22 человека). Большинство этих людей работало на самом высокотехнологичном участке, на электростанции. Машинисты у турбин, монтеры у досок, старшие слесаря получали по 1.080, старшие монтеры электросети — 1.320.

К разряду «квалифицированных» мы условно отнесем рабочих с доходом от 660 до 999 рублей. Нижний порог — эта та сумма, при которой старые социологи, обследовавшие быт рабочих, советовали рабочим не обзаводиться детьми. Среди рабочих этой группы было много женатых, преобладали проживавшие в съемном жилье (семейные в большинстве случаев жили в отдельной комнате). Как правило, представители этой группы = люди, уже приспособившиеся к жизни в городе, нашедшие профессию и не собирающиеся возвращаться в деревню. У них есть какие-то личные отношения с ближайшим начальством, и они более склонны к долговременной работе на одном предприятии.

Квалифицированных рабочих было 283 человека, с медианой в 960 рублей (156 человек). Заметим, что 960 рублей — это как бы стеклянный потолок для рабочего, людей, сумевших добиться большего, было уже резко меньше. Эта прослойка рабочих трудилась преимущественно в ремонтных мастерских. Слесаря, самая массовая профессия, получали 960 рублей (меньшинство 900), кузнецы, маляры и столяры 780, младшие монтеры у электрощитов 660, помощники машинистов на электростанции 880 и 660, старшие кочегары 780. Электромонтеры получали 900, их помощники 600. Шоферы получали 900. Некоторая часть рабочих этой группы была занята и в движении, преимущественно это были люди не столько с квалификацией, сколько с некоторой общей и материальной ответственностью. Например, обер-кондуктора получали 720.

К разряду «низкоквалифицированных» мы отнесли людей с зарплатой в 360–659 рублей. Эта группа преимущественно состоит из людей с простой профессией, обучение которой может быть проведено на рабочем месте за несколько недель. Обычно их работа не требовала грамотности, а начальство не особенно

держалось за таких сотрудников. Зарплата низкоквалифицированного рабочего не позволяла ему иметь семью с несколькими маленькими детьми (и уж тем более с неработающей женой), так что эти люди в основной массе были либо холостыми, либо имели семьи в деревне, навещая их раз в году (как современные гастарбайтеры). Жили рабочие этой группы в съёмном жилье, но семьи могли уже снимать не комнату, а угол, одинокие же могли снимать общую комнату с еще несколькими соседями.

Низкоквалифицированные рабочие — самая большая группа сотрудников, в нее входило 5346 человек. Медиана зарплаты в этой группе — 540 рублей, ее получало 3200 человек. Основная масса рабочих данной группы — это вагоновожатые (1121 человек) и кондукторы (2050 человек) с зарплатой в 540 рублей. Кучера получали 420, стрелочники 360. Конюшенные старосты получали 480. Портные и шорники получали 480, кочегары 420, самые малоквалифицированные слесаря, столяры и маляры, смазчики — 480. Приемщики вагонов получали 480 и 420. Старшие дворники и старшие сторожа, люди без профессии, но с небольшой ответственностью, получали 360.

И наконец, самый низ трамвайной социальной пирамиды составляли чернорабочие. Это были самые простые и бестолковые люди, в значительной массе недавно вышедшие из деревни и сохранявшие связь с ней. Так как подпор крестьян, ищущих работу в городе, всегда был велик, начальство вовсе не ценило эту группу рабочих, они имели наихудшую дисциплину и чаще всего менялись. Семейных (имеется в виду семья в городе) в этой группе уже почти не было, а зарплата была уже настолько небольшой, что большинству их (860 человек) бесплатно предоставлялась либо казарма, либо общежитие. Условия этого бесплатного проживания были столь плохи (4–4.5 м² общей площади на человека), что рабочие, получавшие больше, уже не требовали от начальства бесплатного жилья, а предпочитали снимать на собственные деньги. В общем, этих людей нам следует представлять либо как обычных крестьян (быть может, недавно сбривших бороду по городской рабочей моде), либо как отребья городского населения.

Чернорабочих было 1256 человек, с медианной зарплатой в 300 рублей (693 человека). Чернорабочие получали 300 и 240.

Младшие сторожа, метельщики, смазчики, уборщики получали 300, водоливы и носильщики — 276. Кучеры получали 276, конюхи 240, форейторы 228. Ламповщики получали 240. «Мальчики» получали 180 рублей. В самом низу пирамиды находились немногочисленные (120 человек) женщины: поломойки и кухарки получали 120, обтирщицы вагонов — 180.

И наконец, следует сообщить, как приблизительно следует сопоставлять эти зарплаты с современными. Еда, как мы уже выяснили в предшествующем посте, стоит дороже в 620 раз. Это отнюдь не значит, что старые зарплаты следует умножать на 620. На еду простые люди тогда тратили около 60% дохода. Всё остальное — преимущественно аренда жилья, одежда, хозяйственные товары — подорожало куда в меньшей степени, не более чем в 300–400 раз. В то же время, разного рода барские роскоши, типа гувернанток, подорожали очень сильно, в 1000–1500 раз. Таким образом, для различных групп рекомендуется сопоставлять заработную плату в следующих отношениях (это не более чем моя глазомерная оценка):

- баре (2000 и выше) 1:450 — 1:700, чем выше доход, тем больше отношение;
- полубаре и выдающиеся рабочие (1000–1999) 1:430;
- квалифицированные рабочие и низшие служащие (660–999) 1:480;
- низкоквалифицированные рабочие (360–559) 1:510;
- чернорабочие (до 360) 1:530.

Следует также помнить, что все эти люди снимали жилье, так что нельзя сопоставлять их доход с современными владельцами квартир.

Российская империя, русификация и угнетение народов: контекст

После развала СССР практически во всех бывших республиках в официальной историографии и в школьном учебнике истории немедленно победили представления о Российской империи как о тюрьме народов, о национальном угнетении и принудительной русификации. В России, ответно, возникли представления об особой гуманности Российской империи и полезности пребывания в ней для народов, ныне не входящих в РФ. Что творилось на самом деле? На эту сложную тему написано много (особо выделим ахинеяную книгу Мединского «О России — «тюрьме народов»»), и я попытаюсь здесь не изложить дело подробно (тут нужна многотомная монография), а дать введение в тему и попытаться посмотреть на дело с необычной стороны.

Тему надо начать с того, что вопрос о национальном угнетении и неравноправии вообще нельзя рассматривать в отрыве от широкого контекста. Мысля в этой плоскости, я считаю, что для крепостной эпохи вообще нельзя говорить об угнетении Россией какого-либо отдельного народа. Страна, в которой большая часть титульной нации находится в рабстве, очевидно угнетает не кого-либо отдельно, а всех подряд. Поэтому мои нижеследующие рассуждения касаются исключительно послереформенного периода. Итак, перейдем к контексту.

1. Послереформенная Российская империя была страной, отрицавшей представление о правах человека. Все немногочисленные права, которыми располагали подданные, мыслились как привилегии, данные по милости монарха. Всё, что не было разрешено, считалось запрещенным. Подданные не были равны между собой, не имели права на самоуправление, не располагали свободой слова, свободой собраний и шествий, свободой ассоциаций, свободой вероисповедания, свободой частной жизни (запрет на межрелигиозные браки). Право на справедливый суд было ограничено применением внесудебных наказаний. Большие ограничения были и у права на труд (запреты на профессию, запрет забастовок). Более или менее нормально дело обстояло лишь с правом на собственность.

При переходе к новому конституционному строю в 1905 году ситуация, с точки зрения прав человека, улучшилась незначительно. Был создан парламент, но разные группы были представлены в нем по-разному, а значительные территории (Средняя Азия) и группы населения (горожане без имущественного ценза) не были допущены к выборам; всё допущенное к выборам население было представлено по сильно различающимся пропорциям. Если говорить обобщенно, октябрьский Манифест 1905 года, провозгласивший движение в стороны прав личности и равноправия, на самом деле пересобрал неравенство в немного другой конфигурации.

2. Царизм конструировал неравенства на всех уровнях и во всех разрезах общества. Неравенства были и сословными, и образовательными, и территориальными, и имущественными. Например, полковники были «настоящие» и «ненастоящие», получившие чин при выходе в отставку; для первых чин давал потомственное дворянство, а для вторых нет. Аттестаты о среднем образовании были «полноценные», гимназические, дававшие право на поступление в любой вуз, и «неполноценные», из всех прочих учебных заведений, с ними не принимали в университеты. Мещанина, совершившего мелкую кражу, судил городской судья и приговаривал его к 3 месяцам тюрьмы; крестьянина, совершившего то же деяние, судил волостной суд с максимумом наказания в 30 суток ареста; в то же время сельское общество, собравшееся на сход, имело право сослать того же крестьянина в Сибирь без всяких обвинений уголовного характера, за одно только дурное поведение – и это при том, что ни один суд не имел такого права. К выборам в Государственную Думу были допущены, как отдельная курия, рабочие крупных предприятий; между тем, большое количество горожан среднего класса, включая сюда и мелких чиновников, не удовлетворяло цензовым требованиям второй городской курии, и в выборах не участвовало. Чиновники, по общему правилу, служили за жалованье, получаемое от казны, и выслуживали пенсию; читатель уже догадался, что кое-кто не получал жалованье, но выслуживал пенсию (предводители дворянства), кое-кто получал жалованье, но не выслуживал

пенсии (вольнонаемные канцелярские служители), а некоторым не досталось ни того, ни другого (члены земских и городских управ).

3. Царизм определял меру бесправия тех или иных групп, исходя из индивидуальных соображений, отдельно для каждой конкретной ситуации. Сложные системы неравенства, фрагментарность и бессистемность законодательства, принятие решений *ad hoc*, без общего принципа – всё это были взаимосвязанные части одной культуры государственного управления.

Как пример, список категорий иностранцев, не впускаемых в империю без особого разрешения, состоял из цыган, иезуитов, шарманщиков, румынских евреев, не имеющих средств к существованию (но не каких-либо иных евреев), вредных раскольников, продавцов гипсовых фигурок и афонских монахов. Никому даже не приходило в голову, что этот перечень надо привести в более логичный вид, ибо во всех своих остальных частях законодательство выглядело столь же хаотично.

4. Набор прав, передаваемых той или иной группе или забираемых от нее, вовсе не был связан со статусом данной группы.

Нам хочется представлять, что царизм обесправил слабых – это было бы логично. На самом же деле, наиболее бесправной группой подданных Российской империи были члены Императорской фамилии. Эти люди, имевшие максимально высокий статус, составляли (в правовом смысле) нечто вроде патриархальной римской семьи, и, соответственно, находились под почти безграничной властью *pater familia* – императора. Когда дядя Николая II, великий князь Павел Александрович, женился без разрешения царя, его выслали из России, лишили значительной части дохода от имуществ, и, главное, у него отняли детей и передали их на воспитание великому князю Сергею Александровичу. В то же время самый незадачливый чукча имел право повсеместного жительства, не мог быть выслан из России вообще, женился на ком ему было угодно, и никто был не вправе отнять у него детей или оленей.

Одной из самых защищенных (в правовом смысле) групп населения старой России были оседлые жители Средней Азии. Они имели то же право повсеместного жительства, право поступления на государственную службу, право на обучение, что и русские крестьяне Европейской России, но им досталось и еще кое-что очень важное – они владели землей на праве полной частной собственности, как помещики, и получали паспорта без согласия своей общины. И еще их не брали в армию. Неужели царское правительство как-то особенно возлюбило ферганского декхана? Или оно его боялось? Да нет, просто не было случая и нужды придумать, как именно и зачем его дискриминировать; его положение не было намеренной льготой, а сложилось само собой.

5. Царский режим настолько увлекся разделением людей на группы и созданием бесчисленных неравенств (и внутри этих групп, и между ними), что совсем забыл про национальности. Этничность не фиксировалась государственным учетом. Традиционное содержание паспорта: звание, если есть (домашний учитель, инженер-технолог, сенатор и т.п.), чин, если есть (статский советник, поручик и т.п.); сословие (крестьянин, дворянин и т.п.), принадлежность к конкретной сословной группе (крестьянин такого-то сельского общества такой-то волости, уезда, губернии), вероисповедание. Национальности и родного языка человека государство не знало. Как только какие-то народы (например, мордва) принимали православие и переходили на использование русских имен и фамилий (пусть только в паспортах, а не в повседневной жизни), они становились, в глазах чиновника, неотличимы от соседних русских крестьян. Разумеется, там, где мордва жила компактно, местные власти умели отличить мордвина от русского, но достаточно было мордвину переехать, как шансы на опознание его властями как мордвина исчезали. Кстати, и сама концепция мордовской национальности выдает типичное для России малое внимание к этничности – сами мордовцы считают себя двумя разными народами, мокшей и эрзей. По этой же причине – неопознаваемости по паспорту – причине царизм никак не мог ограничить в правах цыган; запрещалось лишь кочевание табором, во всем же прочем цыгане передвигались свободно и селились где угодно.

6. По представлениям Российской империи не только национальное самоопределение, но и любые простейшие формы ассоциации не представляли собой право людей, а были привилегиями, даруемыми монархом. Все общественные организации, включая сюда и ничтожнейшие, вроде кружков любителей аквариумных рыбок, были обязаны получать Высочайшее утверждение своих уставов. Никакое соседское сообщество людей не имело права муниципализироваться самостоятельно. Учреждение, например, нового города, могло идти лишь двумя путями – волей правительства или утверждением правительством прошения жителей сельского поселения, желающего стать городом. Никакого Дикого Запада – на пустом месте поселились люди, собрались на собрание, объявил себя городом, выбрали мэра и шерифа – в России быть не могло (хотя города, появившиеся в пустом поле, были).

Всё перечисленное выше наводит на мысль, что царизм не мог и помыслить о равноправии национальностей. Во-первых, он и сами национальности видел смутно, как через плохо подобранные очки. Другие различия между людьми – сословные, религиозные, по старой государственной принадлежности и т.п. – часто выходили для него на передний план перед этничностью. Во-вторых, не только равноправие, но, в принципе, любого рода законодательную унификацию и систематизацию чего угодно (даже неравноправия) царизм считал делом пустым и лишним. Как раз создание неравенств и разного рода исключений из правил казалось наиболее подходящим методом управления.

Как результат, царизм поступил с народами ровно также, как он поступил с сенаторами, буддистскими ламами при Донском казачьем войске, присяжными поверенными, содержателями аптек и переселенцами в Сибирь – разделил их на группы, и наделил разные группы разнообразнейшими наборами прав (или наборами отсутствия прав), иногда общими с русскими, иногда льготными, а иногда дискриминирующими. Подробности этого процесса будет посвящен следующий пост.

Вас зацепили в тексте ламы при казачьем войске? Это не шутка. В составе Донского казачьего войска было около 70 тыс. казаков–калмыков. А у калмыков, как и у всяких буддистов, море

разливанное духовенства, раз так в 15–20 больше, чем у православных. А ламы носят оружие неохотно. Что делать? Представьте, что вы наказной атаман Донского войска и предложите свое решение.

Российская империя, русификация и угнетение народов: Украина

Этот пост второй в серии про национальную политику и русификацию в Российской империи, первый пост здесь. Почему именно про Украину? Честно говоря, части этой большой темы про Польшу, Прибалтику и мусульман Средней Азии по материалу еще интереснее, но на нашем сайте много украинцев и евреев, но мало немцев, эстонцев и узбеков. Соответственно, почтенная публика более оживляется при украинских и еврейских темах. Не беспокойтесь, будет еще продолжения не про Украину.

Концепция расширенного русского народа

Имперские власти придерживались концепции «расширенного» русского народа, включающего в себя великороссов, малороссов и белорусов. Весь этот народ говорит на русском языке, малороссийский и белорусский языки — это просто народные региональные наречия, которым нет смысла развиваться в отдельные литературные языки.

Смотреть на эту концепцию надо исторично: ее авторы не имели представления о языковых правах наций (как и о любых правах человека вообще, кроме права на жизнь и права на имущество, да и то с важными исключениями), поэтому им не приходило в голову, что они кого-то этих прав лишают. Не забываем, что концепция появилась тогда, когда значительная часть и русских, и украинских подданных находилась в личном рабстве. Странно, мягко говоря, отрицать за рабом право на элементарную личную свободу, но вдруг предоставить ему право в сношениях с государством пользоваться родным языком. Еще страннее предоставлять рабу право получать образование на родном языке — для начала, никто особенно не собирался предоставлять ему образование ни на каком языке.

Правильность данной концепции вообще не подлежит рассмотрению, так как все политические аксиомы царизма, с точки зрения современных представлений о правах человека, есть дичь, и эта часть генеральной дичи еще не так дика, как остальные составляющие мировоззрения царского бюрократа.

Из данной концепции следовало то, что было одновременно и достоинством, и недостатком: украинцы (в целом, но не в частностях) не отличались в глазах власти от коренного русского населения; как мы обращаемся с калужским мужиком, так же мы обращаемся и с полтавским. С одной стороны, это приводило к тому, что им не делались выходящие за все рамки пакости (как евреям или полякам). С другой стороны, царский режим действовал в глубоко ошибочной концепции «отеческого попечения» — власть это мудрый и заботящийся отец, а подданные это дети — да вот только на самом деле правительство вело себя как дисфункциональный родитель. И тем его «детям» (народам), которых он считал «родными и любимыми» (расширенным русским), и на которых обращал максимум «заботы», часто от такой заботы приходилось хуже, чем «нелюбимым» и «умственно отсталым» (мусульмане Средней Азии) «детям», которым просто предоставили жить собственной жизнью.

Еще одно последствие концепции расширенного русского народа — украинцы, раз они такие же русские, как и всякий другой русский, не воспринимаются как чужие, к ним нет враждебности, на них невозможно смотреть свысока. Даже когда украинцы делают что-то «неправильное» — например, хотят учиться или читать книги на родном языке — они тут не при чем, они же добрые и лояльные русские, это их просто сбивает с толку кучка отщепенцев.

Однако же, без многочисленных исключений царизм управлять страной не мог. Кое-какие исключительные законоположения и административные практики достались и на долю украинцев, хотя и не в таком количестве, как то получилось для их соседей евреев и поляков. Рассмотрим их подробнее. Напоминаю, что речь идет исключительно о послереформенной эпохе.

Хорошие особые установления для Украины

1. Украинские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости на значительно более льготных условиях, чем великороссийские. Выкупные платежи были ниже, а их уплата

производилась на более льготных условиях. Разумеется, это нельзя воспринимать как заботу царизма о милых ему сердца украинцах. Режим просто хотел нагадить польским помещикам, преобладающим в украинских губерниях, так как они поголовно рассматривались как активные либо потенциальные враги русской государственности и сепаратисты. Но, ясное дело, для хозяйства украинских крестьян эти льготы оказались полезны.

2. После освобождения крестьян они были не только принудительно организованы в низовые коммуны – сельские общества, но эти коммуны были столь же принудительно превращены в земельные общины; крестьян наделили землей не индивидуально, но пообщинно, предоставив общинам право распределять землю между членами по своему усмотрению и производить регулярные переделы. Для великорусских крестьян община более или менее повторяла или продолжала те порядки, которые они ранее имели, будучи государственными крестьянами или крепостными. Тема эта огромная, и в посте нет места для ее рассмотрения; если коротко, то община оказалась большим злом.

Между тем, крестьяне в историческом польском ареале (в широком понимании) общины совсем не знали. У царизма хватило такта и ума ради них предоставить всем крестьянам полезную опцию: всякая община имела право однократно разделить всю землю на фиксированные подворно–наследственные участки, после чего теряла право производить переделы. Украинцы и поляки немедленно так и сделали, превратившись в крестьян–подворников (в отличие от крестьян–общинников). К сожалению, они не догадались разделить землю на компактные участки, и их подворные наделы были чересполосными (это плохо для хозяйства), но в целом польза от отказа от земельной общины была.

Плохие особые установления для Украины

1. Земства, отвечавшие с 1860–х годов за образование, здравоохранение и дороги, были задуманы как учреждения под контролем местных дворян–землевладельцев, для чего избирательная система была подкручена таким образом, что представители от крестьян всегда оказывались в меньшинстве. Но что делать там, где помещики поголовно поляки (то есть враги)?

Царизм выбрал для таких случаев отказ от земств. Выборных земств не было не только в Польше и Северо–Западном крае, но и в Юго–Западном крае (Волынская, Подольская и Киевская губернии); вместо них земским хозяйством заведовали чиновники. Государство же в руководстве земским делом проявило себя вяло: и денег собирало мало, и делало мало. Соответственно, в Юго–Западном крае были недоразвиты начальное образование и земская медицина.

2. В 1863 и 1876 году на украинский язык обрушились неожиданные бедствия — Валуевский циркуляр и Эмский указ. Было, с небольшими исключениями, запрещено издание литературы на украинском. Несправедливые меры последовали на том этапе, когда национальное книгоиздание находилось еще в зачаточном состоянии (отдельный пост), и поначалу не были особо заметны. Но очевидно, что не будь запретов, украинская книжная культура явно имела бы развитие, о численных параметрах которого тяжело гадать. Для сопоставления, книгоиздание на белорусском, которое властями не ограничивалось (точнее ограничивалось, но по общим цензурным принципам, а не по языковому критерию), имело ничтожные успехи. Весьма умеренный объем украинского книгоиздания после снятия запрета в 1905 году не может служить ориентиром, так как к тому моменту украинское издательское дело уже окрепло в Галиции, и потребности российских украинцев в национальной книге закрывались импортом. Запреты имели причиной не враждебность к украинской национальности и языку (напомним, что царские чиновники не признавали существования такового предмета враждебности), а параноидальные страхи перед «австрийской интригой», заключающейся в стимулировании (бред) сепаратистского украинского движения и присоединения его к польскому сепаратистскому движению (вот оно было реальным) с целью отторжения Украины в пользу Австрии (а вот это уже лютый бред). Конечно же, национальным энтузиастам, страдающим от столь низкого уровня государственного управления, было не легче от того, что репрессивная мера принята по ошибке.

Особые установления для Украины, давшие неоднозначный эффект

1. Украинские губернии попали в черту оседлости (с исключениями для Крыма и Киева), ограничивающую зону расселения евреев. Евреев в украинских губерниях было не так и много, но селиться им можно было только в городах и местечках, а уровень урбанизации был низким – то есть среди горожан евреев было чрезвычайно много, в иных украинских городках под 80–90% населения. Везде, где появлялись евреи, православным было бесполезно соваться в торговлю и ремесла, они не выдерживали конкуренции. Простого деревенского украинца в городе ждала только работа индустриального рабочего, чернорабочего, извозчика, строителя или работа в сервисе (официант, половой в гостинице) на низовых должностях. Какие-то сложные, плохо изученные процессы привели к тому, что украинцы до конца царской эпохи остались весьма деревенским народом, хотя и страшно страдали от перенаселенности деревни; доля их в населении Киева, Харькова и Одессы традиционно была небольшой. Я уверен, что конфигурация черты оседлости внесла в эту малопонятную социальную динамику свой вклад.

С другой стороны, евреи в городах — это всегда торговля с небольшой торговой наценкой и гибкий, хороший сервис. Везде, где торгуют евреи, нееврею тяжелее стать торговцем самому, зато ему достаются товары в лучшем ассортименте и по лучшей цене.

2. Украина была весьма хорошо обеспечена университетами. Из восьми полноценных университетов дореволюционной России три (Харьковский, Киевский и Новороссийский) были в Украине. Университеты действительно сильно изменяли города и способствовали их развитию; разница между университетскими и неуниверситетскими городами была заметна всякому наблюдателю, и она была не только образовательной, но и распространялась на наличие сервисов и развлечений, городское благоустройство и т.п. Университеты были затравкой для комплексного городского развития.

С другой стороны, университеты естественным образом были центрами развития русскоязычной культуры, и (интеллектуальные ресурсы конечны) снижали потенциал

развития национальной украинской культуры. А в Украине правительство ухитрилось «заблокировать» университетами все три крупнейших города.

3. Поскольку украинцы не были ни инородцами, ни неправославными, они не могли иметь школу с обучением на национальном языке; их учили исключительно на русском. Заметим, что неславянским православным ученикам стандартной начальной школы (прежде всего финно–угорским народам) приходилось еще хуже, они не понимали в ней ни слова и не научались ничему; украинские дети хотя бы де–факто усваивали учебный материал.

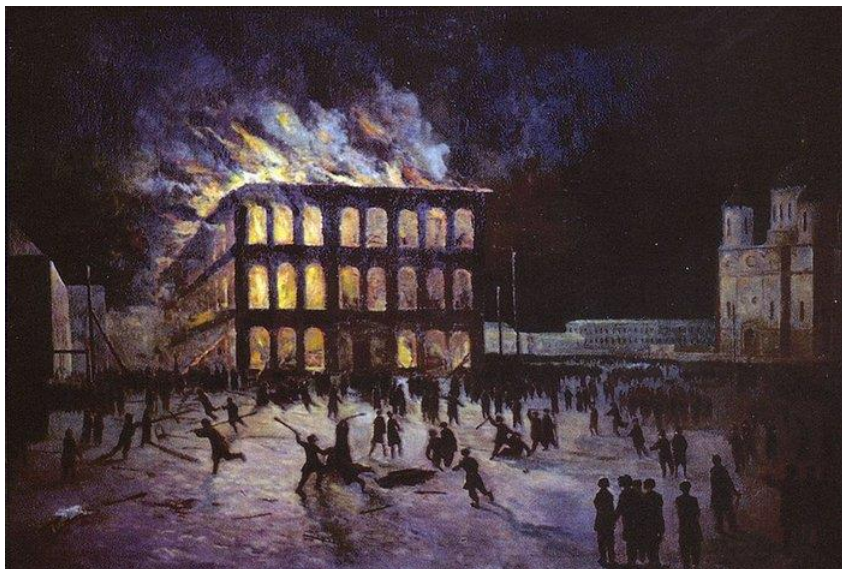
На первый взгляд, это было плохо. Ели бы украинцев учили по методике для инородцев — вначале преподавать на местном языке, и переходить на русский, только когда дети его хорошо понимают; или по методике для неправославных – полностью на родном языке, это дало бы положительный эффект для развития национальной культуры.

Но, с другой стороны, инородческая школа в России по факту развивалась еле–еле. Единственными, кому удалось достичь и нормального качества образования, и хорошего охвата, были латыши и эстонцы. Патриотичные, национально консолидированные армяне, создавшие независимую национальную школу повышенного типа (и рассорившиеся с властями из–за этого до такой степени, что государство в 1903 году экспроприировало имущество армяно–григорианской церкви) охватили ей ничтожную долю населения. Инородческая школа в земских губерниях с финно–угорским населением чуть тлела. Грузины не сделали ничего, оставаясь в поголовной малограмотности. В общем, далеко не факт, что в случае признания украинцев за инородцев (это, как не парадоксально, льгота) повсеместно открылись бы национальные школы с хорошими учебниками и квалифицированными учителями.

Вопрос о национальной школе на уровнях трехклассного (6 лет) обучения, среднего и высшего образования для той эпохи серьезно рассматривать нельзя. Эти этапы обучения были востребованы населением потому, что они обеспечивали доступ к

высокооплачиваемой работе и следующему из нее высокому социальному статусу. Но нигде, кроме Польши и Остзейских губерний (только для немецкого языка), работы для выпускников таких школ на национальном языке не имелось –следовательно, такие школы, если бы их и разрешили устраивать, все равно бы не появились.

Кто и какие книги читал сто лет назад. Топ-20 русских книг 1913 года

Наш пост написан на основании материалов отчета библиотеки Сибирской железной дороги в Томске за 1913 год. Люди той эпохи были маньяками статистики и отчетов; зачем они всё это сосчитали, зачем издали отдельной книгой — бог весть. Но с точки зрения истории и культурологии они создали великолепный источник, которым мы попробуем воспользоваться.

Библиотека, учитывая, что она являлась народной, а не научной, была очень солидной — 30 тыс. томов книг и 30 тыс. томов периодических изданий; в год библиотека покупала 1300 томов книг и выписывала 190 периодических изданий (только детских журналов было 16 наименований).

В центральную библиотеку в Томске (где размещалось управление Сибирской железной дороги) записались 728 читателей — 47% от личного состава управления дороги. А вот на линии, где было больше рабочих и меньше служащих, книг почти

не читали. Два передвижных вагона–библиотеки обслуживали зону, в которой работало около 12 тыс. человек (всего у дороги было 48 тыс. сотрудников), но в них записалось только 350 человек. В целом по дороге, с библиотеку было записано только 10% рабочих и служащих.

Уровень развития читателей был разным. 6% имели высшее образование, а из оставшихся у половины был среднее, у половины низшее (преимущественно шестилетнее образование городского училища). Среди читателей преобладали молодые люди — 63% читателей были моложе 30 лет; консервативное старшее поколение не читало вообще, только 0.5% читателей было старше 50 лет. А это значит, что молодые служащие читали практически все поголовно.

Все, кто записался в библиотеку, читали много. Центральная библиотека выдавала 117 тыс. книг в год — 160 книг на читателя в год. Понятно, что люди брали книги для жен, для детей, для родителей, но даже в таком случае выдачи представляются очень большими; по всей видимости, хорошая библиотека привлекала людей, и подписчики брали книги для приятелей, не работающих на дороге.

Служащие управления железной дороги, в отличие от загнанных вусмерть линейных служащих, имели большие досуги. Работали они немного — семь–восемь часов в день, дорога до дома занимала минут двадцать, все их домашние дела лежали на женах и на прислуге, детьми мужчины того времени занимались мало. Складывается впечатление, что уже с ранней молодости мужчины–служащие разделялись на два разряда — одни всё долгое свободное время читали запоем, другие пили запоем. К рабочим это не относится — они просто работали и спали, имея мало свободного времени.

Судя по всему, в управлении Сибирской железной дороги культура чтения приветствовалась. Железная дорога в Сибири, с момента начала строительства, традиционно являлась работодателем для интеллигентных изгоев, политических ссыльных. Кроме того, Томск был вообще академическим городом, «Сибирскими Афинами», средоточием ученых заведений. Видимо, политики и умники, устроившись на железнодорожную службу,

сумели заразить любовью к чтению и более простецких коллег. Железнодорожники прочитывали в 10–12 раз больше книг на человека в год, чем студенты и преподаватели Томского университета. Всё это вскоре довело томских железнодорожников до большой беды, о которой мы расскажем далее.

Топ–20 книг 1913 года

Теперь самое интересное — двадцатка самых популярных русских писателей 1913 года. В скобках — количество томов, выданных за год.

1. Лев Толстой (1689);

2. Александр Амфитеатров (1086) — автор множества длинных, нудных, простых по мысли романов из современной отечественной жизни; забыт;

3. Анастасия Вербицкая (1015) — женщина, писавшая для женщин; автор романов о сильных, решительных женщинах, пробившихся в люди благодаря своим личностным достоинствам; полностью забыта;

4. Василий Немирович–Данченко (911) — автор книг про путешествия и военных романов; полностью забыт;

5. Достоевский (902);

6. Чехов (829);

7. Иван Мясницкий (Барышев) (790), автор юмористических рассказов; полностью забыт;

8. Игнатий Потапенко (776) — забытый автор великого количества больших, старомодных, простецких романов; забыт без следа;

9. Генрих Сенкевич (753) — редкий случай, польский писатель, активно читаемый в то время на русском; разнообразные романы, преимущественно исторические; в России его сейчас читают совсем мало;

10. Всеволод Соловьев (731) — автор разнообразнейших исторических романов; полностью забыт, а его брата Владимира, философа, и отца Сергея, историка, помнят;

11. Евгений Салиас (696) — автор исторических романов, почти все из отечественной истории 17–18 века; полностью забыт;

12. Мамин–Сибиряк (670) — читаем ныне совсем мало, но кое–кто его пока помнит;

13. Горький (590) — никто его не уже не читает, но все о нем помнят; Горький, благодаря коммерческой сметке, был не самый читаемый, но самый высокооплачиваемый писатель той эпохи;

14. Николай Лейкин (552) — нечто вроде ранних юмористических рассказов Чехова, но шибко тупее, хуже; молодой Чехов ему завидовал;

15. Тургенев (559);

16. Леонид Андреев (551) — по понятиям того времени остромодный модернист, известный каждому, доступный не каждому (Сорокин/Пелевин);

17. Гончаров (498);

18. Казимир Баранцевич (409) — автор забытых трагикомических рассказов;

19. Ольга Шапир (408) — феминистка и автор романов про любовь; никто ее не помнит;

20. Александр Островский (371) — да, тогда люди читали и пьесы.

В то время, как двадцатка поражает избытком неведомых нам сегодня имен, писатели, которых мы помним и читаем сегодня, имели куда более скромные успехи у читателей. Вот примеры: Куприн (319), Лесков (130), Мережковский (97), Бунин (48).

Все авторы гимназического курса (а в особенности поэты) пользовались низкой популярностью: Пушкин (225), Гоголь (143), Лермонтов (98), Грибоедов (48). Понятно, что те, кто учился в школе, там эти книги и прочитал. Но те, кто не учился? Видимо, они, как и люди нашего поколения, верили, что в школе хорошую книжку по литературе проходить не будут.

Множество писателей, которые пусть и не особо читаемы, но имена которых сегодня на слуху у начитанных людей и связываются с культурой того времени, на самом деле никого не

интересовали (менее 100 выдач): Гаршин, Аксаков, Козьма Прутков, Глеб Успенский, Тютчев, Фет, Брюсов.

Переводные книги менее интересовали читателей, чем отечественные. Видимо, люди без высшего (и уж особенно без среднего) образования были просто не в курсе европейских или исторических реалий, и в результате плохо понимали действие. Лидеры по выдаче выглядели так: Золя (516), Мопассан (508), Дюма (480), Елизавета Вернер (ходят слухи, что ее книги издаются и сегодня) (357), Гюго (362), Конан-Дойль (351), забытый Шпильгаген (267), неведомый ныне в России Бласко Ибаньес (250), полузабытый Эжен Сю (248), Марк Твен (237).

Общая выдача книг за год по числу томов была равна выдаче периодических изданий, среди которых лидировали так называемые «толстые» журналы — из них лучшими были «Современный мир», «Русское богатство», «Исторический вестник» и «Вестник Европы» — имевшие по 2000–2500 выдач в год.

Выглядели эти журналы приблизительно одинаково. Редакционная серьезная статья на общественно–политическую тему — обзор новостей месяца — короткий рассказ или художественный очерк — часть от большого романа, печатавшегося во многих выпусках — фельетон или юмореска — рассказ о путешествиях/жизни в других странах/жизни дикой природы, обычно с иллюстрациями — научно–популярная статья — раздел «смесь» (подборка мелких заметок о курьезных и любопытных вещах) — обзор новых книг.

Легко заметить, что во многом такие журналы были интереснее для неокрепших умов, чем любая отдельная книга — они формировали круг интересов, давали темы для разговоров. Журналы были так популярны, что из выдавали не более чем на два–три дня, так как за ними стояла очередь. Учитывая, что в них было страниц по 150, любителям книги приходилось читать до глубокой ночи.

Экономическая ловушка для русской книги

Чем была вызвана такая популярность библиотеки? Прежде всего тем, что книга была не по карману. Русская книга находилась

в ловушке. Она была слишком дорогой для рядового читателя, роман стоил 1.5–2.5 рубля, дневной заработок рядового служащего железной дороги. Соответственно, даже самые популярные книги выходили тиражами 10–20 тыс. экз., то есть только для библиотек и для верхушки читателей, людей с высшим образованием (около 200 тыс. семей). Самое тиражное издание эпохи — посмертное собрание сочинений Толстого — вышло тиражом 100 тыс. экз. Популярность библиотек, в которых расхожие книги успевало прочитать чуть ли не 100 человек в год, убивала тиражи, а с ними и заработки писателей. Низкие тиражи приводили к тому, что книги печатали высокой печатью, с ручным набором, то есть самым дорогим способом. Высокая цена еще более ограничивала тиражи — в общем, сформировался порочный круг. Впрочем, есть основания думать, что дешевые приключенческие брошюры без обложек, выходившие еженедельными выпусками (типа Пинкертона) люди уже начинали читать чуть ли не 600–тысячными тиражами.

А вот в США, где зарплаты были в 3–4 раза выше, а среднее образование у людей моложе 35 было уже почти всеобщим, книги смогли выйти из ловушки. Бестселлеры из верхней десятки издавались тиражом 1 млн в год (при населении в 2 раза менее российского), бестселлер года — до 1.5 млн (и это только в год выхода). Разумеется, это были уже книги для каждой семьи. Такими тиражами книги можно было уже печатать ротационной печатью, офсетом, что делало их еще дешевле и доступней.

Интересно, что популярные американские книги той эпохи также совершенно забыты. Писатель 1913 года — **Уинстон Черчилль** (нет, не английский политик), с ужасающим романом «The Inside of the Cup», про пастора, который вначале был греховен, а затем прозрел, исправился и стал на путь добрых дел. Вы когда-нибудь слышали это имя?

Пожар

Теперь перейдем к КДПВ. Что это там горит, библиотека? Нет, это горит управление Сибирской железной дороги в Томске, вместе с читателями библиотеки.

В октябре 1905 года, как и во многих других городах России, в Томске активизировалось протестное движение. По городу ходили толпы под красными флагами, срывавшие работу казенных и учебных заведений, устраивавшие импровизированные митинги в общественных зданиях, певшие революционные песни и т.п. После издания Манифеста 17 октября все, кто надеялся на реформы в России, еще более приободрились. Монархисты осознали, что надо спасать Россию, а именно бить студентов, жидов и железнодорожников. Жидов за то, что жида, а студентов и железнодорожников — за то, что слишком умные. Начались стычки между революционными и черносотенными манифестациями.

20 октября черносотенцам улыбнулась удача — им удалось собрать врагов в одном месте, загнав жидов и студентов в здание управления железной дороги (где, тем временем, собрались с целью получения жалованья не участвующие в революции железнодорожники). Здание подожгли, прыгавших из окон забивали насмерть, трупы грабили. Войска и полиция, стоявшие на площади, бездействовали. Через два дня волнения стихли. В 1909 году прошел суд, кое-кого из погромщиков присудили к небольшим срокам; и вскоре добрый, святой государь всех помиловал. Вредно слишком много читать.

Стеклянные глаза генерала Прима

Генерал Хуан Прим был участником (а часто и инициатором) великого множества заговоров и политических неурядиц, сотрясавших Испанию 19 столетия. В начале своей стремительной карьеры Прим сражался против карлистов за королеву Изабеллу. После победы Изабеллы он интриговал против регента (и фактического диктатора) генерала Эспартеро. После изгнания Эспартеро Прим оказался в оппозиции к следующему диктатору — генералу Нарваэсу. При всем при этом Прим успел повоевать с повстанцами в Марокко (еще многие десятилетия марокканцы пугали детей словами «Вот придет Прим!») и покомандовать испанским экспедиционным корпусом в Мексике. Из Мексики Прим со своим войском сбежал, не считая нужным поддерживать странные планы Наполеона III, и это послужило одной из главных причин гибели императора Максимилиана. Прим подавлял народное восстание Jamanica в Барселоне, чем вызвал озлобление каталонского народа, а затем ревностно отстаивал интересы Каталонии в парламенте, чем снискал признательность

каталонского народа. Еще он успел побывать капитан–генералом Пуэрто–Рико, причем в этой должности ухитрился подавить восстание рабов на датском (sic!) острове Санта–Крус. Служил Прим и военным советником в Константинополе, в каком-то качестве он оказался свидетелем сражений Крымской войны. Прим неоднократно избирался в многочисленные парламенты (чаще всего до срока распускаемые в ходе очередных политических пертурбаций), перебегая при этом из либеральной в прогрессивную партию и обратно. Прим столь часто был приговориваем (разумеется, за военные заговоры против своих врагов) к ссылке, тюремному заключению, столько раз бежал из страны, был прощен, возвращался снова, получал новые должности, титулы и звания, что пересказывать все эти бесконечные перипетии в формате поста нет возможности. В числе амбициозных политических проектов Прима было объединение Испании и Португалии под единой короной (не состоялось), предоставление независимости Кубе (произошло много позже).

С 1863 года Прим становится самым активным из заговорщиков против надоевшей всем королевы Изабеллы. Генерал поднимает восстание, восстание проваливается, генерал бежит за границу, подготавливает и поднимает новое восстание — и так раз за разом, пока в 1868 году седьмая попытка (так называемая Славная революция) не увенчивается успехом. Прим становится президентом правительства Испании и военным министром, его соратник маршал Серрано — регентом престола (пустующего), Кортесы принимают новую Конституцию (шестую за 19й век).

Следующим делом Прима становится подбор подходящего короля, что оказывается непростым делом. После долгих переговоров со множеством кандидатов (годились все принцы, кроме Бурбонов), выбор остановился на принце из Савойского дома, сыне короля Италии Виктора Эммануила II Амадее. 16 ноября 1870 года Кортесы избрали Амадея королем Испании.

Вечером 27 декабря 1870 года Прим вышел из парламента, сел в карету и отправился домой. Завтрашний день должен был стать значимым — ожидалось прибытие в Испанию новоизбранного короля Амадея. На улице Турку на генерала было совершено

покушение — несколько заговорщиков (сколько именно — неизвестно), вооруженных ружьями, расстреляли карету, а один из них даже смог просунуться в дверное оконце и разрядить свой пистолет в плечо Прима, практически в упор. Кучер погнал лошадей, а заговорщики скрылись, найти и опознать их так никогда и не удалось. Прим был в сознании и смог сам дойти до спальни. Хирурги извлекли из генерала семь пуль, но раны, зараженные попавшими в них клочьями шубы, воспалились, и через три дня Хуан Прим скончался. Вскрытие показало, что причиной смерти были не столько ранения, сколько инфекция. На следующий день король Амадей принес присягу Конституции над гробом Прима. Прим был похоронен в только что открытом Пантеоне великих людей в Мадриде, а в 1971 году его великолепную гробницу и прах перенесли на родину, в Реус.

Король Амадей протянул без своего покровителя и защитника недолго, всего два года, и вынужден был отречься и бежать из Испании. Пришедшая ему на смену Первая республика продержалась еще два года, а потом победили столь ненавистные Приму карлисты — королем был избран Альфонсо XII, потомки которого царят в Испании в настоящее время.

В 2012 году обветшавшая гробница генерала Прима была разобрана для реставрации, и тут выяснились удивительные вещи. Во-первых, тело генерала было мумифицировано, что и позволило разобраться в обстоятельствах его кончины. Во-вторых, на теле не было следов аутопсии, о которой было официально объявлено. В-третьих, на теле была только раны в плечо, от выстрела в упор, и в локоть, и еще был отстрелен мизинец, то есть сообщения об извлеченных семи пулях оказались ложными. В-четвертых, на шее была найдена вдавленная полоса, указывающая на удушение. В-пятых, в глазницы были вставлены стеклянные глаза (что отнюдь не является стандартом для испанского похоронного церемониала).

По всей видимости, большинство пуль заговорщиков, не разглядевших, где именно Прим сидел в карете, пролетели мимо, а раны в плечо и в руку оказались не смертельными — и вот убийцам пришлось сделать второй заход, на этот раз вооружившись удавкой. Зачем были фальсифицированы

официальные сообщения о лечении, смерти и вскрытии, понять невозможно. То ли правительство постеснялось признаться, что таинственные убийцы были столь наглы, что убили премьер-министра за два приема; то ли убийцы действовали по указанию регента маршала Серрано, оставшегося после смерти Прима за старшего (эта версия не подкрепляется никакими доказательствами). К своему несчастью, генерал успел нажить столько врагов и выступить конкурентом такому количеству политических сил и деятелей, что вычислить инициаторов убийства по принципу «кому это выгодно» не имелось и не имеется возможности. Столь же неясно, кто и зачем вставил стеклянные глаза. Предполагается, что это был какой-то экзотический масонский ритуал (Прим был высокопоставленным масоном), вскоре вышедший из употребления и не оставивший иных упоминаний.

Испанские ученые почистили мумию генерала, вставили (для красоты) недостающие передние зубы, обрядили Прима в новый роскошный мундир и уложили в прозрачный саркофаг, оставив открытыми удивительные стеклянные глаза. Что дальше делать с мумией — никто так и не решил. Роскошная гробница генерала отреставрирована и оставлена пустой, ее можно увидеть, посетив кладбище в Реусе, рядом с Таррагоной.

Это великолепная гробница генерала Прима.

Мумия генерала Прима, извлеченная из свинцового гроба.

В левом плече огромная дыра от вражеской пули.

На шее видна странгуляционная борозда.

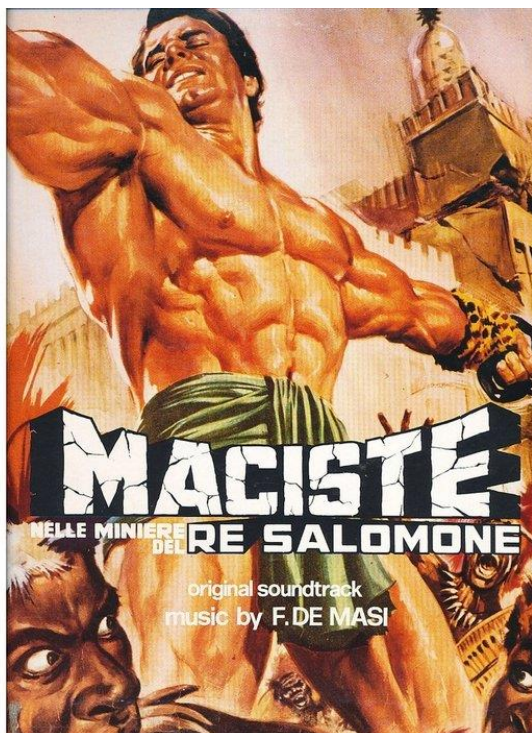

Так современники представляли убийство генерала.

При жизни генерал Прим выглядел лучше.

Предыстория Ипполита Воробьянинова

Роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» — великолепная энциклопедия советской жизни эпохи позднего НЭПа. К роману написано несколько великолепных комментариев, составляющих отдельные толстые тома, и у меня нет сил и познаний, чтобы их дополнить.

Но куда менее затронут комментариями другой пласт — упоминания дореволюционной жизни в романе. Тут мне есть что сказать. Начнем с Ипполита Матвеевича Воробьянинова, про которого мы знаем, что он был уездным предводителем дворянства (*предводителем команчей*, как выражается Бендер). Понятно, что характер этого немолодого персонажа (ему 52 года, и авторы романа наивно считают его стариком) сформирован преимущественно жизненными обстоятельствами царского

времени. Мои объяснения даются к полной версии романа (многие читали сокращенное издание, в котором нет комментируемых подробностей), ссылка на текст в заголовке поста.

Итак, переходим к комментариям; мы следуем расширенной версии текста романа.

Прежде всего, надо понимать, что Ипполит Матвеевич Воробьянинов изображается в романе не просто как богатый в царское время человек. Воробьянинов был выдающимся по богатству человеком.

Его доходы описаны авторами четко и обстоятельно: от отца он унаследовал стабильный доход в 20.000 рублей в год. Знакомясь со своей будущей любовницей Еленой Баур на благотворительном балу, Воробьянинов отдает за бокал шампанского 100 рублей. При расставании с той же Еленой Баур он начинает выплачивать ей содержание в 3.600 рублей в год, причем эта финансовая нагрузка воспринимается им безболезненно.

Воробьянинов не укладывается в получаемую им ренту и начинает проживать недвижимость и производственные активы; в 1911 году он вынужден жениться на некрасивой (180, 90–60–90 — для того времени это просто уродина, *долговязый скелетик*, как говорится в романе) девушке с большим приданым. Если мы предположим, что к этому моменту Воробьянинов прожил за 18 лет (с момента получения им наследства от отца) хотя бы треть своего изначального состояния — а состояние землевладельца традиционно определялось как 16 его годовых доходов — то он реально расходовал 26–27.000 рублей в год.

Это были огромные деньги. Обследование доходов населения, произведенное в 1910 году Министерством финансов в рамках подготовки к введению подоходного налога, показало, что в стране было всего 12.100 домохозяйств с доходом свыше 20.000 рублей в год. Таким образом, Воробьянинов входил приблизительно в одну двухтысячную часть (а точнее, 1/2300) наиболее богатых людей России.

Если предположить, что прообразом Воробьянинова служил полтавский двоюродный дядюшка авторов, то в многолюдной и

достаточно богатой Полтавской губернии людей с доходом свыше 20.000 рублей в год было всего лишь 211 человек.

Для получения такого дохода помещику надо было располагать как минимум 2.800–3.000 десятин (десятина — 1.08 га) удобной земли, то есть иметь имение в 3.500–4.500 десятин (в любом имении есть разного рода неудобные, бездоходные земли). Таким образом, Ипполит Матвеевич владел участком приблизительно 6х6 км — и это при условии высокой эффективности использования земли. Для обработки такого участка, если бы Воробьянинов сам вел хозяйство, потребовалось бы нанять около 150 человек и содержать около 150 лошадей.

По дворянским меркам это было весьма крупное владение — средний размер дворянского землевладения в 1905 году составлял 488 десятин. В Европейской России в 1905 году было всего лишь 2594 дворянских земельных владения в 3000 и более десятин. В Полтавской губернии было 34 таких имения — по 2–3 на уезд. Неудивительно, что не имевший никаких личных заслуг Воробьянинов продолжал оставаться звездой уездной величины и без труда был избран уездным предводителем дворянства.

Что значили 20.000 рублей в год в том масштабе доходов? Губернатор получал 10.000, вице-губернатор 6.000, университетский профессор 3.000 (на такую зарплату горько жаловались), судья окружного суда 4.200, земский врач — 1.200–1.800, учитель гимназии 1.200–2.000 (в зависимости от доходов). Доходы простых людей были совсем другими: средняя зарплата рабочего в 1913 году составляла 264 рубля, квалифицированный станочник в столицах получал 500–700 рублей, ткач 180–200 рублей, сторож или чернорабочий 120–180 рублей. Конторщик или приказчик в магазине получали 600–900 рублей, учитель начальной школы — 300–400 рублей.

В целом, поддержание стиля жизни, типичного для среднего класса, для семейного человека в столицах требовало как минимум 3.000 рублей в год. Что именно входило в это понятие? Наемная квартира с центральным отоплением и электричеством, со спальней, детской, гостиной, столовой, кухней и комнатой для прислуги, с ванной и туалетом; кухарка, горничная и няня; питание по барскому типу, то есть обед с 2–3 горячими блюдами;

новая, ухоженная одежда, приличная мебель в доме; передвижение по городу на извозчике; дача в пригороде, снимаемая на лето. При 3.000 рублей семья еле-еле удерживалась на этом уровне, и то, только если детей было 1–2: квартира была на непрестижной улице, на высоком этаже или окнами во двор, на покупку одежды или мебели надо было подкапливать, иногда приходилось ездить не на извозчике, а на трамвае и т.д. А вот доход в 5.000–6.000 тысяч рублей в год уже обеспечивал совершенно безбедную жизнь (независимо от количества детей) и позволял иногда ездить в отпуск за границу.

Из всего вышесказанного видно, что Воробьянинов в 1917 году потерял многое и очень многое. Если для Бендера спрятанные в стуле сокровища — это путь в невиданному процветанию, то Ипполиту Матвеевичу даже их находка не сможет вернуть прежний уровень жизни.

Вторая интересная тема — деятельность Воробьянинова как предводителя дворянства. Уездные предводители дворянства — это уникальная должность. Предводительство уездным дворянством практически не отнимало у них времени, так как уездное дворянство имело крайне мало общих дел.

Но зато выборный (на 3 года) предводитель дворянства был неоплачиваемым чиновником-добровольцем, безвозмездно исполнявшим обязанности де-факто главы уездной администрации (юридически уездные учреждения не составляли единого целого и не имели начальника). Предводитель председательствовал в уездном земском собрании (эта обязанность отнимала одну-две недели в году) и в уездном съезде (это была комиссия, разбиравшая жалобы на судебные и административные решения земских начальников), заседавшем одну неделю в месяц. Также предводитель руководил деятельностью уездного по воинской повинности присутствия, проводившего ежегодный призыв в армию, уездной землеустроительной комиссии (руководила проведением аграрной реформы), уездной оценочной комиссии (разбирала жалобы на оценку имуществ для налогообложения). Также предводитель был организатором выборов в Государственную Думу, возглавляя избирательные собрания.

Всё это позволяет предположить, что совершенно пустой, бездельный и глуповатый человек не мог бы справиться с данной работой. Как бы халатно предводитель не относился к своим обязанностям, они в любом случае были многохлопотными и требовали хорошего знания многочисленных законов и процедур, умения руководить процессами и налаживать отношения со множеством людей. Таким образом, робость и туповатость Воробьянинова объясняется только несколько пасквильным характером знаменитого романа. Реальные предводители дворянства были работоспособными и толковыми людьми.

P.S. А что это за картинка прикреплена к посту? Это *Мацист*, на которого был похож Воробьянинов (во всяком случае, сослуживцы звали его Мацистом). Мацист — сквозной главный герой выходившей десятилетиями, начиная с 1915 года, серии приключенческих кинофильмов. Мацист благороден и отличается огромной физической силой. Кстати, у него нет усов.

P.P.S. Самый лучший комментарий (отдельная толстая книга) — «Спутник читателя» Ю.Щеглова. Эта книга чуть ли не интереснее самого романа. Мои скромные комментарии дополнительны к данной книге.

Предыстория отца Федора Вострикова

Отец Федор Востриков — один из самых нелепых персонажей романа. Это глуповатый, невезучий и жадный человек, демонстрирующий самую малую степень религиозности, причем выражающуюся исключительно в стиле его речи, но не в поступках. Его дореволюционный жизненный путь известен нам в достаточных подробностях:

Порывистая душа отца Федора не знала покою. Не знала она его никогда. Ни тогда, когда он был воспитанником духовного училища, Федей, ни когда он был усатым семинаристом Федор Ивановичем. Перейдя из семинарии в университет и проучившись на юридическом факультете три года, Востриков в 1915 году убоился возможной мобилизации и снова пошел по духовной линии. Сперва был рукоположен в диаконы, а потом посвящен в сан священника и назначен в уездный город N.

За такой несложной биографией скрываются сложные и драматические события.

Духовенство исторически было наследственным сословием. Предполагалось, что сыновья священников будут учиться в духовных училищах (неполная средняя школа) и семинариях

(полная средняя школа), становиться священниками, служит вторыми священниками в больших приходах, а после смерти отцов занимать их место. После освобождения крестьян и фактического (но не юридического) краха сословной системы этот механизм стал быстро разваливаться. Основной дефект заключался в том, что семинария давала среднее образование, а доходы среднего человека с высшим образованием были заметно выше доходов среднего священника. Таким образом, выпускники семинарий подвергались соблазну: вместо принятия священства им стало выгоднее заняться любого рода офисной работой, как на государственной, так и на частной службе. Еще более манящим было высшее образование — поучись еще 4 года, и ты попадешь в верхний образовательный слой общества. Выгоды пребывания в этом слое были ощутимы: первая зарплата выпускника вуза обычно несколько превышала доход сельского священника с 40-летним стажем.

Правительство не могло запретить семинаристам уходить на частную службу, но могло запретить поступать на государственную. Но этого как-то не хотелось делать: откуда-то надо было брать и чиновников со средним образованием; средняя школа была еще мало развитой, а людей, не поступивших после окончания школы в вузы, было еще меньше.

Зато можно было отыгаться на семинаристах, решивших поступать в университеты. До 1888 года их принимали в университеты только после сдачи экзаменов за полный гимназический курс, то есть на равных правах с экстернами, не посещавшими никаких учебных заведений. Это было несправедливое, обидное и труднопреодолимое требование. С 1888 года семинаристам (и только окончившим по первому разряду, то есть с отличием) разрешили поступать в Томский университет на условии сдачи экзаменов по гимназическому курсу латинского языка. Это было сложно, но преодолимо, да вот только весь университет состоял из одного медицинского факультета. В 1898 году в университете появился и юридический факультет. Поповичи немедленно заполонили Томск: две трети студентов составляли выпускники семинарий.

Результаты полунасильственного обучения были предсказуемыми: в 1905 году оказалось, что семинаристы были самыми революционизированными из всех учащихся, духовные учебные заведения были охвачены забастовками и митингами. Митрополит Вениамин Федченков вспоминал о том, что в его семинарии бы один уважаемый студентами преподаватель, о котором ходил странный слух — он верит в бога. То, что приличный и интересный человек может быть верующим, представлялось семинаристам столь невероятным, что они послали к преподавателю специальных выборных, чтобы те расспросили о его взглядах.

Только в 1905–1908 годах положение семинаристов было улучшено: они смогли поступать во все университеты при условии сдачи экзамена по гимназическим курсам физики, математики и одного нового языка, а в кое-какие технические вузы их стали принимать на общих основаниях с гимназистами и реалистами (гимназия и реальное училище — два основных типа тогдашней средней школы). Вопрос о правах семинаристов был политизирован — они представлялись публике своего рода невольниками духовного ведомства, насильно отстраняемыми от высшего образования из-за того, что церковь не сумела сделать служение священника достаточно привлекательным. Таким образом, будущий отец Федор и подобные ему в 1912 году выглядели прогрессивными молодыми людьми и вызывали всеобщие симпатии.

Кстати, а почему священники не отдавали детей в гимназии? Все очень просто: с духовных лиц, независимо от наличия и количества детей, и фактического места их обучения, вносили фиксированный сбор, дававший право бесплатно обучать сыновей в семинариях. Учитывая, что священники были преимущественно бедны и многодетны, а обучение в гимназии стоило недешево (и не включало в себя проживание и питание), практически все их сыновья попадали в семинарии, предоставлявшие бесплатное обучение с полным пансионом.

В 1914 году началась Первая мировая война. При первичной мобилизации студенты сохранили имевшуюся у них отсрочку от призыва до окончания вуза. Но в середине 1915 года дела на

фронте пошли хуже, а людские резервы начали истощаться. В армию стали призывать студентов первого курса, а к концу 1915 года — уже и второго. Было очевидно, что вот-вот начнут призывать и третьекурсников.

Тут Федор Востриков и решил вернуться в духовное ведомство — священники христианских исповеданий имели безусловную отсрочку от призыва. Разумеется, это был довольно трусливый поступок — но порывы милитаризма / патриотизма / идеализма, характерные для российского общества в первые месяцы войны, давно уже утикли. К концу 1915 года все, кто к тому моменту не отправился на фронт, только и думали о том, как бы избежать призыва. Отец Федор был труслив, но отнюдь не одинок в своей трусости. Священнических вакансий было много — около 10% духовенства ушло на войну, в полковые священники — так что сан, надо думать, достался отцу Федору без больших проблем.

Трусость, проявленная отцом Федором, не была типичной для русского духовенства — около 3000 приходских священников и иеромонахов в Первую мировую войну добровольно вызвались быть военными священниками, 80 человек из них были убиты или умерли от ран. Примечательно, что военно-духовное ведомство считало более правильным сохранять незаполненные вакансии (к концу войны — около половины), но зато иметь в войсках только священников-добровольцев.

Судьба отца Федора типична для эпохи. Церковь не сумела удовлетворительно урегулировать вопрос с содержанием духовенства. Священники не были довольны своими доходами, и надеялись на церковный собор (Николай II в 1905 году дал обещание созвать его, да так и не созвал). Считалось, что собор постановит назначить всем священникам казенное жалованье (также сомнительная надежда), что улучшит и материальное положение духовенства, и его отношения с прихожанами. А пока что простой народ упорно не хотел платить за религиозные услуги, духовенство роптало, а выпускники семинарий разбегались.

Вместо того, чтобы произвести реальные реформы и сделать служение священника привлекательным, духовное ведомство предпочло заманивать в свои сети детей духовенства, пользуясь недостаточностью доходов их семей. Бесплатное обучение и

освобождение от военной службы, в сочетании с ограничением на дальнейшее обучение в нецерковных вузах, привели в ряды священнослужителей тысячи молодых людей, подобных Федору Вострикову — не испытывавших ни малейшего энтузиазма (и даже простого интереса) по поводу своей деятельности.

Впрочем, наряду с уменьшением религиозности духовенства стали уменьшаться и его традиционные недостатки. Старое сословное духовенство жило как-бы в коконе своей традиционной субкультуры, не выходя за пределы маленького причтового мирка — прекрасной иллюстрацией этого может служить роман Лескова «Соборяне». Последнее предреволюционное поколение духовенства стало, наконец, сливаться с интеллигенцией. Молодые священники теперь разделяли с основной массой образованных людей культуру, интересы и манеру поведения. Постепенно уходили в прошлое типичные пороки социально изолированного старого духовенства — замкнутость, ограниченность интересов и склонность к пьянству. В целом, священники, родившиеся в 1880-х годах, были порядочными людьми, обладавшими определенной культурой и державшими себя достойно. Но, увы, весьма многие из них были священниками поневоле, что предопределяло их малую религиозность и слабое влияние на паству.

Заметим, что отец Федор изображен авторами с типичным для них клеветническим оттенком — он глуп, малокультурен и пишет жене нелепейшие письма. Надо понимать, что сдача дополнительных экзаменов, необходимых для поступления в университет, была серьезным испытанием — экзаменационные комиссии в ту эпоху жестко резали любого рода экстернов, пытавшихся проникнуть в университеты в обход гимназий. Можно смело утверждать, что священники, послужившие прообразом отца Федора, были способными к обучению, грамотными, достаточно культурными и интеллектуально развитыми людьми.

На картинке — конец жизненного пути о. Федора. Мы же все понимаем, что ему не пережить 1937 год.

P.S. Разумеется, на картинке не выдуманный о. Федор, а достойная личность и мученик, о. Василий Архангельский.

Предыстория камергера Митрича

Один из эпизодических, но запоминающихся персонажей романа — обитатель «Вороньей слободки» Митрич. Когда-то он был камергером двора Его Императорского Величества и его звали Александр Дмитриевич Суховейко. Но теперь он опростился и превратился в туповатого, наглого бывшего крестьянина Митрича. Митрич говорит на простонародном языке и ничем не выдает свое прошлое. Его камергерский чин — это авторская ремарка, а вот соседи по квартире не имеют об этом понятия.

Зачем Митрич обратился из камергера в какого-то вахлака? Кем он был в прошлой жизни? Что заставляет его в новой жизни маскироваться?

Для начала, надо разобраться в том, что такое *камергер*. Камергер — это почетное придворное звание, не связанное с исполнением каких-либо реальных придворных обязанностей. Перед Первой мировой войной камергеров было около 360, то есть царь далеко не каждого из них бы способен узнать в лицо, а

живущих в провинции — видел 2–3 раза в огромной толпе официально представляющихся ему.

До 1880–х годов со званием камергера был связан чин 4–го класса (*действительный статский советник*, *превосходительство*), но затем звание сделали почетным. В XX веке камергерами были только старые люди, получившие этот чин при Александре II, а придворные помоложе состояли в звании *камергера*, что значило, что у них еще есть и обычный гражданский классный чин (военные не могли быть камергерами). Более половины носителей чина были, по старой традиции, действительными статскими советниками, но кое–кто носил и чины ниже, а некоторые и вовсе были лицами без чина. При получении чина 3–го класса (*тайный советник*) звание камергера либо аннулировалось, либо его носитель получал один из *вторых придворных чинов* (гофмейстер / шталмейстер / егермейстер).

Как мы уже поняли, придворных обязанностей у камергеров не было. Чем же они занимались? Традиционно, придворные чины чаще всех получали чиновники МИДа и наиболее престижных ведомств — Государственной Канцелярии и Сената. Менее часто камергерами становились и старшие чины центральных аппаратов министерств (на где–то уровне вице–директоров и директоров департаментов). В провинции придворные звания обычно доставались губернаторам, вице–губернаторам, уездным и губернским предводителям дворянства.

Придворное звание было выражением личного одобрения монарха и не связывалось напрямую со служебными заслугами. Его нельзя было выслужить (в отличие от обычного классного чина), начальство не представляло отличившихся чиновников к награждению придворными чинами. Честно говоря, получить придворный чин можно было только по благу — за кандидата в придворные должен был сказать слово кто–либо из лиц, лично приближенных к императору. Кстати, это и не скрывалось — в списке придворных чинов всегда было полным–полно детей крупных сановников и молодых членов придворных аристократических фамилий, не имевших ни малейших заслуг перед отечеством. Действительных статских советников к началу войны было около 13 тысяч — а камергеров среди них никак не

более 250 человек, то есть престиж звания был очень и очень высоким.

«В гимназиях не обучались.» — Митрич говорил суцую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус.

Сведения об обучении Митрича еще более проясняют картину. *Пажеский корпус* — привилегированное закрытое учебное заведение, куда принимали только детей *особ первых трех классов* (то есть от тайного советника / генерал-лейтенанта и выше). В Пажеском корпусе учили девять лет, причем два старших класса издевательским образом считались высшим учебным заведением, так что выпускники приравнивались по правам к окончившим университет (разумеется, это было чистейшее фуфло, программа по сложности и рядом не стояла с университетской). В год выпускали около 30 человек. Обучение стоило запредельно дорого — 700 рублей в год (в университете — около 100 рублей). В старших классах учащиеся получали звание *камер-пажа* (см. картинку в заголовке поста) и прислуживали на придворных церемониях. Пажеский корпус был военным учебным заведением, и его выпускники попадали исключительно в гвардию. Из мемуаров видно, что пажи были типичными мажорами, круг интересов которых ограничивался лошадьми, униформой, дорогими содержанками и венерическими заболеваниями.

Пажеский корпус — служба в гвардейской кавалерии — отставка в чине ротмистра — избрание уездным предводителем дворянства — звание камер-юнкера — должность вице-губернатора (или сразу губернатора, или избрание губернским предводителем дворянства) — звание камергера. Так выглядела тогда типичная карьера отпрыска аристократической семьи — выпускника Пажеского корпуса, не обременяющего себя получением настоящего образования и трудами. По всей видимости, на каком-то из верхних этапов этого пути остановилась и карьера Митрича. Заметим, что в министерства, Сенат, Госканцелярию, дипломатический корпус — то есть туда, где к чиновникам предъявлялись высокие квалификационные требования — выпускники Пажеского корпуса не попадали, к началу века эти места занимались людьми с университетскими дипломами (и часто — даже без особенных связей).

Итак, более всего вероятно, что в старой жизни Митрич был губернатором / вице-губернатором / губернским предводителем дворянства. Такое прошлое хорошо объясняет опрощение нашего героя.

По Конституции СССР 1925 года избирательных прав были лишены служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов — так называемые *лишенцы*. Не сказать, чтобы жителям СССР было много толка от избирательного права, да вот только Советская власть мудро позаботилась еще и о том, чтобы закрыть лишенцам и все другие дороги в жизни. Большевики, прямо скажем, гнобили всех «бывших» подряд, но те из них, кто подпадал под формальный статус лишенца, испытывали гонения в многократно повышенной мере. Реальный уровень дискриминации лишенцев был очень высок — им не светила ни хоть сколько приличная работа, ни комната в Вороньей слободке (да и проживание в губернском городе как таковое). Поэтому Митрич скрывал свой камергерский чин под образом полуграмотного крестьянина не зря.

Кстати, Митрич же вроде не был полицейским, чего он боялся? Очень просто, губернаторы были лицами, руководившими действиями полиции, то есть тоже были лишенцами.

Но почему Митрича не поймали, не узнали, не разоблачили? Как он выправил себе документы? На самом деле, скрыться от бдительного ока ГПУ для «бывшего» на том этапе было довольно легко. Дело в том, что старый режим не вел единых списков подданных, даже на уровне уезда. Если крестьянин никогда не выезжал за пределы своего уезда, он имел полное право жить, не получая паспорт. А если он еще не учился в начальной школе (как и половина жителей России), не был военнообязанным (как и все единственные сыновья), то единственными документальными свидетельствами его существования на земле были записи в метрической книге сельской церкви и в посемейном списке в волостном правлении. А значительная часть Российской империи попала в состав Польши, Эстонии, Латвии и Литвы. Все эти государства не имели больших симпатий к ГПУ и просто не стали

бы отвечать на запросы, касающиеся биографических данных жителей СССР.

Итак, достаточно было заявить, что ты крестьянин Ковенской губернии, паспорта у тебя никогда не было, на войну тебя не взяли, при приближении немецких войск в 1916 году ты срочно бежал без документов, и в суматохе так их и не получил — и власти не имели возможности проверить эти, достаточно правдоподобные, утверждения.

Но, разумеется, такая маскировка давалась дорогой ценой — желающий спрятаться должен был отказаться от своего образовательного статуса. От всех, кто закончил хотя бы прогимназию, уже оставался документальный след на министерском уровне, мгновенно проверяемый властями. Кроме того, все 20-е годы в учреждениях проводились *чистки* — многоуровневые компании проверок и выявления спрятавшихся классовых врагов. Раз за разом начальники и агенты ГПУ расспрашивали советских чиновников и специалистов об их прошлом, пытаясь выявить противоречия, коллеги на специальных собраниях закладывали тех, чьи реплики в частных разговорах и жизненный опыт не соответствовали заявленной биографии.

Единственным способом избежать чисток был отказ от всяких претензий на должность служащего или специалиста — классовое происхождение дворника и сторожа власти, слава богу, интересовало мало. Это и был путь Митрича, занятий которого мы не знаем, но догадываемся, что он вряд ли был кем-нибудь важнее вахтера или кучера. Понадеемся, что мудрость и высокое смирение еще спасут Митрича в 1937 году, когда под раздачу попадут уже совершенно все «бывшие», в том числе и такие, которые лишенцами не являлись.

P.S. Мы не буржуи электрическую энергию зря жечь. Почему жильцы Вороньей слободки так обиделись на Васисуалия Лоханкина, забывавшего выключать свет в сортире? Неужели жалкая восьмисвечовая лампочка потребляла энергии на значимую сумму? Нет, дело было в другом. Энергохозяйство городов, доставшееся им от старого строя, все 20-е годы пребывало в руинах. Энергии не хватало, и для жилого фонда

Москвы, для примера, была введена месячная квота — 3 кВт-часа на квартиру. Если контролер обнаруживал, что квартира за месяц потребила, скажем, 9 кВт-ч, то ее просто отключали от электричества на два следующих месяца. Так что обитатели Вороньей слободки не экономили копейчку, а резонно боялись просидеть следующий месяц во тьме из-за глупого Лоханкина.

P.P.S. На фотографии — камер-паж в придворном мундире. Так выглядел молодой Митрич.

Как патриарх Тихон погубил Николая II: ученый миф

Ранее мы занимались разоблачением любительской исторической мифологии, вначале монархической, а затем антимонархической, теперь дошли руки до мифологии ученой. Пару дней назад на подсайте ролка появился очередной миф, текст которого мы приведем здесь полностью:

Когда Временное правительство послало царскую семью в Тобольск, оно назначило ей охрану — три гвардейские стрелковые роты. Всего 330 солдат и 7 офицеров, многие из них являлись георгиевскими кавалерами. Им было обещано двойное жалованье и усиленный паек. Но в конце октября в Петрограде власть поменялась. На фоне неопределенной политической ситуации охрана Николая II не могла понять, кто ей будет платить обещанное жалованье. В результате ее руководство решило, что охрана передаст Николая II и его семью любой власти, которая выплатит им положенные деньги. Это стало известно монархистам Петрограда и Москвы. Деньги были собраны и доставлены в Тобольск епископу Гермогену (Долганову). Оставался последний шаг: выкупить царя. Но к тому времени поменялась ситуация в церкви: был избран патриарх. И в соответствии с церковной дисциплиной Гермоген поехал испросить у патриарха Тихона соответствующее благословение. Выслушав Гермогена, Тихон распорядился по прямому назначению деньги не тратить, а отложить их для церковных нужд.

Этот миф дошел до той стадии, на которой он попал в научный оборот (большое достижение для мифа), благодаря известному историку Михаилу Бабкину. Бабкин излагал миф неоднократно, наиболее подробным образом его позиция излагается в большой книге «Священство и царство». Пересказ мифа на подсайте ролка корректен. История того, как лабуда пролезла в академическую монографию в 900 страниц, примечательна.

Первым удивительные известия о подлости патриарха Тихона обнаружил тюменский историк Алексей Первушин. Ну, это не совсем историк, это отставной полковник КГБ, после выхода на

пенсию решивший заняться региональной историей периода Гражданской войны. Вот его книге «На задворках Гражданской войны» и излагается вся наша история. Первушин пишет не научным, и даже не научно-популярным языком, это, скорее любительская/журналистская документальная проза. Справочного аппарата у книги нет, ссылок нет. Первушин утверждает, что какая-то часть сведений получена им из закрытых архивов ФСБ (но при этом не дает архивных ссылок). Вести исследования в архивах, куда заведомо не пускают коллег, всегда считалось у историков дурным вкусом. Но при этом еще и не давать ссылки на документы – это уже за пределом добра и зла. Дело не в «пруфах», джентльмены верят друг другу на слово; но, кроме веры на слово, у джентльмена принято придерживать дверь для того, кто идет следом за тобой, а не захлопывать ее перед перед носом у следующего. Основное назначение ссылок в академических изданиях – дать возможность другим развить и углубить тему. В общем, ненаучный стиль сочинения + работа в недоступных архивах + отсутствие ссылок = исключение «исследования» из научного оборота. Почему же тогда М.Бабкин присоединил к своим реальным изысканиям (их достоинства и полезность несомненны) еще и подозрительные выдумки тюменского краеведа?

Михаил Бабкин – настоящий профессиональный исследователь, занимающийся узкой темой «церковь и революция». Он работает в архивах, собирает огромные материал и пишет обстоятельные книги, в полной мере снабженные академическим справочным аппаратом. К нему можно относиться по-разному, но он ввел в научный оборот множество интересных фактов, а его сочинения информативны. Отчего тогда Бабкин поверил историку-любителю Первушину, сочинения которого стоят ниже собственных стандартов Бабкина? Дело в том, что Бабкин, увы, является старообрядцем-беспоповцем, имеющим большие личные счеты с РПЦ. Бабкин, увы, увлекся внутриправославными разборками, потерял беспристрастность, и нападает на епископат РПЦ столетней давности за несоответствие безвременным старообрядческим идеалам. Хуже того, Бабкин еще и теоретический религиозный монархист-цезарепапист, то есть он мечтает об идеальном царе, возглавляющем идеальную

православную церковь – а РПЦ, не соответствующая этому идеалу, его раздражает. С такими подходами писать историю нельзя.

Но что, собственно, с открытиями Первушина? А что, если он и вправду раскрыл все эти факты, но по простоте и малоразвитости не придумал своей работе академическую форму? Проверить это впрямую невозможно. Лучше мы сделаем то, что забыли сделать Первушин и Бабкин: поставим данные известия в широкий контекст и посмотрим, что выйдет.

Контекст, часть 1. Тобольский епископ Гермоген – один из самых удивительных персонажей в епископате РПЦ предреволюционной эпохи. Это агрессивный, гиперактивный мудака, скандалист и фрик, резко выделяющийся на фоне скучных, робких коллег. То, что он был пламенным черносотенцем и жидоедом, это еще полдела – такой вариант поведения архиереев даже приветствовался. Но если основная масса черносотенных активистов была корыстной, расчетливой швалью, привлеченной карьерой и субсидиями, то Гермоген, похоже, искренне увлекся и его начало заносить. Вначале он продвигал Распутина (см. КДПВ), потом рассорился с Распутиным, пригласил к себе Распутина на знаменитую воспитательную беседу с участием еще большего фрика иеромонаха Иллиодора и юродивого Дм. Козельского; беседа быстро переросла в драку, Распутин еле унес ноги, составив мнение, что его хотели кастрировать. После этого Гермоген, как ни странно, смог удержаться в архиереях – наверное, многие коллеги тоже недолюбливали Распутина. Но Гермоген не остановился: теперь он рассорился с главным врагом Распутина в царской фамилии, сестрой императрицы Елизаветой Федоровной. Долгие годы великая княгиня мечтала об учреждении чина диаконисс (видимо, ей самой хотелось стать чем-то вроде женщины-архиерея), и наконец в 1912 году она добилась постановления Синода, выражавшего некоторое сочувствие ее замыслу. Бестактный Гермоген написал жалобу на Синод царю – это наверное, был единственный случай подобной жалобы. Гермоген, по существу, призывал царя рассориться с сестрой жены, Распутиным и архиереями одновременно. Тут уж Гермогена выгнали из архиереев и сослали в дальний монастырь. И это еще малая часть его приключений; для примера, он еще ухитрился

выгнать из семинарии Сталина. После революции маловнимательное Временное правительство назначило его, как жертву Распутина, на тюменскую кафедру (не осознавая, что он ненавидит еще и новую власть). Теперь представим, что этот персонаж действительно являлся к патриарху Тихону и рассказывал ему о деньгах, на которые можно выкупить царя у охраны. Реакция патриарха предсказуема: лучше с умным потерять, чем с дураком найти. После эскапад 1912 года в РПЦ не было ни одного архиерея, который бы согласился делать вместе с Гермогеном хоть что-нибудь, а уж тем более пускаться в столь рискованные авантюры. Заметим, что Бабкин отлично знаком с этими фактами, но не считает нужным о них упомянуть.

Контекст, часть 2. Гражданская война – эпоха слухов и выдумок. Испуганные, встревоженные люди нуждались в информации, а газеты, часто выходявшие бесцензурно, постоянно сообщали самые фантастические известия. Не имея возможности ни получить, ни проверить реальное положение дел, пресса часто просто публиковала обычные городские слухи, если не выдумывала их сама. Особенно недостоверны были провинциальные газеты. Большой вклад в дезинформацию населения вносила развившаяся за годы Первой мировой войны шпиономания и привычка к поиску врагов. Конспирологическое мышление цвело. Враги не просто существовали, но всегда имели тайных агентов в самых неожиданных местах и плели страшные заговоры. Их происками объяснялось всё вплоть до плохой погоды. Спецслужбы всех сторон работали плохо, компенсируя собственную слабость жестокостью по отношению к попавшим в их сети и изобильным враньем в донесениях начальству. По существу, секретные донесения были газетными слухами, возведенными в квадрат, но только еще подтвержденными на допросах под пытками – этим методом можно подтвердить что угодно. Про частные письма и мемуары той эпохи не приходится и говорить – слухи, страхи и виденное своими глазами слились в них в один неразделимый ком. Самые же надежные источники информации – внутренние документы государственного управления, статистика, нейтральная академическая аналитика – в ту эпоху практически исчезают. Количество и подробность

бюрократических и военных донесений падает, их достоверность резко снижается, все сводят личные счеты и врут в официальных документах. В общем, все наличные письменные источники сообщают бог знает что. А других нет.

Краеведы и историки-любители обычно не имеют необходимой интеллектуальной дисциплины и достаточно наивны. Они начинают втягиваться, поддаваться, верить прочитанному – и в результате их труды превращаются в пересказ старинных слухов и вранья. Еще хуже выходит с профессиональными историками, имеющими сильную симпатию к одной из сторон. Велик соблазн подтвердить свою позицию такими данными, про которые ты в глубине души знаешь, что они фигня, но все реквизиты исторического источника у них имеются.

Выводы. Наша история находится в описанной выше колее. Тюменский чекист-краевед Первушин начинает заниматься эпохой, натывается на массу безответственных газетных слухов о том, как монархисты собираются освободить царя – разумеется, в тюменских газетах 1918 года имеются слухи о чем угодно, один другого забористее. Он начинает копать глубже, находит какие-то чекистские рапорты о том, как враг опасен и силен, а кругом заговоры (что еще могут писать чекисты). Тут он и сам начинает верить в слухи, делает реконструкцию событий, додумывая недостающие звенья в цепочке, и публикует свою гипотезу под видом подтвержденной теории, опирающейся на исследование в закрытом архиве. Как положено любителю, Первушин мало обращает внимание на контекст. Этот материал попадает в руки в ученому Бабкину, который контекст знает, но зато пристрастен и идеологизирован. Осознавая, что данный источник слабый, неподтвержденный, Бабкин решает прикрыть его своим авторитетом и включить данные в солидную монографию. Ну а потом материал монографии попадает в популярные пересказы и постепенно доходит до подсайта polka. Так происходит циркуляция чуши в природе.

Голод

Пост написан в опровержение недавно опубликованного глубоко неверного поста про американскую помощь в голод 1891–92 годов, сославшегося на запредельно лживую статью. Сия ахинья основательно запутала читателей подсайта politota, и я хотел бы ознакомить их с фактами. Извините, пост длинный – сложное дело не получилось изложить короче.

Тема голода 1891–92 годов всегда была сильно мифологизированной. Прискорбное событие оказалось слабо осознанным и обычно освещается превратно. Основные тезисы такие: *«миллионы умирают от голода», «злобному правительству на это наплевать, и оно не хочет помочь голодающим», «экспорт хлеба как главная причина голода: не доедем, но вывезем», «благородные общественники помогают голодающим вместо правительства».* Я разберу вопрос не в систематическом изложении, а в виде контртезисов к наиболее распространенным неверным тезисам.

Голод и неурожай не одно и то же. Неурожай – нормальное периодическое явление для российского климата и достигнутого к концу 19 века уровня агротехники. Катастрофический неурожай (полная потеря урожая) – более редкое явление, но и его, увы, следует ожидать раз в 15–25 лет. Из этого следует, что всякое крестьянское хозяйство должно иметь либо минимальный годовой запас зерна на продовольствие и посев, либо в два раза большие денежные накопления (при неурожае цена зерна удваивается). Если в хозяйстве нет ни того, ни другого, это недочет хозяина. Если хозяин осознает, что запас нужен, но не имеет сил его накопить – значит, хозяйство ведется в убыток, но этот убыток прячется за отказом от создания накоплений; делается неурожай, и аккумулированный убыток станет голодом. Итак, неурожай превращается в голод только за счет либо небрежного ведения крестьянами хозяйства, либо в результате крайней слабости хозяйств. Голод на самом деле не является следствием неурожая, неурожай просто проявляет слабость хозяйства, характерную для него уже многие годы. Следовательно, делать что-то полезное для

крестьян надо не тогда, когда наступает голод, а в нормальные урожайные годы. Укрепив хозяйство, крестьяне справятся с последствиями неурожая и без чужой помощи – что и сделала в голод 1891 года более хозяйственная половина крестьян в пораженной зоне. Всё описанное выше относится к тому гипотетическому случаю, когда не существует системы помощи при неурожае, или же она срывает плохо. Но такая система была.

Система продовольственной помощи при неурожае существовала. Так называемое «продовольственное дело» начали налаживать при Екатерине II и привели в полностью завершённый вид при Николае I. Система работала так: в волостях были запасные хлебные магазины, где складировали зерно. Крестьяне вносили зерно в общественный хлебный запас ежегодными долями, пока магазин не наполнялся до нормы (это был приблизительно четырехмесячный запас продовольствия). При неурожае зерно выдавалось в ссуду нуждающимся. Ссуда возвращалась также небольшими долями, но, пока запас был меньше нормы, дополнительно к возврату ссуды все снова пополняли магазин в обычном порядке. Таким образом, когда ссуда возвращалась должниками, магазин наполнялся выше нормы. Если неурожай был таким серьезным, что магазинов не хватало, на помощь приходил губернский (денежный) продовольственный капитал, формировавшийся из ежегодных денежных взносов крестьян до достижения нормативного уровня. Земства, распорядившиеся капиталом, централизованно закупали зерно, давали его в ссуду волостям, а волости раздавали в ссуду нуждающимся. И наконец, на случай особо тяжелого голода, существовал имперский продовольственный капитал, из которого выдавали ссуды губернским капиталам.

Система продовольственной помощи управлялась распределенно. Государство отнюдь не было ответственным за работу системы продовольственной помощи. Его обязанность исчерпывалась кредитованием губернских капиталов в случае сильного недорода. Основным оператором продовольственной помощи были земства (при участии уездных предводителей дворянства). А земства в старой России – органы общественного

местного самоуправления, который отнюдь не является филиалом государства и работают самостоятельно. Для нас сегодня муниципальный чиновник – казенный человек, просто еще одна разновидность чиновника. Земцы же не ощущались как чиновники. В основной массе в земствах доминировали дворяне – землевладельцы. И наконец, запасы зерна в волостях накапливались крестьянами и принадлежали им. Если бы система работала нормально, как положено по инструкции, то даже в случае полной потери урожая общественных запасов каждой волости должно было хватить где-то на 5 месяцев, еще на 1–2 месяца хватало губернского капитала, и только потом на помощь должна была приходиться казна.

Почему в 1891 году случился голод? На самом поверхностном уровне голод случился потому, что его никто ждал. Такой неурожай, какой сделался в 1891 году, не происходил уже около 50 лет. С момента создания земств (1864) действующая система продовольственной помощи работала, в целом, исправно и больших нареканий не вызывала. Никто в массовом порядке не голодал (случаи индивидуальной бедности, не связанной с неурожаем, не рассматриваются). Все расслабились.

На более глубоком уровне дело выглядит сложнее. Крестьяне саботировали систему продовольственной помощи, поскольку они ненавидели любые социальные институты, построенные на солидарном принципе. А наша система как раз была солидарной: хлебные взносы делают все, а ссуду получают только голодающие бедняки. Крестьяне растаскивали хлеб из общественных магазинов под тысячей предлогов. Земства, не располагавшие средствами принуждения (у них не было своей муниципальной полиции) не умели бороться с этим напором. Государство вовсе не следило за продовольственным делом, так как десятилетиями всё более или менее рассасывалось само собой.

Произошел катастрофический неурожай, а запасы в пострадавших губерниях составляли в иных местах 7–15% от норматива (да еще никто сверху этого не осознавал). Все думали, что общественные запасы закончатся к концу зимы – а бедняки начали голодать немедленно. Земства, с большой задержкой, начали просить кредитов у правительства – правительство вначале

не осознано масштаб кризиса и ступило. Потом осознано, дало земствам деньги, и тут начался главный бардак. Земства не объединились для закупки зерна и стали переторговывать друг друга; цена, ясное дело, подскочила. Железная дорога забилась, а земства еще, напридачу, не скоординировали логистику и загрузили ее встречными перевозками. Зерно и А везли Б, из Б в А, а крестьяне тем временем голодали. К весне раздача хлеба более или менее наладилась. Подчеркиваю – если бы крестьяне поддерживали положенные для них запасы, им бы хватило хлеба до этого момента.

На самом же глубоком уровне причиной голода была чрезвычайная слабость российской экономики в целом, сельского хозяйства в особенности, и крестьянского хозяйства в Центральной России в еще большей особенности. Обсуждение причин этой беды выходит за рамки данного поста; главное, что надо понимать – голод только следствие этой слабости, а не самостоятельное явление. Везде, где экономика была сильнее, никаких массовых голодовок при неурожае и казенных систем продовольственной помощи просто не существовало; во всей Европе что-то похожее на русскую систему было только в отсталой Румынии.

Голод и смертность. Не следует представлять голод в царской России чем-то похожим на блокаду Ленинграда (а также и на голод в Поволжье 1921 года, и уж тем более на Голодомор на Украине). От алиментарной дистрофии никто ни умирал. Крестьяне жили в вопиюще антисанитарных условиях, в прямом смысле слова в говнище. Их иммунитет и так еле держался, и как только они начинали недоедать, на них накидывались обычные эндемичные инфекции, прежде всего тифы. Пока крестьяне ели нормально, тиф убивал не каждого; крестьяне слабели – смертность от тифа возрастала. В 1891 году в Россию пришла еще и холера – это был закономерный эпизод Шестой пандемии холеры, совершенно случайно совпавший с голодом. Если вычленить из очень заметной сверхсмертности 1891–92 годов составляющую, которую дали голодающие губернии в месяцы голода, мы получим около 400 тысяч избыточных смертей, связанных с недоеданием, обычными инфекциями и холерой в

совокупности; определить внутри этой цифры вклад собственно недоедания не представляется возможным. Но, в любом случае, с узкой точки зрения патологоанатома массовых голодных смертей не было вовсе. Огромные, миллионные цифры смертей, которые попадались вам на глаза – статистический фокус, в них включена инфекционная смертность в тех регионах, где урожаем вообще не пострадал. Ужасная санитарно–эпидемиологическая ситуация в старой России есть стыд и позор, но не надо валить этот позор в одну кучу с недородом.

Источники помощи. Казенная, внутрироссийская общественная и американская помощь в период голода 1891–92 годов относятся друг к другу как 86:13:1. Казенная помощь была, в теории, ссудой. На самом же деле возврата этой ссуды казна так никогда и не потребовала. Разные части этих долгов были прощены манифестами по случаю восшествия на престол, свадьбы царя и рождения его наследника. То, что ссуду, как оказалось, не надо было возвращать, показало крестьянам, что у неурожая есть и светлая изнанка – всем начинают выдавать дармовой «царский паек», который считается возвратным лишь для проформы. Разубедить в этом крестьян правительству не удалось. Система продовольственной помощи устойчиво превратилась в дефицитную, и в последующие годы требовала из казны всё больших денег, хотя средний урожай хлеба на крестьянина продолжал возрастать.

Не доедим, но вывезем. Эта циничная фраза традиционно приписывается министру финансов Вышнеградскому и должна показывать, что правительство намеренно форсировало хлебный экспорт, в то время как народ недоедал. Разберемся поподробнее.

Во–первых, хлеб, который вывозился на экспорт, был почти что весь выращен в степях Южной России и Предкавказья, а там все были сыты. Царское правительство охраняло частную собственность; тот факт, что у херсонского помещика (и херсонского крестьянина) отличный урожай, а тамбовский крестьянин голодает, не навел власть на мысль о посылке продотряда, который бы конфисковал зерно у первого в пользу второго. Купить по рыночной цене – да, на здоровье, так и

поступали земства (используя свои продовольственные капиталы и ссуды из имперского капитала) в голодные годы.

Во-вторых, в тогдашнем мире не было вывозных таможенных пошлин. Вообще. Регулировать вывоз тарифом было просто невозможно. Либо хлебный экспорт разрешен, либо запрещен. В 1891 году экспорт запретили, и потом жестоко об этом пожалели – хлебные экспортеры потеряли рынки, и, как оказалось, внутренних запасов хлеба в стране хватало для того, чтобы накормить всех голодающих. Рыночных механизмов вполне хватало для регулировки ситуации с хлебным экспортом. При неурожае внутренняя цена росла, и на каком-то этапе экспортерам оказывалось выгоднее разорвать контракты, уплатить положенные неустойки, и начать продавать хлеб в пораженные голодом губернии. Да, запрет экспорта в какой-то мере сдерживал рост цены при неурожае. Но ведь и у высоких цен на зерно в голодный год был свой плюс – они стимулировали крестьян накапливать зерно, а не продавать немедленно весь урожай.

Призыв. Уважаемые завсегдаити политоты! По достаточно случайным причинам мы сегодня оказались в весьма плоском, весьма черно-белом мире. В чем-то похожем на сказку про Чипполино. Всегда за несколько секунд можно понять, кто хороший, а кто плохой. Так вот, не думайте, что наша страна всегда была такой. В старые, забытые времена она была сложной, разной, неоднозначной. Мозаичной. Неоднородной. И если вы читаете какой-либо текст, в котором царская Россия предстает как еще один вариант сказки про Чипполино – перед вами глубокое, до потери смысла, упрощение или прямая ложь.

Приключения сушеной ступни

Все уже раз пять видели омерзительные кадры, показывающие как бородатый поп мочит в чане ступню от трупака, а потом толпа православных зомби начинает толкаться, вычерпывая эту воду бутылками.

Как то всегда бывает, за малосимпатичной частью трупа спрятана достаточно интересная история.

Когда в 17 веке в России произошел церковный раскол, на сторону старообрядцев перешел только один епископ, да и тот вскоре умер, не успев рукоположить себе преемника. Старообрядцы остались без епископов, а епископы нужны для того, чтобы рукополагать священников. Постепенно, по мере вымирания ушедших в раскол священников, старообрядцы остались без духовенства. Что делать? Часть старообрядцев превратилась в *беспоповцев*, то есть научились обходиться без духовенства, адаптировав свои обряды, а часть стала

беглопоповцами, то есть стала переманивать к себе священников из *никонианской* церкви.

В 1846 году беглопоповцам удалось переманить с свою церковь отставного сербского митрополита Амвросия, который начал рукополагать им епископов. Так у беглоповцев появилась своя церковная иерархия, и те, кто ее принял, стали называться *Белокриницким согласием*. Белая Криница – село в Буковине (на тот момент это Австро–Венгрия), где находился духовный центр липован – старообрядцев, очень давно, еще в эпоху Петра I, бежавших в Турцию, и осевших на тех территориях, которые затем политически оформились как Румыния, Бессарабия и часть Австро–Венгрии.

Вначале со старообрядческой иерархией происходили сплошные неприятности, первые епископы оказались ориентированными на получение прибыли лицемерными жуликами (ой, что–то это напоминает...) и не имели авторитета у верующих, их выгоняли, принимали снова и т.п.; но в 1853 году появился, наконец, искренне верующий и деятельный архиепископ Антоний (Шутов), ставший старообрядческим митрополитом Московским. В 1850–х годах это была очень опасная подпольная работа, старообрядческие иерархи жили на нелегальном положении. Только в середине 1860–х правительство прекратило персональные гонения на белокриницкое духовенство, и епископы перестали прятаться, хотя, разумеется, их сан власти не признавали.

Епископы у старообрядцев появились, но еще одна старая беда осталась – в их распоряжении не было святых мощей. Мощи в православной церкви не только привлекают и развлекают верующих, но еще и технически необходимы для организации богослужения. Дело в том, что литургию можно совершать только на *антиминсе* – большом платке, который кладут на церковный престол; в антиминс непременно должна быть зашита частица мощей. Их–то и недоставало.

Что было делать старообрядцам? Помогло то, что после капитальных ремонтов церквей их часто переосвящают, для чего епископы выдают новые антиминсы; старые же не выкидывают (это же вещь священная), а убирают навсегда в кладовку. Агенты

старообрядцев разыскивали в старых храмах дониконовские антимины (ко всем дониконовским церковным принадлежностям, книгам и иконам у старообрядцев нет претензий) и негласно выкупали их. Но, разумеется, иметь свои мощи надежнее. Где же их взять?

Тут старообрядцам улыбнулась удача. Кавказская война закончилась, горские народы были усмирены, и по всей зоне бывшего конфликта терские и кубанские казаки сгоняли горцев с наиболее привлекательных земель, основывая новые станицы. В 1858 году на Сунже появилась станица Карабулакская (сегодня это ингушский город Карабулак). Станица была расположена на бывших землях *карабулаков* (орстхойцев), горского общества, которое ныне слилось отчасти с ингушским, отчасти с чеченским народами. Казаки обнаружили, что на горе рядом с городом стоит небольшая старинная гробница. Это была небольшая камера из тесаного камня, под которой располагалась маленькая (2.5х2.5 м) пещерка, заваленная костями. Среди костей были четыре мумифицированных тела, три мужских и женское; два тела были целыми, а два разрубленными на части.

Казаки, как и все русские люди, привыкли считать любую найденную мумию останками неизвестного святого. К гробнице потянулись болящие. Казаки принадлежали к белокриницкому согласию и поддерживали тайную связь с подпольным московским духовенством, которому и сообщили о находке. Архиепископ Антоний (Шутов) сразу догадался, что это за мумифицированные трупы. А вы–то сами еще не догадались? Нет? Очень стыдно. Это, конечно же, были мощи святых **персидских мучеников Дады, Гаведдая, Коздои и Гаргала.**

История персидских мучеников подробно рассказывается в «Прологе», ходовом сборнике житий святых. Жили они в конце 4–начале 5 века. Дада был крупным чиновником, ставшим христианином. Шах Шапур II (*Сапорий*) велел его казнить, поручив это дело Гаргалу. Гаргал, увидев мужество Дады, уверовал. Разбираться с этим отправили царского сына Гаведдая и его сестру Кобзою, которые, в свою очередь, уверовали тоже. В результате всех казнили.

Какой логикой руководился Антоний? Во-первых, нужны были восточные мученики. Было бы странно, если бы на Кавказе обнаружили мощи римских мучеников. Правда, исторический центр Персии той эпохи был в Южном Иране, находящемся в 1800 км от Ингушетии, но это мелочи. Во-вторых, нужен был комплект из трех мужчин и женщины. Таких комплектов в святцах немного, четыре персидских мученика как раз подходят. Идентификация неизвестных мумифицированных тел окончена. Не приходится говорить о том, что спросить карабулаков никому не пришлось в голову. Это горское общество считалось самым агрессивным и непокорным на всём Кавказе; русские могли обмениваться с ним лишь пулями, а не историческими сведениями.

Мумии были вытащены из пещеры и осторожностью, по одной (черкесам очень не нравилось, что русские лезут в их склепы) отправлены поездом в Москву, а там архиепископ Антоний нашинковал их на множество частей и разослал по зарубежным старообрядческим монастырям в Румынии и Австро-Венгрии. До сих пор персидские мученики - это единственные древние мощи, которыми располагают старообрядцы. Все *антиминсы* старообрядческих церквей содержат частицу от этих мощей.

Вся эта необычная история дала основание православным миссионерам (миссионеры той эпохи интересовались исключительно старообрядцами) упрекать белокрыницких верующих в том, что они *служат на засохших мертвых черкесах или татарах*, что было не лишено резона и от этого чрезвычайно злило старообрядцев. В 1895 году старообрядцы послали двух священников в Карабулак, и те нашли свидетелей обретения мощей, вот их отчет. Отчет, скажем честно, выглядит очень неубедительно. В частности, свидетели прямо говорят, что имена персидских мучеников первым приписал неведомым телам местный богомольный урядник Горячев. Другие замечают, что разбойники обычно сбрасывали в склеп зарезанных путников. Вроде бы, были какие-то надписи на камне, но никто не умел их прочитать. Кто-то застал в пещерке также и свежие разлагающиеся трупы — видимо, карабулаки продолжали пользоваться склепом для захоронений.

Две ступни (не знаю от кого) попали в женский Славский Успенский монастырь в селе Слава–Русэ в Румынии, это один из духовных центров липован. Приблизительно десять лет назад старообрядческие духовенство решило возродить древний чин **освящения воды мощами** (обычно воду освящают крестом, но старые требники предусматривают и возможность использования мощей). В дореволюционной России такая служба совершалась один раз в году, и только в двух церквях – в Успенском соборе Московского Кремля и в Троице–Сергиевой лавре. Воду, судя по всему, верующим не раздавали. Ну а у современных липован всё получилось поживее, понароднее. Освящение на обсуждаемом видео совершает старообрядческий епископ Флавиан (Славский).

От гробницы в настоящий момент не осталась и следа. Надо думать, какой–то древний глава карабулакского тейпа (наверное, место в добротной каменной гробнице доставалось только почетным людям) не предвидел, какие приключения произойдут через сотни лет с его ступней. А если бы предвидел, то попросил бы похоронить его в другом месте.

Измеряя глубину падения: политическая деградация России на временной шкале. Часть 1

Все мы видим, что политический строй России совершает стремительную деволюцию. Но можно ли измерить на временной шкале, до какого именно места в прошлом мы деградировали? Выяснению данного обстоятельства и будет посвящена небольшая серия постов.

Для начала, необходимо заметить, что сама основа нашего текущего политического устройства — единоличная неконтролируемая власть без всякого наследника, преемника, а также и без заранее установленной процедуры избрания следующего правителя после смерти нынешнего — в обозримой истории не встречалась и никаких аналогий ей найти нельзя. Даже у домонгольских князей была какая-то хитрая *очередь столования*. Поэтому обсуждать сей удивительный казус мы не будем.

Более того, мы уклонимся и от обсуждения генеральной проблемы — деволюционного характера дедемократизации любого рода. Политические траектории разных стран сложны, и далеко не всегда (Германия, Италия) представляют собой непрерывный путь демократизации.

Пост будет сосредоточен на побочных, но однозначных чертах политической деградации, на таких вещах, которые являются либо деградационными проявлениями (если речь идет о движении вспять), либо приметами низкого уровня развития для любого политического строя, будь то монархия, авторитарная диктатура, тоталитарная диктатура либо демократия.

Эти маркеры упадка (или недоразвития), на мой взгляд, следующие:

- произвольная раздача (прямая либо косвенная) казенных средств друзьям правителя;

- правление без всякого обсуждения важнейших дел в формальном совете, мнение которого пусть и не обязательно к

исполнению, но запрашивается, учитывается и уважается правителем;

— подчиненность суда административной власти;

— обязательная связь нахождения индивидуума на значимой государственной должности с его личным богатством;

— откупная система сбора налогов и индивидуальные налоговые преференции для близких к власти лиц.

Эти пять примет (а особенно сочетание нескольких из них) однозначно указывают на примитивность политической системы, не связанную напрямую с ее недемократичностью. Мы понимаем, что приближенные Муссолини не получали преимущества, если они вступали в имущественный спор в суде с простым человеком, что многие ближайшие соратники Гитлера жили на скромное жалованье, лучшие монархи 18 столетия внимательно прислушивались к мнению назначенных ими же советов, даже Ким Чен Ын умеет собирать налоги без участия откупщиков и т.п.

И если текущий политический строй как целое не подлежит сравнению с какими-то определенными периодами в нашем прошлом, то указанные пять параметров могут быть отслежены в прошлом с высокой точностью, иногда буквально до года. Мы знаем, когда русские цари начали сотрудничать с формально организованным советом, когда они перестали произвольно раздавать друзьям деньги, когда они перестали вмешиваться в постановления судов и когда на ключевых государственных должностях стали появляться небогатые люди, удовлетворяющиеся жалованьем.

Сразу надо сказать, что все пять эволюционных рубежей были достигнуты Россией в имперский период, поэтому наши сопоставления не коснутся экзотического (в глобальной перспективе) советского строя.

Итак, перейдем к подробностям. В один пост подробности не поместятся, так что продолжение следует.

1. Произвольная раздача казенных средств друзьям главы государства

В старой России произвольное вознаграждение симпатичных монарху лиц огромными кусками казенной собственности было обычным делом до конца эпохи Павла I. Екатерина II считала возможным и правильным раздавать сотни квадратных километров земель и тысячи крестьян не только крупным государственным деятелям (типа Потемкина), но и просто некоторым своим любовникам. В царствования Александра I и Николая I эта практика несколько редуцировалась — теперь получение большого куска казенной собственности всё-таки стало крупной премией для главнейших чиновников. Александр II уже практически не раздавал приятелям казенное добро, а Александр III извел последние остатки этой практики, твердо разделив собственные средства, которыми он располагал свободно, и казенные. Николай II иногда выдавал уходящим в отставку крупным государственным деятелям большие денежные награды (300–400 тыс.) людей, а кое-каким аристократическим частным лицам просто оказывал финансовую помощь, но всё это производилось только из тех сумм, которые были открыто показаны в государственном бюджете как личные средства царя.

Если посмотреть детальнее, то последними произвольными денежными выдачами из общегосударственной казны в пользу частного лица по приказу царя будут выплаты Александром II гигантских долгов его личного приятеля графа Адлерберга, министра двора (1870–е). Еще один неприятный эпизод — массовая почти бесплатная раздача казенных (т.н. башкирских) земель в Уфимской губернии различным лицам, состоявшим на государственной службе или просто водивших знакомство с крупными чиновниками. Это происшествие имело место также в 1870–х, немедленно стало считаться позорищем, и более подобное не повторялось.

Более сложной является ситуация с раздачей казенных денег, замаскированных под видом чрезмерно выгодных казенных подрядов или концессий. Самая известная история такого рода — так называемая горячка вокруг подписания концессионных договоров на строительство железных дорог. Железные дороги на

раннем этапе (до середины 1870-х) имели высокий запас рентабельности, и учредители железнодорожных компаний имели возможность раздуть смету их строительства настолько, что реальная стройка оплачивалась за счет облигаций, а акционерный капитал был фиктивным и реально не вносился. В результате, первые удачные железнодорожные предприниматели — прежде всего Дервиз и Мекк — превратились в мультимиллионеров и владельцев железных дорог за три-четыре года, не имея на момент начала строительства ни коммерческого опыта, ни капитала. А попали в железнодорожные магнаты эти удачливые люди лишь потому, что они были знакомыми (по всей видимости, шапочными) министра финансов Рейтерна, который и организовал получение ими концессий без реального конкурса. Это, в свою очередь, подало надежду на быстрое обогащение десяткам лиц с правительственными и придворными связями, которые начали навязываться императору лично и всем решающим дело высшим должностным лицам. Соискатели раздавали (а чаще обещали из будущей прибыли) огромные взятки; к сожалению, во взяточничестве была изрядно замазана любовница (а затем морганатическая жена) царя княгиня Юрьевская.

Очень быстро оказалось, что быстрые деньги достаются не всем и не всегда, железнодорожное дело сложно, на нем можно и погореть, и к началу 1880-х горячка унялась, и сооружение железных дорог превратилось в обычный бизнес, не сопровождаемый сверхприбылью.

Железнодорожная горячка не вполне походила на современную раздачу казенных подрядов Ротенбергам. Во-первых, выиграла от нее люди с определенными связями, но все же не первые государственные лица, и даже, чаще всего, не личные друзья царя или первых лиц. Кое-какие новые железнодорожные магнаты (еврей Поляков) были такими людьми, которых видеть в высшем классе никто не хотел, и к которым сам царь относился с омерзением. Во-вторых, при всей вакханалии взяточничества как минимум половина людей на ключевых постах вела себя достойно и денег не брала, хотя при раздаче концессий им и приходилось делать выбор между взяточниками разного сорта, готовых

поделиться деньгами. И наконец, в целом государство явно боролось за постепенное очищение железнодорожной сферы от коррупции, и за 10–15 лет смогло добиться успеха.

Выводы: Итак, последние эпизоды прямой раздачи крупных сумм из казны частным лицам, заслуга которых была лишь в том, что они являются личными приятелями правителя, имели место в конце 1870–х годов. Пятью–десятью годами ранее закончилась раздача приятелям подачек, для приличия замаскированных под казенный подряд или концессию. Это не значит, что после этого выгодные подряды и концессии исчезли навсегда — нет, они сохранились, но доставались уже наиболее активным лоббистам и предпринимателям, не имевшим предшествующих личных связей с высшей властью.

Измеряя глубину падения: политическая деградация России на временной шкале. Часть 2

Продолжение поста о пяти деградационных чертах современного политического строя России в сравнении с Россией позднеимперской. Первая часть, о произвольной раздаче денег друзьям правителя, здесь. Теперь мы переходим к следующему проявлению деградации в подробностях.

2. Правление без формального совета

Имперская Россия была самодержавной страной, а это значило, что монарх (во всяком случае, в политическом смысле) распоряжался, как ему хотелось. Екатерина II любила советоваться с доверенными лицами, но делала это в случайном порядке и без всякой установленной процедуры; попытка императрицы создать нечто формальное — Уложенную комиссию — провалилась. Павел I по вздорности не советовался вовсе ни с кем, что и стоило ему жизни.

Александр I немедленно продемонстрировал иной подход — в самом начале нового царствования, в 1801 году, был учрежден Непременный совет, в 1810 году реорганизованный в Государственный совет, до 1906 года просуществовавший в неизменном виде, а затем превратившийся в верхнюю законодательную палату, в которой половина членов была назначена императоров, а половина избрана. Наш рассказ — о старом, невыборном Государственном совете.

Старый Государственный совет был законосовещательным учреждением, то есть император сохранял за собой право законодательствовать без оглядки на его решения. Более того, далеко не всегда в Совете набиралось квалифицированное большинство, требуемое для принятия единого мнения. Иногда решение оформлялось как мнение большинства и мнение меньшинства гг. членов; иногда же не формировались и такие мнения, и императору на рассмотрение отправлялись мнения столько-то особ гг. членов и особые мнения отдельных членов. Император мог поступать с этим набором мнений, как ему было

удовно. Если он утверждал любое из коллективных мнений (даже если это было мнение меньшинства), принятый закон назывался Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, а если император в результате придумывал что-то свое, то итоговый закон назывался Именной Высочайший указ. Важно понимать, что в любом случае мнение было действительно мнением, то есть не только голым текстом законопроекта, но и прилагаемым к нему подробнейшим объяснением всех мотивов и соображений, руководивших авторами.

При Государственном совете состояла Государственная канцелярия, и ее руководитель, Государственный секретарь, раз в неделю представлял императору меморию — краткое изложение текущего хода дел по обсуждению законодательства. Интересно, что заседания Совета оформлялись не как стенограмма, а как журнал — четкий, хорошо отредактированный пересказ устной речи в заседании, с переделкой на изложение в третьем лице с сохранением всех высказанных идей и аргументом — то есть с переработкой устной речи в экспертную записку.

Сочетание меморий, журналов и мнений, попадавшее на стол императору, позволяло ему оценить аргументы, выдвинутые в Совете, во всем разнообразии высказанных позиций. Заметим, что императоры никогда не использовали свое право на председательствование в Совете, намеренно уклоняясь от давления на его членов. И на современный взгляд бумаги Государственной канцелярии выглядят впечатляюще — они написаны четко, кратко и удобопонятно, красивым стилем, лишены канцеляризмов, очень ясны и показывают глубокое проникновение их составителей в суть дела.

Государственный совет состоял из всех действующих министров и членов по назначению, каковыми обычно были чиновники высших рангов и старшие генералы по завершении их активной карьеры. Для отставного министра быть членом Совета считалось нормальным делом, для отставного товарища министра или генерал-губернатора — большим успехом (в норме их ожидало кресло в Сенате). Назначение в Совет всегда было пожизненным, совсем старые члены просто не ходили на заседания, посещение которых не было для них обязательным —

то есть активное членство по мере дряхления превращалось для них в род пенсии. Совет вначале обсуждал законодательные предположения в соответствующих департаментах (государственной экономии, гражданских и духовных дел, торговли и промышленности, законов), в которых было под 20 членов в каждом; часть была почетными старцами, а 5–8 человек обычно являлись нестарыми деятельными людьми, которые и вели всё дело. Затем дела попадали в Общее собрание, в котором уже присутствовали действующие министры и менее активные члены, не включенные в состав департаментов. В общем, по-настоящему Совет держался на 20–30 реально деятельных членах.

Чиновники, угодив в Государственный совет, сразу же отрешались от узковедомственной позиции, характерной для министров, и начинали чувствовать себя независимыми. Члены совета были чистосердечно убеждены, что император назначил их в Совет исключительно затем, чтобы услышать их собственное мнение, а не для того, чтобы они поддакивали лично ему или министрам. В этом, как легко заметить, была сила законосовещательного учреждения — раз император имеет власть законодательствовать помимо Совета, зачем нам принимать то, что ему заведомо понравится, не будь ему нужно именно наше самостоятельное мнение, он бы обошелся и без нас.

Но, кроме того, в существовании законосовещательного Совета была и своя слабость. Императорам казалось глупым постоянно не слушать назначенный ими же Совет (разумеется, это была психология той эпохи, сегодня власти подобные соображения чужды). Да, иногда они утверждали мнения меньшинства, иногда просто откладывали в долгий ящик мнения большинства, очень-очень редко законодательствовали против всех мнений Совета. Но во всём этом они соблюдали пропорцию — грубо говоря, в 90–95% случаев императоры соглашались с Советом, причем преимущественно с его большинством, а не с меньшинством. Утверждение же мер, вовсе отвергнутых Советом (без мнения в меньшинства в их пользу) считалось чем-то до крайности обидным для Совета и почти не практиковалось.

Между тем, уже министрам Александра II Совет начинал казаться слишком левым, слишком либеральным. В этом был

парадокс — когда эти же министры доходили до отставки и уходили в Совет, они начинали казаться следующим министрам слишком левыми. С одной стороны, Совет был слишком левый, с другой — император традиционно опасался слишком часто не соглашаться с Советом. Министры начинали искать обходные пути, и эти пути находились.

Возможности законодательства мимо Государственного совета существовали. Такое право (в более узком, чем у Совета, виде) имелось у Комитета министров, Финансового комитета, Военного совета, Адмиралтейств-совета. Туда и устремлялись законодательные инициативы, для которых министры не ожидали одобрения в Государственном совете.

Все скандальные репрессивные законы (о положении чрезвычайной охраны, об ограничениях прав евреев и пр.) проводились как положения Комитета министров, золотой стандарт, встреченный в Совете с неодобрением, был проведен Витте чрез Финансовый комитет. Современники воспринимали это как свидетельство нетвердости государственного строя, проявления господства ведомственного начала над общегосударственным принципом. Но, надо признаться, и во всех этих побочных законодательных органах законопроекты все равно проходили через подробное, обстоятельное обсуждение с выражением различных независимых мнений.

А как же законодательство, непосредственно исходящее от монарха? Оно было возможно теоретически, но невозможно практически. Дело в том, что у царей не было собственного бюрократического аппарата. Собственная Е.И.В. канцелярия занималась не более чем формированием расписания встреч и приемов монарха. У царя не было даже личного секретаря. Его личный документооборот был архаичным — министры приносили и оставляли царю бумаги в одном портфеле, он просматривал их, делая пометы и накладывая резолюции, и перекладывал бумаги в другой портфель, уносимый министром при следующей встрече. Если царь желал навести какую-либо справку, подобрать данные и т.п., всё это он мог сделать только через профильного министра, пусть это даже была простейшая работа для референта.

Таким образом, единственным видом законодательства, доступным для царя лично, были ненормативные акты — то есть личные назначения. Все распоряжения, требовавшие подготовки данных и бюрократической работы, неизбежно шли обычным бюрократическим путем, всегда включавшим в себя то или иное коллегиальное обсуждение.

Выводы: Итак, уже в 1801 году цари отказались законодательствовать по принципу «моя левая нога захотела» во всём, кроме персональных назначений на должности. Решать дела без формального обсуждения в каком-либо постоянно действующем совете, без выражения независимых мнений, им казалось глупым, непродуктивным и отсталым. Характерно, что никакой демократичности в этом не было — монархи в полной мере сохраняли за собой самодержавные права, не всегда соглашались с мнением большинства советов. Да и сами советы были бюрократическими, а не выборными, все их члены были назначены монархом. Но сама по себе процедура внимательного и независимого обсуждения всякой государственной идеи как таковая казалась царям не подрывом самодержавного принципа, а его сильной стороной. И в этом они были полностью правы.

Как бы они, бедные, удивились, если бы увидели, что творится в наши дни.

Измеряя глубину падения: политическая деградация России на временной шкале. Часть 3

Продолжаем наш рассказ, посвященный историческому сопоставлению дегенеративных черт современной российской политической системы. Ранее публиковались посты про раздачу денег друзьям правителя (здесь) и правление без совета (здесь).

Напомню основной тезис данной серии постов. Кроме движения по линии автократия–демократия, бывает еще и движение по линии зрелая государственность — незрелая (или выродившаяся) государственность. Выродившуюся государственность мы сегодня и наблюдаем. Пять ее типичных черт, составляющих язву нашего времени (произвольная раздача денег друзьям правителя, правление без совета, подчиненность суда административной власти, связь занятия государственной должности с личным богатством, откупа и личные налоговые преференции), в царской России, как оказывается, к концу позднеимперского периода уже были изжиты. К позору для России современной. Об этом я и рассказываю в подробностях.

3. Подчиненность суда административной власти

Царский суд старого строя, являвшийся производением екатерининской эпохи, был до крайности зависим от административного произвола. С одной стороны, для этого были легальные каналы — прежде всего, губернаторы имели право кассации судебных решений. С другой стороны, на сущностном уровне суд был похож на сегодняшний — судьи были жалкими, несамостоятельными людьми, трепетавшими перед начальством и стремившимися угадать его волю. Еще Николай I не стеснялся в важных для него случаях давать судам открытые инструкции, кого и к чему им следует приговорить. Результат тоже получился точно такой же, как мы видим сегодня — суды имели нулевой авторитет и никто не верил в справедливость их приговоров.

В 1860–х группа выдающихся государственных деятелей и юристов, получивших поддержку Александра II, приступила к решительной переделке судебной системы. Суды нового строя,

начавшие действие с 1864 года, были подчеркнута независимыми от административной власти. Важно понимать, что эта независимость распространялась и на судебных следователей, которые также являлись членами суда (их могли вызывать для участия в составе суда при нехватке штатных судей), были процессуально независимыми и несменяемыми. Для уголовных процессов с возможным наказанием свыше 1.5 лет заключения определение виновности подсудимого возлагалось на присяжных.

Но как столь продвинутая судебная система могла ужиться с самодержавным строем, не дававшим подданным никакой гарантии гражданских прав и душивших все политические свободы? Как царизм мог приспособить независимый суд к делу удушения любых форм гражданского самовыражения и политического протеста?

Как и следовало ожидать, без трений тут было не обойтись. Независимость суда и заказ на политические репрессии довольно быстро показали определенную несовместимость. Первым звонком был знаменитый процесс 193-х. С 1873 года власти произвели около 6000 арестов участников так называемого «хождения в народ». Вскоре выяснилось, что хоть какие-то основания для возбуждения судебного следствия имеются лишь против 770 арестованных, и всех остальных пришлось потихоньку выпустить. Следствие тянулось более трех лет, и за это время 59 человек умерли и покончили с собой, а 38 сошли с ума (условия содержания в следственной тюрьме были ужасными). Из оставшихся 480 человек следствие признало невиновными и отпустило, а 193 человека были преданы суду. Суд приговорил к различным наказаниям 94 подсудимых, а 99 признал невиновными. Итого, из 6000 первично арестованных к наказанию было присуждено около 1.5%. Выводы были сделаны немедленно: для массовых репрессий судебное следствие и судебная система не годятся вовсе.

В течение последующих 28 лет начала революции 1905–1907 годов, когда и вправду стали происходить ужасающие события с сотнями виновных лиц (вроде восстания на «Потемкине»), режим более не пытался использовать судебную систему для репрессирования, грубо говоря, многих сотен и тысяч

инакомыслящих. Вместо этого власть стала широко применять так называемые административные наказания — высылку и ссылку. Первое (запрещение жить в определенной губернии, до 3 лет), накладывалось губернаторами, второе (направление на жительство в определенный населенный пункт, часто весьма отдаленный, до 5 лет) — совещанием трех министров. Объем этих внесудебных репрессий был большим — до 10–12 тыс. человек в ссылке в худшие годы, а сами они носили явно неправовой характер и часто падали на совершенно невиновных лиц; так как наказанному не объявлялась его вина, невозможным было и оправдание, а это лишало возможности защитить себя даже тех, кто стал жертвой явной ошибки (например, был перепутан с однофамильцем). Но, в любом случае, эта возмутительная практика проходила мимо судебной системы, не бросала тень на суд, не развращала судей.

Вторым известным неприятным инцидентом был процесс Веры Засулич (1878 год). Так как Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова в видах личной неприязни, дело попало в общеуголовный суд, заседавший с присяжными. Присяжные же той эпохи неизменно признавали невиновными не только тех лиц, которых они действительно считали невиновными, но и тех, кого они считали незаслуживающими тяжелого наказания. Так как Засулич была симпатичной молодой женщиной и действовала без корысти, из идеалистических соображений, коллегия присяжных не посчитала возможным вынести обвинительный вердикт, за которым неизбежно последовало бы 15 лет каторги.

Так правительство поняло, что суд присяжных нельзя подпускать к суждению политических преступников ни при каких обстоятельствах. Закон изменили, и в дальнейшем все возможные варианты политических преступлений были судимы только коронным судом либо судом с участием сословных представителей — предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины, включенных непосредственно в состав суда. Вели себя эти представители робко, на манер советских народных заседателей, и постановления такого суда обычно не отличались от тех, которые бы вынес бы чисто коронный суд.

С момента разгрома «Народной воли» и до начала революции 1905 года суды более не использовались для преследования инакомыслящих, их отправляли в административную ссылку во внесудебном порядке; под суд попадали лишь те, кто подготавливал либо совершал насилие (например, террористическая группа, членом которой был Александр Ульянов). Поскольку эти лица были вполне виновны и с точки зрения обычного уголовного права, приговоры судов не вызывали сомнений ни у самих судей, ни у публики, ни у подсудимых; некоторое количество незадачливых подсудимых, попавших под раздачу ошибочно, суды оправдывали. Во всяком случае, многочисленные воспоминания политических каторжных той эпохи не содержат сведений о том, чтобы на каторгу попадали случайные люди, не совершавшие тех деяний, за которые они были наказаны.

Революция 1905 года разрушила установившийся порядок борьбы с инакомыслием. Страна была захлестнута волной насилия, причем с той особенностью, что насилие революционное плавно переходило в уголовное, маскировавшееся под революционное, а затем и в чисто уголовное. По многим уголовным делам (типа матросского восстания в Кронштадте) подследственные считались сотнями. Для того, чтобы утратить, надо было судить быстро, и правительство выдвинуло на первый план военные суды. В местностях, объявленных на исключительном положении (а в 1905–1907 таковыми были все губернии России), губернаторы имели право предавать военному суду любых подследственных. Свод военных постановлений имел особые статьи для ходовых уголовных преступлений (от кражи до убийства), по которым наказания были существенно более тяжелыми, чем в общегражданском Уложении о наказаниях; там, где отдельных статей в военно–уголовном праве не было, суд судил по общегражданским законам, но быстрее и короче (в любом случае, подсудимые имели право на гражданского адвоката и апелляцию). Там же, где губернии объявлялись на военном положении, военный суд судил по совсем свирепым законам военного времени. На восемь самых критичных месяцев был введен и ранее не существовавший военно–полевой суд; он

действовал по тем же законам, что и профессиональный военный суд, но с неподготовленными судьями из полковых офицеров, и действовал с дикой скоростью, что уменьшало возможность обвиняемым найти доказательства в свою пользу.

Как ни странно, массовые оправдания подсудимых имели место и в этих свирепых судах. Да, военные суды, например, были склонны квалифицировать некоторые неоконченные деяния (член революционной партии + дома найдено оружие) как приготовление к убийству, и не слушали оправданий. Но, в то же время, судьи осознавали, что в революционной суматохе жандармерия и следствие неизбежно перепутали массу подозреваемых, изловили однофамильцев вместо реальных революционеров, свидетели, забывшие внешность преступников, опознали не тех лиц и т.п. Не обращая внимания на аргументы "я не хотел никого убивать", суды при этом внимательно выслушивали аргументы "меня перепутали с другим человеком", не желая наказывать реально законопослушных лиц.

Когда же суды (особенно по военным мятежам) слушали дела со многими сотнями подсудимых, и разобраться в поступках каждого уже не было времени и возможности, судьи поступали еще проще. Они, исходя из общего представления о событиях, предполагали, что четверть или пятая часть подсудимых реально не делала ничего дурного, и, пока главари убивали офицеров, пряталась где-нибудь в каптерке. После этого судьи просто отбирали часть подсудимых, которые реже упоминались в свидетельских показаниях и ни в чем не признались, и их оправдывали.

Если пытаться найти какую-то систему, то видно, что суды охотно судили тех, кто прибегал к насилию (то есть тех, чьи деяния более или менее совпадали с общеуголовными преступлениями), совсем неохотно тех, кто что-то неправильное думал (так неохотно, что правительство предпочитало таких людей ссылать, а не судить), людей же просто невиновных судьи вообще не были готовы признавать виновными, даже если такой оборот дело и был весьма желаемым властями.

И, в любом случае, судьи не слушали распоряжений, исходящих от власти. Если они и осуждали подсудимых, то только

потому, что те действительно совершали инкриминируемые деяния, и эти деяния действительно признавались законом за преступления. Никакие дела "Ив Роше" и пятилетние сроки за кидание лимоном в полицейского внутри этой системы были невозможны.

А что с неполитическими делами? Ну, например, какое-то лицо с правительственными связями судится с простым человеком, получит ли оно преимущество в суде? Нет, такой проблемы после 1864 года не существовало, эта тема просто не обсуждалась, так как обсуждать было нечего. В гражданском суде права всех были строго равными. Не было проблем и с осуждением привилегированных лиц, совершивших общеуголовные преступления, более того, высокое звание и общественное положение преступника было отягчающим обстоятельством, увеличивающим наказание; реальная судебная практика этому соответствовала. Как это равенство, о котором мы так мечтаем сегодня, было достигнуто, люди того времени не знали. Получилось, и слава богу.

Выводы: Царизм уже в 1864 году создал судебную систему, которая разбиралась с инакомыслием и политическим протестом самостоятельно, строго по закону (а при явных несообразностях закона — и ощутимо мягче, чем закон требовал), не реагировала на политическое давление, неизменно оправдывала тех лиц, которые по убеждению судей оказывались невиновными. В гражданских же и общеуголовных делах любые формы административного влияния на суд или привилегии для высокопоставленных истцов и обвиняемых были просто невозможны.

Такая судебная система не могла удовлетворить запрос режима на политические репрессии, в связи с чем параллельно с ней пришлось применять внесудебные, административные наказания, накладываемые до крайности произвольно. В результате общий уровень репрессивности режима остался высоким, но суд эта беда обошла стороной, и он мог работать на весьма удовлетворительном юридическом уровне, с сохранением самостоятельности и независимости.

Александр III и полковник–огнепоклонник

В 1890–х годах в штабе Кавказского военного округа служил полковник генерального штаба Рихард Альфредович Шлейснер, человек уже пожилой. Шлейснер отличался тем, что имел изумительно неопрятный и грязный вид, несоответствующий его положению и званию; всегда растрепанный и помятый, Шлейснер казался среди коллег каким–то ископаемым. Но именно это его качество неожиданным образом сослужило службу отечеству.

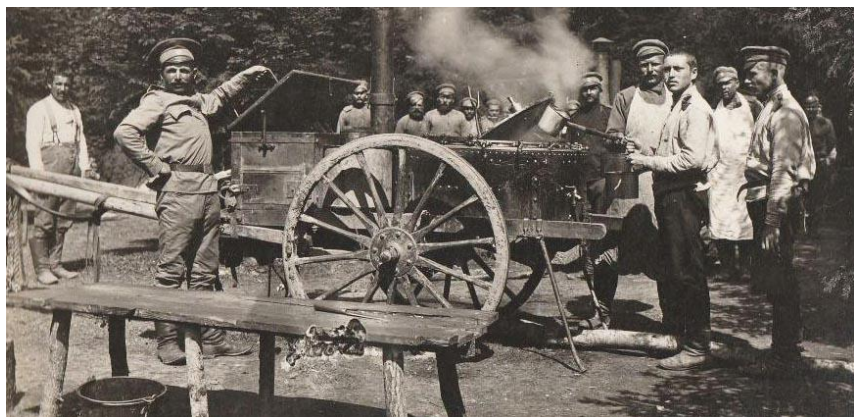
Посещавший Тифлис император Александр III внезапно выразил желание увидеть живых огнепоклонников (то есть зороастрийцев), которые, как он узнал, проживают на Кавказе. Огнепоклонники действительно жили в небольшом количестве в какой–то кавказской глуши и отличались полной издичалостью. Из их числа были отобраны пятеро наиболее уважаемых старцев, которых и отправили в Тифлис. По дороге один из старцев помер. Возник вопрос, что же делать, если император спросит, почему ему обещали привезти пятерых огнепоклонников, а привезли четверых. Врать государю не годится, а если сказать правду, то император может опечалиться, посчитав себя причиной смерти старика.

Положение спас начальник штаба военного округа, предложивший прибавить к четверым старцам–огнепоклонникам полковника Шлейснера, переодетого соответствующим образом. Полковник настолько органично выглядел в роли дикого горного старца, что обратил на себя особенное внимание государя.

О чем эта история, которую я извлек из мемуаров генерала Лукомского? Разумеется, о том, что все люди, имевшие дело с Александром III, как знакомые с ним лично, так и незнакомые, были твердо уверены в наличии у царя обыкновенной совестливости и эмпатии. Никому не приходило в голову, что государственная деятельность по умолчанию несовместима с бытовыми проявлениями человечности. Это, без всяких шуток, была Россия, которую мы потеряли. Буду рад, если мне пришлют хоть одну историю, характеризующую наших нынешних

властителей как живых людей с естественными позитивными качествами личности.

Бесхвостая лошадь вахмистра Аникеева

Этот пост рассказывает о том, как была устроена дисциплинарная система в послереформенной (призывной) царской армии. Весь пост сделан по книге А.Анисимова «Воинский устав о наказаниях, разъясненный мотивами, на которых он основан, и решениями Главного Военного Суда». Книга, являющаяся комментарием к закону и сборником судебных прецедентов, содержит в себе несколько сот кратких и жутких историй, приключившихся с нашими предками, и, благодаря многочисленным цитатам, содержащим оскорбления, которыми солдаты награждали офицеров, позволяет нам услышать голос простого человека, умершего сто лет назад и не оставившего на земле иных следов.

Как была устроена система наказаний в армии

Одновременно с рекрутчиной (то есть в начале 1870–х) в русской армии настал конец и ужасным телесным наказаниям. Теперь дисциплина поддерживалась таким способом, который на первый взгляд казался цивилизованным. Наказания для военнослужащих разделялись на две группы: *дисциплинарные* и *уголовные*.

Дисциплинарные наказания накладывались начальником, без особых церемоний, самым тяжким из них был месячный арест в

карцере / 20 суток строгого ареста (на хлебе и воде) / 8 суток усиленного ареста (в темном карцере). Дисциплинарные наказания налагались за все вообще маловажные проступки, нарушение общественного порядка и благочиния — то есть за что угодно по усмотрению начальства, и обжаловать их было нельзя.

С уголовными наказаниями всё было сложнее. Уголовные проступки и преступления рассматривались судом, который не сильно отличался от гражданского. Предусматривалось и предварительное следствие, и поддержание обвинения прокурором, и представление подсудимому бесплатного защитника, на приговоры можно было приносить апелляцию. Для нетяжких преступлений собирали временный полковой суд, в котором все эти роли выполняли полковые офицеры, назначенные *ad hoc*, а первой инстанцией для тяжких преступлений и апелляционным судом был окружной военный суд, в котором работали профессиональные военные юристы, закончившие особую академию. Кассационные жалобы рассматривал Главный военный суд. Специфическими наказаниями для военных были одиночное заключение в военной тюрьме (от 1 до 4 месяцев) и отдача в дисциплинарный батальон (от 2 до 3 лет); наказания были равными по тяжести и зачитывались друг за друга день за день. Интересно, что разрыв по срокам не был заполнен — не получил 4 месяца, сразу получай 2 года. Каторга (от 4 лет) была общая с гражданскими.

Теперь расскажем о наиболее распространенных злодеяниях военнотружущих и наказаниях за них.

Солдат не оказал уважения

Самым массовым военным преступлением было **неоказание с намерением начальнику должного уважения или неприличное с ним обращение** (ст. 95). За это злодеяние, совершенное нижним чином по отношению к офицеру, полагалось от одного до четырех месяцев одиночного заключения в военной тюрьме. Военная юстиция довела расширительное толкование этой статьи до такого состояния, что под нее можно было подвести (это, кстати, официальный термин судебного языка той эпохи) всё, что угодно. В частности, уже ответ начальнику в повышенном

тоне, при уставном и вежливом содержании речи, был достаточен для приговора. Вот еще примеры:

— солдат, наказываемый за что-то офицером, спокойно и без намерения оскорбить (что признавал суд) заметил «охота вам, Ваше благородие, кровь христианскую пить»;

— солдат во время учебных занятий сказал начальнику «вы меня мучите, тираните своим учением, мне приходится либо бежать, либо повеситься»;

— писарь в канцелярии писал личное письмо; делопроизводитель потребовал показать бумагу, на что писарь сказал: «это мой секрет, касающийся собственно меня» и прикрыл письмо руками;

— офицер спросил своего денщика, желает ли тот служить у него денщиком, на что тот ответил, что не желает, а желает служить во фронте (видимо, единственный возможный ответ на такой вопрос, не составляющий преступления был «рад стараться, ваше высокоблагородие»).

Солдат оскорбил чувства

Значительно более серьезным преступлением было **оскорбление начальника** (ст. 97). Если нижний чин, оскорблял офицера при исполнении служебных обязанностей, ему давали от двух до трех лет дисциплинарного батальона. В принципе, суды подводили под эту статью любой случай, когда нижний чин обратился к офицеру на ты. Другие оскорбления бывали вот такие:

— рядовой, получив от офицера замечание за неотдание чести, отошел и с раздражением плюнул в сторону;

— рядовой, арестованный за что-то офицером, сказал ему: «капитан, вы ответите за мое арестование, отведите меня к подполковнику»;

— рядовой заспорил с врачом военного госпиталя по поводу того, что его выписали в часть слишком рано, и для выражения неодобрения показал врачу детородный член;

— унтер-офицер, объясняясь с поручиком, размахивал руками и неумышленно толкнул его в грудь;

— унтер-офицер подошел к стоявшему в строю рядовому и желал поправить его шинель, но тот без умысла к насилию отвел его руку.

А вот как выглядело **неповиновение** (ст. 105), за которое также давали от двух до трех лет военно-исправительных рот:

— во время суда по другому преступлению обвиняемый солдат на вопрос судьи о виновности ответил, что служить не желает и судиться не хочет (разумеется, 2–3 года за такое высказывание добавили к его сроку по первому обвинению);

— солдат, несмотря на неоднократные приказания начальника стоять смирно, продолжал делать движения;

— один солдат взялся сшить другому сапоги; возник конфликт и солдат-заказчик пожаловался фельдфебелю, фельдфебель велел отдать сапоги заказчику, на что первый солдат заявил, что сапог не отдаст, пока ему не заплатят уговоренные деньги (подчеркиваем, что речь идет о частных, внеслужебных отношениях солдат);

— солдаты, будучи недовольны назначением ротного командира, не ответили на его приветствие.

Солдат полез в драку

И наконец, самое ужасное наказание ждало тех, кого обвинили в **нанесении начальнику удара, поднятию на него руки или оружия, а также в любого рода насильственном или крайне дерзком действии** (ст. 105). Наказанием таким преступникам была каторга от двенадцати лет до бессрочной (опять же, если преступление совершалось против офицера при исполнении).

Вот в чем такие злодейства выражались на практике:

— рядовой оттолкнул фельдфебеля, который хотел удержать его от входа в казарму (рядовому повезло, что он оттолкнул фельдфебеля, а не офицера, ему досталось не от 12, а от 4 до 6 лет каторги);

— рядовой умышленно и неоднократно наступал на ноги начальнику.

Что именно защищал закон

Закон, несмотря на все декорации, на самом деле подчеркивал, что он защищает не столько воинскую дисциплину в целом, сколько офицеров от солдат. Одни и те же преступления (например, побои), если они совершены нижним чином по отношению к офицеру, наказывались свирепо (как то описано выше), нижним чином по отношению к старшему нижнему чину — заметно мягче, офицером по отношению к старшему офицеру — еще мягче, а уж офицером по отношению к нижнему чину — совсем мягко. Да и сами наказания для офицеров и солдат на самом деле были разными: арест для офицера был просто домашним арестом, а для солдата сидением в карцере и спаньем на голых нарах; там, где солдата отправляли в исправительные роты, офицера просто увольняли со службы, и т.п.

В теории, на каждом смотре отводилось время для подачи нижними чинами жалоб. Офицеры должны были отойти от строя, и желающие могли заявить жалобу начальнику напрямую, минуя промежуточных командиров. Но все знали, что на самом деле пожаловавшийся только навлечет на себя неприятности, а жалоба, скорее всего, кончится ничем. Жалобы на избиения, оскорбления и т.п. неизменно заминались, единственное, с чем начальство могло помочь разобраться — это совсем уж наглое раскрадывание офицерами частных средств солдат.

Военные юристы тешили себя тем, что они служат закону, пусть и очень суровому. Они пытались сформировать юридически состоятельную судебную практику, создать прецеденты, заполняющие неясности закона. Военные суды, очень расширительно трактовавшие закон, при этом внимательно рассматривали те случаи, когда обвиняемые заявляли об отсутствии события преступления, имели алиби и т.п. В военных судах было 8–10% оправдательных приговоров (а в гражданских — до 40%), для современной российской судебной системы это невероятно высокий уровень.

Но, увы, нижние чины не умели оценить эти усилия. Им просто казалось, что они попали в ад. Правоприменение, за которым, в принципе, стояли состоятельные юридические соображения, в том виде, в котором оно доходило до солдат, в их

глазах было просто садистским издевательством. Уголовные наказания за простое проявление эмоций, за выражение нейтральных мнений перед начальником, за попытку прикрыться, когда тебя избивают (незаконно избивают!) — всё это расходилось с представлением простого человека о рациональном устройстве сообщества людей и элементарной справедливости.

Простые вопросы начальника — типа «тебе понравились щи?» — вызывали у солдата ужас; он подозревал (не без основания) что за ответ вроде «щи слишком соленые» он может угодить в тюрьму. Солдаты, плохо приноровившиеся к армейской жизни, часто столь сильно паниковали, что просто не отвечали ни на какие вопросы старших офицеров (кстати, за это тоже можно было угодить в карцер) или бессмысленно лопотали «рад стараться, Ваше Благородие».

Последствия такой дисциплинарной системы были весьма обширными. Важнейшее из них — полная потеря контакта между солдатами и офицерами в тех частях, где начальство было настроено на установление строгой уставной дисциплины. Вторая проблема — распространенность рукоприкладства. Ситуация, в которой рукоприкладство запрещено, но законные наказания чрезмерно жестоки, приводила к тому, что провинившихся негласно били взамен законного наказания с их невольного согласия — избивение представлялось нижнему чину лучшей альтернативной отдачи на три года в дисциплинарный батальон, а это давало гарантию, что избитый не пожалуется. И то, и другое внесло существенный вклад в критическое снижение боеспособности армии, приведшее к ее поражению в Русско-японской войне и к неудачам в Первой мировой, а затем и к революции.

Бесхвостая лошадь

А причем тут бесхвостая лошадь? Русский человек изобретателен и догадлив. Военные юристы строили систему, в которой под статьи Устава о наказаниях можно было подвести всё что угодно, а солдаты тем временем искали, с большой опасностью для себя, дыры в этой системе. Что бы такое сделать, чтобы уязвить начальство и не попасть под суд? В 1883 году двое безымянных

кавалеристов наткнулись, наконец, на такую дыру. Рассорившись с вахмистром, они, с целью причинить ему неприятность, отрезали хвост у его лошади. Дело слушалось в трех инстанциях, и наконец Главный военный суд постановил, что их поступок, пусть и непохвальный, не находит себе соответствующих определений в уголовных законах, что освобождает их от ответственности.

Бороться и искать, найти и не сдаваться.

История гамбургского счёта

Выражение **гамбургский счёт** введено в русский литературный язык Виктором Шкловским, выпустившим в 1928 году одноименный сборник рассказов. Прочитируем Шкловского:

Гамбургский счёт — чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренёра.

Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы.

Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах.

Долго, некрасиво и тяжело.

Здесь устанавливаются истинные классы борцов, — чтобы не исхалтуриться.

Гамбургский счёт необходим в литературе.

Выражение зацепилось и осталось в русской литературной речи. Мало кто сегодня читает Шкловского, но образованные люди используют придуманную им идиому и в наше время, часто уже и не догадываясь о ее происхождении.

Объяснение Шкловского — это просто изящная литературная фантазия.

На самом деле, *гамбургский счет*, или гамбургский способ — специальная банковская методика расчета, применявшаяся в эпоху, когда финансовые вычисления проводились вручную и были, соответственно, очень трудоемкими. Гамбургский счет позволял получить сальдо расчетов при взаимном кредитовании, например, рассчитать проценты при наличии у двух банков ежедневно изменяющихся сумм на счетах «лоро» и «ностро», открытых друг у друга.

Гамбургский счет — единственный точный, но в то же время и самый трудоемкий метод расчета. На практике чаще применяли прогрессивный и регрессивный методы, значительно более простые и быстрые, но дававшие незначительные отклонения от математически точного результата.

По всей видимости, Шкловский знал правильное переносное значение данного выражения (наверное, от знакомых бухгалтеров или бизнесменов), но не имел понятия об его происхождении. Чтобы донести до читателей значение малознакомой им идиомы, он и выдумал занимательную историю про борцов.

P.S. Еще одно объяснение, появившееся в комментариях — счет серебряных талеров по условному банковскому талеру Гамбургского банка. Напомним, что Германия до второй половины 19 века — конгломерат из огромного количества независимых государств. В каждом из них своя металлическая валюта ходит по номиналу, а вот чужая рассматривается (если монет много) как слиток. В реальной жизни монеты несколько стерты, и большая их партия на вес всегда будет стоить дешевле, чем по номиналу. Но гамбургский условный талер как раз учитывает этот изъян. По гамбургскому счету на счет купца зачисляется приблизительно столько талеров, сколько от него получено монет.

Миф о том, как большевики устроили разруху, и его опровержение. Часть 1. Царизм и Временное правительство

Недавно я прочитал короткий, автор которого как пылесосом сумел собрать все неверные представления о событиях в России от начала Первой мировой войны до начала Второй. Этот пост заинтересовал меня, так как именно с данным набором неверных взглядов я сталкивался многократно, и я решил написать развернутый комментарий. Как всегда, разумный и обоснованный ответ получился в десять раз обширнее первичных ошибочных тезисов. И все равно не влезли цифры и ссылки на источники. Вы спрашиваете, я отвечу в комментариях.

Исходный текст:

Начнем с того, что большевики страну в разрухе не приняли, а сначала ее туда ввергли. У царской России было полным-полно заводов, она выпускала паровозы, пушки, автомобили, линкоры, готовилась запустить первую электричку... Куда все это делось? Большевистская хунта, пришедшая к власти в результате путча, ввергла страну в гражданскую войну. Результатом которой и стала полная разруха. Начав с преступления, большевики потом с этой кровавой дорожки и не сходили. Но, может быть, все-таки, разрушив страну до основания, они ее потом восстановили — проведя ту самую индустриализацию? Конечно, нет. Ну, какую индустриализацию могут провести палачи, если для этого нужны специалисты, сами подумайте? Индустриализацию проводили не большевики. Они ее просто купили — на царское золото и в обмен на отнятый у крестьян хлеб. А поскольку бесплатно заставить вкалывать можно только рабов, крестьян в них и превратили, вернувшись к крепостному строю, который мы знаем как колхозный.

Всё это до такой степени неверно, что заслуживает обсуждения.

Комментарий к мифу, часть 1. Как упала экономика России, 1914–1917

Царская Россия была страной с чрезвычайно низким (по европейским меркам) душевым ВВП, умеренными (но приличными) темпами роста экономики в целом и быстрым темпом роста промышленного сектора. Рост промышленности происходил с низкой базы, и если относительный темп роста впечатлял, то в абсолютных цифрах он выглядел скромно. Основная проблема российской промышленности заключалась в том, что она не смогла развить международную конкурентоспособность и существовала лишь благодаря высокому таможенному барьеру. Протекционизм в классической форме — создать стимулы для создания и начального роста своей промышленности, а затем, когда она вырастет и укрепитя, убрать уже ненужные барьеры — в России не состоялся, в отличие от Германии, которая и была изначально принята за образец.

Апологеты царской России неизменно забывают указать, что приводимые ими высокие цифры роста — секторальные, страна же в целом продолжала находиться в экономическом сне, три четверти населения было занято в чрезвычайно отсталом (сравнивать с другими странами надо не урожайность, а производительность труда) сельском хозяйстве.

Начало 20 века считается первой эпохой глобализации, это время свободного межстранового движения капитала, изобилия прямых зарубежных инвестиций в развивающиеся страны, трансферта технологий, интенсивной международной торговли. Всё это, вкуче с высокими ввозными пошлинами, создавало предпосылки к локализации тех или иных производств в низкоразвитых странах. Как результат, старая Россия много чего умела делать сама (но, разумеется, не электрички и не автомобили в большой серии) — но, повторим, все отечественные изделия были не слишком хороши и изрядно дороги.

Россия 1913 года была развивающейся страной (спасибо свободному рынку и дешевому государству), но отнюдь не самой перспективной развивающейся страной в мире. На той дальности, на которой тогда можно было делать прогнозы — а это максимум 15 лет, тогда мировая экономика работала по схеме «бум–рецессия» — место России в мире измениться не могло, и в ряд развитых европейских государств она не вставала.

Куда это делось? Первая мировая война, революция и Гражданская война не смогли существенно повредить инфраструктуру и промышленные активы России. Мировая война шла почти полностью вне территории будущего СССР, скромные, преимущественно полевые сражения Гражданской войны не произвели больших разрушений. Никто не бомбил городов, не уничтожал заводы — никакого сравнения между СССР в 1921 году и Германией в 1945 году быть не может. Крах российской экономики (падение душевого ВВП в 1921 году против 1913 составило около 40%) был, несомненно, экономическим кризисом, а не результатом физического уничтожения активов.

Людам, воспитанным на классической нарративной истории с типичной для нее нарезкой на «периоды», трудно бывает понять, что экономика функционирует непрерывно, а некоторые ее участники (растения, животные) и вовсе не замечают происходящих революций. Соответственно, эти люди склонны объяснять результаты долговременных экономических процессов революциями. Пришли большевики, и сделалась разруха. Но, хотя это и кажется на первый взгляд парадоксальным, на графике ВВП России революций не видно.

Что же там видно? Видна классическая последовательность *бум–крах–восстановление*. Бум начинается сразу же после начала войны и продолжается до середины 1916 года. Государство, ранее контролировавшее не более 2 млн человек и 15% ВВП, начинает распоряжаться как минимум 20 млн человек и 60% ВВП. Заемные деньги льются через казну рекой — расходы бюджета в 1916 году равны практически всему ВВП России в 1913 году. Ответом становится инвестиционная горячка. Разумеется, все инвестиции в столь истерическом режиме приводят к неоптимальному распределению средств. Вся структура экономики разбалансируется, начинается непрерывно убыстряющаяся инфляция, потребление домохозяйств падает, и сложная система мотиваций, которой руководились участники экономики ранее, заменяется стремлением получить военный заказ, а там хоть трава не расти.

С лета 1916 года все экономические показатели начинают идти вниз. Но правительство и предприниматели этого не

замечают — деньги продолжают литься рекой, по всей стране строятся новые заводы, новые и новые люди приходят из деревень в стремительно растущие города и становятся рабочими — но делают они не товары, запрошенные рынком, а какие-нибудь снаряды, которыми никогда не выстрелят. А тем времен разбалансировка экономики доходит до инфраструктуры, без которой невозможны не только рост, но и просто нормальное функционирование — начинаются топливный кризис, продовольственный кризис и транспортный кризис. Если объяснить дело грубо, то в железнодорожных мастерских начинают делать снаряды, паровозы ломаются, а оставшиеся паровозы уже не успевают привезти уголь (который этим же паровозам и нужен) и хлеб (который должны есть железнодорожники), так как они заняты бессмысленной перевозкой солдат из точки А в точку Б и обратно, и в результате вся система останавливается.

Политическая система не выдерживает повышения ставок, все грызутся между собою, и последние остатки политической стабильности (довольно сомнительной и прежде) исчезают. До народа тем временем доходит, что он стремительно беднеет. Политическая дестабилизация и раздражение масс приводят к падению самодержавия. И вот тут происходит удивительное событие — Временное правительство, сформированное (во всех составах) из наиболее ярких, порядочных и прогрессивных представителей политического класса, оказывается тотально недееспособным. Министры, занятые составлением пышных деклараций и чтением торжественных речей, игнорируют реальные проблемы и пытаются одновременно прислуживать всем политическим, социальным и экономическим силам, имевшим волю заявить свои требования, даже если их интересы несовместимы и противоположны. Рабочих вознаграждают 8-часовым рабочим днем, фантастическим увеличением заработной платы и массой социальных льгот, возлагаемых на предпринимателей. Крестьянам разрешают разграбить помещичьи хозяйства. Солдатам разрешают не воевать, не слушаться офицеров и разбежаться с фронта. Предпринимателям, в утешение, раздают жирные казенные заказы на всякие

ненужности; так как все уже догадались, что ничем хорошим дело не кончится, предпринимательство вырождается в получение авансов от казны. Как легко догадаться, единственным способом щедро наделить и тех, и этих является неограниченное печатание новых денег, курс которых постепенно приближается к цене бумаги. При этом огромные массы людей продолжают участвовать в абсурдных проектах — строят заведомо ненужные железные дороги из никуда в никуда, оборонные заводы, которые заведомо не будут окончены к завершению войны, и всем им нужно как-то платить.

Как результат, осенью 1917 года начинается экономический коллапс. Предприниматели убеждаются, что их бизнес не стоит ничего — нет топлива, железная дорога остановилась, рабочие готовы работать три часа в день и непрерывно требуют прибавки, деньги обесцениваются на глазах — и просто уезжают, бросая предприятия. Банкиры, при развитых темпах инфляции, не понимают, зачем им их банки. Но, самое главное, оборонная экономика окончательно душит производство потребительских товаров. А ведь крестьяне продают продовольствие горожанам лишь затем, чтобы купить эти товары. Как только они поймут, что денег дают много, но купить на них нечего, они просто перегонят свое зерно на самогон, а на следующий год сократят посевы. Всем понятно, что скоро раздувшиеся города начнут голодать и замерзать (лес-то рубят тоже для того, чтобы купить на выручку товары, которых более нет). А на фронте без всякого дела (военные действия практически остановились) сидят миллионы солдат, которые понимают, что осенью мужики в их деревне начнут делить землю, отнятую у частных собственников; и тех, кто зазевался и не явился к переделу, обманут.

И в этих критических условиях происходит Октябрьский переворот, который не только не являлся революцией, но даже с трудом заслуживал названия переворота: Временное правительство под конец впало в такое уныние и бездействие, что оно, скорее, не было свергнуто, а само засохло и отвалилось. Перед большевиками разворачивался крах в его полном развитии, и им предстояло пройти нижнюю точку этого краха и приступить к восстановлению.

Пришедшие к власти большевики понимали, как следует удерживать политическую власть, а вот экономической программы у них не было. Точнее была, программа-минимум РСДРП 1912 года. Это была умеренная и уважаемая социал-демократическая программа. Она предусматривала сохранение рыночной экономики и частной собственности, но с более широким вмешательством государства: принудительная синдикализация и регулируемые тарифы в ключевых отраслях, борьба с монополиями, более высокие налоги, прогрессивный подоходный налог, развитый социальный сектор, восьмичасовой рабочий день, смещение сил в рабочей борьбе на сторону рабочих. К тому, во что превратилась экономика России к ноябрю 1917 года, эта программа отношения более не имела. Новому правительству надо было импровизировать.

Миф о том, как большевики устроили разруху, и его опровержение. Часть 2. Первые полгода Советской власти

Итак, экономика России досталась большевистскому правительству в состоянии, близком к коллапсу. Экономической концепции, хоть как-то относящейся к создавшейся ситуации, у РСДРП не было. Зато был определенный комплекс обязательств перед своей группой поддержки, индустриальными рабочими. Обязательства частично были твердыми — восьмичасовой рабочий день, а частично неопределенными — надо было как-то прижать капиталистов и продемонстрировать рабочим, что теперь они стали привилегированной группой. С крестьянами же дело складывалось плохо — всё, что партия обещала им ранее, то есть отнятие земли у частных собственников, они уже забрали сами летом 1917 года.

В традиционных мифологизированных представлениях правительство большевиков начало железной рукой устраивать военный коммунизм, за чем последовала разруха, из которой удалось выйти за счет перехода к НЭПу. Но действительность была устроена сложнее. На мой взгляд, у большевистского руководства мы можем видеть три последовательно сменявших друг друга группы идей, которые мы условно назовем «линией экономического розового единорога», «троцкистской линией» и «линией робкого госкапитализма». Эти три комплекса имели между собой очень сильные различия, куда более сильные, чем весь спектр экономических идей, обсуждавшихся в старой России или в современных странах. Только невнимательность, столетняя дистанция и выход в ту эпоху на первый план военно-политических событий приводят к тому, что мы сегодня ошибочно воспринимаем большевизм как единую силу, действовавшую по единому и заранее составленному плану.

Линия экономического розового единорога — это наследник линии политического розового единорога, идеологии первого состава Временного правительства. Поклонники розового единорога верят, что сам факт появления единорога (то есть того

или иного института) постепенно волшебным образом преобразует действительность; при этом они обычно забывают исполнять возложенные на них ключевые государственные обязанности. Князь Львов, первый премьер Временного правительства, бездействовал и надеялся, что самый факт падения царизма совершенно достаточен для того, чтобы положение России улучшилось. Как-нибудь. Само собой. Постепенно. Поведение лидеров экономического блока Советского правительства — Осинского, Ларина — в первые полгода Советской власти было приблизительно таким же. Страна падала в пропасть, а они тем временем свели свою деятельность к минимуму противоаварийных мероприятий, надеясь на то, что сам факт падения капиталистического строя как-нибудь приведет к экономическому росту.

Чтобы понять, как представлялся своим адептам розовый единорог, надо вспомнить, что обещали рабочим расхожие социалистические брошюры весной 1917 года. Рабочий контроль над предприятиями (напоминаю, что единое плановое хозяйство и отмена частной собственности на бизнесы не подразумевались), синдикализация, регулирование цен, высокий налог на прибыль предприятий и прогрессивный подоходный налог должны были произвести чудеса. Рабочий день сокращался до 8 часов (то есть где-то на 20%) без падения заработной платы. Рабочие получали массу невиданных ранее социальных сервисов — полностью бесплатное образование на всех этапах, хорошую медицину. Но главное, появлялась чудесная пенсия по старости — она была равна заработной плате, а на пенсию можно было выходить в 45 лет (кому нужно так много рабочих, когда производительность труда чудесно повысилась). Последующие годы рабочие должны были проводить в самообразовании, личностном совершенствовании и развлечениях. Грубо говоря, социалистические экономисты обещали публике где-то 20% годового экономического роста в год в течение 10 лет подряд без привлечения под этот рост инвестиций. Комментировать тут нечего, но надо заметить, что многие верили во всё это искренне.

Экономическая политика первых 6 месяцев Советской власти, имевшая подкладкой веру в подобного рода басни, представляла

собой странное совмещение малосвязных противаварийных мер и вялого бездействия, демонстрировавшее прежде всего отсутствие связной концепции и плана необходимых мероприятий. Все смешалось в кучу. Основная лидерская группа большевиков сосредоточилась на завоевании политической власти и демонтаже демократии (вот это получалось у них хорошо), в то время как заведовавшие экономическим блоком поклонники розового единорога продолжали верить, вопреки всем наблюдаемым фактам, в свою лабуду.

С одной стороны, продрозверстка, начатая еще царским правительством (но без успеха) в руках более крутоватых большевиков стала расширяться. Банки, отказавшиеся сотрудничать с новым правительством, были быстро национализированы — а это значило, что новая власть получила огромное количество пакетов акций предприятий, ведь крупные банки тогда были еще и инвестиционными фондами. Это была добавка к конфискованным еще при царе немецким предприятиям и многочисленным секвестрам, наложенным на частные оборонные предприятия (например, на Путиловский завод). Кроме того, большевикам приходилось как-то разбираться и с многочисленными брошенными предприятиями, хозяева которых просто сбежали. Так Советская власть оказалась де-факто владельцем большей части акционерных бизнесов, но еще не знала, что с ними делать. Пока что господствовала идея, что рабочий контроль, то есть передача предприятий в руки самих рабочих, сотворит чудеса — но на деле рабочие просто переставали работать, назначали себе огромную зарплату и требовали от властей скомпенсировать возникший дефицит.

С другой стороны, вплоть до лета 1918 года в России оставались и вели дела мультимиллионеры старой эпохи (например, Второв и Стахеевы), явно рассчитывавшие о чем-то договориться с новой властью. Это говорит о том, что старые планы сохранить (при различных ограничениях) частную собственность на бизнесы пока что не были отброшены. Еще весной 1918 года ВСНХ серьезно рассматривал план оставить старых хозяев на крупных предприятиях как топ-менеджеров и миноритарных акционеров. Неакционерный (то есть более

мелкий) бизнес почти полностью оставался частным и кое-как продолжал действовать. Кроме того, урожай 1917 года был вполне приличным (сажали-то еще тогда, когда экономика была рыночной), а запасы потребительских товаров были небольшими, а это неизбежно привело к резкому росту цен на последние — а это, в свою очередь, создало новые стимулы для мелкой торговли (называемой большевиками «спекуляцией»).

Но самой главной проблемой была фактическое прекращение сбора налогов, усиленная эмиссия и гиперинфляция, темпы которой непрерывно нарастали. К зиме 1917/1918 денежное отношение было уже настолько затрудненным, что вопрос о том, кому принадлежат бизнесы, перестал быть принципиальным — ни частный, ни казенный уже не могли нормально действовать в отсутствие жизнеспособного денежного обращения. Как раз в финансовом деле, увы, большевики и показали наибольшую вялость, дорого стоившую стране. Большевики очень быстро остановили военную промышленность и аннулировали военные заказы — как раз это надо было сделать Временному правительству полгода назад — но экономика валилась в пропасть такими темпами, что эта полезная мера уже не дала заметного эффекта.

В целом, весной 1918 года правительство большевиков еще продолжало оцениваться наблюдателями как своего рода продолжение Временного правительства — такое же бестолковое и беспомощное в экономике, но только значительно более жесткое политически. Предприятия останавливались одно за другим, рабочие частично разбежались из городов, частично требовали пайка, государство достаточно робко начинало изъятия у крестьян, но преимущественно пыталось решить свои проблемы за счет эмиссии, продажа крестьянам последних остатков товаров бурно расцветала, натуральный обмен вытеснял денежный.

Впечатление, производимое всем этим хаосом, было резко отрицательным. Трудно было поверить, что так рождается новый мир. Многие были уверены, что большевикам не пережить 1918 год; ожидалось, что когда экономика дойдет до дна, большевизм дискредитирует себя окончательно и уступит место разумному коалиционному правительству, при котором и начнется

возрождение, в каком-то мягком социал-демократическом режиме (типа британских лейбористов). Почти никто не понимал, что старому экономическому строю настал конец. Акции конфискованных большевиками предприятий, царские деньги и облигации продолжали иметь рыночную оценку, а blue chips — даже и кое-какое обращение на европейских биржах (парадоксально, но отдельные бумаги будут продолжать торговаться до 1922 года).

Но к концу весны 1918 года общие надежды на то, что большевики более или менее мирно убудутся об дно, были аннулированы политическими событиями. Мир с Германией, сам по себе необходимый России, резко дестабилизировал внутривнутриполитическую ситуацию. В марте-апреле 1918 года Россия казалась страной, в которой происходит «триумфальное шествие Советской власти», то есть, говоря человеческим языком, кое-какая стабилизация политического режима, создающая потенциал для восстановления хозяйственных связей на всем пространстве государства. Через три-четыре месяца от всего этого не осталось и следа.

Для большевиков были потеряны Украина, Кавказ, и даже Сибирь. Произошли все неприятности, которые могли произойти — и ожидаемые (интервенция, опасность которой большевики резко преувеличивали), и неожиданные (восстание чехословацкого корпуса). Все территории, имевшие хоть какие-то шансы на автономизацию, этими шансами воспользовались. Было очевидно, что и сценарий мирного выхода из кризиса за счет естественного роста в присутствии розового единорога социализма (надежды большевиков), и сценарий мирного выноса большевистского правительства по типу крушения правительства Временного (надежды недоброжелателей большевиков) стали в равной мере нереализуемыми.

Все это привело к уходу партии розового единорога в небытие, из которого она неожиданно возродится через 70 лет (ускорение, кооперативы, выборы директоров на предприятиях). Экономическая власть попала в руки следующей группы лидеров — не менее завиральных, но максимально жестких троцкистов, которые мгновенно переделали экономический строй

в более подходящий (по их мнению) для условий гражданской войны военный коммунизм.

Короткий период раннего большевизма не оставил о себе большой памяти — и официальная советская пропаганда, и писатели, и мемуаристы, и историки всегда больше любили драматический 1919 год. Но, между тем, последствия неожиданной экономической робости первоначальной Советской власти были огромными. В принципе, ничего нового большевики в ноябре 1917 — мае 1918 не сделали: экономика продолжала катиться в пропасть по тем рельсам, на которые ее поставило царское правительство всеми своими действиями с конца 1915 года, и по которым ее затем толкало Временное правительство. Но их бездействие довело дело до такого состояния, что имевшийся выбор сократился до двух вариантов — либо резкое смягчение курса и восстановление за счет оживления свободного рынка (грубо говоря, усиленный НЭП), либо военный коммунизм. Как только от страны отвалился экономически развитый и хлебопроизводящий Юг, как только запахло гражданской войной, вариант остался один — военный коммунизм. Никаких шансов одновременно бороться и пытаться возродить рыночный вариант экономики у большевиков не было (что показал страшный экономический упадок в стане их врагов). Начиналась ужасная эпоха.

Черные кабинеты. Загадка и разгадка

Я не раз посвящал посты историческим загадкам, на которые я сам не знаю ответа. Теперь дошло дело до загадки, на которую я знаю ответ. Посмотрим, справятся ли с отгадкой читатели.

Загадка

Как известно, почта в Российской империи перлюстрировалась (то есть секретно просматривалась). В эпоху Николая II на крупнейших почтамтах действовало 9 так называемых «черных кабинетов». В них работало 80–90 сотрудников, за день читали 3–5 тысяч писем. Отбирались письма сложным образом. Во-первых, существовал список лиц (от 300 до 1000 человек), всю корреспонденцию, обращенную к которым, следовало просматривать. Во-вторых, специальный чиновник просматривал (не открывая) конверты значительно большего количества писем и отбирал подозрительные по интуиции. Учитывался почерк, адрес, имя и титул получателя. Считалось, что опытный сотрудник по одному почерку может точно определить возраст, социальное положение, и даже занятие писавшего.

Из писем делали в день 200–300 выписок, фотографировали их, записывали в журнал, и 20–30 наиболее интересных выписок

отсылали министру внутренних дел. Столыпин, кстати сказать, обожал читать чужие письма. Он следил не только за другими министрами, но даже за собственными братом и шурином, с которыми был дружен. Иногда перлюстрация велась и по заказу других министров. Только три лица считались неприкосновенными: император, премьер-министр и директор Департамента полиции.

Деятельность черных кабинетов была строго секретной. Это приводило к великим хлопотам: на царской почте письма не пропадали, и доставлялись адресатам весьма быстро, так что всякое перлюстрированное письмо надо было не только прочитать в течение нескольких часов, но еще и вложить обратно, так чтобы адресат ничего не заметил, и отправить по адресу. Вскрывали письма над паром, отгибая клапан и наматывая письмо на специальную ось. Получалось аккуратно. Если письма подпольщиков были написаны химикатами, проявлявшимися при нагревании (и их, следовательно, уже нельзя было отправить адресату), специальные каллиграфы, умевшие мгновенно повторять любой почерк, писали их неотличимую копию. Для работы с дипломатическими вализами имелись все печати (чтобы запечатать их обратно), особые специалисты умели раскрывать шифры.

Теперь переходим к загадке.

А почему, собственно говоря, в черных кабинетах читали только письма, и не обращали внимания на телеграммы? С телеграммами, вроде бы, никаких хлопот: содержание известно и открыто, от того, что телеграмму читает другой, ее получение адресатом не задерживается. Между тем нигде в сохранившихся материалах черных кабинетов нет даже малейшего упоминания телеграмм, как будто бы телеграфа вовсе не существует на свете. Одни письма.

У загадки есть строго определенный ответ, который я опубликую завтра. Для отгадки не требуется большого знания реалий эпохи, только сообразительность.

Отгадка

К моему глубокому удовлетворению, читатели постепенно, шаг за шагом, нашли разгадку.

Телеграммы не подвергались перлюстрации потому, что в их потоке было очень много зашифрованной информации, посланной благонамеренными гражданами в невинных целях. Невинные шифровки было невозможно отличить от криминальных, не произведя трудоемкие розыски, а для этого нужны большие ресурсы. Доля шифровок в телеграммах была столь высока, что малочисленная тайная полиция осознавала, что ей незачем даже начинать заниматься этой темой.

Каково было происхождение всего этого потока зашифрованной информации?

Во-первых, шифром была защищена коммерческая тайна. Например, столичные инвестиционные банки и финансовые брокеры обслуживали клиентов, живущих в провинции (реально действующая фондовая биржа была только в Петербурге). Банкиры рассылали рекомендации, клиенты отвечали приказами на покупку и продажу. Была простейшая кодовая таблица, в которой названиям фирм, действиям и цифрам соответствовали условные слова, и телеграмма о том, что акции Русско-Китайского банка рекомендуется срочно продавать, а акции Ленского золотопромышленного товарищества покупать, выглядела на такой манер: «Маргаритки покраснели, советуем срочно посолить стамеску». Очевидно, что зашифрованность такой информации есть условие существования биржевого рынка (особенно работающего на инсайте), иначе телеграфист, читающий переписку миллионера, сам вскоре станет миллионером.

Во-вторых, телеграф был дорогим – 5 копеек слово – и фирмы пытались укоротить коммерческую переписку, ровно тем же способом, что и сохранить тайну, то есть использовали простой код, в котором длинные выражения заменялись одним посторонним словом. Такой код был уже несекретным, и его, бывало писали прямо в буклетах, рассылавшихся дилерам. Сеялка рядная шириной 3 аршина – пиши «сеledка». Из этой же серии советская манера сокращать названия организаций по первым

слогом полного названия – комсомол, наркомпрос. Эти уродские названия есть ни что иное, как продолжение традиции дореволюционных телеграфных адресов; организации с большим потоком входящих телеграмм договаривались с почтовым ведомством о присвоении им телеграфного адреса из одного слова, которое обычно и было слоговым сокращением.

Разумеется, как могли укорачивали телеграммы и частные лица. В ход шло и простое сокращение выражений, типа пропуска предлогов, и замена длинных сообщений на заранее известную адресату тему («вернусь из командировки послезавтра») одним условным словом.

И наконец, незашифрованная деловая информация, особенно если стараешься писать покороче, сама по себе плохо отличима от кода: ««прод. 20 т. изю., 30 т. икр., ден. выс. зав.» Или «разм. шкафа. 300*200*150, 600*590*678».

В общем, получается, что быстрое просматривание такого потока данных ни к чему ни приведет: слишком много телеграмм выглядят загадочными / подозрительными, а трудоемкая попытка разобраться хоть в некоторых сразу же парализует небольшие силы тайной полиции. В результате, Департамент полиции искал ключи не там, где их потеряли, а под фонарем, где хорошо видно, то есть перлюстрировал исключительно почту.

Удивительно, но подпольщики, судя по всему, не догадались, что телеграф является безопасным каналом. Напротив, поверхностная логика подсказывала им, что если письма читают, то уж и подавно читают телеграммы. Тактика засекречивания черных кабинетов дала свои плоды. Пускай само их существование более или менее осознавалось публикой. Главное, никто не знал, сколько их и где они, как именно они работают. Эта тайна, добавим, привела также к тому, что люди, верившие в черные кабинеты, не знали, что письма, не проходящие через крупные центры (например, из Самары в Саратов) гарантированно не перлюстрируются.

Таким образом, черные кабинеты одним фактом своего существования (и его легкой оглаской) заставили оппозицию осторожнее пользоваться почтой и с великой опаской

пользоваться телеграфом, а это было небольшой, но важной победой. Если ты содержишь маленькую тайную полицию, сделай главной тайной то, что она маленькая, а не то, что она существует.

Россия с интересом и сомнением смотрит на западные конституционные монархии

Этот текст — очень беглый обзор интересной проблемы: что, собственно говоря, Россия видела в качестве примера для своей политической системы на Западе.

Мы отправляемся в начало царствования Александра III. Начнем наш рассказ с того, что Российская империя, начиная с эпохи Александра II, внимательно изучала опыт политический и социальный западноевропейских стран, анализировала его и часто перенимала. Внутренние документы царского правительства, посвященные обсуждению той или иной предлагаемой реформы, неизменно содержали подробный разбор того, как обстоят дела по этой части во Франции, Германии, Италии, Бельгии, Австрии, США, а иногда еще и в нескольких других развитых странах. Царские министры выписывали из Европы серьезные журналы и книги, посылали в Европу чиновников для повышения квалификации, были прекрасно знакомы с мировым опытом в управляемых ими сферах и не стеснялись заимствований.

Кроме того, царская цензура отнюдь не запрещала серьезную и аргументированную дискуссию по социально и экономически значимым вопросам; единственным, что запрещалось обсуждать, была целесообразность самодержавия. Даже «Капитал» Маркса в качестве ученой книги находился в свободной продаже. Как пример серьезной дискуссии могу посоветовать посмотреть на книгу «Денежная реформа. Свод мнений и отзывов» (1896), посвященную предполагаемому введению золотого стандарта. Книга — дайджест дискуссий в научных обществах, статей в газетах и журналах, отражающий мнения и сторонников, и противников золотого рубля. Уровень дискуссии очень достойный, все участники хорошо знают дело, умело аргументируют и выглядят убедительно. Честно говоря, такого глубокого и делового обсуждения общественных проблем сегодня и не встретишь.

Великие реформы эпохи Александра II были, по существу, заимствованиями европейского опыта, причем не абы какого, а наилучшего, отобранного с большим разбором. Собственным

изобретением была крестьянская реформа — в Европе очень давно уже не было крепостного права, особенно такого жесткого, как в России — так что заимствовать было нечего. А вот судебная реформа с введением суда присяжных и мирового суда, а также всеобщая воинская повинность — достаточно точные воспроизведения европейских практик того времени; гражданский процессуальный закон был почти что списан с соответствующего кодекса Сардинии. Весьма европейский характер имела также и налоговая система. Сочетание классической гимназии с жесткой дисциплиной и латынью с весьма либеральным университетом — это точно скопированная прусская система образования. И так далее. Надо подчеркнуть, что никто не стеснялся заимствований, не пытался их скрыть, и правительство считало вполне очевидным, что Россия есть страна догоняющего развития, которой полезно использовать удачные наработки более развитых соседей.

Но как только дело доходило до вопросов государственного устройства (то есть чистой политики) о заимствовании европейского опыта на приходилось заикаться. На уровне муниципальном еще допускались весьма умеренные эксперименты с урезанной и подконтрольной чиновникам демократией — земства и городские общественные самоуправления. Но на верхнем уровне государственного управления царил чистый хардкор: самодержавие, православие и народность (практическое значение имело самодержавие). Александр II в день своей смерти намеревался подписать указ о введении в Государственный Совет (чисто совещательное учреждение) небольшого количества, около одной шестой, выборных членов от земств — а ведь и сами земства избирались при явном преимуществе землевладельцев. На европейский взгляд такая реформа была невинной до полной бесполезности. Но и это казалось ниспровержением основ и даже (ужасное слово!) конституцией. Александр III не решился продолжить рискованный путь отца.

То, что я рассказываю, все знают. Победоносцев над Россией протер совиные крыла. Интереснее задуматься о том, как тогда (а не сейчас) из России выглядели европейские конституционные

монархии (оставляем в стороне пугающие немногочисленные демократии). Предположим (для таких предположений есть все основания), что государственные люди, окружавшие Царя-Миротворца, всё-таки решили бы взять кое-какие западные уроки и в части политического устройства государства. Что они увидели бы на Западе? Была ли рядом с Россией модельная страна, благоприятный опыт которой помог бы нам совершить плавный, безболезненный переход от самодержавия к более современным формам государственного устройства?

Для начала, самодержавных монархий они бы не увидели нигде. Все короли и императоры так или иначе разделяли свою власть с выборными парламентариями, иные страны имели конституции, а иные были конституционными де-факто. Казалось бы, как раз это и было хорошо — самодержавного монарха Александр III мог увидеть и в зеркале, а европейский опыт подсказывал ему, в какие следующие политические формы может развиваться самодержавие. Но не так-то всё и просто.

В Европе той эпохи существовало множество благополучных конституционных монархий, сочетающих достаточно высокий уровень развития и политическую стабильность — Бельгия, Голландия, Швеция, Дания. Более того, они различались нюансами — где-то власть короля была почти номинальной, где-то монарх сохранял за собой больше полномочий. Но в России твердо считали, что опыт государств, чья численность населения меньше российской на порядок и более, неприменим и бесполезен. Собственно говоря, Александр III был зятем датского короля, регулярно бывал в Дании, купил себе там маленький домик и жил там подолгу — но нет, никаких попыток имплементировать в России хоть что-то из увиденного в Дании не наблюдалось.

Еще менее полезными считались три большие конституционные монархии — Великобритания, Германия и Австро-Венгрия.

С Великобританией всё понятно — эта страна модернизировалась, сохраняя огромный пласт традиций, до крайности старых и своеобразных. Может быть, России и был нужен парламент, но вот спикер в завитом парике, с булавой и на

мешке с овечьей шерстью нам точно не требовался. Отделить же модерн от традиции (чтобы воспользоваться только модерном) при таком уровне их слитности, какой на тот момент имелся в Англии, не представлялось возможным. Из всех великих европейских стран Британия менее всего повлияла на институты старой России.

Германия на тот момент была чрезвычайно успешной страной, вызывавшей всеобщую зависть. Но, как на беду, ее государственное устройство совершенно не подходило для заимствования. Дело в том, что Германская империя была конфедерацией, выросшего из Германского союза и еще нескольких специализированных союзов немецких государств, причем все участники этих союзов имели разные права. В результате отдельные части империи получили различные степени автономности и сохранили какие-то элементы своего старинного управления (чего стоят только три дополнительных короля внутри империи). В общем, Германия ухитрилась извлечь много пользы из такого устройства, в котором ничего поучительного для России не заключалось. Еще в большей степени разнородность частей проявлялась в Австро-Венгрии, причем, в отличие от Германии, эта страна была еще и многонациональной. Двойная корона с двумя независимыми правительствами, национальные квоты в парламенте — всё это также мало относилось к российским реалиям.

С другими монархическими странами дело обстояло еще хуже. Испания — образец чрезвычайного неустройства, непрерывных неурядиц и бедности. Про Португалию никто и не вспоминал. Болгария и Румыния считались странами второсортными. Норвегия не была самостоятельна.

Больше всего интереса из оставшихся стран могла бы вызвать Италия — молодое государство, образовавшееся одновременно с Третьей французской республикой, но построенное на сочетании парламента, избираемого с широким цензом, с правительством, назначаемым королем и подотчетным только ему. В принципе, тут не видно великой разницы с российским государственным строем после 1905 года. Но Италия была бедновата, чуть-чуть богаче России — а нас, как известно, интересует не более близкое нам, а

лучшее. Этот принцип можно проследить и сегодня: мы хорошо представляем знаем Финляндии или Швеции, сильно отличающихся от России по размеру и уровню развития, но не имеем внятного представления о близких нам по размерам, неустроенности и бедности странах — прежде всего о Бразилии и Мексике. В общем, Италия, у которой, быть может, и было бы полезно учиться, считалась в России державой не совсем первого сорта.

И наконец, особняком стоит Вторая империя во Франции. В государстве Наполеона III было много привлекательного для русских царей. Подчеркнутая народность монархии (фальшивая, но до этого надо еще догадаться), личная популярность императора, демократическая форма при реально автократическом правлении (узнаете знакомые нотки?) — всё это было очень и очень симпатично. Но были и проблемы. Во-первых, сам Наполеон III выступал врагом России и организатором Крымской войны; сложно вдруг забыть старые счеты. Во-вторых, Вторая империя пала, и самым позорным образом, прежде чем в России дошли руки до использования ее политического опыта. Единственное, что Россия успела позаимствовать — систему цензуры (не цензуру как таковую, а ее хитрую форму — постцензуру). Таким образом, строй, на который уже начинали поглядывать как на удачный пример, в одночасье оказался антипримером. Жестче надо было Наполеону III обходиться с французами, жестче.

Итак, мы видим странный результат. Казалось бы, конституционные монархии существуют в Европе повсеместно, демонстрируя различные степени монархичности / демократичности. Казалось бы, уже начинается belle époque — Европа явно процветает, подавая тем пример всему остальному миру. Но как только мы пробуем подойти к конкретике, начинаются сложности. Все частные институты, скопированные с Запада (к примеру, всеобщая воинская повинность или публичная ипотека), работают как часы. Но всё, что относится к общеполитическому устройству, так или иначе не годится.

Дальнейшие события общеизвестны. Александр III принял решение отказаться от любого рода политических реформ, то есть

не зная, что делать, предпочел не делать ничего. С 1875 по 1905 год политический строй России в одних частях оставался неизменным, а в других слегка регрессировал. В 1905 году критические обстоятельства заставили перейти к государственному творчеству. Получившийся парламентский строй, по описанным выше причинам, был изобретен самостоятельно и оказался весьма и весьма оригинальным. И фантастически неустойчивым и неудачным. Еще через 12 лет случилось то, что случилось.

От чего гибнет народ и государство, или Ужасы онанизма

Людей, заразившихся онанизмом, по заключению опытных врачей, неизбежно постигают следующие болезни: ослабление пищеварительных органов желудка, хроническое раздражение легких, катар, одышка. А вместе с этими болезнями еще сопутствуют им: угрюмость, бессмысленный взгляд, потеря памяти, худение тела, землянистая бледность лица, потухшие глаза, и затем всё это оканчивается мучительной чахоткой, которая смертью и прекращает злую привычку заниматься онанизмом.

Это цитата из политического памфлета Т.Богачева «От чего гибнет народ и государство?», написанного в 1910 году. Богачев был публицистом, но в части ужасов онанизма он довольно корректно пересказывал распространенное мнение врачей-гигиенистов своей эпохи. На несчастных юношей подобные абсурдные пугалки валились тогда со всех сторон. В лабуду верили. Например, Николая II и его братьев воспитывали следующим образом: мальчики были обязаны спать, держа руки поверх одеяла; если они во сне засовывали руки под одеяло, то воспитатель, регулярно заглядывавший в спальню, будил их и заставлял лечь правильно. Самый лучший и простой способ вырастить затравленного психопата из всех, о которых я слышал.

Тут мы доходим до исторической загадки. Почему, собственно говоря, так широко распространилось мнение, явно противоречащее всем наблюдаемым фактам?

Для начала, сразу же откинем мнение, что данная пугалка имела религиозную подкладку, «тебя не убедили в необходимости хранения целомудрия цитаты из святых отцов, так напугаем же тебя бабайкой». Конечно, религиозные авторы, настаивавшие на целомудрии до брака, не могли оставить в стороне столь удобные медицинские аргументы. Но настоящие авторы этой теории, врачи, в ту эпоху были либо атеистами, либо слабоверующими людьми, мыслящими в позитивистском духе. В чисто медицинских сочинениях всегда выходило так, что онанизм губителен, а вот о губительности регулярной половой жизни для лица того же возраста (врачи, ясное дело, не различали секс в браке и внебрачный секс) не сказано ничего – следовательно, понимал читатель, настоящий секс безвреден. Опять же, это правило не абсолютно, были и медицинские книги, в которых утверждалось, что половая жизнь, начатая до достижения 24–25 лет, вредно влияет на здоровье, но в целом впечатление от научно-популярной литературы складывалось именно такое, как я описал выше.

Если объяснить короче, то в социальном контексте эпохи приведенная выше цитата значила «гимназист, прекрати драть и трахни, наконец, горничную». Особенно хорошо такие призывы действовали на родителей: к моменту достижения сыновьями 13–

14 лет считалось разумным нанять в дом горничную помоложе и помиловиднее, чтобы та помогла детям спастись от губительного порока. Легко заметить, что всё это далеко отстоит от православной нравственности.

Столь же странным выглядит и гипотеза о чистосердечном заблуждении врачей. Во второй половине 19 века экспериментальная медицина, санитарная медицина, основанная на статистике, да и вообще доказательная медицина в широком смысле, находились на подъеме и были в моде. Казалось бы, ничего не стоило опросить по тысяче больных с чахоткой и находящихся в добром здравии (это те, кто обратился к врачу с травмами) и узнать, какой процент из тех и этих ранее занимался онанизмом. Но никто не додумался до столь простой проверки. Врачи, как попугаи, продолжали повторять заученную чушь, противоречащую всему, что они видели в действительности.

Корысти здесь тоже не видно. Врачи, пугавшие юношей ужасами онанизма, не умели предложить им платного лечения от страшного порока, не продавали антионанистических лекарств, не придумали соответствующей физиотерапии. Тех, кто обращался к врачу с жалобами на онанизм, отпускали домой с увещеваниями, не сделав назначений. В общем, на таком много не заработаешь.

Не видно тут и репрессивной социальной практики. В принципе, идея завиноватить простых людей, объяснив им, что все они поганые онанисты, загоняющие себя в гроб, весьма неплоха. Да только книжки с советами врача в ту эпоху читали исключительно люди, принадлежащие к тому же классу, что и сам врач. Пока интеллигенты, дрожа от ужаса, заглядывали ночью в спальни сыновей, простой народ мастурбировал без лишних опасений.

Итак, я не смог понять, почему и как люди той эпохи смогли на пустом месте напугать себя явной чепухой, основательно испортив себе жизнь без всяких видимых оснований.

Приглашаю читателей поделиться соображениями.

Почему в Российской империи никто не протестовал против новых церквей

Конфликт в Екатеринбурге окончательно обнажил то обстоятельство, что новые православные церкви в городах надоели их жителям и только зря раздражают народ.

А что, интересно узнать, происходило со строительством городских церквей 110 лет назад? На первый взгляд, схожих обстоятельств много:

— горожане 1900–х очень любили участвовать в массовых уличных протестах и столкновениях с полицией, несмотря на то, что тогда при разгоне демонстраций в протестующих реально стреляли; в 1905 году войска 311 раз прибегали к оружию при беспорядках, а люди всё не унимались;

— православие стремительно теряло уважение населения;
— власть строила новые церкви нарастающим темпом, надеясь,

как и сегодня, что попы смогут внушить людям послушание начальству;

— с зеленью в городах было плохо, еще хуже нынешнего; люди же любили скверы больше нынешнего, так как тогда было меньше других развлечений.

Но между тем, мы не видим в прошлом протестов, адресно направленных против церковного строительства. На фотографиях мы видим толпы горожан на церемониях закладки новых церквей (см. КДПВ) и ноль протестующих. Почему?

Ответ на этот вопрос будет довольно сложным:

1. Все, кому в ту эпоху не нравился существовавший государственный строй, **стояли на принципиальных позициях и не цеплялись к мелочам**. Крестьяне хотели отнять землю у помещиков, рабочие стремились к повышению заработной платы и улучшению условий труда, интеллигенты выступали за гражданские и политические свободы и конституционный парламентский строй, а революционеры за немедленное свержение монархии.

Ни одна из противостоящих государству сил не считала нужным тратить силы на малые цели, высказывать частные претензии. Иногда разумные и взвешенные частные требования к фабрикантам заявляли бастующие рабочие, но как только в рабочее движение проникали социал-демократы, тут же начиналась генерализация – восьмичасовой рабочий день (на тот момент труднодостижимая цель) и долой самодержавие. Никто не требовал отставки неугодного народу губернатора, или отмены опостылевшей латыни в гимназиях, или ликвидации черты оседлости для евреев. Все считали, что сменится власть, утвердится новый строй, и эти частные проблемы быстро разрешатся. Это было наивно, но люди той эпохи думали именно так.

Либералы еще более или менее нападали на те или иные личные недостатки правительствующих лиц, революционеры же считали, что нет никакой разницы, ворует ли царский министр или честно живет на скромную зарплату, подлый и тупой человек сам царь или же, напротив, он добрый, ответственный и умный – вся

старая власть должна была отправиться на свалку истории независимо от личных достоинств или недостатков ее деятелей. Даже скандал с Распутиным не отразился на страницах революционной прессы – трудовому народу предстояло свергнуть самодержавие вне зависимости от того, трахает Распутин императрицу или же он является мудрым духовным старцем, а императрица безусловно нравственна.

По той же причине никто и не протестовал против строительства церквей: церковь держится исключительно на связи с государством и поддержке от казны, при новом строе этого больше не будет, следовательно, надо бороться не против церквей (то есть частных выражений негодности существующего строя), а за установление нового строя. Протестовать против новой церкви – зря тратить силы, надо сразу требовать конституцию/ответственное правительство/долой царя или еще что в этом роде, в зависимости от убеждений каждого.

Всё это, мягко говоря, противоположно наблюдаемому сегодня стремлению протеста зацепиться за раздражающие мелочи и частности, не трогая их первопричины.

2. Господдержка в части строительства храмов была небольшой, на деньги верующих храмы тогда, как и сейчас, практически не строили, основным источником финансирования были пожертвования и, в особенности, завещания старозаветных, необразованных пожилых купцов. Этот уходящий класс (уходящий в том смысле, что предприниматели начала 20 века быстро образовывались и сливались с интеллигенцией) был чистосердечно привержен к вере и не искал от пожертвований пользы для себя самого. Купец, строящий церковь, не ожидал, что ему за это достанутся выгодные казенные подряды. Сегодня это кажется странным, но крупные чиновники той эпохи были в основной массе криптодеистами, криптоатеистами, а часто и просто открытыми атеистами. Подлизаться к этим людям и получить для себя выгоду, жертвуя деньги на церковь, было трудно.

Люди новых взглядов понимали, что за строительством церквей на деньги богачей стоят несимпатичные им, но более или

менее искренние мотивы, что смягчало общественное раздражение.

3. Дореволюционные города были слабо благоустроены. То, что кое-где в них строили не всем симпатичные церкви, было далеко не первой по важности городской проблемой. В городах не доставало мощения на улицах, освещения, стояла страшная грязь, водопроводы (и те были редко где) подавали плохо очищенную воду, канализация просто была экзотикой, и фекалии вывозили вонючие ассенизационные бочки. Городские площади обычно были просто грунтовой площадкой, источником то пыли, то грязи. Как ни странно, строительство церкви чаще всего приводило к тому, что вокруг нее высаживались деревья, чем к их вырубке. В общем, неуместные церкви были пятидесятой по важности проблемой городов.

И, опять же, для той эпохи было свойственно смотреть более на источник проблем, чем на проблемы. Города не управлялись жителями – на выборах в городские думы голосовали только домовладельцы, причем не все, а от какого-то минимума стоимости дома; городскую власть выбирал, смотря по городу, каждый десятый–пятидесятый горожанин. И всем тогда казалось, что как только будут введены всеобщие городские выборы, города процветут.

4. И наконец, даже в городах было полным-полно людей, принадлежавших к старой, крестьянской культуре. Чем быстрее рос город, тем больше был в нем было понаехавших (в Москве 1900-х – около 80%), а понаехавшие тогда были более всего бывшими крестьянами. Русский же крестьянин старого типа попа обычно не любит, а вот саму церковь и находящиеся в ней артефакты любит, особенно тогда, когда лично с него деньги на это строительство не собирали. Социологических данных у нас нет, но, оценивая на глаз, половина горожан чистосердечно радовалась новым храмам, в то время как вторая половина, усвоившая взгляды нового времени, шипела или оставалась безразличной. Сегодняшняя общественная поддержка храмостроительства в разы слабее.

Немного о коррупции в эпоху Николая II

Как всем известно, в России из казны воровали всегда. Но более интересен вопрос о том, а в какой именно мере воровали. Для эпохи Николая II мы имеем несколько случаев, когда данный вопрос был прояснен в полной мере.

Хорошо разобранные случаи коррупции связаны с сенаторскими ревизиями – установлениями, не имеющими аналога в современной российской действительности. Сенаторская ревизия была одновременно и политическим аудитом, решавшим вопрос о целесообразности тех или иных государственных практик и политик, и административной ревизией, проверявшей правильность исполнения чиновниками своих обязанностей, и чисто бухгалтерской ревизией, выявлявшей хищения. В случае выявления незаконных действий, влекущих ответственность перед судом, ревизия превращалась в дознание – ревизирующий сенатор имел право изымать документы, отстранять заподозренных лиц от должности, предавать суду и даже арестовывать.

В 1911 году, среди нескольких других ревизий, сенатор Гарин ревизовал частный Тульский патронный завод, изготовлявший по заказам военного ведомства патроны для стрелкового оружия и гильзы для артиллерийских снарядов, а также поставлявшим в казну латунь и мельхиор. Ревизия, внезапно нагрянувшая на завод, изъяла 400 пудов (7 тонн) документов и произвела их подробный анализ.

Как оказалось, откаты, выплачиваемые чинам Главного артиллерийского управления, отражались в отчетности и были замаскированы весьма плохо. В большинстве случаев ревизия смогла связать разного рода ордера на выдачу сумм с неопределенным назначением («на расходы по производству гильз» и тому подобное) с определенными получателями (на обороте были наивно надписаны инициалы офицеров ГАУ), с определенными процентами от контрактных сумм, а в некоторых случаях удалось даже связать получение взяток со вкладами в банки, немедленно произведенными взяточниками.

И каковы же были эти взятки? По огромному контракту на 125 млн патронов (4.27 млн рублей) должностным лицам ГАУ заплатили 1%. С одной поставленной казне гильзы (13 рублей) в некоторых случаях уходило на взятки 50 коп., а в некоторых 25 коп, то есть 2–4%. Иногда трем–четырем офицерам просто платили 500–575 рублей в месяц — для поддержания хороших отношений (но в этом случае уже не платили кратных к размеру заказа комиссионных). К праздникам канцелярскому персоналу Главного артиллерийского управления раздавали маленькие денежные подарки.

В общем, если посмотреть на дело обобщенно, откаты колебались от 1% по крупнейшим заказам до 4% по наиболее мелким и случайным, а артиллерийские полковники из ГАУ в итоге получали от заводчиков денежные суммы в размере 1–2–3 официальных заработных плат. Вот такую страну мы просрали. Это уже не вернется, во всяком случае, не при нашей жизни. Прости нас, государь.

Кстати, а что случилось с избалованными офицерами? Да ничего. Посадки вообще не были целью ревизий. Считалось вполне достаточным уволить более виновных лиц и перевести менее виновных на такие должности, на которых не украдешь. Факт раскрытия коррупционных схем, общее крушение карьеры избалованных и потеря ими коррупционных доходов на будущее считались достаточным наказанием, и в действительности оказывались таковым. Наше свирепое желание упечь воров на каторгу – просто мрачное наследие сталинской эпохи.

Как в Москве эпохи Александра III сносили незаконно построенные торговые павильоны

В конце 19 века на том месте, где ныне находится ГУМ, стояли Верхние торговые ряды — двухэтажное классицистическое здание, построенное еще в Екатерининскую эпоху, а после пожара Москвы перестроенное Осипом Бове. Где-то через 50–60 лет после перестройки здание пришло в печальное состояние. С одной стороны, оно сильно обветшало. С другой стороны, купцы (все лавки были отдельными владениями, а единого собственника у здания не было) сумели как следует изуродовать его пристройками и перестройками. С Красной площади здание выглядело еще туда-сюда, хотя и было облезлым, внутри же начинался какой-то дикий темный лабиринт, с узкими проходами, крутыми лесенками и т.п. Никто не любил самопальный, устаревший и разваливающийся торговый центр. А в Европе (в том числе в Москве и Петербурге) между тем один за другим появлялись поражавшие публику торговые здания нового типа — пассажи.

Естественным образом к началу 1870-х у городских властей возникла идея уничтожить устарелый гадюшник, и на его месте возвести современный пассаж. К сожалению, неразворотливые отцы города наивно полагали, что экскаваторы (уже существовавшие) годятся только для земляных работ. Находясь в таком заблуждении, они приступили к переговорам с владельцами лавок. Купцам предлагали разрешить снос принадлежащего им строения, а взамен получить площади в новом сияющем здании. Консервативные купцы упирались — они как-то не верили в сияющее новое здание, да и просто не желали иметь с городскими властями дела. Переговоры продолжались 17 лет — да, тот мир был весьма и весьма медленным. Купцы что-то требовали (например, прирезать им еще кусок от Красной площади), власти что-то требовали взамен — в общем, большого толка от переговоров не получалось.

В 1886 году городские власти наконец поосмелели. Нет, они не прознали про экскаватор. В своей наивности они стали действовать более долгим и затратным путем. Вначале на Красной площади были выстроены временные павильоны из профлиста (*волнистого железа*), а затем старое здание было закрыто властями по причине его пожароопасности, ветхости и антигигиеничности. Помогло и то, что старое здание было построено без надлежащим образом согласованного проекта — кто вообще помнил, в чем состояла процедура согласования в 1812 году. Купцам бесплатно предоставили секции во временном павильоне. Въехав на новое место, купцы продолжили ворчать — новое здание они строить не хотели, в павильоне им было то жарко, то холодно.

Тут городской Думе пришлось призвать на помощь государя императора. В 1888 году правительством был утвержден устав «Акционерного общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве», созданного государством без учредительской инициативы со стороны купцов. Владельцы старых торговых помещений автоматически становились акционерами, в пропорцию принадлежащих им площадей, и получали право переехать в новое здание. Нежелающие стать акционерами получали право на денежную компенсацию. Для начала сноса старого здания и строительства нового теперь требовалось

согласие всего лишь двух третей лавковладельцев (ранее требовался консенсус).

И тут выявилось удивительное обстоятельство — значительная часть владельцев лавок не умела прикрыться бумажками, а у многих других бумажки были подозрительно похожи на фальшивые. Дело в том, что государственная регистрация прав недвижимости в тогдашней России была поставлена слабо, и во многих случаях являлась факультативной. Стремясь избежать уплаты *крепостных пошлин*, несколько поколений купцов продавали друг другу лавки чуть ли не по устным соглашениям. Более старые бумаги погибли в пожаре 1812 года. Многие лавки перепланировали и перестроили до неузнаваемости (разумеется, без всяких согласований), так что их сложно было сопоставить с документами. Правительство постановило, что лавковладельцы *не должны прикрываться бумажками о собственности, приобретенными явно жульническим путем* (курсив — цитата С.Собянина) — и признало за всеми право собственности на лавки по факту текущего владения, без заявлений и предоставления любого рода документов.

Действия правительства имели больший успех, чем действия московской городской управы. Согласие двух третей лавковладельцев наконец было получено. В 1888 году старое здание было снесено, а в 1893 году на его месте открылись новые Верхние торговые ряды, знакомые нам как ГУМ. Купцы въехали в новые лавки, и даже получали в последующие годы некоторые дивиденды от сдачи в аренду добавочных помещений (новое здание было больше старого).

Эта история — учебный кейс, рассказывающий о том, что такое высокое качество права собственности.

На картинке — вид крыш старых Верхних торговых рядов. Вот во что купцы ухитрились превратить строгое здание Бове. Владельцы снесенных построек прекрасно знали, как они получали разрешения и другие документы. Никакого отношения к законному предпринимательству это не имело.

Разные мелочи. Правительство спасает от пьянства горнорабочих

В 1895–1904 годах в России была введена казенная винная монополия. Наиболее любимый народом напиток — это, разумеется, была водка — продавался преимущественно в казенных лавках, а все, что продавалось вне казны, оказывалось дороже.

Правительство, как могло — во всяком случае оно так думало — боролось с народным пьянством. Собственно говоря, способ борьбы был один — установить цену на водку как можно выше, но не доходя до такого предела, за которым начнется самогонование. На мой взгляд, как хотели, так и получилось.

Горожане были подвержены пьянству больше крестьян, а рабочие пили больше, чем средние горожане. Но как было помочь рабочим? Они живут в городе, рядом общая винная лавка, им не запретить покупать водку. А вот дополнительно позаботиться о здоровье горнорабочих было можно.

Шахты обычно расположены в отдалении от всяческих населенных пунктов, и право винной торговли на них казна чаще всего передавала владельцам — у тех всегда была своя лавка на предприятии. И вот казна установила лимит продажи водки горнорабочим, призванный сохранить их здоровье и благосостояние.

Лимит был такой — внимание! — **360 грамм водки в день на человека**. 240 грамм предписывалось выдавать автоматически, в зачет зарплаты, а остальное — по желанию рабочих. Таким образом, казна представляла себе (по-видимому, верно) что малопьющие рабочие будут выпивать поллитру в день на двоих, а сильнопьющие — поллитру на человека. Так пили наши предки.

Когда настает время хоронить Неизвестного солдата?

11 ноября 1920 года, в день двухлетия Перемирия, в Париже и Лондоне прошли торжественные похороны. Под Триумфальной аркой и в Вестминстерском аббатстве каждая нация хоронила своего Неизвестного солдата. Французы, вначале собиравшиеся похоронить Солдата в Пантеоне, развили идею несколько дальше англичан — над могилой был зажжен Вечный огонь, первый в Европе после древнеримских священных огней Весты.

Остальные народы, участвовавшие в войне на победившей стороне, немного отстали. На год позже американцы похоронили своего Неизвестного солдата на Арлингтонском кладбище, а итальянцы — под Алтарем Отчизны в Риме. Еще через год бельгийский Солдат был похоронен под Колонной Конгресса в Брюсселе.

И только в России/РСФСР/СССР никто не хоронил Неизвестного солдата. Понятно, что Первая мировая для России закончилась позорно, и о ней не хотелось вспоминать. Но почему Гражданская война не окончилась похоронами Неизвестного красноармейца? Казалось бы, не было на земле власти, более заинтересованной в пропаганде, чем власть большевиков — так почему бы не повторить столь удачный и проверенный во многих странах пропагандистский ход? Более того, и после Великой отечественной войны уже совершенно традиционная для европейских народов символическая могила так и не появилась в СССР.

И только 3 декабря 1966 года, в 25-летнюю годовщину разгрома немецких войск под Москвой, через 46 лет после аналогичной церемонии в Британии и Франции, в Александровском саду в Москве состоялись торжественные похороны Неизвестного солдата. Огонь на могиле был зажжен от огня на Марсовом поле в Ленинграде, первого Вечного огня в СССР, появившегося в 1957 году.

Если посмотреть на дело отстраненно, то можно поставить вопрос шире: а почему могила Неизвестного солдата появилась в европейской истории именно в 1920 году, а не на 10, 100, 500 или 1000 лет раньше? Ведь неопознанных погибших хватало на любой войне во все времена, а об идее вечного огня европейцы имели представление от античных авторов и от путешественников, видевших зороастрийские и индуистские огни.

Когда же и почему приходит время хоронить Неизвестного солдата?

Моя теория чрезвычайно проста: Неизвестного солдата хоронят тогда, когда средний уровень образования взрослого населения достигает 8 лет обучения в школе. В западноевропейских странах этот уровень был достигнут в конце 1910-х, в СССР — в середине 1960-х (график в комментариях).

Неизвестный солдат — это сложный символ. Он один, но его могила является могилой всех неизвестных солдат данной нации, погибших во всех войнах. Для современного человека символизм могилы Неизвестного солдата кажется очевидным. Мы, например,

интуитивно понимаем, что глупо и просто невозможно рядом с могилой Неизвестного солдата Первой мировой войны устраивать могилу Неизвестного солдата Второй мировой войны. Также нам ясно, что Вечный огонь не следует тушить на ночь или зажигать только по выходным. Но, на самом деле, ничего очевидного в этом понимании нет, оно является социокультурным научением, результатом нашего предварительного знакомства с огромным рядом символизаций, содержащихся в детских сказках, книгах, фильмах, политических речах и иных разнообразных источниках. Культура, усваиваемая нами с раннего детства, приучает нас к мышлению символами.

По-другому дело обстояло в старину. Полуграмотный, а часто и вовсе неграмотный, русский крестьянин 1920 года (или французский крестьянин 1850 года) просто ничего бы не понял, если бы ему рассказали про могилу Неизвестного солдата; для него это была бы очередная непонятная затея начальства, не вызывающая никаких чувств. Это осознавали советские вожди (сами, разумеется, прекрасно понимавшие данный символ), и именно поэтому они не торопились воспроизводить в СССР то, в доступности чего для умов народа они не были уверены.

Тот порог, при котором общество в целом начинает легко и интуитивно воспринимать символы такой сложности, как могила Неизвестного солдата, достигается, по всей видимости при достижении средним взрослым уровнем 8-летнего школьного образования, то есть где-то через 30–40 лет после введения обязательной 8-летней школы для детей.

И вот тогда, после подходящей войны (а в случае СССР — даже не дожидаясь подходящей войны) в столице страны появляется могила Неизвестного солдата.

P.S. На картинке — церемония погребения Неизвестного солдата под Триумфальной аркой в Париже, слева маршал Фош.

P.P.S. А вот современный британский фильм, содержащий кинохронику погребения Неизвестного солдата в Вестминстерском аббатстве. Англичане сумели обставить церемонию множеством специальных деталей: почетный караул из ста кавалеров креста

Виктории, приглашение 100 женщин, потерявших на войне и мужей, и всех сыновей, но могильную плиту относят свадебные букеты и погребальные венки английских королев и т.п.

Грюндерство в царской России. Как можно было заработать на создании акционерного общества

Наконец, наступил 1857 год, который всем открыл глаза. Промышленная и акционерная горячка, после всеобщего затишья, вдруг оказалась в самом зените. Проекты сыпались за проектами, акционерные компании нарождались одна за другою, как грибы в мочливое время...

О чем пишет Салтыков–Щедрин? Как получилось так, что акционерное дело, по умолчанию медленное, вдруг привело к такому ажиотажу? Казалось бы, вложить куда–либо деньги под умеренный процент — а в ту эпоху 10% годовых были огромным доходом — отнюдь не повод для подобного великого волнения.

Но дело обстояло не так. Не успеет составиться новая акционерная компания, смотришь, все ее акции разобраны нарасхват до дня официальной продажи, и тотчас же начинают ходить из рук в руки с надбавкой. В Петербурге рассказывали, как желающие получить акции образовавшегося в Москве Страхового от огня общества собрались еще с вечера – накануне дня раздачи у дверей конторы – прождали целую ночь, и при открытии дверей только весьма немногие получили желанные бумаги.

Что же именно происходило? А вот что: русская публика впервые столкнулась с грюндерством, от которого публика европейская уже вдоволь настрадалась пятнадцатью–двадцатью годами ранее.

Грюндерство (Gründerzeit, буквально «учредительство») — интересное экономическое явление, характерное для середины — второй половины 19 века, а затем канувшее в лету. Многие слышали о грюндерстве, но мало кто понимает, в чем оно заключалось. Если коротко, то в том, что предприниматель учреждал акционерное общество с некоторыми хитростями, приводившими к тому, что основную прибыль ему приносил сам факт учреждения АО, а отнюдь не его последующая прибыльная деятельность. Некоторые из методов требовали создания

искусственного ажиотажа, описанного в приведенных выше цитатах.

Базовых методов в царской России (а быть может, и во всем мире того времени) было три: извлечение учредительской прибыли из первичного выпуска акций, создание акционерных обществ с фиктивным капиталом, выманивание денег у государства. Наш сегодняшний рассказ — о первом методе.

Основа данного метода грюндерства — несовершенная процедура первичного выпуска акций при высоком спросе на них. Современная стандартная процедура IPO — продажа по заявочной книге — это, грубо говоря, аукцион, в котором вначале предложившие самую высокую цену покупают сколько хотят по этой цене, затем предложившие более низкую цену покупают по предложенной ими цене из оставшегося, и так ниже и ниже, пока акции не раскупаются или же цена не доходит до установленной отсечки. При этой системе все деньги, которые рынок желает дать за новые акции поверх их номинала, достаются акционерной компании.

Как ни странно, в 19 веке до этой несложной процедуры додуматься не смогли. Первично выпускаемые акции продавали только по номиналу. Если спрос превышал предложение, эмитенту не доставалось ни копейки дополнительно (да, да, именно так!), акции просто распределяли по регрессирующим квотам (так называемая разверстка), рассчитанным по итогам заявок: например, подавший заявку на три акции получал три, на сто — десять, на тысячу — тридцать, на десять тысяч — сто. Почему же каждый из покупателей не подавал заявку на весь выпуск? Да потому, что заявка требовала залога, в 5–10% от номинала приобретаемых акций. Почему же все не дробили свою заявку на множество мелких? Разумеется, дробили, подавали через множество подставных лиц, они были не дураки.

Но как эмитенты смирились с той дикой ситуацией, в которой рынок хочет дать им за акции больше, чем они первично планировали получить, а устав не позволяет? Во-первых, у них не было большого выбора. Акционерные общества в старой России были декретными, то есть учреждались правительственным постановлением, и только в случае, если устав удовлетворял

правительство. Что велели делать — то и приходилось делать. Во-вторых, была лазейка — учредительские пакеты акций. Устав требовал от учредителей владеть минимальным пакетом акций (иногда учредителям полагался бесплатный пакет акций), и опционально разрешал им выкупить некоторый дополнительный пакет акций (по номиналу) до начала общего распределения по квотам.

На начальном этапе акционерного дела в России (1860–е и начало 1870–х) акционерных обществ было еще мало (напомним, что правительство, через утверждение уставов искусственно сдерживало их число). А свободных денег у потенциальных инвесторов — много (разумеется, только относительно малой суммы уставных капиталов акционерных обществ). Акционерные общества, в особенности банки и железные дороги, были модны — публикой от них ожидалось невероятные (и надежные) дивиденды, заметно превышающие доходы по различным облигациям и банковским депозитам. Заметим, что в ту эпоху по безрисковым твердопроцентным бумагам можно было получить около 5%, а от акционерных обществ размечтавшиеся инвесторы ожидали как минимум 15–20%.

И в этом — то и заключалось всё знаменитое грюндерство. Учреждением акционерных обществ занимались лица, не имевшие ни больших личных средств, ни интереса принимать какое-либо участие в дальнейшем управлении предприятиями. Они располагали исключительно правительственными и деловыми связями, а также умением рекламировать свои начинания. Грюндеры удерживали за собой максимально разрешенный уставом учредительский пакет акций, часто на заемные деньги. А самые смелые учредители могли и просто сжульничать — записать на себя заявку на любое количество акций, вовсе не внося залога, который требовался с остальных (с аудитом в ту эпоху было туго). Как только IPO заканчивалось, акции попадали на свободный рынок. Поскольку спрос был высоким, цена на акции устанавливалась выше номинала. Тут учредители и продавали свои пакеты, уходя из акционерного общества навсегда. Таким образом, те деньги, которые рынок

готов был дать за новые акции выше номинала, попадали не акционерному обществу, а прямо в карман его учредителей.

При этом уставы лимитировали учредительские пакеты акций. В результате участники подписки, не входившие в состав учредителей, получали и свою выгоду — им доставались акции, которые немедленно по завершении подписки можно было продать заметно дороже (иногда до 50%), чем их только что купили. Часто за акции надо было внести только аванс (против которого выдавали свидетельство на получение акций), и это свидетельство тут же могло быть продано чуть ли не в два раза дороже.

Самый известный из случаев, о которых пишет Салтыков–Щедрин — Главное общество российских железных дорог, IPO которого прошло в 1857 году. Именно подписчики этих акций с великим удивлением обнаружили, что бумага, за которую ты вчера заплатил рубль, завтра может быть продана за полтора. Ну а потом пошло–поехало. Кстати, Главное общество оказалось достаточно негодяйским. А цена акций, подскочившая при выпуске, затем упала. Но кто мог тогда до такого догадаться?

Возникает справедливый вопрос — наверное, подобные фокусы не могли продолжаться вечно? Конечно же не могли. Вначале грюндерский рынок раскачался вверх — чем больше немедленной прибыли получал всякий покупатель акций через IPO, тем больше покупателей привлекало следующее IPO. Но затем произошел переворот — акционерных обществ становилось всё больше, а денег у покупателей всё меньше. В этот момент произошел переход к андеррайтингу (современный термин) — все выпускаемые акции скупались по твердой цене (обычно ниже номинала) специально сформированным синдикатом банков, а уж затем, после начала работы общества, продавались банками на биржевом рынке. Заметим, что процесс не был линейным, а, скорее, циклическим — через 5–20 лет публика забывала былые потери, и ажиотаж повторялся, уже на следующем уровне развития.

Банки, обладавшие большей экономической силой, чем отдельные предприниматели (пусть даже весьма богатые), потихоньку сумели перетянуть одеяло на себя и превратиться, по

существо, в инвестиционные фонды. Но и грюндеры не дремали, у них в запасе были другие приемы, рассказ о которых не уместился в данный пост.

Флот эпохи Николая II: санитарный кризис

Военно–морской флот России позднеимперской эпохи всегда вызывал к себе большой интерес, порожденный, увы, преимущественно его фантастической незадачливостью. Современные монографии, мемуары и масса других материалов описывают флот достаточно подробно. Но, однако же, один из интересных аспектов остался незатронутым: здоровье матросов. Наше маленькое исследование составлено по данным Всеподданнейшего отчета морского министра за 1912 год.

Флот ежегодно получал 11–11.5 тысяч призывников. Этот контингент отбирался из 940 тысяч призывников, не имевших безусловных льгот. Из этого пула 30–33% браковалось врачами в процессе призыва, а оставшиеся распределялись по родам войск, причем флот (как и гвардия) пользовался приоритетом. Можно считать, что призывники, попадавшие во флот, относились к лучшей четверти (а может быть, даже к лучшей пятой части) от прошедших медобследование, как по состоянию здоровья, так и по общему физическому развитию.

Но и это было недостаточно: на флоте существовала своя приемная медкомиссия, которая в 1912 году забрала еще 14% новобранцев; половину из них отправили домой, а половину отослали служить в пехоту.

Жизнь оставшихся на флоте молодых мужчин в медико–санитарном смысле была завидной.

В то время как в России в целом один врач приходился на 7–7.5 тысяч жителей (неравномерно, на 0.8–1.5 тысячи с развитых городах, 10–25 тыс. в сельской местности), во флоте один военный врач приходился на 180 человек. Таким образом, врачей во флоте было не только в 40 раз более, чем приходилось на население в среднем, их было даже в 2–2.5 раза больше, чем имеется сегодня в развитых странах — а ведь флот, в отличие от гражданского населения, состоял исключительно из изначально здоровых мужчин.

Питание матросов было изобильным (хотя и однообразным): на человека расходовалось 37–40 копеек в сутки, как минимум в

два раза больше, чем стоил в то время рацион среднего взрослого мужчины. Матросы ежедневно ели мясо (307 грамм), что было категорически недоступным для 95% населения страны.

Условия проживания также были достаточно гигиеничными, на кораблях всегда избыток энергии, и никаких проблем с горячей водой для мытья, стиркой белья и одежды не имелось. Стандарты чистоты на флоте всегда были весьма высокими — и в отношении внешнего вида, одежды и чистоты тела нижних чинов, и в отношении чистоты жилых помещений, санузлов и кухонь. Принципиально важно то, что на кораблях пили только очищенную воду.

Теперь посмотрим, каковы были результаты всех этих мер.

В течение года заболело с необходимостью госпитализации 80.4% нижних чинов, умирало 0,32%, увольнялось по состоянию здоровья 2.4%. Кроме того, за амбулаторной медицинской помощью обращалось 185% личного состава, не включая сюда стоматологическую помощь, за которой обратилось еще 55%. В среднем, каждый матрос проводил на больничной койке 12 дней в году. Напомним, что речь идет о молодых мужчинах. Читатель может вспомнить, кто из его знакомых провел за пять последних лет 60 дней в больнице и, кроме того, в этот период обращался к врачу еще 9–10 раз. Это будут либо старые, либо изрядно болезненные люди.

Что именно происходило с матросами? 23% о их числа за год заболело остро-заразными болезнями, преимущественно гриппом, который тогда был куда более серьезным заболеванием, чем сегодня (вспомним знаменитую испанку), и автоматически влек за собой госпитализацию. 11% ухитрились подцепить вензаболевания (позор начальству, не догадавшемуся бесплатно раздавать презервативы). У 11% сделались заболевания желудочно-кишечного тракта, преимущественно катар желудка (съесть 1.5 кг хлеба в день не так-то и просто). 8% заболело бронхитом, воспалением легких и т.п. Все остальные виды болезней были представлены более или менее равномерно. Интересно, что практически не было психических заболеваний — народ был еще такой простой и одинаковый, что даже призывная

комиссия (в составе которой не было психиатра) опытным глазом мгновенно определяла безумцев.

Флот полностью сумел справиться с холерой (в то время как даже в Петербурге и Ростове–на–Дону еще случались крупные эпидемии с заражением городских водопроводов), но так и не смог избавиться от тифа, которым в худшие годы заболело до 1% личного состава. 0.3–0.5% заболело туберкулезом — разумеется, это были носители, не выявленные при призыве.

Как трактовать эти озадачивающие данные? На мой взгляд, они свидетельствуют не о каких–либо недочетах во флоте, а о низком уровне здоровья населения в целом. Флот, с избытком медицинского персонала и политикой борьбы с инфекциями, при которой заболевших немедленно изолировали в госпитале, просто проявлял этот низкий уровень здоровья, который в повседневной жизни оставался скрытым.

В тех случаях, в которых крестьянин не шел к врачу (земский врач часто был далеко, он принимал 60–80 человек в день, и явно не мог помочь большинству пациентов), а больной рабочий просто перемогался у станка, боясь оставить семью без пропитания (больничные ввели только в 1912 году), матроса вполне корректно госпитализировали. Судовой врач, загруженный весьма слабо, мгновенно принимал всякого обратившегося, не жалел времени на осмотр, не экономил на лекарствах.

И так становилось видно, что даже отобранная по наилучшему здоровью одна пятая часть молодых мужчин на самом деле состояла из достаточно болезненных людей. Каждый восьмой из них не мог вынести пять лет службы и досрочно увольнялся по болезни. Страшно даже подумать, как тяжело жилось остальному народу.

Флот эпохи Николая II: дисциплинарный кризис

О дисциплинарном кризисе в царском флоте написано много, ибо два раза — в 1905–1906 годах и сразу же после Февральской революции — он приводил к катастрофическим последствиям. Таким известным событиям, как восстание на броненосце «Потемкин», посвящены даже отдельные книги. Но мы коснемся менее популярной темы — что творилось с дисциплиной в мирное и спокойное время.

Наше маленькое исследование составлено по материалам Всеподданнейшего отчета морского министра за 1912 год. Дата эта выбрана не зря. 1912 год — самый спокойный год для империи за период 1903–1917 гг. На флоте уже нет матросов–срочников, бывших свидетелями Революции 1905–1907 годов (на тот момент служили 5 лет). При этом большая часть служивших в 1912 году дослужит до Февральской революции, и, следовательно, кто-то примет участие в сопровождавшей ее кошмарной резне.

Для начала расскажем, какими репрессиями поддерживалась на флоте дисциплина. Наказания за проступки нижних чинов могли быть дисциплинарными и судебными. Дисциплинарные наказания накладывались начальниками, немедленно, без формальной процедуры и без права обжалования. Это могли быть наряды вне очереди, смещение на низший оклад жалованья, лишение увольнения на берег, разжалование, простой, строгий и усиленный арест. Самым тяжелым наказанием, которое матрос мог получить от командира корабля или старшего офицера, был арест на месяц. Статистика по дисциплинарным наказаниям не велась, и мы можем судить о них более всего по мемуарам. Судя по всему, политика дисциплинарных наказаний на кораблях сильно зависела от личности старшего офицера.

Более тяжкие наказания требовали судебного разбирательства, которое было очень схожим по процедуре с гражданским судом (в частности, у обвиняемых был защитник и допускалась апелляция). Преступления меньшей тяжести разбирали экипажные и корабельные (только в дальних

плаваниях) суды, в которых заседали не профессиональные судьи, а офицеры. Преступления большей тяжести разбирали военно-морские суды с профессиональными судьями, составлявшими отдельное военно-морское судебное ведомство. По приговорам судов мы располагаем статистикой.

Наказания по суду отличались чрезвычайной жестокостью. Представим себе матроса, которому офицер приказал пойти и вымыть галюун. Если матрос будет хамски, хотя и без оскорблений, держаться (*неоказание с намерением должного начальнику уважения*), его можно посадить в тюрьму на 1–4 месяца. Если он еще и оскорбит офицера, то получит до 4 лет заключения в крепости. Если же он ударит офицера, его ждет каторга на 12–20 лет (на гражданке столько давали за серию убийств при отягчающих).

Теперь представим, что матрос ответил «Слушаюсь, Ваше Благородие», козырнул, ушел, но галюуна не вымыл. Если начальник решит, что это было сделано от общего раздолбайства (*по нерадению*), матроса ждет до 4 месяцев тюрьмы. Если же начальник заподозрит *неповиновение*, то матросу можно дать до 16 месяцев заключения в крепости или до 3 лет дисциплинарного батальона. Если же матрос вовсе не покажется на глаза офицеру, а тихо спрячется в трюме, ему можно дать 2 месяца тюрьмы за *уклонение от служебных обязанностей*.

Теперь представим, что в то время как офицер отдает приказание нашему матросу, другие матросы недовольно перешептываются. Это есть *ропот, произведший беспорядок*, 2 месяца тюрьмы.

Характерно, что почти все проступки, наказываемые 1–4 месяцами тюрьмы, могли по усмотрению начальника быть наказаны и дисциплинарным порядком, то есть арестом до 1 месяца.

Каковы были реальные результаты применения столь жестких законов? Если коротко, они были ужасны.

Из 46,1 тыс. нижних чинов флота за 1912 год приговорили к уголовным и исправительным наказаниям 1917 человек, то есть каждого 24-го. К смертной казни приговорили 33 человек, к

каторжным работам (то есть к заключению не менее чем на 6 лет) — 133 человек, остальные попали либо в дисциплинарный батальон, либо в военно-морскую тюрьму. Напомним, что аресты, накладываемые в дисциплинарном порядке, в данную статистику не включены.

Это был фантастически высокий уровень криминализации. В стране было 42–43 миллиона взрослых мужчин (прочие граждане в тюрьму попадают редко), приблизительно в тысячу раз больше, чем служило во флоте. Между тем, флот поставлял на каторгу около одной десятой части ее обитателей, а средняя численность тюремного населения в морских тюрьмах была равна где-то одной пятидесятой от населения гражданских тюрем.

В общем, вероятность попасть в тюрьму во время службы для матроса была выше, чем для его ровесника на гражданке, ставшего профессиональным хулиганом и грабителем.

Совершенно очевидно, что перед нами катастрофический коллапс дисциплины. Требования командования и представления матросов о нормальном порядке службы, взаимоотношениях офицеров и нижних чинов, и о справедливости в целом не сходились до такой степени, что даже высокая вероятность очень жестокого наказания не удерживала матросов от непрерывных нарушений дисциплины. Похоже, что нижние чины и офицеры необратимо рассорились, а дисциплина уже не держалась на насилии и репрессиях, а просто разваливалась, невзирая на высокий уровень репрессий.

Не удивительно, что люди, которые годами жили в страхе, что их посадят на четыре месяца в тюрьму, за то, что они поленились выполнить какое-то маловажное приказание (это мы говорим о мирном времени, в военное время порядки были еще много жестче), после падения режима начали убивать офицеров пачками.

По всей видимости, прав был адмирал Чухнин, который в 1905 году предлагал воспользоваться тем обстоятельством, что японцы утопили все корабли, и распустить флот, а затем, по мере строительства новых кораблей, создать новый флот с чистого листа.

Чем и как кормили американского и русского солдата в 1913 году

Этот пост — начало серии сопоставлений Российской империи и США в 1913 году, построенных на разного рода необычном материале. Предмет рассмотрения — типовой армейский паек. Факты говорят сами за себя, так что выводы каждый может сделать сам.

США. Как было организовано питание солдат

Система питания солдат состояла из базового пайка, включавшего в себя 16 продуктов, которые следовало ежедневно расходовать на каждого солдата, 30 дополнительных продуктов, которые, в установленной пропорции, могли заменять основные продукты. Кроме того, после того как цена питания солдат подразделения определялась, исходя из базового пайка и разнообразящих его замен, заведующий кухней сержант мог свободно заменять разные продукты на любые местные аналоги, если он удерживался в рамках расчетной суммы и требуемой калорийности.

Армейское руководство для повара 1914 года издания предусматривало по 31 варианту рациона для завтрака, обеда и ужина; при этом специально оговаривалось, что не следует пытаться применять все варианты по очереди по дням месяца, а следует примеряться к местным обстоятельствам: доступным продуктам, ценам на товары и т.д.

США. Состав и калорийность пайка, меню

Стандартный паек состоял из:

565 гр мяса (с костями, в переводе на бескостное мясо около 410гр); допускалась замена на ягнятину, бекон, консервированное мясо, соленую рыбу, сушеную рыбу, солонину (только при крайней необходимости);

510 гр муки; допускалась замена на свежий хлеб, сухари, кукурузную муку;

68 гр бобов, допускалась замена на рис или лущеную кукурузу;

565 гр картофеля; рекомендовалось заменять до 20% от веса помидорами, до 20% луком, до 30% любыми другими овощами

равного веса;
36 гр слив или яблок;
32 гр молотого обжаренного кофе;
90 гр сахара;
14 гр сгущенного молока;
5 гр уксуса;
18 гр соли;
1.1 гр перца;
0.4 гр корицы или имбиря;
18 гр лярда ;
14 гр сливочного масла или маргарина;
45 мл сиропа;
1.1 гр пищевого ароматизатора (ваниль, лимон и т.п.).

Калорийность такого пайка составляла около **3740ккал**. Средний дневной рацион солдата стоил в 1913 году 23.4 цента (**45копеек**).

Питание было трехразовым: завтрак, обед и ужин.

Рекомендуемый **завтрак** состоял из двух блюд и кофе. Первое блюдо было легкой закуской (яблоки, кукурузные хлопья, каша на воде, тосты с сиропом). Второе блюдо было попеременно мясным или яичным (жареная печень, венские сосиски, омлет, яичница, жареная говядина) с гарниром из картофеля (попеременно печеного, жареного, вареного). В завершение завтрака выдавалось кофе и хлеб или тосты, со сливочным маслом через день.

Рекомендуемый **обед** состоял из супа, салата, мясного блюда, десерта, кофе с хлебом. Супы были легкими и вегетарианскими (кабачковый, бобовый, картофельный). Салаты были вегетарианскими и представляли собой различные сочетания картофеля с кабачками, листьями салата, луком, помидорами и свеклой. Основное блюдо было мясным и изредка рыбным (бекон с жареными бобами, бифштекс с луком, говяжья отбивная с подливкой, говядина а-ля-мод, сушеная рыба с помидорами). На десерт подавалось что-нибудь сладкое (разнообразные пудинги, лимонный пирог). Напитком был иногда кофе, а чаще вода со льдом или лимонад, к нему подавался хлеб (масло не каждый день) или простая выпечка (роллы).

Ужин состоял из вегетарианского блюда или салата, основного блюда, выпечки и напитка. Первое блюдо (могло быть и холодным, и горячим) изготавливалось из жареного или вареного картофеля с добавлением маринованных огурцов, яичницы, помидоров, листьев салата. Основное блюдо было разнообразным, не всегда мясным (макароны с сыром, фаршированные перцы, мясная похлебка, стейк). На десерт подавали либо просто хлеб, либо простую выпечку, либо фрукты. Напитком был холодный чай с лимоном, лимонад, а в большинство дней просто холодная вода.

Россия. Как было организовано питание солдат

Питание в российской армии было организовано по более запутанной схеме. Интендантство выдавало войсковым частям ржаную муку, пшеничную крупу, чай и сахар. Все остальные продукты закупались на местах, для чего выделялись так называемые приварочные деньги. Эта сумма была эквивалентом стоимости 310 гр мяса плюс 2.5 копейки в день. Приварочные деньги выдавали на артель, которую обычно составляли солдаты одной роты. Командир части утверждал раскладку, определявшую количество и стоимость основных продуктов питания, закупаемых на приварочные деньги; разные мелочи — соль, перец, лавровый лист — солдатские артели покупали самостоятельно, в рамках остававшейся для этой цели небольшой суммы. Меню на каждый отдельный день, в рамках утвержденной раскладки, артели также определяли самостоятельно. Расходованием артельных сумм распоряжался выборный артельщик, ротный командир хранил эти суммы, проверял расходование на предмет злоупотреблений и нес персональную ответственность за растраты.

Россия. Состав и калорийность пайка, меню

Стандартный паек состоял из:

930 гр. ржаной муки ; допускалась замена на печеный хлеб или сухари;

135 гр пшеничной крупы;

310 гр мяса(с костями, в переводе на бескостное мясо около 225 гр); мясо было не более чем эквивалентом стоимости, на его стоимость солдаты были вольны покупать какие угодно продукты;

25 гр сахара;

2 гр чая.

Калорийность такого пайка составляла около **3740 ккал**, ровно столько же, сколько и в американской армии. Средний дневной рацион солдата стоил в 1913 году **24.5 копейки**.

В российской армии кормили два раза в день — обед и ужин. «Справочная книжка каптенармуса» 1911 года издания рекомендует готовить пищу наипростейшим образом. На обед (состоящий из одного блюда) следует попеременно подавать щи, гороховый суп, картофельный суп, лапшу и крутую кашу; все блюда, кроме последнего, с говядиной; лапша единственная содержит яйца, а лапша и каша — еще и сливочное масло. На ужин всегда полагается одно и то же блюдо — каша из крупы. В общем, такой примитивный рацион исчерпывающе описывается поговоркой «щи да каша — пища наша». Нарративные источники показывают, что реальное питание солдат обычно не уходило далеко в лучшую сторону от этого рекомендуемого меню.

Сервировка

Разница в сервировке соответствовала разнице в меню.

На каждого американского солдата полагались тарелка, суповая тарелка, миска, чашка и стакан, суповая ложка, чайная ложка, вилка и нож. На двоих полагалась тарелка для овощей. На пятерых полагалась солонки, перечницы, мисочки для соусов и подливок, ложечки для горчицы. На десятерых — блюда для мяса, кувшины для воды, блюда для макания в подливку, большие ножи для мяса, хлебные ножи, открывашки для консервов. Столовая посуда была фаянсовой.

У русского солдата на каждого приходилась эмалированная (или просто оловянная) кружка и ложка. Еду подавали сразу на пятерых–шестерых в эмалированном котелке, откуда ее все ели одновременно своими ложками (вилки и ножи не требовались, так как резать было нечего). Этим сервировка стола и ограничивалась.

Много или мало?

Средний американский солдат начала 20 века весил имел рост в 171.5 см и весил 67 кг. Рекомендуемая калорийность питания для человека такого веса и роста, при условии очень высокой физической нагрузки, составляет 3410 ккал, при условии средней нагрузки — 3070 ккал. Таким образом, американский солдатский рацион был адекватен потребностям солдата, в то время как русский (в части калорийности) превышал их.

Российский призывник имел средний рост 166 см (по некоторым спорным данным 168 см), то есть, при равной с американцем калорийности пайка, еще чуть менее нуждался в энергии.

В 1919 году (на тот момент состав пайка не отличался от положения на 1910 год) американская армия провела научное исследование, замерив в 427 армейских столовых фактический расход продуктов питания, объем еды, попавший в отходы, и рассчитав калорийность. Поводом к исследованию были жалобы на то, что солдат перекармливают. Методики подсчета калорийности на тот момент были другими, и давали результат на 30% выше исчисляемого по современным данным. Переводя на сегодняшние значения, нормативная калорийность пайка составляла 3740 ккал, фактически солдаты потребляли 2740 ккал. Это отнюдь не значило, что у солдат украли еду — напротив, они не доедали 5–7% от приготовленной пищи и чувствовали себя сытыми. Исследователи, учитывая большое количество отходов, предложили **уменьшить** паек до 3180 ккал.

Обезьяны, бананы и холера: почему петербуржцы не пьют воду из-под крана

Опыт с обезьянами

Нескольких обезьян сажают в клетку; в центре клетки под потолком висит привлекательная гроздь бананов. Когда первая из обезьян тянется к бананам, экспериментатор обливает ее холодной водой из пожарного рукава. Обезьяны тут же понимают, что бананы не для них. Потом из клетки забирают одну из обезьян и подсаживают новую. Обезьяна-новичок начинает тянуться к бананам, но обезьяны-старожилы разъясняют ей, что этого делать не следует, выйдет неприятность. Так, одна за другой, в клетке

заменяются все обезьяны. Ни одна из присутствующих обезьян теперь уже не знает, в чем именно заключается неприятность, настаивающая тянущегося к банану. Теперь экспериментатор с пожарным рукавом может уйти, но обезьяны, не осознающие, что опасность исчезла, все равно будут бояться прикоснуться к бананам.

Как люди узнали путь распространения холеры

Человечество издавна пыталось узнать, как именно распространяется холера — опаснейшая болезнь, смертность от которой достигала 75–85% от числа заболевших. К середине 19 века отгадка была найдена, и, что интересно, статистическим путем. В 1854 году, во время очередной вспышки холеры в Лондоне, доктор Джон Сноу догадался нанести жилища и даты появления заболевания на план городской водопроводной сети. И тут он понял, что все заболевшие пользовались одной водоразборной колонкой — где-то под землей питавшая ее водопроводная труба треснула, и в нее попадала зараза из канализационного коллектора. Без лишних раздумий доктор открутил от колонки ручку, после чего эпидемия прекратилась. Так была установлена связь холеры с загрязненной водой.

После этого микробиологам оставалось только подтвердить данные врачей гигиенистов. Первичное открытие холерного вибриона Филипо Пачини в 1854 году было забыто (никто не верил, что в такой второразрядной стране, как Италия, могут открыть что-то значимое), и открытие было повторно произведено в 1883 году куда более знаменитым Робертом Кохом.

Успешный пример Джона Сноу увел врачей от терапии холеры в сторону реформ городского водоснабжения. В Европе, при отсутствии методики лечения и вакцин, исключительно благодаря постройке качественных водопроводов, над холерой была одержана полная победа. В Англии и Франции холеры не было после Четвертой пандемии (то есть с 1860–х–70–х), в Германии — после Пятой (то есть с 1890–х), а Шестая пандемия смогла проникнуть только в Неаполь и в некоторые части Венгрии (1910–11), где и была тут же остановлена.

Холера в Петербурге

Холера всегда мучила Петербург особенно сурово. В 1831 году от холеры умерло 7 тыс. человек, причем городское население умудрилось устроить холерный бунт, протестуя против принудительных госпитализаций. Бунтовщиков пришлось утихомиривать лично Николаю I, его смелое выступление перед мятежной толпой изображено на пьедестале памятника на Исаакиевской пл. Усмирить удалось бунт, но не холеру. В 1848 году в городе умерло 16 тыс. человек. В 1863 году в городе появился водопровод, что, теоретически являлось гарантией от повторения эпидемии. В 1892 году от холеры в Петербурге умерло всего 1.6 тыс человек, что до некоторой степени было успехом. Учитывая, что водопроводная сеть развивалась, можно было рассчитывать, что эпидемия исчезнет навсегда — во всяком случае, именно так и произошло в Москве.

Но в 1908–1910 годах эпидемия вернулась. За три года в городе умерло от холеры 8.6 тыс. человек, каждый двухсотый горожанин. К ужасу врачей–гигиенистов оказалось, что на этот раз холера появилась в городе не вопреки развитию водопроводной сети — теперь каналом ее распространения стал сам водопровод.

Петербургский водопровод на тот момент состоял из четырех несвязных частей — Незаречной (охватывавшей весь левый берег), Василеостровской, Выборгской и Охтенской. Фильтры были только у Незаречной системы, а остальные подавали прямо неочищенную воду из Невы. Чем ниже по течению, тем грязнее была эта воды — то есть Василеостровский водопровод был самым грязным, а Охтенский — самым чистым. Фильтры Незаречной части были примитивными, это были так называемые медленные фильтры — плоские одноэтажные зальные здания, засыпанные песком. Вода подавалась на верх песчаного слоя, медленно просачивалась через него и собиралась снизу. Песок следовало регулярно менять, чтобы в нем не разводились микроорганизмы, но городские власти ленились это делать. Да и вообще, водопровод содержался небрежно и грязно.

Но самое главное, в Петербурге, в отличие от Москвы, не было канализации. Теоретически, стоки из выгребных ям надо было

вывозить в бочках за город, но это было дорого, и домохозяева намеренно устраивали выгребные ямы щелястыми, чтобы большая часть стоков отфильтровывалась в грунт. Результат был такой, что верхние слои грунта в городе были насквозь пропитаны фекалиями; при копании любой канавы из нее неслась жуткая вонь. И, разумеется, как только в водопроводе появлялась трещина или неплотный стык, водопроводная вода входила в контакт со всей этой гадостью.

Немедленно, в разгар эпидемии, исправить водопровод было невозможно. Поэтому городские власти стали выставлять на улицах в наиболее неблагополучных частях города цистерны с питьевой водой, а все водоразборные колонки и краны в казенных учреждениях увешали большими красными табличками, запрещающими пить воду из-под крана как опасную для жизни; этому же учили и детей в городских школах.

В общем, всякий житель Петербурга к 1910 году усвоил, что не следует тянуться к банану пить некипяченую воду из-под крана.

В последующие три-четыре года городская управа вошла в ум и раскачалась. На центральной водопроводной станции была построена еще одна ступень фильтров и воду начали хлорировать. Василеостровскую сеть подключили к центральной, ликвидировав независимый водозабор. На Петроградской стороне фирма «Сименс Гальске» построила новейшую фильтроозонную станцию с коагулированием и озонированием (это и по сегодняшним меркам солидная водоочистка). Почему именно на Петроградской стороне — да потому что избиратели городской Думы были домовладельцы, гласные домовладельцы, и члены городской Управы домовладельцы. По существу, городом правили девелоперы. Ну а центр нового строительства, как все уже догадались, был тогда на Петроградке. Был налажен непрерывный санитарный и бактериологический контроль над качеством воды. Более того, к 1914 году нашли уже и деньги на трубопровод и водозабор из абсолютно чистого Ладожского озера.

В общем, к 1914 году экспериментатор с пожарным рукавом уже ушел опасность холеры миновала. С этого момента и до наших дней (с коротким перерывом на разруху в 1918 году) из

петербургского водопровода льется вода питьевого качества, вполне безопасная в эпидемиологическом смысле.

Но петербуржцы, уже через пять поколений, по-прежнему твердо знают то, чему их научили в детстве старшие обитатели клетки горожане — не тянись к банану пей воду из-под крана.

На КДПВ — знаменитая Broad Street Pump, колонка с отломанной ручкой, на примере которой сообразительный доктор Джон Сноу доказал, что холера может распространяться через водопровод.

Без духовных скреп — I. Три стиля религиозности в старой России.

Воображаемая православность дореволюционного общества — одно из самых распространенных заблуждений. Сейчас я попробую кратко объяснить, как на самом деле выглядела религиозность позднеимперской эпохи. Название «Без духовных скреп» присвоено тексту потому, что трудно представить нечто менее похожее на эти набившие оскомину (но при том крайне неопределенные) скрепы, чем реальное православие старой России.

Начнем с того, что православие, догматически и организационно единое, на самом деле разделялось на три «религиозных стиля». Тут видна некоторая аналогия с «низкой», «широкой» и «высокой» церквами внутри Церкви Англии, но эта аналогия неполная — для англикан каждый отдельный приход принадлежит к тому или иному стилю, а в России все три стиля уживались внутри одного прихода и храма, в рамках общего богослужения.

Первый стиль мы можем условно назвать «народным» — это очень-очень средневековая, примитивная крестьянская вера, без всяких богословских представлений, даже без простого понимания слов молитв, но зато со страшной любовью к артефактам (мощи, чудотворные иконы, могилки старцев и т.п.) и к обрядности, богословский смысл которой верующему чаще всего неведом, а также к любого рода декорации — пышным иконостасам, позолоченным куполам. Это религиозный стиль простого народа, который поддерживали практически все люди без образования либо с начальным образованием.

Это вера крестьян и мещан малых городов, то есть основной народной массы. Из имущего класса данный религиозный стиль характерен только для самой малообразованной его страты — купечества; отношение всех образованных сословий к такому типу веры — от пренебрежительного до настороженного. Из духовенства сторонниками данного стиля являются только монахи — это единственная страта духовенства, где есть (иногда

даже на высоких должностях) совсем простые люди. Если объяснить дело грубо, то адепта данного стиля подозревают в том, что Святая Троица, по его мнению, состоит из Иисуса Христа, Божией Матери и Николая Чудотворца — в это и сейчас верят миллионы автомобилистов, украшающих свои торпеды именно этой версией иконы Троицы.

Второй стиль можно охарактеризовать как *«катехизический»*. Этот стиль предусматривает понимание сути религии, как богословской, так и моральной, но в простом изложении, обходящем все смутные и проблемные места, возникавшие при столкновении религии с новейшими открытиями науки и социальными теориями. Катехизическим я назвал данный стиль потому, что его основой являлся знаменитый Филаретов катехизис — четкое, суховатое изложение церковной догмы, на котором было основано преподавание Закона Божия во всех учебных заведениях с середины 19 века. Странники катехизического стиля продолжают верить в мощи святых, чудотворные иконы и чудеса в прошлом. А вот юродивые и чудеса в настоящем уже вызывают у них некоторые подозрения. Вопросами о противоречии между наукой и религией (или об отношении религии к несправедливостям текущей общественной жизни) эти люди стараются не задаваться; к духовенству они относятся в целом уважительно, но без фанатичного поклонения.

Данный стиль религиозности был самым мало-распространенным. Его носителем в эпоху Николая II были преимущественно пожилые, консервативные, почтенные дворянки. Мужчины-дворяне принадлежали к этому стилю, только если у них не было формального образования. В духовенстве сторонников у этого стиля было мало, может быть, какие-то пожилые священники низшего уровня образования (духовное училище) в провинции.

Такая ситуация выглядит парадоксальной — ведь на формирование именно этого типа религиозности была направлена вся казенная система обучения Закону Божию, от церковно-приходской школы и до университета. Но, не менее парадоксальным образом, весь этот громоздкий учебный механизм на самом деле не работал. В начальной школе, из-за

небольшого курса, незаинтересованности законоучителей и сложностей с непониманием детьми церковно–славянского до учащихся не удавалось донести никакой информации. В средней школе, а уж тем более в высшей, законоучитель не умел объяснить, откуда взялась вода для всемирного потопа, как соотносится творение мира за семь дней с геологическими эпохами и пр., что приводило учеников к полному презрению к предмету. Исключительную неуспешность Закона Божия в учебных заведениях можно легко сопоставить с современным курсом ОБЖ, который читается повсеместно десятилетиями, но не оставляет ни малейшего следа в душах и умах учеников.

Третий стиль религиозности можно назвать *«профессиональным»*, по простейшей причине — он с начала 18 века поддерживался в среде духовенства через духовно–учебную систему, то есть духовные семинарии и академии. Профессиональный стиль — это уже почти протестантизм, более всего он похож на «широкую» ветвь англиканской церкви. Сторонники данного стиля имеют осознанную веру и делают упор на моральную сторону религии, они привержены к регулярному богослужению, но еле терпят, ради простого народа, разного рода артефакты и дополнительные обряды (типа крестных ходов). Культ святых как таковой вызывает у них подозрения; раз он есть, надо его терпеть, но не надо форсировать (не случайно за два века синодального периода было менее десяти канонизаций). В чудеса они просто не верят, как в настоящем, так и в прошлом, но не признаются в этом, чтобы не раздражать простецов. Этих людей интересуют противоречия между наукой и религией, и они считают их примиримыми, преимущественно за счет символического восприятия Библии (семь дней творения на самом деле это эпохи и пр.); приблизительно так учат в семинариях и сегодня.

Сторонников у профессионального стиля было мало и очень мало, но все они были важными людьми. Во–первых, к профессиональному стилю принадлежали архиереи, ведь все они никогда не были монастырскими монахами, они получали высшее духовное образование и делали карьеру на духовно–учебной службе, то есть в самом рассаднике данных взглядов. Во–вторых,

через духовные семинарии такие взгляды становились наиболее распространенными и в среде рядового духовенства. И самое главное, к данному стилю православия традиционно принадлежали цари и высшая бюрократия (ну уж если не принадлежали, так притворялись).

Кроме трех стилей веры существовал еще один стиль мышления, который скорее можно назвать **стилем разуверивания**. Назовем этот стиль «ново-барским», так как стиль дворянства николаевской эпохи был скорее «катехизическим», и этот стиль стал преобладать в дворянской среде лишь в послереформенную эпоху. Сторонники «ново-барского» стиля есть люди в чем-то верующие, а в чем-то и вовсе неверующие. Они твердо верят в Христа, загробную жизнь, ад и рай. В то же время, если им сообщат, что Ноев потоп это выдумки, они не станут спорить и согласятся. Чудеса святых, мироточащие иконы и т.п. им кажутся суеверием простого народа. О религиозных обрядах у них нет никакого мнения, кроме того, что они малопонятны и скучны — церковь они посещают лишь для крещения, венчания и отпевания, и что там происходит, они не понимают. Эти люди не молятся (хотя дома у них есть икона в красном углу), не исповедуются и не причащаются — но не станут перечить тем, кто привык это делать. Отношение к любому духовенству у таких людей пренебрежительное, просто до отвращения. Когда они помирают, верующие домочадцы могут уговорить их исповедоваться и причаститься, но, пожалуй, они сделают это только чтобы не расстраивать близких.

Этот странный стиль религиозности-нерелигиозности с эпохи Александра II считался обязательным для всякого, кто закончил хотя бы шесть классов гимназии, а также для любого дворянина. Даже самые набожные люди автоматически соглашались с тем, что аттестат зрелости чудесным образом приводит религиозные взгляды его получателя в описанное выше состояние. Даже богомольные родители не надеялись уговорить сына-гимназиста читать молитвы, считая это делом заведомо бесполезным. Если ученик среднего учебного заведения отказывался в процессе обучения разувериваться, над ним к старшим классам начинали издеваться товарищи. При попадании

в университет такой уникам получал уже репутацию дауна, и с ним не разговаривали соученики. В общем, к началу 20 века сия странная недорелигиозность была обычнейшим делом для всего барского / образованного класса. Только люди совсем старые, воспитанные в николаевскую эпоху, еще поддерживали «катехизический» стиль православия. И только люди самые высокопоставленные, уже на уровне товарища министра, были вынуждены притворяться сторонниками «профессионального» стиля. Старшие чиновники, на уровне губернаторов, были вынуждены часто посещать разного рода официозные богослужения — и все, от церковного нищего до настоятеля храма, прекрасно понимали, что губернатор с университетским образованием дома не перекрестит лба, а последний раз причащался он в глубоком детстве. Раз в году чиновники сдавали начальству справку о говении (пост–исповедь–причастие), и все эти справки были просто куплены; даже тем, кто и на самом деле говел, было уже неудобно получать справку даром по–честному, и они стояли в общей очереди за фальшивой справкой.

Ну и разумеется, со всеми этими людьми сосуществовали атеисты современного типа. Атеисты состояли из двух групп — либо это были высокоразвитые люди с высшим образованием (можно считать это «*сайентистским атеизмом*»), либо люди с каким–то образованием и с противоположительными убеждениями (можно считать это «*политическим атеизмом*»). Атеисты обычно не скрывали своих взглядов, так как им ничего не угрожало ни в личном, ни в карьерном плане (открытый атеист мог спокойно дослужиться где–то до сенатора), поэтому о них в художественной и мемуарной литературе обычно говорится прямо.

Теперь, вооруженные этим ценным знанием, вы можете по–новому взглянуть на давно знакомых персонажей русской литературы и догадаться, к какому из описанных типов относится их религиозность; также понятнее станут и мемуары — ведь для мемуаристов всё, о чем я пишу, было просто подразумеваемым и не заслуживало упоминания.

Без духовных скреп — II. Религиозность в старой России: религиозные практики

Религиозные практики старой России — предмет интенсивной мифологизации. Современные т.н. «воцерковленные» православные тяготеют к весьма экзотическим практикам, в полной мере современным и никогда ранее не встречавшимся. Однако же, они не готовы это признать и с горячностью выдают свои новации за реконструкцию поведения, якобы свойственного людям старого времени. Попробуем разобраться, как на самом деле выглядела религиозная жизнь в конце 19 — начале 20 века.

Первое, что нас удивляет — отсутствие евхаристической концентрации, типичной для нашего времени. Все православные поголовно причащались один раз в году, обычно на Великий пост. Основная масса верующих говела (то есть постилась и затем исповедовалась) также один раз в году, и только некоторое количество наиболее рьяных православных делало это четырежды, в главнейшие посты. Связь глубокой религиозности с частым принятием причастия в умах людей того времени отсутствовала. Литургия регулярно завершалась тем, что священник, за отсутствием причастников, сам потреблял Святые Дары, что никому не казалось выражением маловерия паствы. А уж современную богословскую идею о том, что в идеале литургия должна заканчиваться общим причастием для всех, на ней присутствовавших, дореволюционный священник просто счел бы ужасной ересью.

Столь же холодноватым показалось бы современному православному и старинное отношение к исповеди. Исповедь в начале прошлого века принимали по-разному. Пожилые священники попроще чаще всего вообще не задавали вопросов, выслушивали всё, что угодно было сказать кающемуся, и без лишних слов отпускали грехи. Священники помоложе могли задавать короткие наводящие вопросы, но особенно лезть в душу к людям, которые не попросили об этом прямо, не было принято. А лезть к тем, кто попросил, не было ни привычки, ни времени.

Никаких епитимий священники не накладывали, если их об этом не просили. В чем бы человек не признавался, идея отлучить его от причастия священнику просто не приходила в голову. Ни о каких замшелых канонах Вселенских соборов духовенство просто не имело понятия.

Сегодня великое множество священников, по непрерывным просьбам своих прихожан, превратилось в гуру и начало старчествовать. Священники находят простодушным последователям женихов и невест, объясняют, какой работой им заниматься, где жить, что покупать и продавать, а иные из них (даже мне знакомые) доходили и до пояснений, в какой позе супругам заниматься сексом.

Ничего подобного в старой России не происходило. Священник воспринимался людьми исключительно как совершитель обрядов, или на худой конец законоучитель в учебном заведении. Мысль о том, что основная работа священника = это не бормотание по книжке, а подача персональных советов и указаний, разрешение личностных проблем, отсутствовала полностью и всецело. Если бы какой-то идиот решил спросить у священника указания, покупать ли ему корову или граммофон, священник то ли бы не знал от удивления, что и отвечать, то ли бы велел ему просить у бога прибавления ума.

Такое утверждение полностью противоречит тому, о чем мы привыкли читать. Что же старец Зосима из «Братьев Карамазовых» или Иоанн Кронштадтский? Да, разумеется, старцы Зосимы, вполне соответствующие современным представлением о старчестве, имелись и в те годы. Но такие люди были великой редкостью (а уж Иоанн Кронштадтский — и просто исключением из всех правил); старец, пользовавшийся уважением людей, случался не в каждом большом монастыре, люди шли к нему за сотни километров. Нынче же не только в любом монастыре, но и в самом простом приходском храме можно без труда обнаружить по три старца Зосимы на каждую дверь.

Привычка к посещению храма у людей была весьма и весьма различной. Пожилые богомольные женщины, не имевшие больших занятий, ходили на богослужения часто. Занятые верующие люди считали нормальным ходить в храм по большим

праздникам. Кое-кто ходил и каждое воскресенье. Но, в любом случае, никому не приходило в голову связывать искреннюю религиозность с обязательным еженедельным посещением богослужения. Человек, считающий себя глубоко верующим, без зазрения совести ходил в храм пять–десять раз в году.

Об этом же говорит и число церквей — в 1913 году на одну приходскую церковь приходилось 2900 человек православного населения (то есть 1400–1500 человек взрослых). Разумеется, даже в переполненном состоянии эта церковь не могла вместить и половины своих прихожан, а нормальная ее посещаемость в обычное воскресенье вряд ли превышала 5% от численности взрослых в приходе. Столь же очевидно, что священник не мог выступать руководителем в повседневной жизни и истинным, а не формальным, духовным отцом для столь большого количества людей.

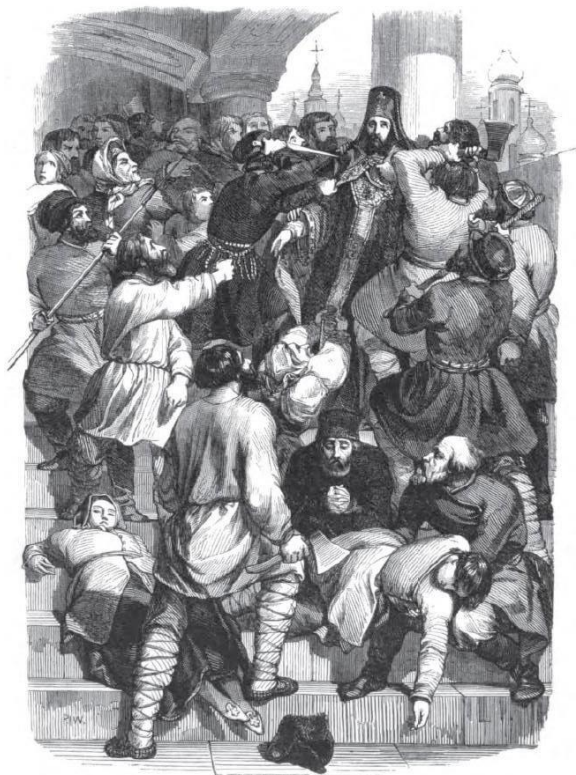
Все имеющиеся свидетельства говорят о том, что простой народ более, чем богослужение, любил любого рода движуху — крестные ходы, выносы чудотворных икон, освящения новых церквей, парадные архиерейские службы и т.п. Очевидно, что эти события были для занятых и задерганных людей той эпохи прекрасным отдыхом и развлечением. Но, как ни любил народ артефакты и связанную с ними активность, жестковатое церковное начальство следило, чтобы, не дай бог, не объявились новые святыни. Все многолюдные (и доходные для местного духовенства) народные сборища допускались лишь там, где они существовали веками, фабрикация новейших чудес пресекалась. Батюшка, у которого в церкви объявилась мироточивая икона (сейчас таких имеется несколько тысяч), немедленно был бы отправлен показывать эту икону якутам — по этой причине бог и не производил в ту эпоху чудес мироточения.

Ну и наконец, коснемся постов. Да, люди в старину постились, но не все и не поголовно. В большие посты продажи мяса падали на 30–35% в регионах с полностью православным населением, то есть постилась где-то треть горожан. Обычай поститься в среду и пятницу уже уходил, такой пост был признаком особо рьяного православного. Разумеется, все сказанное относится как минимум к зажиточным мещанам. Крестьяне и городские бедняки если так

мало мяса, что не есть мясо именно в посты и чуть чаще есть мясо не в посты не составляло для них затруднения. Кстати, корова не ведаёт про посты и доится непрерывно — так и молоко от нее все пили также непрерывно.

Из всего вышесказанного видно, что мир религиозности старой России ушел навсегда. Как бы сегодня ни пытались организовать православные люди свою жизнь, дважды войти в одну реку не получится. Современная религиозность в любом случае будет другой, что и есть естественно и правильно.

Без духовных скреп — III. Старая Россия: столкновение разных подходов к религиозности

ASSASSINAT DE L'ARCHEVÊQUE AMBROISE.

Трем стилям православной религиозности, описанным выше, было трудноато уживаться друг с другом. Точнее, средний, «катехизический» стиль более или менее совмещался с двумя другими, а вот между «народным» и «профессиональным» случались конфликты.

Самый известный из этих конфликтов — растерзание верующими московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), имевшее место в 1771 году. В Москве сделалась

эпидемия чумы, и архиепископ распорядился убрать почитаемую народом Боголюбскую икону, так как целование этой иконы способствовало, по его правильному мнению, распространению эпидемии. Насколько архиепископу казалось естественным отдавать подобное распоряжение, настолько же православному народу казалось естественным, что всякий, сделавший подобное, есть нехристь и враг веры, которого следует разорвать на куски — как и было поступлено. Долговременные последствия этой истории мне неизвестны. Как поступали с иконами в последующие эпидемии — может быть, кто-то из читателей знает и сообщит.

Весь 18-й век архиереи и Синод относились к попыткам внесения «народного» стиля православия в профессиональную среду жестко. Для примера, в 1723 году Черниговский епископ Иродион послал в Синод доношение, в котором доносил, что пятого мая поп Терентий, служивший в одной из черниговских церквей, видел вместе со знатными людьми, как образ Богоматери испускает слезы. Слезы собрали в сосудец, и они стали исцелять болящих. Такие истории в современной РПЦ приключаются раз в месяц, но вот реакция старинного церковного начальства была совсем иной: образ и стекшие от него слезы прислать в Синод, запечатав в удобный для этого ковчег, а попа Терентия выслать под крепким караулом. Два года провел поп Терентий в застенке, и Синод был настолько милосерден к нему, что его просто лишили священства и били кнутом нещадно (а могло выйти и много хуже).

Разумеется, перед нами типичный пример взаимонепонимания сторонников двух стилей. Все хотят хорошего. Поп Терентий, выходец из народа, верит, что чем больше артефактов и чудес, тем лучше. Архиереи, державшиеся профессионального стиля веры, считают, что имеющиеся мироточивые иконы могут оставаться таковыми (лишь потому, что народ взбунтуется, если их убрать), а вот новых не надо, дополнительно позориться незачем.

Надо было как-то объяснять попам Терентиям, в чем они неправы. Вначале эта профессиональная линия проводилась кнутом, а затем убеждением, через развивающуюся систему духовно-учебных заведений. К 19-му веку нравы заметно смягчились, кнут спрятали в кладовку, но и духовенство к тому

времени уже твердо усвоило, что мироточивые иконы в храмах появляться не должны, попы Терентии перевелись, и более образованные священники нового поколения уже сами стали искренне стесняться мироточивых икон.

Священники были постепенно переделаны / переубеждены, но, разумеется, о реальной переделке народного православия не могло быть и речи. Народная масса была столь огромна и столь малоубеждаема, а мысли людей столь загадочны, что даже перед весьма обширной сетью церковно-приходских школ, развернутой к 1900 году, не ставилось задача борьбы с религиозными предрассудками. Детей учили молитвам, священной истории в кратчайшем изложении, азам катехизиса, но попыток борьбы с суеверием, верой в артефакты и чисто обрядовым восприятием религии не делалось.

Казалось бы, к 1900 году система стабилизировалась. Народ немножечко замечал, что духовенство верит как-то не на народный манер — например, что архиереи по возможности игнорируют любимые народом манипуляции с артефактами, типа крестных ходов с чудотворными иконами — но и эта практика существовала так давно, что сама уже казалась православным обычаем. Стороны чуть ворчали друг на друга, посмеивались друг над другом, но по большому счету всё было спокойно и безопасно. Внезапный удар по спокойствию был нанесен с самой неожиданной стороны — из императорского дворца.

Императрица Александра Федоровна, по плохо установленным причинам, к 1900 году неожиданно перешла к православию «народного» стиля. Трудно понять, что привело немку с первоначальным протестантским воспитанием к столь экзотическим для ее среды воззрениям. Традиционное объяснение — стремление получить чудесную поддержку и родить наследника, а затем беспокойство за его здоровье. Но, так или иначе, императрица полюбила именно то, что казалось людям из высшего общества наиболее дурновкусным — чудеса святых, юродивых, земельку с могилки старцев и пр.

Первым проявлением этого стала канонизация Серафима Саровского в 1903 году. Серафим Саровский — настоящий

народный святой, с медведем, видениями, очень сомнительными пророчествами, чудотворным горшком, который надо надевать на голову для исцелений, и канавкой, через которую не может перейти злая сила. Култ Серафима существовал в народе непрерывно, зародившись еще при его жизни, паломники валили валом, Саровский монастырь процветал, но о канонизации такого святого не могло быть и речи — уже 200 лет Синод канонизировал только ученых архиереев чистой жизни, по одному в 50 лет. Но императрица надавила — и Синод очень неохотно пошел на попятную. В последний момент архиереи пытались представить императрице довод, подогнанный под «народное» православие — мощи св. Серафима представляют собой костные останки, а народ привык к тому, что тела святых остаются нетленными (разумеется, с точки зрения самих архиереев это ровно ничего не значило). Но и с этим затруднением легко справились — акт освидетельствования мощей был фальсифицирован. Народ вокруг императорской четы ликовал, духовенство было расстроено — императрица всунулась не в свое дело, вела себя неподобающим образом, сбивала простых людей с толка, потакая их предрассудкам.

Пока одни архиереи тихо ворчали, осуждая царей в кулуарах Синода, другие, более сообразительные, попытались использовать религиозность Александры Федоровны на пользу своей карьеры. Последствия оказались просто ужасными. Группа петроградских духовных лиц решила улучшить свое положение, подобрав для императрицы народно-православного гуру, которого бы они так или иначе контролировали бы. После нескольких неудачных опытов ими был представлен ко двору Григорий Распутин (разумеется, первичный план провалился, и гуру немедленно вышел из-под контроля).

Все последующие события я считаю удивительными и не имеющими аналогов в истории — традиционный религиозный подспудный конфликт *высшее духовенство — народ* преобразовался в конфликт *высшее духовенство — дворец*, в котором императрица, бог знает почему, взялась исполнять партию народа. Самое странное, что взявшись выступать в качестве представителя народа, интровертная Александра

Федоровна не позаботилась известить о том народ, который искренне не заметил в ней защитника простонародной религиозности, с годами всё менее ее любил, а к моменту революции и просто возненавидел.

Распутин, несомненно представлявший простонародную религиозность в самом ее безобразном, нутряном (хлыстовском, по мнению многих) виде, быстро ухитрился расколоть церковное руководство. Большинство архиереев его открыто ненавидело, меньшинство стремилось заручиться его поддержкой — но за это меньшинство было ненавидимо большинством. В общем, церковный мир пришел в такую конфигурацию, в которой к концу проблемного царствования Николая II находились уже все общественные институты — все рассорились, разодрались и начали кататься клубком. Заметим, что церковь однозначно и мгновенно поддержала Февральскую революцию, прекратив поминать царя за богослужением на следующий день после его отречения.

Если сторонником профессиональной религиозности приходилось терпеть религиозность народного типа в народе, то ее было просто невозможно было терпеть в человеке, близко общающемся с императорской четой. И это привело к тому, что Распутина возненавидели не только архиереи, но и все прочие сторонники профессионального религиозного стиля — то есть все старшие бюрократы. Поскольку Распутин, надеясь на свою удачу, все более и более хамел, его затем возненавидели и люди с религиозностью «ново-барского» типа — а это уже были все поголовно издатели, журналисты и читатели газет, то есть как раз та прослойка общества, которая и именовалась тогда «общественностью».

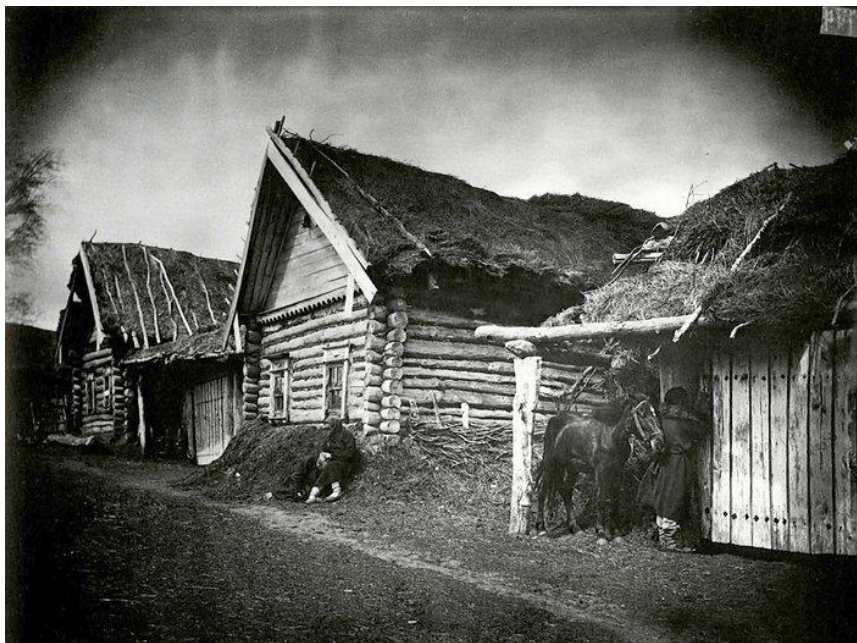
И тут конфликт, когда-то имевший в своей основе выбор императрицей «неправильного» религиозного стиля и традиционные, весьма умеренные, трения между «народной» и «профессиональной» моделью православия, начал приобретать эпические черты. Дальнейшие события — травлю Распутина в прессе, потерю императорской четой всяческой общественной репутации, общее убеждение в аморальности и государственной

измене Александры Федоровны, и дальше, и дальше, вплоть до казни Романовых — знают все.

Разумеется, события эти были комплексными, и имели множество одновременно действующих причин. Мой рассказ направлен лишь на то, чтобы подчеркнуть менее понятный сегодня аспект старинного конфликта. Он развивался так, как развивались многие конфликты эпохи — маловажное первоначальное столкновение, ответная эскалация со стороны обиженных, ответная эскалация со стороны обидевших — и вот уже конфликтующие вцепились друг в друга без надежды на примирение в обозримой перспективе.

В этом смысле неуместная инициатива императрицы по канонизации Серафима Саровского подобна, например, нападению полиции на демонстрацию студентов на Татьянин день 1899 года. Первое событие привело, через множество промежуточных шагов, к тому что в 1916 году 90% населения России считало императрицу германской шпионкой. Второе же, также через массу промежуточных событий, привело к заметной революционизации студентов, а затем, к 1911 году уже и к конфликтам между правительством и профессурой — а это, в свою очередь, дало России к 1914 году образованный и правящий класс, в котором люди моложе 40 лет с юности были приучены относиться к правительству с омерзением. И странно было уже вспоминать, что еще 20 лет назад первичный конфликт был чем-то совсем безобидным — ну, например, монастырское начальство гоняло паломников, желавших взять чудотворную земельку с могилки непризнанного старца.

Когда наша страна была разной: царская Россия как экспериментальная площадка

Дореволюционная Россия традиционно описывается как страна, в которой правительство пыталось всё подмять под себя, унифицировать, русифицировать и выкрасить серым. Возможно, таковой и была мечта царской бюрократии, но реализовать ее никто даже не пытался – чиновников было настолько мало, что любой сложившийся местный порядок очень часто приходилось принимать как он есть, ломать его и приводить к общеимперскому образцу чаще всего было просто некому.

Как результат, послереформенная империя на самом деле выглядела как экспериментальная площадка, предназначенная для испытаний самых разнообразных социальных и государственных институтов. Для начала, на разных территориях России одновременно действовало русское гражданское право (не относимое, увы, ни к какой разумной правовой системе), кодекс

Наполеона, шариат, старое германское право (в состоянии на конец 17 века) и напридачу еще византийской право по Шестикнижию Арменопула (14 век). Департамент духовных дел иностранных исповеданий (подразделение МВД) рассматривал жалобы на постановления раввинских судов по семейным делам и выносил решения, основанные на талмуде (да, да, с цитатами из книги Шулхан–Арух на древнееврейском и подписью Столыпина). Города Прибалтики до середины 1880–х управлялись по Магдебургскому праву – тоже в его версии конца 17 века – и это одновременно с первыми опытами электрического освещения. И так далее.

Самая характерная зона, в которой была в полной мере сохранена эта удивительная многоукладность – крестьянский строй. Традиционно Россия представляется как страна с косными, вшивыми (вариант: благостными и полными естественной мудрости) крестьянами, объединенными в передельные общины, разделяющие надельную землю по полоскам, управляемые своими сходами и выборными. На самом деле всё было сложнее. В стране одновременно действовало семь вариантов аграрного строя, причем четыре из них практиковались у русских (в дореволюционном широком понимании, включающем украинцев и белоруссов). Вот как выглядел этот набор:

1. Общинный передельный строй, самый расхожий вариант для Европейской России. Вся земля находится в коллективном владении крестьянской общины, которая имеет право регулярно производить переделы между дворами, самостоятельно выбирая принцип, по которому этот передел производится. Право на надел имеет каждый, кто готов платить приходящиеся на него подати. По факту владение всегда чересполосное – земля разделена на поля, а внутри каждого поля нарезано множество полосок, у каждого хозяйства столько полосок в каждом поле, сколько ему выделили долей при переделе. Крестьянская земля не передается по наследству: она принадлежит двору, а двор существует непрерывно, умер старый дворохозяин, кто-то из членов семьи стал следующим. Крестьяне судятся своим выборным судом, который не следует общегосударственному писаному гражданскому правому, а принимает решения «по местным

обычаям», то есть произвольно. Надел можно продать только крестьянину своего же общества (да и это сделать сложно), его нельзя заложит под кредит, но можно сдать в аренду. Крестьянам принадлежит половина земли (к началу ПМВ – две трети), то есть почти все они то ли подрабатывают по найму у помещиков, то ли арендуют у них землю. Крестьяне платят (до 1907 года) выкупные платежи за свои наделы, в принципе, они как будто бы купили землю у государства в очень длинную рассрочку. До 1903 года в общине действует круговая порука – за неуплату налогов любым из членов общины отвечают все остальные. В принципе, передельная община вольна разделить землю раз и навсегда (превратиться в подворную), или сохранить за собой право на переделы, но не производить их никогда.

2. Общинный подворный строй, типичный для Западного края (Литва, Белоруссия, Правобережная Украина) – в этой зоне крестьяне русские, а помещики поляки. Главное отличие подворного строя от передельного то, что крестьяне здесь совсем незнакомы с идеей коллективного землевладения. Как только из них в ходе крестьянской реформы создали общины, они тут же разделили их на подворно–наследственные участки, которые уже нельзя далее переделывать. Подворно–наследственные участки также принадлежат дворохозяйству и от этого не являются предметом наследования, и они так же состоят из множества полосок. Таким образом, для крестьян подворников их сельская община является не коллективным владельцем полевой земли, а, скорее, низовой муниципальной единицей. В Западном крае крестьяне платят выкупные платежи, но на чуть более льготных условиях. Всё остальное то же самое, что для передельной общины.

3. Казачий строй. Это тоже общинный строй, но очень своеобразный – вся земля казачьего войска принадлежит войсковому населению в целом, включая сюда и офицеров. На практике земля поделена между станицами, но это не навсегда – войсковой круг (собрание выборных) имеет право передавать землю от одной станицы к другой. Станица (это аналог волости) распределяет землю между дворами, но не по произвольному принципу, а всегда по одинаковому (казак служилого возраста – одна доля). Хутор, соответствующий сельскому обществу в России,

вообще не занимается землей, это просто низовой муниципалитет. Земли очень много, у каждого есть своя доля, и есть еще свободная неподеленная земля. Эту землю сдают в аренду иногородним – иногда станицы пускают к себе целыми деревнями российских крестьян, образующих общины–арендаторы. Доходы от общих земель заменяют налоги, в принципе, казаки не платят податей и выкупа (но зато имеют повышенные обязательства по воинской повинности). В принципе, государство обещает казакам, что когда они размножатся настолько, что наделенность землей упадет до минимальной нормы (весьма большой), казна купит и отдаст войску дополнительную землю. Казачью землю нельзя продавать вообще (но можно арендовать). Суд у казаков также свой, только с двумя инстанциями, и судит также по местным обычаям.

4. Переселенческий строй. Этот строй сложился в Сибири. Он очень похож на обычный общинный, но с одним важным отличием – земля не принадлежит переселенческой общине, она передано ей государством в бессрочное пользование. У этого есть два важных последствия. Во–первых, землю в Сибири нельзя продавать и покупать. Во–вторых, государство сохраняет за собой право подселять в общину новых переселенцев без ее согласия, пока наделенность землей не упадет до минимальной нормы. В Сибири нет помещиков и вообще частных землевладельцев, вся земля крестьянская. Земля отдана в пользование крестьянам практически даром, выкуп за нее платить не надо, а налоги не выше, чем в Европейской России. Практическое землепользование сибирской общины зависит от того, насколько плотно населена ее территория: пока земли сильно больше, чем нужно для хозяйства, практикуются перелог (каждый берет какой хочет кусок, пользуется им несколько лет, бросает и берет следующий), потом общины переходят к фиксированному землепользованию, а иногда, когда становится совсем тесно, начинают переделывать землю. Настоящий сибирский земельный строй – это беспорядок; все пользуются не тем, что записано за ними на бумаге, много земли не обмерено, не учтено, права всех лиц неясны и всегда сильно отличаются от номинальных.

5. Польский крестьянский строй. Земельное устройство польских крестьян происходило сразу после восстания 1863 года, и

его использовали для того, чтобы наказать польских дворян, поэтому крестьяне были наделены землей на куда более льготных условиях, чем российские – они не платили выкупа за землю, им просто чуть–чуть увеличили налоги, да и то не всем. Польша также не знала общинного землевладения, крестьяне владели землей подворно (но чересполосно). Крестьяне могли продавать землю, но только крестьянам. Вместо крестьянской волости в Польше была всесловная гмина, в которую входило и неземледельческое / некрестьянское сельское население – это уже совсем похоже на обычный муниципалитет. Крестьяне судились собственным судом, имевшим две инстанции, но не мутным «местным обычаям», а по Кодексу Наполеона, в котором важные для села вопросы – земельная аренда и наследование – разобраны весьма подробно. В Польше, как и в России, земля была разделена приблизительно пополам между помещиками и крестьянами, но, в отличие от России, дворяне удерживали свои владения, до последнего сидели в имениях. Отношения между дворянами и крестьянами были невероятно запутаны, так как при наделении крестьян землей были зафиксированы многочисленные взаимные сервитуты с помещиками.

6. Остзейский крестьянский строй. Немецкие помещики в Остзейском крае весь 19 век шли своим путем. Вначале, очень рано (в 1810–е) они освободили эстонских и латышских крестьян без земли, и те превратились в весьма бесправных батраков. Потом, в 1860–70–е, они продали около половины своей земли крестьянам. Но не всем, как в России, крестьянами–землевладельцами стали 10–15% от крестьян, а остальные получали участок в аренду, а за это работали на барщине. За это хозяйства у крестьян–землевладельцев были большими, крепкими, всегда хуторскими (то есть у крестьян был компактный участок земли, на котором они и жили). Барщина к середине 19 века кончилась, 85% крестьян либо работали в помещичьих хозяйствах по найму, либо ушли в города. Постепенно жизнь батраков наладилась, – помещикам приходилось конкурировать с городами за рабочие руки – и в начале 20 века наемный сельскохозяйственный рабочий в Прибалтике был уже более зажиточным, чем средний крестьянин центральных губерний России. Прибалтийские крестьяне

выкупали землю по индивидуальным соглашениям с помещикам, по нормальной рыночной цене, без помощи государства, пользуясь коммерческим ипотечным кредитом. У прибалтийских крестьян вообще не было сельских обществ (они не очень нужны, если все живут хуторами), а волости были устроены хитро – крестьяне делились на два разряда, собственников и батраков, и на выборах первые имели преимущество. У крестьян был свой суд, который судил по особому письменному гражданскому праву Остзейских губерний. Прибалтийские народы традиционно не дробили хозяйств, оставляя фермы младшим сыновьям, старшие сыновья обычно уходили из семьи в города.

7. Среднеазиатский строй. Как ни странно, земельный строй оседлых народов Средней Азии был больше всего похож на порядки, распространенные сегодня в развитых странах. Крестьяне владели компактными участками земли на праве полной частной собственности, могли свободно, без всяких сложностей продавать их кому угодно. Крестьяне составляли общины (аульные общества), но эти общины не имели никакого отношения к землевладению, они были ирригационными, то есть занимались содержанием арыков и плотин, раздачей воды между своими членами. Волости, точно такие же, как и в России, были навязаны сартами русской властью; волостные управители теоретически были выборными, но на деле назначались властями за взятки и поголовно были негодьями и вымогателями. Крестьяне судились своим выборным народным судом из двух инстанций (суд казия и совет казиев), по шариату, который в части имущественных и наследственных отношений является хорошо разработанным правом. Помещиков, да и крупных землевладельцев вообще, в Средней Азии не было, но аренда и наемный сельскохозяйственный труд были широко распространены.

Но и эти семь систем не удовлетворяли российскую власть. С 1906 года началась так называемая «столыпинская» аграрная реформа. Реформа проводилась только там, где были распространены общинная передельная и общинная подворная системы (то есть в Европейской России без Остзейских губерний), и была факультативной, то есть все желающие были вольны

остаться при старых порядках. Таким образом, была создана восьмая система.

8. Реформированный (столыпинский) крестьянский строй. Все желающие крестьяне получают право выйти из передельной общины и укрепить свой надел в собственность. По возможности, им следует дать надел к одному месту (то есть компактно). Надел, укрепленный в собственность, можно продавать, но только крестьянам; каждый крестьянин может купить не более шести наделов. Выкупные платежи отменяются. Если более половины крестьян желают выделиться, то община как коллективный землевладелец распускается и все ее земли раздаются по дворам. В теории, правительство вообще хотело разделить сельское общество на муниципалитет, не имеющий отношения к владению, и хозяйственное товарищество, управляющее общими землями (там, где крестьяне пожелают продолжать владеть чем-то сообща) – эти планы не удалось провести через Думу. Волость хотели сделать всеобщей – это тоже не прошло через Думу. Крестьянский суд переделали на более сложный манер, у него появилась вторая инстанция с образовательным цензом для председателя, но этот суд по-прежнему судил по местным обычаям.

Очевидно, что такое разнообразие аграрных / муниципальных порядков было интереснейшей экспериментальной площадкой. За что бы критики не ругали традиционный общинный строй, всегда рядом был альтернативный строй, в котором всё было устроено наоборот. Псковским крестьянам мешает передельная община – ага, поглядим, что там получается у соседей белоруссов с подворной общиной и соседей-эстонцев с индивидуальными фермами. Волостной суд у подольских крестьян судит без всякого закона вкривь и вкось – посмотрим, что творится у соседей-польских крестьян, где гминный суд руководствуется кодексом Наполеона. В Сибири нельзя ни купить, ни продать землю – посмотрим, что получается в Средней Азии, где земля свободно продается и покупается. И так далее.

И каковы же выводы из этого замечательного эксперимента? В этот пост ответ не влезет, ждите продолжения. Сразу скажу, что выводы вышли озадачивающие, контринтуитивные.

Кого и как впускали в Российскую империю

Вопреки распространенным представлениям о том, что до Первой мировой войны по всему миру можно было перемещаться без виз, въездные визы в Российской империи существовали. В принципе, правительство считало, что иностранцы допускаются в империю свободно, а выдача виз — всего лишь техническое мероприятие, избавляющее пограничную стражу от необходимости знать все формы паспортов всех стран мира (да и вообще, от необходимости знать латиницу). Виза, таким образом, была лишь подтверждением от российского посольства/консульства, что документ, предъявляемый иностранцем, есть действительный паспорт. Учитывая, что у России имеются и восточные соседи, это выглядит не так глупо — как жандармскому вахмистру на пограничном переходе понять, что за китайскую (или персидскую) бумагу ему показывают?

Разумеется, правительство сохраняло за собой право отказывать в выдаче визы иностранцам, которых посольства *имели*

основания признавать неблагонадежными, но на практике у запрашивавших визу не спрашивали ничего, кроме национального паспорта, так что и отказать посольства могли лишь тем, кто имел публичную известность как революционер или недоброжелатель России — грубо говоря, Карла Маркса в Россию не пустили бы. В теории, правительство имело также право вести стоп-лист для нежелательных иностранцев, но о практическом существовании такого я не слышал.

По иностранному паспорту в России можно было проживать полгода, после этого иностранцам следовало обращаться к губернатору для получения российского *вида на жительство*. В этот момент они и должны были объявить свое состояние, занятие, место проживания и источник дохода. Российский вид на жительство (то есть паспорт либо паспортная книжка) пришивался к иностранному; при выезде из России его отрезали и забирали. Получив российский вид на жительство, иностранцы имели право проживать в России сколько им угодно. Желающие вступить в российское подданство подавали отдельное *заявление о водворении*, что давало им право на получение подданства через пять лет.

Но, однако же, существовали и категории лиц, которые не допускались в Российскую империю в общем свободном порядке.

Категорически не допускались в Россию:

1. **Цыгане.** Тут комментарии излишни.

2. **Иезуиты.** Разумеется, это след общемировых гонений на иезуитский орден второй половины 18 века; до России представление об иезуитском ордене как о всемирной заговорщической организации (нечто вроде ранней версии тайного мирового еврейского правительства) дошло относительно поздно — иезуитов выслали из страны в 1820 году.

3. **Шарманщики, разносчики аптечных материалов, продавцы гипсовых фигур, и вообще лица праздношатающиеся.** Шарманщика на границе выявить легко, ибо шарманка предмет крупный. Но как они определяли *лиц, вообще праздношатающихся?*

4. Румынские евреи, не имеющие средств существования.

Интересно, что всех прочих евреев впускали независимо от наличия таковых средств.

5. Последователи наиболее вредных раскольнических (то есть православных старообрядческих) сект, к каковым правительство относило:

- не признающих пришествия в мир Иисуса Христа;
- не признающих никаких таинств и никакой власти Богопоставленной;
- допускающих человекообожение (привет Поклонской с ее мироточивым бюстом);
- посягающих на оскпление себя и других;
- отвергающих молитву за царя;
- отвергающих брак или допускающих временные браки.

Характерно, что все эти приметы, кроме оскпления, весьма хорошо подходят и к буддистам, которых впускали в Россию свободно.

Евреи могли попасть в Россию только с большими ограничениями. Их впускали только в губернии черты оседлости (то есть туда, где имели право жить российские евреи), и не более чем на год. Постоянное водворение в России для евреев разрешалось, опять же, только в черте оседлости, и только тем, кто обязывался в течение трех лет инвестировать средства в открытие собственных фабрик и заводов, а также фабричным мастерам. В принципе, представителям крупных торговых домов и банкирских заведений разрешалось проживать в России повсеместно, но на это для каждого отдельного случая требовалось согласование министра внутренних дел.

Эти нормы в начале 20 века спровоцировали серьезный кризис в отношениях с США. Несмотря на то, что торговые сношения США с Россией были незначительны, американские еврейские миллионеры по принципиальным соображениям смогли натравить американское правительство на Россию, американцы потребовали свободного допуска в страну всех своих граждан, а когда Россия отказала, не возобновили в 1912 году

торговый договор, что привело в некоторому ущербу для взаимной торговли и инвестиций.

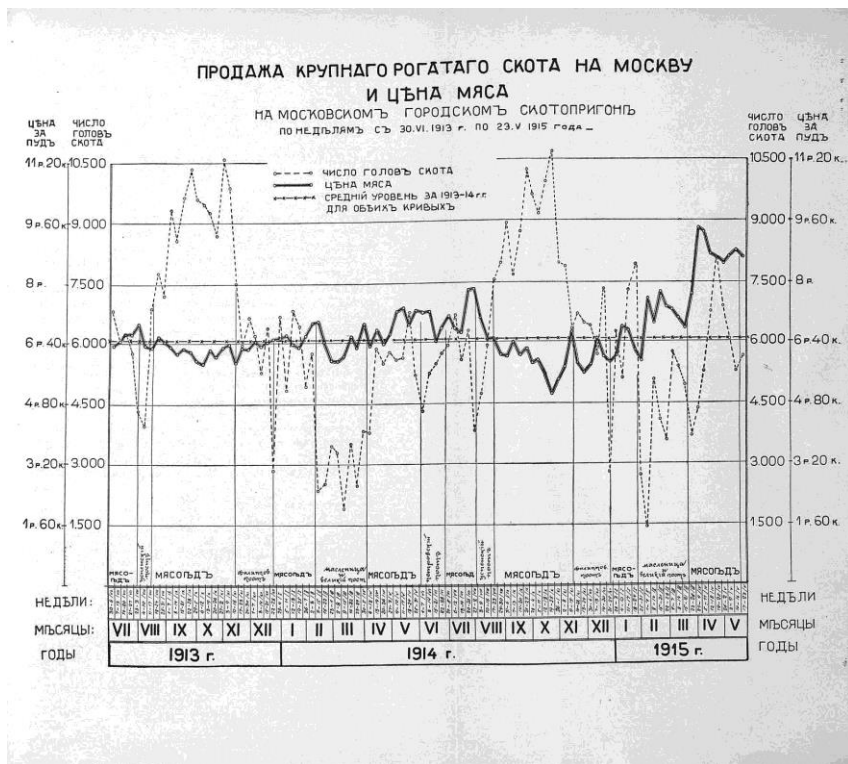
Еще одна категория лиц, въезд которых в Россию жестко регулировался — **православное духовенство восточных церквей**. Все *духовные выходцы с востока* могли въезжать в Россию лишь при наличии особого (дополнительного к паспорту и визе), разрешения Св. Синода, а архиереи — лишь по отдельному разрешению императора. Тут необходимо понимать, что ни одну бумагу в Синоде менее, чем месяцев за 8–10, выправить было невозможно. Как появились такие странные нормы? Это были следы той эпохи, когда все восточные православные церкви находились на территории Турции, более или менее угнетались, а их духовенство регулярно ездило попрошайничать в относительно богатую Россию. Прошли годы, значительная часть православных стран получила независимость, но инерционное русское правительство продолжало воспринимать восточных духовных как попрошаек–полумошенников.

Особенно мерзкими и опасными для имперского правительства представлялись **афонские монахи** (на заметку современным чиновникам–любителям поездок на Афон). С эпохи Александра I правительство не признавало монашеских постригов, совершенных на Афоне над русскими подданными, и уголовно преследовало таковых (если они желали вернуться в Россию) как мошенников и бродяг. Разумеется, причина тут была в опасениях правительства, что русские проходимцы купят на Афоне документы о монашеском постриге, и всю остальную жизнь проведут в России, жульнически собирая деньги на содержание афонских святынь и присваивая их; всё это много говорит о реальной репутации Афона в глазах знающих людей той эпохи. Понятно, что заодно в Россию не пускали и афонских монахов–греков.

Были и льготные категории — **приграничные жители** по границе в Австрией и Россией. Они могли въезжать в Россию без паспорта и визы, получив в своей местной полиции *легитимационный билет*, дававший право находиться в России не далее 3 миль от границы на срок до 4 недель. На самом деле на трехмильное ограничение никто не обращал внимание, и поляки

из всех трех частей бывшей Польши — российской, австрийской и немецкой — благодаря этим билетам свободно перемещались через границы, что чрезвычайно способствовало поддержанию польского национального самосознания.

Соблюдали ли люди посты в царской России?

Постился ли православный народ в России времен Николая II? Это вопрос мне не раз задавали при обсуждении предшествующих постов о реальном уровне религиозности в поздней имперской России.

На удачу, на этот вопрос мы имеем довольно точный ответ, во всяком случае для Москвы. Во время Первой мировой войны, когда стало понятно, что цены растут, а товары становятся дефицитными, была образована Комиссия по борьбе с дороговизной. Дороговизну комиссия побороть не смогла, но зато смогла привлечь к своей работе толковых экономистов и статистиков, которые собрали и обработали великое множество интересных данных.

Среди прочего, комиссия собрала данные по потреблению мяса в раскладке по неделям, за несколько лет. Делалось это для того, чтобы при дальнейшем планировании (предполагался переход на госрегулирование поставок продовольствия в город) учитывать традиционные колебания потребления, связанные с сезонностью и православными постами. Выводы комиссии были сведены в толковый график, с которого начинается данный пост.

На первый взгляд мы видим большие годовые колебания сезонного потребления мяса, минимальный и максимальный уровни потребления различаются в 3.2–3.3 раза. Если смотреть невнимательно, то можно подумать, что в пост потребление мяса падало на две трети. При внимательном анализе мы заметим, что дело обстояло не так.

Давайте примем следующую рабочую гипотезу:

— все москвичи потребляют одинаковое количество мяса (это заведомо неверно, но у нас нет данных для построения более сложной модели);

— непостящиеся потребляют мясо весь год равномерно, а постящиеся не едят мясо в пост, но зато в мясоед едят его интенсивней, чем непостящиеся.

При такой модели мы замечаем, что среднее потребление в 6000 голов в неделю падает в Великий пост (годовой минимум) до 3000 голов в неделю, то есть ровно 50% населения Москвы не постится никогда. Кто такие были эти 50% постящихся и 50% непостящихся?

Все нарративные источники связывают обычай поститься с деревенской культурой и, отчасти, с небольшим слоем старозаветного, необразованного (но при этом прилично устроенного) городского населения — с зажиточными мещанами и купцами традиционного типа.

Перепись 1897 обнаружила, что из 1037 тыс. жителей Москвы 530 тыс. (51%) родились не в Москве. К 1912 году численность населения Москвы выросла до 1612 тыс. жителей, при этом процент родившихся не в Москве возрос до 57–58%. Естественный прирост населения города был относительно невелик — 1–1.1% в год при 1.7–1.9% по стране в среднем — и потребность города в

новых рабочих руках не обеспечивалась местными уроженцами. Следовательно, гипотеза, что постанут понаехавшие и небольшая часть дремучих коренных москвичей, а не постанут основная масса коренных москвичей и продвинутые понаехавшие, выглядит правдоподобно.

Но на графике видны и более сложные явления. Во-первых, в Великий пост потребление мяса падает до 3000 голов в неделю, а в четыре других, более коротких поста — всего лишь до 4500 голов в неделю. Во-вторых, совершенно не в каждый мясоед православные едят мясо одинаковым темпом. Всё, что они недели в Великий пост, они съедают не сразу же после Пасхи, а в следующий мясоед, между Успенским и Филипповым постами: после Пасхи потребление мяса не превышает 6000 голов в неделю, а к осени подскакивает до 10000. И в тот, и в этот периоды православным можно есть мясо в равной мере, так что перед нами нерелигиозная традиция питания.

Нетрудно догадаться, что обычай голодать весной, умеренно питаться летом и объедаться осенью является просто крестьянской традицией, переехавшей в город вместе с его новыми обитателями. Весной крестьянин голодает, потому что у него заканчивается еда, летом питается нормально, потому что летом много работы, и без нормального питания ее не сделать, а осенью обжирается, потому что период после урожая — единственное время, когда у него есть свободные деньги и запасы, можно порадоваться и пожить в свое удовольствие. Пик зачатий у крестьян тоже приходится на осень. В городе это обычай не имеет смысла — доходы у рабочего одинаковые круглый год — но отказаться от привычек, въевшихся в кровь с младенчества, очень и очень сложно. У тех, кто соблюдает эту традицию, весенний период голодания и экономии прицепляется к Великому посту (и они сами искренне верят, что постанут по религиозным соображениям), но вот четыре других поста как-то забываются.

Теперь наша гипотеза приобретает следующий вид:

— 25% населения Москвы это недавние крестьяне, которые соблюдают все посты, но всё мясо, несъеденное в посты, съедают с середины августа по середину ноября, в мясоед между Успенским и Филипповым постами;

— 25% населения Москвы это также недавние крестьяне, но не столь религиозные; четыре малых поста они не соблюдают, но зато сохранили обычай весной не есть мясо, летом есть умеренно, отъедаться с конца августа по ноябрь; в рамках соблюдения этого обычая они привязывают весенний период малоедения к Великому посту;

— 50% населения Москвы это местные уроженцы всех сословий и уровней благосостояния, а также неместные уроженцы образованного класса; они не соблюдают посты, а мясо потребляют на городской манер, то есть равномерно в течение всего года.

Если пересказать этот длинный вывод в одной фразе, то не постились практически все люди, родившиеся горожанами и потерявшие связь с деревенской культурой.

Впрочем, нам не нужно забывать, что уровень потребления мяса у людей разной степени зажиточности различался. Разница между чернорабочим и интеллигентным служащим была практически двукратной, так что, возможно, настоящее отношение постящихся–пседопостящихся–непостящихся было 30–30–40%.

Что не так с Марком Солониным

В последнее время мне часто попадаются на глаза поклонники Марка Солонина; прежде всего, это уважаемая мною Латынина. Честно говоря, круг тем, исследуемый Солониным, никогда меня особо не занимал, но тут я решил разобраться в деле, скачал кое-какие сочинения Солонина и даже прочитал его базовую книгу «Июнь 41. Окончательный диагноз». Изложу впечатления по отдельным пунктам.

1. От прочтения книг Солонина возникает впечатление, что он ломится под открытую дверь. Основная специализация Солонина – начало ВОВ. Основные тезисы – РККА потеряла управляемость, практически не смогла сопротивляться напору врага, в панике побежала, побросав имущество, а военнослужащие в огромном количестве попадались в плен.

Позвольте, а что тут нового? Всякий внимательный школьник еще в глухую советскую эпоху замечал, что именно это (пуская между строк) написано даже в примитивнейшем школьном учебнике. Как можно было не заметить, что немцы могли оказаться в 60 км от Москвы через четыре месяца после начала войны лишь при условии, что все эти четыре месяца РККА безостановочно, темпом около 10 км в день, отступала? Не особо скрывались и огромные цифры попавших в плен в первые месяцы войны, гибель огромного процента боевой техники и т.п. Художественная литература и кино также рисовали события начала войны в самом темном свете.

Разумеется, глупо ругать Солонина за то, что он прокопал архивы, найдя множество частных подтверждений того, что генерально было очевидным всегда. Но в чем новизна его выводов, которая как бы следует из его задорного, полемического тона, обычного для открывшего новый материал, противоречащий предшествующим пред-ставлениям? Невозможно понять.

Солонин, на мой вкус, более притворяется ревизионистом, чем им является на самом деле.

2. Бойкость Солонина и его склонность к полемике – при научной честности – привели к тому, что ему приходится спорить

с какими-то идиотами, фриками и совсем уж оголтелой ура-патриотической пропагандой, в то время как дискуссии с вменяемыми людьми не получается, так как те не понимают, а о чем тут спорить. Солонин напоминает географа-самоучку, который самостоятельно (и правильно!) установил, что земля круглая, не нашел интереса к свои открытиям у профессиональных географов, после чего с яростью бультерьера накинулся на сторонников плоской земли. Да, идиотов, несущих по поводу ВОВ патриотическую ахинею, у нас сегодня побольше, чем сторонников плоской земли, и они стоят поближе к власти. Но человеку, находящему внутри научного дискурса, не к лицу это замечать, у него должны быть другие, научные, направленные на расширение пространства знаний, интересы. Ученый, занятый разработкой новых вакцин, не тратит свое время на дискуссии с антипрививочниками, оставляя это полезное дело научному журналисту. То же ожидается и от историка, занятого архивным поиском.

3. Все вышеописанные обстоятельства привели Солонина к тому, что его книги представляют собой странное смешение жанров. Более всего они напоминают учебник сопромата, зачем-то написанный в стихах: и стихи плохие, и сопромат изложен малопонятно.

Если подробнее, то текст Солонина, конечно же, содержит в себе сопромат, то есть вполне научен. Солонин много чего прочитал, много чего накопил в архивах, находится внутри темы, знает подробности до такого уровня, что чувствует контекст и подтекст документов, а не воспринимает их в лоб, имеет массу бытового здравомыслия (качество, которого часто не достает профессиональным историкам). В общем, тут он молодец.

В то же время весь этот сопромат бог знает зачем изложен в стихах, то есть подается до крайности эмоционально, со всякими восклицаниями и выпадами в сторону неведомых читателю идиотов, о которых ему лучше бы и вовсе не знать.

Для публицистической полемики в работах Солонина слишком много мельчайших подробностей, всяких цитат из документов батальонного уровня, цифр и т.п. Право слово,

читателя, желающего просто в целом понять, что же произошло в начале войны, не нужно заставлять продираться через 500 страниц такой степени детализировки. А между тем читателя, как раз желающего прочитать 500 страниц мелких подробностей, не надо загружать бесконечной дискуссией с болванами: этот читатель про болванов давно всё сам понял.

И, без всякого сомнения, автор учебника сопромата в стихах естественным образом не будет пользоваться авторитетом в кругу ученых, пишущих учебники по сопромату. Даже если сопромат изложен в его поэме вполне корректно.

4. Увлечшись борьбой с неведомыми врагами, Солонин явно теряет контроль над композицией и качеством собственного текста. Сочинения Солонина выглядят как набор плохо склеенных обрывков, Солонин всё время срывается в частности, не описав толком общую картину, и явно предпочитает полемику общей ясности и последовательности описания.

Солонинским работам остро недостает экспозиции, то есть системного введения в широкий контекст и изложения предыстории. При этом, что особо обидно, Солонин делает множество интересных сопоставлений с другими странами, войнами, генеральных пояснений по ситуации – но все они убиты плохой композицией текста, разорваны по клочкам, раскиданы по разным местам.

При этом, любой профессиональный историк понимает, что для популярной исторической книги главные показатели качества – это хорошая композиция, информативность и умение вместить большой материал в ограниченный объем текста, а не новизна. Открытия и дискуссии при некоторой корявости изложения – это для статей, читаемых только коллегами. Увы, Солонин этого не понимает.

5. И наконец, очень обидно, что Солонин с открытым презрением относится к почтенной профессиональной традиции писать историю без гнева и пристрастия. Мы говорим не об ужасном канцелярско–диссертационном языке, на котором в России пишут худшую (и, увы, большую) часть исторических работ. И не о мерзкой академической зауми, на которой пишут худшую

часть исторических работ на Западе. Мы говорим о чистом, ясном, простом, хорошо структурированном стиле, которым пишут лучшие мировые историки – пишут уже сильно больше ста лет.

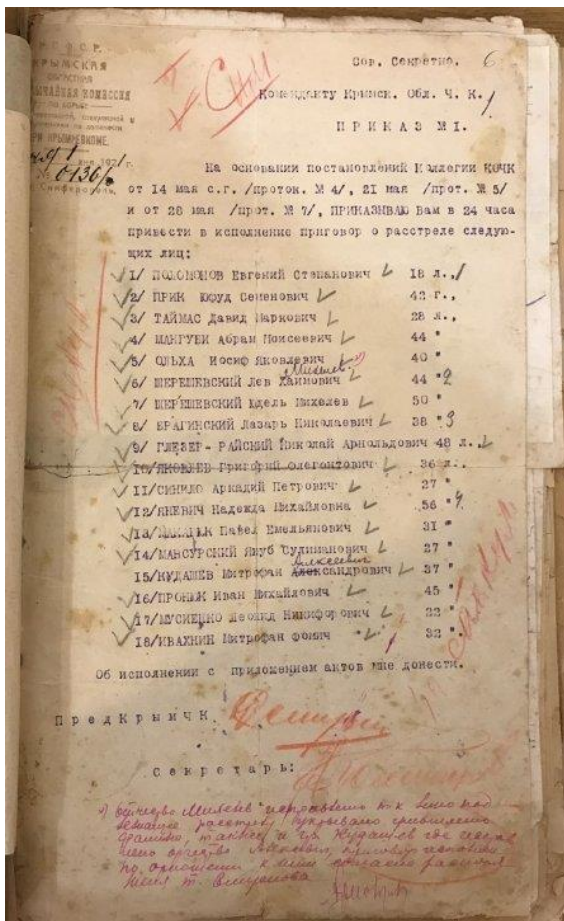
Именно то, что этот стиль очень спокоен, оценки в потоке текста попадают редко (а проявление эмоций совсем редко), и дает автору базу для сильного воздействия на читателя. Резкая характеристика, открытое выражение негодования, попадающиеся один раз на десятки страниц, застревают в голове, кажутся убедительными.

Солонин же, увы, пишет маниакально – весь текст является каким-то потоком эмоций, перемешанных с цитатами и архивными ссылками. Это не просто притупляет внимание читателя, это еще показывает читателю, что Солонин держит его за идиота, неспособного к самостоятельным моральным оценкам исторических событий. Читатель, ответно, меньше доверяет Солонину.

6. Еще одно последствие увлечения Солонина дискуссией – его пониженный интерес к недискуссионному материалу. Например, для автора, пишущего о войне, естественно дать географический очерк театра военных действий. В этом очерке всё будет очевидно – там болота, там озера, там непроходимые горы, а там проходит железная дорога. Такой очерк сильно проясняет для неподготовленного читателя дальнейшее изложение событий. Но для Солонина всё, в чем нет предмета спора, не представляет интереса. Какая гора, лучше мы поспорим о том-то и том-то.

7. Что я предлагаю для Солонина? Проще всего ему было бы превратить свои книги в пары книг. Одна книга в паре должна быть развернутой, яркой публицистической статьей, не слишком длинной, опирающейся на небольшое количество хорошо отобранных, самых выразительных фактов и подробностей. Тут уместны полемика, обличения злонамеренных коллег и т.п., раз уж автор так любит все эти вещи. Вторая книга в паре должна быть классической исторической монографией, абсолютно спокойной, без всяких нападок на научных врагов, с хорошей структурой изложения, широкой экспозицией, небольшой отно-сительной долей оценок и моральных суждений в тексте.

Красный террор в Крыму, факты и фольклор

Красный террор в Крыму, начавшийся после эвакуации врангелевской армии, сегодня считается общеизвестным историческим фактом. Судя по всему, размах репрессий был весьма большим. Приведем набор популярных цитат, один из самых известных источников для которых – старая эмигрантская книга С.Мельгунова «Красный террор в России».

— Месяцами шла бойня. Смертоносное таканье пулемета слышалось каждую ночь до утра... Первая же ночь расстрелов в

Крым дал тысячи жертв: в Симферополе 1800 чел., 121 Феодосии 420, Керчи 1300 и т. д. Складывали рядами. На расстрелянных через минуту ложился новый ряд живых «под равнение» и так продолжалось, пока яма не наполнялась до краев. Еще утром приканчивали некоторых разможиванием головы камнями. Сколько похоронено полуживых!...

— По свидетельству генерала Данилова, служившего в штабе 4-й Красной Армии, в период с ноября 1920 по апрель 1921 г. в Крыму было истреблено более 80 тыс. человек. Живший в то время в Алуште русский писатель И.С. Шмелев называл еще большую цифру – 120 тысяч. Поэт Максимилиан Волошин полагал, что только за период осень 1920 – зима 1921 г.г. было расстреляно 96 тыс. человек.

— 28-го ноября уже появляется в «Известия временного севастопольского ревкома» первый список расстрелянных — их 1634 человека, из них 278 женщин; 30-го ноября публикуется второй список в 1202 человека, из коих 88 женщин.

— Приговоренных стали связывать группами, наносить им револьверными выстрелами и ударами сабель тяжкие раны, затем полуживыми сбрасывать в море. В течение нескольких лет на дне севастопольских бухт можно было видеть целые толпы утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрепаны. По свидетельству водолаза, спустившегося на свой страх и риск под воду одной из таких бухт, «среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами подымал руки, как будто произносил ужасную речь».

Столь же традиционным является приписывание особой инициативы в организации репрессий Розалии, занимавшей пост секретаря Крымского обкома ВКПб с ноября 1920 по январь 1921 года.

А теперь посмотрим на эту ужасную картину трезвым взглядом.

Особо жестокие женщины, убийства/казни, совершаемые садистским образом, недоубитые жертвы, живыми брошенные в могилу и плохо погребенные трупы, пугающие мирных жителей –

это расхожие фольклорные мотивы, характерные для любой гражданской войны.

Если посмотреть внимательнее, то легко заметить, что только что закончилась мировая война, и миллионы людей, вернувшихся с фронта, прекрасно знали, что убийство и погребение нескольких тысяч людей – невеликая (с технической точки зрения) задача. Взвод с винтовками (и даже десяток человек с пистолетами) прекрасно справляются с единоразовым убийством нескольких десятков и сотен людей; пулеметы не нужны, разможжать головы камнями незачем, это лишние хлопоты. Закопать казненных в яме, покрыв надлежащим слоем земли – не такая большая работа, как кажется на первый взгляд; не стоит от лени топить трупы в водоемах или в море. Если стрелять в затылок с небольшого расстояния, то никаких недобитых, хоронимых заживо, не образуется. Нагромождение ужасов, связанное со столь прозаическими вещами, как массовые казни и последующая утилизация трупов, возникает лишь в сознании мирного человека, а для вчерашнего солдата это простое дело – поставили к стенке, закопали в яме.

Думаю, что и сегодня, в Сирии или в Сомали, перепуганные мирные жители шепотом рассказывают друг другу страшилки, не сильно отличающихся от ужасов, о которых шептались в 1920 году злосчастные обитатели Крыма.

Значит ли это, что вообще не бывает жестоких женщин, садистских методов проведения казней и плохо погребенных мертвецов? Не значит, все эти ужасы случаются – но народная молва все равно будет о них рассказывать, независимо от того, случились они в действительности или нет.

Предлагаю вспомнить, что во время войны в Чечне все солдаты верили в зловещих женщин-снайперов, которых в действительности не оказалось, а также то, что всякого военного, попавшего в руки чеченцам, казнят с изуродованием (например, отрежут гениталии), что было возможным, но происходило далеко не всегда. И вот что удивительно – когда я был ребенком, пожилой учитель рассказывал мне о том, как он воевал с японцами в Китае в 1945 году; так вот, все советские солдаты тоже верили, что японцы выкалывают пленным глаза, снимают с живых кожу и т.п.,

и от этого страшно боялись попасть в плен. В общем, фольклорные страшилки, с одной стороны, имеют базу в каких-то реально происходящих жестокостях, а с другой стороны, живут и развиваются по своим законам, не ограничивая себя рамками реальности.

А между тем, с момента взятия красными Крыма прошло уже практически сто лет, и сборникам слухов и фольклорных страшилок – а это единственное, что могли написать эмигранты 1920-х годов – давно уже пора перестать служить историческими источниками и смениться хорошо фондируемыми корректными историческими исследованиями.

И тут, увы и ах, мы сталкиваемся с весьма неприятным фактом – нормальных исследований на данную тему нет. С одной стороны, архивы ФСБ до сих пор закрыты для исследователей – вернее не совсем закрыты, но туда пускают по индивидуальным заявкам и не дают допуска к каталогу фондов и всем описям фондов, исследователь называет тему, и ему выдают (иногда) отдельные дела или документы, не говоря, что еще на эту тему имеется, и не давая самостоятельно пересмотреть все описи. Разумеется, в такой обстановке полное исследование (такое, где историк всё пересмотрел и убедился, что иного материала по теме в архиве нет) невозможно; тебе показывают кусочек паззла, но не сообщают, какого размера бы весь паззл и сколько кусочков еще сохранилось. С другой стороны, и большого энтузиазма со стороны историков не видно. Диссертационный конвейер сотнями шлепает бессодержательные кандидатские по истории (преимущественно в провинциальных педвузах), а вот настоящих исторических изысканий, построенных на глубокой архивной работе – раз, два и обчелся.

Кое-что получилось сделать в Украине, где архивы бывшего КГБ открыли. В частности, нашлось архивное дело, посвященное как раз казням в Крыму, вот ссылка.

Результат вышел странный. Перед нами, увы, лишь небольшой обрывок данных.

Известно, что сразу же после падения Крыма, то есть в ноябре 1920 года, репрессиями занялись пять плохо координирующихся

между собой органов ЧК – Особый отдел 61 (затем 4й) армии, Особый отдел Черного и Азовского морей и городские ЧК Симферополя, Севастополя и Керчи. В апреле 1921 года была проведена реформа – все карательные полномочия передали Крымскому областному ЧК в Симферополе, но из него тоже были выделены полунезависимые городские ЧК Севастополя и Керчи, самостоятельно выносившие смертные приговоры.

Из пяти органов ЧК первого периода в украинских архивах нашлись исчерпывающие списки казненных только по одному, Особотделу Черноазморя, с началом в неизвестный момент (но с протокола №1) и по момент расформирования. По второму периоду есть списки Крымоблчека (но не двух городских ЧК) между 14 мая 1921 и 2 февраля 1921.

Особотдел Черноазморя казнил около 1300 человек, при том что в его руки попало 3600 человек; всех остальных преимущественно освободили. Крымоблчека за указанный период казнило 194 человека.

По архивным материалам ЧК мы видим, что исполнение казней поручалось коменданту – самому недемоническому персонажу из числа чекистов; кроме расстрелов, комендант отвечал за топку печей, снабжение чернилами и бумагой, выдачу сотрудником пайка и т.п. хозяйственные вещи.

Какие тут можно сделать выводы? Почти никакие. То, что морские чекисты казнили 1300 человек, вовсе не значит, что армейские и городские чекисты за тот же срок казнили сопоставимое число лиц. Может быть, армейский особотдел расстрелял в 10 или 20 раз более врагов революции. А может быть, в 10 раз меньше. Если произвольно предположить, что органы ЧК распределяли между собой работу более или менее поровну (подчеркну, что это более чем произвольное предположение), то получится, что в первые полгода убили около 6–8 тысяч человек, а потом вышли на темп менее 1000 человек в год. Во всяком случае, можно заметить, что достаточного материала по подтверждению цифр репрессий в 20, 70, 120 и 150 тысяч человек (оценки старых эмигрантских авторов) по имеющемуся материалу не набралось, но, из-за фрагментарности имеющихся твердых данных, эти цифры нельзя и опровергнуть.

Следов участия Розалии Землячки в репрессиях не документально не прослеживается, и вообще не факт, что органам ЧК (организационно изолированным от всех прочих властей) требовалось, чтобы кто-то со стороны учил дедушку кашлять; с казнями чекисты великолепно справлялись и без погоняний со стороны партийных и советских функционеров.

Никаких «Известий Временного севастопольского ревкома», что со списками казненных, что без, в российских и украинских библиотеках не обнаруживается.

Вот так скудно выглядит массив документально подтвержденной информации по казням в Крыму, который на сегодняшний день имеется в нашем распоряжении. Мы не знаем общего числа погибших (наверное, оно было поменьше, чем о том сообщают слухи), и по косвенным нарративным источникам понимаем, что уровень репрессий в Крыму был весьма высок даже по суровым советским меркам той эпохи. Все известные по пропагандистским и частным материалам подробности репрессий имеют слишком фольклорный характер для того, чтобы принимать их за факты – хотя, опять же, нет оснований отрицать, что творились жестокости.

Оснований для заполнения исторических лакун баснями я не вижу. На мой взгляд, малая проработанность той или иной исторической темы должна служить стимулом для углубления исследований, а не для замены их покрытой мхом древней пропагандой.

Красный террор в Крыму: старый фольклор и новые исторические данные

Два года назад я написал весьма критический пост про так называемый Красный террор в Крыму – масштабные репрессии, произведенные органами ЧК после захвата красными Крыма и бегства врангелевской армии.

Мой тезис состоял в том, что всё, что выдается за историческое знание по данной теме, есть собрание замшелых белоэмигрантских баек и страшилок, представляющих собой пересказы расхожих фольклорных мотивов времен Гражданской войны – садистские массовые казни причудливыми способами, недоубитые казненные вылезают из плохо закопанных могил и т.п. Цифры же казненных просто выдуманы эмигрантскими авторами при полном отсутствии у них доступа к реальным данным – и выдуманы такими, чтобы в жилах леденела кровь. При этом, разумеется, репрессии имели место и были обширными, жестокости могли иметь место – но это не делает выдумки по поводу данных событий их верным описанием.

Мои выводы состояли в том, что надо честно признаться, что мы очень мало что знаем про Красный террор в Крыму, никак не можем оценить его количественно, и требуется большая архивная работа, благо что советские архивы на Украине открыты.

150 тысяч расстрелянных ЧК, Розалия Землячка как руководитель репрессий, баржи с белыми офицерами, затопленные в море, и водолаз, сошедший с ума, увидев толпу мертвецов, стоящую на дне – вся эта лабуда должна быть вычеркнута из страниц истории (разумеется, если она не будет подтверждена основательными данными) и отправиться туда, где ей место – в историю фольклора.

И вот, всё оказалось ровно так, как я предсказал.

Украинский исследователь Ярослав Тинченко провел огромную архивную работу и выпустил книгу «12 тысяч. Крымские расстрелы 20.11.1920–18.04.1921». Оказалось, что многочисленные органы ЧК, действующие в Крыму, весьма аккуратно вели учет казненных, и расстрельные списки сохранились практически

полностью; сохранились также и кое–какие сводные отчеты по репрессиям. Вместо очередного раунда пересказа древних баек надо было просто пойти за достоверной информацией в архив, что до Тинченко никто не сделал, ибо пересказывать чушь проще, чем вести реальную исследовательскую работу.

Тинченко выявил документы на 10.537 казненных, в том числе поименно ему известны 7.725 лиц. Документы не покрывают весь период репрессий, но примыкают друг к другу очень плотно, то есть пропущены казни за считанные дни и только в некоторых местах. Исходя из этого, Тинченко оценил число жертв крымских расстрелов в 12 тысяч человек (при 44 тысячах арестованных). А вовсе не 150 тысяч человек, как то принято было думать.

Никакого участия в репрессиях Розалии Землячки, казней особо садистскими способами и т.п. по весьма многочисленным документам не выявляется. Это просто расстрелы. Кстати, вступление в Красную Армию было более часто встречающейся судьбой для белогвардейца, оставшегося в Крыму, чем расстрел.

Если бы караул не устал: что должно было постановить Учредительное собрание

Вопрос о том, что случилось бы, если бы у большевиков не хватило смелости разогнать Учредительное Собрание (в котором они имели около 10% голосов), занимал современников. Мемуаристы, в особенности эсеровские, не раз выражали мысль, что в таком случае история России развернулась бы в некотором более удачном направлении — расцвели бы свободы и демократии, а страна смогла бы выйти из тяжкого кризиса без гражданской войны, террора и голода.

История не знает сослагательного наклонения — но это не вполне относится к Учредительному собранию. Мы можем с большой уверенностью предположить, что именно бы оно обсуждало и что бы постановило. Дело в том, что Временное правительство провело своеобразные репетиции: вначале было собрано Государственное совещание, а потом Демократическое совещание, которое переросло во Временный Совет Российской республики (так называемый Предпарламент). Все эти совещания состояли более или менее из тех же людей, которых затем выбрали в Учредительное собрание (и даже в близкой пропорции партий), а их целью как раз и было определение повестки будущего Собрания и ее предварительное обсуждение. Так что в данном случае мы имеем возможность делать неплохо обоснованные догадки.

Кстати, а как было справиться эсеровскому большинству Учредительного собрания с матросом Железняком и его караулом? Да очень просто, ровно как справились социал-демократы с коммунистами в Германии в ноябре 1918 года, то есть через создание собственных боевых отрядов из ветеранов войны. Вопрос скорее в том, почему они не догадались это сделать.

Видимые вопросы. Вначале мы рассмотрим те вопросы, которые бы обсудило Учредительное собрание, а затем те, которые оно не стало бы обсуждать (а такие вещи обычно оказываются самыми важными).

1. Политическая реформа. Без всякого сомнения, Учредительное собрание должно было отменить монархию, сословную систему и провозгласить Россию конституционной республикой, гарантировав гражданам равенство (включая сюда и женщин) и примерное те же права, которые содержатся в любой современной конституции. Государственным строем бы оказалась парламентская республика с выборами по «четырёххвостке» (всеобщие/равные/тайные/прямые). Осенью 1917 года все политические силы так боялись личной диктатуры (ужасную «корниловщину» поминали в Предпарламенте приблизительно раз в минуту), что, скорее всего, в новой политической системе главы государства как такового не оказалось бы вовсе, а правительство с премьер-министром попало бы под очень жесткий контроль парламента. Такая суперпарламентская система оказалась бы не слишком жизнеспособной, и уж наверняка малоподходящей для управления страной переломный момент. Как я думаю, все эти вещи были бы обсуждены и приняты Учредительным собранием весьма быстро, так как тут существовал широкий консенсус всех представленных политических сил.

2. Аграрный вопрос. Это еще одна зона, где у нас нет никаких сомнений — реальное Учредительное собрание за полсуток своего существования как раз и провозгласило национализацию всей земли, включая сюда и частновладельческую и крестьянскую надельную. Что бы произошло с этой землей далее? Тут тоже нет сомнений: земля была бы разделена поровну по трудовому принципу, то есть только тем, кто заявил желание обрабатывать ее личным трудом. Разделом земли заведовали бы земельные комитеты волостного уровня, а это значило бы что земельное неравенство в действительности сохранится, а кое-где даже и усилится (плотность сельского населения по губерниям, уездам и волостям была весьма неравномерной), но претензии крестьян к частным землевладельцам будут аннулированы через безвозмездную конфискацию частных земель и раздачу их тем, кто оказался ближе. Все разумные люди понимали, что урожай на частной земле всегда был выше, чем на крестьянской, а все специализированные развитые хозяйства будут просто уничтожены, так что

социализация земли нанесет сельскому хозяйству огромный удар. Но придумывать что-либо поумнее было некогда — крестьяне уже начали делить чужое имущество, и они же составляли большинство собрания.

3. Война и мир. Этот вопрос был самым главным, но высказываться по нему открыто и связно было политически невозможно. Стандартные эсеровские речи по данному поводу выглядели так: **а)** Войну надо срочно заканчивать, но для того чтобы выторговать мир на нормальных условиях, армию надо усилить, не расходуя ее силы на наступления; **б)** Армия разлагается, и для повышения ее боеспособности надо скрутить офицеров в бараний рог, перестать слушать командование, не вводить жесткие дисциплинарные наказания и передать всю власть солдатским комитетам (sic!); **в)** Армию нужно увеличить и лучше снарядить и вооружить, для этого нужно побольше народа демобилизовать и сократить военные расходы (sic!); **г)** Россия должна выполнять союзнические обязательства, но активные военные действия надо минимизировать.

В общем, это было какое-то невнятное сочетание призывов биться, бежать, напрячься, перестать перенапрягаться. Последовательные и логичные мероприятия любого направления и толка (объявить перемирие и начать переговоры о сепаратном мире / распустить разложившуюся армию, оставив только добровольческие части / ввести на фронте драконовскую дисциплину и подавить солдатскую вольницу) по понятиям того политического момента не могли служить предметом обсуждения, высказавшие их оказались бы пораженцами/корниловцами/врагами демократии и т.п.

Таким образом, никакого прорыва по отношению к ситуации с затянувшейся войной от Учредительного собрания ожидать не приходилось. Обсуждение было бы долгим, невнятным, и всё, что Собрание могло произвести, оказалось бы стандартным набором горячих и бессвязных призывов к солдатам, подобных тем, которые и ранее так хорошо (и так безрезультатно) удавались у Керенского и членов его кабинета. Фронт бы тем временем продолжал разлагаться, армия бы разбежалась, и, наконец, германцы в каком-либо виде (либо большое наступление, либо

приглашение к переговорам, либо то и другое одновременно) перехватили бы политико–военную инициативу, нарушив типичное для весны–лета 1917 затишье на фронте.

4. Труд и капитал. Без малейшего сомнения, Учредительное собрание провозгласило бы восьмичасовой рабочий день — этот лозунг был написан на знамени всего социалистического движения давно и всегда почитался главнейшим. Кстати, никакого практического значения это бы уже не имело — к новому 1918 году промышленность значительной частью уже сдохла, а оставшаяся подыхала со страшной силой, а рабочих все рано было не заставить трудиться более 5–6 часов в день. Более интересным был бы вопрос с национализацией промышленности. По моим ощущениям, Учредительное собрание запросто могло национализировать железные дороги, с меньшей долей вероятности угледобычу и металлургию, но на все остальные частные бизнесы оно бы не покусилось. За рабочими признали право на забастовки, освободили бы от всякого регулирования профсоюзы, а для решения конфликтов создали бы двусторонние комиссии с предпринимателями или какие–нибудь трудовые суды. Так что в целом частный бизнес остался бы в том же условно свободном, но фактически ужасном положении, в какое он пришел к осени 1917 года.

Невидимые вопросы. Теперь мы перейдем к «невидимым» вопросам. Назвать их «невидимыми» — большое допущение. Наоборот, эти проблемы как раз и были вопиющими — да только все участники политического процесса сговорились, по различным мотивам, не замечать, что в комнате находится слон.

1. Продовольственный вопрос. Ситуация с обеспечением горожан едой была чрезвычайно простой: города перестали производить потребительские товары, ради покупки которых крестьяне продавали свою продукцию, помещиков же уже уничтожили; продавать же еду за деньги, которые можно будет потратить в лучшие времена, никто не желал, ибо было очевидно, что деньги дешевеют на глазах. Никаких экономических стимулов для перемещения еды из деревни в город более не существовало. Единственным способом организовать такое перемещение было насилие, то есть продразвертка, проводимая вооруженными

отрядами (другим бы ничего не дали). Но как можно было говорить об этом в собрании, большинство которого представляло крестьян? Разумеется, никак. В собрании можно было лишь выражать надежды, что крестьяне, освобожденные от тягот помещичьего строя, нарастят невероятное количество еды, а тем временем рабочие, защищенные от произвола капитала, наделают с тройной силой интересующиеся крестьян товары. На другой планете.

2. Гиперинфляция. К новому 1918 году ситуация заключалась в том, что сбор налогов практически прекратился (за отсутствием действенной местной власти), правительство со страшной скоростью печатало безумные миллиарды, цены росли быстрее и быстрее, а денежная масса, выраженная в золотых рублях, при этом сокращалась — то есть чем больше становилось денег, тем более их не хватало в обороте. По всей видимости, единственной разумной мерой борьбы было введение параллельной твердой валюты и постепенное замещение ею валюты деградировавшей — то есть то, что и было фактически сделано в Германии и СССР в конце 1923 — начале 1924. Можно ли было обсуждать эти меры в Учредительном собрании? Очевидно, что нет. Сомнительно, чтобы представители народа, взявшие власть в свои руки, смирились с тем, что все деньги на руках у всех, все накопления, все пенсии, да и вообще все финансовые активы пропали навсегда. Всякого, кто заговорил бы в этом направлении, просто заклеили бы как предателя и прислужника капитала. Так что, по моей оценке, собрание бы просто постановило «принять меры к укреплению денежного обращения» или какую-нибудь еще бесполезную благоглупость.

3. Экономический кризис. К концу 1917 года упадок промышленности дошел до такого состояния, что владельцы промышленных концернов просто бросали свои бизнесы и убегали за границу, оставив надежду даже просто продать их по бросовой цене. Военная промышленность, в условиях непрерывного и ненужного раздувания оборонного заказа, вытеснила производство потребительских товаров. Транспорт разваливался. Рабочие впали в безделье и обнаглели. Экономические связи

разрушились. Все стимулы к ведению бизнеса в условиях гиперинфляции исчезли.

Но, увы, говорить об этом в Учредительном собрании тоже было нельзя. Дело в том, что вся политика, доведшая экономику до подобного состояния, как раз и была эсеровской. Большой оборонный заказ — это мы не хотим сдаваться врагу. Гиперинфляция — делать нечего, надо финансировать борьбу любой ценой. Транспорт остановился — вместо чиновников на дорогах командуют профсоюзы. Рабочие обнаглели — это мы защитили от гнета капитала человека труда. И так далее. Любое откровенное обсуждение развивающегося краха экономики неизменно должно было скатиться к разгромной критике эсеровского курса. Поэтому Учредительное собрание не могло выйти за границы стандартного пустословия — призывов сплотиться на благо Родины и проклятий в адрес алчных капиталистов.

Кроме того, путей выхода из кризиса было два: построение социализма / демилитаризация экономики с возвращением к свободному рынку и уменьшением участия государства в экономике до довоенного уровня. Оба пути большинству собрания — социалистам — не годились.

Строить социализм, конфисковав частные бизнесы и перейдя на плановую экономику, было страшно. Эсеры — не большевики, социализм для них всегда был размытой мечтой на далекое будущее, а не инструкцией для немедленного действия. В глубине души эсеры всегда понимали, что рынок как-нибудь да вытянет, а сами они не справятся (даже их теоретики явно не хотели думать о грядущем социализме детально); крестьяне, их опорный класс, социализацией промышленности не интересовались. Между тем, отступление к довоенному экономическому строю казалось капитуляцией социалистической идеи перед капитализмом.

На мой взгляд, в экономической плоскости Учредительное собрание тоже приняло бы невнятные декларации про «свободный труд» и «единство», за которыми стоял бы тот смысл, что частные предприниматели могут продолжать действовать дальше, но победивший народ в самый тяжелый для бизнеса момент навязет на него разные дополнительные гири, типа высоких налогов,

короткого рабочего дня и огромных социальных начислений на фонд зарплаты.

4. Борьба с подрывными политическими силами.

Принятый эсерами подход к этому важнейшему вопросу нам известен. Всякий, кто хоть как-то принадлежал к социалистическому движению в широком определении, получал полный иммунитет от уголовной репрессии и подавления вооруженной силой, что бы он ни делал. Все громы и молнии летели в сторону ненавистных корниловцев и их последователей. Да, большевиков, отказавшихся участвовать в Предпарламенте и Учредительном собрании и откровенно угрожавших этим структурам, ругали, называли «немецкими шпионами» — но вот элементарного предложения немедленно их всех повязать и пристрелить от этой публики было не дожидаться. Напомню, что одних членов Учредительного собрания было почти 500. Будь у них винтовки, мужество и воля, у них хватило бы сил разобраться с большевистским правительством без посторонней помощи.

5. Национальный вопрос и сепаратизм. Вопрос с частями старой России, стремящимися к самоопределению, нельзя было урегулировать ни на каком принципиальном базисе. Финляндия, Польша и Прибалтика уже отделились, и шанса на их возврат не было, что об этом ни думай. На Среднюю Азию всем было наплевать. Казачья автономия была бредом, который скоро выдохнется сам собой. На Бессарабию, Кавказ и Закавказье всем тоже было наплевать, но с одним важнейшим исключением — Бакинскими нефтепромыслами. А вот Украину в расширенном понимании (то есть в современных границах) отпускать было смерти подобно — это и экспорт зерна, и весь уголь, и металлургия. Выразить эти практические соображения политическим языком, под покровом каких-либо принципов и идеалов, никто не сумел. Соответственно, Учредительному собранию лучше бы было просто помалкивать на данную тему, что оно вероятно бы и сделало.

Выводы. Итак, по моему убеждению, итогом Учредительного Собрания оказалось бы Временное правительство 2.0. Степень собственного идиотизма у этого правительства была бы приблизительно та же, а давление на Временное правительство 1.0 со стороны Совета теперь заменилось бы очень ограниченным

мандатом, полученным от Собрания. Страна двигалась бы прежним курсом в сторону полного краха, а дальнейшее развитие событий определилось бы уже не законной властью, а инициативой со стороны Германии и/или большевиков.

P.S. Интересно также заметить, что дореволюционная Дума представляла широкий спектр политических сил, от большевиков до ультраправых, и ни одна из этих сил (включая сюда и проправительственные партии) не считала себя ответственной за прошлую и текущую политику правительства. Как результат, обсуждение государственных дел было широким, свободным (пусть и не всегда плодотворным), и действительно захватывало весь спектр важных тем. Совершенно другой была ситуация в как бы более свободных Демократическом совещании и Предпарламенте. Количество тем, о которых нельзя говорить, и идей, которые нельзя высказывать, было просто зашкаливающим.

Суровая жизнь: какие товары были нужны горнорабочему начала 20 века

4 апреля 1912 года войска без всякой разумной причины расстреляли толпу бастовавших рабочих Ленской золотопромышленной компании на приисках в Бодайбо; было убито 170 человек. Сделался жуткий скандал, особенно усилившийся после того, как министр внутренних дел в Государственной Думе объяснил происшедшее словами *«Так было и так будет»*. На прииски приехала правительственная ревизионная комиссия сенатора Манухина, явились журналисты, комиссия из левых политических адвокатов и т.п. По результатам расследования был издан подробный официальный отчет и еще несколько интересных книжек. Как результат, жизнь рабочих из дичайшей глуши (1700 км на север от Иркутска) оказалось исключительно хорошо исследована и освещена. Некоторые любопытные подробности я хочу пересказать.

Прииски Ленской золотопромышленной компании располагались в глухой тайге, до приискового поселка Бодайбо (3 тыс. жителей) надо было больше часа ехать на служебной узкоколейке, а дальше, до ближайшего села — 300 км по реке Витим без единой жилой избы. Торговцев, пытавшихся продавать рабочим на приисках потребительские товары и продовольствие, компания гоняла — они, разумеется, также торговали водкой и скупали краденое золото. Торговцы маскировались под золотопромышленников, и брали за копеечную плату заведомо пустые участки по соседству с территорией компании, якобы под разведку — компания строила вдоль границ с ними заборы, ставила при них охрану, обыскивавших рабочих. Результат вышел такой, что теперь компания должна была сама обеспечивать рабочих всеми необходимыми продуктами и товарами ежедневного спроса.

Продовольствие и еду продавали рабочим из амбаров компании, располагавшихся на каждом прииске, недалеко от казарм. Компания, борясь с пьянством, старалась выдавать рабочим на руки как можно меньше денег, подсовывая им талоны на получение товаров. Торговля с рабочими была для Ленской компании умеренно прибыльной — все цены утверждались правительственным окружным горным инженером, и только на условии, что они не будут существенно больше рыночных цен в Бодайбо.

Ассортимент продуктов питания и товаров, предлагавшихся рабочим, хорошо обрисовывает их суровый и простой быт. Для понимания того, насколько всё это было дорого/дешево для рабочих, следует указать, что самые неквалифицированные люди, работавшие не в шахте, получали 1.5 рубля в день, шахтеры 1.8–2.5 рубля в день, рабочие–специалисты (слесаря, машинисты) — 2.2–3 рубля в день, женщины (домашняя прислуга служащих) — 0.5 рубля в день; при 300–310 рабочих днях в году. Также надо помнить, что рабочие были заняты тяжелейшим физическим трудом — они били киркой породу в шахте в диком холоде, и им требовалось 4–5 тыс. ккал в день — в два раза больше, чем современному офисному клерку. Все цены, в сравнении со среднероссийскими, очень высокие — доставить продукты в

дальнюю тайгу было дорого. Но и зарплата была много выше средней зарплаты индустриального рабочего — 80–85 копеек в день.

Набор блюд, приготавливавшихся женами горняков на непрерывно топившейся плите (прямо в том помещении, где они жили), и набор имущества, который накапливался у рабочих в их маленьких, не снабженных дверями, клетушках в казармах (1.5–1.8 м² на человека), каждый может представить самостоятельно.

Набор продуктов питания был следующий:

- мясо свежее (разумеется, это говядина с костями) 40 коп/кг
- масло сливочное топленое 117 коп/кг
- масло конопляное (sic!) 73 коп/кг
- капуста белая рубленая 20 коп/кг
- картофель 11 коп/кг
- лук 29 коп/кг
- горчица 146 коп/кг
- крупа гречневая 23 коп/кг
- крупа ячневая 23 коп/кг
- крупчатка (качественная пшеничная мука) 27 коп/кг
- мука ржаная 17 коп/кг
- перец молотый 20 коп за банку неизвестной величины
- сахар 61 коп/кг
- соль 13 коп/кг
- хлеб ржаной 14 коп/кг
- чай байховый 390 коп/кг
- чай кирпичный 290 коп/кг
- рыба максун соленая 45 коп/кг
- рыба нельма соленая 59 коп/кг
- махорка 90 коп/кг
- табак турецкий фабрики Асмолова 4.4 руб/кг

А вот **набор промтоваров**:

- азиям (верхняя одежда на манер пальто) из армячного сукна (толстая ткань из верблюжей шерсти) 6.5 руб
- азиям суконный из фабричного сукна 5.25 руб
- пиджак черный овчинный (по-нашему это зимняя куртка) 15.5 руб
- фуфайка шерстяная 2.2 руб

- картуз суконный 1.2 руб
- шапки суконные и драповые татарские 1.1 руб
- шапки из тканого бобра (sic!) 1.7 руб
- кушак фаевый (тонкая шерстяная ткань) 1.2 руб
- валенки 2.9 руб/кг (валенки весили 2–3.5 кг)
- вареги (sic!) 28 коп пара
- рукавицы барановые 68 коп
- сапоги таежные, низкие 10.5 руб, высокие 11.75 руб
- сапоги кунгурские 7 руб
- подошвы дубленые 95 коп
- бумазая (фланель) 43 коп/ п.м.
- коленкор (простая тонкая хлопчатобумажная ткань, годится для простыни) 25 коп/ п.м.
- ситец цветной рубашечный 23 коп/кг
- молескин бумажный (т.н. «чертова кожа», очень плотная и прочная ткань, годится для рабочей одежды) 50 коп/п.м.
- плис (мягкая ткань с ворсом, для женских нарядов) 1.1 руб/п.м.
- кретон (жесткая обивочная ткань, подойдет для матраса) 40 коп/п.м.
- сукно крестьянское 38 коп/п.м., фабричное 197 коп/п.м.
- тик бумажный (жесткая, плотная ткань) 63 коп/п.м.
- холст 1й сорт 25 коп/п.м.
- нитки суровые 1.8 руб/кг
- керосин 29 коп/л
- мыло жировое 54 коп/кг
- котелки луженые разных размеров 63 коп/кг
- чайники медные 2.7 руб/кг
- ложки деревянные 2 коп/шт
- свечи стеариновые 98 коп/кг
- спички шведские 14 коп пачка

А вот чтение по теме:

- Невский А. Ленские события и их причины. Весьма беспристрастный разбор событий.
- Баташев П.Н. Правда о Ленских событиях. Большая подборка документов и справочных материалов
- Доклад директора–распорядителя барона А.Г.Гинцбурга и

кандидата в члены правления Б.М.Саладилова о командировке их на прииски. Ситуация глазами предпринимателей.

Россия эпохи Николая II: православие в повседневной жизни. I

Исторические аналогии — сомнительная штука, и они не годятся для предсказания будущего. Но бывают моменты, когда аналогии так и рвутся наружу. Типичный пример — происходящее на наших глазах превращение православия в государственную религию. К чему приведет слияние церкви и государства?

Мой небольшой обзор посвящен тому, к чему привело слияние церкви и государства в позднеимперской России. Рассказ посвящен итогу синодальной эпохи, то есть только царствованию Николая II, ни к какому другому времени мое описание не относится. Еще раз подчеркну — я далеко не уверен в том, что современные события будут повторно развиваться таким же образом.

Главное, что нужно знать о контексте описываемых социальных явлений, это то, что «общественность», то есть люди со средним и высшим образованием, к началу 20 века почти полностью отошла от традиционного стиля православной религиозности. Образованный класс приблизительно поровну

разделялся на открытых атеистов, деистов («что–то такое есть, но не так узко, как учат в церкви») и формальных православных, которые не критиковали веру, но сами не исполняли обрядов, не ходили в церковь и не молились. Вера исчезала на глазах, и чем моложе был человек, тем с большей вероятностью он был атеистом.

Как чувствовали себя эти новые атеисты и деисты (формально числившиеся в православном исповедании) в мире, где церковь и государство были одним целым? Насколько православие сумело их допечь? Для начала мы разберем реальные проявления православия в публичной жизни, а затем перейдем к жизни частной и семейной.

Православие и образование. Закон Божий изучался в начальной, средней и высшей школе на всех годах обучения. В среднем, несчастным учащимся приходилось его зубрить по два урока в неделю. Каковы были последствия такого непрерывного православного обучения и какую реакцию оно вызывало?

Если говорить о результатах, то с точки зрения консерватора они были ужасны: чем дольше человек учился, тем меньше была вероятность, что он останется религиозным. Для людей с высшим образованием вера в том виде, который пропагандировался в учебном курсе (то есть с соблюдением обрядов) была уже курьезной редкостью.

Почему это происходило? Может быть, законоучителя умели как следует достать учащихся? Отнюдь нет. Закон Божий в средней школе был вялым и скучным предметом, священники преподавали его без энтузиазма, но зато, как правило, не требовали от детей ни внимания, ни знаний, ни уж, тем более, каких–то результатов в плане появления реальной веры. Ходить на эти уроки было нужно, а вот слушать, запоминать и тем более готовиться дома не требовалось. Экзамены были фикцией, отличникам всегда ставили высшие оценки (чтобы не портить аттестат), а всем остальным хороши.

Если Закон Божий можно сравнить с каким–либо современным предметом, то это ОБЖ, в котором мы видим то же сочетание бессмысленности и нестрашности. Измученные лютый,

огромной по объему латынью гимназисты обычно просто не обращали внимания на беззубый Закон Божий.

В высшей школе Закон Божий превращался в просто фикцию. Ходить на занятия было уже не надо, а хорошую оценку на экзамене ставили всякому, кто выдал из себя пару связных фраз (удовлетворительную оценку — тому, кто не смог сделать и этого).

И только в начальной церковно-приходской школе в некоторых случаях детей учили Закону Божию чуть более серьезно. Но эта школа была короткой, трехлетней, и в ней не учили серьезно ничему; да и вообще, учить маленьких и еще не научившихся читать детей религии рановато. А вот в земской школе (это была конкурентная по отношению к церковной школьная сеть) учителя обычно относились к Закону Божию и законоучителю плохо, и эта дисциплина обычно была задвинута в угол.

Как вообще получилось, что Закон Божий в образовании показал практические результаты, настолько отличные от изначальных намерений властей? На мой взгляд, основной причиной было отсутствие должным образом идеологизированных учителей. Священники, которым поручалось это преподавание, традиционно не умели и не любили что-либо объяснять (проповеди они тоже читали неохотно, и чаще всего по книжке), не интересовались убеждениями и внутренним миром верующих всех возрастов (платные требы их привлекали больше) и, главное, совсем не поддерживали казенный курс на насильное запихивание в детей православия. На их совершенно верный взгляд серьезно учить можно было лишь того, кто сам желает учиться. В практической плоскости священники были плохими учителями потому, что они были совместителями, у них были основные, более интересные дела и доходы; чем меньше они требовали от учащихся, тем меньше было скандалов и жалоб, тем более было ими довольно учебное начальство.

Напомним, что Закон Божий преподавался исключительно православным. Дети других исповеданий в это время просто бездельничали.

Православие и цензура. Как известно, в царской России действовала цензура. Цензура в эпоху Александра III в

большинстве случаев уже не была предварительной, цензор чаще всего читал книги после их выхода в свет, и если он находил что-то криминальное, начиналось обычное уголовное преследование. Сразу надо сказать, что собственно церковной цензуре (при Духовных академиях) подвергались только богословские книги. Понятно, что от неправославных книг эта цензура ожидала не более чем отсутствие грубых нападок на православие. Всей остальной литературой занималось Управление по делам печати МВД. Даже если эта цензура и выступала каким-либо образом в защиту православия, цензоры все равно были не священники, а чиновники, руководимые министерскими циркулярами и нисколько не интересовавшиеся тем, что думает церковь о такой защите.

Линия цензуры заключалась в том, что православие должно быть защищено от открытой брани, грубых нападок и призывов к насилию, и не более того. Если мы посмотрим на написанное Львом Толстым в адрес православной церкви, то увидим, что цензурой была зарезана где-то четверть его публицистики, наиболее резкая. Оставшихся трех четвертей, свободно публиковавшихся большими тиражами, прекрасно хватило для того, чтобы любой мало-мальски образованный человек знал, почему и на каких основаниях Толстой нападает на православие.

Книги же, косвенно подрывающие религию, то есть формирующие такую картину миру, в которой нет места религии, но при этом не говорящие о религии прямо, цензура неизменно пропускала. Не было речи о том, чтобы не публиковать сочинения Дарвина (да и сочинения Карла Маркса тоже). В принципе всё, что так или иначе относилось к науке, находилось вне внимания цензуры и, тем более, церкви.

Театральная цензура и цензура художественных выставок традиционно были несколько более жесткими. Неприятности случались у тех художников, которые пытались изобразить Христа как человека. Например, картину Поленова «Кто сам без греха?» почти уже запретили, но тут на выставку приехал Александр III, расхвалил полотно и купил его. Картину Ге «Сын человеческий», где Христос изображен сильно побитым и его жалко, цензура

зарезала сразу же. А вот картины Перова, изображающие духовенство в малосимпатичном виде, никто не трогал.

Посты, церковные праздники, рабочие дни и публичные развлечения. В теории, все театры (и любые эстрадные и развлекательные представления) должны были прекращаться в первую, четвертую и страстную недели Великого поста и еще в 21 церковный праздничный день. На деле от этих требований закона делались большие отступления. В столицах императорские театры закрывались лишь на страстную неделю, вслед за ними выпросили себе исключение из правил и все другие театры. В провинции дело сильно зависело от местных властей, но всё шло к тому, чтобы усвоить столичные обычаи.

В праздничные и воскресные дни останавливались только казенные работы, все прочие подданные могли свободно и работать, и торговать, как то им было угодно. В целом, воскресенье было в старой России оживленным днем, в противоположность протестантским странам (в некоторых из которых всё закрыто по воскресеньям и в нашу эпоху).

В богадельнях, больницах, тюрьмах, солдатам в армии в пост действительно выдавали постную еду. Это правило никогда не распространялось на начальство. При дворе, для примера, традиционно постились только три дня в году, начиная со Страстного четверга и до Пасхи. Любого рода официальные обеды всегда были скоромными, независимо от дня по церковному календарю. Разумеется, никто не требовал подавать только постную еду от трактиров и ресторанов. Мясо свободно продавалось в посты, и его потребление падало не более, чем на треть–четверть (при том что православного населения было две трети).

Пропаганда православия. Главное, что надо знать о пропаганде казенного православия в старой России — это то, что для нее не существовало каналов. Государственных СМИ практически не было: радио и телевидения не существовало, казенные газеты печатали официальные объявления и никто их не читал. А частные газеты были чем консервативнее, тем непопулярнее. У знаменитых государственных, Каткова и князя

Мещерского, было не более чем 15–20 тыс. читателей. Газеты же с большой аудиторией (по европейским меркам она все равно была ничтожной, до 200 тыс. экземпляров), даже если они были достаточно правыми и провластными, как «Новое время», держались независимо, осанну властям не пели, а к церкви часто относились и вовсе плохо. Разного рода патриотически–церковные народные листки, брошюрки печатались (часто с казенной субсидией) и раздавались народу в монастырях и по церковным праздникам, но писать убедительно на доступном людям языке никто не умел, и действие они оказывали слабое.

Пропагандистские усилия самой церкви были еще слабее. Авторская, прочитанная с энтузиазмом церковная проповедь было большой редкостью. Впрочем, это имело мало значения, так как образованные люди в церковь не ходили. Единственное, но очень яркое исключение — Иоанн Кронштадтский.

Не умея напрямую влить в умы желаемые идеи, правительство впустую надеялось на идеологизацию как косвенный результат обучения. Предполагалось, что дети в начальной школе укрепятся в послушании царю, изучая Ноев потоп, гимназисты — разбирая стихи Державина, а взрослые люди — слушая в церкви высокопарный и бессодержательный манифест о рождении у царя очередной дочери.

Очевидно, что результатов, сравнимых с успехами современного российского правительства на ниве промывания мозгов, таким образом получиться не могло. Образованный класс еще с 1870–х начал проникаться левацкими/народническими идеями, и к 1890–м проникся ими почти полностью. За время обучения в высшем учебном заведении всякий студент наслушивался такого количества крамольных вещей и в руки ему попадало столько нелегальной литературы, что они полностью забивали впечатления от Закона Божия и весьма немногочисленных встреч с пропагандой в каком–либо ином виде.

Россия эпохи Николая II: православие в повседневной жизни. II

Теперь разберемся с тем, насколько православию удавалось вторгнуться в жизнь частную.

Обязательное посещение богослужений. Два разряда православных жителей Российской империи посещали церковную службу регулярно и в обязательном порядке — учащиеся средней (но не начальной) школы и солдаты. Школьники, как правило, могли легко отмазаться от воскресных служб в гимназическом храме — достаточно было принести записку от родителей о том, что ты ходишь в приходской храм вместе с семьей (разумеется, никто этого не проверял). В некоторой теории студентам также следовало посещать университетский храм, но на практике о том не было и речи. А вот солдатам и вправду приходилось выстаивать

богослужения, молясь по команде унтер-офицера. На удачу, военные священники всегда служили скороговоркой и безбожно сокращали обряды. Кстати сказать, заключенные посещали церковь исключительно в добровольном порядке.

Чиновники сталкивались с богослужением периодически. Рано или поздно происходили какие-то церковные службы, на которые являлось начальство, и тем, кто как-то хотел выслужиться, приходилось идти тоже. Во-первых, иногда приезжее начальство (например, губернаторы, объезжавшие уезды) посещало праздничные богослужения. Во-вторых, специальные службы бывали приурочены к каким-то разовым событиям (например, к открытию дворянских собраний). В-третьих, молебнами сопровождалось открытие новых построек. Но, в любом случае, посещение таких служб было вопросом служебного этикета, а не формальной обязанностью.

Все остальные православные жители Российской империи ходили и не ходили в церковь по своему желанию. Никто не выяснял, посещают ли они храм, и не мог их заставить это делать.

Обязательное говение. В отношении учащихся, военнослужащих и чиновников правительство (очень поздно, в 1880-е) пошло дальше. От них требовалось обязательно говеть, то есть один раз в год поститься, исповедоваться и причащаться. Разумеется, служебное начальство не наблюдало за исповедью своими глазами, а удовлетворялось справкой из церкви. Немедленно эти справки превратились в нечто вроде современной диагностической карты для автомобиля — даже тот, кому хочется пройти диагностику по-честному, вынужден покупать карту у тех, кто не видел твоего автомобиля в глаза. Тот, к кому уж совсем пристало начальство (а справку и спрашивали далеко не везде), шел в ближайший храм, и там за маленькую денежку псаломщик выписывал ему липовую справку, не задавая лишних вопросов.

Заметим, что еще с начала 18 века в церквях велись исповедные росписи — список прихожан с пометками о том, кто исповедовался и кто причащался в данном году. Никто и никак не использовал эти данные, так что священники заполняли росписи для галочки.

Невозможность выйти из православия. До 1905 года из православного вероисповедания нельзя было перейти ни в какое другое. Во что на самом деле верил человек, никого не интересовало, но даже если кто-то открыто заявлял властям, что он не православный, а верит в Будду, это ни к чему не могло привести — процедуры формального исключения из православных просто не существовало.

Еще хуже было то, что при браках православных с инославными (браки православных с нехристианами и вовсе воспрещались) дети автоматически записывались в православные, в чем бы ни заключалась реальная религия, исповедуемая в семье. В Прибалтике и в Польше накопилось несколько сот тысяч крестьян-католиков или протестантов, очень давно, по всяким недоразумениям, записанным в православие, и никогда его реально не исповедавших.

В 1905 ситуация изменилась — было разрешено переходить из любого исповедания в любое, при соблюдении не особо утомительных формальностей. В 1906–1913 годах из православия вышло 450 тыс. человек (0.5%), преимущественно католиков. Но выписаться в атеисты по-прежнему было нельзя, каждый подданный империи учитывался как принадлежащий к какому-либо исповеданию.

Церковные браки и крещение новорожденных. Для всех лиц признанных исповеданий регистрация актов гражданского состояния была поручена соответствующему духовенству. Следовательно, заключение брака было возможно только через обряд венчания, а регистрация рождения — только через обряд крещения; с церковными же похоронами ни к кому не приставали. А вот христианам непризнанных (так называемых «терпимых») исповеданий, прежде всего старообрядцам, было проще — их браки, рождения и смерти регистрировала полиция, без всяких церемоний.

Атеистам (а их в образованном классе было очень много) были неприятны обязательные церковные обряды, но духовенство в городах было приучено держаться тактично. Если священник видел, что перед ним реально неверующий человек, он проводил

службу быстрее, не требовал креститься, молиться и т.п., не лез с поучениями.

Духовенство не любило навязываться, не поддерживало идею обязательного православия и было бедным. Это приводило к тому, что, скажем, католик, по недоразумению числившийся православным, реально крестил детей и венчался в костеле (за закрытыми дверями), а необходимые справки за умеренную мзду получал в православной церкви, без реального совершения обряда. Об этом старались не говорить, так как с обоими священниками, и православным, и католическим, за такое могли случиться большие неприятности.

Необходимо заметить, что церковь того времени также полностью игнорировала канонические требования к браку. Люди образованного класса, особенно дворяне, постоянно женились на двоюродных сестрах, свояченицах, падчерицах.

Затруднения с разводами. Самые большие неприятности православие сумело причинить людям в бракоразводной сфере. В теории, православным получить развод просто — достаточно супружеской измены (то есть, в практической плоскости, простого заявления о ней одной стороны). На самом же деле развод был очень долгой (не меньше года) и очень дорогой (как минимум годовой доход интеллигента средней руки) процедурой. Деньги, разумеется, уходили на взятки лжесвидетелям (настоящие обстоятельства дела никого не интересовали) и консисторским чиновникам. В 1910-х на 100млн православных приходилось всего лишь 3 тыс. разводов в год. Легко догадаться, что развод, как всякая редкая и дорогая вещь, был весьма моден и демонстрировал принадлежность разведенного к элите.

Поборы. Образованный класс не сталкивался ни с обязательными платежами церкви, ни с попрошайничеством. Волей-неволей приходилось платить только за венчание и крещение детей, но такие события случаются редко, а плата была незначительной. Ничего похожего на современный германский церковный налог в старой России не существовало, и церковь жила (часто бедно), не выпрашивая денег у тех, кто не имел к ней сочувствия. В деревне ситуация была другой, там духовенству приходилось и кланчить, и вымогать за требы такие деньги, какие

крестьяне не желали платить. Но в городе этого не происходило. Если кто и приходил клянчить у барина деньги на Пасху, так это дворники, прислуга и городовые. Церковный причт обходил лишь те дома, в которых ему симпатизировали.

Итоги. Итак, мы видим, что старая Россия смогла успешно справиться с негативными проявлениями всеобъемлющего казенного православия. Без протестов, без насилия и без революций влияние церкви на общественную жизнь — теоретически огромное — было сведено почти что к нулю. Тот, кто не верил, сталкивался с религией редко, и только в виде каких-то скучных, но легкопреодолимых формальностей (типа современной необходимости менять права раз в десять лет и получать для этого медсправку). Да, церкви и колокольный звон занимали в городах того времени большое и видное место, но при этом нерелигиозный человек мог свободно жить, вовсе не замечая православия в его сущностных или задевающих его лично проявлениях. Спрашивать человека о том, верит ли он в бога, и уж тем более укорять неверующих считалось верхом неприличия. Никто, ни духовенство, ни учителя, ни начальники, ни верующие знакомые, не совался атеистам в душу, не попрекал неверием, не лез с проповедями к тем, кто о том не просил.

По большому счету, российское общество смогло самостоятельно, вопреки государственной политике, к 1913 году изжить религию в ее казенно-принудительной версии. Для этого от людей потребовалось немного — всего лишь спокойствие, неприятие фанатизма и ханжества, терпимость и уважение к мнению другого. И это дает надежду на то, что мы сможем еще раз, тем же самым способом, справиться очередной с реинкарнацией церковно-государственного монстра.

Странная история нефтяной промышленности эпохи Николая II

Обычно в своих постах я объясняю и раскрываю те или иные процессы. Этот пост будет другим, он посвящен странной истории — произошедшему в 1901–1913 годах провалу России как ведущей нефтяной державы. Здесь я могу загадать загадки, но не знаю отгадок.

Общий очерк событий ясен из приложенного графика:

— в 1895 году Россия давала около 45% мирового производства нефти, объемы добычи России и США были равны;

— в 1913 году Россия давала около 15% мирового производства нефти, а США производили в 4 раза больше нефти, чем Россия;

— в 1901 году нефтедобыча в России достигла дореволюционного максимума, и после этого уже не поднималась выше 90–95% от него, при этом имел место постоянный рост

спроса на нефть и нефтепродукты, рост их внутреннего потребления, рост цен и, соответственно, падение (а затем и полное прекращение) экспорта, рост чистой прибыли нефтедобытчиков.

Понятно, что перед нами типичный *market failure*. Но, к сожалению, механизмы, приведшие к этому провалу, не были ни простыми, ни очевидными. Экономисты той эпохи не сумели дать происходящему хорошее объяснение, склоняясь к характерным для своего времени нападкам на синдикаты, а иногда и на капитализм в целом. Советские историки экономики были связаны марксистской догмой и в тонкостях рыночной экономики разбираться не умели. У современных же историков (кстати, также плохо разбирающихся в экономике) не дошла рука до столь огромного дела, требующего исследования массы архивных документов.

Как результат, мы сегодня реально не знаем, каким именно образом и почему нефтедобыча царской России очутилась в столь жалком состоянии. Известные нам факты образуют своего рода пунктир, недостаточный для того, чтобы нарисовать по нему цельную картину. Не делая широких безосновательных выводов, я попробую просто коротко изложить наиболее интересное из известного.

1. Вся коммерчески интересная добыча нефти была сосредоточена на Бакинских нефтепромыслах. Попытки начать добычу в других местах — Грозный, Моздок, Эмба — не привели к успеху. Небольшая часть нефтеносных земель в Баку была крестьянской, а основная масса — казенной. В 1900-х казна боялась, что нефть исчерпается, или, при слишком большом предложении, рынок упадет и производители разорятся, и придерживала нефтеносные участки, не выставляя их на торги. В начале 1910-х (с опозданием как минимум на 5 лет) казна сообразила, что нефть стала дефицитом, и опять начал продавать участки. Но тут произошло нечто необычное: нефтедобытчики, пользуясь дырками в законе (принятом в начале 1900-х), срывали торги, чтобы поддержать дефицит. Поменять закон было уже сложно — правительство боялось давать Думе такой лакомый кусок, опасаясь вспышки лоббизма. Так до начала ПМВ ничего и не

решились сделать, вся нефтедобыча империи продолжала вестись на участках 15-летней давности, с заметным ростом себестоимости.

2. Огромный вклад в крушение российской нефтедобычи внесли политические факторы. Баку было одним из двух центров (наряду с Карабахом) непрекращающихся столкновений армян и азербайджанцев, почти всегда сопровождавшихся смертоубийством. Интенсивность конфликта была такой, что полиция не справлялась. В 1905 года на это наложились еще и революционные выступления, и усиление рабочей борьбы. В августе 1905 года промыслы сгорели, падение добычи составило около 60%; кто поджег промыслы — до конца не ясно, есть мнение, что это дело рук очень маленькой группы революционеров-диссидентов, желавших упрочить свою позицию во внутрипартийных разборках. В любом случае, последствия со стороны выглядели так, как будто бы нефтепромышленники после пожара поклялись восстановить промыслы до прежнего размера, но никогда не развивать их далее. Так ли это — то есть были ли политические риски главным фактором в решении нефтяников не развивать бизнес — мы точно не знаем.

3. Еще одно явление, совпадающее по времени со стагнацией русской нефтянки — необходимость перехода с желончных и тартальных технологий с приводом от паровой машины (то есть с выдалбливания скважин и извлечения нефти по схеме колодец-ведро) на бурильные и насосные технологии с приводом от электродвигателей. До 1900-х годов добыча была примитивной — достаточно было выдолбить желонкой неглубокую скважину, и нефть начинала хлестать фонтаном, территорию окапывали канавами и собирали нефть с пруд. Месторождения постепенно исчерпывались, давление нефти падало, и нефтедобытчикам приходилось все более и более вкладываться в разведку и оборудование. На каком-то уровне мы наблюдаем уже знакомое явление — нефтяники почему-то сочли для себя выгодным использовать новые технологии не как можно быстрее, а как можно медленнее, только в тот момент, когда старые уже не позволяют заработать ни копейки.

4. В начале 1900-х Владикавказская железная дорога построила керосинопровод из Баку на Черное море. После этого трубопроводный транспорт встал колом и более не развивался. Хотя, как ни странно, правительство подсуенилось и внесло изменения в законы, позволяющие прокладывать нефтепроводы (в полосе отчуждения железных дорог) без получения сложных разрешений. В 1904 году чуть было не построили трубопровод из Рыбинска (последний нефтеналивной причал на Волге) в Петербург, но тут началось тяжёлое время, и к планам более не возвращались. В Америке, тем временем, магистральные трубопроводы давно стали стандартом транспортировки нефти.

5. Нефтяное дело не был ни монопольным, ни синдикализированным. Нефтепромышленники понимали, что им, в принципе, выгодно слипнуться в один комок, особенно в стране, где нет антимонопольного законодательства. Но договориться об этом было тяжело, и они слиплись в четыре комка (Нобели, Ройял Датч Шелл, российская группа Ойл, неорганизованные мелкие производители). Вроде бы, прямой монополии тут нет. А вот тактика у всех была одинаковая, и явно такая, что четыре группы избегали конкуренции. То ли это был сговор, то ли сложился такой комплекс обстоятельств, что все, независимо друг от друга, приняли одинаковые решения, мы сегодня не знаем.

6. Иностраный капитал активно входил в русскую нефтянку. Судя по всему, перед войной он контролировал 50–60% отрасли. Но поведение международных компаний было парадоксальным — очень деятельные на американском и мексиканском рынке, они как-то робели и притихали, входя на русский рынок. Вначале они покупали русские предприятия, а потом практически замораживали эти бизнесы. Что это было — разочарование и отказ от первоначальных планов или же намеренный курс на консервацию — мы тоже пока не знаем.

Если описать дело в целом, то перед нефтяникам было открыто два пути:

А. Стагнация отрасли, малые инвестиции, уменьшение уровня конкуренции, рост издержек, дефицит и рост цен (заметно обгоняющий рост издержек), лимитированный рост прибылей за

счет роста цен (для всех участников) при плохой долгосрочной перспективе.

Б. Интенсивное развитие отрасли, большие инвестиции, увеличение уровня конкуренции, падение издержек (но только для тех, кто сумел освоить технологии), опасность кризиса перепроизводства, падение цен, не лимитированный рост прибылей (но не для всех участников) за счет достижения конкурентного преимущества при хорошей долгосрочной перспективе.

Российская нефтянка однозначно и бесповоротно выбрала первый путь, путь стагнации. Старые экономисты были склонны ругать капиталистов. Может быть, они были правы, а может быть и нет. Что случилось на самом деле — то ли наши нефтяники сробели и убоялись выйти на большой светлый путь (в отличие от американцев), то ли они, напротив, верно оценили локальные риски и разумно свернули инвестиции — мы так и не узнаем, пока историки экономики не удосужатся разобраться в деле и построить хорошую модель.

Время расставило всё на свои места — разумеется, западные компании были неправы, когда вкладывались в покупку российских предприятий, и правы, когда после этого избегали дополнительных инвестиций в Россию — чем больше денег они бы вложили в Россию, тем больше бы пропало в 1917 году. Российским же бизнесам предвоенной эпохи мы, люди из будущего, могли бы посоветовать срочно вывести все деньги, какие только можно, и спрятать их в Швейцарии. Но, разумеется, такое телеологическое соображение не годится для оценки действий, совершенных в прошлом, ибо мы не можем ожидать от людей прошлого умения верно прогнозировать будущее. Весьма возможно, что старые нефтепромышленники были совсем не провидцами, а просто рохлями и трусами.

Еще один интересный вопрос — а как, собственно говоря, могло помочь делу государство. Набор доступных для него мероприятий более или менее очевиден (и частично обсуждался чиновниками и экономистами той эпохи), и не все они совместимы между собой:

- увеличить конкуренцию, немедленно распродав все доступные нефтяные участки, не беспокоясь о получении за них максимальной цены;
- увеличить конкуренцию, убрав ввозную пошлину на нефтепродукты;
- уменьшить внутренние цены, введя вывозную пошлину на нефтепродукты;
- принять антимонопольные меры (принудительный роспуск картелей и т.п.);
- перейти к увеличенному налогообложению сверхприбылей нефтяников;
- перейти к регулированию цен;
- убрать ввозные пошлины на оборудование для нефтяного промысла;
- дать госгарантию инвестициям в нефтянку (как это ранее было сделано для железных дорог);
- уменьшить политические риски, выселив из Баку всех армян и азербайджанцев (очень дорого, Баку большой город).

Увы, любой связный и полезный набор мер, выбранный из этого списка, был слишком сложным для относительно примитивной (и робкой в экономической сфере) системы старого государственного управления. Примером хорошо работающих комплексных экономических мер, доступных царизму, может служить сахарная нормировка — система квотирования производства и регулирования цен для частной сахарной промышленности. Но, к сожалению, это и был предел возможностей царизма. Нефтянка же, куда как более сложная (чего стоят одни геологические и технологические факторы), оказалась старой бюрократии уже не по зубам.

Чиновники Министерства торговли и промышленности только тихо охали, глядя на двадцатикратный рост цен на нефть и керосин за десять лет, переход с нефти на уголь (то есть технологический регресс) у значительной части потребителей, явное подавление промышленного роста за счет общего энергетического кризиса (с углем дела были не так плохи, но тоже

не слава богу). Экономические лидеры, способные железной рукой вмешаться в дело, появились в России лишь в конце 1920-х годов, но у их деятельности, увы, была масса своих недостатков.

В общем, мораль нашей истории печальна. Царское госуправление, изначально достаточно ловкое в экономической сфере, неуспешно отвечало на вызовы времени. Оно не могло ни довести институциональными методами сложные рынки и отрасли до классического либерального состояния (при котором заработала бы невидимая рука), ни как следует их отрегулировать. Чем более развивались экономика и технологии, и чем сложнее становились задачи, тем слабее и неадекватнее были ответы и решения правительства. Столкнувшись с огромной, ультрасложной задачей — управлением экономикой во время мировой войны — царизм сломал себе шею за два с половиной года.

Но предвоенная ситуация с нефтянкой показывает, что старый строй, по мере усложнения экономики, постепенно наломал бы дров и в случае, если бы война не случилась и он бы уцелел. Сохранись старая Россия в ее прежней конфигурации, мы, по моей оценке, имели бы к концу 1920-х малоадекватное, скандальное и коррумпированное правительство, не способное справиться с кризисами. Знакомая картина, не правда ли?

Характерно, что т.н. любители хруста французской булки не любят вспоминать о нефтянке в своих описаниях успехов старой России, так что вышеизложенные сведения для многих читателей будут новыми.

P.S. Благосостояние крестьянского двора в ту эпоху мгновенно определялось по ширине фитиля керосиновой лампы. Шире фитиль — больше света, но больше расход керосина. Восьмилейка (линия — 2.5 мм) — бедняк, двадцатилейка — богач.

С днем рождения! Очередной набор мифов о России эпохи Николая 2

Как всем известно, в интернете легко приживаются и быстро распространяются подборки разного рода фальшивых исторических фактов. С одной такой подборкой («60 фактов о последнем русском царе Николае II») я уже разобрался несколько лет назад. Результат предсказуем – куча ахиней и глубоко перевранных сведений в смешении с небольшим количеством действительных фактов (в большинстве случаев вырванных из контекста).

Жизнь не стоит на месте, и в этом году появился новый текст («С днем рождения»). Текст свежий, авторский, без копипасты, написан только что, к 150-летию Николая II. Ну то же, разберемся и с ним. Курсивом снизу – сам текст, дальше идет его критический разбор. Сразу скажу, что удивительного в тексте столько, что разобрать всё до последнего слова не хватает времени.

1. При Николае II появились такие города как Геленджик, Туапсе, Сочи, Североморск, Полярный, Мурманск, Новосибирск, Бодайбо, Камень-на-Оби, Уссурийск, Корсаков, Южно-Сахалинск. Шло последовательное освоение территории России, города закладывались один за одним.

До Николая II трамвай был только в Киеве, к 1917 году трамвай действовал в 54 городах. В Москве в 1914 году было начато строительство метрополитена (эстакадного, американского типа). Готовился инвестконкурс и на строительство петроградского метрополитена.

В 314 городах появился телефон. Города обзаводятся современными мощными улицами, прокладывается водопровод, канализация, электросети. Только в Москве построено более 3000 высотных домов.

Темпы роста производства стройматериалов многократно превосходят сталинские: рост производства цемента составил 1500 % (при Сталине 310 :), кирпича 400 % (220 :), стекла 450 % (190 :). Появляется такое явление как железобетонные дворцы – такая вот была мода...

2. Время Николая II – время грандиозных строек. С 1901 года шло строительство Романовского канала и Мургабской системы – проект орошения пустынь Средней Азии. Построены Транссиб, кругобайкальская ж/д, налажено ж/д сообщение с Кавказом и Средней Азией, построен ряд стратегических дорог. Завершено строительство промышленных комплексов: Донбасс (крупнейший угольный бассейн мира, построено 1200 шахт, 7 металлургических комбинатов, более 100 разных заводов, 2000 километров ж/д пути), Кузбасс, Добровский угольный бассейн в Польше, Читаури–марганец, налажена промышленная добыча нефти в Баку и на Кавказе. Достроены судостроительные заводы и стратегические порты на Юге (Николаев, Одесса) и Севере (Либава, Виндава, Ревель). Планировалось строительство Днепровского каскада ГЭС.

Темпы роста производства были рекордными, так рост добычи угля в Кузбассе составил 14000 %, добычи нефти на Кавказе 1400 %, на Донбассе рост производства кокса 1100 %, выплавки стали 850 %.

К 1917 году Россия имела 3,5 миллиона гектаров земли с искусственным орошением и 3,2 миллиона – осушенных болот.

3. Проекты, которые были сорваны войной и революцией:

– Канал Каспий – Персидский залив. В начале 20-х годов частью Империи должен был стать Иран. Одновременно с этим планировалось вести железнодорожную ветку Екатеринослав–Тегеран. Этот проект обговаривался при Брежнев, разговор о нем же возобновился несколько лет назад. США угрожают санкциями любой компании или государству, которое примет участие в строительстве этого канала. И немудрено – такой канал даст выход в мировой океан сразу нескольким государствам, а так же свяжет Балтику и Персидский залив напрямую, через водную систему России, в обход Суэца. Во многом это обесценивает господство США на море.

– Крымский мост. Проект был подготовлен еще в 1911 году, копили деньги. Не успели. Достраивать пришлось Путину.

– Канал Иртыш–Обь–Кама–Волга, через Уральские горы.

– Московское и петроградское метро. Московское должно было открыться в 1917 году в день тезоименитства императора.

– электрификация пути, строительство системы пригородных электричек для крупных городов.

4. Образование:

Большинство из всемирно известных лабораторий, исследовательских центров и университетов, которыми гордились СССР, а теперь гордится Россия – были основаны именно при Николае II. Россия в то время шла в авангарде научно–технической мысли. Для примера:

– ЦАГИ – в оригинале аэродинамический институт, открыт в 1904 году Д.П. Рябушинским;

– Радиевый институт – в оригинале это Радиологическая лаборатория Императорской академии наук (ИАН) и Радиевый отдел при Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Уже в 1910 году русские ученые задумались о возможности постройки ядерного реактора;

– Физико математический институт им. В.А. Стеклова – создан на основе Физической лаборатории и Математического кабинета ИАН;

– МФТИ им Баумана – изначально Авиационное Расчетно испытательное бюро и отраслевые лаборатории Императорского Московского технического училища;

– Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла, ФИАН, Институт биофизики – в оригинале это Институт биофизики и физики, содержащийся за счет Леденцовского общества (создано меценатом Х. Леденцовым). Кстати, Леденцовское общество было неким аналогом американской DARPA, оно финансировало прорывные исследования с высоким уровнем риска. Примеры его грантов – на расчёты поддерживающей поверхности аэроплана, оптимизация пропеллера летательного аппарата, «карманный микротелефон» О.Д. Дурново (!!!). На его деньги содержались такие организации как геохимическая лаборатория в Петербурге, аэродинамическая лаборатория при Московском университете, лаборатория испытания гребных винтов при Императорском Московском техническом училище...

Помимо прочего, научная работа шла не только в Москве. Примеры – Психоневрологический институт (Бехтерев, 1907), Бактериологический институт (Харьков 1887 год), Императорский институт экспериментальной медицины (Петербург 1890).

На средства меценатов создавались целые университеты (например, университет Шанявского).

5. Изобретения:

- Первый в мире стратегический бомбардировщик;*
- Первый в мире парашют (Котельников, 1914);*
- Первый в мире подводный минный заградитель. До 1917 года построено 70 подводных лодок;*
- Первый теплоход (1903);*
- Радио (Попов 1903). В 1904 первый в мире радиоперехват;*
- Телевидение (Розинг, патент 1907);*
- Автомат (Федоров);*
- Полиэтилен (Ипатьев);*
- Подготовка к штурму космоса (Циолковский, Перельман, Кондратюк). Расчеты Кондратюка по полету к Луне – использовались в программе Аполлон;*
- Ядерные технологии. 1910 – первый урановый рудник, 1911 – радиевая лаборатория АН, 1914 – начало государственного финансирования проектов изучения делящихся материалов;*
- первый в мире прототип электромагнитной пушки (Подольский, Ямпольский, 1915 год). Одобрен военным министерством, выделены средства на продолжение работ...*

Характеризуя текст в целом, можно заметить, что основным приемом автора является сообщение сведений, вырванных из всякого контекста. Да, в царствование Николая II добыча угля в Кузбассе выросла на 1400%. Надо только понимать, что после такого роста она составляла 1.9% от всей добычи в империи; таким образом Кузбасс развился от нулевого уровня добычи угля до ничтожнейшего. И так во всём. Не имея задачи разобрать каждый из перевернутых фактов, содержащихся в данной апологетике (что один дурак напишет, то десять умных не разберут), я сосредоточился на нескольких, наиболее интересных тематических блоках.

Урбанизация Российской империи. По переписи 1897 года в России в городах проживало 13.4% населения; по некоторым предположениям, ровно тот же процент россиян проживал в городах еще в царствование Анны Иоанновны, а к эпохе Александра I их число уменьшилось до 9% населения, а затем начало потихоньку расти. В 1913, по учету ЦСК МВД, в 893 городах проживало 15.0% населения. С 1904 по 1913 год в стране возникло 7 городов. Печально. Негусто. Как мы видим, страна практически не урбанизировалась, города росли чуть быстрее (на 0.1% от всего населения в год), чем население в целом.

Уровень урбанизации в разных европейских странах был разный, в Англии он доходил до 84%, а в отсталой Австро-Венгрии составлял 29%. Тот же уровень урбанизации, что был в России 1913 года, Англия, Дания, Испания и Италия достигли в 18 веке, Франция – в самом начале 19 века. Сочетание быстрого роста населения (1.7% в год) и практически остановившейся урбанизации привело к перенаселению сельской местности, практически представлявшей собой огромную скрытую безработицу. Эта проблема, известная под названием «земельной тесноты» или «аграрного вопроса», и погубила в конце концов империю.

Какова роль правительства Николая II в создании такой ситуации? Понятно, что власть в ту эпоху сама городов не строила, предоставляя это дело частной инициативе; правительство более или менее воздействовало на естественный экономический процесс урбанизации через регуляцию и институциональные реформы. На мой взгляд, институциональные барьеры для урбанизации имелись. Во-первых, наличие земельной общины заставляло крестьян, уехавших в город, сохранять связи с деревней, платить подати, чтобы не отняли надел, сохранять дом, чтобы в него можно было вернуться в старости. Горожане-формальные крестьяне имели меньший энтузиазм в освоении городской жизни, бесполезно цеплялись за старые связи с деревней. Во-вторых, высокий имущественный ценз городских самоуправлений отдал городскую власть в руки домовладельцев, преимущественно владельцев доходной недвижимости (по-нашему девелоперов) – а эта группа, как оказалось, выступала за

медленный рост городов и следующую из него высокую арендную плату. И наконец, правительство еще зачем–то плохо относилось к городским займам и лимитировало объем ипотеки, выдаваемой девелоперам. И, конечно же, основной причиной медленного роста городов были медленные общие темпы экономического роста – а это уж всегда записывают на счет власти. В общем, нельзя сказать, что Николай II хорошо потрудились для развития городов.

Канал Каспий–Персидский залив. От начала 19 века и до 1950–х годов Иран был государством, зависящим одновременно от Англии и от России. Это и спасло его государственную независимость. Страна была слаба, но зато один хищник не давал другому заглотить ее целиком. То, что Иран в 1920–х должен был стать частью России – это влажные мечты отдельных политических авантюристов, а не факты. Государственная политика давления на Иран проводилась, внедрение в экономику Ирана планировалось, но на деле шло медленно, об аннексии Ирана никто и не думал.

Что же касается канала Каспий–Персидский залив, то это от начала и до конца современная выдумка. Никакого проекта русских инженеров 1891 года и никакой русско–персидской комиссии 1904 года, обсуждавшей проект канала не существовало. Как вообще Россия, у которой Волга и Балтика были связаны слабой, малопроизводительной (менее 700 тыс. тонн в год) Мариинской системой каналов, требовавшей двух перегрузок, а Волга и Дон не были связаны вовсе, могла думать о строительстве канала длиной 750 км в чужеземной пустыне? Какие грузовые потоки пошли бы из Индийского океана в Балтику по водному пути с сезонным действием, ограниченной пропускной способностью, необходимостью многократной перегрузки? На самом деле на русские деньги были построены достаточно скромные дороги от границы с Россией до Тебриза и от Тегерана до Энзели (порт на Каспийском море), в то же время Россия заключила с шахом в 1890 году договор, по которому он обязался **не** строить в стране железных дорог. Расходы на иранские экономические проекты в совокупности составили не более 10% от вложений в дальневосточную экспансию (КВЖД, Порт–Артур и Далянь).

Крымский мост. Комментировать невозможно. Проект моста в царскую эпоху – выдумка от начала и до конца.

Водный путь Иртыш–Обь–Кама–Волга. Как ни странно, в этом направлении кое–какие предварительные работы действительно делались. Управление внутренних водных путей в 1909 году начало рекогносцировку для проектирования водного пути между Камой и Иртышом, в 1912 году утвердило задание для разработки предварительного проекта, и к 1917 году в какой–то части этот эскизный проект был разработан. Проект никогда не был утвержден министерством, и уж тем более никогда не поступал в законодательные учреждения, без согласия которого строительство было невозможно. Надо понимать, что министерства экономического блока после 1905 года перешли к прогрессистской политике, и всегда имели больше замечательных планов, чем в казне было денег. Кое–что (в частности, работы по шлюзованию Днепра на месте нынешнего ДнепроГЭСа) явно было бы сделано в 1920–х, если бы царизм не пал, но из этого нужно делать вывод, что остальное как раз и не сделали бы, ибо бюджет всегда ограничен. Судя по всему, большой целесообразности в данном водном пути не было: даже в период наибольшего увлечения строительством каналов Советское правительство не стало заниматься соединением Камы и Иртыша.

Московское и Петербургское метро. Метрополитенов в России не было. Да, муниципалитеты Москвы и Петербурга осаждали инициативные группы инженеров и предпринимателей, добивавшихся концессии на постройку городских железных дорог (кстати, большинство предложений относились к надземным дорогам, по берлинскому образцу). Все эти предложения выглядели подозрительно, прежде всего потому что страна была еще слишком бедной для такой затеи; городские управы боялись, что предприниматели не соберут необходимые капиталы, а города окажутся связанными с ними контрактами, передадут им земли – и, когда действительно появятся средства и силы для метро, слишком рано заключенные и застрявшие концессионные договоры только задержат развитие. Заметим, что именно так в столицах ранее и вышло с концессиями конно–железных дорог и телефонных сетей. Кроме того, в обоих городах успешно

развивалась муниципальная трамвайная сеть, приносящая большой доход, а все проекты муниципалитета так или иначе вредили ее деятельности. В результате, ни одного договора на строительство метрополитена не было заключено.

В общем, автор критикуемого текста выдает желаемое отдельными частными лицами за исполненное. Разумеется, городские управы считали себя обязанными принимать к рассмотрению любые проекты метрополитенов, подаваемые различными инициативными группами. Но из этого отнюдь не следует, что проекты были хоть сколько-нибудь близки к началу реализации. Денег не находилось, инициаторы выглядели жуликовато, препятствия казались огромными.

Научные учреждения. В начале 20 века российская наука переходила от индивидуальных исследований, производимых вузовскими преподавателями, к малым научным (но не учебным) учреждениям, которые в современном представлении скорее можно назвать исследовательскими группами или небольшими лабораториями; в ту же эпоху они часто получали громкий титул институтов. Движение это было небыстрым – к началу Первой мировой войны государство оплачивало 30 ставок научных работников в Геологическом комитете, около 60 ставок в многочисленных учреждениях Академии наук и 15–17 ставок в Институте экспериментальной медицины. На этом чистая наука заканчивалась, все остальные русские ученые на государственной службе преподавали в высших учебных заведениях, и научные исследования были для них возможностью, но не обязанностью. Понять, сколько в старой России было вузовских преподавателей, сложно – они активно совмещались, а догадаться, кто из них занимался научной работой, уже и совсем невозможно. Ориентировочно можно считать, что наукой на всю страну занималось около 1000 человек, причем для девяти десятых из них это совмещалось с какой-либо еще деятельностью, чаще всего учебной.

Изобилие названий научных учреждений той эпохи не должно скрывать от нас то, что на самом деле они были совсем маленькими: Академия наук включала в себя 4 лаборатории (физическую, химическую, анатомии и физиологии растений,

зоологическую), 5 музеев (геологический, зоологический, азиатский, этнографический и ботанический) и биологическую станцию, и на всех на них приходилось всего 60 научных работников.

В начале 20 века наука заинтересовала и некоторое количество благородных меценатов. Значительная часть их усилий шла на поддержку нескольких научных обществ, преимущественно на устройство собраний и съездов, издание научных журналов; эту крайне полезную деятельность всё же нельзя назвать прямым финансированием научных исследований. Еще более крупными и значимыми были частные пожертвования на открытие нескольких высших учебных заведений, наиболее известными из которых стали Университет Шанявского в Москве и Университет при Психоневрологическом (так называемом Бехтеревском) институте в Петербурге. Но, надо понимать, эти крупные, значимые в национальном масштабе проекты были преимущественно учебными.

И, наконец, дело дошло и до прямого финансирования частным капиталом научных исследований. К сожалению, обсуждаемый текст содержит не выборочные примеры науки на частные пожертвования, а дает полный список.

Христофор Леденцов в 1905 году основал «Общество содействия успехам опытных наук и их практического применения», после чего помер, а Общество стало управляться Советом, расходуя проценты с завещанного им капитала. Деятельность Общества, увы, оказалась не особо успешной – не имея должного опыта, оно раздробило свои расходы (около 70 тыс. рублей в год) на несколько десятков разовых грантов в самых различных отраслях деятельности. Все гранты Общества соответствовали двухмесячному–полугодовому доходу лиц, их запрашивавших – а в науке, особенно в науке экспериментальной, трудно чего–либо добиться с таким небольшим расходом денег. По существу, Общество превратилось в комитет из нескольких хороших ученых людей, который раздавал небольшие подарки множеству хороших ученых людей. Перед революцией фонд, наконец, решил перейти к более целевому финансированию, и профинансировал строительство физического/био–физического

института (напоминаю, что по нашим понятиям и это была лаборатория) в составе Университета Шанявского, но до революции это подающее надежды учреждение не успело открыться.

Больших успехов добился Дмитрий Рябушинский, представитель миллионерской старообрядческой династии, заинтересовавшийся аэродинамикой, окончивший университет во Франции и превратившийся в ученого. Им был основан Аэродинамический институт в Кучино, хорошо оборудованная лаборатория в отдельном здании, с аэродинамической трубой и различными экспериментальными стендами, в которой работало 10–12 исследователей.

Все остальные учреждения, упоминаемые в критикуемом тексте, являлись просто вузовскими лабораториями из одной комнаты, часто без штатных сотрудников вообще. Радиологическая лаборатория Академии наук была учреждена в 1916 году и не успела сделать ничего. Бактериологический институт в Харькове (кстати, не единственный такой институт в России) – это не ученое учреждение, а маленькое фармакологическое производство (5–6 работников), выпускающее вакцины против бешенства, дифтерита и скарлатины, а также делающее прививки.

Что же касается отношения правительства Николая II к невузовской науке, то хвалить их не за что: наука была резко недофинансирована.

Пригородные электрички для крупных городов. Для начала, надо понимать, что для 1910–х годов электрическая железная дорога как таковая – не изобретение и не новация. Всякий трамвай (а трамваи появились в 1880–х годах) уже и есть электровоз. Проблема заключалась в отсутствии оборудования для электроснабжения длинных линий. Электровозы той эпохи работали на постоянном токе, а его нельзя передать далеко, будут огромные потери энергии. Между тем, электрифицировать дорогу переменным током на длинном плече и постоянным током по коротким отрезкам пути было тоже сложно – еще не был придуман ртутный выпрямитель, и надо было строить машинный зал для умформера – вращающейся машины, требовавшей постоянного

дежурства персонала. Соответственно, единственным устойчивым применением электрической тяги были небольшие сети – городские трамваи, пригородные поезда на выделенных путях, производственные железные дороги.

Трамваи в России существовали давно, и трамвайных систем было много, так что критикуемый автор в данном случае говорит не о них, а о первой в стране электрической пригородной железной дороге – Ораниенбаумской (так называемая «Оранэла»). Эту дорогу, соединяющую Петербург с Красной Горкой (протяженность 62 км) обещали построить долгие годы, не умели найти денег, стали строить в 1913 году и из-за войны так и не смогли докончить. Увы, Оранэла называлась электрической железной дорогой лишь для того, чтобы привлечь покупателей на плохо расхोдившиеся акции и отвлечь их внимание от подозрительно высокой стоимости постройки. На самом деле это был трамвай, только чуть быстрее и чуть крупнее обычного: поезда должны были состоять всего лишь из двух 15-метровых вагонов вместимостью 80 человек и двигаться со скоростью 35 км/час. Никакого особенного технического достижения я тут не усматриваю.

Интереснее другое: проект был задуман по иностранной кальке, его смысл был в том, чтобы провести транспортную линию на неосвоенную загородную территорию, и затем, когда она начнет развиваться, получив преимущество перед другими из-за транспортной обеспеченности, заработать на продаже купленной ранее за копейки земли. В России этот рецепт не сработал, для таких вещей страна была слишком бедной, а города – слишком медленно растущими. Кстати, ровно так же провалился и комплексный девелоперский проект застройки острова Голодай («Новый Петербург») по эффектному единому градостроительному плану – масштабы проекта многократно превышали спрос, а желающих инвестировать в столь рискованное дело не нашлось.

Мелиорация. Да, Россия имела 3.5 млн гектаров земли с искусственным орошением. Да только приблизительно 3.2 млн из них составляли оазисы Туркестана, гидротехнические системы которых сооружались с раннего средневековья и достались России при захвате среднеазиатских владений в готовом виде. Царизм

сумел выполнить два относительно крупных оросительных проекта: орошение Голодной степи (Средняя Азия) и орошение Барабинской степи (Сибирь). К началу Первой мировой войны у правительства имелись достаточно обширные планы по орошению среднеазиатских владений, но, опять же, особенность эпохи была в том, что планов всегда разрабатывалось больше, чем имелось денег.

3.2 млн гектаров осушенных болот тоже имелись, и почти все они располагались в белорусском Полесье (еще немного осушенных земель было в Мещерском крае). Это был результат многолетних работ экспедиции генерала Жилинского. Особенностью этих работ была исключительная простота и дешевизна, осушение обходилось в 1.5–2 рубля за гектар, то есть стоило в 30–40 раз дешевле самой земли (в то время как орошение в Средней Азии обходилось в 150–200 рублей за гектар), по существу всё это осушение состояло из простейших канав и мелких каналов без всяких сложных гидротехнических сооружений. Таким образом, данные наиболее полезные работы обошлись казне в 4–6 млн рублей – цена 50–70 километров железной дороги – и можно только сожалеть, что они не были сделаны много раньше; всё это было по силам, по средствам и по уму еще правительству Александра I.

Почему евреи не смогли стать рабочими?

Продолжаем серию постов про те стороны жизни позднеимперской России, которые, как мне кажется, остаются загадочными. Обычно в своих постах я рассказываю и объясняю, но тут я буду только задавать вопросы. Еще раз напоминаю читателям, что все соображения относятся только к эпохе Николая II.

Евреи, как известно, жили в черте оседлости — грубо говоря, это Польша, Украина, Юг России без Дона и Предкавказья. Нигде больше им жить не разрешалось, с исключением для лиц с высшим образованием, купцов 1-й гильдии и еще некоторых мелких групп; в демографическом смысле евреев за чертой оседлости было весьма мало. Внутри черты оседлости евреям разрешалось жить либо в городах (с разными важными исключениями, вроде Киева), либо в несельскохозяйственных поселках — местечках.

В принципе, евреи были торговым народом. В русских/украинских/белорусских городах в пределах черты оседлости часто не удерживался ни один русский торговец — евреи переторговывали русских немедленно. Польские торговцы кое-как умели конкурировать с евреями, но и в Польше евреев в торговле было тоже очень много.

Евреи массово стремились торговать, но большинству желающих торговать в городах черты оседлости было не с кем — евреев там было часто 70–80% населения, а торговцев ни в каком городе не требовалось более 10–20% населения. Как результат, большинство евреев были ремесленниками и занимались разного рода ручной надомной работой. Самое распространенное еврейское ремесло — портной. Жизнь портных в старой России была ужасна, это самая затравленная, плохо оплачиваемая группа ремесленников. Будучи торговцами в мечтах и ремесленниками по нужде, евреи всегда оставались в основной массе катастрофически бедным народом.

Теперь перейдем к вопросам. А почему, собственно говоря, евреи не превратились в заводской пролетариат? Казалось бы, все способствующие тому факторы имелись:

— Черта оседлости большей частью входила в Южную/Украинскую зону высокой деловой активности, в ней было плотное население, много железных дорог, хороший доступ к морским портам и к европейским границам России;

— Бедное городское население с навыками ручного ремесла — прекрасная потенциальная рабочая сила. Они хотя бы, в отличие от крестьян, привыкли работать непрерывно. Также рабочие-горожане не нуждаются в казармах, а эта проблема угнетала фабрикантов, работающих с выходцами из деревни. Евреи напридачу еще и не были склонны к пьянству.

— Понятно, что евреи побаивались работать с неевреями (и обратное). Ну и ладно, почему было не создать в городах черты оседлости чисто еврейские предприятия, с хозяевами, служащими и рабочими евреями?

— При известной еврейской солидарности изобилие евреев в любого рода оптовой торговле сильно облегчило бы сбыт для продукции еврейских фабрик.

Таким образом, на первый взгляд, в черте оседлости надо было открывать и открывать фабрики.

Но наблюдаемые явления показывают, что тогдашних предпринимателей вышеперечисленные соображения не впечатляли. Даже крупнейшие еврейские предприниматели — бароны Гинцбурги и Поляковы — тратившие большие деньги на синагоги, образование и социальную помощь для евреев, при этом не выражали особого желания завести еврейскую индустрию. А вот как только у еврея заводилось торговое дело, он тут же нанимал еврейский персонал.

Современники, склонные к зацикливанию, не замечали проблемы. Евреи и их симпатизаторы мечтали (и правильно делали) об отмене черты оседлости. Что бы произошло в таком случае, всем было понятно — еврейская торговля немедленно распространилась бы на другие губернии, и евреи переторговали бы всех остальных (и правильно бы сделали, это честная конкуренция), а в работники бы себе купцы-евреи наняли бедняков-ремесленников-евреев. Население еврейских местечек в результате бы подрассосалось, и оставшиеся ремесленники стали бы зарабатывать больше. Сионисты мечтали сманить евреев в Палестину. Евреи поумнее мечтали уехать в Америку. Ненавистники евреев мечтали как-нибудь евреев извести; их мечты воплотились в жизнь в виде Холокоста через несколько десятилетий.

Но никто не думал сделать из черты оседлости, раз уж она существует, нечто вроде современного Израиля — подавляющее большинство населения евреи-горожане, у всех полно дела, экономика живая, люди хорошо зарабатывают. В общем, эта ситуация, приносящая людям много горя, вызывает у меня недоумение.

Если читатели имеют соображения, рад буду их услышать. Подчеркиваю, что я осознаю, что некоторое количество евреев-рабочих, а также и предприятий с преобладанием евреев-рабочих

существовало. Вопрос в том, почему индустриализация евреев не стала преобладающим трендом.

Бизнес в царской России: успехи и препоны. Темпы экономического роста

Успешность / неуспешность экономики послереформенной России продолжает, несмотря на наличие хороших новых исследований, оставаться спорным вопросом. Апологеты царской России в качестве успехов неизменно приводят секторальную статистику, причем в таких отраслях, в которых имел место эффект низкой базы, а также результаты за периоды бума, но не за периоды спада. Еще один жульнический прием — использование данных по росту в абсолютных цифрах, а не в душевом выражении; при росте населения в 1.6–1.7% в год эта поправка очень существенна. Сейчас мы раскроем читателям глаза на истинное положение дел.

Представим, что перед нами некая бедная экономика, создающая большое поле возможностей, но при этом мы видим умеренные успехи. Либо это значит, что все стимулы к экономическому развитию имеются, но выражены слабо, либо мы имеем столкновение сильных стимулов и антистимулов, давших небольшой суммарный вектор. По какому из двух вариантов развивалась старая Россия? Легче всего посмотреть на положительные стимулы, так как об успехах обычно известно больше, чем о провалах.

На начало 20 века мы имеем:

- устойчивое денежное обращение;
- отсутствие препятствий для трансграничного перемещения капитала;
- низкий налог на прибыль предприятий при отсутствии налогов на добавленную стоимость и фонд оплаты труда; спокойное и устойчивое налоговое администрирование, не порождающее споров и конфликтов;
- защита отечественного производителя высокими ввозными таможенными тарифами при отсутствии вывозных пошлин;
- высокое качество права собственности;

— независимый и справедливый суд для разрешения гражданских и коммерческих споров;

— некоррупцированное правительство, пользующееся (в той части деятельности, которая относится к бизнесу) большим доверием и способное к проведению долгосрочных политик;

— низкий уровень вмешательства государства в любые дела бизнеса; ничтожная по объему техническая регуляция; редкие, объявляемые заранее изменения в любого рода законодательстве;

— прозрачные, простые и быстрые таможенные процедуры;

— большое разнообразие обращающихся на рынке ценных бумаг, торгуемых также и на европейских биржах;

— железнодорожную сеть, на которую наложено обязательство перевозить грузы любого отправителя, в любом объеме, по фиксированному (и чаще всего невысокому) тарифу;

— подавление государством профсоюзного и рабочего движения в пользу предпринимателей, длинный рабочий день, умеренные социальные обязательства предпринимателей перед рабочими;

— бесконечный запас рабочей силы (увы, низкоквалифицированной), спрятанный в деревне, но готовый в любой момент явиться в город и работать за копейки.

Любой, кто имеет хоть какое-либо отношение к бизнесу, сразу же заметит, что в сегодняшней России экономика бы просто расцвела в первую же неделю после того, как государство смогло бы обеспечить все эти условия. На наш взгляд, даже и половина из описанного сразу бы обеспечила современной России как минимум 8–10% годового роста.

Но экономика царской России и не думала как-то особенно процветать. Общие результаты в долголетней перспективе были приличными, но не поразительными — 1.7% годового роста душевого ВВП. Если мы посмотрим на рост за период 1894–1913, то Россия, имевшая в начале периода ВВП на душу населения в 1119 международных долларов 1990 года (условная единица, в 1.78 раза дороже доллара 2013 года), показала рост в 26%. У многих стран за тот же период дела в экономике шли значительно лучше. Лидерами роста среди развитых стран были США (3277\$ — 60%),

Германия (2598\$ — 40%), Франция (2626\$ — 33%). Но некоторые богатые страны развивались даже с чуть медленнее России, например, Англия (4029\$ — 22%) и Аргентина (3117\$ — 22%). Очень близка к России была Япония (ровно те же 1119\$ — 24%), успехи которой, благодаря ее победе над нами, у нас принято преувеличивать. Похуже шли дела у близкой по уровню развития Португалии (1079\$ — 16%), но эта страна тогда и была ходовым примером упадка и застоя. Лидеры же среди развивающихся стран показывали ошеломительные темпы роста. Впереди всех шла Канада (2420\$ — 86%), очень успешной была Австралия (3766\$ — 37%).

Без всякого сомнения, относительно скромные успехи старой России абсолютно несообразны, на первый взгляд, большому количеству ее вышперечисленных положительных свойств. Почему дела шли так вяло, когда все условия для бизнеса были настолько расчудесны? Мы имеем все основания предполагать, что кроме стимулов, действовали еще и какие-то мощные дестимулирующие силы. В чем они тогда заключались?

Для начала надо сказать, что мнения современников по этому поводу были довольно глупыми.

Самая нелепая из тогдашних концепций — концепция отсталости, порожденной автократической природой царизма. Возможно, в какой-то светлой многолетней перспективе переход к демократическому управлению Россией и привел бы к появлению более компетентного (в экономическом смысле) правительства, но ожидать этого немедленно было глубочайшей наивностью. Теперь, имея столетнюю перспективу, мы видим, что царское правительство было спокойным, порядочным, относительно компетентным, и, главное, его было очень мало.

Еще более нелепыми были разного рода народнические и марксистские идеи. Наделение крестьян национализированной частновладельческой землей и было, быть может, верным политическим решением, но уж к экономическому подъему этот шаг не мог привести наверняка. Про марксизм не приходится и говорить.

Вся остальная старая критика экономической политики царизма сводится к ворчанию и, иногда, к метким нападкам на частности, не раскрывающим причины общей небольшой успешности. В общем, ответа в старых книгах не найти.

Итак, перед нами стоит задача:

большой набор факторов, способствующих быстрому росту + x = умеренный рост.

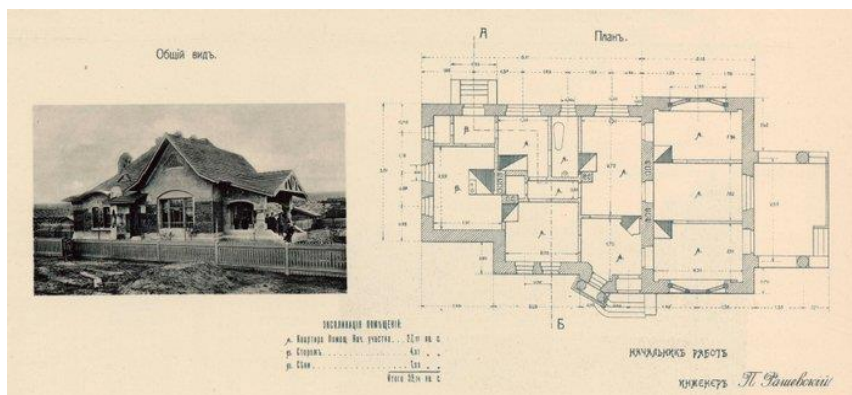
Как найти x ? Рассмотрению этого интересного вопроса я хочу посвятить пару следующих постов. Читатели, тем временем, приглашаются поделиться своими соображениями.

Источники данных:

Таблица Агнуса Мэдиссона.

Пол Грегори. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки.

Жилье железнодорожников: классовая структура старой России в примерах

В дополнение к нашим рассказам о заработной плате сообщим также и о том, как выглядело служебное жильё для работников разных уровней. В качестве примера мы выбрали Московскую окружную железную дорогу, по которой мы имеем отличный иллюстративный материал (планы в первых комментариях). Через разнообразные размеры и типологию служебного жилья нам становится прекрасна видна классовая структура старой России. Даже если мы не знаем, кому были предназначены дома, по планировке мы легко можем угадать жилища знакомых нам персонажей: барина, полубарина, низшего служащего, рабочего и чернорабочего, быт и жизненный стиль которых сильнейшим образом отличались друг от друга.

Московская окружная железная дорога была сложным и очень дорогим сооружением. Дорога обошлась в 40 млн. рублей при длине в 160 верст (в приведении к однопутной дороге), строительная стоимость была приблизительно в 2.5 раза выше, чем у самых дорогих того времени. Отчасти это объяснялось дороговизной отчуждаемых под дорогу городских земель и множеством инженерных сооружений, а частично тем, что на дорогу не жалели денег. И строение пути, и оборудование, и все постройки и сооружения дороги считались по тому времени

образцовыми; все было построено с запасом на возможность будущего увеличения грузоперевозок, надежно и долговечно.

Среди многочисленных построек были и разнообразные жилые дома. Дорога не предоставляла жилья всем служащим поголовно, но тех из них, кто работал сутками или в длинные смены, считалось удобным обеспечить служебным жильем непосредственно при рабочем месте. Всего было построено 30 жилых домов общей площадью 10.5 тыс. м²; типовые проекты разработал академик архитектуры А.Н.Померанцев. Часть зданий сохранилась до нашего времени.

Наиболее роскошное жилище было предназначено для начальника участка службы пути (инженерная должность, надворный советник). Это был отдельный дом с парадным и черным входом, большой прихожей, шестью комнатами, кухней, комнатой для прислуги, двумя кладовыми, большим санузлом для хозяев и туалетом для прислуги, общей площадью 226 м².

Помощнику начальника участка (должность для техника, титулярный советник) полагался отдельный дом вычурной архитектуры с четырьмя комнатами, прихожей, кухней, комнатой для прислуги и ванной, общей площадью 123 м²; при доме в комнате в 20 м² жил сторож.

Обратите внимание на то, что в жилищах бар есть ванны (только от бар требовалось быть непрерывно чистыми), а в планировке читается разделение на парадную и грязную половины.

Служащие среднего звена жили в двухэтажных домах.

Начальнику станции (коллежский секретарь либо титулярный советник) полагалась квартира на втором этаже из четырех комнат, кухни, маленькой прихожей и туалета общей площадью 92 м².

Для помощника начальника станции (несмотря на название, помощник был отнюдь не заместителем начальника, а просто сменным дежурным по станции, служащий без специального образования, губернский секретарь) предусматривалась квартира из трех меньших комнат, кухни, маленькой прихожей и туалета общей площадью 59 м².

Второму помощнику начальника станции полагались две комнаты, кухня, крошечный тамбур и туалет общей площадью 39 м². Видимо, предполагалось что из двух помощников один будет малосемейным.

Как видите, здесь уже нет ванн, а прислуга то ли спала прямо на кухне, то ли не жила в квартире постоянно. Но, в любом случае, кухня еще отделена от жилых комнат.

Старшему телеграфисту и старшему составителю поездов (это были уже низшие служащие без классных чинов) досталось по комнате и кухне в коммунальной квартире с общим туалетом; планировка была неудачной, и один могу попасть в свою комнату только через кухню другого. В той же квартире 18-метровую комнату занимал младший составитель поездов.

Рабочие — слесари, сцепщики, сторожа, стрелочники и, сигналисты — жили в многокомнатных двухэтажных домах; весь дом представлял собой коммунальную квартиру, но общим у них был только туалет, ни ванной, ни душевой, ни кухни в доме не было — предполагалось, что рабочие будут готовить еду каждый в своей комнате, а мыться — в коммунальной бане. Соответственно, в каждой комнате была печь, приспособленная в том числе и для приготовления пищи. Все комнаты были площадью около 18 м². Один туалет приходился на 4–8 семей, при появлении на этаже девятой комнаты устраивалось два туалета.

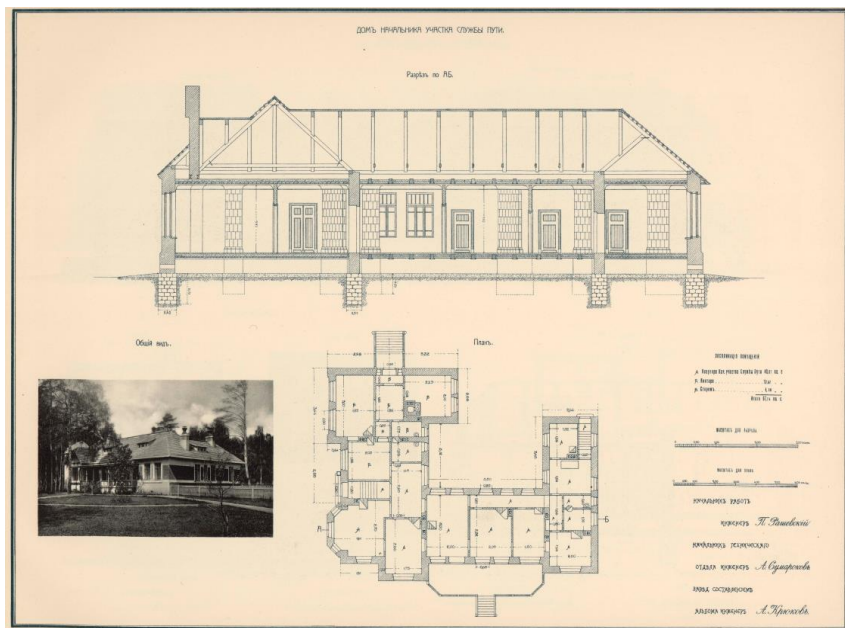
У телеграфных постов были отдельные одноэтажные жилые дома. Начальник поста (губернский секретарь) занимал отдельную квартиру, с парадным и черным входами, двумя комнатами, кухней и туалетом, общей площадью 50 м². Все остальные служащие жили в коммунальной квартире с общим туалетом и с кухонными печами в каждой из комнат. Старшему телеграфисту полагались комната и кухня (32 м²), младшему телеграфисту и сторожу — комнаты по 16 м².

В некоторых типовых проектах квартиры старших служащих были поменьше, например, для начальника станции отводилось 65 м², но рабочим ни в каком случае не доставалось менее чем 16 м² на семью.

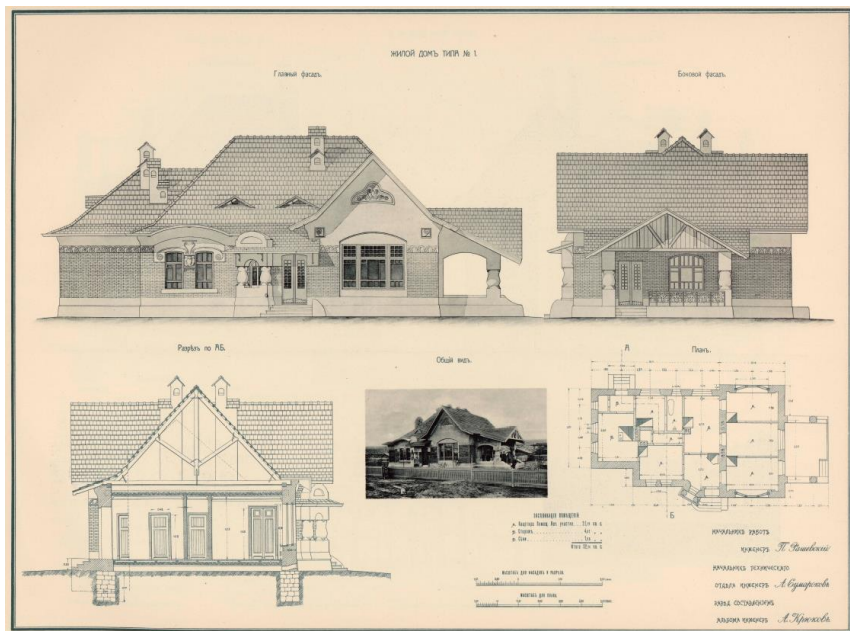
Рабочим паровозных бригад не предоставлялось служебное жилье, но, поскольку они работали в очень длинные смены, у них были специальные общежития. Одно общежитие было рассчитано на 12 бригад (машинист и помощник), для которых полагалось 7 общих спальных комнат, из расчета 5.7 м² на человека, кухня, большая столовая, сушилка для одежды и два туалета.

Высота потолков была, по современным меркам, очень большой — низшие служащие жили на первых этажах с высотой от пола до потолка 3.5 м, старшие служащие на верхних этажах с высотой 3.75 м.

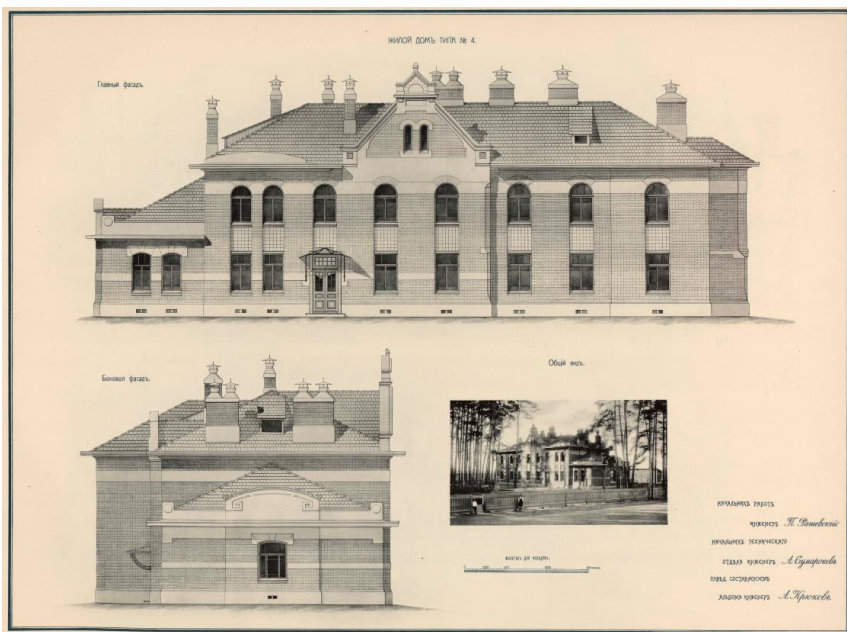
При домах были сараи (где хранили дрова) и ледники. Видимо, далеко не всем рабочим было комфортно пользоваться таким новшеством как ватерклозет, поэтому при домах имелись и традиционные отхожие места. Ванны полагались только инженерам, все остальные мылись в банях, которые имелись при некоторых станциях.

Это самый роскошный дом, в котором жил начальник участка

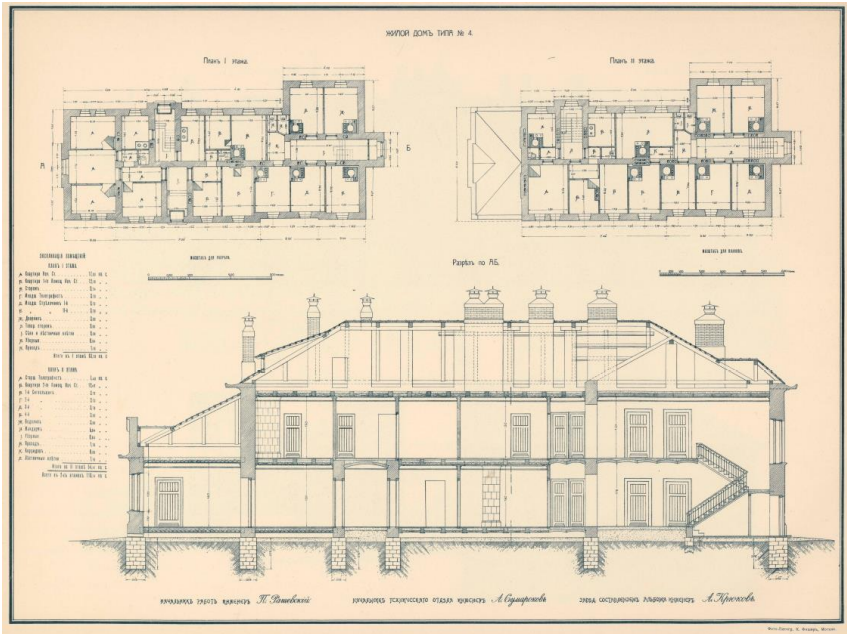

А в таком доме попроще жил его помощник.

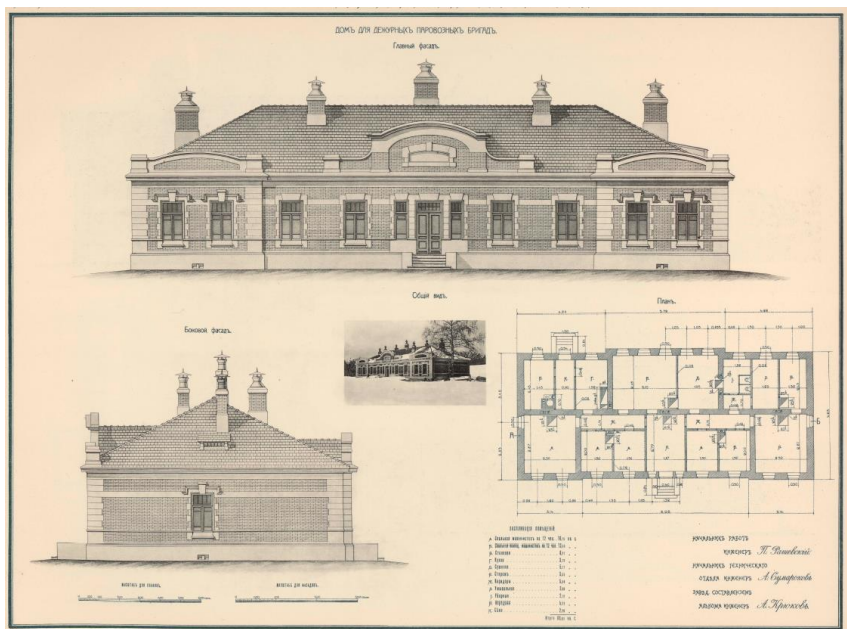

Наверху живет начальник станции, внизу – простые служащие.

Планы того же дома.

А это общежитие, где ночуют дежурные паровозные бригады.

Царская Россия: разумный суд против плохих законов

Уголовное законодательство поздней Российской империи было очень и очень странным. Наш современный Уголовный кодекс, изменяющийся раз в неделю и содержащий весьма экзотические нормы, кажется невинной детской шуткой в сравнении с *Уложением о наказаниях 1885 года*.

Для начала, уголовный кодекс (*Уложение о наказаниях*) был огромным, в него входило около 1250 составов уголовных преступлений, выделенных в отдельную статью; составов же, оформленных как подразделы в пределах одной статьи, было около 2700. Раздел *«преступления и поступки против общественного благоустройства и благочиния»* включал в себя более 550 укрупненных составов преступлений. В том числе, только составов преступлений содержателей аптек было 23, внутри которых, по разновидностям преступлений и тому, в который раз они были совершены, предусматривалось 73 различных наказания. Биржевые брокеры (которых во всей империи было никак не более 300–400 человек) могли совершить 33 специфических преступления. Особенно же внимательно законодатель подошел к преступлениям моряков (которых закон иногда архаически именовал *водоходцами*): для них было предусмотрено 69 составов преступлений. В частности, отдельным преступлением было самовольное изменение названия судна.

Разумеется, играло свою роль и то, что закон старой России не разделял преступления и административные правонарушения. Самый ничтожный проступок (непредставление биржевым маклером сведений о ценах гоф–маклеру) с наказанием в виде 15–рублевого штрафа, все равно рассматривался судом общей юрисдикции с соблюдением всех юридических процедур и обрядов, принятых для настоящего уголовного преступления. Но судам от этого было не легче. Но, в любом случае, такое изобилие составов редко встречающихся преступлений приводило к отсутствию установившейся судебной практики и вытекающим из него затруднениям для судей при применении закона.

Второй большой проблемой было наличие большого количества реликтовых статей, оставшихся от законодательства эпох Екатерины II — Николая I. Старинный законодатель считал необходимым вмешиваться во все аспекты общественной, семейной и частной жизни, раздавая наказания за такие проступки, которые, по мнению людей конца 19 века (и по нашему с вами), были порицаемыми, но ни в коем случае не уголовными деяниями. Годы прошли, общественная мораль и правосознание изменились, но старинные статьи в законе никуда не делись (типичная для Российской империи ситуация).

Для примера, уголовное наказание полагалось:

— за *«потворство ямщикам и почтарям, позволяющим себе грубости против окружающих»* (не спрашивайте, кто и как мог произвести такое потворство, в законе тоже ничего об том не говорилось);

— *«так называемым кликушам, которые делают на кого-либо изветы»* (каково судье пытаться определить, по каким признакам подсудимую можно отнести к кликушам и что есть изветы);

— повивальным бабкам, не донесшим начальству *«о родившемся странном и необыкновенном уроде»* (чувствуется перо Петра I);

— управляющим аптеками, избличенным в *«нетрезвой жизни и нерадению к должности своей»*;

— тем, кто *«ради корысти или суетной славы разгласит о каком-либо будто совершившемся чуде»* (духовенство РПЦ должно радоваться, что такой статьи в УК больше нет);

— игравшим на корабле в карты или в кости;

— купеческим приказчикам и сидельцам, которые *«не будут к своему хозяину и его семейству почтительными или же будут вести беспорядочную и развратную жизнь»*.

Вишенкой на торте были уже совершенные средневековые дикости, до которых сегодня не способен додуматься даже Милонов. Для примера, за *«упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и иные пороки»* дети (имеются в виду совершеннолетние дети), по жалобе родителей, без судебного рассмотрения, должны были подвергаться заключению в тюрьме

на срок от 2 до 4 месяцев. Формулировки радуют всякого юриста. Иные пороки — это что, грыз ногти? Заметим, что уже сама процедура заключения в тюрьму без судебного рассмотрения была проигнорирована процессуальным законодательством, так что порядок действий оставался неясным — приговор выносит судья, или же родители могут напрямую сдавать детей тюремщику?

И наконец, третьей проблемной зоной были наказания за деяния, не представляющие собой курьеза, но находившиеся в спорной зоне, там, где правосознание и общественная мораль еще не установились или же установились недавно. Общим у этих разнообразных преступлений было одно — мнение законодателя о самой криминальности данных деяний и степени наказания категорически не сходилось с общественным мнением и с правосознанием судей, прокуроров и следователей.

Этими преступлениями были:

- стачка рабочих (до 16 месяцев тюрьмы);
- нищенство и бродяжничество (до 4 лет лишения свободы);
- богохульство или атеистическая пропаганда (до 3 лет заключения);
- дуэли (убийство на дуэли — 4 года заключения);
- нарушение постановлений о браке — вступление в 4-й брак и тому подобное (разные виды среднесрочного заключения);
- инцест (для примера, секс между двоюродными братьями и сестрами — до 4 лет заключения);
- внутрисемейное насилие (наказание более тяжелое, чем для аналогичного насилия против посторонних лиц);
- самоубийство (завещания самоубийц признаются недействительными и наследство разделяется по закону);
- аборт (4–6 лет лишения свободы);
- внебрачный секс (заключение на 4–8 месяцев);
- секс с несовершеннолетними (секс с детьми до 10 лет тяжкое преступление, от 10 до 14 — только при «употреблении во зло невинности и неведения ребенка», что значит разрешение секса с проститутками данного возраста, свыше 14 лет разрешен);

- гомосексуализм (тяжкое преступление, каторга).
- недонесение о преступлении (до 4 лет лишения свободы).

Некоторые проблемные преступления и практики были декриминализованы совсем недавно, уже в послереформенный период. Большое значение имело упразднение в начале 1870-х заключения по инициативе кредиторов за долги (кстати, вопреки распространенному мнению, должники сидели в тюрьме за счет кредиторов не пока они не выплатят долг, а вместо выплаты долга).

Среди осмысленных наказаний затесалось нелепое — *церковное покаяние* (только для православных). Приговоренный к покаянию был обязан посещать церковь, поститься и исповедоваться, а затем представить судебным властям выданную священником в том справку. Никаких мер принуждения осужденного к исполнению приговора не предусматривалось.

Мы намеренно не включаем в число проблемных частей уголовного права политические преступления. Они не составляли юридической проблемы для той эпохи. Политических прав и свобод у подданных Российской империи не было (вернее, вовсе не было до 1905 года, а затем были какие-то обрывки), о них даже не упоминали. Основные законы, государственный строй был самодержавным. Разумеется, с формально-юридической стороны любого рода антиправительственная деятельность, и даже критика действий правительства в печати, и даже подача правительству петиций преследовались в уголовном порядке осмысленно и закономерно.

Как легко заметить, странное (мягкое выражение) уголовное законодательство ставило перед судьями, судебными следователями и прокурорами серьезные задачи. Что делать со всеми этими удивительными предписаниями? Неужели и вправду отправлять в тюрьму тетку, которая имела глупость признать себя кликушей? Неужели заводить следственное дело по жалобе на человека, потворствующего грубости ямщиков? Начинать следствие против несостоявшегося самоубийцы при неудачной попытке самоубийства (и это при том что наказанием, курам на

смех, было церковное покаяние)? Сажать в тюрьму изменившего жене?

В общем-то, примерное те же чувства испытывает современный судья, когда в его суд поступает уголовное дело против женщины, разместившей в контактике, в краеведческих целях, фотографию своего двора в 1943 году, на которой видны выстроившиеся немецкие солдаты и их знамя со свастикой. Те же проблемы встают перед прокурором, к которому поступает жалоба, обвиняющая человека, пришедшего в детский сад в радужном шарфике, в пропаганде гомосексуализма несовершеннолетним.

Современные судьи и прокуроры отвечают для себя на эти вопросы просто — я исполнитель, я выполняю законы, а не принимаю их. Какая бы дичь не содержалась в законе, современный российский судья вынесет приговор без колебаний. Есть претензии — обращайтесь в Думу, пусть меняют закон. О том, чем это кончается, мы чуть ли не каждый день читаем в газетах.

Старые судьи, следователи и прокуроры отнюдь не считали, что они только исполнители, и исполнению подлежит любой закон, сколь бы диким он ни казался. Напротив, неуместное (по мнению юридического сообщества) законодательство единодушно игнорировалось.

Для начала надо понимать, что полиция в ту эпоху занималась лишь тем, что мы сегодня называем оперативной деятельностью, полицейского дознания не существовало. Какую-либо инициативу полиция проявляла лишь там, где речь шла о порядке на улицах или же о возможности выцыганить мелкую взятку у домовладельца за нарушение правил благоустройства. Во всех остальных случаях полиция появлялась лишь по сообщению о преступлении, а с ненасильственным мелким преступлениям и когда жалобщик называет виновного — не появлялась вовсе, отправляя жалобщиков, по их усмотрению, к судебному следователю либо прокурору. В сельской местности один чин полиции приходился на 2500 жителей, то есть никакими мелочами полиция заниматься просто не могла. Грубо говоря, полиция игнорировала всё, кроме уличного порядка и классических

уголовных преступлений (кража–грабеж–разбой, тяжкие телесные, убийство, изнасилование).

Таким образом, основная инициатива в деле игнорирования нелепостей принадлежала судебным следователям, каждый из которых являлся отдельной процессуально независимой судебной властью. Следователи поступали с фигурой просто — отписывались и не открывали следственное дело. На них можно было жаловаться прокурору, а на прокурора — его начальству, вплоть до министра юстиции (но не суду), но все эти инстанции мыслили одинаково, и отвечали аналогичными отписками. Столь простым способом судебной системе удалось справиться с реликтовыми и заведомо нелепыми статьями Уложения о наказаниях, типа кликушества. Схожие меры применялись и к разумным, но чрезмерно мелким и редко встречающимся статьям, для которых не установилась судебная практика — никто не хочет первым выносить приговор по диковинной статье, у него слишком много шансов не устоять при апелляции и кассации.

Там же, где деяние было более серьезным, а закон формулировал состав преступления жестче, а жалобщики настаивали, работать приходилось всем судебным властям вместе. Следователь, однажды начав следственное дело, уже не мог его закрыть — это было в компетенции суда. Но зато суд мог в распорядительном заседании прекратить такое дело, не приступая к его рассмотрению по существу. Так оно и делалось. Судебные следователи вяло и с затяжкой вели следствие, допуская намеренные ошибки, прокуроры составляли еще более бестолковые обвинительные заключения, суды закрывали дела. И даже если дело доходило до судебного рассмотрения по существу, справиться с ним было проще простого. Присяжные (судили дела с наказанием от 1.5 лет) и так-то оправдывали 40–45% подсудимых. Если же они замечали, что и прокурор, и судья на самом деле не считают подсудимого виноватым и пытаются им на то намекнуть, оправдательный вердикт был почти гарантирован. Если же суд был без присяжных, то при наличии у судьи и прокурора согласованного желания оправдать подсудимого (при формальном обвинительном заключении) дело развалилось в первые минуты, для чего имелись десятки способов.

Пройдемся по отдельным проблемным видам преступлений (использована статистика приговоров за 1910 год):

Стачка рабочих (41 оправданный, 99 осужденных, из них 18 к краткосрочному заключению, а остальные к аресту). Практика сформировалась таким образом, что судили только организаторов стачек, но не их рядовых участников, и то только в вопиющих случаях, типа стачек с погромами и грубым насилием. Это не значит, что стачечников не трогали — организаторов массово ссылали (ссылка была внесудебным наказанием), а рядовых участников жандармерия любила арестовывать на две недели без предъявления обвинения. Но это были уже не проблемы судебной системы.

Нищенство и бродяжничество — полное игнорирование требований закона (100 обвинительных приговоров за бродяжничество и 1 за нищенство, все к штрафу, которого с нищего не возьмешь). В Петербурге, для примера, действовало особое Присутствие для разбора нищих, которое применяло к нищим множества мер, от направления на лечение и обучение до отсылки на родину, но в любом случае не отдавало их под суд. Надо заметить, что мировые судьи осудили еще 2830 просящих милостыню (всех к кратковременным арестам и штрафам), но и это была капля в море, вероятность попасться составляла где-то 1:500.

Богохульство и атеистическая пропаганда. (935 обвинительных приговоров, из них 880 в аресту, 55 к заключению, из них только 5 к каторге). Авторы ученых (или, во всяком случае, корректных) атеистических сочинений не трогали никогда. Сектанты, выступавшие с антиправославной проповедью, могли иногда попасть под раздачу по полной. Идиотов, что-то случайно ляпнувших спьяну, а также ругавших церковь в частном разговоре и ставших жертвой подлого доноса, суд старался спасти — под предлогом пьянства и неразумия была возможность отделаться небольшим арестом.

Дуэли (6 обвинительных приговоров, все к аресту). Суды считали особо несправедливым преследование дуэлянтов, поскольку для офицеров в ту эпоху дуэль в некоторых случаях была

обязательной (см. «Поединок» Куприна). Как видно из статистики, дуэлянты почти не попадали под суд, а если попадали, то отделялись легким испугом.

Инцест (75 оправданных, 88 осужденных, из них 32, все мужчины, к среднесрочному заключению и 8, все женщины, к краткосрочному). Общее впечатление такое, что суды судили за инцест неохотно, только при настойчивых жалобах членов семьи, желающих наказать негодяя. По всей видимости, жалобы сторонних лиц не принимались.

Внутрисемейное насилие без телесных повреждений (19 оправданных, 13 осужденных, из них 10 к заключению). Эти ничтожные цифры могли получиться лишь в том случае, если полиция и следователи упорно отказывались принимать жалобы пострадавших. Напоминаем, что насилие с нанесением телесных повреждений преследовалось.

Самоубийство и принуждение к нему (17 оправданных, 9 осужденных к краткосрочному заключению). Цифры ничтожные при 8–10 тысячах самоубийц в год. Неудавшихся самоубийц не преследовали вообще, а принуждение к нему следователи явно считали статьей, по которой невозможно получить обвинительный приговор.

Аборт (73 оправданных, 20 осужденных, из них 3 к среднесрочному заключению, остальные к краткосрочному). Мы не знаем, сколько тогда делалось абортов, но очевидно, что вероятность попасться была менее 1:10.000, то есть женщины даже не задумывались о существовании уголовной санкции за это деяние.

Внебрачный секс (любодеяние: 3 осужденных к краткосрочному заключению; прелюбодеяние: 153 оправданных, 66 осужденных, из них 7 к краткосрочному заключению, 47 к аресту). Тут дело зашло еще глубже: очевидно, что факты внебрачных сексуальных отношений тысячами выявлялись при расследовании всех прочих уголовных преступлений. Разумеется, суды просто игнорировали обязанность уголовного преследования тех, кто, давая показания в суде, признался во внебрачном сексе. Видно, что за внебрачный секс неженатых суды вообще не были

готовы выносить приговоры, но в случае супружеской измены особо обидевшимся обманутым супругам очень редко удавалось настоять на наказании.

Секс с несовершеннолетними (114 оправданных, 219 осужденных, из них 121 к каторге, 79 к среднесрочному заключению). Эти цифры показывают, что суд считал достаточно тяжким преступлением секс с несовершеннолетними по жалобам родителей, но при этом не собирался никого преследовать за секс с малолетними проститутками. Это соответствовало и юридической конструкции «употребления во зло невинности и неведения» малолетней — очевидно, что малолетние проститутки такими свойствами не обладали.

Гомосексуализм (61 оправдано, 68 осуждено, из них 25 к каторге, остальные к среднесрочному заключению). По всей видимости, под эту статью можно было попасть, лишь только если факт гомосексуализма выявлялся в ходе какого-то другого уголовного дела (гомосексуалист ограбил любовника и т.п.), если бы суды давали ход доносам, то подсудимых было бы как минимум в десятки раз больше.

Недонесение о преступлении (56 оправданных, 66 осужденных, из них 54 к заключению). И тут под суд попадали редчайшие неудачники; очевидно, что при рассмотрении уголовных дел выявлялись многие тысячи лиц, которые знали о преступлениях и не донесли, но суды не желали привлекать их к ответственности.

Итак, с несправедливыми законами судебная система старой России разобралась на счет три. Как оказалось, всё, что требовалось сделать следователям, прокурорам и судьям — игнорировать плохие законы и не делать того, что противно совести. А поскольку совесть у людей на данных должностях в ту эпоху была (удивительно, не правда ли?), то устаревшее и репрессивное право не создавало реальных проблем для людей. Не так и важны хорошие законы, главное — не привлекать к работе в судебной системе шваль, и всё будет в порядке.

И в завершении следует упомянуть о таких преступлениях, которые упоминались в старом законе, и преследование которых

по современному понятию были правильными, справедливыми и целесообразными, но при этом получить по ним обвинительные приговоры, по разным обстоятельствам, не удавалось.

Первым из таких преступлений было **недобросовестное банкротство**. Юридическая практика, увы, сложилась в пользу недобросовестных банкротов, доказать их преступность старая прокуратура не умела (или ленилась), и за год обычно не было ни одного обвинительного приговора. Последствия такой юридической слабости были огромными — банкроты в старой России нагтели, имели обычай собирать кредиторов и объявлять им, что деньги—то есть, но им они все равно не достанутся, так что пусть кредиторы возьмут 50 копеек за рубль и отзовут претензии, а иначе им вообще ничего не достанется, а банкроту ничего за это не будет. Сия традиция в полной мере продолжается и сегодня, только кредиторам теперь не нужно предлагать и 50 копеек, можно просто забирать всё имущество и безнаказанно сбегать.

Вторым важным преступлением был **монопольный сговор** (*стачка торговцев и промышленников для возвышения цены*). Только в 1914 году, перед самой войной, где-то через 10 лет после появления знаменитых синдикатов, прокуратура наконец решилась, на фоне стремительного роста цен на топливо, начать расследование деятельности «Продугля» (это было сбытовое монопольное объединение), но тут же сломала зубы и закрыла дело. Судя по всему, вначале ввести эту статью в действие (что было несложно, монополии не прятались) поленились, а потом уж было поздно, влияние лобби монополистов перевешивало влияние Минюста.

Почему не могла подняться экономика царской России: мало денег

В одном из моих последних постов обсуждался вопрос о том, почему экономика позднеимперской России развивалась довольно медленно, несмотря на множество хорошо действующих институтов и удачных практик (типа высокого качества права собственности), которые, казалось бы, должны были привести к взрывному росту.

Сейчас мы обсудим одну рабочую гипотезу, которую непременно нужно проверить в таких случаях — может быть, страна испытывала проблемы с денежным обращением и кредитом?

Эпоха Николая II традиционно представляется как время неких особо качественных «золотых» денег и бюджетной стабильности. Монетарная и бюджетная политика, благодаря ярким мемуарам двух министров финансов (Витте и Коковцова), представляется сплошным триумфом — и устойчивое золотое денежное обращение ввели, и доходы с расходами свели, и постоянный рост бюджета обеспечили, и банковская система работает без сбоев и т.д. и т.п.

Попробуем проверить эти сведения другим способом, а именно подсчитаем монетарные макропараметры для России 1913 года и сравним их с США, которые и тогда уже были признанным лидером мировой экономики. Мы будем считать только параметры М0 (наличность в обращении, по русскому счету, без кэша в кассах коммерческих банков) и М2 (наличность в обращении + текущие счета и депозиты). М1 (наличность + текущие счета) считать бесполезно, так как в ту эпоху не было различия между текущими счетами и депозитами, по текущим счетам платили проценты, а депозиты возвращали в любое время по требованию. Статистики в нашем распоряжении сколько угодно, см. примечания в конце. Все цифры в долларах переведены в рубли (по золотому курсу 1.94). Статистика не вполне совместима, так как у американцев все данные на август–сентябрь, а у нас на 1 января, но для грубой оценки сойдет.

Деньги в обращении и агрегат М0

У русских в обращении были золотая монета, кредитные рубли (свободно обменивавшиеся на золото), т.н. банковская серебряная монета (ограниченно обменивавшаяся на золото) и разменная серебряная и медная монета. Так как американцы считали в составе денег в обращении свои treasury notes, мы приплюсуем сюда и их русский аналог, билеты Госказначейства (так называемые «серии»), хотя это и bond. Всего этого добра на 1 января 1914 было в обращении на 2403 млн рублей. Так как мы считаем М0 по современному методу, мы вычтем кэш в кассах банков, получится **2373 млн** рублей, **13.5** рублей на человека. На золото приходилось 629 млн.

У американцев картина денежного обращения куда сложнее. У них тоже есть золотая, серебряная и медная монета, а вот бумаг у них больше. На тот момент в США не было «долларовых банкнот» как таковых. В обращении находились золотые и серебряные сертификаты (золотые — более или менее аналоги наших кредитных билетов), долларовые банкноты Казначейства, долларовые банкноты национальных банков и treasury notes. Всего их обращалось на 6516 млн рублей, их которых только 609 млн приходилось на золотую монету. Агрегат М0 составлял **5736 млн** рублей, **58.5** рублей на человека.

Агрегат М2

Кредитные учреждения в России были разделены на многочисленные виды, строго разделенные по разрешенным формам деятельности. Текущие счета и депозиты держались в Госбанке (который, среди прочего, обслуживал бизнесы и население как обычный коммерческий банк), в акционерных коммерческих банках (из было всего 46), в обществах взаимного кредита (это банки, кредитовавшие только своих пайщиков), в городских общественных банках (маленькие банки с ограниченным кругом операций), в казенных сберегательных кассах и в кредитно-ссудных товариществах (так называемый мелкий кредит). Всего на текущих счетах и депозитах было 5739 млн рублей. Агрегат М2 составлял **8112 млн** рублей, **46.3** рубля на душу населения.

У американцев состав кредитных учреждений был совсем другой. Первый разряд составляли так называемые национальные банки, находящиеся под определенным регулированием; эти банки были частные, и их было 7533 штук (в 160 раз больше, чем в России). Второй разряд составляли банки штатов, казенный почтовый сберегательный банк (аналог российских сберкасс), разного рода частные банки, и ассоциации взаимного кредита. Современная американская статистика полагает, что агрегат M2 составлял на тот момент **31150 млн** рублей, **317** рублей на жителя США.

Пояснения

Да, на первый взгляд и вправду получается, что царская Россия была страна малоденежная, как часто подмечали и старинные экономисты (особенно те, кто выступал против золотого стандарта).

На душу населения у нас приходилось в 4.3 раза менее денег в обращении. Но сравнение агрегатов M2 еще важнее, так как в Америке чековые (то есть безналичные) расчеты на тот момент были уже стандартом для деловой сферы, и даже начинали входить в розничную торговлю — а в России, несмотря на формальное существование чековых книжек, оставались экзотикой. Так вот, M2 на душу населения в США был в 5.4 раза выше.

Понятно, что нехватка/избыток денег зависит не только от их количества, но и от скорости их обращения. Тут, как ни странно, Россия не особо отставала: скорость денежного обращения в межбанковских расчетах была приблизительно одинаковая — и в России, и в США все кредитные учреждения были подключены к расчетным отделам Госбанка / clearing houses, и погашение взаимных требований производилось в суточном цикле. Только последняя часть платежного цикла была в России помедленнее — там, где американский бизнесмен выписывал чек, русский купец чаще заказывал в банке наличку.

Наблюдались и внешние признаки нехватки денег — повсеместное распространение отпусков в долг в розничной торговле и расчеты частными векселями в бизнесе. В городах товар отпускали в долг любому знакомому покупателю; деревенские по

определению расплачивались с лавочником раз в году, после продажи урожая. Торговля ненавидела векселя, но не умела без них обойтись. Как ни старались производители и крупные оптовики перевести расчет на наличные, это удавалось только у немногих — обычно у покупателей просто (то есть мелких оптовиков и розничных торговцев) просто не было денег, все платежи шли с отсрочкой как минимум на стандартный срок векселя, три месяца, а чаще всего и больше.

Также, само собой разумеется, русский кредит был дороже американского. Устойчивая фирма с наработанной репутацией, способная предоставить банку хороший залог, получала в России кредит под 7–7.5%, а в США — под 4–4.5%.

Выводы

1. С деньгами в России получилось приблизительно то же, что ранее с железными дорогами. В США железная дорога была инструментом развития, ее прокладывали в чистом поле, вокруг нее селились люди, строились города, возникла промышленность. В России железная дорога была средством обслуживания имеющейся экономики — ее строили только там, где уже есть население, хозяйство и гарантированные пассажиры — и грузопотоки. И точно так же в США в новом городе, построенном у новой станции (и после нее) банк появлялся прежде бизнеса, и его кредит помогал бизнесу возникнуть. Российский же банк (вернее, его отделение) появлялся лишь там, где бизнес был уже достаточно развит. В 1913 году в России было всего лишь 760 банковских отделений, банковское обслуживание не дошло еще приблизительно до 40% уездных городов.

В общем, российские финансовые власти следили за тем, чтобы денег было ровно столько, чтобы колеса крутились — а не чтобы они крутились быстрее и быстрее.

2. Русское правительство чрезмерно увлеклось делением делением кредитных учреждений на несоприкасающиеся и неконкурирующие разряды (обычные банки, ипотечные банки, малые банки, сберкассы) и в течение 50 лет контролировало выдачу банковских лицензий, сохраняя число акционерных банков в диапазоне 35–45. Результатом оказалась низкая

конкуренция, вялость — то есть, в целом, недоразвитость каналов денежного обращения. А когда эти каналы недоразвиты, экономику уже не насытить деньгами, даже если хочется. В общем, вначале было «зачем нам столько банков, у нас же нет денег», а потом стало «мы бы дали денег, но некому их принять, ведь банков так мало».

3. Принятие Россией золотого стандарта можно считать явлением закономерным. Надо, чтобы всё было как у взрослых. Но зачем же было делать его до такой степени золотым! В России отношение «золото в казне и в обращении : M2» составляло 1:3.7, а в США 1:18.5. Чрезвычайно нелепый принцип 100% покрытия кредитных билетов золотым запасом привел к тому, что огромные средства были вбиты в формирование золотого фонда, вместо того, чтобы потратить их на полезное. А уж если создали такой большой золотой фонд, надо было смело печатать больше бумажных денег.

Александр III, лукавые надписи и игры подсознания

Сегодня Путин открыл памятник Александру III в Крыму, на месте Малого Ливадийского дворца, в котором царь в 1894 году умер.

На постаменте высечена самое, наверное, известное из изречений монарха: **«У России есть только два союзника — ее армия и флот».**

Что тут не так? Цитата, судя по всему, подлинная. Мы знаем ее в пересказе Витте, но, учитывая, что царь почти ничего не писал, этот источник можно считать достоверным. Проблема в том, что царь, произнося эти слова, сильно лукавил — и это ни для кого не было тайной.

Вся история внешней политики России в короткое царствование Александра III состоит из распада старого Тройственного союза (Россия — Германия — Австро-Венгрия) и заключения Россией нового, русско-французского союза. При этом русско-французский союз подготавливался в тайне, так

чтобы не разрушить то, что на тот момент сохранилось от добрых отношений с Германией. Чтобы, не дай бог, Россия ни на минуту не оставалась со своими двумя союзниками — армией и флотом — и без всяких других союзников.

Эта политика удалась, союз с Францией оказался прочным, и при визитах французских высших должностных лиц цари вставали смиренно под звуки «Марсельезы», текст которой представлял собой набор проклятий в адрес всех монархов (*дрожите, подлые тираны, вас по заслугам кара ждет!*). И за пение которой при любых других обстоятельствах подданные царя уезжали в Сибирь.

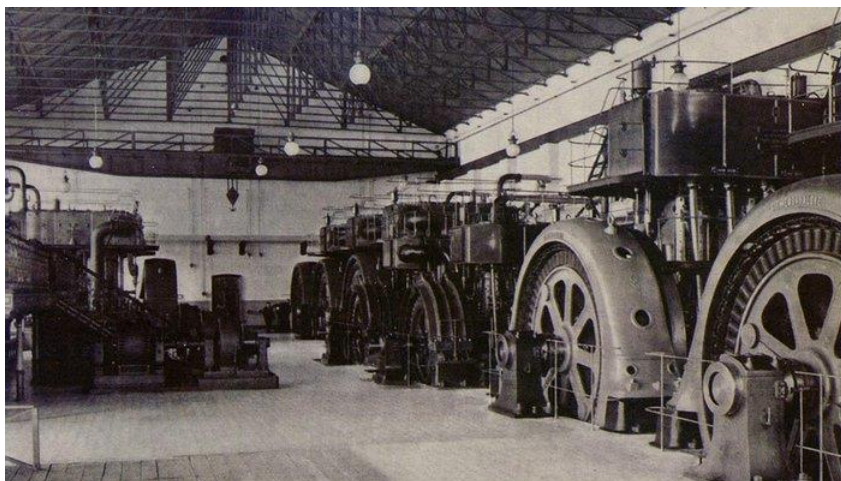
И всё потому, что наличие сильного союзника, несмотря на все остроумные выражения царя, считалось абсолютно необходимым для России.

Почему выбрали эту цитату для памятника? Наверное, потому что она должна наполнить сердце Путина гордостью. Его внешняя политика привела к тому, что у России теперь три союзника — армия, флот и Венесуэла.

Кстати, на барельефе сзади изображены достижения эпохи Александра III — Великий Сибирский путь, обобщенный завод, обобщенная нефтяная вышка, Исторический музей, Храм Христа Спасителя, Третьяковская галерея, винтовка Мосина, много-много икон (sic!) и **самолет Можайского**. Самолет Можайского, Карл! Самолет, который не летал и не мог взлететь в принципе.

Если же перейти к искусствоведению, то, на мой вкус, ставить в 21 веке памятники историческим лицам в виде реалистичной бронзовой фигуры, да еще того лица, которому посвящен памятник — это стыд, позор и эстетическая отсталость.

Был ли толк в знаменитом плане ГОЭЛРО? Часть I

Эта серия постов будет посвящена разбору мифологизированных представлений об отсталости царской России в электроэнергетике и волшебном ленинском плане ГОЭЛРО, выведшем страну из тьмы.

Первая часть поста — анализ макроэкономической статистики довоенного периода, вторая часть — рассказ о всяких технических и институциональных подробностях русской дореволюционной электроэнергетики, третья часть — разбор самого плана ГОЭЛРО.

Макроэкономические данные

Царская Россия вырабатывала чрезвычайно мало электроэнергии — в 1913 году все электростанции, как открытые для подключения, так и принадлежавшие отдельным предприятиям и организациям, выработали всего лишь **11 кВт-ч в год на жителя**.

По современным меркам это ничтожно — в 1990 году СССР вырабатывал 3700 кВт-ч в год на жителя. Но и по понятиям того времени такие показатели считались слабыми. Перед Первой

мировой войной Франция вырабатывала 44 кВт-ч в год на жителя, Англия 54, Италия 37, и даже совершеннейший аутсайдер среди европейских держав, Испания — 25. Некоторые страны еще более резко вырвались вперед: Германия — 123, США — 255.

Но, как ни странно, совсем другая картина вырисовывается, когда мы смотрим, сколько электроэнергии надо было израсходовать для создания 1000 долларов ВВП (подсчет ведется в условных долларах 1990 года, следуя таблице Мэдиссона), то есть попробуем определить вклад электрогенерации в создание национального дохода.

В России при душевом ВВП 1433 долларов на каждую тысячу долларов ВВП уходило 7.8 кВт-ч, в Англии (4921) — 11.0 кВт-ч, во Франции (3485) — 12.6 кВт-ч, но при этом в Италии (2305), заметно отстающей по душевому ВВП от Англии и Франции — 23.5 кВт-ч. Две вырвавшихся вперед страны и тут показывают совсем другие результаты: Германия (3648) — 33.7 кВт-ч, США (5301) — 48.2 кВт-ч.

Таким образом мы видим, что есть страны с низким «неэлектрическим» душевым ВВП — это Россия, но есть и страны с высоким «неэлектрическим» душевым ВВП — Франция. Душевой доход в Франции выше в 2.4 раза, а удельный расход электроэнергии на создание ВВП всего лишь в 1.6 раз. Страны с близким душевым ВВП — Германия богаче Франции всего лишь в 1.05 раза — при этом различаются по «электричности» ВВП в 2.7 раза. В то же время, абсолютный лидер — США — показывает рекорд и душевого ВВП, и «электричности».

Еще интереснее будет посмотреть, сколько кВт-ч в год промышленного (а не общего) потребления электроэнергии приходилось на одного индустриального рабочего. Эту статистику я нашел не для всех стран. На российского рабочего приходилось 510 кВт-ч в год, на британского 242 (упс!), на американского 1345. Правда, надо честно признаться, что именно эти данные ненадежны, из-за трудности сопоставления методов сбора статистики.

Объяснения

Каким технологическим реалиям соответствуют эти парадоксальные статистические данные? 1900-е годы были десятилетием ценовой конкуренции электричества с технологиями предшествующего этапа во всех зонах его применения — то есть в освещении, электротранспорте и в приводах промышленных двигателей. В освещении электричество конкурировало со спиртокалильными лампами в домах и газовым светом на улицах. В 1905 году себестоимость люмен-часа для всех трех видов освещения была одинаковой. Надуличные городские железные дороги с паровой тягой составляли конкуренцию трамваям, сами трамваи и (даже поезда метро!) тоже иногда бывали паровыми, а с другой, современной стороны, их уже поджимали первые автобусы. Но главная битва происходила в цехах, между станками с индивидуальными электроприводами и централизованными системами механического привода от паровой машины, с передаточными валами и ремнями.

Конечно же, было уже понятно, что по всем трем фронтам быстро прогрессирующая электротехника рано или поздно одержит победу. Но при этом преимущества электричества перед технологиями предшествующего этапа было не настолько сильным, чтобы убирать с улиц исправные газовые фонари или сдавать в металлолом станки без электромотора. Все эти вещи пока что были чуть менее эффективны, чем электропривод. Раз уж ты заплатил за них единожды, умнее было подождать, пока они окупят себя и износятся.

Как результат, страны, достигшие высокого уровня развития в к 1880-м годам, и к 1910-м годам развивавшиеся уже медленно — прежде всего Англия и Франция — были переполнены исправно работающим и хорошо сконструированным неэлектрическим оборудованием, пусть и немного устарелым. Стиппанк в этих странах продолжал удерживать позиции. А страны быстрого, недавно начавшегося развития — Германия, США — выбирали новейшие технологии. Россия, в принципе, принадлежала ко второй группе стран, хотя и была более бедной. Для Англии, где промышленность больше обновляется, чем прирастает, два новых электрических станка — это один старый,

доэлектрический станок улетает на помойку (а он еще исправен, хорош, удобен). Для США и России, где расширение преобладает над заменой, это просто еще два новых станка.

В общем–то, та же ситуация наблюдается и в наше время. Чудо–электричка, едущая из аэропорта в центр города со скоростью 450 км/ч, имеется в Шанхае, а не в Цюрихе и не в Лондоне, хотя (скорее, не хотя, а потому что) Китай много беднее и неразвитее Швейцарии и Англии. Просто Цюрих и Лондон на момент изобретения дивного поезда имели уже настолько дорогие и развитые (пусть на предыдущем технологическом уровне) системы транспортного сообщения, что ломать их ради новинки нет резона.

Итак, в старой России на самом деле не было больших проблем с электроэнергетикой. Малое удельное потребление электроэнергии имело место потому, что не хватало потребителей. В стране было очень много вшивых крестьян в лаптях (которым на том историческом этапе вовсе не нужно электричество) и мало заводов (которым оно очень нужно), маленький средний и высший класс, то есть мало нужды в освещении частных домов, мало городов, то есть мало нужды в освещении улиц, совсем мало крупных городов, то есть нужды в трамвае. Но везде, где потребность в электричестве появлялась, она более или менее быстро и более или менее успешно удовлетворялась. И хотя она удовлетворялась на более скромном уровне, скромнее, чем в лидерских, «электрических» странах — Германии и США, в сравнении с Англией и Францией российская степень удовлетворенности текущих нужд в электроснабжении выглядела не позорно.

Позвольте, но что тогда делать с тем, что Россия была в 3.5 раза беднее Англии? Да, была. Но только электричество тут ни при чем. Россия поотстала от ведущих индустриальных держав в эпоху пара, в 1860–е–1880–е, и так и не сумела ликвидировать разрыв. В эпоху же электричества и двигателей внутреннего сгорания российская экономика была уже бойчее, разворотливее, и в части этих новинок держалась достойно (правда, не в сравнении с США).

Да, английский рабочий при обеспеченности электричеством в 2 раза слабее российского имел выработку раз в 3–4 выше. Почему это получилось? Потому что у английского рабочего была глубокая, прекрасно выполненная механизация доэлектрического этапа. У него был хороший станок без индивидуального электромотора, хороший, ловко сконструированный центральный механический привод с валами и ремнями, прекрасного качества центральный паровой двигатель, работавший на дешевом британском угле. Всё это оборудование на 1913 год совсем еще не устарело. Да, на новые заводы промышленники покупали электрические станки, но это был скорее задел на будущее, чем источник немедленной экономии. И, разумеется, у англичанина была сильно лучшая организация производства, более высокие технологии.

Кроме того, мы должны понимать, что для 1913 года электроэнергия — не более чем перчик в супе: вкус супа зависит от наличия перчика, а питательность нет. Супом являлся паровой привод. Даже в «суперэлектрических» США суммарная установленная мощность электрогенерации (а из нее на индустриальные нужды работало только 45%), была в 3.4 раза меньше, чем мощность индустриальных прямых приводов от паровых машин и двигателей внутреннего сгорания. А последняя (внимание!) пока что была равна суммарной мускульной силе всех тягловых животных, задействованных в экономике.

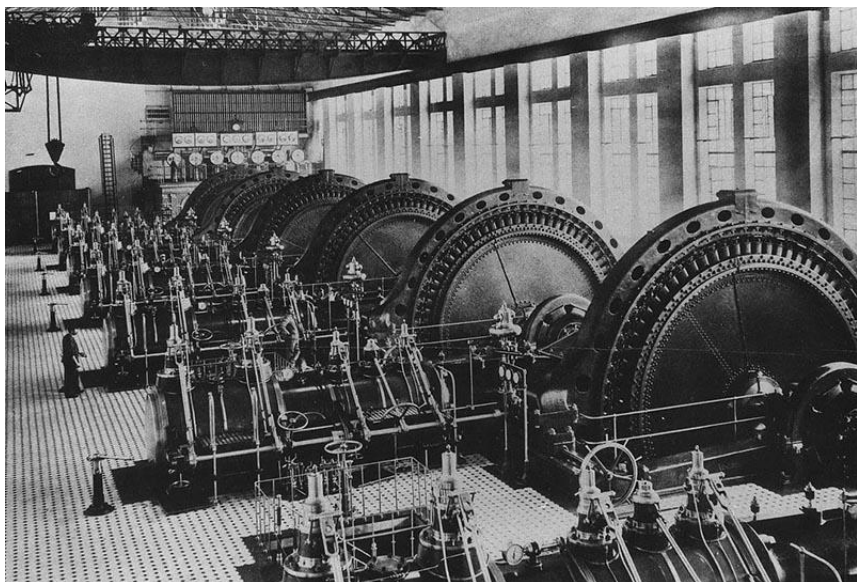
Выводы

Генеральный вывод тут такой, что с электроэнергетикой в старой России было не так-то и плохо, а если смотреть в пропорцию с общим уровнем развития национальной экономики — то даже довольно хорошо. Но, главное, и сама электроэнергетика пока что находилась на таком этапе развития, что ее вклад в создание национального продукта был весьма невелик даже в самых продвинутых странах — хотя, будучи ярким выражением научно-технического прогресса, электрические технологии занимали много места в умах людей. К началу Первой мировой войны еще можно было быть развитой, богатой индустриальной страной, имея при этом весьма незначительный

уровень электрификации (а также, кстати, и автомобилизации) — что и демонстрировали Франция и Англия.

Был ли толк в знаменитом плане ГОЭЛРО? Часть II

Эта серия постов посвящена разбору мифологизированных представлений об отсталости царской России в электроэнергетике и волшебном ленинском плане ГОЭЛРО, выведшем страну из тьмы.

Первая часть поста — анализ макроэкономической статистики довоенного периода, эта часть — рассказ о всяких технических и институциональных подробностях русской дореволюционной электроэнергетики, третья, будущая часть — разбор самого плана ГОЭЛРО.

Успехи на 1914 год

Электросети городов России в начале 20 века были разнообразны. Старые сети, начатые постройкой в 19 веке, были еще на постоянном токе. Стандарта напряжения не существовало (самым ходовым было 110 В), однопроводниковые сети (нагрузку включают между проводником и заземлением) конкурировали с

двухпроводниковыми (нижнее напряжение получается между проводником и заземлением, высшее между двумя проводниками) и трехпроводниковыми. Проблема этих сетей была очевидной – трансформировать напряжение постоянного тока на тот момент умели только с помощью умформера, электродвигателя большего напряжения на одном валу с генератором меньшего напряжения. Ясное дело, в качестве городской трансформаторной подстанции такая громоздкая, требующая дежурного персонала установка годится плохо. А без высоких напряжений и низких токов электроэнергию не передать далеко, слишком большие потери энергии, слишком толстые проводники. Дойдя до определенного размерного предела, городские сети постоянного тока теряли способность развиваться.

Более современные электросети (а также старые, но построенные более прозорливыми людьми) были на 50–герцевом трехфазном переменном токе с преобладающим напряжением 190/110 В (но и тут были города с нетиповыми сетями, и по напряжению, и по частоте). В этих сетях уже было высокое напряжение на магистральных линиях (обычно 6 кВ), понижающие подстанции с маслонаполненными трансформаторами, и распределительная сеть, при которой в домовладение вводился трехфазный ток, к отдельным электропотребителям – однофазный. Кое–где встречались и сети двухфазного переменного тока.

На городских электростанциях меньшей мощности стояли традиционные поршневые паровые машины, а на крупнейших и наиболее современных – паровые турбины, реже встречались дизельные двигатели. Турбины эффективней поршневых машин, но работают в меньшем диапазоне мощностей, поэтому, чтобы отвечать на изменяющуюся нагрузку, их всегда должно быть несколько.

Техническая проблема синхронизации нескольких генераторов в пределах одного машинного зала была уже устойчиво решена, а вот синхронизация удаленных генераторов еще казалась большим достижением, первый раз две электростанции удалось пустить синхронно перед самой войной. По этой причине, за исключением московской сети «Общества

1886 года», вся страна работала по принципу «одна центральная электростанция – одна подключенная к ней электросеть».

Толковых градирен делать не умели, а паровые машины и турбины (кроме самых маленьких), гоняли воду в замкнутом цикле с конденсацией. Соответственно, электростанции удобнее всего было ставить у речки, и конденсировать котельную воду в водоводяном теплообменнике, разогревая реку.

Бедствием электротехники того времени были примитивные расцепители. Первые масляные выключатели, а также выключатели с дугогасителями появились перед самой войной и были еще экспериментальной новинкой. На реально эксплуатируемых сетях стояли рубильники с ножом и пружиной, при срабатывании которых загоралась дуга. Их ставили в отдельный отсек, отделяя его от рукоятки управления мраморной плитой (она и называлась электрическим щитом). Ножи быстро прогорали. В общем, одни неприятности. Автоматических же выключателей и релейной защиты не существовало вовсе. На электростанции у щита сидел дежурный, неотрывно смотрящий на амперметры и вольтметры. Как только стрелки делали резкий скачок, он бежал и выключал рубильник – а машинист на генераторе должен был тут же уменьшить пар, чтобы машина не дала выбег. Легко догадаться, что с таким уровнем автоматизации аварии на сетях были довольно часты. Впрочем, были расцепители с плавкими вставками, но у них свои проблемы.

Начинали городские электросети с каких-то глупых тарифов в абонементной платой за лампочку, но к началу 20 века в обиход вошли абонентские счетчики (мало отличавшиеся от позднесоветских) и все перешли на стандартную плату за кВт-ч.

Абсолютным чемпионом по размеру, техническому уровню и финансовым результатам среди электросетей было «Общество 1886 года», тесно связанное с Германией, крупнейшая генерирующая и сетевая компания России, обслуживающая всю Москву, кроме трамвайной сети. Перед войной у общества была головная электростанция в 37 МВт на Раушской набережной и Богородская 15 МВт электростанция в 70 км от города, связанная с ней линией электропередачи 70 кВ. Городская электростанция работала на нефти (к железнодорожному терминалу был проложен

нефтепровод), а загородная на торфе, что тоже составляло удивительную новацию.

Перспективы на 1914 год

Российская электроэнергетика шла за европейской с некоторым отставанием, и видела свое будущее в том, чтобы повторять с задержкой в 5–15 лет то, что уже сделано в наиболее электрифицированных странах, США и Германии; Германия была более годным образцом для подражания, так как инженеры того времени в США не ездили (далеко и дорого), а учили преимущественно немецкий язык. Никому не приходило в голову, что в переносе западных технологий на российскую почву что-то не получится. Как только любая новая техника созревала, выходила из экспериментальной стадии, она без больших затруднений прививалась в России, если к тому была экономическая потребность.

Будущее, как оно виделось перед Первой мировой войной, было за районными электрическими сетями. Районы электросетей имели размерность 200–500 км и включали в себя несколько электростанций. Все крупные электростанции подключались в сети, а мелкие, которым оказывалось невозможным конкурировать с низкими тарифами сети, отмирали. В рамках концепции районной сети электростанции могли размещаться там, где доступнее топливо / водяная энергия, и передача электричества потребителям на 200–350 км (при напряжении до 150 кВ) считалась нормальным делом. Электросети городов переделывались на трехфазный переменный ток. Сети и входящие в них электростанции нисколько не обязаны были быть государственными, вопросы создания таких сетей и управления ими нормально решались соглашениями частных компаний.

В Германии сети развились уже до степени электрификации сельской местности, а в России такого пока что никто не ожидал. Падение цены, связанное с укрупнением электростанций, должно было привлечь большее количество потребителей в городах, а также заставить предприятия отказаться от собственных мелких электростанций в пользу подключения к сетям.

Второй перспективной темой было строительство гидроэлектростанций. Здесь был интересен американский опыт; для примера, ГЭС Niagara Falls к началу войны уже дошла до мощности в 180 МВт. Перед войной в России было несколько действующих микроГЭС, не представлявших большого интереса, готовый форпроект Волховской ГЭС и несколько вариантов ТЭО ГЭС на порогах Днепра. В Волховском проекте интересным было то, что его инициаторы не видели платежеспособного спроса на свободном рынке Петербурга, они предполагали договориться с казной об электрификации железнодорожного узла (сомнительный план) и строительстве за казенный счет завода для получения азота из воздуха (еще более сомнительный план).

Днепровский проект увяз в лоббистской борьбе. Дело в том, что казна первично предполагала шлюзовать пороги исключительно за казенный счет, но только для устройства судоходства, без целей генерации электричества. Частные инициаторы построить электростанцию как единый комплекс со шлюзами на совместном частно–государственном финансировании. Явилось несколько инициативных групп, составивших различные варианты ТЭО (большая плотина против каскада малых), дело попало в Думу, и там застряло, так как ни одна из групп не смогла победить. Всё, что успели сделать до войны – выделили средства на предварительные изыскания. Характерно, что наличие спроса (со стороны металлургии Юга) на днепровскую энергию считалось очевидным. Также характерно, что все считали проект реализуемым, и никаких голосов в пользу того, что Россия слишком отстала и не справится с таким делом, замечено не было.

Энергетики ожидали, что в скором времени появятся три новые, очень значимые группы потребителей: электрифицированные железные дороги, электрометаллургия и электрические сельскохозяйственные машины. Все эти надежды, как показало время, были неосновательны. Электровозы и электропечи вошли в практику на десятилетия позже, чем предполагалось в 1910–х годах, а электропружи вообще никому не понадобились. Еще одна ошибочная ставка – надежды на широкое распространение электродугового процесса получения азота из

воздуха; во время войны была открыт более выгодный аммиачный процесс.

Экономические соображения

В начале 1910-х электричество для российских горожан обходилось в 20–30 копеек за кВт-ч (в переводе на современные деньги 130–190 рублей за кВт-ч). Самые лучшие промышленные потребители, обеспечивавшие непрерывную и равномерную нагрузку, могли получать энергию по 5–6–7 копеек за кВт-ч. Цены на энергию падали – в 1880-х электричество стоило около 50 копеек.

Бытовое потребление, по существу, попало в ловушку. Из-за высокой цены энергии люди включали свет ненадолго, в среднем каждая лампочка горела 3 часа в день. Энергетикам приходилось создавать генерирующие мощности и электросети, которые оказывались загружены очень слабо, с коротким пиком (в малых городах генераторы вообще включали только вечером) – а чем хуже загружены мощности, тем дороже обходится энергия. Чем дороже была энергия – тем меньше люди включали свет. В общем, все мечтали разорвать этот порочный круг, но не знали как.

С промышленным же потреблением подобных проблем не было. Электрическая энергия, даже такая дорогая, все равно была самым дешевым видом энергии, доступным производству; при этом энергия от районных сетей оказывалась дешевле энергии от изолированных маленьких электростанций. Единственное, что останавливало фабрикантов от подключения к внешним сетям – малая надежность тогдашнего электроснабжения. Общая недоразвитость техники присвоила к частым блэкаутам; из-за отсутствия релейной защиты на сетях оборудование горело каскадом, так что блэкауты были еще и длительными.

Вся экономика российской электроэнергетики была основана на том, что это умеренно прибыльная (около 6% на вложенный капитал) и очень быстро развивающаяся отрасль. Умеренная прибыль была, естественно, следствием того, что и при таком уровне прибыли спрос еле-еле сходил с предложением, товар пока что был слишком дорогим для рынка, и даже фактические монополисты (как «Общество 1886 года» в Москве) не имели

возможности пользоваться монопольным положением и постоянно снижали цены. Российские деньги в такой бизнес идти не хотели, но зато, как и во всех технически сложных отраслях, сюда охотно шли иностранные деньги. В электроэнергетике эти деньги были преимущественно немецкими. Сети развивались так быстро, что владельцы энергетических компаний не только реинвестировали всю прибыль, но и вкладывали новые средства; таким образом, на том этапе развития отрасль привлекала в Россию самые лучшие по качеству иностранные инвестиции – вложения в акции российских предприятий.

Институциональные проблемы

Построить электростанцию в России было относительно несложно. На всякую электроустановку требовалось разрешение, иногда губернатора, иногда министра внутренних дел, но эти разрешения получались без труда. Сложнее было устроить городскую электросеть. Тут требовалось достижения соглашения с городской управой. Вначале все электросети были концессиями: город бесплатно предоставлял улицы под прокладку сети, за это фиксировал максимальный тариф, получал право через какой-то срок выкупить сеть (по цене, зависящей от ее прибыльности), а через какой-то большой срок (обычно 50–80 лет) сеть переходила в городскую собственность бесплатно. К 1910-м городские самоуправления уже перестали подпускать к электрическому делу частный бизнес, и новые электросети чаще всего были муниципальными. Никто не понимал, нужна ли и полезна ли конкуренция внутри города нескольких электросетей. В Петербурге были 4 независимых частных сети, в Москве — одна (и еще одна муниципальная, чисто трамвайная); но сети развивались так быстро, что проанализировать экономику процесса было сложно. Перед войной правительство обычно запрещало городам предоставлять исключительные концессии на электросети частным фирмам, но в то же время допускало создавать муниципальные электросети с исключительными правами, что было непоследовательно.

Прокладка же электросетей вне городов была просто адской проблемой. «Общество 1886 года» пыталось договориться с Московским губернским земством о прокладке ЛЭП из Богородска

в Москву в полосе отвода земских дорог в течение 5 лет, причем земство проявило запредельные жадность и неумолимость. Наконец, на земство махнули рукой, и проложили ЛЭП через земли сельских обществ. Несколько десятков крестьянских общин – по существу, толпа бородатых полуграмотных мужиков – оказались более вменяемым партнером по переговорам, чем земская управа. Как только единую сеть включили, взбесилось Московское городское самоуправление. В самый разгар войны, при острой потребности оборонной промышленности в энергии, городская управа нашла юридические лазейки и отключила Богородскую электростанцию от московской сети, только чтобы нагадить сетевой компании. Понятно, что такие примеры не вдохновляли других предпринимателей.

Но решение было близко. В старой России действовала отличная, отработанная система выкупа частных земель под прокладку железных дорог. Железная дорога имела право занять частные земли, не ожидая судебных решений, стоимость изымаемого имущества определялась независимой комиссией, и, на практике, определялась справедливо. Теперь надо было только применить эту схему к специфике прокладки ЛЭП. Законопроект дошел до состояния передачи на рассмотрение Думы в войну, и, так как Дума была почти всё время распущена, застрял (а аналогичный закон о телефонных сетях всё же успели принять в 1916 году); никто не сомневался, что проблема скоро будет решена.

Выводы

Итак, мы видим, что у инженеров и инвесторов в 1914 году было достаточно четкое видение дальнейшего развития российской электроэнергетики. Формирование районных сетей (что подразумевает появление ЛЭП и определенное удаление электростанций от потребителей), появление гидроэлектростанций и торфяных электростанций, переключение потребителей с автономными генераторами на сети, падение себестоимости и цены энергии, соответствующее увеличение потребления, появление новых групп потребителей (типа электрических железных дорог). Именно этот набор знаний и прогнозов, вместе с большей частью носителей необходимых

инженерных компетенций, и попал затем в распоряжение молодой Советской власти.

От государства требовалось финансовое участие только в части передачи права на воду для строительства ГЭС, во всех остальных случаях от него требовалось лишь выступить регулятором, создающим необходимые институциональные условия (прежде всего, для прокладки ЛЭП). Проблем с финансированием, как и в любом другом устойчиво растущем и прибыльном бизнесе, не предвиделось. Самое же главное, мало кому тогда казалось, что отрасль требует централизованного планирования, и уж тем более централизованного финансирования. Инициатива инвесторов и способность компаний заключать между собой необходимые финансово-технические союзы представлялись тогда силами, исчерпывающе достаточными для развития энергетики.

Сколько книг издавали и читали в старину: царская Россия и США

При чтении текста, сопоставляющего старую Россию с США, надо понимать, что в 1913 году в России жило 171 млн. человек, а в США 97 (1.76:1).

США

В США в 1912 году было выпущено 10,135 наименований книг; в числе которых 7975 были книги американских авторов. По темам книги распределялись так: философия 321, религия и теология 916, социология и экономика 867, право 862, образование 254, филология 294, наука 695, прикладные знания и технология 674, медицина 495, сельское хозяйство 305, домоводство 110, деловые 210, искусства 243, музыка 93, спорт 132, книги общего назначения 524, поэзия и драма 635, художественные 1010, детские 546, история 524, география и путешествия 504, биографии 581, энциклопедии и разное 107.

Американская статистика определяла титул регистрируемой книги таким образом, как то более удобно делать для нужд комплектации библиотек. В качестве книг регистрировались все издания в твердой обложке и издания в мягкой обложке объемом

более 65 страниц. Но, самое главное, американская статистика, направление которой формировалось библиотечным сообществом, интересовалось только новыми изданиями. То, что регистрировалось в США как книга, скорее всего было такой книгой, которая интересует библиотеку, а так называемые «эфмериды» — театральные буклеты, прейскуранты, отчеты акционерных обществ, мелкие листки и брошюры не учитывались.

Объем продаж книг в 1914 году составил 69 млн \$ (в отпускных ценах издательств), то есть 133 млн рублей.

Россия

В России в 1913 году было зарегистрировано 33.976 наименований книг, в том числе 26.629 на русском языке. По темам книги распределялись так: философия 111, религия и теология 1764, социология 341, право 385, образование 254, медицина 1007, сельское хозяйство 1329, искусства 243, музыка 1300, спорт 247, книги общего назначения 524, поэзия 540, беллетристика 1878, детские 1396, биографии 358.

Общий тираж этих изданий составлял 103 млн экземпляров при стоимости в 39 млн рублей. Заметим, что столь низкая стоимость среднего издания — 35–40 копеек — косвенно показывает, что оно вряд ли было книгой. Поскольку для изданий той эпохи рекомендуемая цена часто обозначалась на обложке (также доступны и прейскуранты книг), то мы знаем, что цена подавляющего большинства книг находилась в диапазоне между 1 и 2.5 рублями.

Несложно заметить, что 34 тысячи названий книг для страны, в которой было менее 200 тысяч лиц с высшим образованием означает, что каждое шестой образованный человек публиковал одну книгу в год. Или, что еще более выразительно, каждый человек с высшим образованием публиковал 5–6 разных книг за всю свою жизнь. Абсурдность такого предположения очевидна. Дело объясняется тем, что российская книжная статистика была сформирована требованиями Главного управления по делам печати МВД (то есть, по существу, цензуры). Ее целью был тотальный контроль над всем, что выходило из-под печатного

станка. Это была скорее статистика печатной продукции, чем книжная статистика. Книгой цензурное ведомство считало любое издание, выходящее из под печатного станка, включая сюда и открытки и плакаты, если они содержали текст, выходящий за рамки простейшей подписи.

Очевидно, что 1300 российских книг по музыке были в подавляющем большинстве программками спектаклей и концертов, а 247 книг по спорту — программами соревнований. Хотя статистика зарегистрировала 979 путеводителей, в каталогах РГБ и РНБ отыскивается не более 200 изданий 1913 года, содержащих в названии слова «путеводитель» и «спутник» — а эти библиотеки формировались за счет «обязательного экземпляра», за отсылкой которого строго следили власти; остальные «путеводители», видимо, были листками с рекламой гостиниц, которые бесплатно раздавали приезжим. Столь же очевидно, что более 300 из 358 опубликованных «биографий» были народными листками с портретом генерала Скобелева и краткими о нем сведениями, покупаемыми крестьянами для украшения изб.

В числе 32 тысяч титулов было 2158 отчетов акционерных обществ и 2120 уставов различных обществ, 615 титулов различных программ и правил. 2506 титулов (и 22 млн. экземпляров из 103 млн. всех изданий) составляли «народные» издания, специализация знаменитого издательства Сытина, являвшиеся преимущественно листками (а часто лубками — своеобразными примитивными комиксами) и брошюрками.

И наконец, российская статистика учитывала все повторные нестереотипные (то есть с новым набором) издания — обычное явление для эпохи высокой печати, когда набор каждой страницы разбирался, а печатная форма переплавлялась сразу же после окончания печати тиража печатного листа (а не тиража всей книги, гартовый сплав для печатных форм был дорог), так что любая допечатка тиража вызывала необходимость повторного набора, за чем следовало повторное представление книги в Управление по делам печати и повторная регистрация.

С учетом всех этих обстоятельств можно определенно утверждать, что количество титулов реальных книг было много

меньшим, чем показывалось в статистических ведомостях МВД; но точно установить насколько именно не представляется возможным.

Сопоставление России и США. Количество изданий

Как то объяснено выше, большое различие в методиках регистрации книг в России и США не позволяет признать книжную статистику хоть сколько-нибудь сопоставимой.

Некоторую сопоставимость с Россией имеет количество записей в официальном Регистре авторских прав (Catalogue of Copyright Entries). Регистр, за взнос в один доллар, принимал контрольный экземпляр любого печатного издания, включая сюда и фотографии, карты и т.д.; книги выделялись отдельной графой. В 1910–1911 годах в Регистр было внесено 24.840 книжных изданий, напечатанных в США. Учитывая, что повторные издания уже не требовали регистрации копирайта, а кое-какие издания (например, программки неповторяющихся концертов) не было нужды защищать копирайтом, даже это число можно признать заниженным по сравнению с охватом российской регистрации полиграфической продукции. Очевидно, например, что какая-то часть из 14.260 иллюстраций и изображений (а именно те, что содержали развернутые тексты и пояснения) были бы зарегистрированы в России как книги.

Таким образом, можно с уверенностью считать, что в США издавалось больше титулов новых книг, чем в России — и не только в относительном, но и в абсолютном выражении.

Сопоставление России и США. Тиражи

Не менее впечатляющей была и разница в тиражах отдельных изданий. Организованной регистрации тиражей отдельных книг не было ни в той, ни в другой стране, однако тема интересовало современников, и по тиражам отдельных выдающихся книг сохранилось достаточно много данных.

Исторический рекорд многотомного издания для России составило знаменитое сытинское собрание сочинений графа Толстого, изданное вскоре после его смерти. Купив права на однократное издание у наследников писателя за 300.000 рублей (современники были поражены гигантской суммой), Сытин

одновременно выпустил 50-рублевый богато оформленный 10-томник тиражом 10.000 экземпляров и дешевое народное 24-томное издание, без обложек и в чрезвычайно убогой полиграфии, распространяемое по дополнительной 10-рублевой подписке к иллюстрированному еженедельнику «Вокруг света», тиражом 100.000 экз. Такое масштабное коммерческое предприятие для того времени признавалось экстраординарным деянием. Тиражи одностомных изданий бывали выше: в 1887 году Сытин ухитрился издать юбилейный 500-страничный том Пушкина тиражом около 1 млн.; но больше такая удача не повторялась. Для популярных, но не доходивших до уровня популярности Толстого писателей, удачей считались тиражи в 5–10 тыс. экземпляров.

Тем временем в США для первой десятки бестселлеров считались нормальными тиражи в 250.000 экземпляров, а рекордные тиражи доходили и до 500.000, совокупные многолетние продажи популярных книг поднимались даже выше миллиона экземпляров. Так, в 1910 году было продано полмиллиона копий романа «Розарий» Флоренс Баркли. И это были только издания одного года, в то время как популярные романы держались десятилетиями. «Полианна» Баркли в 1916 году была напечатана 36-м (за три года) изданием (sic!) 360-тысячным тиражом. Чемпионом, скорее всего, был роман Кейт Уигглет «Ребекка с фермы Саннибрук», продажи которого в 1903 году составили 1.360.000 экземпляров.

Примечательно, что многие сочинения российских писателей оказались долговечными, чего нельзя сказать об их американских современниках. Все десятки лучших бестселлеров 1910-х годов, равно как и их авторы, к настоящему времени прочно забыты. Хит 1911 года — высоконаравственный роман Уинстона Черчилля (тезка британского политика) «Внутренняя сторона чашки», рассказ о проповеднике, который от религиозности постепенно переходит к социальному реформаторству, полностью изгладился из памяти людской. Книги же Льва Толстого продолжают и продолжают издаваться. Хотя, надо признаться, от его славы других знаменитейших писателей той эпохи — для примера Арцыбашева, Лейкина или Боборыкина — тоже мало что осталось.

Не менее интересно, что американские издатели совершенно не умели предсказывать продажи. Издание печатали обычным тиражом для хорошо расходящегося романа — 10–20.000 экземпляров — и, по мере успеха книги, выпускали все новые и новые издания. У бестселлеров в первый год издания случалось по 20–40 (sic!) изданий, причем не стереотипных — сохранять набор высокой печати для следующего тиража было непрактично и дорого. Ничего подобного в России не происходило; ориентировочно, пятое издание считалось громким успехом.

Дополнительные сопоставления

Американцам размах их книгоиздания казался скромным. В тот же год в Британии было выпущено 10.914 новых книг, во Франции 11.652 названия, а Германия — без всякого сомнения самая «книжная» страна той эпохи — издала 31.280 титулов книг. Разумеется, следует осознавать, что все эти данные были собраны по различным методикам и, возможно, столь же не сопоставимы, как и российские и американские.

Выводы

Несовместимость и неполнота имеющийся статистики не позволяют сделать какие-либо сопоставления с твердыми численными выводами. Однако же и этих фрагментарных данных достаточно для того, чтобы нарисовалась цельная, пусть и недостаточно четкая, картина.

По всей видимости, пул потенциальных читателей книг в США и в России приблизительно соответствовал количеству людей, имеющих среднее и высшее образование. В США образования ниже среднего просто не существовало (хотя, разумеется, существовало множество людей, не учившихся в школе, или бросивших школу на полдороге). В России же следующая за средней школой ступенька — шестилетнее городское училище — была чуть примитивна для того, чтобы ее ученики самостоятельно читали, а более массовая низшая школа (с трех-четырёхлетним курсом) и вовсе еле-еле прививала простейшие навыки грамотности.

Текущий поток выпускников средних и высших школ был в США, в относительных цифрах, в 8–10 раз выше, чем в России;

накопленный же пул людей с высшим и средним образованием превосходил российский в 12–15 раз. Следовательно, и потенциальных читателей в Америке было в 10–12–15 раз больше (опять же, в относительных цифрах).

Но, однако же, американские читатели сильно отличались от приверженных к книге немцев. Их ум был более захвачен текущими новостями — то есть газетами и журналами —, чем книгами. Американцы прочитывали в год более 40 млрд выпусков газет и около 40 млн книжек журналов, а это уже было как минимум на порядок больше, чем их издавалось в России. Обеспеченность ежедневными газетами уже дошла до одного экземпляра на домохозяйство — в России она к тому времени еще не добралась до одного экземпляра на деревню.

Вторая особенность состояла в том, что россияне, в отличие от американцев, традиционно были более писателями, чем читателями. Наиболее очевидное объяснение состоит в том, что книги пишут преимущественно люди с высшим образованием, а читают также и люди со средним образованием. В России структура образования имела форму обратной пирамиды — людей с высшим образованием к началу Первой мировой войны выпускалось больше, чем оставалось выпускников средней школы, не поступивших в высшую. Таким образом, на одного сочинителя в России приходилось меньше читателей, что приводило к меньшим тиражам книг при относительно большом количестве наименований.

Есть все основания думать, что американцы, в относительных числах, выпускали в 2–3 раза больше наименований книг, и, благодаря более высоким тиражам, читали как минимум в 4–5 раз больше.

При этом на каждого американца со средним и высшим образованием приходилось меньше прочитанных книг, чем на образованного россиянина (образованных американцев было в 10 раз больше) однако это полностью компенсировалось тем, что во всякой семье, кроме самых социальных низов, читали ежедневную газету, а во всякой интеллигентной семье — как минимум пару газет и журнал. Разумеется, данные оценки являются

глазомерными, и вряд ли когда-нибудь мы сможем получить более точные сведения.

Краткая история рабочего времени в СССР

Этот пост о том, что знает каждый и что все позабыли: о регулировании рабочего времени. Кто из читателей слышал от предков (а не прочитал в книжке), что до 1940 года была рабочая шестидневка с фиксированными по числам днями отдыха, приходящимися на разные дни семидневной недели? Мало кто. А ведь в 1940 году это знала каждая собака. Так плохо работает народная память и плохо пишется устная история.

При проклятом царизме

Царская регуляция рабочего времени относилась, при некоторых исключениях, лишь к промышленным рабочим (и то так называемым цензовым, то есть с исключением мельчайших предприятий) и горнорабочим. Рабочий день был ограничен 11.5 часами, предполагалась стандартная семидневная рабочая неделя с одним днем отдыха в воскресенье, при этом перед воскресеньями и праздниками предусматривался 10-часовой

рабочий день (так называемые канунные дни). Праздников, приходящихся на любой день недели, было 13, кроме того, еще 4 праздника всегда приходились на будние дни. Оплачиваемый отпуск не предусматривался. Таким образом, на средний невисокосный год приходилось 52.14 воскресенья, 4 праздника, всегда приходящихся на будни, и еще 11.14 праздничных дня, попавших не на воскресенье, итого в году получалось 297.7 рабочих дней. Из них 52.14 были субботними, а еще 7.42 создавались подвижными праздниками, не прилипшими к воскресенью. Итого, 59.6 рабочих дней было короткими, и 238.1 длинными, что дает нам **3334** нормативных рабочих часа в году.

На самом деле, в промышленности работать так много никто уже не был согласен, да и фабриканты понимали, что люди будут трудиться эффективнее, если предоставить им больше времени для отдыха. В среднем в начале Первой мировой войны на заводах работали 275–279 дней в году, по 10–10.5 часов (различные исследования давали разные результаты), что дает нам приблизительно **2750 — 2930** часов в год.

Временное правительство. Ранняя Советская власть: военный коммунизм и НЭП

Временное правительство с мая 1917 года попало в руки социалистов, десятилетиями обещавшими трудящимся восьмичасовку. Социалисты не изменили свой курс, то есть продолжали обещать восьмичасовку в неопределенном будущем, которое (для Временного правительства и эсеров) так и не наступило. Всё это имело мало значения, ибо промышленность разваливалась, а рабочие обнаглели и не слушались начальства; к концу лета 1917 года по факту никто не работал более 5–6 часов в день (ну а выработка была такая, как если бы работали 3–4 часа).

Уже 29 октября 1917 года большевики выполнили один из главных пунктов своей дореволюционной программы — особым декретом провозгласили восьмичасовой рабочий день, то есть получилась **семидневная неделя с одним выходным днем и с восьмичасовым рабочим днем**. Кодекс законов о труде 1918 года еще более расширил эти положения. Был введен месячный оплачиваемый отпуск; а между окончанием рабочего дня в субботу и началом в понедельник должно было быть 42 часа, что при

односменной работе с обеденным перерывом давало пятичасовой рабочий день в субботу; перед праздниками рабочий день сокращался до 6 часов. Количество праздников уменьшилось до 6, все на твердую дату, это были знакомые нам Новый год, 1 мая (день Интернационала) и 7 ноября (день Пролетарской революции) и совсем незнакомые: 22 января (день 9 января 1905 года (sic!)), 12 марта (день низвержения самодержавия), 18 марта (день Парижской Коммуны).

При методике расчета, показанной выше, в средний год, с учетом отпуска и сокращенных дней, выходило **2112** часов, на 37% меньше, чем по царскому Уставу о промышленности, на 25% меньше, чем в царской России работали реально. Это был большой прорыв, если бы не одно неприятное обстоятельство: реальная промышленность не работала вообще, рабочие разбежались из городов и помирали с голоду. На фоне таких событий писать в законе можно было что угодно, только бы немножко порадовать опорный класс.

Так как народ той эпохи был еще сильно привержен религиозным праздникам, но упоминать это в законе большевикам было неприятно, их переименовали в особые дни отдыха, каковых полагалось 6 в году. Дни назначались на любые даты по усмотрению местных властей; если эти дни оказывались религиозными праздниками (что неизменно и происходило в действительности), то их не оплачивали; поэтому мы не включаем добавочные праздники в наши расчеты.

В 1922 году промышленность начала потихоньку оживать, а большевики потихоньку одумываться. По КЗоТу 1922 года отпуск был сокращен до 14 дней; если на отпуск приходились праздники, он не удлинялся. Это увеличило годовую норму рабочего времени до **2212** часов в год.

С этими нормами, достаточно гуманными для эпохи, страна и прожила весь НЭП. В 1927–28 годах 1 мая и 7 ноября получили второй добавочный выходной день, что уменьшило рабочий год до **2198** часов.

Кстати, большевики на этом не остановились и обещали народу большее. Торжественный юбилейный «Манифест ко всем

рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам Союза ССР, к пролетариям всех стран и угнетенным народам мира» 1927 года обещал в скорейшем времени переход на семичасовой рабочий день без уменьшения оплаты труда.

Великий перелом и первые пятилетки

В 1929 году большевиков, на фоне происходящего Великого перелома, обуяла страсть к экзотическим экспериментам с сфере регулирования рабочего времени. В 1929/30 хозяйственном году страну начали энергично переводить на **непрерывную рабочую неделю с одним плавающим выходным днем в пятидневку и семичасовым рабочим днем (НПН)**.

Это была самая странная реформа табель-календаря, которую только можно представить. Связь семидневной недели и трудового расписания была полностью прервана. Год был разделен на 72 пятидневки и 5 постоянных праздников (22 января, теперь называвшееся Днем В.И.Ленина и 9 января, двухдневное 1 мая, двухдневное 7 ноября). День низвержения самодержавия и день Парижской Коммуны были отменены и забыты народом навсегда. Новый год стал рабочим днем, но остался в народной памяти. Дополнительные неоплачиваемые религиозные праздники также были отменены навсегда.

Ни один день в пятидневке не был общим выходным, трудящиеся разделялись на пять групп, для каждой из которых выходным был один из пяти дней по очереди. Рабочий день стал семичасовым (это обещалось ранее, но никто не ожидал, что семичасовка придет вместе с такой путаницей). Отпуск был зафиксирован как 12 рабочих дней, то есть сохранил продолжительность. Минимальная продолжительность воскресного отдыха была уменьшена до 39 часов, то есть канунные дни при односменной работе исчезли.

Всё это привело к тому, что в году теперь было 276 7-часовых рабочих дней, дававших **1932** рабочих часа в год.

Пятидневку ненавидели и в народе, и на производстве. Если у супругов день отдыха приходился на разные дни пятидневки, они не могли встретиться друг с другом в выходной день. На заводах же, привыкших к закреплению оборудования за определенными

рабочими и бригадами, теперь на 4 станка приходилось 5 рабочих. С одной стороны, эффективность использования оборудования теоретически увеличивалась, но на практике произошла также и потеря ответственности. Всё это привело к тому, что пятидневка продержалась недолго.

С 1931 года страну начали переводить на **шестидневную рабочую неделю с пятью фиксированными днями отдыха в месяц и семичасовым рабочим днем**. Связь рабочей недели и семидневки по-прежнему была потеряна. В каждом месяце выходными были назначены 6, 12, 18, 24 и 30 числа (а значит, кое-какие недели на самом деле были семидневными). От праздников по-прежнему оставались 22 января, двухдневный Первомай и двухдневные Ноябрьские.

При шестидневке в году оказалось 288 рабочих дней по 7 часов, что давало **2016** рабочих часов. Большевики признали, что рабочий день увеличен, но клялись пропорционально (на 4.3%) увеличить и оплату труда; на практике это не имело значения, так как цены и зарплаты в ту эпоху росли очень быстро.

Шестидневка смогла несколько уменьшить чертову путаницу с табель-календарем и более или менее (по факту, на нее перевели около половины трудящихся) прижилась. Так, с довольно коротким номинальным рабочим днем, страна прожила первые пятилетке. Надо, разумеется, понимать, что в действительности картина была не столь радостной — типичная для эпохи штурмовщина обеспечивалась за счет непрерывных и длительных сверхурочных работ, которые из неприятного исключения постепенно стали нормой.

Зрелый сталинизм

В 1940 году эпохе относительно либерального трудового права настал конец. СССР готовился к завоеванию Европы. Уголовные наказания за опоздания, запрет на увольнение по собственному желанию — разумеется, эти меры выглядели бы странно без сопутствующего увеличения трудовой нагрузки.

С 1940 года была введена **семидневная неделя с одним выходным днем и с восьмичасовым рабочим днем**. Праздничных дней стало 6, к старым праздникам добавился день

Сталинской Конституции, 5 декабря. Укороченные предпраздничные дни, сопровождавшие семидневку до 1929 года, не появились.

Теперь в году оказалось **2366** рабочих часов, аж на 17% больше, чем ранее. В отличие от предшествующих эпох, власти не извинялись по этому поводу перед народом и ничего не обещали. С этим простым и понятным календарем, давшим исторический максимум (для СССР) рабочего времени, страна прожила до полной гибели сталинизма в 1956 году. В 1947 году, на фоне общего возврата к национальной традиции, праздничный день 22 января заменили на Новый год.

Хрущевская и брежневская эпохи

В 1956 году справившийся с сопротивлением элит Хрущев открыл новую страницу — трудовое право снова резко смягчилось. С 1956 года страна перешла на **семидневную рабочую неделю с одним выходным днем и с семичасовым рабочим днем**; на практике переход занял 3–4 года, но зато он был полным. Кроме семидневки, страна получила новое смягчение — все предвыходные и предпраздничные дни были сокращены на два часа. Праздники остались те же.

Это привело к резкому сокращению рабочего времени, в году теперь было **1963** рабочих часа, на 17% менее. В 1966 году к праздникам добавились знакомые нам 8 марта и 9 мая, что сократило рабочий год до **1950** часов, то есть почти что до времен полузабытой пятидневки.

И наконец, в 1967 году, уже при Брежневе, произошла самая принципиальная из реформ, давшая знакомую всем нам сегодня форму рабочего расписания: была введена **семидневная рабочая неделя с двумя выходными днями и восьмичасовым рабочим днем**. Хотя рабочая неделя имела 5 рабочих дней по 8 часов, ее продолжительность составляла 41 час. Этот лишний час складывался, и образовывал за год 6–7 ненавистных народу черных (то есть рабочих) суббот; на какие именно дни они приходились, решали ведомства и местные власти.

Продолжительность рабочего года немного выросла и составляла теперь **2008** часов. Но народу реформа все равно нравилась, два выходных — сильно лучше, чем один.

В 1971 году был принят новый КЗоТ, содержащий одну приятную новацию: отпуск был увеличен до 15 рабочих дней. Теперь в году было **1968** рабочих часов. С этим трудовым правом Советский Союз и доехал до своего распада.

Для справки: сегодня, благодаря сокращению рабочей недели до 40 часов, увеличению отпуска до 20 рабочих дней, а праздников до 14 дней, которые всегда приходятся не на выходные, мы работаем **1819** часов в средний невисокосный год.